Природа и человек

На Крайнем севере.

56228

Д-ръ Георгъ Гартвигъ.

ПРИРОДА и ЧЕЛОВѢКЪ
НА
КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ.

(Der hohe Norden im Natur=und Menschenleben).

СЪ 8-Ю ГРАВЮРАМИ,

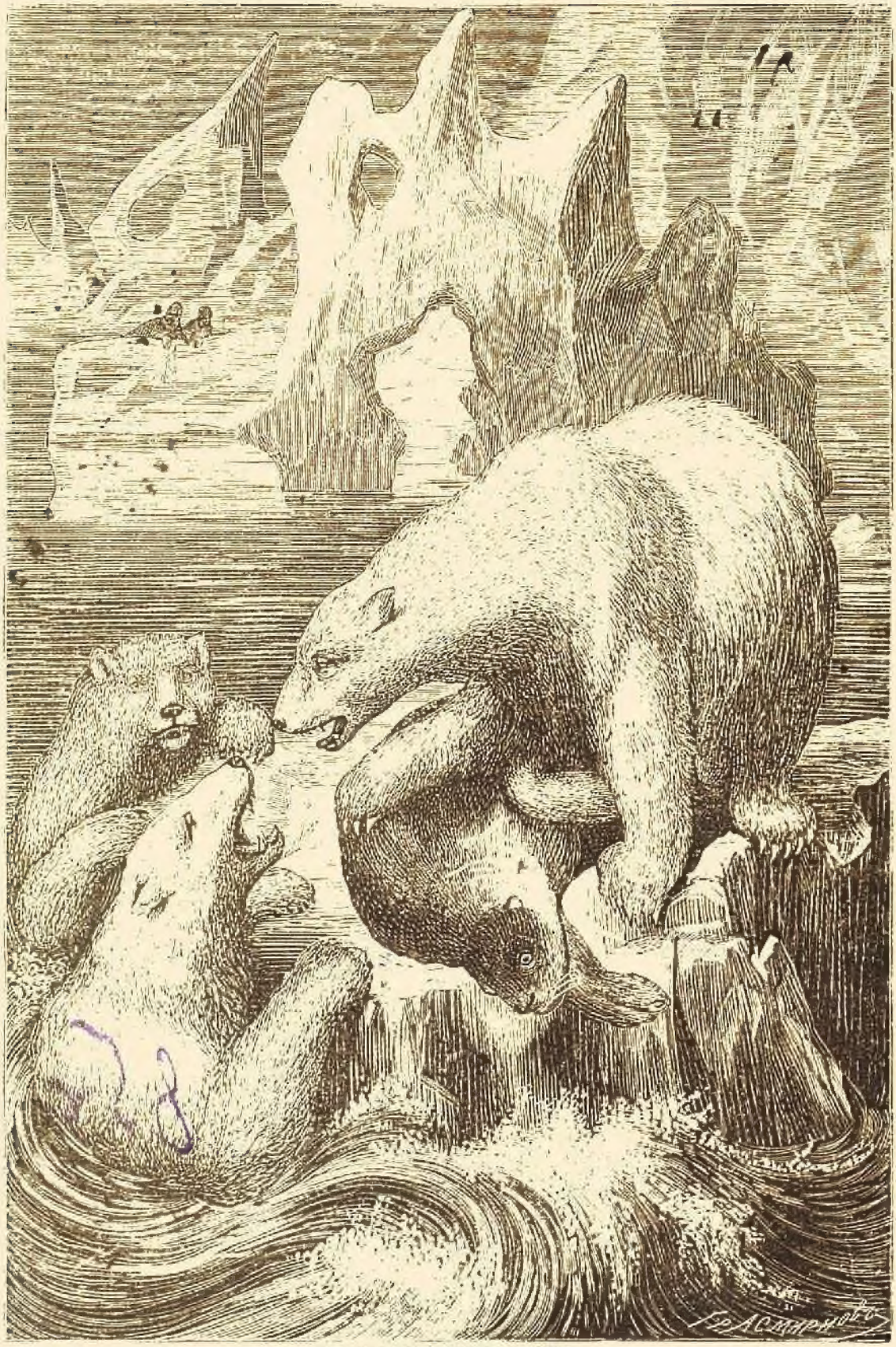
рѣзанными на деревѣ А. К. Смирновымъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

П. А. ФЕДОРОВА.

Инв. № 248604
Инв. № 2354
3433
Библиотека ... центр. ... г. Тюмень
Д—30
37г.
85к

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призрѣнія Малол. Бѣдныхъ. Лиговская ул., 26.
1897.



БѢЛЫЕ МЕДВѢДИ.

Гренландскій Тюлень.

Дозвол. цензур. Спб 20 Авг. 1896 г. *Тип. Д. призр. мал. бѣдн. Лит., 26*

91
Г 20

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Сѣверныя страны, особенностью своей природы и оригинальнымъ бытомъ своихъ обитателей, всегда привлекали на себя вниманіе любителей путешествовать; дѣйствительно, если неизвѣданныя страны жаркаго пояса манятъ къ себѣ путешественниковъ, прельщая роскошною флорою тропическаго климата или знойными пустынями, то огромное пространство арктическихъ земель много разъ видало на своемъ лонѣ отважныхъ мореплавателей, стремившихся извѣдать ихъ, полныя нѣмого ужаса, тундры, ихъ одинокіе малообитаемые острова, ихъ величественныя ледяныя горы, избороздившія огромный океанъ, гордо воздымаясь изъ необозримыхъ водъ,— словомъ, все протяженіе этой необъятной полосы, охватившей собою значительную часть земного шара, всегда находило себѣ неутомимыхъ изслѣдователей, давая широкій просторъ ихъ геройству, ихъ настойчивости, ихъ выносливости.

Такимъ образомъ, литература путешествій изобилуетъ описаніями странствованій смѣлыхъ мореплавателей по холоднымъ водамъ Ледовитаго океана, по его островамъ и побережнымъ тундрамъ; литература эта представляетъ собою богатый матеріалъ для занимательнаго чтенія, въ которомъ талантливости автора на литературномъ поприщѣ всегда является важнымъ подспорьемъ самый интересъ, оригинальность и необычайность сюжета, идетъ-ли рѣчь о природѣ арктитескихъ странъ, или-же о нравахъ и обычаяхъ ихъ необыкновенно замѣчательныхъ обитателей, — такъ-что даже при недостаточной литературной талантливости автора разсказъ его все-таки становится болѣе или менѣе увлекательнымъ для каждаго любознательнаго читателя, охотно извиняющаго путешественнику, быть можетъ, несовсѣмъ полную образность и картинность его описаній, нѣкоторую отрывочность повѣствованія и т. п., такъ-какъ все это вполнѣ окупается положительными достоинствами сочиненія,— богатствомъ и разнообразіемъ его содержанія. Поэтому-то столь богатая литература по географіи и этнографіи странъ арктическаго пояса все болѣе и болѣе обогащается новыми вкладами изслѣдователей и всегда находитъ себѣ внимательныхъ читателей въ средѣ людей, интересующихся столь любопытными во всѣхъ отношеніяхъ странами и тѣми приключеніями, которыя такъ сильно искушаютъ и мужество, и твердость воли, и желѣзныя натуры путешественниковъ по водамъ, островамъ и побережью Ледовитаго океана, противопоставляя ихъ геройскимъ подвигамъ жестокую и неумолимую суровость и климата, и природы, и безлюдья.

Мы уже отмѣтили положительныя достоинства, присущія каждому изъ такихъ описаній и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эти сочиненія находятъ себѣ значительное распространеніе среди интеллигентныхъ читателей; теперь мы укажемъ и на недостатки, присущіе не только которому-нибудь одному изъ нихъ,

или даже большинству, но всѣмъ имъ вообще, по самой ихъ сущности.

Именно, во-первыхъ, изслѣдованіе одного какого-нибудь путешественника или даже какой-нибудь партіи ихъ, само собою разумѣется, представляетъ всегда лишь малую лепту, вкладываемую въ сокровищницу трудовъ прочихъ изслѣдователей. Одинъ человѣкъ въ состояніи охватить лишь ничтожную долю столь огромнаго пространства и то представленіе, которое онъ можетъ обрисовать въ своемъ описаніи, будетъ прежде всего несистематично и отрывочно, не смотря на всю занимательность и даже увлекательность разсказа. Во-вторыхъ, наблюденія, единичныя или сдѣланныя даже и цѣлой группой совмѣстно, уже въ силу самой природы вещей не могутъ отличаться ни положительною точностью, ни полною вѣрностью, — двумя основными началами на которыхъ зиждется всякое изученіе вообще, а изученіе географіи и этнографіи въ особенности.

Эти-то несомнѣнные недостатки всѣхъ путешествій и придаютъ особенную цѣнность ихъ группировкѣ, ихъ общей совокупности, въ которой всѣ отдѣльныя данныя и группируются въ систематичный порядокъ и не только расширяются колоссальнѣйшимъ образомъ въ своемъ количествѣ, могущемъ сразу охватить все огромное пространство арктическихъ странъ, но и провѣряются одно другимъ, пріобрѣтая столь драгоцѣнную въ этомъ дѣлѣ точность и вѣрность наблюденій. Такимъ образомъ, это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ распространеніе описаній тѣхъ или иныхъ путешествій и при всякомъ появленіи новыхъ трудовъ въ этой обширной области, побуждаетъ желать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ еще и еще новыхъ изслѣдованій, которыя могли-бы пополнить и провѣрить настоящее, проливая болѣе яркій свѣтъ на невѣдомыя и въ высшей степени любопытныя страны.

Но можетъ-ли человѣкъ слѣдить за всею литературою арктическихъ путешествій, столь богатою въ своей

численности? Разумѣется, это доступно лишь спеціалистамъ, посвятившимъ себя всецѣло на изученіе этого дѣла, а не для публики, для той массы людей, которые живо интересуются географіей и этнографіей, но посвящаютъ имъ лишь свои недолгіе досуги.

Въ этомъ отношеніи и является потребность систематичныхъ и обстоятельныхъ компиляцій изъ огромной литературы арктическихъ изслѣдованій, столь занимательной и любопытной, но въ то-же время и столь необъятной. Въ этихъ компиляціяхъ интересующійся читатель найдетъ все то, что важно и любопытно знать о странахъ арктическаго пояса и не въ видѣ отдѣльныхъ наблюденій и единичныхъ впечатлѣній, а въ видѣ систематичной и полной совокупности общихъ мнѣній, общаго голоса.

Къ числу такого рода книгъ принадлежитъ и книга д-ра Георга Гартвига, уже составившая себѣ почетную извѣстность на своей родинѣ, въ Германіи, и небезъизвѣстная у насъ, въ Россіи, по существовавшему старому ея переводу, давно уже вышедшему изъ продажи. Здѣсь читатель найдетъ и обстоятельный общій обзоръ полярныхъ странъ, и характеристику ихъ особенностей въ отношеніи фауны, флоры, населенія и природы вообще, и детальное систематичное описаніе всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ областей и даже отдѣльныхъ пунктовъ, нанесенныхъ на карту неутомимыми изслѣдователями до новѣйшаго времени. Авторъ, большой знатокъ литературы арктической географіи, съ чисто нѣмецкою пунктуальностью и аккуратностью нарисовалъ передъ нами обстоятельную картину природы и быта на крайнемъ сѣверѣ, очень умѣло и достаточно толково почерпая наиболѣе любопытныя и характерныя данныя въ трудахъ и изслѣдованіяхъ полярныхъ мореплавателей, такъ-что почти каждый изъ нихъ, можно сказать, внесъ свою посильную лепту и въ общемъ получилось сочиненіе, представляющее собою полезную книгу, разумѣется, ничуть неисключающую значеніе отдѣльныхъ

монографій въ этой области, но служащую необходимымъ къ нимъ дополненіемъ, будутъ-ли то новыя изслѣдованія уже извѣстныхъ по краткимъ очеркамъ странъ, или же такихъ областей, куда еще не ступала нога цивилизованнаго человѣка, и гдѣ, быть можетъ, лишь моржи и тюлени, да стаи полярныхъ птицъ, гнѣздящихся на обнаженныхъ скалахъ, лишь на короткое арктическое лѣто оживляютъ унылую и величественную окрестность.

Предоставляя благосклонному читателю самому оцѣнить предлагаемую книгу д-ра Гартвига по достоинству, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что сдѣланный нами новый переводъ ея по послѣднему нѣмецкому изданію, значительно обработанному и дополненному авторомъ, какъ и прежній, заслужитъ вниманіе русской публики и принесетъ хотя малую долю пользы тѣмъ людямъ, кто интересуется бытомъ и природою крайняго сѣвера,—странъ холоднаго и непривѣтливаго арктическаго пояса, о которыхъ очень многіе имѣютъ лишь самое смутное понятіе по воспоминаніямъ изъ школьной географіи или-же по отрывочнымъ, хотя, быть можетъ, и увлекательнымъ разсказамъ того или другого изъ геройскихъ полярныхъ мореплавателей, непощадившихъ на свои географическія изслѣдованія ни труда, ни здоровья, ни жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Общій обзоръ полярныхъ странъ.—Тундра и лѣсъ.

Тундра или безлѣсная пустыня.—Границы и характеръ.—Жизнь животныхъ на тундрѣ лѣтомъ.—Тундра зимою.—Теплый снѣжный покровъ.—Растительность тундры.—Переходъ тундры въ лѣсъ.—Лѣсная область.—Общій характеръ и главнѣйшія различія отъ тропическаго лѣса 1

ГЛАВА II.

Сѣверный олень.—Лось.—Пахучій быкъ.—Рысь.

Сравненіе сѣвернаго оленя съ верблюдомъ.—Описаніе сѣвернаго оленя.—Ручной и дикій сѣверный олень.—Польза, приносимая сѣвернымъ оленемъ.—Враги сѣвернаго оленя.—Россомаха.—Оводы.—Лось.—Пахучій быкъ.—Рысь 8

ГЛАВА III.

Ледовитое море.—Сѣверное сіяніе.

Первый мореплаватель.—Ледяныя пространства.—Ледяныя горы.—Отблескъ льда.—Туманъ.—Миражи.—Сѣверное сіяніе 16

ГЛАВА IV.

Органическая жизнь Ледовитаго моря.

Богатство моря.—Гренландскій китъ.—Тюлень.—Нарвалъ.—Дельфины.—Моржъ.—Материнская любовь у моржа.—Бѣлый медвѣдь.—Приключенія съ бѣлыми медвѣдями.—Морскія птицы 23

ГЛАВА V.

Шпицбергенъ.—Медвѣжій островъ.—Янъ-Майенъ.

Романтическіе берега.—Опасное восхожденіе Скорезби.—Величественная панорама.—Дорогая находка мертваго кита.—Бухта Магдалины.—Безконечныя стаи морскихъ птицъ.—Животная жизнь.—Шпицбергенскіе ледники.—Громадные обломки льда.—Открытіе Шпицбергена.—Большая смертность прежнихъ китолововъ.—Первая

зимовка на Шпицбергенѣ.—Русскіе моржебойцы.—Шаростинъ.—Норвежскія и Датскія экспедиціи на Шпицбергенъ.—Охоты на моржа на Медвѣжьемъ островѣ.—Жизнь растеній.—Грустныя испытанія.—Посѣщеніе Мармы.—Янъ-Майенъ 35

ГЛАВА VI.

Новая Земля.

Карское море.—Климатическое различіе восточнаго и западнаго береговъ Новой Земли.—Путешествіе Вахтусова вдоль восточнаго берега.—Умершіе отъ голода.—Самоѣды.—Научное путешествіе Бера на Новую Землю.—Ктенфоры Карскаго моря.—Приключеніе въ Маточкиномъ шару.—Буря въ Костиномъ шару.—Морское купанье и крестъ.—Счастливое возвращеніе.—Ботаническія свѣдѣнія.—Естественный садъ на Новой Землѣ.—Чувство одиночества.—Тишина.—Птичій базаръ.—Русскіе на Новой Землѣ еще до Баренца.—Ежегодныя русскія экспедиціи на Новую Землю.—Охота на гусей на Колгуевѣ. 50

ГЛАВА VII.

Лапландцы.

Тромздаль.—Стадо сѣверныхъ оленей и ихъ пастухи.—Лапландское лѣтнее жилище.—Колыбель.—Конгрессъ карликовъ.—Доеніе сѣверныхъ оленей.—Гамме.—Малочисленность Лапландцевъ.—Ихъ постепенное вымираніе.—Ихъ исторія и обращеніе въ христіанство.—Духовенство въ Лапландіи.—Суевѣріе Лапландцевъ.—Горные, лѣсные Лапландцы и рыбаки.—Путешествіе на лыжахъ и саняхъ.—Охота на медвѣдей.—Образъ жизни Лапландцевъ-рыбаковъ на Энарскомъ озерѣ. 64

ГЛАВА VIII.

Маттіасъ Александръ Кастренъ.

Первые этюды.—Путешествіе въ Лапландію въ 1838 г.—Величественная природа на Ивайлойоки.—Озеро Энара.—Прогулка по болотамъ.—Плаваніе отъ Рованіеми до Кеми.—Второе путешествіе 1841 г.—Лапландская поѣздка на саняхъ.—Кемскіе раскольники.—Буря и страданія на Бѣломъ морѣ.—Варварскіе рыбаки.—Мезенская тундра.—Всеобщее пьянство на Сомжѣ.—Зимняя поѣздка въ Пустозерскъ.—Самоѣдскій учитель.—Буря въ тундрѣ.—Одиночество.—Пустозерскъ.—Преслѣдованія въ Устьсысольскѣ и Ижемскѣ.—Жалкая хижина.—Князь Урала.—Обдорскъ.—Второе сибирское путешествіе 1845—1848 г.—Обь.—Туруханскъ.—Поѣздка къ Енисею.—Ученый кабинетъ въ Плахинѣ.—Отъ Дудинки до Толстаго Носа.—Отмороженныя ноги.—Возвращеніе на югъ.—Замерзъ на Енисеѣ.—Чудесное спасеніе.—Саянскіе горы.—Соботы.—Экскурсія въ Китай.—Нижнеудинскъ.—Болѣзнь.—Буряты.—Мудрость ламъ.—Пендакъ Банпиловъ.—Возвращеніе на родину.—Профессура въ Гельсингфорсѣ.—Смерть 80

ГЛАВА IX.

Самоѣды.

Невѣжество самоѣдовъ.—Шаманство.—Одежда и барабанъ шамановъ.—Самоѣдскіе идолы.—Идолъ на Вайгачѣ.—Духи.—Заклинаніе духовъ.—Шаманъ у постели больного.—Какъ дѣлаются шаманами?—Торжественная присяга.—Наружный видъ и характеръ самоѣдовъ.—Одежда.—Самоѣдская свадьба.—Мрачный взглядъ самоѣда на жизнь.—Число самоѣдовъ 98

ГЛАВА X.

Остяки.

Что такое Обь?—Обильіе рыбы.—Наводненія.—Лѣтняя остякская юрта.—Бѣдность остякскихъ рыбаковъ.—Русская кредитная система.—Зимняя юрта.—Недовѣрчивость и упрямство остяковъ.—Остякскій князь и его семейство.—Стрѣльба изъ лука.—Неуваженіе къ женщинамъ.—Физіономія и характеръ остяковъ.—Нечистота.—Обдорскъ.—Число остяковъ 108

ГЛАВА XI.

Покореніе Сибири.—Путешествія на Сѣверъ.

Царь Іоаннъ Грозный.—Ермакъ Тимофѣевичъ и его походъ въ Сибирь.—Битва подъ Тобольскомъ.—Покореніе Сибири.—Завоеванія русскихъ до Охотскаго моря.—Экспедиція Семена Дежнева.—Состояніе туземцевъ Сибири подъ русскимъ владычествомъ.—Прончищевъ.—Арктическая путешественница.—Братья Лаптевы.—Шалауровъ.—Открытія въ Беринговомъ морѣ и Тихомъ океанѣ.—Леховскіе острова.—Биллингсъ.—Горячіе источники въ землѣ Чукчей.—Путешествіе Геденштрема въ Новую Сибирь.—Деревянныя горы.—Взглядъ на прошедшее 118

ГЛАВА XII.

Сибирь.

Обширная страна земного шара.—Рѣдкое населеніе.—Въ произведеніяхъ нѣтъ недостатка.—Ссыльные.—Меншиковъ.—Долгорукій.—Минихъ.—Преступники.—Вольный сибирскій хлѣбопашецъ.—Сибирскіе холода.—Какъ ихъ выноситъ человѣкъ?—Байкалъ 133

ГЛАВА XIII.

Сибирскій торгъ мѣхами.

Соболь.—Горностай.—Кулонокъ.—Морской боберъ.—Чернобурая лисица.—Рысь.—Бѣлка.—Бурундукъ.—Заяцъ.—Суслякъ.—Значеніе

торговли пушнымъ товаромъ для сѣверныхъ странъ.—Какъ ведется эта торговля?—Торговля съ Китаемъ.—Кяхтинская ярмарка 142

ГЛАВА XIV.

Таймурская земля.—Миддендорфъ.

Зачѣмъ Миддендорфъ поѣхалъ въ Таймурскую землю?—Затрудненія и препятствія.—Достигли Ледовитаго моря.—Буря на Таймурскомъ озерѣ.—Лодка погибла.—Миддендорфъ одинъ подъ 75° с. ш.—Благодарные самоѣды спасли его.—Путешествіе къ Охотскому морю и обратный путь вдоль Китайской границы.—Климатъ и растительность Таймурской земли 150

ГЛАВА XV.

Якуты.

Живучесть якутской національности.—Происхожденіе.—Лѣтнія и зимнія жилища.—Якутская лошадь.—Невѣроятная привычка якутовъ къ холоду.—Ловкость въ ремеслахъ.—Кинжалы, кожи и ковры.—Якутскіе обжоры.—Суевѣрный страхъ.—Якутская рѣчь.—Береговой якутъ 160

ГЛАВА XVI.

Врангель.

Путешествіе Врангеля.—Отъ Петербурга до Якутска.—Красота Лены.—Плаваніе черезъ пороги.—Сто разъ повторяющееся эхо.—Якутскъ.—Крайности холодовъ и жаровъ.—Путешествія съ торговою цѣлью якутскихъ купцовъ.—Зашиверскъ.—Бадараны.—Нижне-Колымскъ.—Описаніе страшнаго климата.—Люди и собаки.—Голодъ.—Юкагирскія охоты на сѣверныхъ оленей.—Любовь у проруби.—Первая поѣздка къ Шелагскому мысу по замерзшему морю (1821).—Страшное положеніе.—Экспедиція Матюшкина въ Ледовитое море (1822).—Послѣднее приключеніе на полярномъ морѣ (1823).—Возвращеніе въ Петербургъ 168

ГЛАВА XVII.

Золотые промыслы Восточной Сибири и Урала.—Нижне-Тагильскъ.

Тайга.—Первые, нашедшіе здѣсь золото.—Расходы и труды при развѣдкахъ.—Расходы по промывкѣ золота.—Богатая добыча нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ.—100 пудовъ золота Никиты Мясникова.—Общій доходъ съ золотыхъ пріисковъ.—Безсмысленная роскошь нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ.—Страсть къ шампанскому.—Золото на Уралѣ.—Яковлевъ и Демидовъ.—Нижне-Тагильскъ . 183

ГЛАВА XVIII.

Тунгусы.

Родство Тунгусовъ съ Манджурами. — Оленеводы, собаководы, скотоводы, коневоды, лѣсные и береговые Тунгусы.—Тунгусскій охотникъ.—Кочевники душой и тѣломъ.—Характеръ Тунгусовъ.—Одежда.—Лыжи.—Жилище.—Пища.—Шаманство.—Похороны.—Наказаніе соблазненной.—Бивакъ Тунгусовъ.—Ловкость въ тѣлесныхъ упражненіяхъ.—Шахматная игра.—Охотскъ 191

ГЛАВА XIX.

Георгъ Вильгельмъ Стеллеръ

Рожденіе и его юность.—Вступаетъ врачемъ въ русскую службу.—Ученое путешествіе въ Камчатку.—Сопровождаетъ Беринга во второе путешествіе.—Страданія во время путешествія.—Островъ Калъ.—Находки.—Возвратный путь.—Зимовка на пустынномъ Беринговомъ островѣ.—Смерть Беринга.—Опасный переѣздъ въ Камчатку.—Потеря имущества.—Двукратное возвращеніе въ Сибирь съ дороги въ Петербургъ.—Стеллеръ умираетъ въ Тюмени 198

ГЛАВА XX.

Камчатка.

Благословенная страна.—Чудные луга.—Обиліе рыбы.—Рѣдкое населеніе.—28 вулкановъ.—Большое количество водяныхъ источниковъ.—Превосходныя гавани.—Петропавловскъ.—Камчадалы.—Здорова-ли для нихъ рыбная пища?—Туземныя растительныя кушанья.—Кипрей. — Клубни-сарапы. — Опьяненіе отъ мухомора. — Блюдо изъ морскихъ водорослей.—Особенная ловля китовъ.—Камчатскіе медвѣди.—Странная ловля рыбы.—Камчатская собака.—Польза ея.—Душевныя свойства камчадаловъ 207

ГЛАВА XXI.

Чукчи.

Характеръ земли чукчей.—Чукчи единственный свободный коренной народъ въ Сибири.—Торговый духъ.—Ярмарка въ Островномъ.—Посѣщеніе юрты.—Жена и дочь.—Хорошее угощеніе.—Скачка.—Чукотскія баядерки.—Оленеводы-чукчи.—Ихъ образъ жизни.—Число ихъ 215

ГЛАВА XXII.

Беринговo море.—Россійско-Американская компанія.—Алеуты.

Характеръ Берингова моря.—Сравненіе Алеутскихъ острововъ

съ Ферерскими —Уналашка.—Аляска.-Прибиловскіе острова.—Островъ Св. Матѳея.—Островъ и бухта Св. Лаврентія.—Беринговъ проливъ.—Обиліе жизни въ водахъ.—Россійско-Американская компанія.—Ново-Архангельскъ.—Алеуты. Морскія выдры, морскіе котики, моржи и сивучи.—Камлейка и трубка табаку 222

ГЛАВА XXIII.

Эскимосы.

Распространеніе эскимосовъ.—Естественныя свойства ихъ родины.—Физіономія эскимоса.—Его свойства.—Одежда.—Ледяныя хижины.—Жилище эскимоса въ Зундѣ Коцебу.—Каякъ или байдара.—Осміякъ или женская лодка.—Оружіе и утварь.—Ненависть краснокожаго индѣйца къ эскимосу.—Жизнь центральнаго эскимоса.—Бой моржей въ Прудгойской странѣ —Охота на медвѣдя 234

ГЛАВА XXIV.

Пушная торговля и пушные звѣри въ Гудзонбайскихъ странахъ.

Жизнь лѣсныхъ бѣгуновъ.—Берестовыя лодки.—Вояжоръ.—Канадская пушная торговля въ прошломъ столѣтіи.—Кровавая борьба сѣверо-западной компаніи съ Гудзонбайскою компаніею.—Образованіе новой компаніи.—Характеръ Гудзонбайскихъ странъ.—Черный медвѣдь.—Енотъ.—Куница. — Канадская выючка. — Лисы.—Американскій бобръ.—Онтандра.—Вапити 248

ГЛАВА XXV.

Индійцы-Кучины.

Мѣстопребываніе ихъ.—Одежда.—Любовь къ бусамъ.—Коса.—Безсмысленный обычай стягивать ноги у дѣтей.—Болтливость кучинъ.—Битва эскимосовъ съ кучинами 267

ГЛАВА XXVI.

Тинне.

Различныя племена, принадлежащія семейству Тинне.—Собакореберные индійцы.—Нечистоплотность.—Несчастное положеніе женщинъ.—Одежды и наряды.—Пляска. — Лѣнь.—Мастерство лгать.—Суевѣрный страхъ.—Понятіе о будущей жизни.—Прогрессъ.—Легкомысліе 273

ГЛАВА XXVII.

Индійцы кри или книстиносы.

Перемѣна въ судьбѣ кри.—Легенда о россомахѣ.—Ужасъ индійской войны.—Татупированіе.—Одежда.—Дурное обращеніе съ женщинами —Игры.—Постройки.—Кепухиканъ.—Сказаніе о всемірномъ потопѣ и объ образованіи новой суши.—Элизіумъ и Тартаръ 281

ГЛАВА XXVIII.

Старѣйшіе мореплаватели на крайнемъ сѣверѣ.

Открытіе Америки Норманнами.—Путешествіе Кибота.—Верацини (1523) и Жакъ Кортье (1534).—Неудачное путешествіе Вилугби и Чонслора (1853).—Фробишеръ.—Мета Инкогнита.—Дэвисъ.—Гудзонъ.—Его несчастный конецъ.—Баффинъ 288

ГЛАВА XXIX.

Новые арктическіе мореплаватели.

Путешествіе Мульгрэва къ сѣверному полюсу (1773).—Кукъ (1778).—Скорезби.—Бекэнъ и Франклинъ.—Россъ.—Парри.—Открытіе металлическаго острова.—Великія достоинства Парри, какъ начальника.—Зимовка.—Парри, какъ драматическій писатель.—Первое сухопутное путешествіе Франклина.—Второе путешествіе Парри (1821).—Иглооликъ.—Лайонъ (1824).—Третье путешествіе Парри.—Второе сухопутное путешествіе Франклина къ Ледовитому океану.—Бичей.—Четвертое путешествіе Парри.—Второе путешествіе Росса.—Четырехъкратная зимовка.—Путешествіе Бака къ Большой Рыбьей рѣкѣ.—Его морское путешествіе на „Террорѣ".—Сухопутное путешествіе Деазе и Симпсона къ Полярному морю.—Умерщвленіе Симпсона.—Послѣднѣе путешествіе сэра Джона Франклина.—Сухопутное путешестіе Ричардсона въ поискахъ за Франклиномъ.—Сэръ Джемсъ Россъ.—Аустинъ Перри.—Де-Гивенъ.—Оммани отыскиваетъ первую зимнюю стоянку Франклина.—Кеннеди и Белло.—Инглефильдъ.—Сэръ Эдвардъ Бельхеръ.—Келлетъ.—Открытіе сѣверо-западнаго проѣзда Макъ Клуромъ.—Путешествіе Коллинзона.—Смерть Белло.—Д-ръ Рэ находитъ слѣды Франклина.—Исчезновеніе послѣдняго сомнѣнія относительно судьбы Франклина 299

ГЛАВА XXX.

Докторъ Кентъ Кэнъ.

Прежнія путешествія Кэна.—Кэнъ сопровождаетъ гриннелевскую экспедицію въ качествѣ корабельнаго врача.—Кэнъ предпринимаетъ второе путешествіе.—Первая зимовка въ Реусселарской бухтѣ.—Эскимосы.—Поѣздки на саняхъ.—Памятникъ Теннисону.—Глетчеръ Гумбольдта.—Опасная болѣзнь Кэна.—Вторая зимовка.—Часть экипажа оставляетъ Кэна, но его люди возвратились обратно на корабль въ ужасномъ положеніи.—Страданія зимою.—Корабль оставленъ.—Поѣздка на лодкахъ въ Упернавикъ.—Помощникъ въ нуждѣ.—Смерть Кэна въ Гаванѣ 16-го февраля 1857 года 330

ГЛАВА XXXI.

Гренландія

Загадочная страна.—Эрихъ Рауда.—Гренландскія колоніи.—Введе-

ніе христіанства. — Гибель норвежскихъ поселеній.—Розыски о ихъ судьбѣ.—Магнусъ Гейнсонъ.—Линдековъ.—Гансъ Эгеде.—Его испытанія.—Основаніе Годтгабъ.—Гернгутскіе миссіонеры.—Открытія обоихъ Скорезби.—Клаверингъ.—Граагъ.—Датскія поселенія у западнаго берега.—Сѣверо-гренландскій климатъ.—Годъ въ заливѣ Диско. . . 340

ГЛАВА XXXII.

Ньюфундлендъ.

Ньюфундлендскій берегъ.—„Spout“ или брызги. — Внутренность страны.—Лѣса.—Ихъ непроходимость.—Пустыни.—Пруды.—Суровый климатъ. — Малочисленность населенія. — Богатство моря. — Сентъ Джонсъ.—Исторія Ньюфундленда.—Соперничество англичанъ и французовъ. — Большая банка. — „Горлорѣзъ“.—„Головорѣзъ“.—Буря на банкѣ.—Буря у Ньюфундленда. 355

ГЛАВА XXXIII.

Исландія.

Исландія зимою и лѣтомъ.—Ледники и потоки лавы.—Бѣдность минеральнаго царства.—Кружилихскія горы.—Большой Гейзеръ.—Строккуръ.—Внутреннія воды.—Вліяніе морскихъ теченій на климатъ.—Буря.—Растительность.—Скотоводство.—Туземныя млекопитающіяся.—Птицы.—Обиліе рыбъ. 363

ГЛАВА XXXIV.

Исторія Исландіи.

Открытіе острова Надоддомъ въ 861 году.—Гардаръ.—Флоки и его три ворона.—Ингольфъ и Лейфъ.—Исландское первоначальное правленіе.—Принятіе христіанства.—Путешественникъ Торвальдъ.—Тангбрандъ.—Золотой вѣкъ литературы. — Снорри Стурлезонъ.—Утрата независимости. — Страшное изверженіе Скаптаръ-Іокула въ 1783 году.—Вредная торговая монополія 375

ГЛАВА XXXV.

Исландцы.

Скальгольтъ.—Тингвалла.—Рейкіавикъ.—Жизнь исландскаго рыбака.—Рейкіавикская ярмарка.—Сѣнокосъ.—Исландскія хижины.—Исландскія церкви.—Нищета духовенства.—Гонъ Торлаксонъ.—Исландское богослуженіе.—Домашнее воспитаніе въ Исландіи.—Любовь исландцевъ къ литературѣ.—Исландскій языкъ.—Публичная библіотека въ Рейкіавикѣ.—Характеръ исландцевъ 381

ГЛАВА XXXVI.

Вестмановы острова.

Недоступность романтическихъ острововъ.—Какъ они были заселены.—Опасная ловля птицъ.—Необыкновенная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ.—Англійскіе и алжирскіе морскіе разбойники . . 396

ГЛАВА XXXVII.

Фероерскіе острова.

Физіономія Фероерскихъ острововъ.—Торсгавнъ.—Хижина.—Скотоводство.—Суевѣріе.—Гульдефольскъ.—Никары.—Бурное море.—Климатъ.—Печальныя слѣдствія торговой монополіи 402

ГЛАВА XXXVIII.

Отъ Дронтгейма до Нордкапа.

Умѣренный климатъ сѣверо-западной Скандинавіи.—Вліяніе Гольфстрема.—Характеръ Норвегіи.—Правленіе.—Народное воспитаніе.—Романтическая поѣздка моремъ.—Дронтгеймъ.—Aegge-väre, яичные острова.—Морской орелъ.—Ловля сельдей у Альстена.—Семь сестеръ.—Солнце въ полночь.—Сѣверныя устрицы.—Рыболовство у Лофодепъ.—Baare.—Garn, рыболовная снасть.—Тромзое.—Альтенфіордъ.—Мѣдные рудники.—Гоммерфестъ.—Нордкапъ 408

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГЛАВА I.

Общій обзоръ полярныхъ странъ.—Тундра и лѣсъ.

Тундра или безлѣсная пустыня.—Границы и характеръ.—Жизнь животныхъ на тундрѣ лѣтомъ.—Тундра зимою.—Теплый снѣжный покровъ.—Растительность тундры.—Переходъ тундры въ лѣсъ.—Лѣсная область.—Общій характеръ и главнѣйшія различія отъ тропическаго лѣса.

Если бы, помѣстившись на сѣверномъ полюсѣ, мы могли взглянуть на три части свѣта, входящія въ арктическій поясъ, то тогда мы увидѣли бы, что громадныя наземныя массы склоняются со всѣхъ сторонъ къ Ледовитому морю, и вливаютъ въ него воды своихъ рѣкъ. Эти земли составляютъ область, надъ которою господствуетъ иній сѣвера, оспаривающій свое владѣніе и у живительныхъ лучей солнца, и у плодотворнаго труда человѣка.

Человѣкъ называетъ себя царемъ земли, и въ другихъ болѣе счастливыхъ странахъ, гдѣ это могущество выражается въ трудѣ, онъ именно таковъ, то на крайнемъ сѣверѣ въ весьма немногихъ мѣстностяхъ ему удалось получить отъ неплодородной почвы только скудные плоды, и въ большей части здѣсь онъ является только кочующимъ звѣроловомъ или пастухомъ, тогда какъ природа остается неизмѣнною цѣлыя тысячелѣтія.

Сѣверныя полярныя страны раздѣляются на двѣ части или пояса—на поясъ безлѣсныхъ пустынь и лѣсной поясъ: первый болѣе или менѣе узкой полосой опоясываетъ берега Ледовитаго моря, второй—окружаетъ въ видѣ широкаго вѣчно-зеленаго вѣнца безлѣсный поясъ, и на югѣ или переходитъ въ степи, или же подни-

мается на отлоги высокихъ горъ и тамъ снова теряется отъ стужи вѣчной зимы.

Безлѣсныя страны крайняго сѣвера въ Россіи называются *тундрами*, тогда какъ въ Гудзонъ-байскихъ областяхъ они извѣстны подъ именемъ *barren grounds* или *the barrens*. Этотъ, такъ сказать отрицательный характеръ, зависитъ не отъ близости къ полюсу, а главнымъ образомъ обусловливается суровыми морскими вѣтрами, которые безпрепятственно дуютъ на десятки миль по плоскимъ береговымъ странамъ Ледовитаго моря, и склоняютъ растительность къ землѣ, какъ покорнаго раба.

Повсюду морской холодъ мѣшаетъ высокому росту деревьевъ и не даетъ развиваться ни вѣтвямъ, ни роскошной вершинѣ; но нигдѣ морскіе вѣтры такъ далеко не оттѣсняютъ лѣсъ, какъ по берегу Полярнаго океана, гдѣ нерѣдко они обвѣваютъ бурями незащищенную равнину при 30 или 40 градусномъ холодѣ. Какое дерево, какой кустарникъ осмѣлится поднять свою голову!

Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ безплоднѣе и печальнѣе обнаженной тундры, состоитъ ли она изъ необозримыхъ болотъ или сухой, покрытой лишаями почвы. Желтоватые мхи и сѣрые лишаи образуютъ некрасивый коверъ, которымъ здѣсь покрывается природа, и на которомъ изрѣдка, въ видѣ исключенія, да и то на плоскихъ склонахъ, обращенныхъ къ югу, растетъ тощая травка или цвѣтокъ.

Только въ особенно защищенныхъ мѣстностяхъ поднимаются на какой-нибудь футъ высоты ива, рододендронъ, Vaccinium, Empetrum, или другое какое-либо дерево или кустарникъ, которое борется со всеуничтожающимъ вѣяніемъ полярныхъ вѣтровъ. Но и эта обтерпѣвшаяся растительность арктическаго пояса должна искать защиты подъ мхомъ и лишаями, и только изъ-подъ такого покрова поднимаетъ отдѣльные листики или оконечности вѣтвей.

Границы лѣсной области и безлѣсной пустыни сѣвера нельзя опредѣлить съ точностью, такъ какъ между обоими поясами находится нейтральная область, гдѣ нельзя рѣшить, остается ли побѣда надъ холодными вѣтрами за возникающею растительностью, или же первые продолжаютъ господствовать. Въ иныхъ мѣстахъ тундра глубоко внѣдряется въ лѣсную область, въ другихъ наоборотъ, лѣсъ побѣдоносно стремится къ сѣверу. Какъ будто два враждебныхъ войска стоятъ они другъ противъ друга, и во время сраженія тамъ одолѣваетъ одна сторона, здѣсь другая.

На Лабрадорѣ тундра, доходя до 57° с. ш. болѣе всего приближается къ югу, что объясняется положеніемъ этой страны, окру-

женной съ трехъ, сторонъ моремъ, покрытымъ льдами. На томъ берегу Гудзонскаго залива, на материкѣ тундра начинается почти подъ 60°, потомъ постоянно поднимается до устья Маккензи, гдѣ лѣсъ полосой вдоль рѣки достигаетъ 68° и даже выше; отсюда тундра снова спускается постепенно къ югу до Берингова моря, гдѣ доходитъ до 65°. Съ другой стороны, въ области Чукчей, тундра начинается опять южнѣе—подъ 63°, постоянно поднимается къ сѣверу до Лены, гдѣ Анжу видѣлъ лѣсъ подъ 71°; потомъ медленно спускается до Оби, гдѣ лѣсная область не разъ достигаетъ полярнаго круга, и отсюда послѣдняя поднимается все выше и выше къ сѣверу, пока, наконецъ, не оканчивается вмѣстѣ съ материкомъ на Норвежскихъ берегахъ подъ 70°.

Изъ этого общаго обзора Азіатскихъ и Американскихъ тундръ мы видимъ, что пространствомъ онѣ больше всей Европы. Даже Африканская Сахара и Южно-американскіе Пампасы уступаютъ въ протяженіи Сибирскимъ тундрамъ. Впрочемъ, нѣсколько квадратныхъ миль плодородной почвы на западной границѣ Русскаго Царства были бы дороже Бѣлому Царю нежели обладаніе этими неизмѣримыми пустынями, гдѣ лишь кочуютъ жалкіе номады, или несчастные рыболовы ведутъ почти животную жизнь.

Нѣтъ возможности составить себѣ понятія о той ужасной мертвой тишинѣ, какая царитъ зимою въ тундрѣ. Только изрѣдка раздается по ночамъ лай одинокаго песца или крикъ бѣлой совы, пѣвицы, достойной этихъ пустынь. Но лишь только весна откроетъ бурную землю и растаятъ необозримыя болота, какъ появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ, и сѣверная пустыня на короткое время оживится. Чудный инстинктъ влечетъ птицъ изъ дальнихъ странъ сюда, гдѣ по неизмѣримымъ болотамъ и озерамъ, по плоскому морскому берегу, на берегахъ рѣкъ, въ обильномъ рыбою морѣ эти пернатыя находятъ себѣ пищу, и въ то же время въ совершенной безопасности могутъ гнѣздиться и перелинять. Иныя птицы держатся вблизи границы лѣсовъ, другія летятъ далѣе къ сѣверу и кладутъ яйца на голую тундру. За водяными и береговыми птицами тянутся ястребы,—какъ большія хищныя морскія рыбы слѣдятъ за стаями сельдей,—стада куропатокъ бѣгаютъ вокругъ низкихъ кустарниковъ, а когда сіяетъ солнце, то даже раздается веселое пѣніе пташекъ.

Когда, такимъ образомъ, лѣтняя теплота влечетъ къ сѣверу стаи перелетныхъ птицъ, въ то же время въ рѣкахъ имѣютъ мѣсто передвиженія въ противоположномъ направленіи: лососи и осетры без-

численными легіонами плывутъ отъ моря въ глубь материка, слѣпо слушаясь голоса природы, которая влечетъ ихъ въ теплыя воды метать икру.

Въ то же время дикій сѣверный олень оставляетъ лѣсъ, чтобы пастись на покрытой лишаями равнинѣ и искать на прохладныхъ морскихъ берегахъ защиты отъ назойливыхъ оводовъ.

Такъ, на нѣсколько мѣсяцевъ тундра измѣняется въ страну кипучей жизни и влечетъ къ себѣ кочевника. И идутъ сюда и рыболовъ, и звѣроловъ, и пастухъ, охраняющій свои стада одомашненныхъ сѣверныхъ оленей. Жители воздуха, водъ и твердой земли, даже сама земля съ своимъ тощимъ растительнымъ покровомъ должны удовлетворить своимъ различнымъ потребностямъ—утолить голодъ, одѣть тѣло, удовлетворить корыстолюбію.

Но лишь первые сентябрскіе морозы укажутъ на приближающуюся зиму, тогда все спѣшитъ оставить страну, гдѣ скоро изсякнутъ источники жизни, или бѣжитъ отъ быстро усиливающагося холода. Гуси, утки и лебеди густыми стаями летятъ къ югу. Голенастыя отыскиваютъ болѣе мягкой почвы, въ которой они могли бы своимъ клювомъ преслѣдовать добычу. Лососи и осетры возвращаются въ открытое море. Сѣверный олень снова идетъ въ лѣсъ. Ничто не удерживаетъ уже человѣка въ безлѣсной равнинѣ. Вскорѣ и твердая земля, и замерзшее озеро, и скованная рѣка, однимъ словомъ все на 7, и 8 даже 9 мѣсяцевъ скрывается подъ толстымъ однообразнымъ снѣговымъ покровомъ, который срывается съ голой земли только лишь мѣстами, гдѣ промчится страшный сѣверо-восточный вѣтеръ.

Этотъ снѣгъ, который, выпавши разъ, не растаетъ пока долгій лѣтній день не сломитъ силы зимы, защищаетъ наилучшимъ образомъ растительность сѣвера отъ губительнаго вліянія долгихъ холодовъ; уже на глубинѣ одного фута, снѣгъ, какъ дурной проводникъ тепла сохраняетъ равномѣрную температуру, немногимъ превышающую точку замерзанія. Такимъ образомъ, растеніе на такомъ тепломъ ложѣ ожидаетъ появленіе грядущей весны, нисколько не страдая отъ того, что тамъ, за этимъ теплымъ снѣжнымъ покровомъ свирѣпствуетъ такая стужа, отъ которой застываетъ ртуть, трескаются скалы. Слои снѣга покрываютъ и логовища звѣрей, гдѣ послѣдніе могутъ укрываться отъ холода.

Благодаря этому-же снѣгу, и самыя сѣверныя страны не бываютъ лишены цвѣтовъ въ лѣтнее время; такъ, на Мельвиллевыхъ

островахъ мы можемъ любоваться лютикомъ, а на Новой Землѣ—скромными незабудками.

Чѣмъ дальше на сѣверъ, ближе къ полюсу, тѣмъ однообразнѣе становится растительность. Тамъ, гдѣ почва тундры состоитъ изъ гранитнаго песку, она покрывается небольшою растительностью, а въ болѣе влажныхъ мѣстахъ появляется исландскій мохъ. Также и поемные луга покрываются такими высокими травами, что иныя изъ нихъ даже не могутъ держаться прямо. Вслѣдствіе внезапнаго наступленія зимы соки этихъ травъ сохраняются въ ихъ стебляхъ и подъ снѣгомъ, такъ что американскій пахучій быкъ находитъ для себя зимою и въ тундрахъ достаточно корма, а лѣтомъ онъ и не заходитъ въ лѣса, питаясь сочною травою тундръ. Перелетныя птицы, возвращаясь раннею весною на сѣверъ, радуются сочнымъ стеблямъ которые сохранила для нихъ заботливая природа во время суроваго времени года.

Лѣсная область еще обширнѣе области тундръ; первая окаймляетъ, какъ поясомъ, южную часть второй. Подумайте только, что эта лѣсная область тянется по всей сѣверной Азіи и сѣверной Америкѣ полосою въ 15—20 градусовъ ширины; это—настоящій дѣвственный лѣсъ, до котораго не дотронулась еще рука земледѣльца. Этой лѣсной области уступаетъ даже лѣсная область Амазонской рѣки, а между тѣмъ, эта область своимъ пространствомъ превышаетъ въ 12 разъ Германію. Характеристическое свойство тропическаго первобытнаго лѣса состоитъ въ томъ, что тамъ разнообразныя семейства растеній такъ сплочены между собою, что, какъ говоритъ Гумбольдтъ въ своемъ «Ansichten der Nature» (Созерцаніяхъ природы) одинаковыя растенія не сходятся даже на самыхъ незначительныхъ пространствахъ; путешественникъ при перемѣнѣ мѣстопребыванія каждый день все видитъ новые образы, но совершенно иначе бываетъ на крайнемъ сѣверѣ; тамъ встрѣчались только хвойныя растенія и хвойные лѣса; сосны и ели часто покрываютъ необъятныя пространства. И если тамъ, на благодатномъ югѣ, удивляешься разнообразію растительности, то здѣсь, на крайнемъ суровомъ сѣверѣ, васъ поражаетъ безконечное появленіе одного и того же дерева.

Другое рѣзкое различіе между лѣсами крайняго сѣвера и лѣсами тропическаго міра, состоитъ въ *безвредномъ* характерѣ первыхъ. Здѣсь нѣтъ представителей вредныхъ для человѣка семействъ растительнаго царства. Ложась подъ деревомъ, здѣсь нечего бояться, чтобы сонъ перешелъ въ смерть, нечего бояться и напитанной ядомъ

стрѣлы дикаря. Даже колючки и шипы—рѣдкое явленіе. Нѣтъ ядовитыхъ змѣй, вьющихся въ чащѣ, нѣтъ и крокодиловъ въ болотахъ; и хотя живутъ въ сѣверныхъ лѣсахъ хищные звѣри, но они далеко не такъ кровожадны и не такъ опасны, какъ кошки тропическихъ лѣсовъ. Медвѣдь обыкновенно не нападаетъ на человѣка, а собака эскимоса, весьма вѣроятно, ничто иное, какъ прирученный волкъ.

Въ лѣсной сѣверной области замѣчателенъ еще ея юный, молодой видъ. Путешественникъ почти вездѣ не можетъ дать дереву болѣе полувѣковаго возраста, и нигдѣ не встрѣчаются вѣковыя деревья. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ сильнѣе такая кажущаяся юность, пока вдругъ борода не выдаетъ преждевременнаго старца. Конечно, въ южной половинѣ арктическаго пояса, встрѣчаются толстыя деревья, исчезающія совершенно въ общемъ характерѣ лѣса, но все таки они только карлики въ сравненіи съ гигантскими соснами первобытныхъ лѣсовъ Ситхи, имѣющими 160 футовъ высоты и 7—10 фут. въ поперечникѣ.

Краткость лѣта, въ сравненіи съ большою продолжительностью чрезмѣрно холоднаго времени года, уже достаточно объясняетъ это явленіе. Кратковременныхъ жаровъ достаточно, чтобы выгнать молодые побѣги, но мало для образованія древесины. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ деревья медленнѣе ростутъ въ толщину. На большомъ Медвѣжьемъ островѣ въ 400 лѣтъ стволъ достигаетъ толщины человѣка.

Въ сѣверной лѣсной области отсутствіе вѣтвей составляетъ эндемическую болѣзнь: повсюду встрѣчаются неразвившіяся почки и побѣги. Такъ, на крайней границѣ лѣсовъ лиственницы почти совершенно лишены вѣтвей, и имѣютъ веретенообразные, рѣдко въ 2, 3 сажени вышиною стволы, на которыхъ вмѣсто вѣтвей видны только сплетенія высохшихъ побѣговъ; множество-же неразвившихся почекъ указываетъ на безплодную борьбу растительной силы.

Этими неразвитыми вѣтвями кончается лѣсъ. Холодъ ледянаго вѣтра окончательно побѣдилъ: дріады скудно влачатъ свою жизнь только въ лонѣ земли. Подъ землею искривляется покрытый мхами стволъ кустарника, едва въ дюймъ толщиной, въ нѣсколько футъ длиной, и только концы маленькихъ однолѣтнихъ побочныхъ вѣтвей (въ какихъ-нибудь 2 дюйма) украдкой поднимаются изъ-подъ покрова и указываютъ на существованіе кустарника.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ роста, чѣмъ далѣе къ сѣверу поражаетъ и уменьшеніе *густоты* лѣса: на 36—64 квадратныхъ фута приходится не болѣе одного дерева. Тѣмъ не менѣе все таки, даже

подземные кустарники приносятъ вполнѣ развитыя шишки съ совершенно созрѣлыми сѣменами.

Хвойныя деревья составляютъ постоянно большую часть лѣса крайняго сѣвера; но въ Новомъ Свѣтѣ появляются опять другія породы хвойныхъ деревьевъ, чѣмъ въ Старомъ. Такъ, напримѣръ, арктическій поясъ Азіи представляетъ совершенно другой породы сосны и ели, чѣмъ сѣверо-американскій. Такъ, въ Сибири встрѣчается сосна (Pinus silvestris), сибирскія ели и сибирскіе кедры (Pinus cembra) и Picea obovata или сибирская ель; изъ этихъ елей часто состоятъ цѣлые лѣса.

Въ Новомъ Свѣтѣ въ его арктической области чаще всего встрѣчается бѣлая и черная ель (Abies alba и abies nigra), пахучая ель (abies balsamea) и сѣрая пихта (pinus breksiora), которыя преимущественно заслуживаютъ названія лѣсныхъ деревьевъ.

Въ тундрахъ березы поднимаются еще выше елей; далѣе къ сѣверу по берегамъ рѣкъ встрѣчаются ивы. Затѣмъ тутъ находится еще ольха. Изъ ягодныхъ деревьевъ и кустарниковъ мы можемъ упомянуть: можжевельникъ, рябину и красную смородину. Эти ягоды, конечно, даютъ человѣку и животнымъ вкусную и прохладительную пищу.

Даже при наступленіи осеннихъ холодовъ многія ягоды еще остаются на кустахъ и на деревьяхъ до слѣдующаго мая и іюня, т. е. до того времени, когда снѣгъ совершенно растаетъ. Но это нисколько не вредитъ ягодамъ,—онѣ становятся еще сочнѣе и вкуснѣе и представляютъ для перелетныхъ, вернувшихся съ юга, птицъ вкусный кормъ, пока не появится свѣжій; кромѣ того этими прошлогодними ягодами лакомятся и проснувшіеся отъ зимней спячки медвѣди.

Но какъ въ полярномъ поясѣ нельзя искать большого разнообразія породъ въ растительномъ царствѣ, какъ это встрѣчается въ тропическихъ странахъ, также точно тутъ, въ арктическихъ странахъ не видишь большого разнообразія и въ животномъ царствѣ. Тутъ господствуетъ безмолвіе; путешественникъ не услышитъ жужжанія массы насѣкомыхъ, не полюбуется пестрыми бабочками, порхающими съ цвѣтка на цвѣтокъ. Вы не встрѣтите тутъ ни обезьянъ, ни какаду, ни попугаевъ. Тутъ, въ этихъ холодныхъ странахъ, вы услышите только вой голодныхъ волковъ и зловѣщій крикъ хищной птицы, гоняющейся за дичью. Когда бушуетъ тропическій ураганъ, то въ немъ, какъ кажется, отдаются всѣ переливы страха и ужаса, но сѣверный бурапъ, который бушуетъ еще, быть можетъ, съ большею яростью, едва ли пробуждаетъ какой-либо откликъ изъ мрачныхъ сѣней уединеннаго хвойнаго лѣса.

ГЛАВА II.

Сѣверный олень.—Лось.—Пахучій быкъ.—Рысь.

Сравненіе сѣвернаго оленя съ верблюдомъ.—Описаніе сѣвернаго оленя.—Ручной и дикій сѣверный олень.—Польза, приносимая сѣвернымъ оленемъ.—Враги сѣвернаго оленя.—Россомаха—Оводы.—Лось.—Пахучій быкъ.—Рысь.

Куда ни взглянешь на нашей обширной землѣ, всюду видишь заботу Провидѣнія о человѣкѣ и о необходимыхъ для него потребностяхъ! Такимъ образомъ оно надѣлило Аравійскую пустыню верблюдомъ, а полярныя страны—сѣвернымъ оленемъ, который оказываетъ большую пользу лапландцамъ и самоѣдамъ, точно такъ-же, какъ полезенъ для бедуиновъ верблюдъ, котораго они называютъ кораблемъ пустыни.

Верблюдъ, это—прообразъ постояннаго довольства, вотъ поэтому-то онъ и подходитъ для безплодной Сахары. Верблюдъ питается самыми сухими травами, произрастающими между камнями и можетъ оставаться долгое время безъ питья, но точно также сѣверный олень удовлетворяется самою скудною пищею; болѣе всего онъ любитъ, такъ называемый, исландскій мохъ и разные коренья, которые сѣверный олень, благодаря своему удивительному чутью, вырываетъ изъ земли; иногда ему приходится рыть для этого землю на цѣлый футъ глубины.

Сѣверный олень, какъ мы уже сказали, оказываетъ большую пользу жителямъ полярныхъ странъ, но его внѣшній видъ не отличается ни красотою, ни изяществомъ формъ. Туловище сѣвернаго оленя неуклюже, угловато, у него короткія ноги и короткая шея, которую онъ постоянно вытягиваетъ совершенно прямо впередъ.

Спина у него бураго цвѣта, а брюхо—бѣлое; съ возрастомъ олень нерѣдко сѣдѣетъ, а зимою покрывается бѣлою шерстью, какъ большая часть четвероногихъ животныхъ полярнаго пояса. Природа украсила зимою этихъ животныхъ бѣлымъ цвѣтомъ, вѣроятно, потому, что бѣлый цвѣтъ менѣе лучеиспускаетъ внутренней теплоты, а напротивъ сильнѣе отражаетъ внѣшній холодъ, и слѣдовательно не такъ пропускаетъ его въ себя, сравнительно съ болѣе теплою одеждою. У сѣвернаго оленя волосъ нѣсколько длиннѣе подъ шеей и образуетъ нѣчто въ родѣ бороды. У обоихъ половъ тонкіе развѣтвленные и снабженные небольшими лопатками рога, которые, впрочемъ, у самцевъ длиннѣе, чѣмъ у самокъ. На бѣгу у оленей копыта стучатъ особеннымъ образомъ, такъ что такой стукъ слышенъ на значительномъ разстояніи. Не обладая такими копытами, оленямъ было бы очень трудно возить съ такою быстротою легкія санки лапландцевъ по снѣжнымъ пустынямъ ихъ родины.

Самка сѣвернаго оленя обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ производитъ на свѣтъ дѣтеныша, и очень рѣдко двоихъ; это считается какъ-бы исключеніемъ. Новорожденный бываетъ очень малъ и слабъ, но черезъ нѣсколько дней онъ крѣпнетъ и можетъ уже слѣдовать за матерью. Самка очень короткое время кормитъ своего дѣтеныша грудью, а затѣмъ онъ уже долженъ самъ отыскивать себѣ пищу.

Самка оленя даетъ очень мало молока; именно, послѣ того, какъ она перестаетъ кормить своего дѣтеныша, она даетъ только одну бутылку въ день, но за то, если ея молоко не отличается большимъ количествомъ, то оно замѣчательно по своему качеству: оно очень густо и питательно. Это—положительно настоящія сливки и его можно выпить только нѣсколько ложекъ, несмотря на то, что у молока очень пріятный вкусъ. Обыкновенно такое молоко смѣшиваютъ съ водою; необходимо налить очень много воды, прежде чѣмъ это молоко по своей густотѣ будетъ напоминать обыкновенное коровье молоко. Странно еще то обстоятельство, что несмотря на прекрасный вкусъ молока, изъ него нельзя сбивать масло, такъ какъ оно отзывается жиромъ и очень неважно. Напротивъ того, приготовляемый изъ этого молока сыръ очень вкусенъ и напоминаетъ овечій сыръ.

Теперь вы нигдѣ почти не встрѣтите верблюда въ дикомъ состояніи, между тѣмъ, какъ сѣверный олень только отчасти подпалъ подъ иго человѣка и бродитъ цѣлыми стадами совершенно на свободѣ по сѣверо-американскимъ тундрамъ, тогда какъ въ старомъ свѣтѣ человѣкъ уже давно сдѣлалъ оленя домашнимъ животнымъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, олени водятся начиная отъ Лабрадора до Мельвилльскихъ острововъ; а въ Азіи и въ Европѣ отъ Монгольскихъ отроговъ въ бассейнѣ рѣки Амура и отъ Уфы, гдѣ за нимъ охотятся башкиры, до Новой Земли и Шпицбергена, гдѣ онъ живетъ совершенно спокойно въ дикомъ состояніи.

Въ древнія времена сѣверный олень встрѣчался еще южнѣе, такъ какъ еще до сихъ поръ находятъ его кости въ нѣкоторыхъ пещерахъ Франціи и Германіи, что доказываетъ суровость тогдашняго климата, такъ какъ сѣверный олень любитъ холодъ и не сталъ бы жить въ умѣренномъ поясѣ. Всѣ попытки сохранить сѣвернаго оленя въ теченіи продолжительнаго времени въ зоологическихъ садахъ Германіи оказались безплодными. Даже въ королевскомъ паркѣ въ Стокгольмѣ нѣкоторые изъ этихъ животныхъ имѣли лѣтомъ крайне утомленный видъ и даже заболѣвали несмотря на то, что для нихъ устроена тамъ тѣнистая пещера, въ которую они могли-бы укрыться въ сильный зной. Лѣтомъ олень чувствуетъ себя только хорошо въ прохладномъ гористомъ воздухѣ или у берега моря и съ такимъ-же наслажденіемъ втягиваетъ въ себя прохладу, какъ продрогшій человѣкъ радуется благодатнымъ лучамъ южнаго солнца.

Сѣверный олень не отличается робостью и легко становится ручнымъ: онъ скоро привыкаетъ къ людямъ и любитъ быть съ ними вмѣстѣ, между тѣмъ для него вовсе не нужно такой особенной заботы человѣка, какъ это требуютъ другія домашнія животныя; сѣверный олень самъ находитъ себѣ пищу, какъ лѣтомъ такъ и зимою; онъ пасется совершенно свободно и его не нужно ни привязывать ни огораживать плетнемъ. Эти-то неоцѣнимыя качества и дѣлаютъ его дорогимъ товарищемъ для сѣверныхъ кочевниковъ; они не могли бы существовать безъ него, такъ какъ онъ даетъ имъ пищу и одежду.

Во время своихъ перекочевьевъ эти народы навьючиваютъ на оленей свои палатки и разную домашнюю утварь; оленей же запрягаютъ они въ свои легкія санки и несутся по своимъ снѣжнымъ равнинамъ. Для наѣздничества, однако, олень менѣе годенъ, потому что у него слишкомъ слабая для этого спина, такъ что при спускѣ съ возвышеннаго мѣста слѣдуетъ ѣхать какъ можно осторожнѣе и медленнѣе,—въ противномъ случаѣ онъ можетъ сломать себѣ спинную кость. Также, когда олени запрягаютъ въ санки, то его не слѣдуетъ бить, или вообще дурно съ нимъ обращаться, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ становится упрямымъ, но его всегда можно

приручить къ себѣ терпѣніемъ и ласкою. Бывали случаи, что если оленя принуждали переносить слишкомъ большія тяжести или погоняли его, то онъ начиналъ бить своихъ вожатыхъ ногами. Въ такомъ случаѣ ничего иного не остается дѣлать, какъ только постараться опрокинуть санки, лечь подъ нихъ и спокойно оставаться до тѣхъ поръ, пока нѣсколько не успокоится гнѣвъ разъяреннаго животнаго.

Но сѣверный олень приноситъ пользу человѣку не только при своей жизни, но даже и послѣ своей смерти: ни одна часть его тѣла не выбрасывается, какъ никуда не нужная. Мясо оленя очень вкусно и питательно, а въ особенности его языкъ, который составляетъ лакомство для сѣверянъ.

Кровь, капля которой не пропадаетъ, если убой сдѣланъ предусмотрительно, употребляется для питья горячею, или же идетъ на приготовленіе особаго рода колбасъ; мозговыя кости покупаются окрестными любителями и за нихъ платятъ очень дорого, а изъ другихъ костей сѣверные кочевники въ свободное время,—котораго у нихъ очень много, вырѣзываютъ ложки и другія бездѣлушки. Пузыри употребляются для сосудовъ, въ которыхъ сохраняется молоко, табакъ и пр.; жилы скручиваются и употребляются вмѣсто нитокъ; изъ шкуры оленя дѣлаютъ одежду, одѣяла, постели, колыбели для дѣтей, обивку для санокъ. На лапландскихъ рынкахъ шкура хорошаго оленя стоитъ отъ двухъ до трехъ рублей; только шкура самца цѣнится всегда дороже шкуры самки; первая бываетъ темнѣе и гуще, а вторая свѣтлѣе и рѣже. Въ Торнео отдѣлываются шкуры новорожденныхъ сѣверныхъ оленей и посылаются въ Петербургъ, гдѣ изъ этихъ шкурокъ шьютъ перчатки. Изъ роговъ сѣвернаго оленя лапландцы дѣлаютъ разныя вещи, напримѣръ, ложки, но главнымъ образомъ они продаютъ ихъ шведскимъ колонистамъ и торговцамъ, которые приготовляютъ изъ этого прекрасный клей и продаютъ его по дорогой цѣнѣ.

Изъ этого видно, что сѣверный олень приноситъ большую пользу, и къ чести самоѣдовъ и лапландцевъ слѣдуетъ отнести то, что и они съ своей стороны вполнѣ цѣнятъ пользу, приносимую этими животными и потому обращаются съ ними всегда ласково и относятся къ нимъ съ любовью, что могло служить образцомъ и для болѣе цивилизованныхъ народовъ, чѣмъ эти дикари. Очень рѣдко случается видѣть, чтобы какой-нибудь лапландецъ или самоѣдъ билъ бы своего оленя или дурно съ нимъ обращался; но между тѣмъ, какъ часто приходится выносить у насъ лошади самое жестокое обращеніе.

Сѣверный олень живетъ отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ; но ручныхъ оленей обыкновенно убиваютъ въ возрастѣ отъ 6—10 лѣтъ.

Такъ какъ даже и ручные сѣверные олени совершенно свободно пасутся на лугахъ, то часто случается, что смѣшиваются стада различныхъ владѣльцевъ; но чтобы узнать своихъ оленей лапландцы дѣлаютъ имъ маленькіе вырѣзы особой формы на ушахъ, но только не на рогахъ, какъ это ошибочно разсказываютъ нѣкоторые путешественники; это даже не достигало бы никакой цѣли: такъ какъ олени мѣняютъ рога каждый годъ, то съ ними исчезли бы и знаки.

Самые опасные враги оленя это волкъ и еще россомаха изъ семейства барсуковыхъ. Россомаха крайне дика и свирѣпа, обладаетъ силою и мужествомъ, которое не имѣетъ никакого отношенія къ ея небольшому росту. Ни одна собака не можетъ справиться съ россомахой; она даже идетъ противъ волка. У россомахи очень короткія ноги, такъ что она не можетъ скоро бѣгать, но взамѣнъ этого хорошо карабкается на деревья и на самыя отвѣсныя скалы, гдѣ обыкновенно и укрывается въ случаѣ погони. Если она замѣчаетъ, что вблизи лѣса или скалъ пасется стадо оленей, то ложится на вѣтку или въ ущелье скалы и стережетъ; лишь только который нибудь изъ оленей отдѣляется отъ стада и подходитъ близко къ тому мѣсту, гдѣ спряталась россомаха, то послѣдняя тотчасъ бросается на свою жертву. Иногда она осторожно ползетъ по землѣ и затѣмъ сзади бросается на спину своей жертвы и убиваетъ ее, прокусывая ей затылокъ.

Разсказываютъ много анекдотовъ о прожорливости россомахи, между прочимъ утверждаютъ, что онѣ въ состояніи съѣсть за одинъ разъ двухъ оленей; когда же ея брюхо наполнится до такой степени пищей, что натянется, какъ барабанъ, то она усиленно протискивается между двумя близъ лежащими камнями или близко стоящими деревьями, чтобы, добыть себѣ воздуха и мѣста для новой пищи. Часто случается, что она въ одну ночь съѣдаетъ отъ шести до восьми оленей, но тутъ довольствуется высасываніемъ крови.

Кромѣ этого сильнаго врага на сѣверныхъ оленей нападаютъ еще и насѣкомыя, между прочимъ особый родъ оводовъ (oestrus tarandi), который лапландцы называютъ «Hurbma». Эти насѣкомыя постоянно летаютъ надъ спиною сѣвернаго оленя то туда, то сюда, и наконецъ опускаютъ на его спину яйцо, которое покрыто клейкимъ веществомъ и такимъ образомъ остается у животнаго въ шерсти. Выходящая изъ яйца личинка пробуравливается въ кожу

животнаго вслѣдствіе чего тамъ появляется болячка, въ которой поселяется личинка и превращается тамъ въ кукопъ. Часто случается, что вся спина животнаго бываетъ покрыта такими желваками, которое худѣетъ отъ этого до неузнаваемости.

Другой родъ оводовъ (oestrus nasalis) кладетъ яички въ ноздри животнаго; изъ этихъ яичекъ появляются маленькіе червячки, которые садятся въ гортани и подъ языкомъ оленя и причиняютъ ему много вреда. Животное начинаетъ безпрестанно чихать и мотаетъ головой отъ боли. Часто встрѣчается, что олени при сильномъ кашлѣ извергаютъ массу такихъ червячковъ.

Кромѣ того сѣверные олени подвержены различнымъ болѣзнямъ; иногда сибирская язва истребляетъ цѣлыя стада. Часто случается, что богатый самоѣдъ или лапландецъ, обладавшій нѣсколькими тысячами головъ оленей становится совершеннымъ бѣднякомъ и принужденъ заняться рыболовствомъ.

Кромѣ сѣвернаго оленя въ лѣсахъ полярнаго пояса встрѣчается еще и лось. Лось (Cervus alces)—самый большой обитатель сѣверныхъ лѣсовъ. Онъ много сильнѣе сложенъ и больше обыкновеннаго оленя, но по своей неуклюжести относится къ послѣднему почти точно такъ-же, какъ оселъ къ лошади. Лось особенно отличается длиною своихъ ногъ и большими трехъугольными, лопатообразными, по краямъ развѣтвленными рогами. Одинъ рогъ длиною въ $2^1/_2$ фута и въ 1 футъ шириною иногда вѣситъ до 50 фунтовъ, а все животное нерѣдко достигаетъ вѣса 12 центнеровъ. Лось темно-сѣро-бураго цвѣта, ноги свѣтлѣе.

Лося впервые описалъ Юлій Цезарь (bellum gallicum VI. 26) во времена котораго это животное жило въ германскихъ лѣсахъ. Завоеватель едва-ли самъ видѣлъ лося, иначе онъ не описалъ бы его какъ будто имѣющимъ посреди лба одинъ рогъ, который послѣ дѣлится на двѣ лопаты. Цезарь называетъ лося оленевидным быкомъ, вѣроятно, по величинѣ, и говоритъ, что самецъ и самка совершенно похожи другъ на друга—опять ошибка: самка не имѣетъ роговъ и меньше ростомъ.

Въ настоящее время, хотя лось еще встрѣчается въ низменныхъ болотистыхъ лѣсахъ восточной Пруссіи, Литвы и Польши, но главное его мѣстопребываніе составляютъ сѣверные лѣса Сибири, Россіи и Америки, повсюду, гдѣ ростутъ ива, рябина и другія мягкія деревья, листьями и побѣгами которыхъ лось преимущественно питается. Онъ не бѣжитъ отъ нападенія оводовъ, какъ сѣверный олень, къ болѣе холодному берегу моря, а садится въ рѣку до са-

маго поса и въ то-же время ѣстъ весьма ему нравящуюся Festuca fluitans. Такъ какъ долгоногій лось очень быстръ и остороженъ и къ тому же живетъ въ почти непроходимыхъ мѣстностяхъ, то его обыкновенно ловятъ въ волчьи ямы. Но осенью, когда тающій снѣгъ, захваченный ночнымъ морозомъ, образуетъ пластъ, который не выноситъ тяжести лося, только тогда этотъ послѣдній становится легкою добычею охотника.

Кромѣ человѣка, преслѣдующаго лося изъ-за мяса, у этого животнаго имѣется еще много другихъ враговъ. Нерѣдко разсомаха спрыгиваетъ съ дерева на пасущагося подъ нимъ лося и даже разсказываютъ, что иногда маленькій горностай залѣзаетъ лосю въ ухо во время сна и послѣдній въ бѣшенствѣ или разбиваетъ себѣ голову о дерево, или бросается въ пропасть. Волкъ обыкновенно старается загнать лося на ледъ, гдѣ онъ падаетъ и не можетъ встать, хотя сильно брыкается и бьетъ задними ногами. Вѣроятно на этомъ обстоятельствѣ основана басня, что лось подверженъ падучей болѣзни.

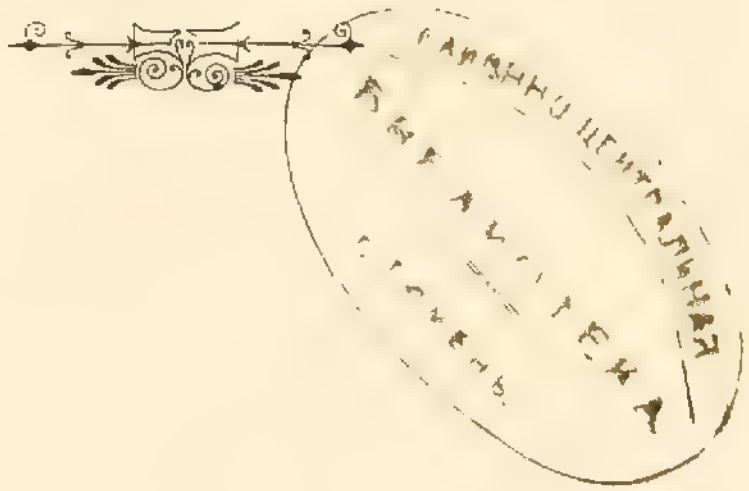
Совершенно понятно, какимъ образомъ громадное количество побѣговъ и листьевъ сѣверныхъ лѣсовъ можетъ прокормить такого огромнаго оленя, но удивительно, чѣмъ кормится на обнаженной Американской тундрѣ пахучій быкъ (Bos moschatus).

Этотъ быкъ достигаетъ 6 футовой длины и величиной равняется небольшому быку. Ноги и хвостъ коротки. Очень широкіе рога почти спаиваются спереди на лбу, достигаютъ длины 2 футовъ и изгибаются сначала внизъ, а потомъ вверхъ. Подъ длинными темно-бурыми волосами, которые въ видѣ плаща свѣшиваются почти до земли, скрывается весьма тонкій подшерстокъ, изъ котораго дѣлаютъ чулки, почти неуступающіе въ красотѣ шелковымъ. Лѣтомъ, когда животному не нужно такой теплой шубы, оно валяется по землѣ и вытираетъ подшерстокъ. Какъ сѣверный олень, пахучій быкъ питается преимущественно лишаями и злаками. Весной онъ идетъ на сѣверъ и по льду доходитъ до Сѣверо-Георгіевскихъ острововъ; въ сентябрѣ онъ снова идетъ на югъ и въ глубокую зиму бродитъ по опушкѣ лѣсной области. По скаламъ пахучій быкъ лазаетъ почти также ловко, какъ дикій баранъ, который живетъ на голыхъ альпахъ сѣвера, будучи защищенъ отъ жестокихъ холодовъ густою шерстью, подъ которою спрятанъ короткій курчавый подшерстокъ. Американскій видъ (Ovis montana) отличается отъ Сибирскаго (O. Argali) почти кругообразнымъ изгибомъ толстыхъ трехгранныхъ поперегъ полосатыхъ роговъ. Аркаръ (Argali) несо-

мѣнный родичъ нашей домашней овцы, превосходитъ послѣднюю, какъ величиною, такъ и вкусомъ мяса.

Въ Американскихъ скалистыхъ горахъ еще подъ 65° с. ш. встрѣчается горный козелъ (Capra lanigera americana), покрытый длинною, тонкою, весьма дорогою, но рѣдко въ продажѣ встрѣчающеюся шерстью.

Другіе хищные звѣри сѣвера, какъ рысь и волкъ держатся только въ лѣсахъ; бурый медвѣдь и рассомаха въ опредѣленныя времена года заходятъ за границу лѣсовъ: песецъ (Canis lagopus), напротивъ, распространенъ по всей области тундры отъ самыхъ сѣверныхъ острововъ до лѣсной области. Песецъ, какъ эскимосъ умѣетъ защитить себя отъ холода,—онъ роетъ себѣ длинныя, въ 4 или 5 саженей, норы съ 6—10 выходами и средней камерой, которую выкладываетъ мхомъ. Питается песецъ преимущественно леммичанами (медвѣдками); враги его: рассомаха, филинъ и ставящій капканъ человѣкъ, который одинаково присвоиваетъ себѣ все, что ему необходимо и полезно, какъ на крайнемъ сѣверѣ, такъ и на знойномъ богатомъ югѣ.



ГЛАВА III.

Ледовитое море.—Сѣверное сіяніе.

Первый мореплаватель.—Ледяныя пространства.—Ледяныя горы.—Отблескъ льда.—Туманъ.—Миражи.—Сѣверное сіяніе.

Сердце перваго мореплавателя, говоритъ Горацій,—было трижды оковано мѣдью. Но вѣдь древній поэтъ имѣлъ только представленіе о путешествіяхъ по Средиземному морю, озаряемому полуденными лучами солнца и окаймленному чудными, плодоносными берегами; по водному пространству разбросаны острова съ плодоносными деревьями, прохладными источниками, ароматными цвѣтами. Но что бы сказалъ Горацій о тѣхъ смѣльчакахъ, которые не страшатся путешествій по Ледяному морю, преодолѣваютъ всѣ ужасы и преграды, лишь-бы только открыть новый путь для промышленности и для науки.

Каждый мореплаватель, отправляющійся въ далекія путешествія, конечно, подвергается всегда большей или меньшей опасности—ему угрожаютъ и скалы, и подводные камни, и мели,—но въ тысячу разъ опаснѣе бываетъ плаваніе по арктическимъ морямъ,—тутъ ледяныя скалы не прикрѣплены къ землѣ, а свободно плаваютъ по водѣ; часто случается, что эти плавучія льдины зажимаютъ корабль въ своихъ объятіяхъ, и тогда уже несчастному судну не вырваться изъ этихъ ледяныхъ тисковъ; тутъ-то и требуется отъ мореплавателя смѣлость и отважность.

Громадныя массы льда, встрѣчаемыя мореплавателями въ арктическихъ странахъ, бываютъ самой разнообразной формы и образуются также различнымъ способомъ. Лишь только наступаетъ зима со сво-

ими ужасными морозами, какъ всѣ бухты и заливы Ледовитаго моря покрываются толстымъ слоемъ льда; этотъ слой достигаетъ иногда толщины отъ 10 до 15 ф. Этотъ ледъ бухтъ (bay ice) таетъ въ теченіи лѣта и гонится вмѣстѣ съ морскимъ отливомъ въ открытое море, пока онъ, наконецъ, при началѣ слѣдующей зимы не застываетъ опять въ большія льдины, или-же иногда въ теченіи лѣта превращается опять въ воду.

Но твердый и толстый ледъ образуется не въ однѣхъ бухтахъ. Такъ Скорезби, ученый китоловъ, жившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія—видѣлъ, какъ ледъ достигъ неимовѣрной толщины подъ 72°, такъ что такая льдина могла остановить корабль. Сначала, при наступленіи зимы, на водѣ образуются небольшіе кристаллы, называемые англійскими матросами *Sludge*, которые плаваютъ по водѣ въ видѣ—снѣжинокъ; эти-то снѣжинки какъ-бы уравниваютъ водную поверхность и застываютъ при сильномъ морозѣ, сначала небольшими пространствами, потомъ эти пространства опять соединяются между собою, и такимъ способомъ образуется громадная сплошная льдина, покрывающая необозримое пространство, которое занимаетъ нѣсколько квадратныхъ миль и при наступленіи весны льдины съ трудомъ могутъ выплыть изъ бухты.

Передъ концомъ іюля поверхность постоянно покрыта снѣгомъ, нерѣдко футовъ въ 6 глубиною, и здѣсь-то къ концу лѣта образуются на льду небольшія озера. Иногда большія ледяныя пространства представляютъ совершенно ровную поверхность, но чаще они покрыты множествомъ льдинъ, которыя смягчаютъ яркое отраженіе отъ снѣжной поверхности, принимая во всѣхъ направленіяхъ оттѣнки нѣжнаго голубаго цвѣта; ледяныя пространства между Шпицбергеномъ и Гренландіей и широкимъ Девисовымъ проливомъ, несутся къ югу, и на этомъ странствіи ежегодно уничтожается большое количество ихъ. Волненіе океана ломаетъ ихъ съ страшнымъ трескомъ и превращаетъ въ плавучія льдины, которыя мало-помалу совершенно исчезаютъ. Нерѣдко ледяныя пространства приходятъ въ круговое движеніе и плывутъ съ быстротою нѣсколькихъ англійскихъ миль въ часъ. Если такое вращающееся пространство встрѣтится съ другимъ, которое можетъ при этомъ вращаться въ противоположную сторону, если встрѣчаются массы въ милліоны тоннъ вѣсомъ при такой быстротѣ, то едва ли можно вообразить болѣе ужасную борьбу.

Ледяныя горы образуются совсѣмъ инымъ способомъ, нежели плоскія пространства, именно, они образуются изъ ледниковъ, [illegible]

степенно движущихся въ море. Какъ наши рѣки постоянно изливаютъ свои воды въ море, такъ точно ледяныя рѣки крайняго Сѣвера движутся все далѣе и далѣе въ Океанъ, пока приливъ не отломитъ входящія въ море массы. Большинство плавучихъ ледяныхъ горъ, встрѣчающихся китоловамъ, образуется на Западномъ берегу Гренландіи въ заливахъ Іакова и Диско. Часто такія горы достигаютъ громадной величины. Такъ, Парри измѣрилъ въ Баффиновомъ заливѣ, пристав шую къ берегу ледяную гору, которая имѣла 4169 локтей въ длину, 3869—въ ширину, и выступала изъ воды на 51 футъ, не смотря на то, что гора сидѣла на днѣ на глубинѣ 427 футъ. Когда взошли на вершину этой совершенно плоской горы, то нашли на ней громаднаго бѣлаго медвѣдя, который, прежде чѣмъ успѣли въ него выстрѣлить, быстро спрыгнулъ въ море. Мы менѣе будемъ дивиться такимъ исполинскимъ массамъ, если припомнимъ гигантскіе размѣры самыхъ ледниковъ. Нерѣдко эти ледяныя рѣки вступаютъ въ море, полосой въ 7.000 футовъ ширины и 300 футовъ надъ поверхностью воды, а Гумбольдтовъ глетчеръ, это чудо созданія, представляетъ волнамъ свое чело, шириною въ нѣсколько миль.

При спокойной погодѣ эти плывущіе колоссы, при своемъ восхожденіи и паденіи по волнамъ океана производятъ страшный шумъ и волненіе, поражая одновременно не только зрѣніе, но и слухъ. Обыкновенная форма ледяныхъ горъ—высокая вертикальная стѣна, которая постепенно спускается къ другому краю. Нерѣдко они принимаютъ самыя фантастическія формы, именно, когда ихъ долгое время разъѣдаютъ теплота, прибой, буря и дождь. По большей части они мѣлового бѣлаго, или сѣраго цвѣта и на яркомъ солнечномъ свѣтѣ они блестятъ самыми причудливыми оттѣнками.

Такъ какъ ледяныя горы часто встрѣчаются далеко отъ земли и въ совершенно неожиданныхъ широтахъ, то моряки, бороздящіе океанъ между 50° и 60° и даже южнѣе, должны постоянно опасаться ихъ, особенно ночью. Случалось, что ледяныя горы появлялись длинными цѣпями при входѣ въ Девисовъ проливъ, и раздробляли тамъ не одно судно, занесенное туда бурею. Отдѣльныя ледяныя горы, впрочемъ, менѣе опасны и даже могутъ быть полезны мореходу. Самый сильный вѣтеръ, какъ будто, не производитъ никакого дѣйствія на ихъ массы, напротивъ, смотря на мелкія льдины, быстро несущіяся мимо горы, можно подумать, что она плыветъ въ направленіи, противуположномъ вѣтру. Слѣдовательно, при сильномъ противномъ вѣтрѣ ледяная гора можетъ служить превосходною

стоянкою,—подъ ея защитой китоловъ не боится мелкихъ плавучихъ льдинъ или же совершенно спокойно предается своимъ занятіямъ послѣ удачнаго лова. Однако же, стоять на якорѣ подъ ледяной горой не всегда безопасно,—малѣйшаго толчка достаточно, чтобы равновѣсіе нарушилось и тогда колоссъ падаетъ черезъ голову.

Къ концу лѣта ледъ становится хрупкимъ, такъ что простой ударъ топора можетъ произвести неожиданное дѣйствіе. Скорезби разсказываетъ исторію двухъ матросовъ, желавшихъ укрѣпить якорь къ ледяной горѣ. Они начали вырубать яму, но лишь только раздались первые удары топора, какъ громада треснула сверху до низу и распалась на двѣ половины. Одинъ изъ матросовъ не потерялъ присутствія духа, взбѣжалъ въ противуположномъ паденію направленіи по падающей ледяной скалѣ до ея вершины и удержался тамъ, пока вся масса не пришла въ равновѣсіе. Но товарищъ его упалъ въ пропасть между обѣими массами и вѣроятно былъ бы раздавленъ или утонулъ, если бы вода не выбросила его на близкое разстояніе, отъ ожидавшей матросовъ лодки.

Замѣтимъ кстати, что ледяныя горы даютъ возможность мореходамъ возобновить запасъ прѣсной воды.

Къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ Полярнаго моря принадлежитъ отраженіе льда на небѣ. Свѣтлая полоса похожая на утреннюю зарю (только безъ краснаго отлива) появляется въ воздухѣ прямо надъ горизонтомъ въ видѣ подробной карты льдовъ, находящихся за 20 или 30 миль за границею обыкновеннаго кругозора. Отраженіе льда иногда весьма полезно для опытнаго мореходa, такъ какъ это явленіе не только указываетъ на близость значительныхъ ледяныхъ массъ, но даже и на свойство этихъ послѣднихъ, т. е. представляютъ ли онѣ сплошной ледъ, или отдѣльныя льдины, и есть-ли между ними проходъ.

Скорезби разсказываетъ, какъ 7-го іюня 1821 г. на горизонтѣ появилось такое ясное отраженіе льда, что на 20—30 миль вокругъ можно было опредѣлить форму и вѣроятное протяженіе каждаго отдѣльнаго ледянаго поля. Сплошной ледъ узнавался по мутному желтоватому цвѣту, а проливы или свободныя отъ льда мѣста отличались темно-голубыми полосами, или голубовато-черпымъ пятномъ на небѣ; все это ясно показывало мореходу, гдѣ находилась наибольшая масса воды и какія препятствія онъ встрѣтитъ въ своемъ плаваніи. Только этимъ способомъ Скорезби былъ въ состояніи отыскать къ сѣверо-западу широкій проливъ и, благодаря небесному путеводителю, могъ выйдти въ открытое море.

Къ обстоятельствамъ, благопріятствующимъ мореплаванію въ арктическихъ моряхъ, кромѣ непрерывнаго дня въ теченіи лѣта, слѣдуетъ отнести и свойство плавучихъ льдинъ, вслѣдствіе котораго онѣ при тихой погодѣ расходятся, такъ что можно подумать, что они взаимно отталкиваются.

Напротивъ частые и густые туманы, въ іюлѣ нерѣдко длящіеся по цѣлымъ недѣлямъ, весьма вредны. Эти туманы мѣшаютъ китоловамъ, производятъ на нихъ необыкновенно тяжелое моральное впечатлѣніе, и такъ какъ въ это время температура даже въ полдень немногимъ выше точки замерзанія, то влажный холодъ производитъ еще и вредное физическое вліяніе.

Удивительны также воздушныя явленія, обусловливаемыя неравенствомъ температуры и плотности различныхъ слоевъ надъ водами крайняго сѣвера.

Скорезби, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей арктическаго океана говоритъ: «Лишь только расчистился туманъ 16 іюля, вліяніе солнца значительно усилило испареніе отъ воды и льда и обусловило оптическія явленія неодинаковаго лучепреломленія, которыя постоянно измѣняясь, продолжались отъ 60 до 70 часовъ. Нѣкоторое время эти явленія были повсемѣстны, такъ что пространство, по которому плылъ нашъ корабль, казалось громаднымъ амфитеатромъ, окруженнымъ высокими стѣнами базальтическаго льда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ чрезъ преломляющую среду вмѣсто льда виднѣлась вода, тамъ она принимала видъ и цвѣтъ, настоящихъ базальтовыхъ столбовъ, а тамъ, гдѣ вода и ледъ отражались вмѣстѣ, ледяныя пятна имѣли такое сходство съ землею, что даже обманули одного изъ опытныхъ моихъ офицеровъ. Нерѣдко миражъ со всѣхъ сторонъ представлялъ одинаковое зрѣлище, но чаще поразительное разнообразіе. Отдѣльныя ледяныя скалы подымались на необыкновенную высоту въ видѣ архитектурныхъ фигуръ, и иногда весь отдаленный, глубоко вырѣзанный, ледяной край, принималъ видъ огромнаго количества островершинныхъ башень и минаретовъ или густого лѣса, состоящаго изъ обнаженныхъ деревьевъ.

«Общій телескопическій видъ этихъ береговъ, подъ вліяніемъ неравномѣрнаго лучепреломленія, часто походитъ на огромный древній городъ съ развалинами, замками, церквами и колоннами. Но лишь только успѣешь разсмотрѣть одинъ предметъ, какъ тотчасъ онъ смѣняется другимъ. Видишь, какъ поперемѣнно замокъ превращается въ соборъ или обелискъ, или же, растекаясь въ ширину, чудной аркой перекидывается черезъ долину.

«Дрожаніе воздуха производитъ базальтовыя образованія, а неравномѣрная и мѣняющаяся плотность параллельныхъ атмосферическихъ слоевъ обусловливаетъ увеличеніе или сокращеніе предметовъ.

«Для морехода миражи—непріятное явленіе, потому что на нѣкоторомъ разстояніи отъ паровъ всѣ предметы какъ бы колеблятся и потому имѣютъ неясное очертаніе. Такъ, нельзя узнать корабля на разстояніи какихъ-нибудь 2 англійскихъ миль; кажется, что ледяная стѣна окружаетъ морехода и ему невозможно составить себѣ точнаго понятія о занятіяхъ отдаленнаго судна—что иногда очень важно для китолова».

Шамиссо набросалъ намъ прекрасную картину миража, который онъ наблюдалъ въ Зундѣ Коцебу.

«Лишь только низменности Американскаго берега начали подниматься надъ нашимъ горизонтомъ, какъ будто волшебникъ коснулся ихъ своимъ жезломъ. Эти низменности густо заселены, покрыты юртами, окруженными частоколами и навѣсами, сваи которыхъ (китовыя кости или стволы плавучаго лѣса) выступаютъ изъ подъ навѣсовъ. Эти частоколы показались надъ горизонтомъ въ удлиненномъ, измѣненномъ миражемъ, видѣ. Нашимъ глазамъ представилось зрѣлище громаднаго флота, цѣлаго лѣса мачтъ. На островѣ Сарычева (Зундъ Коцебу) насъ окружили всѣ ложныя обаянія миража. Я видѣлъ передъ собою водную поверхность, которая тянулась вдоль того берега, въ ней отражался низменный холмъ. Я подошелъ къ этой водѣ, — она исчезла, и я достигъ холма по-суху. Когда я прошелъ половину пути, то Эшольцу, который оставался на мѣстѣ, представилось, что я до головы погруженъ въ отражающуюся поверхность и въ такомъ сокращенномъ состояніи, что меня легче было принять за собаку нежели за человѣка. Чѣмъ ближе подходилъ я къ холму, тѣмъ болѣе я выходилъ изъ отражающей поверхности, и образъ мой удлинялся все болѣе и болѣе, такъ что я казался Эшольцу исполинскимъ-гигантомъ».

Такія же причины обусловливаютъ въ жаркихъ странахъ подобныя же явленія. Среди тропическаго океана мореходъ видитъ выходящіе изъ водъ цвѣтущіе острова, и въ безлѣсной пустынѣ пальмовый лѣсъ манитъ утомленный караванъ. Но одно явленіе остается вѣчно чуждымъ тропическому поясу, это—на столько же чудное, насколько и загадочное сѣверное сіяніе, которое такъ часто одѣваетъ волшебнымъ блескомъ арктическія ночи. Какъ вообще обо всѣхъ великихъ явленіяхъ природы, такъ и о сѣверномъ сіяніи нельзя составить яснаго представленія по описанію или рисунку.

Кто не видалъ моря или не слушалъ шумъ Ніагары, кто невидѣлъ Альпійскихъ огней или не дивился свѣченію моря, тому ни живое слово, ни картина не дадутъ даже приблизительнаго понятія объ этихъ дивныхъ явленіяхъ. Точно также трудно описать сѣверное сіяніе, тѣмъ болѣе, что здѣсь все измѣняется, какъ въ драмѣ или героической поэмѣ.

Ночь одѣваетъ покрытую снѣгомъ землю. Звѣзды матовымъ блескомъ свѣтятся сквозь легкій туманъ, который на крайнемъ сѣверѣ часто замѣняетъ ихъ свѣтъ. Далеко на горизонтѣ около той стороны, гдѣ онъ перерѣзывается магнитнымъ меридіаномъ, появляется широкая, ярко свѣтящаяся свѣтовая дуга, которая иногда по нѣскольку часовъ волнуется, измѣняетъ форму, пока начнутъ изъ нея выскакивать лучи и пучки лучей до зенита. Вскорѣ изъ свѣтовой дуги поднимаются огненные столбы по одиночкѣ или же разомъ въ нѣсколькихъ противоположныхъ точкахъ горизонта; эти столбы сливаются въ одно мерцающее пламенное море, которое ежеминутно измѣняетъ форму свѣтящихъ волнъ. Въ точкѣ небеснаго свода, которая соотвѣтствуетъ направленію магнитной стрѣлки, лучи наконецъ, скопляются въ одинъ дивный свѣтовой куполъ, такъ называемый *вѣнецъ*, съ образованіемъ котораго явленіе достигаетъ высшаго своего развитія. Блескъ въ особенности красныхъ, въ срединѣ зеленыхъ, а къ зениту блѣдно желтыхъ лучей усиливается, и они быстро движутся по обширному небосклону. Дивно прозрачны эти цвѣта. Красный цвѣтъ близокъ къ свѣтлому, кроваво-красному, зеленый—къ блѣдно-изумрудному цвѣту.

Если мы перенесемъ нашъ взоръ отъ пламенѣющаго небосклона къ землѣ, то и здѣсь мы увидимъ все въ какомъ-то волшебномъ свѣтѣ. Темное море, черное, какъ асфальтовое озеро, рѣзко отдѣляется отъ далекой снѣжной поверхности, которая, наконецъ, теряется въ отдаленныхъ горахъ. Всѣ очертанія дрожатъ, какъ будто всѣ предметы не существуютъ на самомъ дѣлѣ, а созданы мечтой. Вершины скалъ одѣты мерцающимъ блескомъ, который самъ какъ будто выходитъ изъ скалы, какъ пламя изъ кратера. Безмолвіе ночи еще болѣе увеличиваетъ прелесть этого дивнаго зрѣлища.

Но вотъ мало-по-малу блѣднѣетъ вѣнецъ, свѣтовая дуга разрывается, лучи становятся рѣже, короче и безцвѣтнѣе. Вскорѣ по всему небосклону неправильно разбрасываются широкія блѣдныя неподвижныя пятна, которыя постепенно сливаются въ бѣловатое облако. Наконецъ, темная ночь поглощаетъ все чудное зрѣлище, и снова зимній мракъ опутываетъ пустынный ландшафтъ.

ГЛАВА IV.

Органическая жизнь Ледовитаго моря.

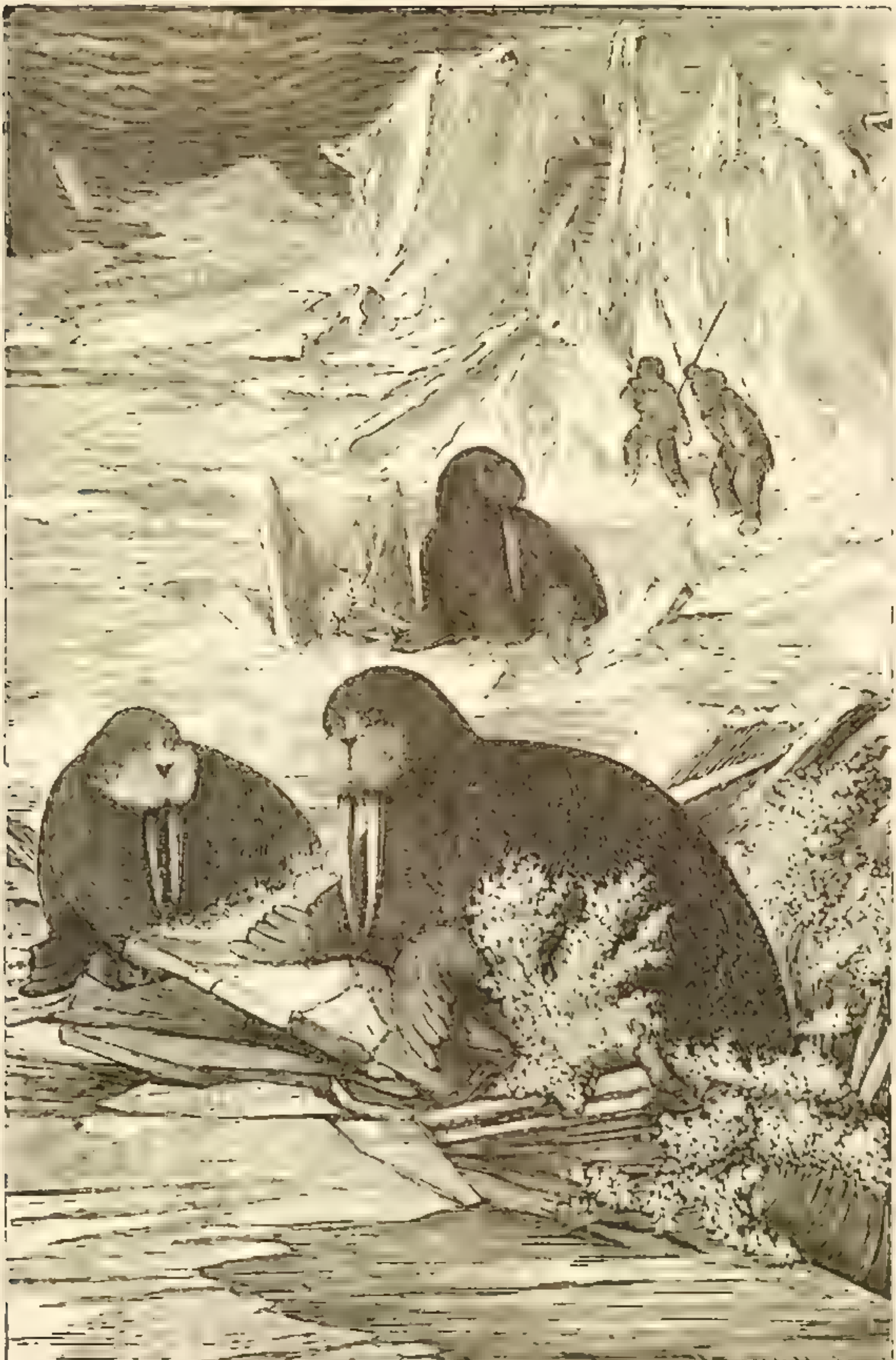
Богатство моря.—Гренландскій китъ.—Тюлень.—Нарвалъ.—Дельфины.—Моржъ.—Материнская любовь у моржа.—Бѣлый медвѣдь.—Приключенія съ бѣлыми медвѣдями.—Морскія птицы.

Бѣдность органической жизни составляетъ поразительный контрастъ съ богатствомъ этой жизни въ морѣ. Можно подумать, что въ водахъ, покрытыхъ въ теченіи большей части года льдами, и температура которыхъ даже лѣтомъ немногими градусами выше точки замерзанія, можно подумать, что океанъ точно также мало населенъ, какъ и берега его, а между тѣмъ, не извѣстно, гдѣ больше растеній и животныхъ—въ арктическомъ морѣ или въ волнахъ тропическаго пояса? Не въ тропическихъ моряхъ скрываются на глубинѣ гигантскія морскія растенія, не тамъ мы видимъ исполинскія аларіи съ саженными листьями, стофутовую переоцисту, широкія таллассофилы, а эти растенія образуютъ густые подводные лѣса въ бухтахъ и каналахъ вдоль береговъ и по отмелямъ арктическаго моря. Гдѣ бы ни появлялись мореплаватели въ Беринговомъ морѣ, у Шпицбергена или Новой Земли, у береговъ Сибири, или въ проливахъ архипелага Парри, повсюду встрѣчали они воды, населенныя безчисленными ракообразными медузами и моллюсками. Нерѣдко Гренландское море на тысячи квадратныхъ миль окрашивается въ оливково-зеленый цвѣтъ отъ трилліоновъ, квадрилліоновъ маленькихъ ничтожныхъ медузъ. Безчисленныя стаи рыбъ держатся въ чащахъ водорослей и ежегодно поднимаются въ рѣки. На такомъ изобиліи

мелкой жизни основано существованіе легіоновъ морскихъ птицъ, тюленей, моржей и китовъ, которые не только составляютъ главнѣйшую пищу многихъ сѣверныхъ народовъ, но и заманиваютъ ежегодно въ арктическое море тысячи смѣлыхъ охотниковъ изъ Европы и Америки.

Обыкновенный или Гренландскій китъ, какъ извѣстно, больше всѣхъ существующихъ животныхъ. Онъ достигаетъ 60 и даже 70 футовой длины и въ самой толстой части своего тѣла, нѣсколько сзади грудныхъ ластовъ, имѣетъ въ окружности отъ 30 до 40 футовъ. Это уродливое созданіе не пропорціонально во всѣхъ своихъ органахъ: маленькіе глаза составляютъ рѣзкую противоположность къ огромной головѣ, занимающей третью часть всего тѣла, и къ громадному очертанію губъ. Хвостъ въ 24 фута шириной заканчивается двумя прямыми, сросшимися между собой, ластами или кожистыми плавниками, сгибая и разгибая которые, животное движется впередъ. Переднія ноги или грудные ласты имѣютъ въ длину около 6 футовъ, и служатъ для поддержанія равновѣсія отчего въ минуту смерти животнаго, когда ослабнутъ вытянутые ласты, оно падаетъ на бокъ или на спину. Китъ двигается весьма быстро, дѣлая болѣе 4 миль въ часъ, но быстрота хода страшно увеличивается при ощущеніяхъ страха или боли. Иногда китъ такъ сильно бросается вверхъ, что весь выходитъ изъ воды; или же, подымая хвостъ, онъ бьетъ имъ по водѣ съ такою силою, что эти удары слышны на 3 англійскихъ мили въ окружности. Въ противоположность къ такой силѣ, китъ страшно трусливъ, и даже птица, сѣвшая ему на спину, его пугаетъ и безпокоитъ. Но если раненъ дитеныш, то всякій страхъ о собственной жизни у этого животнаго совершенно исчезаетъ. Съ трогательною заботливостью онъ спѣшитъ на помощь своему любимцу, толкаетъ его впередъ, закрывая своимъ ластомъ, старается защитить его во время бѣгства, и рѣдко оставляетъ дитеныша, пока онъ еще живъ. Въ это время опасно приближаться къ матери,—она бросается въ середину своихъ враговъ и иногда взбрасываетъ на воздухъ судно и людей.

Въ огромной пасти кита зубы замѣняются усами. Съ каждой стороны поперегъ нёба размѣщены на разстояніи полудюйма другъ отъ друга болѣе 300 трехугольныхъ пластинокъ. Самыя большія изъ нихъ имѣютъ до 15 футовъ въ длину и отъ 12 до 15 дюймовъ въ ширину. Внутренній край пластинокъ покрытъ длинными волокнами, наружный край загнутъ и плоскъ, такъ что къ губамъ обращена гладкая поверхность. На нёбной занавѣскѣ сидятъ,



М О Р Ж Ъ.

Дозвол. цензур. Спб., 20 Дек. 1896 г. *Тип. Д. призр. мал. бѣдн. Лит., 26.*

такъ называемые, *ложные усы* четырехугольной формы, толщиною въ гусиное перо и около 4 дюймовъ длиною; они тоже распадаются на волокна. Весь нёбный сводъ кита похожъ на звёриную шкуру, покрытую густою щетиною или волосами, подъ которыми помѣщается огромный языкъ, имѣющій около 10 футовъ въ ширину и 18 футовъ въ длину.

Эти, только киту свойственные, усы необыкновенно важны для удовлетворенія его потребностей, такъ какъ китъ питается самыми мелкими животными, медузами, раками, каракатицами, clio borealis и другими моллюсками, которыхъ такъ много въ сѣверномъ морѣ. Для принятія пищи китъ, широко разинувъ пасть, плыветъ впередъ по поверхности воды, потомъ, когда пасть закроется и заглотанная струя воды снова выбрасывается черезъ усы, то многія тысячи мелкихъ животныхъ, захватываются, какъ въ сѣть, густымъ лѣсомъ волоконъ; языкомъ эти животныя раздробляются и затѣмъ проглатываются. Какое множество такихъ тварей нужно, чтобы образовать и питать колосса въ 100 тоннъ вѣсомъ!

Гладкая спина Гренландскаго кита превосходнаго чернаго цвѣта съ бѣлыми полосами; брюхо и нижняя челюсть бѣлыя. Подъ кожей, имѣющей около дюйма толщины, находится слой жира въ 15 дюймовъ, который при вываркѣ даетъ около $^3/_4$ своего вѣса жидкой ворвани. Легкостью своею этотъ жиръ помогаетъ движеніямъ кита и, какъ дурной проводникъ тепла, защищаетъ его отъ холода, а съ другой стороны изъ за того же жира промышленники преслѣдуютъ бѣднаго гиганта.

Въ прежнее время ловля Гренландскаго кита ограничивалась берегами Исландіи, Шпицбергена и Гренландскимъ моремъ; потомъ эта область увеличилась Гудзоновымъ и Девисовымъ проливами и Баффиновымъ моремъ, но теперь кита преслѣдуютъ до Баррова пролива и противуположной западной оконечности Новаго Свѣта: ежегодно нѣсколько сотенъ китоловныхъ судовъ проникаютъ въ полярный океанъ. Достовѣрно неизвѣстно, удаляется ли китъ отъ преслѣдованій человѣка въ болѣе недоступныя воды, или же онъ становится рѣже на прежнихъ ловляхъ отъ уничтоженія промышленниками. Баски, первый народъ, который еще въ XIV столѣтіи снаряжалъ китоловныя суда для китоваго промысла въ Бискайскомъ заливѣ и въ сосѣднихъ частяхъ Атлантическаго океана, безъ всякаго сомнѣнія преслѣдовали другой видъ кита и теперь тамъ рѣдко появляющагося спинопераго кита, такъ какъ Гренландскій китъ

никогда не заходитъ въ нѣмецкое море и рѣдко подходитъ къ Британскимъ берегамъ ближе, чѣмъ на 200 миль.

Кита преслѣдуютъ или въ открытомъ морѣ, особенно въ оливково-зеленыхъ водахъ, гдѣ онъ находитъ себѣ обильную пищу, или же ожидаютъ его въ проливахъ и заливахъ, куда онъ заходитъ для метанія дѣтенышей.

Ловля кита такъ часто и такъ подробно описывалась, что мы считаемъ достаточнымъ только упомянуть о ней. Какъ только китоловы завидятъ кита, они тотчасъ же спускаютъ лодки и на веслахъ идутъ навстрѣчу чудовищу, сохраняя возможную тишину. Одинъ изъ охотниковъ, одаренный вѣрнымъ глазомъ и сильной рукой стоитъ въ лодкѣ съ гарпуномъ въ рукѣ и ждетъ минуты, что бы вонзить свое оружіе въ мягкія части звѣря. Раненый китъ ныряетъ въ глубь съ быстротою молніи, таща за собою бичеву прикрѣпленную къ острозубому гарпуну. Потребность дышать скоро вызываетъ кита всплыть на поверхность, здѣсь его встрѣчаетъ второй гарпунъ, потомъ третій, четвертый, и послѣ каждаго удара китъ ныряетъ въ глубь. Бѣснуясь отъ боли, онъ дѣлаетъ невѣроятныя усилія, чтобы вырвать изъ своего тѣла раздирающее его копье, но все напрасно. Потеря крови изъ зіяющихъ ранъ, хотя не широкихъ и не глубокихъ, все таки истощитъ животное. Все слабѣе и медленнѣе становятся его движенія, все безпадежнѣе его хрипѣніе; нѣсколько судорожныхъ движеній потрясаютъ его мощное тѣло—и плыветъ онъ, безчувственной массой по водѣ, а китоловы обогатились 2-мя, 3-мя тысячами талеровъ. Совершенно убѣдившись въ смерти кита, ибо до послѣдней минуты онъ можетъ однимъ ударомъ своего хвоста опрокинуть лодку, осмѣлившуюся къ нему приблизиться, подводятъ трупъ его къ боку корабля, къ которому прикрѣпляютъ цѣпями. Матросы, одѣтые въ кожу, въ подкованныхъ сапогахъ, чтобы не поскользнуться на гладкой слизистой кожѣ кита, слѣзаютъ на убитаго звѣря, и топорами и большими ножами рубятъ и рѣжутъ толстый слой жира на длинныя полосы. Потомъ снимаютъ китовый усъ, а остальной, уже нецѣнный, остовъ предоставляютъ теченію; на немъ пируютъ морскія птицы и рыбы.

Въ прошломъ столѣтіи Голландскіе и Ганзейскіе города снаряжали много судовъ для ловли Гренландскаго кита; въ настоящее время этотъ промыселъ почти исключительно остался за Англичанами и Сѣверо-Американцами. Китовый ловъ во всякомъ случаѣ очень рискованное дѣло, не только опасное, для жизни экипажа, но и для кошелька предпріимчиваго промышленника; на этомъ промы-

слѣ также легко потерять большія суммы, какъ и нажить ихъ.

Сѣверный полосатый или спино-перый китъ (Balaena orteru nostrata) отличается отъ предъидущаго плавникомъ на крестцѣ и глубокими бороздами подъ глоткой и грудью до середины живота. Онъ достигаетъ хотя большой длины, но легче сложенъ, и имѣетъ спереди суживающуюся голову. Такъ какъ этотъ китъ питается сельдями и макрелями, то усы его короче, толще, слѣдовательно. у него этотъ продуктъ хуже нежели у Гренландскаго кита. Кромѣ того онъ далеко не такъ жирепъ, а движенія его быстрѣе, слѣдовательно, труднѣе бить его гарпуномъ.

Но если европеецъ не пользуется его мясомъ, то оно, такъ-же, какъ и его кожа цѣнятся сѣверными прибрежными жителями: если употребляемые въ пищу части мяса кита иногда въ одномъ животномъ вѣсятъ иногда до 20000 фунт., то можно себѣ представить, какъ усердно гоняются жители за убитыми китами. Эскимосы обыкновенно подстерегаютъ спящаго кита и вонзаютъ ему копье; нанесенная рана, конечно, истощаетъ животное и тогда его легче бить острогой. Но все-же число, такимъ образомъ, убитыхъ животныхъ крайне незначительно; даже и тяжело раненные киты избавляются отъ преслѣдованія, погружаются въ воду и тамъ погибаютъ.

Онъ распространенъ въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ и по всему полярному морю, особенно его много по окраинамъ ледяныхъ полей между Медвѣжьимъ островомъ, Новой Землей и Янъ-Майеномъ. Онъ заходитъ дальше на югъ, чѣмъ Гренландскій китъ, и иногда заплываетъ въ Нѣмецкое море.

Морской единорогъ или нарвалъ отличается между всѣми китовидными животными своимъ спиральнообразно согнутымъ клыкомъ, длиною отъ трехъ до четырехъ локтей, который находится въ горизонтальномъ направленіи на концѣ головы. Сначала эти клыки имѣли большой сбытъ въ восточную Индію, гдѣ они долго служили украшеніемъ храмовъ, но тепе[illegible] цѣна на нихъ значительно упала и спросъ существенно уменьшился. Однако, все-же китоловы всегда бываютъ очень довольны, если они случайно поймаютъ нарвала, но это имъ удастся только въ узкихъ бухтахъ, такъ какъ морской единорогъ очень зорокъ и прекрасно плаваетъ.

За исключеніемъ своего ужаснаго оружія—клыка, о которомъ еще мало что извѣстно, нарвалъ—безобидное животное; онъ очень любитъ общество, и ихъ часто встрѣчаютъ въ обществѣ отъ десяти до двѣнадцати штукъ вмѣстѣ; они играютъ между собою, изображая примѣрную битву. Отверстіе рта у морского единорога очень мало,

такъ что въ него едва войдетъ человѣческая рука. Онъ питается большею частью слизняками; но въ его желудкѣ, часто находятъ остатки каракатицы (чернильной рыбки). Онъ обитаетъ, главнымъ образомъ, въ самомъ сѣверномъ Ледовитомъ морѣ; онъ также часто встрѣчается близъ Новой Земли, Шпицбергена, Сѣверной Гренландіи; но его вовсе не видно въ сѣвероамериканскомъ Полярномъ морѣ.

Его ловятъ теперь почти исключительно въ Гренландіи, а именно у Оменака, гдѣ въ одинъ годъ было убито около семидесяти штукъ.

Дельфины, хотя не такъ велики, какъ собственно киты, однако же, между ними встрѣчаютъ 20—30 футовые экземпляры, а хищностью они даже не уступятъ акулѣ. Морскія косатки (Delphinus orca) цѣлыми стаями преслѣдуютъ кита и вырываютъ отъ него отъ хвоста куски мяса. Древніе называли этого дельфина морскимъ бараномъ по бѣлому, рогомъ загибавшемуся пятну надъ каждымъ глазомъ. Онъ достигаетъ 25 футовой длины, а челюсти сверху и снизу усажены острыми зубами.

Такой же величины достигаетъ черный дельфинъ или гриндъ (Delphinus melas, globiceps), который стадами является въ сѣверныхъ моряхъ и въ заливахъ Ферарскихъ и Аркадскихъ острововъ, Исландіи и британскихъ острововъ, гдѣ нерѣдко выбрасывается на берегъ или же загоняется на землю жителями.

Въ особенности-же замѣчательна такъ называемая бѣлуга, длиною отъ 12—18 футовъ (D. leucas Beluga), часто встрѣчается большими партіями въ Ледовитомъ морѣ, вдоль сибирскихъ и сѣвероамериканскихъ береговъ, именно, въ устьяхъ большихъ рѣкъ, гдѣ они, преслѣдуя лососей, далеко поднимаются вверхъ по рѣкамъ.

Еще много другихъ породъ дельфиновъ скрывается въ таинственныхъ моряхъ Ледовитаго океана, есть очень много и такихъ, которые даже совершенно неизвѣстны естествоиспытателямъ, потому что рѣдко представляется случай поймать одного изъ этихъ быстро плавающихъ животныхъ, или же находить ихъ трупы, приплывшіе къ пустынным незаселеннымъ берегамъ.

Но еще важнѣе для человѣка чѣмъ дельфины—это многочисленныя партіи тюленей, которыя встрѣчаются почти вездѣ, какъ по берегамъ, такъ и на островахъ Ледовитаго Океана; ими питаются не только дикіе эскимосы, но ихъ преслѣдуютъ алчные на добычу европейцы. Въ Беринговомъ морѣ также водится много морскихъ котиковъ, морскихъ львовъ и нерпъ, всѣ они служатъ не только источникомъ пропитанія для дикихъ сѣверныхъ народовъ, но они также ловятся большими партіями и европейскими охотниками.

Короткіе ласты тюленей препятствуютъ имъ въ ихъ движеніяхъ по землѣ, тогда какъ они плаваютъ очень быстро. У нихъ длинное тѣло, съуживающееся къ низу, какъ у рыбы, обиліе жиру, незначительный удѣльный вѣсъ котораго облегчаетъ плаваніе, прекрасно устроенныя ноги, которыя одновременно и гребутъ и даютъ извѣстное направленіе въ водѣ. Хотя они, конечно, могутъ считаться гражданами, какъ суши такъ и воды, но все-же они болѣе подходятъ къ морю, чѣмъ къ сушѣ и хотя они подобно, всѣмъ четвероногимъ млекопитающимся, рождаютъ своихъ дѣтенышей живыми, но все-же они живутъ въ водѣ, такъ какъ единственно въ ней находятъ подходящую себѣ пищу.

Тюлени водятся почти во всѣхъ моряхъ, по главнымъ образомъ у береговъ холодныхъ, поясовъ и уменьшаются какъ въ числѣ, такъ и въ величинѣ, чѣмъ ближе подвигаются къ тропическимъ берегамъ. Такимъ образомъ, маленькіе нерпы встрѣчаются у Суринама, тогда какъ большіе морскіе котики и морскіе львы исключительно принадлежатъ крайнему сѣверу, солнце гдѣ бросаетъ только косые лучи и гдѣ зима представляетъ длинную сплошную ночь.

Морской котикъ достигаетъ длины отъ 8—20 футовъ, объемъ его передней части равняется 5' фут. вѣсомъ онъ отъ 8—9 центнеровъ. Онъ получилъ свое названіе отъ своей длинной бурой шерсти, но не отъ своего свирѣпаго нрава. Онъ живетъ съ нѣсколькими самками заразъ, число которыхъ достигаетъ иногда до пятидесяти. Ихъ дѣтеныши отличаются живостью и рѣзвостью и скоро уже начинаютъ играть другъ съ другомъ. Если одинъ изъ нихъ повалитъ на землю другого, то всегда прибѣгаетъ отецъ и начинаетъ ворчать, потомъ ласкаетъ побѣдителя, старается мордой повалить его на землю, и чѣмъ больше дѣтенышъ сопротивляется, тѣмъ болѣе онъ его ласкаетъ. Лѣнивыхъ и непоротливыхъ отецъ вовсе не любитъ; эти послѣдніе ютятся всегда около матери, тогда какъ первые бѣгаютъ за отцомъ.

«Самецъ очень любитъ свою самку и дѣтенышей»—говоритъ Истеллеръ—но иногда онъ обращается съ ними со строгостью восточнаго властелина. Онъ всегда защищаетъ своихъ дѣтенышей, если ихъ хотятъ отъ него унести. Если же самка оплошаетъ унести въ мордѣ своего дѣтеныша и позволитъ его отъ себя отнять, то весь гнѣвъ самца обращается на нее. Онъ хватаетъ ее зубами и нѣсколько разъ бьетъ ее о скалу. Когда самка оправится, то возвращается къ своему повелителю съ самымъ смиреннымъ видомъ, ползаетъ у его ногъ, ласкается къ нему и забываетъ свои слезы. Самецъ же на-

чинаетъ прихорашиваться, ворчитъ, выворачиваетъ глаза и бросаетъ голову то на одну сторону, то на другую. Если же онъ видитъ, что не можетъ вернуть себѣ обратно дѣтеныша, то начинаетъ выть, а у него изъ глазъ буквально капаютъ слезы и покрываютъ ему всю грудь»

Но еще болѣе по величинѣ морского котика, это морской левъ, который называется такъ по длинной курчавой гривѣ, покрывающей шею самца, но на тѣлѣ у него шерсть короткая. Какъ морской котикъ, такъ и морской левъ отличаются отъ обыкновенныхъ тюленей тѣмъ, что у нихъ есть короткія ушныя раковины, тогда какъ у первыхъ ихъ нѣтъ вовсе, точно также ихъ длинныя и болѣе развитыя заднія ноги способствуютъ ихъ болѣе быстрому движенію на сушѣ.

Обыкновенная морская собака, которую также называютъ морскимъ теленкомъ, получила свое названіе отъ сходства въ выраженіи морды съ выраженіемъ нашей домашней собаки, а второе по своему непріятному голосу. Это животное достигаетъ 5—6 футовъ длины. Голова у него велика и кругла съ красивыми, живыми глазами, шея коротка, съ каждой стороны морды торчитъ по нѣсколько длинныхъ, крѣпкихъ щетинъ, какъ у собаки. Его сильный острый укусъ и его способность къ плаванію дѣлаютъ это животное опаснымъ врагомъ для рыбъ, но въ сущности это мирное, кроткое, любопытное и общительное созданье. Морская собака гораздо лучше чувствуетъ себя въ водѣ, чѣмъ на сушѣ, гдѣ на нее, несмотря на всю ея предосторожность, часто нападаютъ охотники. Морская собака приноситъ двухъ дѣтенышей, которыхъ она кормитъ двѣ недѣли и затѣмъ выводитъ въ море и учитъ плавать. Когда они устанутъ, то родители несутъ ихъ на спинѣ. Если поймать молодого щенка, то его можно сдѣлать ручнымъ, какъ собаку,—онъ будетъ ходить за своимъ хозяиномъ и откликаться на его зовъ.

Кромѣ тюленей въ полярныхъ моряхъ водятся еще и моржи. Этотъ громадный звѣрь имѣетъ около 20 футовъ въ длину и 12 футовъ въ окружности среди тѣла. Формы его очень неуклюжи, маленькая голова, короткая, толстая шея, мѣшковатое тѣло и короткіе ноги, оканчивающіяся широкими ластами. Очень толстая верхняя губа съ разрѣзомъ по серединѣ, который дѣлитъ ее на двѣ круглыя лопасти, обсаженныя трехъ-дюймовыми полупрозрачными, толщиной въ соломенку, желтоватыми щетинами, также мало что прибавляетъ къ его наружной красотѣ. Изъ-подъ губъ выходятъ наружу два огромныхъ бивня, которые, какъ бивни слона, выходятъ

изъ верхней челюсти, но концы ихъ не поднимаются впередъ и вверхъ, а, напротивъ, загибаются внизъ. Эти бивни служатъ моржу для срыванія водорослей отъ морского дна и отрыванія въ землѣ ежевиковъ и раковъ, которыми онъ также питается.

Кромѣ того эти бивни служатъ моржу хорошимъ оружіемъ противъ враговъ, и помогаютъ ему всходить на ледяныя скалы. Моржа преслѣдуютъ, какъ изъ за этихъ зубовъ, которые плотнѣе и бѣлѣе слоновой кости, и особенно годны для приготовленія вставныхъ зубовъ, такъ и ради жира, и въ особенности ради толстой шкуры, изъ которой выдѣлывается крѣпкая эластическая кожа. Моржей бьютъ въ Беринговомъ морѣ и у береговъ Шпицбергена, Медвѣжьяго острова и Новой Земли. Осѣдлые Чукчи, такъ и Эскимосы, жители Прудгойскихъ странъ, питаются моржовымъ жиромъ и мясомъ, и вообще они извлекаютъ изъ этихъ животныхъ многоразличную пользу.

Моржи живутъ обществомъ. Бичей видалъ на западномъ берегу Шпицбергена стада изъ нѣсколькихъ сотъ моржей, игравшихъ на окраинахъ плавучихъ льдинъ, и громкимъ лаемъ выражавшихъ свое удовольствіе. Когда моржи спятъ, то одинъ изъ нихъ всегда сторожитъ, и при приближеніи опасности тотчасъ же заботится о собственномъ своемъ спасеніи; но такъ какъ моржи, какъ свиньи, лежатъ другъ на другѣ, то толчекъ быстро передается всему стаду и всѣ, толкая другъ друга, бросаются черезъ голову въ воду. Скачки моржей—самыя смѣшныя и неловкія движенія изъ всего царства животныхъ. Какъ громадныя гусеницы ползутъ они на брюхѣ, причемъ голова попеременно то опускается, то поднимается, чтобы облегчить поступательное движеніе зада. Въ водѣ, напротивъ, они плаваютъ легко и быстро какъ рыбы, и иногда хватаются за лодки стараясь прободать ихъ или опрокинуть своими мощными бивнями. Однажды на лодку корабля «Доротея» напала съ бѣшенствомъ стая моржей, отъ которой защитились выстрѣломъ въ самую пасть сильнѣйшему и злѣйшему моржу, который казался вождемъ стаи. Приступъ тотчасъ же кончился, потому что моржи отплыли прочь съ своимъ раненымъ предводителемъ, бивнями поддерживая его надъ водою, чтобы не дать ему задохнуться.

Путешественники много разсказываютъ о нѣжной заботливости моржей о своихъ дѣтенышахъ. Вотъ, что разсказываетъ англичанинъ Лэмонтъ, который, благодаря своей къ любви охотѣ, заѣхалъ на островъ Шпицбергенъ: «Еще никогда въ жизни мнѣ не случалось быть свидѣтелемъ такой материнской нѣжности, какую выка-

залъ одинъ раненый моржъ. Когда гарпунъ вонзился ему въ тѣло и онъ отъ ярости оттолкнулъ лодку къ ледяной горѣ, я хотѣлъ выстрѣломъ раздробить животному голову, чтобы мы могли затѣмъ преслѣдовать и другихъ; тогда мой пріятель закричалъ мнѣ, чтобы я не стрѣлялъ, такъ какъ у моржа былъ съ собою дѣтеныш. Хотя я и не вполнѣ понялъ его намѣреніе, но все же воздержался отъ выстрѣла; когда же я сталъ пристальнѣе смотрѣть на моржа въ то время, какъ вынырнулъ изъ воды, чтобы перевести духъ, то замѣтилъ что у него былъ дѣтеныш подъ переднею правою лапою, котораго онъ крѣпко прижималъ къ себѣ и котораго мой пріятель намѣревался бить гарпуною; но лишь только онъ замахнулся бросить оружіе, какъ старый моржъ внимательно слѣдилъ за движеніями охотника и старался защитить своего дѣтеныша своимъ тѣломъ. Наконецъ, мѣтко пущенная стрѣла попала въ дѣтеныша, а вскорѣ мы убили и мать копьями. Но мнѣ кажется, что я никогда не забуду, какой ужасъ выражался въ глазахъ маленькаго моржа, хотя въ то же время въ нихъ выражалась и увѣренность въ томъ, что его защититъ мать; въ глазахъ же послѣдней ясно былъ виденъ испугъ за своего дѣтеныша».

У охотниковъ существуетъ обычай заманить маленькихъ моржей и заставить ихъ хрюкать, и этимъ привлекается все стадо. Но все-же моржи крѣпко стоятъ другъ за друга.

Лишь только проходитъ первый страхъ, моржи возвращаются на ледъ къ своимъ раненымъ товарищамъ и стараются стащить ихъ въ воду, и потомъ изъ мщенія хватаются иногда за лодки, при чемъ нерѣдко имъ удается перевернуть ту или другую вверхъ дномъ. Эскимосы ни на какого звѣря не нападаютъ съ большею осторожностью. Однажды Бичей замѣтилъ 10 футоваго моржа, который вышелъ изъ воды, и, осторожно осмотрѣвшись вокругъ, встащилъ свое жирное тѣло на ледъ, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ валялся и потомъ залегъ спать. Бѣлый медвѣдь, который вѣроятно давно наблюдалъ за моржемъ, въ свою очередь осторожно взобрался на льдину и также началъ валяться, но не для удовольствія, а съ злымъ намѣреніемъ, ибо разстояніе между обоими звѣрями постоянно уменьшалось. Подозрительный моржъ привсталъ, какъ будто бы желая обратиться въ бѣгство, но хитрый медвѣдь притворился спящимъ, и только время отъ времени старался приблизиться. Всѣ хитрости были напрасны, такъ какъ моржъ быстро нырнулъ въ море, и хотя медвѣдь, отбросивъ въ сторону притворство, какъ молнія бросился за моржемъ, но можно было

побиться объ закладъ 10 противъ одного, что на этотъ разъ медвѣдь воротился съ голоднымъ брюхомъ.

Бѣлый медвѣдь, впрочемъ, вовсе не дурной пловецъ,—преимущественно въ морѣ онъ находитъ себѣ пищу, и его видали на разстояніи 40 англійскихъ миль отъ земли и льда. На твердой землѣ бѣлый медвѣдь точно также движется необыкновенно легко, бѣжитъ вдвое скорѣе человѣка и подкрадывается къ добычѣ, почти не слышно ступая по снѣгу. Такъ Скорезби разсказываетъ, что въ 1783 г. одинъ капитанъ изъ Линъ-Реджиса, который вмѣстѣ съ врачемъ и другимъ товарищемъ, пристalъ къ берегу Шпицбергена, вдругъ попался въ лапы бѣлому медвѣдю. Въ такомъ критическомъ положеніи, гдѣ жизнь зависѣла отъ одного мгновенія, капитанъ отдалъ приказаніе врачу выстрѣлить. Послѣдній съ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ прострѣлилъ чудовищу голову и такимъ образомъ избавилъ капитана отъ когтей смерти.

Бѣлый медвѣдь питается всѣми животными, обитающими какъ въ водахъ Ледовитаго моря, такъ и по его берегамъ. Онъ питается мертвыми китами, выбрасываемыми на берегъ, но рыбы составляютъ его главное лакомство. Онъ, пыряя, вытаскиваетъ послѣднихъ изъ воды, или же настигаетъ ихъ между двумя льдинами, или же загоняетъ ихъ въ узкія бухты и тамъ нападаетъ на нихъ. Хитрая морская собака также нерѣдко попадаетъ ему въ пасть. Но когда бѣлый медвѣдь издали увидитъ тюленя, то тихо и безшумно погружается въ море, подплываетъ къ тюленю противъ вѣтра и приближается съ большою осторожностью къ своей жертвѣ, затѣмъ опять ныряетъ и схватываетъ снизу свою жертву. На прибрежныхъ животныхъ бѣлый медвѣдь нападаетъ въ такомъ только случаѣ, если у него нѣтъ никакой другой пищи.

Сѣверный олень, птицы и ихъ яйца также попадаются въ пищу бѣлому медвѣдю. Часто случается видѣть старую медвѣдицу, переворачивающую камни и отыскивающую леммпиговъ (лапландскихъ мышей) для того, чтобы накормить своихъ дѣтенышей.

На людей нападаетъ онъ безъ причины только въ такомъ случаѣ, когда сильно голоденъ, но когда человѣкъ самъ вызываетъ его на борьбу, то онъ прямо идетъ на него и спастись можно только въ такомъ случаѣ, если нанесешь ему смертельную рану въ сердце или въ голову, но легкая рана только раздражаетъ его ярость, и тогда бываетъ очень трудно спастись отъ этого разгнѣваннаго исполина.

Случилось разъ, что люди одного китолова выстрѣлили съ лод-

ки въ бѣлаго медвѣдя, который сидѣлъ на льдинѣ; одинъ изъ выстрѣловъ достигъ до него и привелъ его въ такую ярость, что онъ бросился въ воду, достигъ лодки и хотѣлъ броситься туда. Ему отрубили лапу и поѣхали скорѣе къ кораблю, чтобы спастись тѣмъ отъ разсвирѣпѣвшаго животнаго. Но бѣлый медвѣдь, исполненный самой ужасной мести, поплылъ за кораблемъ и, несмотря на свою раненую ногу, взобрался на палубу и тамъ уже былъ убитъ собравшимися людьми.

Бѣлые медвѣди водятся на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ, около Гренландіи и на островахъ Барри, вообще, по всѣмъ берегамъ Ледовитаго моря; но нѣтъ ихъ въ Восточной Сибири и на островахъ между Азіей и Америкой. Достовѣрно неизвѣстно перезимовываетъ ли бѣлый медвѣдь въ ледяныхъ пещерахъ, или отыскиваетъ свободной ото льда воды. Бѣлый медвѣдь отличается отъ обыкновеннаго большею силою, бѣлою шерстью, и вытянутымъ въ длину тѣломъ; онъ достигаетъ 9 футъ длины и 4 футовъ вышины. Мы еще не разъ будемъ говорить о немъ въ нашей книгѣ.

Надломится сила зимы, солнце освободитъ отъ ледяныхъ оковъ полярное море, и потянутся опять къ сѣверу огромныя стаи чистиковъ, чаекъ, нырцовъ и буревѣстниковъ, которыхъ холода изгнали отсюда, или лишили ихъ пищи, заковавъ копалы и бухты, и крикливые легіоны этихъ птицъ заселяютъ берега арктическаго моря. Тамъ онѣ наслаждаются нескончаемымъ днемъ и водою, обильною рыбою. Тутъ ихъ почти никто не трогаетъ, такъ какъ человѣкъ рѣдко туда заходитъ, и они смѣшиваютъ свои рѣзкіе голоса съ ревомъ налетѣвшей бури. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти птицы населяются такими массами, что безъ преувеличенія можно сказать, будто ихъ стаи, поднимаясь въ воздухѣ, заслоняютъ солнце, а плавая по морю, положительно покрываютъ его.

ГЛАВА V.

Шпицбергенъ.—Медвѣжій островъ.—Янъ-Майенъ.

Романтическіе берега.—Опасное восхожденіе Скоресби.—Величественная панорама.—Дорогая находка мертваго кита.—Бухта Магдалины.—Бѣсконечныя стаи морскихъ птицъ.—Животная жизнь.—Шпицбергенскіе ледники.—Громадные обломки льда.—Открытіе Шпицбергена.—Большая смертность прежнихъ китолововъ.—Первая зимовка на Шпицбергенѣ.—Русскіе моржебойцы.—Шаростинъ.—Норвежскія и Датскія экспедиціи на Шпицбергенъ.—Охоты на моржа на Медвѣжьемъ островѣ.—Жизнь растеній.—Грустныя испытанія.—Посѣщеніе Мармы.—Янъ-Майенъ.

Нигдѣ природа крайняго сѣвера не является въ такой великолѣпной одеждѣ и въ такихъ величественныхъ формахъ, какъ на западномъ берегу Шпицбергена. Лишь только разсѣется густой туманъ, скрывавшій видъ мощныхъ береговыхъ горъ отъ осторожно приближавшихся мореходовъ, какъ изъ волнъ арктическаго моря какъ будто поднимается дивная волшебная картина. На высоту 2—3 тысячъ футовъ воздымаются къ небу дикія и какъ бы разорванныя скалистыя стѣны, то далеко заходя въ море мысами, то образуя глубокія фіорды, а игра свѣта и тѣней даетъ зрителю возможность со всею подробностію осмотрѣть очертанія величественной картины на разстояніи нѣсколькихъ миль. Обнаженная, выдающаяся скала кажется черною въ сравненіи съ ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ, которымъ покрыты всѣ трещины, овраги и долины, и съ такою силою отражаетъ свѣтъ, что кажется, будто бы она сверкаетъ отъ солнечнаго блеска.

Дивно хороши и оригинальны формы отдѣльныхъ горъ и скалъ. Высокая, въ 4.395 футовъ, Дикобразъ-гора въ Горизундѣ показываетъ своимъ именемъ, какъ названіе всей группы острововъ

пришлось кстати. На небольшомъ островѣ Карла выступаетъ горный хребетъ въ 1500—2000 футовъ, и далеко заходитъ въ океанъ. Искривленный, совершенно обнаженный, безъ слѣда снѣга или растительности, этотъ хребетъ безжизненнымъ видомъ и страпностью формы получилъ названіе «Чортова пальца». На томъ же островѣ имѣются также горныя вершины въ 2—3 тысячи футовъ высоты, на столько заостренныя, что если-бы смѣлый искатель приключеній какъ-нибудь взобрался на нихъ, то все-таки не могъ бы найти себѣ тамъ мѣста для отдыха. Въ бухтѣ Магдалины дугообразная стѣна скалъ, на концахъ ограниченная двумя высокими горами имѣетъ видъ крѣпости съ брустверами, зубчатыми стѣнами и стрѣльницами. Одни горы образуютъ совершенно правильныя четырехгранныя пирамиды, покоящіяся на четырехугольномъ основаніи, другія оканчиваются острымъ гребнемъ, какъ крыши громаднаго ряда домомовъ. На большинство этихъ горъ рѣшительно нельзя взойти, и уже многіе смѣлые мореходы за попытку изучить Шпицбергенскія высоты искалѣчили себя или же поплатились жизнью.

Когда Баренцъ и Гемскеркъ открыли этотъ островъ, то нѣсколько смѣлыхъ матросовъ вскорабкались на скалы. чтобы набрать яйцъ, но, сходя обратно внизъ, они увидѣли подъ собой ужасную смѣсь зіяющихъ пропастей, острыхъ скалъ и совершенно вертикальныхъ обрывовъ. Этотъ страшный видъ напугалъ смѣльчаковъ. Подать имъ помощь не было возможности, и они рѣшились, несмотря на всѣ опасности, предпринять обратный путь. Послѣ необыкновенныхъ усилій, длившихся цѣлые часы, большею частью скатываясь лежа съ одной скалы на другую, имъ удалось, наконецъ, достичь равнины.

Менѣе счастливъ былъ одинъ голландскій купецъ, который въ 1612 г. сопровождалъ на Шпицбергенъ первое голландское китоловное судно. При попыткѣ взойти на одну изъ главныхъ горъ острова Карла, онъ поскользнулся и сломалъ себѣ шею.

Скорезби въ своихъ замѣткахъ объ арктическихъ странахъ оставилъ намъ интересное описаніе горнаго восхожденія на Шпицбергенъ.

На Mitre Cape поднимается холмъ въ 1500 футовъ высоты, къ нему съ сѣвера примыкаетъ другая гора, почти двойной высоты. 23-го іюля въ 10 часовъ по полудни знаменитый китоловъ съ нѣсколькими спутниками, отправился въ путь, чтобы подняться на высоту, куда еще не ступала нога человѣка. Въ тѣни перваго

холма термометръ показывалъ температуру + 2° Р. На вершинѣ онъ поднялся до + 4°, а на противоположномъ склонѣ даже до + 5° и 6°, такъ что на вершинѣ горы, имѣющей по меньшей мѣрѣ до 3000 футовъ высоты, *полуночное* солнце имѣло еще силу поднять температуру на нѣсколько градусовъ надъ точкой замерзанія, и вызвать нѣсколько шумящихъ водныхъ потоковъ съ оконечности, покрытой снѣгомъ. *)

Склонъ холма былъ крутъ и покрытъ такимъ количествомъ розсыпного камня, что не было возможности итти вверхъ обыкновеннымъ шагомъ, а нужно было всходить или прыжками, или бѣгомъ—что, конечно, было затруднительно и не безопасно. Не далеко отъ вершины перваго холма лежалъ ледяной или снѣговой поясъ, черезъ который прямо перейти не было никакой возможности. По краю этого пояса, вдоль почти отвѣсныхъ скалъ, прошли путники нѣсколько сотенъ шаговъ, бросая въ глубину при каждомъ шагѣ каменья; наконецъ, удалось смѣльчакамъ достичь обнаженнаго ребра, которое счастливо довело ихъ до вершины. Послѣ короткаго отдыха, во время котораго успѣли собрать нѣсколько геологическихъ экземпляровъ и небольшое количество растеній, росшихъ въ трещинахъ скалъ, отправились въ путь, чтобы взойти на второй холмъ. Въ одномъ мѣстѣ ребро скалы, по которому они шли, было такъ узко, что Скорезби могъ сидѣть на немъ верхомъ, спустивъ по сторонамъ ноги. До самой вершины не было твердыхъ скалъ, а только каменныя розсыпи, отчасти покрытыя чернымъ лишаемъ. Различныя растенія (камнеломки, ивнякъ, ложечная трава и осока), попадавшіяся путникамъ до высоты 2000 футовъ, отсюда вверхъ совершенно исчезли. Когда достигли вершины, солнце коснулось сѣвернаго горизонта и своими лучами освѣщало, покрытыя снѣгомъ оконечности горъ. Закругленная вершина образовала площадь, около четверти моргена; съ южной стороны она была доступна, остальныя спускались почти вертикально въ глубину. Во время восхожденія, нѣсколько большихъ камней оторвалось отъ склона. Прыгая со скалы на скалу, эти камни при каждомъ толчкѣ поднимали густое облако пыли, и увлекали съ собою множество мел-

*) Высшая температура, замѣченная Скорезби на Шпицбергенѣ, доходила до + 7°, но въ 1773 г., когда капитанъ Филиппсъ посѣтилъ эту сѣверную страну, термометръ однажды поднялся до + 12°, а Бичей наблюдалъ даже въ бухтѣ Магдалины на льду, освѣщенномъ полуночнымъ солнцемъ, теплоту въ + 18°, тогда какъ въ то же время въ тѣни термометръ показывалъ только + 2°.

нихъ каменьевъ. Наконецъ, все успокаивалось въ глубокомъ снѣговомъ ложѣ на 2000 футовъ ниже того мѣста, откуда первоначально сорвались камни. Нѣкоторые изъ нихъ во время паденія разбились на мелкіе куски, другіе, имѣвшіе дискообразную форму, катясь по краю и дѣлая скачки въ нѣсколько сотъ футовъ, однако достигли глубины въ совершенной цѣлости.

Видъ съ вершины горы былъ далекъ и величественъ. Къ востоку и сѣверо-западу взору представились глубоко вырѣзанные фіорды, а къ западу раскрывалась безконечная синева моря. Среди дикой панорамы вокругъ лежащихъ горныхъ колоссовъ, мѣстами, виднѣлись громадныя массы ледниковъ, которыя, наполняя долины и противясь дѣйствію солнечныхъ лучей, спускались до приморскаго берега.

Надъ этимъ міромъ снѣга и черныхъ скалъ виднѣлся сводъ безоблачнаго неба темнаго голубаго цвѣта, неба, освѣщеннаго полуночнымъ дневнымъ свѣтомъ—поразительное впечатлѣніе величественной картины усиливалось еще отъ смутнаго чувства опасности, возбуждавшагося вокругъ зіяющими пропастями и идущими къ небу горными вершинами.

Но мужественное сердце моряковъ способно было ощущать только удивленіе и радость,—надѣясь на свои испытанныя силы, они чувствовали себя хозяевами окружающей ихъ пустыни. Высота, на которой они находились, и яркій свѣтъ вызвали явленіе замѣчательнаго оптическаго обмана.

Море, находившееся, по крайней мѣрѣ, на разстояніи часа отъ путниковъ, казалось ближе ружейнаго выстрѣла, а горы, отдаленныя на нѣсколько миль, казались весьма близкими и кораблю, качавшемуся далеко отъ берега на волнахъ океана, какъ будто угрожала опасность отъ близкаго скалистаго берега.

Обратный путь съ завоеванной горы было предпріятіемъ весьма трудпымъ. Крутой спускъ, казалось, измѣнился въ страшную пропасть. Нужно было обдумывать каждый шагъ по острымъ камнямъ, которые были такъ разсыпчаты, что уступали подъ каждымъ шагомъ, и путники нерѣдко падали спиной на горный склонъ. Осторожно они должны были сходить, чтобы не поранить ногъ.

Когда же, наконецъ, съ большими усиліями достигли они вершины перваго холма, то рѣшились, чтобы избѣжать затруднительнаго пути вдоль узкаго скалистаго берега, скатиться съ крутого склона подъ угломъ около 50°. Здѣсь камни были такъ малы и такъ сыпучи, что путники сидя катились очень быстро. У подошвы

холма путь перерѣзывался широкой полосой снѣга. Моряки безъ страха продолжали катиться по мягкой, легко подающейся массѣ, сначала съ уменьшенной скоростью, но потомъ, когда достигли ледянаго пояса, шириною футовъ въ 100, покатились они съ быстротою стрѣлы, такъ что внизу оставшіеся люди со страхомъ смотрѣли на такое не безопасное катанье съ горъ.

Счастливо окончивъ восхожденіе, Скорезби продолжалъ свой путь по берегу, усѣянному костями сѣверныхъ оленей и моржей; попадались также и человѣческія кости, которыя или валялись вокругъ или покоились въ гробахъ, похожихъ на ящики. Нашли нѣсколько когда-то обитаемыхъ русскихъ хижинъ, и въ нихъ и около нихъ валялась домашняя утварь. По берегу мѣстами лежали капканы для лисъ и западни для птицъ. Что сдѣлалось съ охотниками разставлявшими эти снасти?

Надъ каменными береговыми розсыпями множество морскихъ птицъ свили свои гнѣзда, и громкимъ крикомъ и смѣлымъ отраженіемъ защищались они отъ нападенія хищныхъ чаекъ, летавшихъ вокругъ этого мѣста.

Единственное найденное здѣсь насѣкомое была небольшая зеленая муха, а вдоль берега въ морѣ кишили безчисленные слизняки (Clio borealis). Сильные сѣверо-западные вѣтры покрыли берега массами пузырчатой водоросли (Fucus vesiculosus) и пластинчатою водорослею (Laminaria saccharina)—тѣ же виды выбрасываются бурей и на наши берега.

Видъ крайняго сѣвера радовалъ любознательнаго Скорезби, но онъ еще болѣе заинтересовался мертвымъ китомъ, который, несмотря на то, что распухъ и началъ гнить, все-таки былъ цѣнной находкою.

При первомъ же сдѣланномъ разрѣзѣ ворвань полилась фонтаномъ. Затруднительно и не скоро совершалась перевозка ворвани на корабль, который, по причинѣ опасныхъ береговъ, стоялъ отъ острова на разстояніи 2 англійскихъ миль. Послѣ того, какъ нагрузили 5 лодокъ жира, перемѣнился вѣтеръ и отогналъ корабль такъ далеко, что лодка съ большимъ трудомъ достигла его. Между тѣмъ половина экипажа оставалась на берегу и только на слѣдующій день могла взойти на корабль.

Гораздо менѣе извѣстный и посѣщаемый восточный берегъ Шпицбергена далеко не такъ крутъ, высокъ и изрѣзанъ, какъ западный. Обступающія островъ горныя цѣпи, идущія отъ сѣвера къ югу, постепенно понижаются къ полуденной части острова. Западный берегъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ удобенъ для стоянки кораблей. Луч-

шая и обширнѣйшая гавань, въ 6 англійскихъ миль длиною и въ 2 мили шириною, находится въ бухтѣ Магдалины, которая, однако, мало посѣщается китоловами, но зато хорошо знакома путешественникамъ по арктическимъ странамъ.

Здѣсь между прочимъ стояли «Доротея» и «Трентъ», которые въ 1818 г. подъ начальствомъ Бухана и въ послѣдствіи столь знаменитаго Франклина, шли къ сѣверному полюсу, Тутъ же нѣсколько недѣль провелъ французскій корветъ «La Recherche», на которомъ плыли въ арктическія страны Гемаръ, Роберъ, Мартинъ и Мармье. Французская веселость оживила Шпицбергенскія пустыни, и пѣсни Беранже пѣлись тамъ, гдѣ только раздавался крикъ морскихъ птицъ. Послѣднихъ на самомъ дѣлѣ здѣсь безчисленно много. Большая пирамидальная гора въ глубинѣ бухтѣ получила названіе Rodge-hill (Пыжиковый холмъ) отъ громаднаго количества этихъ маленькихъ чистяковъ, покрывающихъ ея подножіе. Бичей видѣлъ этихъ птицъ, сидящихъ сплошною линіей въ 3 англійскихъ мили, и притомъ такъ тѣсно, что однимъ выстрѣломъ было убито 30 штукъ. Ихъ насчитываютъ до 4 милліоновъ, взлетая, они затемняютъ свѣтъ и на разстояніи 4 англійскихъ миль ясно слышенъ ихъ оглушительный хоръ.

Кромѣ этихъ птицъ и другія животныя оживляютъ романтическую обильную ледниками бухту. Въ хорошіе лѣтніе дни къ крику чистяковъ, пырковъ и чаекъ примѣшивается веселый ревъ грѣющагося на солнцѣ моржа и грубый лай тюленей.

Хотя всѣ эти звуки вовсе не гармоничны, все же имъ радовался Бичей, потому что въ нихъ выражалось ощущеніе счастія столькихъ существъ. Но лишь только солнце начинаетъ склоняться къ полюсу, какъ все умолкаетъ и надъ бухтой парятъ величественное безмолвіе, которое только время отъ времени нарушается трескомъ ледниковъ. Здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, мы видимъ полнѣйшую противоположность тропическимъ странамъ, гдѣ въ поляхъ и лѣсахъ жизнь пробуждается только послѣ заката солнца, тогда какъ во время дневного зноя вся природа предается покою.

Много ледниковъ заходятъ въ бухту Магдалины и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ отвѣсную стѣну до 300 футовъ вышины. Здѣсь вся природа представляется въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что ни громадный ледяной валъ, ни другія стѣны ледниковъ не возбуждаютъ удивленія, пока не подойдешь къ нимъ на самое близкое разстояніе.

Въ тихую погоду соединенное дѣйствіе подводнаго льда и отра-

женіе отъ находящейся подъ водою стѣны ледника производитъ замѣчательный оптическій обманъ. Вода принимаетъ молочно-бѣлый цвѣтъ, тюлени какъ будто ныряютъ въ массѣ густыхъ сливокъ, и дѣйствительность замѣчается только тогда, когда, перегнувшись черезъ край лодки, смотришь въ прозрачную глубь.

Вблизи стѣны ледника должно сохранять самую глубокую тишину, такъ какъ ледяныя массы всегда готовы оторваться и часто достаточно малѣйшаго движенія воздуха, что бы произвести ихъ паденіе.

Въ первыя времена китовой ловли, когда заливы и гавани Шпицбергена часто посѣщались кораблями, которые иногда становились на якорь подъ самыми стѣнами ледниковъ, паденіе этихъ послѣднихъ имѣло по временамъ горестныя послѣдствія. Такъ въ 1619 году одно судно англійской компаніи, занесено было бурей въ Белль-Зундъ. Пока оно старалось удалиться отъ угрожающей ледяной стѣны, страшная глыба оторвалась, сломала мачты и опрокинула корабль на бокъ такъ сильно, что капитанъ и часть экипажа были выброшены въ море. Первый остался живъ и невредимъ, но два матроса убиты и многіе ранены.

Когда Бичей съ Буханомъ и Франклиномъ посѣтилъ бухту Магдалины, они выстрѣлили изъ ружья на разстояніи половины англійской мили отъ ледника. Вскорѣ съ громомъ громадныя глыбы отломились и упали въ море. Экипажъ спокойно смотрѣлъ съ лодки на величественное зрѣлище, какъ вдругъ поднялась огромная волна съ быстротою, противъ которой нельзя было предпринять никакихъ мѣръ, и выбросила на берегъ маленькое судно на 96 футовъ отъ моря.

Въ другой разъ Франклинъ и Бичей подошли къ описанному нами громадному ледяному валу. Какъ вдругъ съ него скатилась исполинская глыба, сопровождаемая страшнымъ шумомъ и водою, которая доселѣ скрывалась въ трещинахъ, а теперь, освобожденная, безчисленными водопадами и потоками стекала съ ледника. Волны покатились, нагоняя другъ друга по широкимъ заливамъ бухты.

Сначала ледяная гора совершенно скрылась въ глубинѣ кипучаго моря и въ облакахъ поднявшихся водяныхъ брызговъ, но скоро она вынырнула снова, поднялась на сотни футовъ надъ водою, и закачалась на нѣсколько минутъ, стряхая съ себя потоки соленой воды. Когда льдина успокоилась, тогда нашли, что она въ окружности не менѣе 1500 футовъ; на 60 футовъ она высилась надъ поверхностью воды, и вѣсила болѣе 400,000 тоннъ.

Надо думать, что Норвежцы давно уже догадались о существованіи земли къ сѣверу отъ Финмарка по стаямъ перелетныхъ птицъ, стремящихся позднею весною къ полюсу, и по случайнымъ посѣщеніямъ бѣлыхъ медвѣдей на плавучихъ льдинахъ, приплывавшихъ къ югу. Безъ всякаго сомнѣнія, Норвежцы первые открыли Шпицбергенъ, но исторія ничего не знаетъ объ этихъ путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, и только въ XVI столѣтіи Европа познакомилась съ этимъ безлюднымъ архипелагомъ. Сомнительно, видѣлъ ли сэръ Гугъ Виллугби въ 1553 г. Шпицбергенъ, но достовѣрно извѣстно, что 16 іюня 1596 г. Баренцъ, Гимскеркъ и Рипъ, отправившіеся на двухъ корабляхъ для изслѣдованія полярнаго моря, замѣтили горную страну и дали ей имя, которая она сохранила до настоящаго времени.

Позднѣе Шпицбергенъ назвали Новою Землей, а потомъ Восточной Гренландіей, такъ какъ полагали, что онъ соединяется съ Гренландіей. Въ 1607 г. несчастный Генрихъ Гудзонъ посѣтилъ Шпицбергенъ, а ¼ года спустя первые англійскіе китоловы стали посѣщать мѣстныя обильныя рыбою воды. Здѣсь встрѣтились Англичане съ Голландцами, Норвежцами и Біскайцами изъ Байоны и другихъ сѣверо испанскихъ гаваней—и скоро возгорѣлись кровавыя распри въ этой крайней точкѣ земнаго шара.

Въ 1613 году Іаковъ 1-й предоставилъ Russia Company исключительное право ловли въ Шпицбергенскихъ водахъ. Компанія скоро вооружила 7 кораблей и изгнала Голландцевъ, Норвежцевъ и Біскайцевъ. Не долго, однако, побѣда оставалась за Англичанами, и она переходила то на сторону Голландцевъ, то снова къ Англичанамъ. Наконецъ, всѣ партіи согласились мирно раздѣлить между собою пользованіе Шпицбергеномъ. Англія, ссылаясь на открытіе Виллугби, завладѣла Велль-зундомъ и другими превосходными бухтами. Голландцы, опираясь на Баренца, выбрали островъ Амстердамъ своимъ главнымъ сборнымъ пунктомъ. Между обоими помѣстились Датчане и Норвежцы, которые, считая Шпицбергенъ за продолженіе Гренландіи, объявили себя обладателями всей земли.

Наконецъ, Біскайцы, не имѣя никакихъ достаточныхъ доводовъ, и, что еще хуже, не обладая силой, дающей вѣсъ самымъ неосновательнымъ требованіямъ, должны были удовольствоваться нѣсколькими плохими станціями на сѣверѣ.

Теперь сѣверные китоловы большею частью держатся въ открытомъ морѣ и рѣдко заходятъ въ эти части арктическаго моря, но тогда въ одной и той же бухтѣ стояло по 40 кораблей вмѣстѣ и

высылали они свои лодки противъ китовъ. Въ огромныхъ котлахъ на берегу вываривалась ворвань, отчего лѣтомъ Шпицбергенскіе фіорды считали своихъ гостей тысячами.

Многочисленныя могилы доказываютъ оживленность этой страны въ тѣ времена, и въ то же время большую смертность тогдашнихъ китолововъ. Особенно часты могилы на Смеренской горѣ, гдѣ большія береговыя полосы усѣяны, какъ кладбища, надгробными камнями и крестами. Буханъ велѣлъ разрыть нѣсколько такихъ могилъ и нашелъ въ нихъ трупы, сохраненные холодомъ отъ гніенія.

Шерстяные колпаки и чулки Голландцевъ, можетъ быть, уже столѣтія два покоившихся въ обледенѣлой землѣ, были, какъ новыя.

Въ XVII столѣтіи Англичане и Батавы дѣлали попытки основать небольшія колоніи на необитаемомъ Шпицбергенѣ. Russia Company старалась за высокую плату навербовать охотниковъ, которые должны были прожить тамъ цѣлый годъ, но такъ какъ таковыхъ не нашлось, то было обѣщано помилованіе преступникамъ, которые согласятся на это условіе. Нѣкоторые приняли предложеніе, но увидѣвъ здѣшнія пустыни, стали умолять, чтобъ ихъ возвратили въ тюрьмы.

Въ 1630 г. одинъ китоловъ выслалъ на берегъ 8 матросовъ для ловли сѣверныхъ оленей. Матросы остались ночевать на землѣ, въ это время поднялась буря, и когда они на слѣдующее утро подошли къ берегу, то всѣ суда, на которыхъ они приплыли, уже исчезли. Это случилось въ концѣ августа, и не было надежды, чтобы въ такое позднее время года появилось какое либо судно, которое бы снова возвратило обществу оставленныхъ людей. Можно вообразить себѣ отчаяніе несчастныхъ, но они рѣшились мужественно бороться съ угрожающей зимой, вмѣсто того, чтобы безъ всякой пользы жаловаться на свой жребій. Первой заботой было собрать запасъ жизненныхъ припасовъ, и въ короткое время они убили 19 сѣверныхъ оленей и 4 медвѣдей. По счастію они нашли въ Гриnъ-Гарбурѣ и въ Белль-зундѣ нужный матеріалъ для постройки хижины. Здѣсь былъ построенъ для мастерской рабочихъ Russia Company большой сарай въ 50 футовъ длины и 40 ширины.

Въ этомъ пространствѣ они весьма разумно построили себѣ небольшое жилище изъ камней и толстыхъ брусьевъ. Такимъ образомъ, они пріобрѣли надежную защиту отъ леденящаго вѣтра, и пространство, въ которомъ они могли имѣть свободное движеніе, даже во время бури—лучшее предохранительное средство отъ убійственной цинги. Постели и зимнія одежды они сдѣлали себѣ изъ

звѣриныхъ шкуръ, которыя сшивали, употребляя вмѣсто иголъ обломки костей, а вмѣсто нитокъ обрывки канатовъ. 12 сентября хижина была построена, а чтобы сохранить сколь возможно долго запасъ мяса, они 4 дня въ недѣлю питались остатками китового жира, разбросаннаго въ большемъ количествѣ по землѣ.

Съ 26-го Октября по 15-ое Февраля они не видали солнца, а съ 13-го Декабря по 1-ое Января не было даже сумерекъ. Новый годъ сказался страшнымъ морозомъ. Металлъ прилипалъ какъ клей къ пальцамъ, а когда необходимо было принести снѣгу или воды, это отъ рѣзкаго воздуха обнаженныя мѣста покрывались пузырями.

15-го Февраля, когда снова показалось солнце, и освѣтило вершины горъ, страдальцамъ показалось, что они воскресли и пробудились отъ смерти къ жизни. Радость ихъ увеличилась, когда они замѣтили на льду двухъ медвѣдей, изъ которыхъ удалось одного убить, но они впервые узнали на опытѣ то, что нерѣдко послѣ испытывалось другими, а именно, что печень этого звѣря иногда обладаетъ ядовитыми свойствами, и отъ употребленія ея въ пищу, дѣлалась лихорадка и лупилась кожа.

Въ началѣ марта запасы истощились, но бѣлые медвѣди появлялись чаще и доставляли достаточную пищу. Скоро появились перелетныя птицы; лисы вышли изъ своихъ норъ и много этихъ звѣрей попалось въ капканъ.

24-го мая на морѣ взломало ледъ, и на слѣдующій день половина бухты уже очистилась. Тутъ поднялся сильный вѣтеръ и маленькое общество собралось въ хижинѣ. Тамъ, сидя передъ огнемъ и говоря о проведенной зимѣ и о скоромъ избавленіи, вдругъ услышали моряки громкое англійское «Hallo boys». Они вскочили и бросились изъ хижины—и едва вѣрили своимъ глазамъ, когда ихъ встрѣтили друзья, а хорошо знакомый корабль спокойно стоялъ въ фіордѣ. Такимъ образомъ эти 8 матросовъ послѣ 10 мѣсячнаго пребыванія подъ 75° с. ш. совершенно здоровыми встрѣтились со своими.

Когда такимъ образомъ была доказана возможность перезимовать на Шпицбергенѣ, семеро Голландцевъ рѣшились добровольно послѣдовать примѣру Англичанъ и провести длинную ночь арктическаго пояса на островѣ Амстердамъ. Этотъ опытъ, однако, не такъ счастливо кончился, какъ первый,—всѣ семеро погибли отъ цинги. Въ оставшемся дневникѣ найдена грустная повѣсть ихъ страданій. «Четверо изъ нашихъ», говорятъ послѣднія слова, «еще живы и

лежатъ, растянувшись, на землѣ; они могли бы ѣсть, если бы хотя одинъ изъ насъ могъ принести пищу и дровъ для огня: но отъ страданій и слабости мы не въ состояніи пошевелиться. Мы постоянно молимъ Бога, чтобы Онъ насъ освободилъ. Безъ пищи и тепла мы, конечно, долго не проживемъ. Мы не въ состояніи помогать другъ другу и каждый долженъ нести свой крестъ, какъ можетъ».

Съ тѣхъ поръ Голландцы и Англичане оставили всякое намѣреніе основать прочныя колоніи на Шпицбергенѣ; но почти ежегодно русскіе зимуютъ тамъ благополучно.

Уже съ XVII столѣтія на своихъ ладьяхъ, отъ 60 до 160 тоннъ вмѣстимости, объѣзжали они берега этой сѣверной земли и охотились за тюленями, бѣлугами и, въ особенности, за моржами. Въ іюлѣ мѣсяцѣ выѣзжаютъ промышленники изъ гаваней Архангельска, Мезени, Онеги, Колы и др. и остаются зимовать въ какой нибудь изъ Шпицбергенскихъ бухтъ. Во все это время охотники живутъ на землѣ, по двое или по трое въ маленькихъ хижинахъ (7—8 футовъ въ ширину и въ длину), которыя они строятъ изъ привезенныхъ досокъ вдоль берега, на разстояніи 10—50 верстъ другъ отъ друга. Большая хижина въ 10—25 квадр. футовъ строится близъ мѣста, гдѣ стоитъ судно и служитъ для храненія привезенныхъ запасовъ на 18 мѣсяцевъ. Запасы состоятъ изъ ржаной и овсяной муки, ячменя, гороха, солонины, рыбы, кислаго молока, меду, льняного масла и большого количества квасу; спиртные напитки, по многимъ причинамъ, совершенно запрещены. Для отопленія набираютъ по берегамъ выброшенный плавучій лѣсъ. Зимой охотники рѣдко дѣлаютъ далекія экскурсіи, но предпринимаютъ небольшія путешествія на лыжахъ, при чемъ везутъ за собой салазки, нагруженныя жизненными припасами. Иногда ихъ застаютъ въ пути метели, отъ которыхъ они ложатся на землю; впрочемъ, охотники нерѣдко погибаютъ отъ продолжительныхъ метелей. Отъ цинги защищаются движеніемъ и тщательно сгребаютъ снѣгъ вокругъ своихъ маленькихъ жилищъ. Нерѣдко они принуждены употреблять вмѣсто двери дымовое отверстіе. Какъ противоцинготное средство, они употребляютъ здѣсь же ростущую ложечную траву, которой собираютъ большіе запасы и которую ѣдятъ сырою, или пьютъ, какъ чай. Съ тою же предохранительною цѣлью они пьютъ настой изъ сосновыхъ побѣговъ и различныхъ ягодъ, которыя привозятъ съ собою изъ родины. Однако же, не всегда удается избѣжать страшной болѣзни. Такъ, въ 1837 г. на южномъ мысѣ по-

гибло 22 русскихъ. Въ 1838 г. у Тысячи Острововъ стала на якорѣ ладья съ 18 человѣками, а 6 мѣсяцевъ спустя, на ладьѣ и въ хижинахъ царила смерть. Въ 1771 г. присталъ къ плоскому мысу въ царской бухтѣ Стевардъ изъ Уптби, чтобы набрать плавучаго лѣса, и нашелъ здѣсь русскую хижину. Послѣ тщетныхъ вызововъ отворили дверь и на землѣ увидѣли трупъ, лицо котораго было покрыто зеленою плѣсенью. Вѣроятно, этотъ несчастный, похоронивъ своихъ товарищей, остался одинъ и ему никто не могъ отдать послѣдняго долга.

Пребываніе на Шпицбергенѣ сопряжено со многими лишеніями и опасностями не только зимою, но даже и лѣтомъ во время охоты, которая предпринимается судами изъ норвежскихъ и датскихъ гаваней; кромѣ того часто случается, что тѣ, которые отправляются на охту бываютъ склонны къ пьянству, что часто угрожаетъ опасностью цѣлому экипажу. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Гаммерфеста была отправлена небольшая шлюбка на островъ, лежащій выше Шпицбергена, гдѣ въ минувшемъ сезонѣ было убито много моржей, чтобы посмотрѣть, не истребили-ли медвѣди ихъ трупы. Ожиданія охотниковъ оправдались; тутъ собралось около пятидесяти медвѣдей, которыя наслаждались трупами моржей.

Экипажъ состоялъ изъ десяти человѣкъ, изъ которыхъ шкиперъ и семь матросовъ высадились на берегъ, чтобы напасть на медвѣдей врасплохъ; шлюпку-же они укрѣпили якоремъ къ ледяной горѣ, которая показалась имъ очень крѣпкою и находилась невдалекѣ отъ острова; на шлюпкѣ они оставили двоихъ матросовъ, строго приказавъ имъ стеречь лодку и никуда не отлучаться. Охота на медвѣдей оказалось вполнѣ удачною; было убито двадцать одинъ медвѣдь, а остальные спаслись тѣмъ, что бросились въ море. Конечно, охота заняла много времени; караульные, оставленные на шлюпкѣ, соскучились и отправились въ каюту капитана, гдѣ хранилась бочка съ виномъ; сначала они только хотѣли понюхать, потомъ попробовали и напились до безсознательнаго состоянія. Въ то время, какъ они находились въ такомъ блаженномъ состояніи забвенія, поднялся одинъ изъ внезапныхъ сѣверныхъ тумановъ, вода поднялась, ледяная гора поплыла, а вмѣстѣ съ нею скрылась въ туманѣ и шлюпка: охотники не обратили вниманія на туманъ, такъ какъ полагали, что гора устойчива. Когда они покончили съ медвѣдями, то поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ оставили шлюпку. Но каково было ихъ удивленіе, когда они не нашли ни шлюпки, ни горы? Они стали кричать и подавали

сигналы; затѣмъ они выплыли на своей лодкѣ въ море, объѣхали сосѣдніе острова и, наконецъ, такъ запутались, что потеряли и и тотъ островъ, на которомъ охотились за медвѣдями. Послѣ долгихъ трудовъ они опять нашли этотъ островъ и пробыли тамъ нѣсколько дней, надѣясь, что когда погода прояснится, то шлюпка опять вернется къ острову. Погода прояснилась, но шлюпки не было видно и слѣда, и имъ приходилось теперь или остаться на островѣ и обречь себя на голодную смерть; или-же собрать все свое мужество и вернуться въ Норвегію, до которой было 480 миль, въ небольшой лодочкѣ. Какъ смѣльчаки, они рѣшились на послѣднее; одну лодку они оставили на островѣ, а въ другую сѣли сами и захватили съ собою столько медвѣжьяго мяса, сколько только можно было, потомъ всѣ восемь человѣкъ усѣлись въ лодку и гребли поочередно, четверо за-разъ; Провидѣніе послало имъ хорошую погоду, и имъ удалось достигнуть береговъ Финнмарка въ одну недѣлю, хотя и истощенными отъ голода, усталости и жажды.

Почти на полпути между Гаммерфестомъ и Шпицбергеномъ, лежитъ Медвѣжій островъ, открытый въ 1596 году Баренсомъ, Гиммскеромъ и Рипомъ. Этотъ островъ нѣсколько лѣтъ спустя посѣтилъ англичанинъ Стефанъ Беннетъ, посланный къ сѣверу лондонскимъ альдерменомъ Франциской Шери; Беннетъ назвалъ островъ именемъ своего патрона, и, увидѣвъ тамъ большое количество моржей, въ слѣдующемъ 1604 г. прибылъ къ этимъ берегамъ, чтобы заняться ловлею морскихъ чудовищъ на кораблѣ, снаряженнымъ имъ вмѣстѣ съ купцомъ Пельденомъ. Первыя попытки Беннета были не очень успѣшны. Изъ стаи моржей, по крайней мѣрѣ, въ тысячу особей удалось убить только 15, въ другой разъ изъ такой же стаи убито 50. Брали съ собою только бивни, которые съ бивнями, найденными на берегу, составили главный доходъ экспедиціи. Пробовали стрѣлять моржей изъ ружей, но такъ какъ пули мало причиняли вреда этимъ толстокожимъ животнымъ, то стали бить ихъ дробью въ глаза, и ослѣпленныхъ моржей добивали топорами.

Черезъ годъ Вельденъ самъ повелъ экспедицію, и на этотъ разъ убито большее количество моржей, не на землѣ, а на льду. Также привезли съ собой котлы и дрова, чтобы вываривать на мѣстѣ жиръ, и такимъ образомъ было добыто большое количество ворвани.

Въ 1606 г. Беннетъ снова является на Медвѣжьемъ острову и сдѣлался такимъ искуснымъ моржебойцомъ, что менѣе чѣмъ въ 6 часовъ, набилъ 700—800 моржей, которые дали 22 тонны ворв-

вани и 3 большихъ бочки бивней. Въ слѣдующую поѣздку Вельденъ въ 7 часовъ убилъ не менѣе тысячи моржей.

Такимъ образомъ пустынный Медвѣжій островъ обогатилъ предпріимчиваго купца, и хотя моржи теперь не такъ многочисленны, какъ въ старину, но все же охота на нихъ продолжаетъ интересовать промышленниковъ. Норвежцы ежегодно являются у закованныхъ еще льдомъ береговъ для боя моржей и тюленей, а Русскіе часто зимуютъ здѣсь. Какой-то купецъ изъ Гаммерфеста построилъ на сѣверной оконечности острова хижину, чтобы моряки, задержанные бурями или льдами, могли здѣсь провести зиму. На западномъ берегу находится такая же хижина, построенная Русскими. Другихъ зданій и памятниковъ нѣтъ на островѣ. Въ одномъ изъ этихъ жилищъ, по свидѣтельству Мармье, какой-то Русскій провелъ 7 зимъ, а Норвежскій капитанъ прожилъ 2 года сряду. Въ первый годъ онъ убилъ 677 моржей, 30 песцовъ и 3 бѣлыхъ медвѣдей; вторая зима была слишкомъ бурна и холодна, такъ что охота была менѣе удачна. Голодные бѣлые медвѣди взлѣзали даже на крышу хижины и здѣсь встрѣчали смерть.

Мармье оставилъ намъ увлекательное описаніе своего краткаго посѣщенія Медвѣжьяго острова.

«Мы сѣли на двѣ лодки и должны были долго плыть на веслахъ вдоль берега, пока не нашли годное для высадки мѣсто. Повсюду мы видѣли утесы, о которые море билось бѣлой пѣной, и скалы, на причудливыя формы которыхъ мы не уставали смотрѣть: обелески, развалины средне-вѣковыхъ замковъ, страшные идолы выставлялись изъ за-прибоя. Но удивительнѣе всѣхъ была скала, поднимавшаяся передъ нами: она имѣла видъ большой четырехъугольной башни и казалось верхомъ могущественной крѣпости. Здѣсь все было: и выходящій уголъ, какъ уголъ бастіона, и зубчатый брустверъ и плоская терраса. Повсюду волны подмыли широкое подножіе больверка и съ шумомъ скрывались въ темнотѣ. По всѣмъ выдающимся мѣстамъ было разсѣяно множество бѣлыхъ точекъ, которыя при ружейномъ выстрѣлѣ съ рѣзкимъ и меланхолическимъ крикомъ поднялись на воздухъ.

«Нѣсколько далѣе мы увидѣли высокую, совершенно обнаженную гору, вершина которой была закрыта широкой туманной полосой; вѣроятно, это былъ 1.100 футовой Элендсбергъ старика Баренца. Я направился съ Гемаромъ къ сѣверу. Массы снѣга все еще покрывали большую часть сѣрой равнины; мѣстами вода образовала темныя лужи. Изъ почвы не поднималось ни кустарника, ни ра-

своихъ водъ къ сѣверу и заноситъ сюда слабые слѣды своей благотворной теплоты.

Существуетъ преданіе, что одинъ человѣкъ, именно моржовый промышленникъ Ложкинъ, еще въ прошломъ столѣтіи обогнулъ весь восточный берегъ, и чтобы проникнуть въ Карское море, два раза перезимовалъ на Новой Землѣ. Знаменитый кругосвѣтный путешественникъ Литке четыре раза пытался пробраться вдоль восточнаго берега Новой Земли, но безуспѣшно; всѣ усилія обращались въ ничто передъ бурями и ходомъ льда, и казалось, что эти страны вѣчной зимы навсегда должны будутъ оставаться неизслѣдованными для человѣка. Однако же, несмотря на неудачу предшествовавшихъ попытокъ, два предпріимчивыхъ человѣка,—оберъ-форштмейстеръ Клоковъ и богатый Архангельскій купецъ Брантъ, рѣшились употребить часть своего состоянія, чтобы еще разъ попытаться проникнуть въ тайны Карскаго моря, и съ этой цѣлью въ 1832 году снарядили 3 корабля.

Первое судно, подъ начальствомъ лейтенанта Кротова, должно было проникнуть черезъ Маточкинъ шаръ, и, перерѣзавъ поперекъ Карское море, дойти до устьевъ Оби и Енисея. Надѣялись, что Кротову удастся пробраться старымъ торговымъ путемъ, по которому сто лѣтъ назадъ корабли нерѣдко доходили до Обдорска, но съ того времени, какъ Кротовъ и его товарищи отдѣлились отъ другихъ судовъ, о нихъ уже никогда не было никакого слуха.

Второй корабль, который долженъ былъ подняться вдоль западнаго берега, и по возможности обогнуть сѣверную оконечность Новой Земли, окончилъ счастливѣе свое плаваніе. Хотя этому судну и не удалось достигнуть сѣверо-восточной оконечности Новой Земли, все же онъ возвратился назадъ съ богатымъ грузомъ моржевыхъ бивней.

Третій корабль, подъ начальствомъ Пахтусова, долженъ былъ проникнуть черезъ Карскія ворота и отсюда подняться вдоль восточнаго берега. Слѣдуя своей инструкціи, смѣлый морякъ Пахтусовъ достигъ Карскихъ воротъ, но далѣе уже не могъ пройти. Нѣсколько разъ онъ направлялся къ востоку, но бури и громадныя массы плавучихъ льдовъ, отбрасывали его назадъ. Короткое лѣто уже приближалось къ концу, и Пахтусовъ долженъ былъ отложить до слѣдующаго года свои надежды и перезимовать въ скалистой бухтѣ Карскихъ воротъ. Изъ плавучаго лѣса было построена хижина, которая парусинною галлереею соединялась съ банею, этой необходимой потребностью Русскихъ. Надо было защищаться отъ нападенія

бѣлыхъ медвѣдей и выдержать нѣсколько сильныхъ метелей. Въ хорошую погоду экипажъ занимался разстановкою капкановъ, въ которые попадались песцы, и сборомъ плавучаго лѣсъ, который часто приходилось перепосить верстъ за десять. Въ хижинѣ мало страдали отъ холода, такъ какъ стѣны хижины были прокопопачены мохомъ, въ которомъ выросли былинки дюймовъ въ 8 длины—это едва ли не единственное тепличное растеніе, выращенное на Новой Землѣ.

Въ апрѣлѣ Пахтусовъ предпринялъ большую экскурсію вдоль берега на западъ; 24-го мая экспедицію застала такая страшная метель, что люди должны были лечь на землю ничкомъ, чтобы страшный вихрь не сбросилъ ихъ. Такимъ образомъ люди оставались подъ снѣгомъ три дня безъ пищи, потому что не могли достать съѣстныхъ припасовъ, зарытыхъ въ нѣсколькихъ верстахъ. 24-го іюня, наконецъ, расчистились Карскія ворота и Пахтусовъ охотно бы пустился въ открытое море, если бы все еще замерзшій корабль могъ двинуться съ мѣста. Поэтому Пахтусовъ, чтобы не потерять времени, рѣшился ѣхать въ лодкѣ вдоль восточнаго берега, и такимъ образомъ достигъ небольшой рѣчки Савины, гдѣ найденъ деревянный повалившійся крестъ. Этотъ крестъ, судя по надписи (1742) г.), вѣроятно, былъ поставленъ Ложкинымъ, предшественникомъ Пахтусова на томъ же пути открытій. Послѣ этого лодка воротилась къ кораблю, который могъ оставить бухту только одиннадцатаго іюня послѣ 297 дневнаго заключенія.

На островѣ Стадольскомъ, близъ мыса Меншикова, путешественники нашли остатки человѣческихъ слѣдовъ. Жалкая хижина свидѣтельствовала о томъ, что они не впервые вступили въ эти пустыни. Но хижина была оставлена, и только человѣческія кости, лежавшія вокругъ нея на землѣ, доказывали, что нѣкогда и здѣсь жили люди. При этомъ одинъ изъ спутниковъ Пахтусова разсказалъ, что въ 1822 г. одинъ самоѣдъ, Мавей съ женою и дѣтьми отправился на Новую Землю и не вернулся на родину. Изъ обглоданныхъ, вѣроятно, дикими звѣрьми костей можно было сложить два дѣтскихъ и одинъ женскій скелеты; а мущины не оставалось и слѣдовъ. Вѣроятно несчастнаго во время экскурсіи застала метель и похоронила подъ снѣжнымъ саваномъ, или же голодный бѣлый медвѣдь растерзалъ его, а жена и дѣти, которыхъ судьба лишила кормильца, умерли съ голоду. 13-го августа Пахтусовъ вошелъ въ Маточкинъ шаръ и только 19-го августа достигъ западнаго устья этого пролива.

Такимъ образомъ, Пахтусову удалось первому обойти южный берегъ Новой Земли. Но такъ какъ запасы съѣстныхъ припасовъ истощились, то нельзя было и думать о второй зимовкѣ въ этой ледяной пустынѣ, и Пахтусовъ рѣшился возвратиться на родину. Противные вѣтры занесли его 25-го августа къ острову Колгуеву, а спустя нѣсколько дней къ устью Печоры, гдѣ, наконецъ, 3-го сентября все еще продолжавшаяся буря разбила его судно. Экипажъ укрылся въ хижинѣ, но и она была залита и снесена волнами. Двухъ больныхъ цингою принуждены были нести на спинѣ на разстояніи двухъ верстъ по водѣ. Послѣ этого Пахтусовъ отправился сухимъ путемъ съ отчетомъ о своемъ путешествіи въ Петербургъ, гдѣ его приняли съ заслуженнымъ отличіемъ. По сдѣланнымъ имъ изысканіемъ можно было ожидать, что Пахтусову посчастливится дополнить недостающее во второй экспедиціи, и по повелѣнію императора были снаряжены шхуна «Кротовъ» и транспортное судно, съ которыми 24-го іюля стараго стиля 1833 г. Пахтусовъ снова оставилъ Архангельскій портъ. Предназначалось перезимовать въ Маточкиномъ шарѣ, и отсюда на слѣдующее лѣто итти далѣе къ сѣверу вдоль восточнаго берега. Зимнее жилище на западномъ концѣ пролива было построено изъ 3 старыхъ хижинъ и сюда перешли 8-го октября. Для Новой Земли это помѣщеніе имѣло большіе размѣры (25 футовъ въ длину, 21 футъ въ ширину, въ серединѣ 8 футовъ, а по бокамъ 5 футовъ, въ вышину) и состояло изъ двухъ отдѣленій: одно для экипажа, другое для офицеровъ. Помѣщеніе это хотя и не отличалось тепломъ, но живущихъ очень безпокоилъ дымъ, который невсегда свободно шелъ въ продѣланное для него отверстіе въ крышѣ. Кромѣ того метели заносили хижину такимъ толстымъ покровомъ или же такъ страшно бушевали, что путешественники дней по восьми не могли выходить изъ хижины; часто отверстіе въ крышѣ должно было замѣнять имъ дверь. Въ теченіи зимы около хижины было убито 11 бѣлыхъ медвѣдей: одинъ на крышѣ а другой даже въ сѣняхъ.

Пахтусовъ, зная, что постоянныя занятія лучше всего отгоняютъ печальныя мысли, держалъ экипажъ въ непрерывной дѣятельности. Плавучій лѣсъ набирался за 10—11 верстъ, и когда сосѣдняя рѣчка замерзла, то были принуждены приносить в[illegible] изъ озера, отдаленнаго на $5^1/_2$ верстъ, нерѣдко при 30° морозѣ. Экипажъ, одѣтый въ самоѣдскія шубы, хорошо переносилъ такіе сильные морозы, тѣмъ болѣе, что холода болѣе чѣмъ въ 25° Р, совпадали съ безвѣтренною погодою.

Кромѣ этихъ работъ Пахтусовъ занималъ людей еще тѣмъ, что заставлялъ разставлять капканы для песцовъ и приказывалъ часто ихъ осматривать. Гимнастика и стрѣльба въ цѣль также были введены и потому бичъ сѣверныхъ странъ, цинга была настолько задержана, что первые слѣды ея показались въ мартѣ, и только одинъ матросъ, отличавшійся лѣнью, погибъ отъ этой болѣзни.

Въ апрѣлѣ неутомимый Пахтусовъ предпринялъ экспедицію для описанія части восточнаго берега, и для этой цѣли велѣлъ сдѣлать пару деревянныхъ саней. Съ одними онъ отправился самъ въ путь въ сопровожденіи 7 человѣкъ, а другія сани онъ поручилъ штурману Цыволкѣ съ 5 матросами. Обои сани отправились вмѣстѣ до восточнаго входа въ Маточкинъ шаръ, гдѣ путешественники нашли еще въ хорошемъ состояніи одну изъ хижинъ, въ которой 70 лѣтъ тому назадъ зимовалъ Розмысловъ. Здѣсь Пахтусовъ отпраздновалъ съ товарищами Свѣтлый праздникъ. Затѣмъ Пахтусовъ отправился въ обратный путь, чтобы геодезически снять берегъ пролива. Цыволка же отправился вдоль восточнаго берега, захвативъ съ собою небольшую палатку и провіантъ на мѣсяцъ. Всѣ люди были одѣты въ самоѣдское платье, но они такъ привыкли къ холоду, что даже ночью не надѣвали на себя капишоновъ отъ верхняго платья, не смотря на то, что не разъ ихъ заставала метель. Однажды, разсказываютъ, у нихъ такъ замерзли сапоги, что ихъ нельзя было снять, не отогрѣвъ на огнѣ, а дровъ не было, то были принуждены сжечь штанги палатки и надъ этимъ костромъ держать ноги, пока кожа сапоговъ не сдѣлалась мягкою.

6 мая, на 34 день своего путешествія, Цыволка наконецъ возвратился къ своему начальнику, изслѣдовавъ восточный берегъ на 150 верстъ къ сѣверу.

Между тѣмъ Пахтусовъ началъ строить лодку въ 18 футовъ длиной, и на ней должны были обойти съ запада сѣверный и восточный берега. Къ половинѣ мая появились первыя прилетныя птицы и пріятно измѣнили однообразную пищу моряковъ. До 30 іюня было убито 41 большая чайка, 149 чистиковъ, 30 гагъ и собрано 814 яицъ, преимущественно гагачихъ. Передъ отъѣздомъ появились травы и цвѣты, а также найдено много противуцинготныхъ растеній; ихъ ѣли въ видѣ салата. Итакъ, страна крайняго сѣвера оказалась на этотъ разъ гостепріимною. 30 іюня Пахтусовъ и Цыволка на транспортѣ, имѣя при себѣ лодку, отправились вдоль западнаго берега къ сѣверу, а шкуна съ врачемъ и нѣсколькими больными осталась въ проливѣ. Сначала какъ будто вѣтеръ и волны

благопріятствовали морякамъ, но 9 іюня двѣ громадныхъ льдины ударили въ судно и послѣ толчка немедленно разошлись. Судно было такъ повреждено, что едва хватило времени соскочить на плавучія льдины, захвативъ съ собой морскіе инструменты, мѣшокъ муки, немного масла и двѣ маленькихъ лодки, съ помощью которыхъ и достигли твердой земли. Здѣсь пришлось путешественникамъ провести 13 дней въ самомъ безнадежномъ положеніи, пока не появилось китоловное судно, которое взяло ихъ къ себѣ и 10-го августа перевезло на ихъ зимнюю стоянку.

Такимъ образомъ первая попытка совершенно не удалась, а большая потеря времени, ею причиненная, отнимала надежду сдѣлать дальнѣйшія работы. Но ревностный Пахтусовъ намѣревался все еще воспользоваться послѣдними днями короткаго лѣта и уже 14 августа онъ снова поплылъ черезъ проливъ къ востоку, но здѣсь, по сторону острова, названнаго его именемъ, ледъ прекратилъ дальнѣйшее плаваніе.

Убѣжденный въ безполезности дальнѣйшей борьбы съ сѣверной природой, Пахтусовъ оставилъ не вполнѣ описанные берега и 8-го сентября отправился въ Архангельскъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія смѣлый морякъ заболѣлъ, и 4 недѣли спустя друзья снесли его въ могилу.

Арктическій океанъ такъ капризенъ, что въ слѣдующемъ году тюленебоецъ Исаковъ изъ Кеми, никогда не думавшій объ открытіяхъ, безъ всякаго труда обогнулъ свободную ото льда сѣверовосточную оконечность Новой Земли, но худая слава этихъ береговъ побудила его воротиться назадъ черезъ нѣсколько часовъ.

Во время двукратной зимовки на Новой Землѣ штурманъ Циволка дѣлалъ нѣсколько разъ въ день термометрическія наблюденія. По этимъ наблюденіямъ на западномъ устьѣ Маточкина шара, средняя годичная температура равняется—8°,37 Ц., а на юго-восточной оконечности Новой Земли—9°,45 Ц.

Поэтому на Новой Землѣ зима менѣе холодна, чѣмъ въ Восточной Сибири и въ сѣверныхъ частяхъ Сѣверной Америки, однако же тутъ живутъ люди, и не только туземные жители этихъ пустынь—Эскимосы и Кучинскіе Индійцы, Самоѣды и Якуты, но и Русскіе въ такъ называемыхъ городахъ и Англичане въ нѣкоторыхъ фортахъ Гудзонъ-Байской Компаніи.

Если на Новой Землѣ нѣтъ постоянныхъ жителей и растительность едва поднимается изъ земли, то это обстоятельство нельзя приписывать исключительно низкой годичной температурѣ, но также не-

благопріятному распредѣленію теплоты по различнымъ временамъ года.

Всѣ обитаемыя страны холодныхъ частей Сибири и Сѣверной Америки, хотя и имѣютъ болѣе суровую зиму, чѣмъ Новая Земля, но зато и болѣе жаркое лѣто, и это обстоятельство обусловливаетъ количество жизни на твердой землѣ въ высшихъ широтахъ.

На зиму органическій міръ отчасти засыпаетъ подъ защитою глубокихъ снѣговъ, отчасти предпринимаетъ дальнее путешествіе, или же, наконецъ, въ самомъ себѣ производитъ достаточное количество внутренней теплоты, противодѣйствующей внѣшнему холоду— и поэтому для нѣкоторыхъ животныхъ и растеній морозъ на нѣсколько градусовъ болѣе или менѣе невреденъ. Напротивъ, лѣтняя теплота необходима какъ для перваго появленія жизни, такъ и для развитія ея періодическихъ явленій.

Сравнительно умѣренная зима Новой Земли, средняя температура которой доходитъ только до—19,66° Ц., тогда какъ въ Устьянскѣ она равняется—33° Ц., а въ Якутскѣ даже—42,5 Ц., мало благопріятна для органической жизни; напротивъ, большой вредъ приноситъ ей холодное туманное лѣто, почти самое суровое изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ по наблюденіямъ, потому что средняя его температура равняется только + 2,°53 Ц.. Даже Мельвилевы острова и Боотія, самыя холодныя Американскія полярныя страны, пользуются болѣе теплымъ лѣтомъ (+3°,14 и 3°09), и только на двухъ маленькихъ островахъ, по термометрическимъ наблюденіямъ, лѣто холоднѣе, чѣмъ на Новой Землѣ.

Еще внутренность Новой Земли остается непзслѣдованной, и нога человѣка не ступала на значительномъ разстояніи отъ берега, однако, извѣстно, что на всемъ видимомъ здѣсь пространствѣ лѣтомъ земля освобождается отъ снѣга. Но такъ какъ изъ всѣхъ довольно обширныхъ извѣстныхъ пространствъ Новая Земля имѣетъ самое холодное лѣто, то здѣсь и снѣжная линія должна начинаться ближе, чѣмъ гдѣ-нибудь, отъ уровня моря.

Берегъ, гдѣ солнце, не смотря на день, длящійся нѣсколько мѣсяцевъ, развиваетъ такъ много теплоты, и гдѣ все таки произрастаютъ растенія, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе ботаниковъ и всѣхъ интересующихся географическимъ распредѣленіемъ растеній. Если интересно въ Бразильскихъ первобытныхъ лѣсахъ познакомиться съ роскошною растительностью и достаточной влажностью почвы, то не менѣе любопытно для натуралиста, какъ флора, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, выдерживаетъ борьбу со смертью.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ славныхъ путешествій потребовалось изслѣдовать Новую Землю въ ботаническомъ отношеніи. Академикъ Беръ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ естествоиспытателей, Лемана и Редера, предпринялъ такую научную экспедицію и напечаталъ отчетъ объ ней въ бюллетеняхъ Императорской С.-Петербургской Академіи. Если принять во вниманіе трудность и опасность такого путешествія, то нельзя не подивиться ученому, который, пользуясь вполнѣ заслуженной славой, на старости лѣтъ оставляетъ всѣ удобства жизни, чтобы въ непріютной пустынѣ собрать плоды для науки.

Академикъ Беръ и его спутники 17 іюля стараго стиля 1837 г. благополучно добрались до Маточкина шара и въ концѣ того же мѣсяца на лодкѣ проникли въ шаръ и достигли Карскаго моря, гдѣ видѣли много ктенофоръ, которыя, кажется, жили совершенно привольно въ этихъ холодныхъ водахъ, и блистали роскошными цвѣтами. Положеніе было затруднительно, когда западный штормъ воспрепятствовалъ возвращенію ихъ на лодкѣ, и они должны были провести ночь у промышленниковъ-моржебойцевъ. На другой день, къ счастью, буря затихла, такъ что явилась возможность попытаться вернуться назадъ, но они, дрожа и промокши до костей, должны были пристать къ одному изъ острововъ Бѣлужьей бухты и искать пріюта въ хижинѣ, въ которой зимовалъ Розмысловъ въ 1767 г.; здѣсь они обогрѣлись, обсушились и приготовили себѣ теплую пищу. Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнился къ востоку, небо заволокло тучами, но все-таки путешественники подняли парусъ и уже ночью, вымоченные насквозь, возвратились на свою стоянку; на горахъ въ это время шелъ снѣгъ.

«Мы должны еще считать себя счастливыми говоритъ Беръ, что поплатились такимъ короткимъ наказаніемъ, отъ котораго одинъ изъ насъ заболѣлъ простудой».

4-го августа, послѣ того какъ подробно изслѣдовали окрестности Маточкина шара въ ботаническомъ отношеніи, путешественники снялись съ якоря, что бы на западномъ берегу, смотря по обстоятельствамъ, пристать къ сѣверу или къ югу отъ пролива. Вѣтеръ рѣшилъ послѣднее и привелъ ученыхъ въ Костинъ шаръ, такъ называются проливы между многочисленными островами, къ которымъ чаще всего пристаютъ моржебойцы Новой земли. 9 августа предпринято плаваніе вверхъ по рѣкѣ Исхватовѣ. Хижина, когда-то построенная для ловли гольцовъ, послужила пристанищемъ для путешественниковъ.

По возвращеніи путешественниковъ изъ этой поѣздки, разразилась страшная буря которая длилась 9 сутокъ и по счастью захватила ботаниковъ въ Костиномъ шару, а не въ открытомъ морѣ. Хотя судно стояло на якорѣ въ маленькой бухтѣ, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ морскихъ волнъ, но вода нерѣдко перебрасывалась черезъ палубу судна и буря продержала путешественниковъ 9 сутокъ въ маленькой каютѣ. Еще разъ попытались они выйти на берегъ, но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что съ трудомъ можно было держаться на ногахъ; что-же касается до научныхъ наблюденій, то объ этомъ нечего было и думать. Положеніе ученыхъ было тѣмъ опаснѣе, что экипажъ, посланный еще до бури на охоту за звѣрями, не возвращался и можно было опасаться, не сдѣлался-ли онъ жертвою бушующихъ стихій.

Послѣ бури казалось, что зима готова была настигнуть. Каждую ночь рѣка покрывалась льдомъ, а земля снѣгомъ, покрывшимъ въ полномъ цвѣтѣ и безъ того скудную растительность. Наконецъ, послѣ страшныхъ страданій возвратился экипажъ, и начались приготовленія къ рѣшительному отъѣзду. Всѣ вымылись въ банѣ, безъ чего никто не оставляетъ стоянки на Новой Землѣ и, по заведенному старинному обычаю, поставили на берегу крестъ въ память экспедиціи.

28 августа снялись съ якоря; но скоро опять вернулись обратно, чтобы пристать на сосѣдній островъ для изслѣдованія растеній и животныхъ земли и прибрежья. Земля дала весьма мало, зато удивительно изобиліе продуктовъ моря.

Здѣсь густой туманъ задержалъ путешественниковъ на нѣсколько дней, послѣ чего они направились обратно къ Бѣлому морю, но сѣверо-западные вѣтры загнали ихъ къ Тремъ-островамъ. Безжизненною и пустынною казалась имъ прежде тундра этихъ крайнихъ оконечностей Лапландіи, но теперь они нашли восхитительными зеленые склоны, отъ зрѣлища которыхъ они отвыкли на Новой Землѣ. Наконецъ, 11 сентября они достигли Архангельска, радуясь пріятной перспективѣ провести зиму въ Петербургѣ, а не выдержать зимовку по ту сторону 70° с. ш. въ хижинѣ, какъ это случалось съ Розмысловымъ.

Скалистый западный берегъ Новой Земли представляетъ почти такой же видъ, какъ соотвѣтствующая сторона Шпицбергена; и здѣсь поднимаются высокія горы, особенно на сѣверномъ островѣ до высоты 3—4 тысячъ футовъ. Напротивъ, восточный берегъ вообще плосокъ, здѣсь какъ и тамъ склоны покрыты острыми, съ вер-

шинъ скалъ сброшенными каменными глыбами, которыя много мѣшаютъ дальнѣйшему восхожденію. Здѣсь камни вообще не выдерживаютъ погоды, вслѣдствіе сырого лѣта и суровой зимы. Нигдѣ на Новой Землѣ нѣтъ покрытаго травою сплошного пространства, которое можно было бы назвать лугомъ, даже нѣтъ мѣста сплошь покрытаго мохомъ. Листовидные лишаи, роскошные въ Лапландіи, здѣсь прозябаютъ скудно, что, какъ замѣчаетъ Беръ, зависитъ болѣе отъ почвы, чѣмъ отъ климата, такъ какъ эти растенія любятъ преимущественно известковую почву. Только коровидные лишаи покрываютъ своею пестрою одеждою каждую авгитовую или порфировую глыбу. Что еще нѣсколько напоминаетъ Лапландскія тундры, такъ это—желтоватый дернъ, на которомъ растетъ мѣстами Dryas octopetala, покрывающій сухіе горные склоны, образованные каменною розсыпью. Впрочемъ, и эта растительность, которая появляется на Новой Землѣ, имѣетъ только одинъ дюймъ толщины и снимается, какъ паркъ, съ лежащей подъ ней скалы.

Грустное украшеніе Лапландскихъ высотъ, Empetrum nigrum, Arbutus alpinus и болѣе крупныя Azalea procumbens и Betula nana здѣсь совершенно не существуютъ, также точно Ledus palustre, и Rubus chamaemorus, столь распространенныя вообще въ арктическихъ странахъ, вовсе здѣсь не видны, такъ какъ почва не образуетъ торфа.

Болѣе вывѣтрѣлыя горныя породы покрыты сравнительно большею растительностью, въ особенности растеніями, образующими дернъ, какъ Silene acaulis Saxifraga oppositifolia.

На глинянной почвѣ въ глубокихъ мѣстахъ произрастаетъ мохъ, служащій убѣжищемъ для полярнаго тальника, самый обыкновенный видъ изъ тамошнихъ кустарныхъ растеній, но въ то же время и самый низкорослый, потому что на каждой вѣткѣ поднимаются только два листочка и сережка изъ мховаго покрова.

Даже растительный слой почвы съ трудомъ образуется на Новой Землѣ, потому что большое количество тамошнихъ кустарныхъ растеній сохнетъ на мѣстѣ и уносится, не удобряя почвы. Земля казалась бы еще обнаженнѣе, если бы многія растенія, которыя вовсе не нуждаются въ растительномъ слоѣ, не прозябали въ трещинахъ скалъ, или на кремнистыхъ розсыпяхъ, гдѣ въ промежуткахъ скапливается влажность, какъ, напримѣръ, снѣжный лютикъ (Ranunculus nivalis), которому нужна только снѣговая вода; онъ уже цвѣтетъ, когда почва еще не согрѣлась до 1°.

Впрочемъ, и на Новой Землѣ есть мѣста, гдѣ флора какъ бы

расточаетъ всѣ свои богатства. Такой садъ нашелъ Беръ у подножія высокой, обращенной къ юго-западу и солнечными лучами освѣщаемой сланцевой горы. Съ удивленіемъ онъ увидѣлъ пеструю смѣсь пурпуровыхъ силенъ, золотистыхъ лютиковъ, бѣлыхъ цератей, голубыхъ палемонъ, и въ особенности обрадовался, замѣтивъ знакомую незабудку, которая по недостатку зелени казалась еще красивѣе.

Между отдѣльными цвѣтками повсюду видна земля. Двусѣмядольныя растенія на крайнемъ сѣверѣ производятъ зелени не болѣе чѣмъ это нужно для того, чтобы усилить впечатлѣніе отъ смѣси цвѣтовъ, такъ что, смотря сверху, больше видишь цвѣтовъ, чѣмъ листвы.

Отсутствіе сорныхъ травъ дѣлало это мѣсто еще болѣе похожимъ на садъ. Болѣе 30 различныхъ видовъ украшали пестрый коверъ, но такъ какъ каждое растеніе мало оказывало способности завладѣвать пространствомъ посредствомъ размноженія, то эти растенія живутъ въ совершенномъ согласіи между собой.

На Новой Землѣ, вся растительность ограничивается верхнимъ слоемъ почвы, и самымъ низшимъ слоемъ воздуха. Даже растенія, имѣющія въ болѣе теплыхъ климатахъ нисходящій корень, въ этихъ мѣстахъ имѣютъ корень горизонтальный, и нѣтъ ни одного растенія, даже злаковъ и кустарниковъ, которые были бы выше одного фута. У полярнаго тальника на тонкомъ, въ соломенку, стеблѣ сидитъ только парочка листьевъ, хотя все растеніе довольно велико и весьма развѣтвлено. Другой видъ вербы, который изъ деревьевъ Новой Земли, можетъ назваться исполинскимъ, Salix lanata, поднимается надъ почвою до рѣдкой высоты—одного фута, а толстый подземный стволъ, имѣющій до 2 футовъ въ поперечникѣ, можно отрыть на 10—12 фут. и все еще не дойти до конца. Слѣдовательно, эти лѣса ростутъ болѣе въ землѣ, чѣмъ надъ нею.

Причина такого горизонтальнаго распространенія растительности состоитъ въ томъ, что солнце преимущественно нагрѣваетъ поверхность почвы, и непосредственно надъ нею лежащій слой воздуха, и слѣдовательно, позволяютъ растеніямъ развиваться только въ этихъ узкихъ границахъ.

Недостатокъ деревьевъ и кустарниковъ и даже высокой травы вызываетъ особенное чувство одиночества, которое овладѣваетъ даже самымъ грубымъ матросомъ. «Какъ будто»,—говоритъ Беръ,—«наступило лишь утро творенія, и жизнь послѣдуетъ уже затѣмъ». Только шорохъ какого-нибудь звѣря прерываетъ тишину. Ланд-

шафтъ оживляется крикомъ кружащейся чайки, или шорохомъ робкой медвѣдки. При тихой погодѣ спокойствіе природы, особенно въ ясный день, напоминаетъ тишину могилы, и какъ привидѣнія являются выскакивающія изъ земли, бѣгущія по прямой линіи и также быстро скрывающіяся медвѣдки.

У насъ и легкое движеніе воздуха замѣтно по движущимся вершинамъ деревьевъ, или на волнующихся хлѣбныхъ поляхъ, а здѣсь низкія растенія какъ-будто нарисованы, такъ они не подвижны. Изрѣдка являющійся шмель, лѣниво летающій въ солнечные дни на согрѣтыхъ мѣстностяхъ, едва жужжитъ, какъ у насъ въ дождливое время.

Мухъ и комаровъ чаще видишь, но въ такомъ маломъ количествѣ, и они вообще незлобивы и вялы. Въ доказательство рѣдкости насѣкомыхъ на Новой Землѣ, Беръ приводитъ, что не нашелъ даже слѣдовъ личинокъ на трупѣ моржа, который 14 дней лежалъ на берегу. На крайнемъ сѣверѣ трупы гніютъ чрезвычайно медленно даже на поверхности земли.

Какъ ни скудна растительность Новой Земли, но она питаетъ большое количество медвѣдокъ, которыя кормятся злаками, стволами кустарниковъ и цвѣтами, но не ѣдятъ корней. Отлогіе склоны горъ часто изрыты во всѣхъ направленіяхъ подземными ходами этихъ животныхъ.

По многочисленности распространенія, за медвѣдками на Новой Землѣ являются песцы, которые находятъ себѣ обильную пищу въ медвѣдкахъ, молодыхъ птицахъ и въ томъ, что выбрасываетъ море. Лѣтомъ почти не видно бѣлыхъ медвѣдей; сѣверные олени, по крайней мѣрѣ на западномъ берегу, также стали рѣдки, какъ надо полагать, отъ многочисленныхъ перезимовокъ въ послѣдніе годы.

Стада морскихъ птицъ, живущихъ въ отдѣльныхъ пунктахъ берега, доказываютъ, что море даетъ больше, чѣмъ земля. Особенно часто встрѣчается Uria troile, которыя тѣсно сидятъ въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ, по едва замѣтнымъ выступамъ вертикальныхъ скалъ, и покрываютъ темные камни бѣлыми полосами и пятнами. Русскіе называютъ такое гнѣздовье базаромъ. На вершинахъ отдѣльныхъ утесовъ гнѣздится, нетерпящая сосѣдства другихъ птицъ, большая сѣрая чайка (Larus glaucus), которую голландскіе китоловы назвали бурмистромъ. Если бѣлый медвѣдь считаетъ себя царемъ на землѣ, то эта чайка можетъ считаться владыкою морской птицы, и другая не осмѣлится оспаривать у нея лакомаго куска.

Однако, не однихъ морскихъ птицъ питаетъ море: къ пустынпымъ берегамъ Новой Земли уже нѣсколько столѣтій привлекаетъ оно человѣка. Задолго до путешествія Боренца и его знаменитой зимовки (1594—1596), страна была извѣстна русскимъ промышленникамъ: Бурругъ, заѣзжавшій въ 1556 г. въ Колу отыскивать несчастнаго Виллугби, и послѣ доходившій до Печоры, видѣлъ въ Кольской губѣ не менѣе 30 ладей, предназначенныхъ для моржеваго промысла на Новой Землѣ.

Достовѣрно неизвѣстно, посѣщали-ли до Русскихъ эту полярную страну предпріимчивые норманны; извѣстно только, что съ тѣхъ поръ, какъ голландцы познакомили образованную Европу съ Новой Землей, ея берега постоянно посѣщаются русскими промышленниками. Какъ всѣ спекуляціи, основанныя на охотѣ, и эти промыслы имѣютъ характеръ азартной игры. Если море окажется негостепріимнымъ, то убытки очень велики, зато иногда одинъ день вознаграждаетъ за цѣлые мѣсяцы. Такъ, въ 1834 г. промыслы были весьма удачны, вслѣдствіе чего въ 1835 г. къ Новой Землѣ отправилось около 80 судовъ, на которыхъ было, по крайней мѣрѣ, тысячу человѣкъ. Но на этотъ разъ счастіе не слишкомъ благопріятствовало промышленникамъ и на слѣдующій годъ число судовъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину. Въ 1837 г. число ихъ сократилось до 20, и, по словамъ Бера, только одно судно, вошедшее въ Карское море, вернулось съ барышемъ, два-же другія съ трудомъ покрыли издержки на снаряженіе, а остальныя едва покрыли половину расходовъ.

Наиболѣе распространенъ здѣсь моржевый промыселъ, затѣмъ ловля бѣлуги. Изъ тюленей морской заяцъ (Phoca albigena Pallasii) отличается толстой шкурой, обильнымъ жиромъ и величиной, за нимъ слѣдуютъ Phoca groenlandica и Phoca hispida. Гренландскій китъ никогда не заходитъ къ берегамъ Новой Земли, поэтому надо полагать, что норманны, въ IX столѣтіи, вблизи Нордъ-Капа преслѣдовали спинопераго кита съ очень короткими усами, который особенно часто появляется у сѣверныхъ береговъ Лапландіи. Страшная косатка (Delphinus orca) живетъ въ этихъ моряхъ. Въ водахъ, омывающихъ Новую Землю, ловится горный лососъ (Salmo alpinus), который осенью поднимается въ горныя озера, и въ иные годы ловится и увозится на материкъ въ огромномъ количествѣ. Наконецъ, казарка, по крайней мѣрѣ, на южномъ островѣ, встрѣчается такъ часто, что сборъ выпавшихъ крыловыхъ перьевъ, составляетъ не послѣдній предметъ охотничьей добычи.

Много обильнѣе, чѣмъ на Новой Землѣ, гдѣ растительность слишкомъ скудна, привлекаются питающіяся растеніями водяныя птицы на островъ Колгуевъ, который какъ будто покрытъ гусями и лебедями. Архангельскій купецъ разсказывалъ Беру, что однажды въ двѣ охоты тамъ убили 15.000 гусей.

Русскіе промышленники нанимаютъ самоѣдовъ для охоты на Колгуевѣ. Самоѣды кочуютъ съ своими подвижными юртами по всему острову; обыкновенно, черезъ годъ приходятъ хозяева за ними и за убитыми тюленями, лисами, утками, лебедями и гусями. Нѣкоторые самоѣды оставались лѣтъ по 10 на островѣ. Самые бѣднѣйшіе изъ нихъ отправляются на Колгуевъ за минутное наслажденіе водкой, которую хозяева продаютъ имъ въ 30 разъ дороже, чѣмъ она стоитъ, и которою самоѣды напиваются до безчувствія.

ГЛАВА VII.

Лапландцы.

Тромздаль.—Стадо сѣверныхъ оленей и ихъ пастухи.—Лапландское лѣтнее жилище.—Колыбель.—Конгрессъ карликовъ.—Доеніе сѣверныхъ оленей.—Гамме.—Малочисленность Лапландцевъ.—Ихъ постепенное вымираніе—Ихъ исторія и обращеніе въ христіанство.—Духовенство въ Лапландіи.—Суевѣріе лапландцевъ.—Горные, лѣсные Лапландцы и рыбаки.—Путешествіе на лыжахъ и саняхъ.—Охота на медвѣдей.—Образъ жизни Лапландцевъ-рыбаковъ на Энарскомъ озерѣ.

Бѣдный лапландецъ! Какъ рѣдко ты, несчастный сынъ крайняго сѣвера, слышишь доброе о тебѣ слово. При одномъ твоемъ имени въ душѣ невольно слагается понятіе о физической неразвитости, неопрятности и невѣжествѣ, никто не замѣчаетъ твоихъ скромныхъ добродѣтелей, которыми ты обладаешь, или о тѣхъ невзгодахъ, которыя ты испытываешь.

Гордый скандинавъ, которому ты никогда не могъ противустоять, и который тебя постепенно тѣснилъ съ юга все далѣе и далѣе въ арктическую пустыню, называетъ тебя накипью человѣчества, употребляетъ твое имя, какъ бранное слово, считая тебя не лучше собаки, которую съ презрѣніемъ толкаетъ ногой. Но мы не должны соглашаться съ такимъ безпощаднымъ судомъ, это было бы несправедливо; мы прежде навѣстимъ твою суровую родину, войдемъ въ твою темную хижину, посмотримъ тебя у домашняго очага и на покрытой снѣгомъ горѣ, и постараемся познакомиться съ тобой поближе, прежде чѣмъ произнесемъ надъ тобой свой судъ.

Мы начнемъ съ того, что послѣдуемъ за англичаниномъ Гуртономъ (Voyage from Leith to Lapland), который во время своего пребыванія въ Тромзоѣ, посѣтилъ твою родину и послушаемъ, что говоритъ о тебѣ этотъ достовѣрный и безпристрастный наблюдатель.

СТАДО СѢВЕРНЫХЪ ОЛЕНЕЙ.

Дозвол. цензур. Спб. 20 Авг. 1896 г. *Тип. Д. призр. мал. бѣдн. Лит., 26.*

Быть можетъ мы составимъ послѣ того нѣсколько лучшее мнѣніе о тебѣ; и, во всякомъ случаѣ, такая экскурсія интересна и поучительна для читателей.

«Тромздаль»,—по словамъ Гуртопа,—«образуетъ огромную дугу между высокими рядами горъ. Дно долины, имѣющей ширину отъ 700 до 2.000 шаговъ, живописно покрыто кустарникомъ. Надо мной небо было также ясно и такого же голубого, цвѣта, какъ въ Италіи. Позади меня входъ въ долину казался замкнутъ высокими, одѣтыми снѣгомъ, горами; впереди стлалась длинная зеленая полоса между бѣлыми стѣнами, потому что на крайнихъ оконечностяхъ полоса эта ограничивалась скалами, покрытыми фантастическими ледниками. Съ сѣрыхъ утесовъ на обѣ стороны катались безчисленные мелкіе потоки. На каждомъ шагу они перерѣзывали дорогу и стремились слиться съ Тромздаль-эльфомъ. Я уже на 4 или 5 англійскихъ миль углубился въ эту долину, когда легкій вѣтерокъ донесъ до моего слуха какой-то, нелишенный мелодіи, звукъ. Вотъ звукъ повторяется, это, вѣроятно, голосъ лапландца, созывающаго свои стада сѣверныхъ оленей. Я остановился, всмотрѣлся сквозь заслоняющіе видъ кустарники и тамъ увидѣлъ сѣверныхъ оленей парами, тройками и дюжинами. «Да, это были они—природные граждане пустыни», — соединившіеся для общей жизни и движенія! Посмотрите на ихъ поднимающіеся и опускающіеся рога, на ихъ блестѣвшую отъ солнца пеструю шерсть.

«Я быстро подошелъ къ нимъ и тогда только замѣтилъ, что лапландскіе юноша и дѣвушка гнали сѣверныхъ оленей на ночлегъ. У юноши были ясные, веселые, каріе, нѣсколько впалые глаза, руки его были малы, его *поэскъ* (верхняя одежда) состоялъ изъ овчинной шубы шерстью внутрь и спускался до колѣнъ. Сапоги имѣли обыкновенную заостренную форму, доходили на нѣсколько дюймовъ выше щиколокъ и были сдѣланы изъ толстой звѣриной кожи. На головѣ у него была круглая шерстяная шапочка съ красной кистью, и такого же цвѣта шерстяной полоской по краямъ. Такія шапочки особенно нравятся лапландцамъ. Дѣвушка была одѣта такъ же, какъ и ея спутникъ, только поэскъ былъ сдѣланъ изъ грубой, цвѣтной, шерстяной матеріи. Голова не была покрыта и волосы дѣвушки свободно спадали на плечи. Черты лица были мелки, но пріятны, пріятнѣе чѣмъ когда-либо я видѣлъ у лапландокъ. Цвѣтъ лица, какъ и у всѣхъ лапландцевъ красновато-желтый. Ноги были обнажены отъ голенища до колѣна, толсты и безобразны.

«Они при помощи 3 собакъ гнали стадо впередъ. Дѣвушка несла на спинѣ большой холстинный мѣшокъ, который она на ходу наполняла исландскимъ мохомъ, любимою пищею сѣверныхъ оленей. Лѣтомъ этотъ лишай коротокъ, зимой—длиненъ. Подойдя къ болотистому мѣсту, я сорвалъ росшій тамъ особенно длинный и узкій злакъ и спросилъ лапландцевъ, не это-ли растеніе кладутъ они въ сапоги вмѣсто чулокъ, что оба и подтвердили. Это была осока—рѣзунъ (Carex vesicaria), которою лапландцы во всякое время года обвертываютъ себѣ ноги, и тѣмъ сохраняютъ ихъ отъ намипокъ и морозовъ. Мы шли впередъ, загоняя стадо, занятіе, въ которомъ я также принялъ участіе.

«Время отъ времени лапландцы покрикивали на оленей, чтобы подгонять ихъ, я тоже, къ видимому удовольствію моихъ спутниковъ, громко прокричалъ сильное, британское halloo. Вся сцена была очень жива и весела. Яркое солнце, зелень, новость, все соединилось, чтобы сдѣлать для меня эту прогулку самою пріятною.

«Меня мало поразилъ шумъ отъ копытъ сѣверныхъ оленей, чѣмъ того я ожидалъ. Сотни оленей стучали копытами, задѣвая ими другъ объ друга, и все-таки я едва замѣтилъ бы этотъ стукъ, если-бы не прислушался къ нему. Напротивъ, очень непріятенъ храпъ оленей. Стадо линяло, мѣняя зимнюю шерсть, которая, вслѣдствіе этого, имѣла нѣсколько плѣшивый и обдерганный видъ. У прекраснаго передового оленя, вожака стада, на шеѣ висѣлъ колокольчикъ. Забывшись, можно было подумать, что находишься въ Швейцаріи.

«Наконецъ, мы подошли къ стоянкѣ лапландцевъ, которая состояла изъ двухъ гаммъ (лѣтняя хижина), какого-то навѣса на столбахъ и изгороди для оленей. Сюда загнали стадо и скоро цѣлое общество лапландцевъ вышло изъ хижины, со всѣми нужными для ловли снарядами: длинныя петли изъ оленьей кожи или изъ пеньковыхъ веревокъ для привязыванія животнаго и безобразныя деревянныя посудины для молока. Скоро я замѣтилъ какой-то предметъ, лежавшій на высокой травѣ около загороди — это была колыбель ребенка. Она искусно была сдѣлана изъ оленьей шкуры и имѣла форму огромнаго башмака съ высокимъ задкомъ и загнутымъ вверхъ носкомъ. Я вспомнилъ про колыбели сѣверо-американскихъ индійцевъ изъ древесной коры, которыя мать носитъ на спинѣ, вѣшаетъ въ хижинѣ или на дерево настолько высоко, что ребенка не достанетъ ни бродящій волкъ, ни голодная собака. Отъ голов-

ной оконечности колыбели вносилъ кусокъ грубой красной матеріи, которая вокругъ ребенка была такъ крѣпко завернута, что младенецъ едва не задыхался подъ ней, почти не имѣя возможности двигаться. Это герметическое закутываніе приносило, какъ я скоро замѣтилъ, свою пользу, ибо на ткань сѣла огромная муха, которая, казалось, очень охотно пососала бы крови невиннаго существа.

«Здѣсь сошлось до 40 лапландцевъ, которые всѣ были одѣты, какъ мои проводники. На женщинахъ были кожаные пояса, обсаженные свѣтлыми мѣдными блихами, составляющими гордость прекраснаго пола. На простомъ поясѣ мужчинъ, вносилъ въ ножнахъ ножъ. Всѣ мужчины, казалось мнѣ, были ниже 5 футовъ, а женщины и того менѣе.

«Однако же, большинство лапландцевъ было крѣпкаго тѣлосложенія, и объемъ грудной клѣтки немногимъ развѣ уступаетъ росту. По ровной мѣстности походка ихъ была неловка: тѣмъ не менѣе они довольно ловко управлялись со всѣмъ, что нужно для ихъ простой жизни. Физіономіи ихъ вообще выражали глупость, мелкую хитрость и упрямство, которое иногда доходило до отвратительности.

«Весьма понятно, что я сдѣлался предметомъ любопытства, и по нѣсколькимъ недовѣрчивымъ взглядамъ, которыми они обмѣнялись, я замѣтилъ, что мое общество имъ вовсе не было пріятно. Однако, желая пріобрѣсти ихъ дружбу, я обратился къ каждому изъ нихъ съ нѣсколькими норвежскими словами, но вмѣсто отвѣта они только угрюмо посматривали на меня и трясли головами. Ни мало не стѣсняясь этимъ, я снялъ мокрые башмаки и чулки и босой присоединился къ хозяевамъ, чтобы посмотрѣть, какъ они доятъ оленей. Первою работою было поймать непослушныхъ животныхъ. Лапландецъ для этого очень ловко набрасываетъ петлю на рога избраннаго имъ животнаго. Иногда олень не противится этому, но нерѣдко онъ съ петлей и на ней висящимъ лапландцемъ бѣгаетъ вокругъ загороди, таская за собой послѣдняго, пока усталость не вынудитъ его остановиться, тогда лапландецъ очень ловко прикручиваетъ голову оленя къ одному изъ лежащихъ на землѣ бревенъ и приступаетъ къ доенію. Среднимъ числомъ сѣверный олень даетъ полпинты молока, которое также густо, какъ обыкновенныя сливки и сладко до приторности. Этого молока нельзя много выпить, потому что оно слишкомъ жирно. Трудно описать, какъ живо шло дѣло въ загороди; каждому дѣла было достаточно и даже маленькія дѣти упражнялись въ набрасываніи аркановъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

«Вылѣзшая шерсть, падавшая съ бѣгающихъ животныхъ заботливо собиралась для набивки тюфяковъ изъ оленьихъ шкуръ.

«Сидя на камнѣ, я записалъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ въ своемъ бумажникѣ, что произвело, какъ я замѣтилъ, всеобщее неудовольствіе. Вѣроятно они сочли меня за чиновника, ревизующаго подати. Въ то время какъ они съ кислыми минами косо смотрѣли на мое записываніе, я заговорилъ съ лапландцемъ, понимавшимъ по-норвежски, и объяснилъ ему дружескую цѣль своего посѣщенія. Довѣріе дѣтей я уже пріобрѣлъ ранѣе, раздавъ имъ большія ржаныя булки, которыми я наполнилъ карманы еще въ Тромзоѣ. Но дѣти-дикари также мало выказали благодарности, какъ будто я имѣлъ дѣло съ автоматами.

«Ново-зеландецъ строитъ хижины много лучше, чѣмъ обыватели нѣкоторыхъ мѣстностей Ирландіи; жилище ирландца не много лучше такового уроженца огненной земли, а этотъ послѣдній настолько же хорошій архитекторъ, какъ и лапландецъ, гамма котораго состоитъ изъ безформенной массы земли, камней и древесныхъ вѣтвей съ небольшимъ четырехъугольнымъ отверстіемъ для двери и отверстіемъ на верху для дыма. Я влѣзъ въ одно изъ такихъ жилищъ, которое имѣло около 12 фут. въ длину и ширину и въ серединѣ до 10 фут. въ вышину. Свѣтъ въ эту нору проходилъ вмѣстѣ съ дождемъ и снѣгомъ черезъ верхнее отверстіе. Почти весь полъ былъ покрытъ постелями изъ оленьихъ шкуръ. Кругомъ дюжинами висѣли пузыри оленей, наполненные кипяченымъ молокомъ, заготовленнымъ на зиму. Кромѣ этого въ хижинѣ находились: желѣзный котелъ, два маленькихъ шкапчика, въ которыхъ хранили ложки и другая незначительная, самими лапландцами изготовляемая, утварь.

«Мнѣ очень хотѣлось купить лапландскаго сыра, но здѣсь его нельзя было найти. Потомъ я спросилъ у своего переводчика нельзя-ли достать нѣсколько сушеной оленины, и онъ повелъ меня къ особой постройкѣ, имѣющей видъ платформы, держащейся на древесныхъ шестахъ и покрытой шкурами. Вмѣсто лѣстницы, ведущей въ эту кладовую, стоялъ древесный стволъ съ обломанными вѣтвями, остатки которыхъ служили ступенями.

«За-полъ талера я купилъ цѣлую грудь, но этого было мало, мнѣ еще хотѣлось достать себѣ оленью собаку. Хотя лапландецъ очень неохотно разстается съ этимъ полезнымъ для него домашнимъ животнымъ, но серебро имѣетъ такой соблазнительный звукъ и притомъ нигдѣ нѣтъ такихъ поклонниковъ маммонѣ, какъ между дѣтьми крайняго сѣвера. Оленья собака величиной почти съ шотланд-

скаго терьера, но голова поразительно похожа на рысью. Цвѣтъ шерсти весьма различенъ, но она всегда длинна и курчава.

«Я взошелъ на гору по крутому склону, чтобы осмотрѣть сверху стоянку лапландцевъ. Дикій потокъ бѣжалъ по склону и, слѣдуя теченію источника, я достигъ высоты около 600 фут. надъ днемъ долины. Здѣсь начинается вѣчная зима, и вода течетъ по замершему снѣгу, а иногда и подъ нимъ. Въ глубинѣ стояли гаммы и изгороди, освѣщенныя яркимъ лучемъ солнечнаго свѣта, хотя уже было 10 часовъ пополудни. По окончаніи доенія, которымъ вся община была занята въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, мало-по-малу выпустили всѣхъ оленей на свободу. Стадо принадлежало 6 различнымъ владѣльцамъ, которые съ своими семействами и прислугою составляли небольшую общину.

«Когда я сошелъ съ горы, то на берегу Тромздаль-эльфа увидѣлъ безобразнаго лапландца; у ногъ его лежалъ сѣверный олень, котораго онъ только-что припрѣзалъ. Чтобы убить сѣвернаго оленя, лапландецъ беретъ маленькій ножикъ, клинокъ котораго не длиннѣе 2 дюймовъ и вонзаетъ его въ шею. Чтобы не потерять драгоцѣнной крови, ножа не вынимаютъ изъ раны, а вмѣстѣ съ нимъ пускаютъ бѣдное животное, которое скоро затѣмъ падаетъ на землю мертвымъ. Лапландецъ быстро и съ большимъ искусствомъ снимаетъ шкуру, такъ что на нее не попадетъ ни одной капли крови. На возвратномъ пути я видѣлъ группы сѣверныхъ оленей, обгладывающихъ на полной свободѣ побѣги мелколѣсья, и встрѣтилъ лапландца, который велъ 3 большихъ оленя. Они стройно шли другъ за другомъ, неся на спинахъ тяжелые вьюки, которые свѣшивались на ихъ пятнистые бока. Сѣверныхъ оленей можно употреблять, какъ вьючное животное, только послѣ долговременной дрессировки».

Лапландцы занимаютъ обширное пространство на земной поверхности; начиная съ 63° с. ш., они живутъ по всей сѣверной Скандинавіи и Лапландіи до Ледовитаго моря, тѣмъ не менѣе число лапландцевъ вовсе не соотвѣтствуетъ обширной странѣ, по которой они кочуютъ со своими стадами сѣверныхъ оленей.

Во всей Швеціи, Норвегіи и Россіи живетъ не болѣе 9.000 лапландцевъ, что составляетъ не болѣе одного человѣка на квадр. милю, но и эта маленькая кучка ежегодно уменьшается и сливается съ финнами. Не далеко то время, когда лапландцы перестанутъ жить, какъ особый народъ, останутся только въ исторіи и въ воспоминаніяхъ. Это, какъ и другіе подобные примѣры, показы-

ваетъ, что народы, такъ же, какъ и особи, проходятъ фазисы дѣтства, юношества, мужества и старости и, наконецъ, умираютъ, чтобы дать дорогу новымъ, болѣе сильнымъ и культурнымъ народамъ.

Историческія лѣтописи этого народа съ тѣхъ поръ, пока съ достовѣрностью можно прослѣдить за ними, всегда показывали намъ этотъ народъ въ старческомъ возрастѣ, мы не видимъ его смѣлымъ юношей и сильнымъ мужемъ. Но должна же была происходить борьба во время дальняго пути отъ Алтая, колыбели этого народа, до теперешней его сѣверной родины, и любопытно было бы знать, какъ судьба занесла его, наконецъ, на этотъ печальный берегъ. Кто узнаетъ въ этомъ униженномъ теперь народѣ племеннаго брата гордаго мадьяра?

Прослѣдивъ исторію Скандинавіи до самой глубокой древности, мы найдемъ, что лапландцы были самыми древними обитателями этой страны, пока не пришли сыны Одина и не прогнали ихъ съ юга на сѣверъ, завладѣвъ берегами, оставивъ имъ только горы и сѣверныхъ оленей, и принудивъ платить дань.

Въ XIII столѣтіи шведскій король Магнусъ Владиславъ объявилъ, что онъ отдаетъ лапландцевъ тѣмъ, кто ихъ покоритъ; этимъ воспользовалось племя Биркарле, жившее по берегамъ Ботническаго залива и поработило лапландцевъ. Биркарле платило шведскому королю ежегодную подать, и всею тяжестью тираній тяготѣло на лапландцахъ, пока, наконецъ, Густавъ I не освободилъ страну отъ притѣснителей и не подчинилъ ее тѣмъ же законамъ, какими управлялись всѣ другія шведскія провинціи. Онъ также послалъ нѣсколько священниковъ въ Лапландію, чтобы вывести эту страну изъ мрака суевѣрія. Въ 1600 г. Карлъ VII приказалъ построить церкви въ Умео, Питео, Лулео и Торнео. Кромѣ того Густавъ Адольфъ основалъ въ Питео школу для Лапландцевъ и велѣлъ напечатать на ихъ языкѣ нѣсколько элементарныхъ сочиненій, чтобы этимъ проложить легчайшій путь христіанству.

Въ 1602 г., когда Христіанъ IV, король Датскій и Норвежскій, проѣхалъ черезъ Финмаркъ, грубое суевѣріе лапландцевъ привело этого властителя въ такую ярость, что онъ приказалъ преслѣдовать мечемъ лапландскихъ колдуновъ или шамановъ. Достойный священникъ Ерикъ Бредаль изъ Дронгейма употребилъ болѣе кроткія христіанскія мѣры. Онъ воспиталъ нѣсколько молодыхъ лапландцевъ и отправилъ ихъ къ своимъ соотечественникамъ, какъ миссіонеровъ. Но послѣдніе сочли ихъ за измѣнниковъ и убили по наущенію ша-

маповъ. Въ 1707 г. Фридрихъ IV основалъ Финмаркскую миссію и поручилъ епископу Дронтгеймскому избрать духовныхъ лицъ, способныхъ быть миссіонерами. Въ 1716 г., Ѳома Вестенъ, человѣкъ, одаренный рѣдкими душевными способностями, посѣтилъ самыя дикія страны Финмарка, другіе миссіонеры присоединились къ нему, за ними послѣдовали школьные учителя; этимъ достойнымъ просвѣтителямъ и ихъ послѣдователямъ удалось обратить лапландцевъ въ христіанство и вырвать ихъ изъ прежняго невѣжества.

Для достойной оцѣнки человѣколюбиваго стремленія этихъ посланниковъ мира, нужно только представить себѣ, сколько они должны были вытерпѣть лишеній и непріятностей. Итти къ дикимъ кочевникамъ, жить среди грязи и бѣдности ихъ гаммъ, отказаться отъ всего, къ чему мы привыкли въ жизни, чтобы исключительно имѣть дѣло съ невѣжествомъ и варварствомъ, выбрать нищету своей постоянною спутницею—да, для этого нужно больше храбрости, чѣмъ въ битвѣ смотрѣть смерти прямо въ глаза. Школьный учитель въ Лапландіи имѣетъ годового содержанія 25 таллеровъ, и кромѣ того получаетъ въ награду по полуталеру за каждаго ученика. Священники не много богаче: отъ правительства они получаютъ 20 талеровъ въ годъ, 10 талеровъ изъ церковной кассы, и кромѣ того натуроп на сумму 150 талеровъ. Между этими священниками есть люди, пріобрѣтшіе себѣ извѣстность своими литературными или научными трудами.

Образованный Ластадіусъ былъ священникомъ въ Карезуандо въ 75 часахъ ѣзды отъ Тромзоя (самаго близкаго города) и въ 100 часахъ—отъ Торнео. Его семейство питалось ржанымъ хлѣбомъ и рыбою и только время отъ времени ѣло мясо оленей.

Шалиссо разсказываетъ объ одномъ лапландскомъ священникѣ, проведшемъ 7 лѣтъ въ приходѣ, который находился за границею лѣсного пояса и притомъ лѣтомъ оставался совершенно одинъ, ибо въ это время года прихожане его удалялись со стадами оленей въ болѣе холодныя мѣстности. Въ зимнюю ночь, когда луна свѣтила на небѣ, онъ разъѣзжалъ на саняхъ, останавливаясь иногда подъ открытымъ небомъ, когда ртуть замерзала въ термометрѣ, и отыскивалъ дикихъ лапландцевъ, чтобы отправлять свою обязанность. Въ эти 7 лѣтъ, только 2 раза его посѣтили люди, говорившіе съ нимъ на родномъ языкѣ. Однажды посѣтилъ его братъ, а въ другой разъ нечаянно заѣхалъ къ нему ботаникъ.

Благодаря человѣколюбивымъ стремленіямъ такихъ сильныхъ духовныхъ пастырей, лапландецъ развѣ по имени знаетъ боговъ

своихъ отцовъ—Айа, Акка, Туопа. Но онъ не забылъ еще деревянные и каменные идолы (Сайды), которымъ приноситъ въ жертву кости и рога сѣверныхъ оленей.

Не смотря на всѣ употребляемыя европейцами старанія просвѣтить лапландцевъ, послѣдніе остаются крайне суевѣрнымъ народомъ. У многихъ изъ нихъ существуетъ такого рода обычай: когда они собираются на охоту, то подкидываютъ вверхъ палку, и въ ту сторону, куда упадетъ палка, туда охотники и направляютъ свои шаги.

Появленіе сѣвернаго сіянія, точно такъ-же, какъ и солнечныя и лунныя затмѣнія, всякій разъ наполняютъ ихъ сердца страхомъ и ужасомъ. Они воображаютъ, что такія явленія природы выражаютъ гнѣвъ Божій, и потому все время плачутъ, пока оно не окончится.

Хотя священники и стараются искоренить всѣ суевѣрные обычаи у лапландцевъ, но послѣдніе постоянно практикуютъ ихъ втихомолку. У нихъ существуетъ много колдуновъ и колдуній, которые пользуются между ними большимъ почетомъ, въ силу своего знакомства съ чернокнижіемъ. Они обыкновенно впадаютъ въ магическій сонъ, во время котораго ихъ душа странствуетъ по землѣ, и потомъ предсказываютъ будущее.

Но оставимъ душную атмосферу, гдѣ играютъ роль обманъ и нервное возбужденіе, а лучше заглянемъ на скандинавскіе альпы къ нагорнымъ (Fjäll) лапландцамъ, составляющимъ наибольшую часть, ядро этого народа. Они ведутъ кочевную жизнь и постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто съ своими стадами, потому что исландскій мохъ, эта пажить крайняго сѣвера, скоро поѣдается, и нужно ожидать цѣлой человѣческой жизни, пока выростетъ новый. Само собой разумѣется, что при такомъ образѣ жизни нагорный лапландецъ не строитъ прочнаго жилища. Легко разнимающаяся и также легко собирающаяся палатка вполнѣ удовлетворяетъ его скромнымъ требованіямъ. Четыре изогнутыхъ дугою столба вбиваются въ землю и связываются поперечницами. Вокругъ всего этого набивается шерстяная покрышка, край которой служитъ въ то же время дверью. Въ серединѣ около того мѣста, гдѣ будетъ раскладываться огонь, кладутъ нѣсколько камней, а дымъ выходитъ изъ небольшаго отверстія на маковкѣ этой эфирной постройки. Нѣсколько сосновыхъ вѣтвей, покрытыхъ шкурами сѣверныхъ оленей, лежатъ на полу—вотъ и все, что составляетъ убранство палатки; въ ней живутъ женщины, дѣти и старики. Самъ хозяинъ и его прислуга слѣдуютъ

за сѣверными оленями и живутъ иногда въ снѣжныхъ юртахъ. Когда поѣстся оленій кормъ, котораго обыкновенно хватаетъ на двѣ недѣли, лагерь снимается, чтобы стать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Менѣе чѣмъ въ полчаса все сломано и уложено, и, навьюченные, домашнимъ скарбомъ сѣверные олени двигатся къ мѣсту новой стоянки. Олени связываются кожанными ремнями по пяти въ рядъ, и женщины ведутъ ихъ черезъ горы, отецъ семейства идетъ впереди, чтобы выбрать мѣсто для новаго кочевья, домочадцы же и прислуга слѣдуютъ за свободно пасущимся стадомъ.

Весною лапландецъ переходитъ съ горъ къ морскому берегу. Какъ только олени завидятъ море, то бросаются, толкая другъ друга, къ фіорду, и съ жадностью пьютъ соленую воду, но напиваются ею только одинъ разъ, что, по мнѣнію лапландцевъ, необходимо для здоровья сѣвернаго олепей. Послѣ этого стада гонятъ снова въ горы, и, начиная съ нагорныхъ долинъ, по мѣрѣ того, какъ наступаетъ лѣто и таютъ снѣга, они поднимаются все выше и выше. Осенью лапландцы скрываются въ лѣсахъ, гдѣ хозяева съ прислугой и собаками охраняютъ стада отъ нападеній голодныхъ волковъ.

Между нагорными лапландцами не мало богачей, которые держатъ отъ 1.000 до 1.200 сѣверныхъ оленей, тогда какъ 300 животныхъ достаточно для безбѣднаго существованія семьи. Владѣлецъ ихъ убиваетъ сколько нужно всему семейству для пищи, одежды и обуви, и кромѣ того вымѣниваетъ шкуры и рога на муку, водку и шерстяныя ткани. Но семейство, имѣющее только 100 сѣверныхъ оленей, уже находится въ очень дурныхъ обстоятельствахъ и должно перемѣнить горную жизнь на хижину осѣдлаго рыбака. Богатый нагорный лапландецъ имѣетъ сытный столъ. Ежедневно въ большомъ желѣзномъ котлѣ варится мясо сѣвернаго оленя, и на каждаго члена семьи приходится, по крайней мѣрѣ, по фунту оленины. Когда мясо сварено, тогда, обыкновенно, старѣйшина семейства руками разрываетъ его на части и дѣлитъ между остальными членами семейства, которые жадно и быстро проглатываютъ его. Оставшійся въ котлѣ бульонъ, приправленный густымъ оленьимъ молокомъ съ ржаною и овсяною мукою, оставляютъ на ужинъ. Рѣдко лапландцы кладутъ не много соли, потому что они, какъ почти всѣ дикари, не любятъ этой приправы.

Въ жизни нагорныхъ лапландцевъ, какъ и вообще въ жизни сѣверныхъ кочевниковъ, посѣщеніе зимнихъ ярмарокъ составляетъ не маловажное событіе. Такія ярмарки устраиваются въ главныхъ го-

родахъ и деревняхъ, промышленными шведами и норвежцами или финнами, по берегамъ рѣкъ и озеръ или же въ долинахъ своего отечества. Сюда ежегодно является лапландецъ съ продуктами своего стада: со шкурами и рогами сѣверныхъ оленей, съ сушенымъ мясомъ или мороженнымъ молокомъ, или же съ охотничьей добычей. Заплативъ подать сборщику податей, лапландецъ принимается за торговлю, но такъ какъ при каждой куплѣ или продажѣ покупщикъ или продавецъ подноситъ лапландцу стаканъ водки, то къ полудню часто онъ уже не понимаетъ, что дѣлаетъ—обстоятельство, которымъ пользуются хитрые купцы. Отрезвившись, онъ предается раскаянію, и тѣмъ сильнѣе, что блестящій талеръ имѣетъ для лапландца особенную прелесть, и только страсть къ предательской водкѣ превосходитъ его страсть къ деньгамъ. При своемъ бродячемъ образѣ жизни и недовѣрчивости къ окружающимъ, лапландецъ не умѣетъ иначе сберечь деньги, какъ только зарывая ихъ въ землю. Многіе, обладающіе нѣсколькими тысячами талеровъ, умираютъ, не оставляя ихъ своимъ наслѣдникамъ, такъ какъ послѣдніе не знаютъ, гдѣ скрыты эти деньги.

Для зимнихъ поѣздокъ лапландцу служатъ лыжи и сани. Лыжи, изъ которыхъ одна, обыкновенно, въ ростъ человѣка, а другая на одинъ футъ короче, дѣлаются изъ еловаго дерева и обтягиваются шкурою оленя, шерстью къ снѣгу и впередъ, иначе лыжи были бы слишкомъ скользки. Нога становится въ середину такой узкой и длинной лыжи и прикрѣпляется къ немъ ремнемъ. Лапландецъ, ходящій на лыжахъ, несетъ въ рукахъ длинную жердь, къ концу которой прикрѣпленъ деревянный шаръ для того, чтобы конецъ не входилъ глубоко въ снѣгъ, и посредствомъ этой жерди онъ останавливается на бѣгу. Лапландецъ иногда дѣлаетъ на лыжахъ до 12 миль въ день, всходитъ на высокія горы, и съ изумительною быстротою съѣзжаетъ внизъ въ долину и догоняетъ по слѣду быстроногую дичь.

Съ неменьшею быстротою летитъ лапландецъ по равнинѣ, покрытой снѣгомъ, на своей *пулькѣ*. Эти сани безъ полозьевъ имѣютъ форму лодки и скользятъ по снѣгу всѣмъ днемъ; острый носъ рѣжетъ снѣгъ, подобно тому, какъ носъ корабля заставляетъ разступиться податливыя волны. Запряженный въ сани сѣверный олень съ маленькимъ колокольчикомъ, веселящимъ ухо, проходитъ не менѣе 10—12 нѣмецкихъ миль въ день. Обыкновеннымъ шагомъ онъ идетъ около мили въ часъ. Лапландецъ обладаетъ хорошимъ навыкомъ отыскивать дорогу въ пустынѣ: здѣсь скала, тамъ пихта

служатъ маяками, и какъ превосходный лоцманъ, онъ направляется къ далекой гавани. Часто путь его освѣщается пламенѣющимъ сѣверпымъ сіяніемъ. На всякой точкѣ покрытаго снѣгомъ ландшафта глазъ замѣчаетъ какое-то колебательное движеніе. Всѣ горныя вершины одѣты этимъ дрожащимъ свѣтомъ, который поднимается изъ горъ, какъ изъ кратера. Волшебный свѣтъ распространяется по всему небу, сверкаетъ нѣсколько времени и исчезаетъ, чтобы потомъ опять явиться и снова исчезнуть.

Вообще, Лапландія богата поэтическими красотами природы— горъ, лѣса и водъ. Море съ пѣною бьется о береговыя скалы, и въ множествѣ озеръ отражается чудное звѣздное небо или дискъ луны. Лѣтомъ по горнымъ склонамъ шумятъ водопады, и потоки чистой воды льются по зеленымъ горнымъ равнинамъ.

Кто родился и выросъ среди величественной природы, кто привыкъ къ кочевой жизни, тотъ вѣчно останется привязаннымъ къ своей родинѣ. Вотъ, почему лапландецъ не промѣняетъ своего сурового отечества ни на какую страну, и считаетъ себя счастливымъ въ лѣсу или въ моховой степи среди своего стада оленей.

Въ 1819 г. одинъ шотландецъ задумалъ акклиматизировать сѣверпаго оленя въ Каледоніи, и для этой цѣли купилъ стадо этихъ животныхъ, и уговорилъ двухъ молодыхъ лапландцевъ пасти и вести стадо. Сѣверные олени скоро погибли, лапландцы тоже бы умерли съ тоски по родинѣ, если бы ихъ не догадались отправить обратно.

Польскій князь Яблоновскій нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ взялъ къ себѣ на воспитаніе лапландскую дѣвочку лѣтъ 13—14 и привезъ ее съ собою въ Петербургъ. Онъ далъ ей хорошее образованіе: выучилъ ее языкамъ, музыкѣ и женскимъ рукодѣліямъ. Дѣвочка оказалась понятливою, способною, дѣлала успѣхи во всемъ, чему ее учили. Она относилась съ большою признательностью, какъ къ своему благодѣтелю, такъ и къ приставленной къ ней для присмотра пожилой женщинѣ и, какъ казалось, была вполнѣ довольна своею судьбою. Такъ прошло два года. Но вотъ одинъ богатый русскій баринъ, владѣвшій нѣсколькими имѣніями близъ Петербурга, въ одномъ изъ нихъ разбилъ громадный паркъ и для его оживленія выписалъ сѣверныхъ оленей въ сопровожденіи цѣлой лапландской семьи, захватившей съ собой и сани и лыжи, такъ какъ дѣло было зимою. Въ этотъ паркъ пріѣзжало много любопытныхъ, чтобы посмотрѣть на такую диковинку. Князь Яблоновскій, желая сдѣлать удовольствіе своей воспитанницѣ, повезъ ее въ этотъ

паркъ. Съ этой поѣздки молоденькая лапландка стала совершенно другимъ существомъ: она стала скучать и заболѣла; князь употреблялъ всѣ средства, чтобы развеселить свою воспитанницу, но ничто не помогало; состояніе ея здоровья становилось все хуже и хуже. Однажды утромъ она исчезла; князь сталъ ее розыскивать и оказалось, что она вернулась въ свою землю, гдѣ и осталась навсегда.

Еще другой примѣръ любви лапландцевъ къ своей родинѣ, приводитъ шведъ Гестремъ въ своемъ сочиненіи о Лапландіи. Во время войны Густава III съ Россіею, одинъ молодой лапландецъ былъ взятъ въ солдаты въ Торнео, когда тамъ проходилъ одинъ изъ шведскихъ полковъ. Съ этимъ полкомъ онъ провелъ весь походъ въ качествѣ барабанщика; потомъ за свое примѣрное поведеніе и выказанную имъ храбрость былъ произведенъ въ утеръ-офицеры; онъ сталъ стараться образовать себя и пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія въ военномъ дѣлѣ, и послѣ двадцатилѣтней службы былъ произведенъ въ капитаны шведской арміи.

Но послѣ того, какъ онъ провелъ столько времени среди образованныхъ людей, пользовался всѣми удобствами жизни, вдругъ почувствовалъ непреодолимое желаніе повидать свою семью и свою родину. Но лишь только онъ взглянулъ на родныя тундры, на знакомыя стада оленей, какъ тотчасъ же послалъ прошеніе объ отставкѣ и остался на всю жизнь въ Лапландіи.

Лапландцы выбрали себѣ девизомъ миръ. Лишенный удобствъ и наслажденій жизни, окруженный непобѣдимой природой, и выросшій въ бѣдности и нищетѣ, лапландецъ умѣетъ стойко выносить всѣ непріятности. Условія его благосостоянія ограничиваются спокойнымъ пользованіемъ своимъ имуществомъ, въ неизмѣнномъ слѣдованіи старымъ обычаямъ.

Мирный лапландецъ, подпавшій подъ владычество чужестранца, этотъ слабѣйшій братъ финна, не могъ противится норманнамъ, тѣмъ не менѣе онъ мужественный охотникъ, преслѣдующій не только дикаго сѣвернаго оленя и лося, но и смѣло нападающій на страшнаго медвѣдя. Объ этомъ животномъ у нихъ совершенно особое мнѣніе; они считаютъ его самымъ хитрымъ существомъ, обладающимъ сверхъестественными качествами. Такъ, напримѣръ, они вѣрятъ въ то, будто медвѣдь все видитъ и все слышитъ, что о немъ говорятъ, и поэтому опасаются даже говорить о немъ. Конечно, можно только удивляться, какимъ образомъ они позволяютъ себѣ охотиться за такимъ почитаемымъ животнымъ. Но охота за

медвѣдями очень соблазнительна: во-первыхъ, мясо этихъ животныхъ очень вкусно; затѣмъ, его шкура, хотя и далеко не такой цѣнности, какъ шкура американскаго чернаго медвѣдя, но все же за нее легко можно получить отъ 10—25 гульденовъ. Послѣ того, какъ выпадетъ первый снѣгъ, лапландцы отправляются искать слѣды медвѣдей. Лишь только они найдутъ такіе слѣды, то не идутъ по нимъ, а дѣлаютъ около этого мѣста кругъ, гдѣ находятся слѣды; но если не видно будетъ такихъ слѣдовъ за линіею круга, то это будетъ служить доказательствомъ, что медвѣдь находится именно въ этомъ обведенномъ линіею кругѣ; медвѣдя оставляютъ въ покоѣ нѣсколько дней, а мѣсто это замѣчаютъ колышками или чѣмъ-либо другимъ. Нѣсколько времени спустя, охотники опять отправляются въ поиски за медвѣдемъ, нарушаютъ его спячку, вызывая на бой. Если же они застануть его спящимъ, то тотчасъ же и застрѣливаютъ; такіе случаи встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, потому что убить медвѣдя такимъ способомъ, по понятіямъ лапландцевъ, считается крайне недобросовѣстнымъ. Если на охоту на медвѣдя отправляются два или три лапландца, то жены этихъ охотниковъ собираются въ хижины одного изъ нихъ, и когда охотники возвращаются обратно, то поютъ такъ называемую медвѣжью пѣсню, въ которой выражается хвала этому животному. Когда же охотники вмѣстѣ съ своей добычею подходятъ къ дверямъ хижины; то ихъ жены встрѣчаютъ съ бранью и запираются въ хижинѣ. Мужчины же должны сами сдѣлать отверстіе въ хижинѣ, черезъ которое они и проходятъ вмѣстѣ съ своею добычею; такая комедія служитъ для умиротворенія тѣней убитаго животнаго, но въ наше время ее уже мало практикуютъ, одинаково, какъ и разные другіе обычаи: напримѣръ, обливать слезами убитое животное и просить у него прощенія.

Но осталось еще въ употребленіи хоронить медвѣдя со всѣми возможными почестями. Послѣ того, какъ снимутъ съ медвѣдя шкуру и срѣжутъ все вкусное мясо, тогда кладутъ въ большой ровъ голову животнаго, затѣмъ его переднія лапы, потомъ заднія, и все это производится въ систематическомъ порядкѣ. Лапландцы въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ добросовѣстно, что если при этой церемоніи присутствуетъ собака и стащитъ хотя одну косточку, то эту собаку убиваютъ на мѣстѣ, берутъ отъ нея кость и погребаютъ ее вмѣстѣ со скелетомъ медвѣдя. И это также основано на страшномъ предразсудкѣ. Такъ какъ лапландцы считаютъ медвѣдя сверхъестественнымъ созданіемъ, то и вѣрятъ въ его воскресеніе.

Если онъ будетъ прилично погребенъ, то останется этимъ очень доволенъ и по своемъ воскресеніи опять позволитъ убить себя какому-нибудь лапландцу безъ всякой опасности для жизни послѣдняго; въ противномъ случаѣ весь медвѣжій родъ отомститъ лапландцамъ за непочтительное отношеніе къ ихъ собрату.

Но совершенно иначе обращаются лапландцы съ волками, потому что послѣдніе производятъ сильныя опустошенія среди ихъ стадъ сѣверныхъ оленей. Лапландцы говорятъ, что волкъ не твореніе Божіе, а исчадіе дьявола и всякій, кто прикоснется къ этому животному, бываетъ преданъ вѣчному проклятію. Если кто прослѣдитъ волка, то это извѣстіе разносится съ быстротою молніи по всей странѣ; всѣ сосѣди соединяются вмѣстѣ и начинается охота. Они по десяткамъ верстъ гоняются за ненавистнымъ имъ хищнымъ животнымъ; настигнувъ волка, они забиваютъ его до смерти палками, которыя потомъ сжигаютъ. Обыкновенно, лапландцы не снимаютъ шкуры съ волка, а предоставляютъ это шведскимъ поселянамъ, которые, чуждые предразсудковъ, продаютъ волчьи шкуры отъ четырехъ до пяти талеровъ за штуку.

Не смотря на грязь въ хижинѣ, и безпокойную жизнь, лапландецъ вообще здоровъ и нерѣдко доживаетъ до глубокой старости. Частое движеніе на чистомъ воздухѣ оказываетъ свое благодѣтельное вліяніе; отъ зимняго холода онъ защищенъ одеждой изъ двойной оленьей шкуры, а питательная мясная пища поддерживаетъ въ немъ силы. Отъ цынги лапландцы оберегаютъ себя употребленіемъ большого количества ягодъ, единственныхъ плодовъ крайняго сѣвера; съ тою же цѣлью онъ варитъ съ пищей стебли Angelica. Но главнымъ лекарствомъ противъ всѣхъ болѣзней лапландецъ считаетъ теплую оленью кровь, которую пьетъ съ наслажденіемъ, не думая о врачѣ и аптекѣ.

Такъ называемые лѣсные лапландцы составляютъ середину между описанными нами нагорными и рыбаками, потому что лѣсной лапландецъ лѣтомъ занимается рыбной ловлей, а зимой уходитъ за сѣверными оленями, но на рыбную ловлю онъ смотритъ, какъ на главнѣйшее средство для добыванія пищи, и небрежно пасетъ свое стадо. Хотя олени лѣсного лапландца не сходятъ весною, какъ олени нагорнаго, къ берегамъ Ледовитаго моря, а привыкли проводить зиму и лѣто въ лѣсахъ, однако же и здѣсь необходимъ за ними надзоръ, чтобы они не потерялись, не одичали, не погибли отъ волковъ или не исчезли среди многочисленныхъ стадъ нагорныхъ лапландцевъ. Необходимое слѣдствіе этого—сліяніе лѣсныхъ лапландцевъ съ лапландцами-рыбаками.

Лестадіусъ считаетъ жизнь лѣсного лапландца за самую счастливую на землѣ, такъ какъ она состоитъ въ поперемѣнномъ занятіи занимательной рыбной ловлей и наслажденіемъ охоты. Лѣсной лапландецъ не подвергается, какъ нагорный, страшной суровости злобной арктической зимы и не такъ бѣденъ, какъ лапландецъ-рыбакъ. Не рѣдко онъ поетъ подъ зеленой хвоей пихтоваго дерева; время отъ времени умывается, а женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы; какъ хотите, но такая забота о внѣшности свидѣтельствуетъ о внутреннемъ довольствѣ дикаря.

Чтобы ближе познакомиться съ образомъ жизни лапландца-рыбака, мы вмѣстѣ съ Кастреномъ посѣтимъ его на озерѣ Энара. Видъ деревни не очень привлекателенъ. Вокругъ по полямъ валяются внутренности и чешуи рыбъ, гнилая рыба и всякая нечистота. Черезъ низкое отверстіе юрты тѣснится толпа людей до такой степени покрытая грязью и насѣкомыми, что при первомъ взглядѣ отскочишь назадъ. Но сами они смотрятъ на это совершенно спокойно и ни мало не стыдятся чужестранцевъ. По условію лапландской вѣжливости, здороваются всѣ, даже дѣти, пожимая путешественнику руку. Послѣ этой церемоніи, почти всегда нужно отвѣчать на слѣдующіе вопросы: все-ли мирно въ странѣ? Здоровъ-ли король, епископъ и начальникъ округа? Особенно любопытные даже спрашиваютъ чужестранца объ его родинѣ, и на отвѣтъ, что она лежитъ за горами, они допытываются не изъ той-ли это страны, гдѣ растетъ табакъ? Подобно тому, какъ нѣмцы мечтаютъ о странѣ, гдѣ цвѣтутъ лимоны, такъ воображеніе лапландца не можетъ себѣ представить земного рая, какъ только тамъ, гдѣ растетъ табакъ, доставляющій ему величайшее земное наслажденіе.

ГЛАВА VIII.

Маттіасъ Александръ Кастренъ.

Первые этюды.—Путешествіе въ Лапландію въ 1838 г. — Величественная природа на Ивайлойоки.—Озеро Энара. — Прогулка по болотамъ.—Плаваніе отъ Гованими до Кеми. — Второе путешествіе 1841 г. — Лапландская поѣздка на саняхъ.—Кемскіе раскольники. — Буря и страданія на Бѣломъ морѣ.—Варварскіе рыбаки. — Мезенская тундра.—Всеобщее пьянство на Сомжѣ. — Зимняя поѣздка въ Пустоозерскъ.—Самоѣдскій учитель.—Буря въ тундрѣ. —Одиночество —Пустоозерскъ. —Преслѣдованія въ Устьсысольскѣ и Ижемскѣ.—Жалкая хижина.—Князь Урала.—Обдорскъ.—Второе сибирское путешествіе 1845—1848 г.—Обь.—Туруханскъ.—Поѣздка къ Енисею.—Ученый кабинетъ въ Шахинѣ.—Отъ Дудинки до Толстаго Носа.—Отмороженныя ноги. —Возвращеніе на югъ.—Замерзъ на Енисеѣ. — Чудесное спасеніе. —Саянскія горы.—Сойоты —Экскурсія въ Китай.—Нижнеудинскъ.—Болѣзнь.—Буряты.—Мудрость ламъ.—Нендакъ Банипловъ.—Возвращеніе на родину. —Профессура въ Гельсингфорсѣ.—Смерть

Настоящую главу мы посвятимъ знакомству съ человѣкомъ, оказавшимъ большую заслугу сѣверу своими трудами по изученію этого малоизслѣдованнаго до него края. Мы говоримъ о Карстенѣ, ученомъ филологѣ, который весь предался своей великой задачѣ, и съ непреклонной волей шелъ къ своей цѣли, не смотря ни на какія опасности и лишенія.

Маттіасъ Александръ Карстенъ, внукъ лапландскаго миссіонера и племянникъ ученаго пастора Карстена въ Кеми, родился въ 1813 году въ Ровашими (сѣверная Финляндія). Почти съ дѣтскаго возраста онъ поставилъ цѣлью своей жизни изученіе финскихъ племенъ (финновъ, эстовъ, лапландцевъ, остяковъ, самоѣдовъ). Съ каждымъ годомъ у него росло страстное желаніе посѣтить сыновъ сѣвера въ ихъ отдаленныхъ пустыняхъ, и тамъ, на мѣстѣ, изучить ихъ такъ основательно, какъ бы ему хотѣлось. Можно себѣ предста-

вить радость бѣднаго матеріальными средствами юноши, когда его товарищъ по воспитанію, докторъ Эрштремъ, далъ ему возможность осуществить любимую идею, предложивъ средства на поѣздку къ финскимъ лапландцамъ. Никогда художникъ, переѣхавъ Альпы, не вступалъ въ Италію съ такимъ восторгомъ, съ какимъ Кастренъ отправился въ суровую Лапландію.

Ранней весною въ 1838 году друзья уложили свои чемоданы, отправились сначала въ Муоніонска, гдѣ пробыли нѣсколько недѣль, пока начинавшее склоняться солнце (16 іюля) не побудило ихъ отправиться въ путь, чтобы успѣть вернуться изъ Лапландіи въ хорошее время года. Съ трудомъ перетащивъ свою лодку и поклажу черезъ кряжъ, отдѣляющій рѣки Ботническаго залива отъ рѣкъ Ледовитаго моря, путники отправились въ романтическую Ивалой-оки.

«Въ теченіи трехъ сутокъ», говоритъ Кастренъ («Путешествія на Сѣверъ, 1853».), «вмѣсто музыки въ нашихъ ушахъ раздавался громъ шумящихъ водопадовъ. Какъ ни были страшны эти водопады, но намъ оставался одинъ исходъ,—геройски броситься въ кипящій прибой, который ежеминутно угрожалъ намъ опасностію. Чтобы бушующая рѣка не бросила насъ на скалу или шхеру, мы должны были постоянно отталкивать и удерживать нашу лодку посредствомъ большихъ шестовъ. Весь день мы были заняты этой тяжелой работой, а ночь проводили у костра. Мы не нашли никакого жилья, и почти 8 дней провели подъ открытымъ небомъ на холоду и при постоянномъ дождѣ».

Верхнее теченіе Ивало большею частью заключено между рядами обнаженныхъ утесовъ, которые, за нѣсколько миль до впаденія рѣки въ озеро Энара, переходятъ въ покрытыя травою равнины. Кое-гдѣ встрѣчаются островки, поросшіе деревьями. Вотъ, наконецъ, показались слѣды человѣка, сначала жалкія хижины въ деревнѣ Кирё, а затѣмъ хорошо построенные финскіе дома, окруженные лугами и хлѣбными полями. Особенно благотворное дѣйствіе на состояніе души производитъ такой видъ послѣ путешествія въ пустынѣ, такъ какъ, если нѣтъ слѣдовъ человѣка, то какъ бы и ни была прекрасна природа, она покажется намъ саваномъ, между тѣмъ, какъ достаточно какой-нибудь мелочи, указывающей на присутствіе человѣка, чтобы оживить безплодную пустыню.

Озеро Энара имѣетъ 12 миль въ длину и 8 въ ширину и усѣяно множествомъ острововъ. Пробывъ нѣсколько времени у мѣстныхъ лапландцевъ, путешественники отправились далѣе къ сѣ-

веру въ Утевоки, почти подъ 70° с. ш.; здѣсь ихъ гостепріимно приняли въ скромномъ жилищѣ пастора.

Въ началѣ августа, мѣстами, по скалистымъ окраинамъ растущій, березовый сланецъ уже потерялъ листву, цвѣты склонили уже свои обезцвѣченные лепестки, и горныя птицы летали вокругъ, отыскивая защиты отъ холоднаго вѣтра. Все свидѣтельствовало, что уже наступило время, которымъ необходимо было воспользоваться для отъѣзда.

Долго разсказывать, какъ путники, подвергаясь дождю, бурѣ и лишеніямъ всякаго рода, достигли наконецъ рѣки Луиро, и потому приведемъ только собственными словами Кастрена описаніе небольшого путешествія черезъ болота, отсюда до церкви Соданкилэ, чтобы показать читателю, какъ пріятно путешествовать пѣшкомъ по Лапландіи.

«Не безъ страха посмотрѣлъ я на поросшую мхомъ и мѣстами совершенно обнаженную плоскую поверхность этихъ болотъ. Такое же чувство, кажется, овладѣло и нашимъ вожакомъ, пока мы не накормили и не напоили его; тогда онъ, вооружившись шестомъ, безстрашно пошелъ впередъ. Мы послѣдовали за нимъ и особенно внимательно ставили ноги по слѣдамъ, оставленнымъ вожакомъ, такъ какъ одного невѣрнаго шага было бы достаточно, чтобы погубить насъ. Съ дѣтства знакомый съ этими болотами, проводникъ, хотя и лучше нашего могъ судить о свойствахъ почвы, но часто и имъ овладѣвало сомнѣніе, и онъ былъ принужденъ ощупывать почву шестомъ. Когда полоса болота казалась подозрительною проводнику, онъ останавливалъ насъ на мѣстѣ, а самъ одинъ отправлялся на рекогносцировку. Однако, рѣдко онъ возвращался къ намъ назадъ и только шестомъ указывалъ на нѣкоторомъ разстояніи направленіе, по которому мы должны были слѣдовать. Въ подобныхъ случаяхъ мы уже не имѣли слѣдовъ, по которымъ могли бы ступать, и отчего положеніе наше иногда было затруднительно. Весьма трудно сохранить присутствіе духа на этой колеблющейся поверхности, когда на каждомъ шагу почти до колѣнъ вязнешь въ болотѣ. Болотистая почва подъ ногами поднималась и опускалась, какъ морскія волны.

«Узкія полосы твердой почвы были для насъ мѣстами отдыха во время этого опаснаго путешествія.

«Около полуночи, проведя цѣлый день какъ болотныя птицы, наконецъ, мы достигли хижины, и закончили свое путешествіе плаваніемъ въ лодкѣ отъ Рованими до Кеми.

«Это путешествіе я совершалъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній»,—говоритъ Кастренъ,—«каждый водопадъ не только былъ мнѣ знакомъ съ дѣтства, и притомъ водопады въ этихъ мѣстахъ, гдѣ я впервые увидѣлъ дневной свѣтъ, были моими единственными знакомыми, которыхъ пощадила смерть. Рядомъ съ грустью, возбуждаемою въ моей душѣ могилами родныхъ, я ощущалъ и радость, что возобновилъ знакомство съ бушующей рѣкой и водопадами—моими первыми товарищами въ играхъ, которые часто едва не опрокидывали моей лодки и не губили меня. Теперь, какъ и въ юности, я смотрѣлъ, какъ на веселую игру, летѣть по шумящимъ волнамъ и обливаться кипучимъ прибоемъ.

«При опасныхъ водопадахъ гребцы уговаривали меня сойдти на берегъ и обойти пѣшкомъ. Они увѣряли, что, не смотря на свою опытность, они не ручались за счастливый исходъ, тѣмъ не менѣе я какъ упрямецъ оставался въ лодкѣ, и ни разу не пожалѣлъ о своей дерзости, потому что Тотъ, Кто управляетъ всѣмъ, благословилъ нашъ путь и допустилъ счастливо доѣхать до Кеми, а здѣсь окончилось наше лапландское путешествіе».

Въ 1841 году Кастренъ напечаталъ на шведскомъ языкѣ метрическій переводъ Калевалы, извѣстнаго цикла мифическихъ стихотвореній древнихъ финновъ; а въ концѣ того же года, онъ, по порученію Петербургской Академіи, отправился въ свое первое большое путешествіе, въ страну самоѣдовъ и оттуда въ Сибирь черезъ Сѣверный Уралъ.

Въ Соловецкомъ монастырѣ, находящемся на небольшомъ островѣ Бѣлаго моря, Кастренъ надѣялся найти въ самоѣдскомъ миссіонерѣ Вениаминѣ учителя нарѣчія дикихъ обитателей тундры. Но этотъ проповѣдникъ отказалъ ему въ этой необходимой помощи, и уговорилъ монаховъ отказать ученому заняться въ стѣнахъ монастыря лингвистическими работами. Кастренъ рѣшилъ провести лѣто у терскихъ лапландцевъ на сѣверо-западномъ берегу Бѣлаго моря.

27-го іюня 1842 г. совершенно больной, едва волоча ноги, Кастренъ вступилъ на судно, которое должно было отвести его къ Тремъ Островамъ на западномъ берегу Бѣлаго моря, противъ Канинской тундры. Кастренъ намѣревался, если на другой день не поправится его здоровье, снова высадиться у Сѣверной Двины, но проспавшись, на утро, онъ увидѣлъ себя на волнахъ открытаго моря. Воротиться не было возможности, и онъ долженъ былъ покориться судьбѣ и инвалидомъ остаться на суднѣ. При попутномъ вѣтрѣ плаваніе отъ устья Двины до Трехъ Острововъ, совершается

обыкновенно въ 24 часа, но на этотъ разъ полнѣйшее безвѣтріе принудило моряковъ пристать къ небольшому острову и здѣсь печься подъ лучами солнца до 4 іюля. Дождавшись попутнаго вѣтра, путники отплыли, и черезъ нѣсколько часовъ виднѣлось только море подъ мрачнымъ небеснымъ сводомъ. Вскорѣ показалось, покрытое льдомъ, побережье Терскаго берега, и Кастренъ уже радовался, что въ этотъ же день достигнетъ Трехъ острововъ. Но вдругъ поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ и отогналъ корабль отъ желанной цѣли; разразилась буря, настолько сильная, что можно было ожидать, что судно выброситъ на скалы Соловецкихъ острововъ.

«Пассажиры и даже моряки потеряли всякую надежду на спасеніе и предались отчаянію. Въ такомъ состояніи никто ничего не дѣлалъ, а только суетились и ругались. Командиръ судна нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ жалобой, что водка не пьянитъ его, и не оставилъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я не далъ ему бутылку рому. Осушивъ бутылку, онъ пришелъ въ такое состояніе, что уже не могъ взойти на палубу, а повалился въ каютѣ. Экипажъ судна, по примѣру своего начальника, также одинъ за другимъ разошелся по койкамъ, въ то время, какъ судно, какъ мячикъ, бросаемое вѣтромъ и волнами, разгуливало по бушующему морю. Я сидѣлъ одинъ на палубѣ и, какъ приговоренный къ смерти, ожидалъ рѣшительной минуты. Нѣсколько времени спустя я увидѣлъ, что вѣтеръ мѣняется къ востоку, послѣ этого счастливаго открытія я разбудилъ храпящаго командира судна, послалъ его на палубу, а самъ занялъ его мѣсто. Утомленный тяжелыми сценами этого дня, я скоро заснулъ и проснулся на слѣдующее утро; мы снова находились у восточнаго берега Бѣлаго моря, у подошвы высокой скалы».

Постоянныя бури и усиливающаяся болѣзнь принудили Кастрена отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія, а по возвращеніи въ Архангельскъ, какъ самъ Кастренъ, такъ и его кошелекъ находились въ самомъ дурномъ состояніи. Весь наличный капиталъ Кастрена состоялъ изъ какихъ-нибудь 15 руб. сер., а съ этимъ, конечно, не много сдѣлаешь. Въ это время въ Архангельскѣ жило нѣсколько самоѣдовъ, которые были еще бѣднѣе Кастрена, и считали себя счастливыми, когда онъ посѣщалъ ихъ хижины и утѣшалъ ихъ глоткомъ водки. Одинъ изъ этихъ дикарей такъ восхитился щедростью путешественника, что захотѣлъ слѣдовать за нимъ на край свѣта. Съ своей стороны Кастренъ не потребовалъ такъ много, а удовольствовался только тѣмъ, что взялъ его къ себѣ въ

учителя самоѣдскаго языка, и отправился съ нимъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ провелъ остальную часть лѣта. Въ это время здоровье его нѣсколько поправилось, и онъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ знаніи самоѣдскаго языка. Состояніе его кассы также значительно улучшилось, потому что финляндское правительство прислало ему для поддержки путешествія 1.000 р. сер., что дало возможность Кастрену продолжать свои занятія самоѣдскимъ языкомъ въ Архангельскѣ, пока, наконецъ, осенью не открылся зимній путь въ пустыню.

Страна европейскихъ Самоѣдовъ, или такъ называемая Мезенская тундра, граничитъ къ сѣверу Ледовитымъ океаномъ, а къ югу лѣсной полосой, которая доходитъ до 66° или 67° с. ш.

Эту обширную пустыню прорѣзываетъ рѣка Печора, которая дѣлитъ страну на двѣ неравныя части. Вся тундра принадлежитъ къ самымъ непривѣтливымъ странамъ земнаго шара, а рѣдкое населеніе находится въ состояніи, граничащимъ съ варварствомъ. Населеніе состоитъ изъ кочующихъ самоѣдовъ, зырянъ и русскихъ, которые живутъ въ жалкихъ поселеніяхъ вдоль теченія рѣки.

Кастренъ оставилъ Архангельскъ въ Ноябрѣ 1842 г., чтобы провести цѣлый годъ въ этой печальной пустынѣ. Какъ Кола на западномъ берегу Ледовитаго океана, такъ Мезень на восточномъ берегу Бѣлаго моря, крайній городъ на сѣверѣ и конечный пунктъ всякой образованности. До Мезени живутъ русскіе, но по ту сторону этого города начинается самоѣдское населеніе. Въ Мезени первою заботою нашего путешественника было отыскать себѣ между тамошними неуклюжими, въ большія шубы закутанными самоѣдами, переводчика и учителя, но здѣсь не удалось ему найти годнаго человѣка, какъ и въ Сомжѣ, деревнѣ, лежащей въ 40 верстахъ далѣе, гдѣ все населеніе предано было пьянству. Онъ взялъ себѣ въ прислугу самаго, повидимому, трезваго человѣка въ цѣлой Сомжѣ, но и онъ оказался пьяницей первой руки. Пришлось замѣнить его другимъ самоѣдомъ, но и этотъ каждый день напивался до пьяна. Наконецъ, привели къ Кастрену человѣка, котораго рекомендовали, какъ самаго трезваго и умнаго во всей Канинской тундрѣ, и дѣйствительно сначала онъ показался весьма пригоднымъ, но черезъ нѣсколько часовъ ему надоѣли вопросы Кастрена, и онъ напился. Онъ бросился потомъ на полъ, плакалъ, стоналъ и молилъ о помилованіи, пока, наконецъ, взбѣшенный филологъ не вышвырнулъ его за дверь.

При такихъ невыгодныхъ для филологіи условіяхъ, Кастренъ

рѣшился углубиться еще далѣе въ тундру и среди зимы проѣхать 700 верстъ до русскаго села Пустозерска при устьѣ Печоры. Въ этомъ путешествіи Кастренъ долженъ былъ жить или подъ чистымъ небомъ на тундрѣ, или въ чумѣ самоѣда, или же, наконецъ, въ тѣсной избѣ русскихъ колонистовъ, въ которую снѣгъ западаетъ черезъ щели, пламя свѣчи колеблется отъ вѣтра, и волчья шуба составляетъ единственную защиту отъ холода.

Кастренъ оставилъ намъ интересное описаніе этого путешествія по тундрѣ, изъ котораго заимствуемъ слѣдующее:

«Однажды утромъ во второй половинѣ декабря Самоѣдъ заложилъ четверку необъѣзженныхъ оленей въ нарты покрытыя рогожею сани. Въ свои сани онъ также заложилъ четверку сѣверныхъ оленей, и привязалъ длиннымъ ремнемъ моихъ животныхъ къ своимъ санямъ. Затѣмъ Самоѣдъ сѣлъ въ переднія сани, одной рукой схватилъ вожжи, въ другую руку взялъ длинную палку, ткнулъ ею каждаго оленя и понесся вскачь по тундрѣ. Нашъ путь лежалъ прямо къ сѣверу, и передъ нами стелится неизмѣримая пустыня Канинской тундры. Тундра почти также обнажена, какъ ея мать—море, восточныя очертанія котораго мы могли видѣть. Если бы вѣтры услужливо не сметали снѣга, которымъ небо по своему милосердію осыпало мрачную страну, мы могли бы не знать, гдѣ мы находимся на землѣ или на морѣ. Только изрѣдка, мѣстами росъ рѣдкій сосновый лѣсокъ или низкорослый тальникъ, который обыкновенно указываетъ на присутствіе небольшого ручья, медленно текущаго по плоской тундрѣ».

Уже въ деревнѣ Незѣ, въ 60 верстахъ отъ Сомжи, Кастренъ думалъ, что достигъ предмета своихъ желаній, такъ какъ нашелъ Самоѣдскаго учителя, знакомаго съ русскимъ языкомъ и одареннаго необычайнымъ между Самоѣдами умомъ.

«Этотъ человѣкъ зналъ свое превосходство, и поэтому во все время учительства съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ слабыхъ собратій. Однажды нѣсколько Самоѣдовъ хотѣли поправить его переводъ, но онъ велѣлъ имъ замолчать и прибавилъ, что они не ученые. Я употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать возможно долѣе такого необыкновеннаго между Самоѣдами человѣка; обращался съ нимъ ласково, платилъ хорошо, каждый день давалъ ему водки, и никогда не запрещалъ напиваться, когда ему этого хотѣлось. Тѣмъ не менѣе онъ скучалъ, и его все тянуло въ тундру.—«Ты обращаешься со мной мирно, и за это я тебя люблю»—сказалъ онъ мнѣ наконецъ,—«но я не могу жить въ комнатѣ. И по-

этому будь милостивъ, освободи меня». Я возвысилъ тогда дневную плату, далъ Самоѣду больше водки, позволилъ ему привести жену и ребенка, угощалъ даже жену водкой, и всѣми средствами старался разсѣять мрачныя думы Самоѣда. Этимъ уговорилъ я его остаться еще на нѣсколько дней. Въ моей комнатѣ на полу, какъ въ юртѣ, сидѣли мужъ, жена и ребенокъ; мужъ все время былъ занятъ со мной, жена шила самоѣдское платье и иногда помогала мужу въ переводахъ. Часто я слышалъ, какъ она глубоко вздыхала и, когда я спросилъ ее о причинѣ ея грусти, она залилась слезами, и рыдая, объявила мнѣ, что горюетъ о своемъ мужѣ, который въ моей комнатѣ запертъ, какъ въ тюрьмѣ. Наконецъ и мужъ и жена такъ умоляли меня объ освобожденіи, что я рѣшительно не былъ въ состояніи отказать въ ихъ просьбѣ».

По дорогѣ отъ Пеши до Пустозерска, послѣ того, какъ Кастренъ тщетно пытался еще разъ отыскать себѣ учителя самоѣдскаго языка, путешественникъ близко познакомился съ бурей въ тундрѣ.

«Непогода началась и усилилась до такой степени, что къ полудню нельзя было видѣть оленей, запряженныхъ въ наши сани. Покрышку моихъ саней, нѣсколько меня защищавшую, къ вечеру снесла буря. Опасаясь за свою судьбу, я спросилъ моихъ проводниковъ, далеко-ли мы отъѣхали, и получилъ отвѣтъ: «Мы не знаемъ мѣста и ничего не видимъ». Такъ отвѣчали проводники каждый разъ, какъ сгребали снѣгъ, который заносилъ меня. При этомъ они замѣтили, что моя *малица* промокла отъ снѣга, и одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ свой *совикъ*, часть одежды, которая соотвѣтствуетъ лапландскому пески, и надѣвается сверхъ малицы. Но на мое горе я нѣсколько выше обыкновеннаго роста, что часто меня затрудняло относительно саней и одежды, и въ настоящемъ случаѣ я не могъ принять сердечнаго предложенія Самоѣда и принужденъ былъ терпѣливо покориться непогодѣ и мало по малу промокнуть насквозь. Мы продолжали путь шагъ за шагомъ, мѣняя направленіе, то въ ту то въ другую сторону. Наконецъ мы доѣхали до хорошо знакомой рѣки.

«Ѣхавшій впереди спустился съ своими оленями на ледъ и поѣхалъ далѣе по льду, чтобы отыскать дорогу. Но въ этой экскурсіи онъ совершенно пропалъ. Тогда другой ямщикъ отправился отыскивать своего товарища, и я остался въ тундрѣ совершенно одинъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, рѣшительно не зная, куда дѣвались ямщики, такъ какъ все, что я теперь разсказываю, я узналъ только, когда мы пріѣхали къ ближайшей юртѣ. Сначала

я даже не зналъ, что мои проводники исчезли, но потомъ, получивъ это печальное свѣдѣніе, я подумалъ, что они бѣжали со страха. Я не стану описывать внутренняго своего состоянія, но я чувствовалъ, что въ платьѣ, промокшемъ насквозь въ теченіи дня, меня затрясла страшная лихорадка, когда съ наступленіемъ ночи дождь увеличился. Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ, и приготовился путешествовать въ иной міръ».

Наконецъ, послѣ долгаго плутанія путешественники достигли самоѣдскихъ юртъ. На слѣдующее утро, погода утихла, и такъ какъ легко было отыскать дорогу вверхъ по рѣкѣ Индигѣ, на 40 или 50 верстъ до русскаго двора, то неутомимый Кастренъ рѣшился на дальнѣйшій путь.

«Но точно также, какъ и въ предыдущій день снова поднялась непогода, которая къ вечеру такъ усилилась, что противъ вѣтра нельзя было ни дышать, ни сидѣть, открывши глаза. Въ ушахъ слышался неумолкаемый шумъ, который дѣйствовалъ одуряющимъ образомъ. Мокрый снѣгъ промочилъ меня днемъ, а ночью наступилъ и морозъ. Наконецъ, измерзшій я пріѣхалъ къ полуночи на русскій дворъ. Трудная поѣздка такъ истощила меня, что я едва держался на ногахъ, зрѣніе такъ пострадало отъ вѣтра, что я едва различалъ предметы. Цѣлыя сутки послѣ этого раздавался у меня въ ушахъ свистъ вѣтра».

Нѣсколько дней спустя, Кастренъ достигъ деревни Пустозерска, самаго пустыннаго мѣста въ мірѣ. Здѣсь не видишь даже слѣдовъ деревьевъ, нѣтъ скалъ и камней и только зима стелетъ передъ глазами неизмѣримую, плоскую, снѣжную равнину, по которой безпрепятственно разгуливаютъ вѣтры.

Вѣтры бушуютъ здѣсь безъ перерыва, и часто съ такою силой, что обыватели не могутъ достать себѣ воды и дровъ для отопленія своихъ жилищъ. Иногда вѣтеръ срываетъ крыши съ домовъ и къ стѣнамъ наноситъ такія массы снѣга, что онѣ поднимаются почти до кровли. Чтобы не быть совершенно занесенными снѣгомъ, жители прогребаютъ вокругъ домовъ узкіе ходы, потому что слишкомъ большого труда стоило бы разгребать всю массу нанесеннаго вѣтромъ снѣга.

Въ этой странѣ Кастренъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ не смотря на всѣ неудобства жилья, ему представился хорошій случай, продолжать свои работы по изученію языка, обычаевъ и религіи Самоѣдовъ. Эти кочевники приходили въ Пустозерскъ для мѣны своихъ товаровъ на муку и другія необходимости, но

многіе изъ Самоѣдовъ часто повторяли свои посѣщенія, желая по чаще удовлетворять свою страсть къ вину. Наконецъ, Самоѣды перестали появляться, очевидно, Пустозерскій сезонъ окончился, тогда Кастренъ въ апрѣлѣ переѣхалъ на 150 верстъ южнѣе въ деревню Усть-сыльмскъ на рѣкѣ Печорѣ, гдѣ еще держались тундровые Самоѣды. Путь проходилъ по такой пустынной странѣ, что дѣйствительно можно подумать, какъ говорятъ тамошніе шаманы, что эта страна не создана Богомъ, а образовалась послѣ всемірнаго потопа. Впрочемъ мѣстность становится лучше вблизи Усть-сыльмска (65° 5′ с. ш.); тамъ кое-гдѣ растутъ деревья. Мѣстечко было населено самыми грубыми и упрямыми раскольниками, какихъ Кастренъ когда-либо видѣлъ. Живя въ невѣжествѣ, праздности и вѣчныхъ распряхъ, эти сектанты считаютъ себя лучше другихъ грѣшниковъ, и воображаютъ, что Богъ предназначилъ для нихъ свое небо, ибо они осѣняютъ себя двуперстнымъ крестомъ, молятся передъ старинными иконами, и никогда не ходятъ въ церковь. Эти раскольники объявили невиннаго филолога колдуномъ, отравителемъ рѣкъ и колодцевъ, ругали и оскорбляли его во время его странствія. Слѣпая ярость ихъ дошла наконецъ, до того, что они собирались убить его, и онъ счелъ за лучшее уѣхать отсюда на 100 верстъ южнѣе въ Ижемскъ на Ижмѣ. Но худая слава шла по пятамъ филолога, и, не смотря на заступничества исправника и его жены, все таки, толпа считала его за безбожника. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, пока не установился путь, Кастренъ могъ безпрепятственно заниматься изученіемъ самоѣдскаго языка. Въ концѣ іюня Кастренъ отправился вверхъ по Печорѣ, въ 400 верстахъ отстоящую деревню Кольву, гдѣ онъ и остановился на лѣтніе мѣсяцы, а 19 сентября онъ продолжалъ свое путешествіе къ Обдорску, котораго впрочемъ онъ съ большимъ трудомъ достигъ только черезъ 2 мѣсяца. По ту сторону Кольвы вовсемъ бассейнѣ Усы не встрѣчается поселеній. Осенью, поднимаясь вдоль по рѣкѣ, видишь по ея берегамъ большіе луга, травою которыхъ никто не пользуется. Повсюду разсѣяны сгнившія деревья, нѣкоторыя еще стоятъ, а другія повалились; изрѣдка блуждаютъ дикіе звѣри, но глазъ не встрѣчаетъ ни человѣка, ни человѣческихъ жилищъ. Ежедневно проносятся безчисленныя стаи дикихъ утокъ и гусей, которыя съ радостнымъ крикомъ возвращаются въ болѣе теплыя страны.

Въ постоянной борьбѣ съ бурями и противнымъ вѣтромъ, наконецъ, 27 сентября путники доплыли до бѣдной необитаемой хижины, отстоящей верстъ на 40 отъ Уральскаго хребта, и здѣсь

Кастренъ съ 14 другими лицами, долженъ былъ прождать почти мѣсяцъ, пока не станетъ давно желанный зимній путь. Совершенное отсутствіе всякаго удобства, продолжительный дождь, пустынная страна, какъ бы оправдывающіе своеобычное воззрѣніе Самоѣдовъ, что богъ смерти царитъ надъ землею, а елисейскія поля находятся въ ея нѣдрахъ—все это вмѣстѣ дѣлали пребываніе здѣсь филолога невыносимымъ. Наконецъ, 25 октября наступилъ день освобожденія, и 3 ноября Кастренъ въ первый разъ увидѣлъ Уральскія горы во всей ихъ красотѣ.—Изъ средины хребта гордо поднимался *князь Урала* свою бѣлую голову и безчисленныя звѣзды свѣтились вокругъ его. «Видишь ли, какъ сегодня милостивъ князь», сказалъ одинъ изъ Самоѣдовъ, «но иногда онъ совсѣмъ иначе смотритъ». По этому поводу онъ разсказалъ о страшныхъ бурянхъ, иногда бушующихъ на Уралѣ и сбрасывающихъ съ горы большіе камни и цѣлыя скалы. Переѣздъ по опасному проходу совершился благополучно, и 9 ноября 1843 г. Кастренъ доѣхалъ до Обдорска. Хотя силы ученаго истощились и здоровье разстроилось, но все таки онъ радовался тому, что находится въ странѣ своихъ мечтаній, что вступилъ наконецъ на священную почву Азіи. Печальный Обдорскъ, самая сѣверная колонія Западной Сибири, былъ въ самомъ дѣлѣ высшей школой для ревностнаго филолога, такъ какъ на здѣшній базаръ Остяки и Самоѣды тысячами стекались изъ самыхъ отдаленныхъ пустынь. Здѣсь Кастренъ имѣлъ возможность расширить свои знанія, но разстроенное здоровье не позволяло ему долго пробыть въ этомъ филологическомъ раю, и онъ принужденъ былъ отправиться изъ Обдорска въ Березовъ, а отсюда въ Тобольскъ и, наконецъ, въ мартѣ 1844 г. кратчайшимъ путемъ въ Финляндію, чтобы на родинѣ почерпнуть новыя силы для продолженія своихъ ученыхъ трудовъ. Уже въ маѣ слѣдующаго 1845 г. мы встрѣчаемъ выздоровѣвшаго и попрежнему ревностнаго Кастрена снова въ Тобольскѣ, а въ іюлѣ онъ отправился вверхъ по величественной Оби въ Сургутъ.

Неограниченная берегами водная поверхность рѣки была до крайности однообразна. Кругомъ одна пищета и запустѣніе. Многія семейства Остяковъ принуждены были отъ необычно-большого разлива оставить свои жилища и удалиться въ лѣса.

Далѣе Кастренъ дивился дикости колоссальной природы. Жителей здѣсь мало, да и тѣ занимаются охотой и рыбной ловлей, а земля предоставлена самой себѣ и остается въ невоздѣланномъ состояніи. Всего чаще человѣческія жилища окружены болотами и

непроходимыми лѣсами. Болота, невоздѣланныя поля и сухіе перелѣски слѣдуютъ другъ за другомъ. Старая трава не даетъ расти молодой и покрываетъ землю пепельно-сѣрымъ цвѣтомъ. Рѣдко видишь живое существо, кромѣ журавлей, дикихъ утокъ и гусей. Отъ Сыльярска до Сургута, на 200 верстахъ, всего 3 русскихъ деревни, а Остяки живутъ большею частію по побочнымъ рѣчкамъ.

Въ красноярскѣ на Енисеѣ, гдѣ Кастренъ находился въ апрѣлѣ 1846 г., его ожидала пріятная неожиданность. Припомните нѣмецкихъ раскольниковъ въ самоѣдской тундрѣ и помощь оказанную Кастрену тамошнимъ исправникомъ и его милой молодой женой. Она была дочерью поселеннаго въ Красноярскѣ крѣпостного человѣка, который все свое нажитое состояніе употребилъ на образованіе своей дочери. Она вышла замужъ за молодого поляка и послѣдовала за нимъ въ самоѣдскую тундру. Когда Кастренъ 3 года тому назадъ сообщалъ этой женщинѣ планъ своего путешествія, она сообразила, что онъ будетъ въ Красноярскѣ именно около этого времени и написала письмо, которое пришло на мѣсто своего назначенія (6000 верстъ) за нѣсколько часовъ до прибытія Кастрена. Это было рекомендательное письмо къ ея отцу, котораго она просила принять чужестранца съ полнымъ участіемъ. Можно себѣ представить, какъ тронулъ одинокаго путешественника такой дружескій привѣтъ изъ другой части свѣта.

Недолго, однако, наслаждается Кастренъ такими пріятными воспоминаніями, сѣверъ зоветъ его къ себѣ для изученія тамошнихъ народцевъ вдоль Енисея, какъ изучилъ онъ ихъ по Оби. Съ начала іюня до конца іюля литературныя занятія съ туземцами задержали его въ Туруханскѣ, гдѣ близъ полярнаго круга онъ много вытерпѣлъ отъ жары, докучливыхъ мухъ и постоянныхъ дождей. Въ началѣ августа, по народнымъ наблюденіямъ, начинается новая пора, обыкновенная муха исчезаетъ, ея мѣсто занимаетъ муха меньшей величины, но еще болѣе докучливая; трава желтѣетъ; сѣверный холодный вѣтеръ обрываетъ листья съ деревьевъ; туземный рыбакъ удаляется въ лѣса, утки и гуси мало по малу начинаютъ отлетать. И Кастренъ въ свою очередь готовился къ отъѣзду изъ Туруханска, чтобы еще глубже зарыться въ сѣверныя пустыни.

Ниже Туруханска теченіе Енисея слабѣетъ; лодку тащатъ собаками и при неблагопріятной погодѣ дѣлаютъ съ утра до вечера всего 5—10 верстъ. Во время этого скучнаго путешествія Кастренъ имѣлъ достаточно времени налюбоваться берегами рѣки. Тальникомъ, растущимъ на лѣвомъ берегу рѣки и сосновымъ лѣсомъ на

правомъ. Здѣсь было не мало перастаивающихъ массъ льда, и безчисленныя стаи утокъ и гусей съ крикомъ летали надъ головой путешественника.

На разстояніи 365 верстъ ниже Туруханска находится Плахина, небольшая стоянка, состоящая изъ 3 бѣдныхъ хижинъ. Недалеко отсюда князь Тазовскихъ Юраковъ раскинулъ свой лѣтній лагерь, чтобы по древнему обычаю ловить рыбу въ Енисеѣ. Намѣреваясь посвятить нѣсколько времени изученію этого маленькаго самоѣдскаго народца, Кастренъ велѣлъ очистить лучшую изъ упомянутыхъ хижинъ, которая все-таки отличалась обиліемъ неудобствъ.

Въ кабинетъ филолога дневной свѣтъ проникалъ черезъ небольшое, бумагой заткнутое отверстіе, такъ что Кастренъ даже днемъ часто былъ принужденъ заниматься при огнѣ. Не менѣе непріятно было и то, что пламя безпрерывно колебалось отъ вѣтра, проникающаго сквозь стѣны,—еще невыносимѣе былъ ѣдкій дымъ. Хотя поправили сквозную крышу, но все же нужно было при каждомъ сильномъ дождѣ прекращать всякую работу, прятать бумаги, а самому укрываться какъ будто подъ открытымъ небомъ. Къ тому же присоединилась забота о необходимыхъ для поддержанія жизни предметахъ. 3 недѣли спустя, Кастренъ поѣхалъ въ Хантайку, 40 верстъ еще далѣе, здѣсь онъ имѣлъ болѣе удобную квартиру и могъ заняться изученіемъ юракскаго нарѣчія. Затѣмъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дудинкѣ, деревнѣ лежащей въ 577 верстахъ ниже Туруханска; а 16 ноября Кастренъ отправился еще далѣе на сѣверъ въ зимнюю стоянку Толстый Носъ, которую самъ называетъ знаменитой, и которая уже по своему положенію (71° с. ш.) заслуживаетъ такое названіе.

Въ саняхъ, покрытыхъ шкурами сѣверныхъ оленей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Самоѣдовъ, на оленяхъ, выѣхалъ Кастренъ изъ Дудинки. Непріятность лежать, какъ покойнику въ темномъ узкомъ ящикѣ побудила Кастрена перемѣнить экипажъ на открытыя сани; но за эту неосторожность онъ поплатился тѣмъ, что отморозилъ себѣ ноги, пальцы рукъ и нѣкоторыя части лица. Сдѣлавъ это непріятное открытіе, на слѣдующей стоянкѣ Кастренъ опять залѣзъ въ сани подобныя первымъ, и послѣ 9 дневнаго путешествія въ темнотѣ, наконецъ доѣхалъ, до Толстаго Носа, деревни, состоящей изъ 4 хижинъ. Въ одной изъ этихъ хижинъ онъ устроился, какъ только могъ, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль продолжалъ свои занятія при огнѣ, такъ какъ здѣсь солнце исчезаетъ уже въ ноябрѣ, и только въ полдень на горизонтѣ показывается

слабая краснота. По утрамъ тундра почти всегда покрыта сѣрымъ туманомъ, который обыкновенно исчезаетъ къ вечеру, послѣ чего луна, звѣзды и мерцающее сѣверное сіяніе, какъ бы волшебнымъ свѣтомъ, одѣваютъ неизмѣримыя снѣжныя поля.

Наконецъ, нечему было научиться у кочевниковъ, собравшихся въ Толстомъ Носѣ, и Кастренъ отправился на югъ. Въ Хантайкѣ лѣтомъ свѣтлая, удобная комната оказалась, не смотря на массивную печь и четыре ледяныхъ окна, почти на столько же холодною и темною, какъ самоѣдская юрта. По стѣнамъ текла вода, тюфяки и платья примерзали къ стѣнѣ. Въ ночь подъ Новый Годъ отъ невыносимаго дыму Кастренъ, вскочивъ съ постели, убѣжалъ въ лѣсъ. Въ этомъ жилищѣ провелъ Кастренъ 3 недѣли, занимаясь самоѣдскими нарѣчіями при свѣтѣ ночника изъ жира, который горѣлъ съ утра до вечера.

Туруханскъ очень жалкое мѣстечко, но обрадуешься и ему, прожившій полгода въ болотистой равнинѣ, и не видавъ солнечнаго свѣта въ теченіи 2 мѣсяцевъ сряду. Желая поскорѣе увидать городъ, Кастренъ по старой привычкѣ рѣшился ѣхать день и ночь, но уже въ первую ночь чуть-чуть не поплатился жизнью за свое нетерпѣніе. Самоѣдъ, его проводникъ, въ ночной темнотѣ не замѣтилъ, что вода выступила на Енисеѣ и что ледъ мѣстами поломанъ; онъ въѣхалъ въ воду на столько, что сѣверные олени не могли вывезти саней на берегъ, и приходилось буквально замерзнуть въ рѣкѣ. Ихъ спасла удивительная случайность.

Изъ уваженія къ академическимъ пакетамъ изъ Туруханска была отправлена эстафета Кастрену. Почтальонъ встрѣтилъ его въ то самое время, когда онъ находился въ опасномъ положеніи, помогъ ему выбраться на берегъ и довелъ его до самоѣдской юрты, гдѣ Кастренъ отогрѣлъ свои замерзнувшіе члены. Въ эту страшную ночь одинъ самоѣдъ отморозилъ ноги, а другой посланный развѣдать дорогу, къ великому сожалѣнію Кастрена, погибъ.

Кромѣ того поѣздка отъ Хантайки до Туруханска была полна непріятностей и всякаго рода приключеній. То лопнулъ ремень, то сломались сани, то сбились съ дороги, или олени такъ устали, что приходилось пѣшкомъ добираться до станціи или зимовки, гдѣ путешественникъ едва могъ согрѣться и подкрѣпить себя скудною пищею.

Послѣ этого можно себѣ вообразить радость Кастрена, когда, наконецъ, въ серединѣ 1847 г. онъ въѣхалъ въ Туруханскъ на саняхъ, въ которыя было запряжено 16 собакъ. Здѣсь 3 дня онъ

мучился въ ревматизмахъ, съ зубною болью и съ стрѣляніемъ въ ушахъ, обезсиленный на столько, что даже не могъ написать письма. Страдая грудью, онъ добрался наконецъ до Енисейска 3 Апрѣля 1847 г. Не смотря на болѣзнь, онъ все-таки продолжалъ заниматься изученіемъ остятскаго языка; какъ ни слабо было тѣло, но оно должно было покориться любознательному духу.

Когда здоровье Кастрена нѣсколько поправилось, неутомимый ученый задумалъ познакомиться съ сайотами, и намѣревался отправиться въ Небесную Имперію черезъ Саянскія горы. Нужно было узнать, принадлежатъ ли сайоты къ самоѣдскому племени или нѣтъ, и Кастренъ счелъ бы свое путешествіе не достигшимъ цѣли, если бы такой важный вопросъ остался не разъясненнымъ.

«Мое, полное приключеній, путешествіе окончено», — пишетъ Кастренъ отъ 17 августа къ своему другу Скогрену изъ деревни Тесъ, на рѣкѣ Тубѣ. «Въ теченіи цѣлаго мѣсяца я почти съ восхода и до заката солнца не сходилъ съ сѣдла, иногда прибавляя къ дню часть лунпаго вечера. Путь мой шелъ по пустыннымъ и непроложеннымъ дорогамъ, по крутымъ пропастямъ и высокимъ горамъ, черезъ рѣки и болота, по лѣсамъ и едва проходимымъ чащамъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ заведеній для промывки золота не встрѣчалось здѣсь человѣческихъ жилищъ; я былъ принужденъ, не смотря ни на какую почву, проводить время подъ открытымъ небомъ или въ палаткѣ. Питаться приходилось въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ коровьимъ, овечьимъ или козьимъ молокомъ, иногда корнями различныхъ травъ, обыкновенно же я пилъ чай съ хлѣбомъ. Къ числу неудачъ я причисляю также безпрестанное спотыканіе моей Росинанты, на которой я также дурно себя чувствовалъ, какъ и нѣкій ламанчскій рыцарь во время своей битвы съ вѣтреными мельницами.

«Дорога лѣтомъ такъ топка, что лошадь вязла въ илѣ и глинѣ, почти по брюхо. Не слишкомъ горячая лошадь при этомъ ложится на бокъ, а сѣдокъ рискуетъ сломать ногу. Если же лошадь не терпѣлива, то она начинаетъ лягаться, бросаться въ стороны, такъ что сѣдоку угрожаетъ опасность искалѣчить себя о близъ стоящія деревья или проломить голову. Иногда же лошадь ложится на брюхо, чтобы спуститься съ горы вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Изъ многихъ опасностей, которымъ я подвергался, разскажу одинъ примѣръ. Сломанное бурей дерево лежало поперегъ дороги, но такъ высоко надъ землей, что ѣхавшему впереди меня пришлось только не много пагнуться. Я же наклонился такъ низко, что грудью ле-

жалъ на передней лукѣ, но такъ какъ моя лошадь была выше лошади перваго ѣздока, то я страшно придавилъ себѣ, безъ того уже больную, грудь.

«Впрочемъ ѣзда лѣсомъ имѣетъ и свои хорошія стороны, именно, во время остановокъ вечеромъ. Разсѣдлаешь коней, разложишь огонь и подвѣсишь котелъ. Отдыхаешь на разостланной попонѣ, а сѣдло служитъ вмѣсто стула. Каждый приноситъ свою посуду; священникъ и золотопромышленникъ—лучшую, а ученый—плохую. Сыръ и водка, чай, бульонъ и мадера, рыба и мясо, шампанское и икра, все это поѣдается одно за другимъ, такъ какъ здѣсь одновременно завтракаешь, обѣдаешь и ужинаешь. За виномъ поютъ, пока усталость не заставитъ путниковъ склонить головы и заснуть подъ зеленью деревьевъ, не обращая вниманія ни на вѣтеръ, ни на дождь.

«Говоря о такомъ путешествіи весьма естественно припоминать, какъ ломали руки и ноги, зубную и всякую другую боль, но мое странствіе могло бы кончиться много хуже — китайскимъ плѣномъ. Русскимъ чиновникамъ было запрещено переѣзжать китайскую границу безъ позволенія начальства, и кромѣ путешествующихъ ученыхъ никто не осмѣлился бы этого сдѣлать. По золотопромышленники встрѣчаются же съ своими китайскими сосѣдями по обѣ стороны границы. На этомъ то я и основалъ свой планъ. Сойотскій дарга принялъ меня весьма любезно; я долженъ былъ привѣтствовать его рѣчью о здоровіи *бѣлаго* хана, а самъ онъ мнѣ отвѣтилъ, что и *великій* ханъ также совершенно здоровъ, что все благополучно, и что однимъ словомъ Далай-Лама оказывается во всѣхъ отношеніяхъ самымъ милостивымъ богомъ. Мы покурили, вмѣстѣ понюхали табаку, и дружба была заключена. Но на слѣдующій день все было забыто, и я едва не поплатился плѣномъ, если бы немедленно не оставилъ страны. Но этому я завлекъ даргу въ свой балаганъ, гдѣ за бутылку водки и за кусокъ краснаго сукна выхлопоталъ позволеніе остаться тутъ, пока не отдохнутъ мои люди. Тѣмъ временемъ я напялъ бѣдняковъ, которые мнѣ разсказали все, что нужно было знать; я уже не сомнѣвался болѣе, что сойоты народъ, самоѣдскаго происхожденія, хотя говорящій тюркскимъ нарѣчьемъ. Окончивъ работу, я весело переступилъ границу и возвратился въ Россію».

Въ мартѣ 1848 г. мы находимъ Кастрена въ Иркутскѣ, гдѣ онъ предпринимаетъ путешествіе за Байкалъ, чтобы у бурятскихъ ламъ продолжать, начатое въ Нижнеудинскѣ, изученіе монгольскаго

языка, и у этого, по своему весьма образованнаго духовенства, собрать свѣдѣнія о доисторическомъ времени Сибири. Что касается удобствъ жизни, то на берегу Семенги Кастрену во всякомъ случаѣ было лучше, нежели 5 лѣтъ тому назадъ на берегахъ Печоры. Въ каждой бурятской юртѣ чужестранцу предлагали чашку монгольскаго чаю, сваренаго съ молокомъ, жареную баранину, сыръ и молоко. У ламъ столъ былъ еще лучше, а между бурятами ламы встрѣчаются во всѣхъ закоулкахъ: изъ 4 человѣкъ одинъ уже непремѣнно лама. Удобства жизни достались ламамъ, однако, не даромъ,— они за это должны много учиться и много знать напзусть. Отъ каждаго хорошаго ученаго буддійскаго жреца требуется, чтобы онъ зналъ, какъ Гандчуръ, такъ и Данджуръ, хотя эти книги и не отличаются лаконизмомъ, и въ своихъ 200 томахъ содержатъ богословіе, мораль, философію, астрономію и всякаго рода историческіе разсказы. Каждый лама обязанъ знать по-тибетски, а самые ученые изъ нихъ, кромѣ того, имѣютъ познанія и въ санскритскомъ. Свою врачебную мудрость они почерпаютъ изъ тибетскихъ источниковъ и выписываютъ лѣкарства изъ Пекина. Кромѣ того ламы съ успѣхомъ занимаются каллиграфіей и рисованіемъ. По свидѣтельству Кастрена, онъ не видалъ ничего красивѣе рукописей бурятскихъ ламъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были украшены золотыми и серебряными буквами на сумму нѣсколькихъ тысячъ рублей серебромъ

Кастренъ нашелъ олицетворенное некорыстолюбіе въ Непдакѣ Банпиловѣ, повсюду уважаемомъ главѣ всѣхъ бурятъ Селенгинскаго округа, корреспондентѣ Казанскаго университета, кавалерѣ разныхъ орденовъ и пр. и пр. Этотъ сановникъ, подобно всѣмъ остальнымъ бурятамъ, ходилъ въ овчинномъ тулупѣ, и только въ праздники надѣвалъ сверху шелковое платье. Жилъ онъ или въ юртѣ, или въ обыкновенной бурятской избѣ, но для пріема именитыхъ гостей онъ владѣлъ прекраснымъ зданіемъ, рядомъ съ своей пизенькой хижиной. Преданный вѣрѣ и обычаямъ своихъ отцевъ, Непдакъ былъ очень хорошо знакомъ съ монгольской литературой и имѣлъ превосходное собраніе монгольскихъ религіозныхъ сочиненій, которыми онъ позволялъ пользоваться всякому желающему. У этого въ своемъ родѣ ученаго человѣка, Кастренъ прогостилъ двѣ недѣли и затѣмъ отправился далѣе въ степь.

Хотя буряты умѣютъ строить различныя зданія, но любимымъ ихъ жилищемъ остается войлочная палатка (кибитка). У богатыхъ бурятъ, съ лѣвой стороны стоятъ другъ надъ другомъ дорогіе сун-

дуки, въ которыхъ хранятся соболя, дорогія матеріи и проч. У стѣны на право блеститъ самоваръ и другая домашняя утварь; напротивъ двери поставленъ диванъ, передъ которымъ пародируютъ буддійскіе идолы. По обѣ стороны дивана висятъ отдѣланныя серебромъ сѣдла, мечи, луки. Одежда также составляетъ предметъ заботы хозяевъ. Хотя въ обыденной жизни козій или бараній тулупъ составляетъ обычную одежду бѣдныхъ и богатыхъ, но когда нужно, у бурята найдется и шелковый халатъ, подбитый чернымъ соболемъ. Женщины очень любятъ различныя украшенія, которыми онѣ буквально увѣшаны, подъ этими украшеніями онѣ носятъ длинное шелковое платье и плотно стянутый казакинъ. Голова, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ украшена остроконечною красною шелковой шапкою, отороченною соболемъ, на пальцахъ блестятъ перстни.

Бурятскіе князьки съ древнихъ временъ пользуются титуломъ *тайши*, наслѣдственнымъ только въ мужскомъ колѣнѣ. Перейдя въ подданство Россіи, тайши остались властелинами своего народа, но платятъ правительству ясакъ (подать). Независимо отъ этого, буряты обязаны содержать въ исправности дороги, поставлять въ случаѣ надобности лошадей для перевозки казенныхъ тяжестей и выставлять на границу 4 конныхъ полка.

Мы не будемъ описывать дальнѣйшихъ странствованій Кастрена, какъ представляющихъ мало интереса для читателя. Задача его была рѣшена. Онъ основательно изучилъ дальній Сѣверъ и потерялъ при этомъ здоровье и силы. По возвращеніи въ Финляндію, его ожидала профессорская кафедра въ Гельсингфорсѣ, которую онъ и занялъ, какъ знаменитый ученый филологъ. Недолго, однако, Кастрену пришлось пожинать лавры своихъ трудовъ. Два года спустя онъ умеръ оплакиваемый своими соотечественниками и къ глубокому прискорбію ученаго міра.

ГЛАВА IX.

Самоѣды.

Невѣжество самоѣдовъ.—Шаманство.—Одежда и барабанъ шамановъ.—Самоѣдскіе идолы.—Идолъ на Вайгачѣ.—Духи.—Заклинанія духовъ.—Шаманъ у постели больного.—Какъ дѣлаются шаманами?—Торжественная присяга.—Наружный видъ и характеръ самоѣдовъ.—Одежда.—Самоѣдская свадьба.—Мрачный взглядъ самоѣда на жизнь.—Число самоѣдовъ.

Много грубѣе, невѣжественнѣе, и глубже погруженъ въ варварство, чѣмъ лапландецъ, его сосѣдъ, самоѣдъ; это обстоятельство объясняется тѣмъ, что послѣдній живетъ еще въ большей пустыни, въ самыхъ дикихъ и недоступныхъ тундрахъ и лѣсахъ сѣверной Европы и западной Сибири. Самоѣдъ кочуетъ съ своими оленями по безлѣснымъ пустынямъ отъ восточнаго берега моря до береговъ Хатанги, или же охотится по неизмѣримымъ лѣсамъ, которые тянутся отъ Оби до Енисея. Какъ одинокій кочевникъ, самоѣдъ почти не соприкасается съ жилищами осѣдлаго человѣка, и знаетъ его только съ дурной стороны, встрѣчаясь на ярмаркахъ такихъ злополучныхъ мѣстечекъ, какъ Обдорскъ или Пустозеркъ, гдѣ часто дѣлается жертвою обмана. При такихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ можетъ ли самоѣдъ освободиться отъ невѣжества? Откуда же притти свѣту, который разсѣялъ бы мракъ его души?

Къ лапландцамъ проникли проповѣдники, которые словомъ и примѣромъ дѣйствуютъ на лапландца, съ самопожертвованіемъ отыскивая его по пустынѣ, поучая и утѣшая его. Менѣе счастливъ самоѣдъ, который не перестаетъ вѣровать въ своихъ лже-пророковъ—шамановъ.

Эти лже-пророки подъ различными именами встрѣчаются по

всему крайнему сѣверу Стараго и Новаго Свѣта—тамъ, куда еще не проникло христіанство. Обычаи ихъ, за нѣкоторыми незначительными уклоненіями, вездѣ одни и тѣ же.

Шамановъ нельзя назвать жрецами, также точно шаманство—религіей, такъ какъ о богопочитаніи здѣсь нѣтъ и рѣчи. Хотя и самоѣды признаютъ высшее существо—Нумъ или Илибеамбэртье (покровитель скотоводства), которое живетъ въ воздухѣ, и какъ древній Юпитеръ ниспосылаетъ человѣку громъ и молнію, дождь и снѣгъ, вѣтеръ и бурю. Самоѣды даже поэтически украшаютъ его, и доказательствомъ, что даже у самыхъ грубыхъ народовъ существуетъ поэтическая фантазія, можетъ служить то, что они называютъ радугу окрайной его мантіи. Однако же они, очень мало думаютъ о немъ, какъ и остяки о своемъ Турумѣ. Онъ слишкомъ далеко стоитъ отъ нихъ, чтобы они надѣялись пріобрѣсти его милость молитвами и жертвами, и поэтому онъ долженъ довольствоваться, какъ и всѣ владыки, отъ которыхъ немногаго ждешь, безплоднымъ признаніемъ своего бытія. Въ честь его не прирѣжутъ даже птицы, а о сѣверномъ оленѣ—говорить нечего.

Кромѣ Нума, существуетъ нѣсколько подчиненныхъ божествъ, которые принимаютъ участіе въ судьбѣ человѣка; эти существа подарками можно совратить съ пути справедливости и заставить служить себѣ посредствомъ заклинаній. И къ этимъ то божествамъ обращается самоѣдъ, когда нужна ему высшая помощь.

Самый знаменитый изъ всѣхъ самоѣдскихъ идоловъ лежитъ рядомъ со многими другими на островѣ Вайгачѣ, гдѣ нашелъ его старый Боренцъ.

Этотъ идолъ ничто иное, какъ большая каменная глыба, по странной случайности, имѣющая человѣку подобный образъ, но только голова заострена. Не рука художника сдѣлала его, а капризъ природы. Чудесность его явленія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никто не знаетъ, откуда онъ взялся, такъ какъ по преданію было время, когда островъ не былъ осчастливленъ его пребываніемъ. По этому оригиналу самоѣды надѣлали себѣ много большихъ и маленькихъ идоловъ изъ камня или дерева, которыхъ называютъ сьяденми, отъ человѣческаго лица (sja). Самоѣды одѣваютъ этихъ идоловъ въ самоѣдское платье изъ оленьихъ шкуръ и украшаютъ различными привѣсками.

Сходство съ человѣкомъ по формѣ не составляетъ впрочемъ необходимости для изображенія идола. Вполнѣ достаточно камню или дереву имѣть нѣсколько странную форму, чтобы заслужить такую

высокую честь. Если предметъ малъ, то дикарь окутываетъ его въ пестрыя тряпки и повсюду таскаетъ его съ собой. Если же онъ тяжелъ для странствованій, то считаютъ его за общаго народнаго бога. За поѣздомъ кочевниковъ непремѣнно слѣдуютъ особыя сани, въ которыхъ везутъ нѣсколько домашнихъ боговъ (гаге). Одинъ изъ этихъ боговъ покровительствуетъ сѣвернымъ оленямъ, другой долженъ печись о здоровьѣ, третій оберегаетъ семейное счастье, четвертый наполняетъ рыболовную сѣть, и т. п. Смотря по надобности, на пастбищѣ оленей или рыбной ловлѣ домашній богъ выставляется на видномъ мѣстѣ въ палаткѣ. Ему намазываютъ губы рыбьимъ жиромъ или кровью, и подставляютъ блюдо съ рыбой или мясомъ, надѣясь, что богъ сторицею заплатитъ за вкусную трапезу. Но минуетъ нужда въ богѣ, о немъ болѣе не заботятся, и богъ голодаетъ.

Идолы для самоѣдовъ тѣмъ удобны, что съ ними можно совѣтоваться и просить ихъ помощи, безъ всякаго знакомства съ таинствами и магіей. Совсѣмъ другое дѣло духи или невидимыя божества, которые по понятіямъ самоѣдовъ витаютъ въ воздухѣ и готовятъ бѣдному человѣку болѣе зла, чѣмъ добра; просить о помилованіи и заставить этихъ боговъ служить себѣ можно только чрезъ посредство тадиба или шамана. Послѣдній проникаетъ своимъ окомъ въ міръ духовъ и укрощаетъ ихъ магической силой. Но прежде нежели снимается передъ нимъ завѣса съ невидимаго міра, онъ долженъ притти въ экстазъ, такъ какъ въ спокойномъ состояніи видитъ не далѣе обыкновеннаго человѣка. Когда потребуютъ услуги отъ шамана, то прежде всего онъ закутывается въ свой волшебный плащъ, состоящій изъ замшевой рубашки, отороченной краснымъ сукномъ. Швы точно также покрыты краснымъ сукномъ, а на плечахъ красуются изъ того же яркаго сукна сдѣланные наплечники. На глаза навѣшивается кусокъ сукна, какъ символъ того, что не глазами, а внутреннимъ окомъ проникаетъ тадибъ въ духовный міръ. Голова ничѣмъ не покрывается, а выше упомянутый кусокъ сукна прикрѣпляется двумя тонкими красными суконными же полосками, изъ которыхъ одна идетъ по затылку, а другая по темени. На груди блеститъ полированная желѣзная пластинка. Впрочемъ, этотъ торжественный нарядъ не у всѣхъ дикарей одинаковъ. Такъ, тунгузскіе шаманы надѣваютъ родъ шлема съ бубенчиками, а на платьѣ виситъ множество тонкихъ полированныхъ стальныхъ пластинокъ, которыя при каждомъ движеніи производятъ особенный звонъ. Чтобы усилить впечатлѣніе зрителя, къ

этой мантіи пришиваютъ множество звѣриныхъ хвостовъ, или, какъ у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ Индійцевъ, иголъ дикобраза. Такимъ образомъ наряженный, шаманъ береть свой волшебный барабанъ, мощные звуки котораго, по понятіямъ дикарей, должны пробудить духовъ отъ сна. Барабанъ имѣетъ круглую форму, а величина его различна у различныхъ шамановъ. Самый большой барабанъ, о которомъ разсказываетъ Кастренъ, имѣлъ $^5/_4$ фута въ поперечникѣ и $^1/_8$ фута въ вышину. На барабанѣ натянута прозрачная оленья кожа, по краямъ украшенная мѣдными кольцами и другими побрякушками.

При церемоніи заклинанія тадибу обыкновенно помогаетъ еще не вполнѣ посвященный въ магію ученикъ. Оба или садятся, или ходятъ вокругъ. Старшій бьетъ въ барабанъ сначала тихо, потомъ сильнѣе и быстрѣе, и при этомъ поетъ какія-то мистическія слова. Ученикъ во всемъ подражаетъ своему учителю, оба поютъ, безконечно растягивая каждый слогъ. Тутъ прилетаютъ невидимые духи и начинаются переговоры: старшій тадибъ время отъ времени останавливается, для выслушиванія отвѣтовъ невидимаго духа, и слабо барабанитъ. Въ это время помощникъ продолжаетъ пѣть и повторять послѣднія слова, сказанныя учителемъ. Наконецъ, нѣмой разговоръ окончился, и пѣніе превращается въ какой то дикій, звѣриный ревъ. Барабанъ, кажется, лопнетъ отъ страшныхъ ударовъ. Какъ у безумнаго, горятъ глаза шамана, пѣна выступаетъ у него изо рта. Но вотъ страшный шумъ прерванъ, и раздаются предсказанія оракула...

Къ помощи шамана обращаются не только, чтобы отыскать потерянаго оленя, отвратить падежъ отъ скота, или вымолить у боговъ счастливой ловли, но и въ болѣзняхъ сѣверный дикарь не знаетъ другой помощи, кромѣ помощи тадибовъ. Какъ бы ни былъ труденъ больной, хотя бы паціентъ корчился отъ боли, или впадалъ въ бѣшенство отъ горячки—не прежде тадибъ начнетъ свое лѣченіе, пока не загорится *первая утренняя заря*. Если къ этому времени больному стало легче, то шаманъ начинаетъ барабанить, иначе онъ ждетъ седьмой зари. Если и къ этому времени нѣтъ облегченія, то больной предоставляется судьбѣ, или же начинается экзаменъ паціента. Здѣсь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узнать, происходитъ ли болѣзнь отъ воли высшаго бога или отъ злыхъ людей, и только въ послѣднемъ случаѣ призываются духи, такъ какъ, что можно сдѣлать противъ воли могущественнаго или беамбэртіе?

Помощь духа состоитъ въ томъ, что тотъ, кто *нагналъ* болѣзнь, заболѣваетъ ею самъ.

Изъ этого можно видѣть, что тадибы не нуждаются въ медицинскихъ знаніяхъ, потому что услужливые духи берутъ на себя заботу о больномъ. Все дѣло въ томъ, чтобы вызвать духовъ барабаннымъ боемъ. Шаманъ употребляетъ только одно врачебное средство, именно, на больномъ мѣстѣ сожигается кусокъ сухого трута.

У другихъ сѣверныхъ народовъ шаманы при больномъ играютъ болѣе дѣятельную роль. Иногда онъ цѣлую ночь бьетъ въ барабанъ, чтобы отогнать злыхъ духовъ, или же запирается вмѣстѣ съ паціентомъ въ баню, и сидитъ тамъ, пока есть возможность выдерживать жаръ, послѣ чего оба бросаются въ ближайшую рѣку.

Шаманство почти вездѣ наслѣдственно. Не всякій обладаетъ нужными для него свойствами. Такъ, одинъ, какъ бы ни старался, не можетъ познакомиться ни съ однимъ духомъ, другому, напротивъ всѣ духи объявятся сами. Однако, чтобы сдѣлаться шаманомъ, требуется все таки для этого долгое приготовленіе. Ученикъ ищетъ одиночества, питается травами, упражняется на барабанѣ и мало по малу вырабатываетъ въ себя способность впадать въ экстазъ. Трудно отличить, гдѣ въ шаманѣ оканчивается обманъ и начинается сумасшествіе. Во всякомъ случаѣ, онъ почитаемый и уважаемый темною толпою опытный фокусникъ.

Разскажемъ одинъ изъ фокусовъ часто продѣлываемый шаманами. Шаманъ садится на оленьей шкурѣ, разосланной посреди пола, и приказываетъ связать себѣ руки и ноги; оконныя ставни затворяются и шаманъ начинаетъ вызывать своихъ услужливыхъ духовъ. Въ темной комнатѣ совершается что-то непостижимое, такъ напр.: по сухой кожѣ кто то барабанитъ въ тактъ, медвѣди ревутъ, змѣи шипятъ, бѣгаютъ бѣлки. Наконецъ, внезапно шумъ прекращается; присутствующіе нетерпѣливо ожидаютъ нѣсколько минутъ; послѣ чего развязанный шаманъ снова входитъ снаружи въ комнату. Никто не сомнѣвается въ томъ, что его освободили духи.

Шаманъ также невѣжественъ, какъ и его послѣдователи; онъ не поучаетъ ихъ добру и ничего не сдѣлаетъ для улучшенія ихъ общественнаго состоянія, никогда они не слышатъ слова утѣшенія, онъ употребляетъ все свое вліяніе на то, чтобы усилить ихъ суевѣріе. По всему сѣверу отъ Бѣлаго моря до восточной оконечности Азіи, отъ Тихаго океана до Гудзонова залива не мало людей, преданныхъ шаманству.

Подобно остякамъ, самоѣды чтутъ умершихъ и вѣруютъ въ то, что покойники, хотя и похороненные, могутъ имѣть тѣ же потребности и тѣ же занятія, какъ и во время жизни. Поэтому кладутъ въ могилу, и подлѣ нея, сани, копье, устраиваютъ очагъ, приносятъ котелъ, ножъ, топоръ, дрова и другую утварь, съ помощью которой покойникъ можетъ достать и приготовить себѣ пищу. Какъ во время погребенія, такъ и нѣсколько лѣтъ спустя, родственники умершаго приносятъ въ жертву оленей. Если умретъ старикъ, пользовавшійся особымъ уваженіемъ, князь, старшина или владѣтель нѣсколькихъ тысячъ оленей, то ближайшіе родственники покойнаго дѣлаютъ сходную съ нимъ чучелу, которая ставится въ палатку умершаго и которой воздается та же почесть, какая воздавалась живому. За обѣдомъ такой идолъ становится на подобающее мѣсто, каждый вечеръ его раздѣваютъ и кладутъ въ постель, каждое утро одѣваютъ и сажаютъ на то же мѣсто, гдѣ сидѣлъ покойникъ. Три года чествуютъ такимъ образомъ эту фигуру, послѣ чего ее опускаютъ въ могилу. Въ эти три года тѣло покойника сгніетъ въ могилѣ, а съ этимъ вмѣстѣ оканчивается и его безсмертіе. Только шаманы и умершіе насильственною смертью, по вѣрованіямъ самоѣдовъ, получаютъ преимущество витать въ воздухѣ послѣ земной жизни безсмертными духами. Тѣмъ не менѣе, не смотря на лакомый кусокъ, который приходится послѣ каждаго жертвоприношенія, и на подарки получаемые за услугу, шаманы все-таки самыя несчастныя существа. Экстазическое состояніе, въ которое они по своей обязанности часто впадаютъ, разстраиваетъ ихъ нервы, растлѣваетъ душу. Блѣдное лицо, усталые глаза, блуждающій взглядъ и нервная походка показываютъ, какіе демоны раздираютъ внутренности шамана.

Самоѣды, точно также какъ и остяки, считаютъ присягу за дѣйствіе, имѣющее высшее религіозное значеніе. Если совершилось тайное преступленіе противъ самоѣда, въ которомъ онъ подозрѣваетъ кого-либо, то можно требовать отъ него присяги. Если нѣтъ подъ руками деревяннаго или каменнаго идола, то дѣлаютъ божка изъ земли или снѣга, приводятъ запирающагося къ такому идолу, убиваютъ собаку, разбиваютъ идола и обращаются къ подозрѣваемому съ слѣдующими страшными словами: «Если ты укралъ, то издохнешь, какъ эта собака». Самоѣдъ такъ боится нарушенія присяги, что преступникъ почти никогда не доводитъ до убіенія собаки, а скорѣе сознается въ совершенномъ преступленіи.

Самой страшной клятвой считается клятва на медвѣжьей мордѣ,

такъ какъ всѣ сибирскіе народы отъ камчадаловъ до самоѣдовъ считаютъ медвѣдя за могущественнаго бога. Медвѣдь по ихъ понятіямъ вовсе не животное, а подъ его пушистой шкурой скрывается человѣческій образъ, сильный и мудрый. Остякъ, кромѣ того, считаетъ медвѣдя за сторожа всѣхъ низшихъ духовъ. Поэтому о медвѣдѣ не говорится иначе какъ съ благоговѣніемъ, его называютъ «прекрасный звѣрь», «старецъ съ когтями», «шубный отецъ», и хотя при случаѣ пускаютъ въ медвѣдя стрѣлу или пулю, но при этомъ ему говорятъ столько комплиментовъ, что сердиться на это «прекрасному звѣрю» совершенно неприлично. Пустынна и дика страна самоѣдовъ, мраченъ первобытный лѣсъ, въ которомъ онъ кочуетъ съ своими оленями и также дикъ и мраченъ его собственный видъ.

Небольшой ростъ остяка, широкія скулы, толстыя губы, маленькіе глаза, низкій лобъ, приплюснутый носъ, образующій со лбомъ почти прямую линію, широкія ноздри, какъ смоль черные, щетинистые волосы, рѣдкая борода, темный цвѣтъ лица — все это мало подходитъ къ образу Адониса; ко всему этому самоѣдъ мало заботится о своемъ костюмѣ. Въ оленьей шубѣ, въ которой расхаживаетъ неуклюжій самоѣдъ, онъ защищаетъ себя отъ холода и дождя, и не заботится о покроѣ этой одежды. Только немногіе аристократы, которые бываютъ и между самоѣдами, носятъ, покрытыя сукномъ и чѣмъ-нибудь отороченныя, шубы. Женщина, пока не вступитъ въ бракъ, и здѣсь умѣетъ принарядиться. Короткій полушубокъ изъ шкуры сѣвернаго оленя туго обтягиваетъ станъ, расширяется къ низу и у колѣнъ оканчивается оторочкой изъ собачьяго мѣха. На ногахъ носятъ пестрыя оленьи онучи. Въ двѣ косы, съ лентой заплетенные волосы, и покрытые бездѣлушками иногда спускаются до пятокъ. Если къ этому прибавить маленькое круглое лицо, полныя красныя щеки, бѣлый лобъ, черные локоны и темные, маленькіе, веселые глаза, то мы имѣемъ передъ собой образецъ принарядившейся самоѣдской красавицы, за которую пламенный женихъ охотно заплатитъ цѣлое стадо сѣверныхъ оленей.

По обычаю самоѣдовъ ни одинъ отецъ и не подумаетъ отдать свою дочь безъ выкупа: женихъ обязанъ заплатить ему за дѣвушку, вознаградить за службу, которую она могла бы нести въ домѣ. Женихъ со сватомъ отправляется къ жилищу невѣсты и здѣсь, по обычаю, онъ остается въ саняхъ передъ хижиной, а сватъ входитъ и дѣлаетъ предложеніе отцу или опекуну дѣвицы. Если предложеніе принято, то договариваются въ цѣнѣ. Если же отецъ требуетъ

слишкомъ дорого, то сватъ идетъ къ жениху и спрашиваетъ, можно ли прибавить одного или пару оленей къ прежней цѣнѣ. Торгъ продолжается до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не согласятся или рѣшительно разойдутся.

Слѣдствіемъ такого для женщины унизительнаго обычая бываетъ то, что на нее смотрятъ, какъ на рабыню, какъ на существо низшее, почти, какъ на домашнее животное. Самоѣдъ, убившій свою жену и приведенный за это преступленіе въ судъ, очень удивился, что его преслѣдуютъ за такіе пустяки. «Я, какъ честный человѣкъ, заплатилъ за нее, и могу, кажется, располагать своею собственностью, какъ хочу» — отвѣтилъ онъ на заданный вопросъ о его виновности.

Коснувшись обычаевъ самоѣдовъ относительно сватовства, перейдемъ теперь къ описанію самоѣдской свадьбы, которое заимствуемъ у Кастрена.

«При нашемъ прибытіи въ свадебную палатку, нѣсколько гостей пьяными уже лежало на землѣ безъ чувствъ; они валялись безъ шапокъ, уткнувшись головой прямо въ сугробъ, и вѣтеръ покрылъ ихъ лица снѣгомъ. Вотъ подходитъ женатый человѣкъ, осматриваетъ лежащихъ, узнаетъ, наконецъ, свою супругу, хватаетъ ее за голову, поворачиваетъ спиной къ вѣтру и падаетъ подлѣ нея, а вотъ другой бѣгаетъ вокругъ съ кофейникомъ, отыскиваетъ свою подругу, и вливаетъ ей въ горло нѣсколько водки. Здѣсь одинъ наткнулся на своего врага, ударилъ его нѣсколько разъ и отошелъ прочь.

«Мы вошли въ палатку, здѣсь старики, молодыя дѣвушки, мущины и женщины сидѣли въ перемежку. Въ числѣ самыхъ пьяныхъ былъ женихъ. Я сѣлъ и выпилъ чаю съ хозяиномъ и сватомъ. Только съ большимъ трудомъ удалось мнѣ добиться, чтобы хозяинъ пригласилъ въ общій кружокъ и мою спутницу, жену пастора.

«Послѣ чаю хозяинъ приказалъ убить оленя; животное упало на землю отъ легкаго удара топоромъ по лбу. Послѣ этого прикололи оленя ножемъ въ сердце и вынули дыхательные пути. Изъ за нихъ возникла драка между присутствующими, которая кончилась тѣмъ, что раздѣлили ихъ между ближайшими родственниками новобрачныхъ, которые должны были тотчасъ же ихъ съѣсть. Съ оленя сняли шкуру, вскрыли животъ, выбросили вонъ негодное для ѣды, и положили звѣря на спину. Онъ имѣлъ видъ большаго овальнаго сосуда, въ которомъ легкія, печень и другія лакомые

кусочки плавали въ значительной массѣ крови. Хозяинъ взялъ меня за руку, подвелъ къ оленю и предложилъ начать трапезу. Несмотря на ясность, съ которою онъ выразилъ свое желаніе, я все-таки притворился, что не понимаю его, и остался такимъ образомъ совершенно безучастнымъ передъ жертвой. Между тѣмъ вокругъ звѣря собирались свадебные гости; они вынули длинные ножи, отрѣзали по ломтю теплаго дымящагося мяса, обмакнули его въ кровь, руками подпесли кусокъ ко рту, и начали жевать, подпявъ лице къ верху; и во время жеванія ножемъ отрѣзали часть ломтя. Оставшаяся часть снова мокалась въ кровь, и снова отправлялась въ ротъ. Кровь текла по бородѣ и шеѣ. Легкое и печень были съѣдены послѣ въ видѣ дессерта. Во время такого отвратительнаго обѣда, дѣвицы пѣли самоѣдскія пѣсни,—быть можетъ, прекрасныя по содержанію, но по мелодіи похожи на кваканье лягушекъ. Пѣнье и пиръ были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Какой-то самоѣдъ заглянулъ въ дверь палатки и попросилъ позволенія участвовать въ пирушкѣ. Нѣкоторые изъ гостей пригласили его войти, и онъ воспользовался приглашеніемъ. Но это случилось въ отсутствіи хозяина. Лишь только послѣдній замѣтилъ незваннаго гостя, какъ приказалъ вытолкать его вонъ. Нѣсколько готовыхъ рукъ поспѣшили исполнить приказаніе, другія поднялись на защиту гостя. Хозяинъ схватился со сватомъ и пошла общая драка; котелъ, кофейники, горшки и другая посуда были опрокинуты и разлетѣлись. Исторія кончилась тѣмъ, что самоѣда вытолкали. Къ вечеру охота драться усилилась, куда ни посмотришь, вездѣ дерутся гости. Обыкновенно начиналось съ того, что хватали другъ друга за щетинистые черные волосы, и потомъ бились кулаками, а нерѣдко дрались костями и другими остатками пира. Драка начиналась безъ всякой видимой причины, стоило двоимъ встрѣтиться, и ужъ они таскали другъ друга за волосы, не обращая вниманія на возрастъ и полъ. Здѣсь не просили и не давали пощады; каждый билъ и защищался, какъ могъ, побѣжденный оставался на снѣгу, а побѣдитель отправлялся далѣе, чтобы совершать новые геройскіе подвиги. Соскучившись такимъ зрѣлищемъ, мы съ наступленіемъ ночи отправились домой».

Изъ этихъ примѣровъ описанныхъ нами сценъ, читатель, быть можетъ, составитъ себѣ понятіе, что самоѣды гораздо необузданнѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ — это вполнѣ мирный и добродушный типъ кочевника, всегда готоваго раздѣлить съ друзьями послѣдній кусокъ. Доброта самоѣда между прочимъ выражается

тѣмъ, что онъ, какъ лапландецъ, беретъ къ себѣ и кормитъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Жестокость, мстительность, кровожадность, эти мрачные пороки, которыми отличаются дикари тропическаго пояса, совершенно чужды самоѣду. Въ постоянной борьбѣ съ суровымъ климатомъ и нищетою ему неизвѣстны многія наслажденія, кажущіеся необходимыми цивилизованному человѣку. Но за то онъ обладаетъ преимуществомъ смотрѣть равнодушно на большую часть случаевъ въ его жизни. Естественно, что хорошій обѣдъ, по философіи самоѣда, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, но и на этотъ вопросъ онъ смотритъ совершенно равнодушно, и даже съ большимъ наслажденіемъ спитъ, чѣмъ ѣстъ. Онъ готовъ голодать, терпѣть жажду и вынести всякаго рода брань и обиды. Только изрѣдка вспыхиваетъ онъ дикою страстью, и тогда напоминаетъ жгучіе лучи южнаго солнца, нѣкогда освѣщавшаго родину его предковъ.

Общая черта характера всѣхъ самоѣдовъ, — мрачное воззрѣніе на жизнь и ея условія. Какъ его внѣшній міръ, такъ и духовный окутаны мракомъ ночи. Эти люди живутъ въ отрицательномъ покоѣ, и безъ сожалѣнія оставляютъ жизнь, которая доставляетъ имъ болѣе лишеній, чѣмъ радостей и наслажденій. Какъ всѣ полудикіе народы, самоѣды недовѣрчивы и скрытны. Упрямо держась за старые обычаи, они борятся противъ всѣхъ нововведеній, отъ которыхъ могъ бы улучшиться ихъ жребій, и только великій учитель, нужда, можетъ чему-нибудь научить ихъ.

Такъ, въ 1831 и 1833 годахъ въ Тиманской тундрѣ свирѣпствовалъ падежъ, погубившій около 20.000 сѣверныхъ оленей и повергшій жителей въ нищету. Большинство тамошнихъ самоѣдовъ, питавшихся палыми оленями, также погибло отъ заразы. Послѣ такого испытанія большая часть самоѣдовъ Тиманской тундры обратилась въ христіанство. Они также мрачно смотрятъ на жизнь, но дикія страсти затихли, сердце и нравы смягчились.

ГЛАВА X.

Остяки.

Что такое Обь? Обилiе рыбы. — Наводненiя. — Лѣтняя остятская юрта. — Бѣдность остятскихъ рыбаковъ. — Русская кредитная система. — Зимняя юрта. — Недовѣрчивость и упрямство остяковъ. — Остятскiй князь и его семейство. — Стрѣльба изъ лука. — Неуваженiе къ женщинамъ. — Физiономiя и характеръ остяковъ. — Нечистота. — Обдорскъ. — Число остяковъ.

Что такое Обь? На этотъ вопросъ вамъ отвѣтятъ путешественники, что Обь одна изъ самыхъ безотрадныхъ рѣкъ земного шара. «Дикiе однообразные берега этой рѣки состоятъ изъ болотъ, невоздѣланныхъ полей, сухого тальника и тощихъ пихтовыхъ лѣсовъ. Кромѣ журавлей, гусей и дикихъ утокъ рѣдко встрѣтишь здѣсь другихъ живыхъ существъ. Вообще, послѣ короткаго знакомства съ этой рѣкой, думаешь, какъ-бы поскорѣе уйти отъ нея!»

Если же съ тѣмъ же вопросомъ мы обратимся къ русскому, родившемуся въ этой странѣ, то онъ отвѣтитъ, что «Обь наша матъ-кормилица», а сѣдой остякъ, сидящiй на рулѣ, заявитъ вамъ: — «Обь—это богъ, котораго мы чтимъ болѣе всѣхъ другихъ боговъ!»

Пожалѣемъ о бѣдномъ дикомъ сынѣ сѣвера, который воздастъ сотворенному честь, принадлежащую одному Творцу; но не будемъ къ нему слишкомъ строги, такъ какъ благодарность внушила ему эти слова. Обь для остяка то же, что виноградникъ для винодѣлателя, что пашня для земледѣльца; это почти единственный источникъ, снабжающiй его пищею. Вверхъ по широкой Оби въ началѣ iюня, лишь только рѣка освободится ото льда, потянутся безчисленныя стада лососей и осетровъ, которые поздней осенью воз-

вращаются обратно въ море, тогда какъ другіе виды рыбъ: щука, окунь, ершъ, плотва находятся въ рѣкѣ круглый годъ.

Сѣтями, вершами и другими приспособленіями ловитъ остякъ, какъ крупную, такъ и мелкую рыбу. На осетра и различные виды лососей остякъ смотритъ какъ бы на предметъ торговли, а другихъ рыбъ ѣстъ самъ или кормитъ ими собакъ. Если негдѣ сварить рыбу, онъ ѣстъ ее сырьемъ, такъ что вытащенный изъ воды окунь часто попадаетъ въ зубы рыбака,—мало церемоній, но за то ближе къ цѣли.

Весною, когда Обь и ея притоки ломаютъ свои ледяные оковы, нечего думать о ловлѣ рыбы, такъ какъ плоская мѣстность на цѣлыя мили покрывается водой. Съ верховьевъ рѣки къ устью стремятся воды, покрытыя льдинами, и находятъ русло рѣки запертымъ, тогда они поднимаются и разливаются въ ширь по низкимъ берегамъ. Медленно стекаютъ воды съ промерзшаго берега, и хотя на Оби мало что можно испортить, но наводненіе все таки составляетъ источникъ скорби и безпокойства для бѣдныхъ прибрежныхъ жителей. Если вода высока, то многія семейства вынуждены оставлять свои жилища и скрываться въ пустынныхъ лѣсахъ; здѣсь они питаются только довольно рѣдко попадающимися зайцами, тогда какъ во все это время во́ды кишатъ рыбою.

Но, вотъ низкіе, песчаные берега поднимаются надъ поверхностію воды, и остякъ ставитъ свою лѣтнюю юрту близъ вошедшей въ русло рѣки. Юрта имѣетъ обыкновенно четырехъугольную форму, низкія стѣны и высокую остроконечную крышу, остовъ собирается изъ ивовыхъ стволовъ, а къ нимъ сверху прикрѣпляются гибкими ивовыми вѣтвями большіе куски древесной коры. Для этого древесную кору вывариваютъ и сшиваютъ вмѣстѣ, отчего получается форма обыкновенныхъ ковровъ, которые легко свертываются и перевозятся. Очагъ, или яма для огня, окруженная камнями, устраивается въ срединѣ, а дымъ проходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Кромѣ того, около большой части юрть строются небольшіе запасные магазины изъ бревенъ на высокихъ сваяхъ; какъ и въ Лапландіи, здѣсь нужно охранять запасы отъ росомахи, волка и собакъ.

Хотя Обь и ея притоки—Иртышъ, Вахъ и Васюганъ доставляютъ остяку свои дары въ обильномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе, остяки, которые исключительно занимаются рыбною ловлею, находятся въ страшной бѣдности, а съ нею, какъ это часто бываетъ въ жизни, соединяются лѣность и пьянство. Неудивительно по-

этому, что русскіе поселенцы совершенно овладѣли этими простыми дѣтями пустыни и запутали ихъ въ сѣти своимъ недобросовѣстнымъ кредитомъ. Долги увеличиваются съ каждымъ годомъ, а выручка и трудолюбіе не увеличиваются въ той же степени.

Остякъ не можетъ обойтись безъ хлѣба, который продаетъ ему купецъ. Не будучи въ состояніи заплатить тотчасъ же за товаръ, онъ обязуется выдать довѣрителю рыбу, которую поймаетъ въ будущемъ году. Такимъ образомъ, остякъ находится постоянно въ рукахъ купца, который назначаетъ произвольную цѣну, какъ на свой товаръ, такъ и на товаръ остяка. Въ теченіи цѣлаго лѣта разгуливаютъ по Оби на своихъ ладьяхъ эти спекулянты изъ Обдорска, Березова и Тобольска, покупаютъ рыбу и солятъ на мѣстѣ лососей и осетровъ, и послѣ отвозятъ ее въ свои магазины, построенные по берегамъ рѣки. Съ наступленіемъ осени, продавши съ хорошимъ барышемъ привезенную муку, купцы возвращаются домой съ большимъ грузомъ рыбы. Нѣкоторые русскіе промышленники сами занимаются рыбной ловлей по Оби и ея притокамъ, и понятно съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ остяки, такъ какъ употребляютъ и больше людей и лучшія снасти.

Хотя правительство признало остяковъ за собственниковъ почти всѣхъ земель и водъ по нижней Оби и нижнему Иртышу, но промышленники берутъ на аренду лучшія мѣста и, конечно, не остаются отъ этого въ накладѣ.

Остяки и послѣ отъѣзда русскихъ купцовъ съ рѣки продолжаютъ еще лѣтнее рыболовство. Часть пойманной рыбы сажаютъ въ озеро и пруды, потомъ поздпею осенью вынимаютъ оттуда и замораживаютъ. По первому зимнему пути снова являются русскіе для покупки мороженной рыбы, часть которой, впрочемъ, продается самими остяками въ Обдорскѣ.

Пока морозъ не одержитъ рѣшительной побѣды, погода на Оби ужасная, и хотя борьба зимы съ лѣтомъ рѣшается обыкновенно въ нѣсколько дней, но бываютъ такіе дни, когда льется безпрерывный дождь какъ во времена праотца Ноя; вѣтры съ ледовитаго моря воютъ за одно съ волками; ночные туманы покрываютъ землю. Бываютъ ночи, о которыхъ азіятскіе дикари говорятъ, что мертвымъ въ могилѣ нѣтъ покоя. Въ такія ночи кровожадные духи шамановъ витаютъ вокругъ жилища человѣка и наносятъ гибель тѣмъ, чьи пороки и преступленія отогнали добрыхъ духовъ-покровителей.

Съ наступленіемъ холодовъ, остяку становится неудобно жить въ

воздушной лѣтней юртѣ, и онъ удаляется въ лѣсъ, гдѣ находитъ болѣе защиты отъ леденящаго зимняго вѣтра, туда же влечетъ его охота за пушными звѣрями. Рыбная ловля продолжается и зимой; хотя шкурами соболей и бѣлокъ можно выплатить ясакъ и укротить алчнаго кредитора, но не утолишь этимъ голода; поэтому остякъ обыкновенно выбираетъ мѣсто на зимовку возвышенное, безопасное отъ наводненій, близъ какой-нибудь побочной рѣчки, гдѣ они удочкою, вершами или сѣтями изъ-подо льда добываютъ себѣ скудную пищу.

Зимняя юрта нѣсколько прочнѣе построена, чѣмъ лѣтняя, такъ какъ она служитъ не на одинъ годъ, но и она по виду весьма невзрачна, и представляетъ небольшую, низкую землянку съ открытымъ глинянымъ очагомъ въ углу. Окно замѣняется отверстіемъ въ стѣнѣ или крышѣ, которое на зиму прикрывается кускомъ льда. Въ лучшихъ юртахъ стѣны увѣшаны камышевыми циновками, тутъ спятъ члены семьи остяка. Иногда передъ входомъ юрты устраивается небольшой чуланъ, гдѣ хранится одежда и утварь.

Кромѣ остяковъ, промышляющихъ рыбною ловлею и охотою за птицами, есть и такіе, которые въ то же время водятъ сѣверныхъ оленей, и поэтому принуждены на лѣто дѣлиться на два хозяйства. Одно—при рыбной ловлѣ, другое—слѣдуетъ за оленями, сначала къ болѣе холоднымъ приморскимъ странамъ и потомъ обратно въ лѣса. Иные прикочевываютъ къ самому морю, гдѣ ловятъ рыбу и бьютъ тюленей, но при наступленіи первыхъ провозвѣстниковъ зимы, остяки отходятъ къ лѣсамъ преимущественно для того, чтобы найти защиту для себя и оленей отъ страшныхъ бурь. Это путешествіе совершается чрезвычайно спокойно, идутъ медленно, часто дѣлаютъ дневки, во время которыхъ охотятся на лисицъ.

Въ болѣе южныхъ странахъ, по нижнему Иртышу и Васюгану, живутъ обрусѣвшіе остяки, во многомъ утратившіе характеръ и привычки своего племени. Они строютъ свои юрты совершенно по русскому образцу, но только много хуже. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются скотоводствомъ, другіе—земледѣліемъ или же на зиму нанимаются въ ямщики.

Впрочемъ, остякъ не легко усваиваетъ нововведенія и остается вѣренъ обычаю своихъ отцевъ. Его такъ часто обманываютъ просвѣтители, что онъ весьма неохотно принимаетъ отъ нихъ дары цивилизаціи, изъ боязни, что дитя, научившись грамотѣ, не будетъ вести прежняго, вѣками освѣщеннаго, образа жизни, и боится, чтобы

школа не отнимала у родителей подпору въ старости. Всѣ попытки улучшить положеніе остяковъ воспитаніемъ удаются туго. Что-то трагическое въ этой любви къ невѣжеству, которое приноситъ столько несчастія. Великая трагедія человѣчества заключается въ томъ, что оно нерѣдко могло бы создать свое собственное счастіе, но не хочетъ этого дѣлать.

Какъ держится остякъ за обычаи своихъ отцевъ, также точно крѣпко держится онъ за наслѣдованную имъ религію. Хотя по Иртышу онъ окрещенъ, по Сургуту онъ носитъ на шеѣ крестъ и виситъ у него образъ на стѣнѣ, но весьма рѣдко мы найдемъ въ остякѣ нѣсколько болѣе внѣшняго отношенія къ христіанству.

Какъ самоѣды, такъ и остяки распадаются на множество племенъ или родовъ, каждое изъ нихъ составляетъ особое семейство. Это устройство напоминаетъ кланы шотландскихъ горцевъ. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей одного происхожденія, и потому всѣ считаютъ другъ друга дальними или близкими родственниками. У остяковъ есть роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ душъ, они часто даже не знаютъ степени своего родства, но все-таки смотрятъ другъ на друга, какъ на родственниковъ, не заключаютъ между собою браковъ и считаютъ своею обязанностью помогать другъ другу. Такъ, счастливый рыболовъ братски дѣлитъ дневную добычу съ своимъ менѣе счастливымъ соплеменникомъ, который смотритъ на это, какъ на принадлежащее ему по праву. Во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, который въ случаѣ распри, является судьей; если его рѣшеніемъ не довольны, то жалуются князю племени. Нѣсколько сосѣднихъ родовъ съ незапамятныхъ временъ признаютъ общаго начальника, который носитъ титулъ князя. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II это званіе признано русскимъ правительствомъ и выданы грамоты остятскимъ князьямъ въ Обдорскомъ и Березовскомъ округахъ. Эти князья вмѣстѣ съ старшинами обязаны являться на ярмарку, каждый въ своемъ округѣ собираютъ подати, и заботятся, чтобы звѣриныя шкурки, назначенныя въ ясакъ, были доставлены въ должномъ количествѣ. Княжеское достоинство наслѣдственное и по прекращеніи потомства въ мужескомъ колѣнѣ переходитъ къ ближайшему родственнику. Не надо думать, что эти князья отличаются особеннымъ блескомъ. Образъ жизни ихъ совершенно тотъ же, какъ и простыхъ остяковъ, и добровольные подарки вовсе не избавляютъ первыхъ отъ необходимости ловить рыбу и охотиться для своего пропитанія.

Во всякомъ случаѣ знакомство съ такимъ знатнымъ господиномъ любопытно, и поэтому мы вмѣстѣ съ Кастреномъ войдемъ въ юрту остятскаго князя.

«Въ хижинѣ начальника»,—говоритъ путешественникъ,—«насъ встрѣтила веселая, открытая и невинная задушевность, которая заставляетъ любить и низкую юрту и бѣдныя одежды остяковъ. Стоитъ только посмотрѣть, съ какимъ добродушіемъ старики, смиренно кланяясь и снимая шапки, приглашаютъ войти въ ихъ жилище. Женщины и молодыя дѣвушки привязываютъ собакъ, метутъ юрты, припаряжаются, заплетаютъ косы и вообще приводятъ въ порядокъ волосы, которые въ рабочіе дни всклокочены и падаютъ на лицо. Мужчины надѣваютъ свои лучшія заячьи шубы, а дочери Евы просто ходятъ въ длинной пестрой рубашкѣ, съ небольшимъ воротничкомъ, который застегивается на груди. Но самъ князь не заботится о своей внѣшности, и выходитъ въ истасканной шубенкѣ, потому что у него нѣтъ лучшей. Прошлой зимой охота была плоха, всего 150 бѣлокъ и 4 соболя, и нѣсколько лисъ и волковъ попались въ его западни или было убито его стрѣлами, и если подумаешь, что пудъ муки стоитъ здѣсь не дешево, то простишь нѣсколько дыръ на тулупѣ. Кромѣ того, внушающій уваженіе видъ князя и благородное, прямое сердце его прикрываютъ маленькіе грѣшки его одежды. Въ юртѣ князя, первымъ попался намъ на глаза отецъ княгини—это дряхлый сѣдой старикъ, который, казалось, позади очага былъ занятъ тѣмъ, что давалъ мудрые совѣты двумъ веселымъ мальчикамъ, своимъ внукамъ. Княгиня сидитъ въ самомъ отдаленномъ углу, и чтобы скрыть свое замѣшательство отъ нашего прихода, начинаетъ ласкать маленькаго ребенка, и на ней нѣтъ другой одежды, кромѣ рубашки, и нѣтъ другого украшенія кромѣ неиспорченности сердца. Я сѣлъ на предложенное мнѣ мѣсто передъ очагомъ, рядомъ съ княземъ, который, молча, принялъ бутылку съ водкой, переданную мною его попеченію. Когда нѣсколько глотковъ живительной влаги мало-по-малу развязало врожденную остятскую флегму, князь началъ разсказывать о зимнихъ заботахъ и трудахъ. Онъ не мало поработалъ, и все-таки достигъ жалкаго успѣха. Не думая объ отдыхѣ въ землянкѣ, съ первымъ же снѣгомъ онъ отправился въ лѣсъ. Здѣсь только въ крайнемъ случаѣ разставлялъ свою палатку изъ древесной коры, но чаще всего ночь проводилъ на мокромъ снѣгѣ. Можно представить себѣ его отчаяніе, когда послѣ дневныхъ трудовъ, ложась у огня, разложеннаго женой ожидающей дичи, онъ не приносилъ ей даже ку-

ропатки. Небольшой запасъ муки и рыбы скоро вышелъ, и часто княжеское семейство принуждено было питаться волчьимъ мясомъ.

«Когда князь окончилъ свой разсказъ, старикъ, сидѣвшій за очагомъ, началъ выхвалять прелести прошедшаго времени; его собственная, давно уже пролетѣвшая юность, сдѣлалась для него какимъ-то сказочнымъ сномъ; онъ говорилъ о полетѣ шамановъ по воздуху, о предсказаніяхъ духовъ, о спорахъ вѣдьмъ, какъ будто все это видѣлъ онъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

«Побесѣдовавъ, такимъ образомъ, нѣсколько времени, насъ дружески пригласили посмотрѣть на стрѣльбу изъ лука. Молодые люди становятся въ одинъ рядъ и жилистыми руками пробуютъ крѣпость тетивы. За юношами стоитъ рядъ молодыхъ дѣвицъ. И нерѣдко юноша, пустившій стрѣлу въ далекую ледяную цѣль, пускаетъ другую, болѣе нѣжную въ сердце молодой дѣвушки. Здѣсь показывая силу столь необходимую для дикаря, менѣе заботились о томъ, чтобы мѣтко попасть въ цѣль, но скорѣе о томъ, чтобы показать силу руки. Поэтому нерѣдко пускали стрѣлы въ пустое пространство, гдѣ одна стрѣла догоняла другую, подобно летящимъ соколамъ. Съ восхищеніемъ смотрѣли дѣвицы на каждую, ловко пущенную стрѣлу и продолжительнымъ «*гее*»! привѣтствовали счастливаго стрѣлка. На сколько пріятно звучало это одобреніе въ ушахъ заинтересованныхъ юношей, можно было судить по выраженію ихъ лицъ».

Вообще остяки чрезвычайно ловко употребляютъ свои различныя стрѣлы. На концѣ иныхъ стрѣлъ находится куски дерева, они предназначены для оглушенія и сбиванія съ деревьевъ бѣлокъ и другихъ мелкихъ звѣрьковъ, шкурка которыхъ не должна быть попорчена. Другія стрѣлы длинны, имѣютъ на концѣ трехъугольный желѣзный наконечникъ или острый кусокъ стали, имѣющій форму ножа, или же два тонкихъ острія, имѣющія видъ раздвоеннаго хвоста ласточки—этими стрѣлами бьютъ медвѣдей и волковъ.

Мы только что сказали, какъ дѣйствуетъ на молодое сердце остяка одобреніе дѣвицъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключить, что здѣсь женщины пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ. Напротивъ, у остяковъ, какъ и у самоѣдовъ, женщина рабыня въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, и она спокойно смотритъ на то, какъ отецъ продаетъ ея сердце тому, кто дороже за нее дастъ, цѣна рѣшаетъ ея будущую судьбу. Цѣна молодой дѣвицѣ весьма

различна. Богачъ не отдастъ своей дочери за 50 сѣверныхъ оленей, а бѣдный остякъ-рыбакъ довольствуется нѣсколькими осетрами и лисьими шкурами. Чѣмъ богаче отецъ, тѣмъ дороже цѣнятъ дочь.

Остяки большею частію невысокаго роста, слабосильны и имѣютъ очень тонкія, худыя ноги. У большинства цвѣтъ лица темный и какъ смоль черные волосы; однако же, не мало и бѣлокурыхъ съ болѣе бѣлымъ цвѣтомъ лица. У остяка нѣтъ ни плоскаго носа, ни узкихъ глазъ, ни безобразно широкихъ скулъ монголовъ или тунгузовъ, они болѣе приближаются къ финскимъ, самоѣдскимъ и тюркскимъ племенамъ. Вообще остяки робки, суевѣрны, простодушны и добросердечны. Работаетъ остякъ прилежно, но только до тѣхъ поръ, пока потребности удовлетворены, проводя остальное время въ праздности. Услужливость и честность составляютъ отличительныя похвальныя свойства остяка. Онъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, не запретъ двери просящему убѣжища и охотно подѣлится со своимъ ближнимъ всѣмъ, что имѣетъ. Воровства почти никогда не бываетъ, въ домѣ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ, даже тогда, когда имущество оставляется посреди тундры. Нечистоплотность, какъ общая черта всѣхъ полубродячихъ народовъ, встрѣчается въ одинаковой степени на берегахъ Норвегіи и на берегахъ Оби. Многія изъ занятій рыбака сами по себѣ уже грязны, а дымъ съ своей стороны усиливаетъ нечистоту тѣсной хижины. Передъ юртой скапливается куча рыбьей требухи, которая, загнивая, распространяетъ заразительную вонь. Впрочемъ, во всемъ этомъ нельзя упрекнуть заваленнаго работой рыбака,—онъ его съ дѣтства привыкъ къ этой вони и, кто знаетъ, можетъ быть она ему нравится.

Относительно религіозныхъ понятій и вѣрованій, остяки похожи на самоѣдовъ, и потому мы не будемъ утомлять этимъ вопросомъ. Полагаемъ, однако, не безъ интереснымъ взглянуть на торговый городъ остяковъ, Обдорскъ, со словъ того-же бытописателя Кастрена.

Городъ этотъ обязанъ своимъ основаніемъ торговлѣ съ остяками, такъ какъ нѣтъ другой причины, которая когда-нибудь заставила-бы человѣка поселиться у устья Оби. Сначала русскіе купцы только изрѣдка пріѣзжали сюда изъ Тобольска и Березова, но трудность пути заставила ихъ скоро основать постоянное жилище въ этой пустынной странѣ. Слабое населеніе мѣстечка усиливается значительнымъ количествомъ ссыльныхъ. Рѣдкій сбродъ различныхъ

народностей, въ числѣ которыхъ Кастренъ нашелъ: калмыка, киргиза и поляка повара, который очень жаловался, что въ городѣ, гдѣ живутъ по-самоѣдски, искусство его мало приноситъ доходу, такъ какъ большинство русскихъ жителей приняли образъ жизни туземцевъ и не считаютъ хорошей кухни за необходимость. Прибывши въ Обдорскъ и войдя въ жилище поселившагося здѣсь Тобольскаго мѣщанина, нашъ филологъ увидѣлъ всю семью сидящую на полу и пожирающую сырую рыбу; глава семьи хвастался тѣмъ, что въ теченіе полугода ѣлъ одно сырое мясо.

Въ видѣ исключенія, впрочемъ, и здѣсь можно встрѣтить наружные слѣды цивилизаціи: приличную одежду, дорогія шали, различнаго рода украшенія, золотыя вещи и т. п. Въ Обдорскѣ нѣтъ порядочныхъ зданій, такъ какъ нельзя назвать таковыми деревянные дома, построенные изъ барочнаго лѣса. Архитектура этихъ домовъ до крайности однообразна и проста (нижній этажъ со свѣтелкою на верху). Вѣтеръ свободно разгуливаетъ въ такихъ помѣщеніяхъ, такъ что вопросъ о томъ, что лучше и удобнѣе для жилья землянка остяка или такой домъ, остается открытымъ.

Вообще, по словамъ Кастрена, главное вниманіе русскихъ купцовъ и промышленниковъ направлено къ завладѣнію посредствомъ хитрости и обмана имуществомъ, которое собралъ простодушный туземецъ трудомъ и въ потѣ своего лица. Кромѣ торговли, многіе купцы занимаются какъ, самоѣды, оленеводствомъ. Въ Обдорскѣ встрѣчаются коровы и овцы, но лошадей вовсе нѣтъ, и вмѣсто нихъ запрягаютъ въ сани собакъ.

Обдорская ярмарка продолжается съ наступленіемъ зимы до февраля, и въ это время туземцы располагаются вокругъ русской колоніи лагеремъ въ юртахъ изъ деревянной коры. Съ приходомъ ихъ, въ маленькомъ городѣ начинается новая, какая-то пестрая жизнь .Ежедневно приходятъ сюда толпы остяковъ съ ихъ семьями, одѣтыми въ широкія неуклюжія шубы. Медленно расхаживаютъ они по улицамъ и съ удивленіемъ заглядываются на высокіе дома. Но здѣсь вовсе нѣтъ той оживленности, какую можно ожидать отъ ярмарки. Скрывая дорогія шкуры подъ своей широкой шубой, крадется дикарь къ купцу, своему пріятелю, тотъ угощаетъ его водкою, и втихомолку заключается выгодный для купца торгъ. И видитъ остякъ, что теряетъ при такой таинственной торговлѣ, но онъ какъ бы боится открытаго торга, да и вообще не въ его волѣ отдать товаръ тому, кто дороже дастъ.

Изъ многихъ тысячъ туземцевъ, ежегодно посѣщающихъ Обдор-

скую ярмарку, не много найдется такихъ, которые не состоятъ должниками и данниками купцовъ въ суммѣ, значительно превышающей ихъ кредитоспособность. Горе тому остяку, котораго кредиторъ поймаетъ въ какой-либо торговой сдѣлкѣ съ другимъ купцомъ, хотя бы предложившимъ болѣе выгодныя цѣны за товаръ. Лишеніе имущества и затѣмъ потеря всякаго довѣрія, и какъ слѣдствіе послѣдняго нищета будетъ наказаніемъ бѣдняку. Поэтому понятна та робость и таинственность, съ которыми остякъ, прибывшій на ярмарку, совершаетъ свои сдѣлки ежегодно съ однимъ и тѣмъже купцомъ-благодѣтелемъ. Богатство купца растетъ на счетъ простоватаго дикаря, попавшаго въ сѣти, и амбары цивилизатора наполняются цѣннымъ товаромъ, пріобрѣтеннымъ путемъ обмана, по цѣнѣ много низшей стоимости издержекъ производства этого товара.

Хотя публичная продажа водки запрещена на ярмаркѣ, тѣмъ не менѣе, пьяныхъ остяковъ всегда достаточно; они получаютъ спиртъ отъ купцовъ, какъ врачебное средство и, какъ видитъ читатель, врачуются своеобразнымъ способомъ.

Къ концу февраля остяки мало-по-малу отъѣзжаютъ съ ярмарки, чтобы продолжать свои обычныя занятія; купцы-же, ихъ благодѣтели, тѣмъ временемъ изъ Березова возвращаются на родину; а затѣмъ направляются въ Ирбитъ, гдѣ съ большимъ барышемъ продаютъ скупленый въ Обдорскѣ товаръ. Городъ Обдорскъ до слѣдующей ярмарки остается въ одиночествѣ, жизнь въ немъ течетъ тихо и однообразно.

ГЛАВА XI.

Покореніе Сибири.—Путешествія на Сѣверъ.

Царь Іоаннъ Грозный.—Ермакъ Тимофѣевичъ и его походъ въ Сибирь.—Битва подъ Тобольскомъ.—Покореніе Сибири.—Завоеванія русскихъ до Охотскаго моря.—Экспедиція Семена Дежнева.—Состояніе туземцевъ Сибири подъ русскимъ владычествомъ.—Прончищевъ.—Арктическая путешественница.—Братья Лаптевы.—Шалауровъ.—Открытія въ Беринговомъ морѣ и Тихомъ океанѣ.—Ляховскіе острова.—Биллингсъ.—Горячіе источники въ землѣ Чукчей.—Путешествіе Геденштрема въ Новую Сибирь.—Деревянныя горы.—Взглядъ на прошедшее.

Исторія Россіи, предшествовавшая покоренію Сибири, этой громадной области владѣній Бѣлаго Царя, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстна образованному читателю. Если мы въ настоящей главѣ коснемся нѣкоторыхъ историческихъ событій этой эпохи, то только потому, чтобы наше описаніе крайняго Сѣвера Азіи не страдало бы односторонностью, и чтобы, нарисованная нами картина этого края, представилась бы читателю болѣе рельефной и интересной.

Въ началѣ XIII столѣтія, Россія, какъ большая часть другихъ европейскихъ государствъ, была раздроблена на мелкія, независимыя княжества (удѣлы), которыя вели между собою постоянные раздоры. Вотъ почему въ 1236 г. внукъ грознаго завоевателя Чингисхана, Батый, легко завладѣлъ этой страной.

Двойное зло татарскаго ига и внутреннихъ раздоровъ между князьями продолжалось болѣе двухъ столѣтій, пока Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505) не далъ новаго направленія судьбамъ Россіи, покоривъ въ 1471 г. Великій Новгородъ, который до этого времени считался независимымъ, какъ отъ князей русскихъ, такъ и отъ татарскихъ хановъ. Десять лѣтъ спустя, Іоаннъ III не только

вполнѣ освободился отъ ига Кипчакскаго хана, но и разорилъ его царство. Съ другой стороны, покореніе Константинополя турками, въ религіозномъ отношеніи перенесло вѣнецъ цезарей на его главу. Внукъ его Іоаннъ IV Васильевичъ, монархъ грозный и энергическій, пошелъ далѣе, по тому же побѣдоносному пути. Онъ въ 1547 г. принялъ титулъ царя, съ которымъ соединялось болѣе обширное понятіе о власти, чѣмъ съ прежнимъ титуломъ великаго князя; и пять лѣтъ спустя, покореніемъ Казани, главнаго города татарскаго казанскаго царства, былъ положенъ конецъ владычеству татаръ, болѣе трехъ столѣтій тяготѣвшему надъ русскимъ народомъ, наконецъ еще два года спустя Іоаннъ покорилъ Астрахань и воздвигъ христіанскій крестъ на берегахъ Каспійскаго моря.

Несмотря на всю свою жестокость, Іоанна IV много покровительствовалъ наукамъ и искусству и прилагалъ не мало заботъ, чтобы поднять русскую промышленность приглашеніемъ иноземныхъ мастеровъ.

Въ его царствованіе англичанинъ Ченслеръ открылъ морской путь изъ Англіи въ Бѣлое море, и царь воспользовался случаемъ завязать новыя торговыя сношенія съ западной Европою. Вскорѣ былъ основанъ г. Архангельскъ, и такимъ образомъ открытъ центръ образованности для крайняго сѣвера Россіи.

Послѣ покоренія Казани, тамъ поселились многіе русскіе и между ними купецъ Строгановъ, который по берегамъ Камы устроилъ соляныя варницы и велъ торговлю съ туземцами. Между пріѣзжавшими къ нему чужестранцами Строгановъ замѣтилъ людей, непринадлежавшихъ къ извѣстнымъ въ то время народамъ. Изъ разговоровъ съ ними онъ узналъ, что они живутъ въ области также подвластной татарамъ, ханъ которыхъ живетъ въ городѣ Сибири. Строгановъ послалъ своихъ людей туда для развѣдки. Они возвратились съ соболиными мѣхами, которые пріобрѣли у сибиряковъ за ничтожную цѣну, и такимъ образомъ, открыли своимъ хозяевамъ новый источникъ торговыхъ сдѣлокъ. Строгановъ сообщилъ правительству о своемъ открытіи новаго торговаго пути, за что и былъ награжденъ значительными помѣстьями при слияніи Камы и Чусовой.

Между тѣмъ, завоеванія Іоанна по берегамъ Каспійскаго моря вызвали также новыя торговыя сношенія съ Бухарой и Персіею, но этой торговлѣ много мѣшали грабежи донскихъ казаковъ. Царь послалъ значительное войско противъ казацкихъ шаекъ, которыя разсѣялись. Во главѣ бѣглецовъ, число которыхъ доходило до 6.000, стоялъ Ермакъ Тимофѣевичъ, которому суждено было поко-

рить новое царство и привести его въ даръ своему царю. Но въ то время, когда царскія войска преслѣдовали Ермака, разбойнику было не до завоеваній, онъ думалъ лишь о томъ, какъ спасти себя и свою шайку отъ топора палача; и считалъ себя Ермакъ счастливымъ, когда могъ подышать свободнѣе на сѣверѣ въ имѣніяхъ Строганова, который получилъ право ставить крѣпости по рѣкѣ Тоболу, держать пушки, нанимать сторожей, и даже право вести оборонительную и наступательную войну съ сибирскимъ ханомъ. Строгановъ принялъ Ермака ласково и предложилъ ему попытать счастья въ войнѣ съ сибирскимъ ханомъ Кучумомъ, который своимъ фанатизмомъ и насиліемъ былъ ненавистенъ своимъ подданнымъ, что давало надежду легко побѣдить его. Надежда завладѣть царствомъ соболей прельстила Ермака, какъ прельщало испанцевъ золото Перу и Мексики, и въ то же время тотъ разсчетъ, что вести войну съ Кучумомъ все-же лучше, чѣмъ попасть въ руки царскихъ людей и сложить голову на плахѣ, рѣшилъ дѣло.

Строгановъ, съ своей стороны, также имѣлъ основаніе помогать предпріятію. При удачѣ онъ могъ надѣяться на прибыль, а при неудачѣ все же онъ избавлялся отъ непрошеныхъ гостей.

Такимъ образомъ, лѣтомъ въ 1578 году, Ермакъ отправился въ Сибирь, вдоль берега Чусовой. Но отъ незнанія страны, а можетъ быть и по неосторожности, его захватила ранняя зима, а весною недостатокъ припасовъ заставилъ вернуться къ Строгановымъ, которые на этотъ разъ приняли его не ласково. Но неудача не поколебала мужества Ермака; и онъ не отказался отъ своего намѣренія. Онъ пріобрѣлъ болѣе опытности, убѣдился въ своихъ силахъ, и когда Строгановъ отказалъ ему въ помощи, то Ермакъ пригрозилъ ему своими людьми и дѣло было улажено.

На этотъ разъ, Ермакъ принялъ нужныя мѣры и, взявъ у Строгановыхъ большой запасъ провіанта и боевыхъ снарядовъ, въ іюнѣ слѣдующаго года отправился на востокъ съ своимъ летучимъ отрядомъ, численность котораго уменьшилась до 5.000 человѣкъ.

Но надо полагать, что Ермакъ встрѣтилъ большія препятствія какъ со стороны суровой природы, непроложенныхъ дорогъ, непроходимыхъ болотъ, такъ, можетъ быть и со стороны туземцевъ, такъ какъ къ концу 1580 года мы видимъ его на берегахъ Туры, только съ 1.500 человѣкъ. Отсюда весь путь небольшой горсти героевъ состоялъ изъ ряда битвъ и побѣдъ, отъ которыхъ, впрочемъ, войско таяло, какъ снѣгъ отъ солнечныхъ лучей, и только 500 человѣкъ встрѣтили, при сліяніи Иртыша и Тобола, лагерь хана

Кучума, который со своимъ полчищемъ, казалось, долженъ былъ прекратить дальнѣйшіе успѣхи оружія Ермака. Но какъ волкъ не боится стада овецъ, какъ соколъ не устрашится стаи голубей, такъ не испугали Ермака многочисленныя ставки татаръ; онъ зналъ, что его, вооруженные мушкетами, казаки давно уже отвыкли считать враговъ, и, твердо рѣшившись побѣдить или умереть, онъ двинулся на врага. Завязалась страшная битва. Хотя татары были вооружены только луками и стрѣлами, но въ храбрости не уступали воинамъ Ермака, и чего не доставало у нихъ въ качествѣ вооруженія, то съ лихвою замѣнялось многочисленностью. Битва долго оставалась нерѣшительною.

Подобно морскому прибою, ударяющему волнами о берегъ, татары бросались на казаковъ, но каждый разъ нападающіе отбрасывались, какъ мячикъ отъ твердой стѣны; послѣ каждой неудачной атаки оставляли въ полѣ сотни убитыхъ и раненыхъ. Наконецъ татары обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ лагерь со всѣмъ имуществомъ и богатствами въ рукахъ казаковъ. Такимъ образомъ, бѣглый разбойникъ, Ермакъ, украсилъ свое чело побѣдоноснымъ вѣнкомъ и доказалъ, что онъ обладалъ всѣмъ, что нужно было для полководца и былъ вполнѣ достоинъ одержанной побѣды. Не теряя минуты, Ермакъ, съ поля сраженія, послалъ часть своихъ казаковъ въ городъ Сибирь, чтобы занять резиденцію побѣжденнаго Кучума. Онъ зналъ, что побѣда только одержана въ половину, что малѣйшая медленность не дастъ ему возможности воспользоваться ея плодами. Казаки нашли городъ пустымъ и Ермакъ, какъ побѣдитель, вступилъ въ столицу бѣжавшаго Кучума. Недавняя слабость Ермака сдѣлалась теперь его силой; испуганные безпримѣрнымъ мужествомъ и пораженные успѣхомъ этой кучки чужеземцевъ, сибирскіе народы со всѣхъ сторонъ начали стекаться на поклонъ новому владыкѣ; даже отдаленные князьки спѣшили признать себя вассалами Ермака. Одно остятское племя, жившее на Сосвѣ, добровольно покорилось Ермаку и обѣщалось ежегодно платить дань въ 280 соболей; другихъ остяковъ, которые медлили принести дань, обложили ясакомъ или податью въ 11 соболей на стрѣлка.

Ермакъ не безъ причины старался, какъ можно скорѣе собрать большое количество этихъ драгоцѣнныхъ мѣховъ; этимъ онъ надѣялся заслужить милость Іоанна Грознаго. Съ другой стороны Ермакъ зналъ, что ему со своею горстью людей не продержаться, и безъ помощи царя и не укрѣпить за Россіею новоприобрѣтенныхъ владѣній. Велико было изумленіе царя, когда посланникъ бѣглаго

разбойника привезъ извѣстіе о завоеваніи новой обширной области и положилъ къ ногамъ царя 2.400 соболей. Онъ понялъ, что герой-Ермакъ, совершившій такое великое дѣло съ горстью людей, достоинъ царской милости и не только простилъ ему прежнюю вину, но и утвердилъ за нимъ званіе правителя области, завоеванной его мечемъ. Посланникъ Ермака былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ почетомъ и, отправляясь въ Сибирь, повезъ своему счастливому атаману деньги, почетную шубу съ плеча царскаго и вѣсть, что скоро прибудетъ подкрѣпленіе. Между тѣмъ, завоеватель проникъ въ долину Оби, по ту сторону устья Иртыша, а когда подошли 500 русскихъ, онъ еще съ большею смѣлостью сталъ производить свои набѣги. Однажды, возвращаясь изъ одной такой экспедиціи, Ермакъ расположился лагеремъ на небольшомъ островѣ Иртыша. Ночь была темная, дождливая, и утомленные продолжительнымъ походомъ казаки слишкомъ понадѣялись на дурную погоду, на безопасность мѣстности и на ужасъ своего имени. Но Кучумъ, узнавшій черезъ лазутчиковъ объ ихъ безпечности, перешелъ въ рѣку бродъ, напалъ на русскихъ, число которыхъ не превышало 300 и перерѣзалъ ихъ всѣхъ. Ермакъ ни на минуту не потерялъ присутствія духа, и когда дружина его падала какъ колосъ подъ серпомъ, съ мечемъ въ рукѣ проложилъ себѣ дорогу сквозь вражье войско къ берегу и хотѣлъ спастись въ лодкѣ, но по неосторожности упалъ въ воду и утонулъ. По приказанію Кучума, трупъ павшаго героя былъ подвергнутъ все возможнымъ безчестіямъ, какія только можетъ выдумать месть варвара. Но когда прошелъ первый пылъ бѣшенства, воины устыдились неблагородства своего предводителя, и, перейдя изъ одной крайности въ другую, стали упрекать другъ друга и своего хана въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ останкамъ Ермака. Они пошли даже дальше и воздали павшему Ермаку почести, заслуженныя имъ и по царски погребли его.

Русскіе также не забыли своего героя, поставили памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ одержана первая рѣшительная побѣда надъ Кучумомъ. На памятникѣ начертанъ годъ этого замѣчательнаго событія, а также годъ несчастнаго дня, когда Ермакъ погибъ въ волнахъ Иртыша. Впрочемъ, памятникомъ Ермаку служитъ вся далекая Сибирь отъ Урала до Тихаго океана, и пока будетъ существовать русская исторія, не забудутъ имени этого героя. Величіе этого человѣка въ полномъ свѣтѣ появилось послѣ его смерти, такъ какъ при первомъ же извѣстіи о гибели Ермака, гарнизонъ Сибири немедленно вышелъ изъ крѣпости, и поспѣшно оста-

вилъ страну. По бѣгущіе русскіе чувствовали, что имя падшаго героя сдѣлается скоро мощнымъ орудіемъ завоеваній, какимъ нѣкогда было оно при жизни его, и что за теперешнимъ отливомъ счастья послѣдуетъ болѣе сильный приливъ побѣды.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ, русскіе снова вернулись сюда, и на этотъ разъ для того, чтобы уже никогда не оставлять Сибири. Первымъ укрѣпленнымъ русскимъ поселеніемъ былъ Тюмень на Турѣ, а въ 1587 году основанъ Тобольскъ. Конечно, въ этомъ юго-западномъ уголкѣ Сибири русскимъ пришлось выдержать не мало битвъ съ вогулами и татарами, но всѣ стремленія туземныхъ народовъ сбросить, съ себя тяжкое иго, остались тщетными. Какъ жажда къ золоту влекла испанцевъ изъ Кубы въ Гиспаніолу и изъ Антильскихъ острововъ въ Мексику, такъ небольшой лѣсной звѣрекъ, соболь завлекалъ въ Сибири казаковъ отъ одной рѣки къ другой, все далѣе и далѣе на востокъ. Хотя огнестрѣльное оружіе давало русскимъ значительный перевѣсъ надъ дикими обитателями Сибири, но все же изумительно, какъ такое малочисленное войско покоряло цѣлые народы, и, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ничтожная горсть людей не завладѣвала такою непзмѣримою страною.

Подвигаясь все далѣе, русскіе строили въ удобныхъ мѣстахъ небольшія деревянныя крѣпостцы—остроги, которые, въ свою очередь, являлись опорнымъ базисомъ для новыхъ завоеваній. Быстрота, съ какою шли такія завоеванія, явствуетъ изъ слѣдующихъ хронологическихъ данныхъ. Въ 1604 году основанъ Томскъ, а въ 1621 г. заложенъ Енисейскъ, куда на рынокъ сосѣдніе кочевники приносили на продажу соболей. Русскіе не менѣе дивились тому, что иногда лыжи тунгузовъ были подбиты этимъ драгоцѣннымъ мѣхомъ, насколько изумлялись испанцы золотой утвари въ странѣ Инковъ. Казаки ревностно шли за тунгузскими ордами, изъ которыхъ многія приходили съ Средней и Нижней Тунгуски. Такъ Васильевъ въ 1630 г. достигъ береговъ величественной Лены и, воротившись, обогатилъ казну 2.000 соболей, не забывъ, конечно, оставить себѣ еще большее количество. Разсказываютъ, что послѣдовавшіе за нимъ промышленники, выманивали соболей у якутовъ на желѣзные и мѣдные котлы и брали за котелъ столько шкурокъ, сколько нужно для того чтобы наполнить его до краевъ. Это было золотое время мѣховой торговли. Въ 1639 году казаки перешли Алданскія горы и по первобытнымъ лѣсамъ и болотамъ дошли до негостепріимныхъ береговъ Охотскаго моря. Въ томъ-же

году открытъ Амуръ и на его лѣвомъ берегу заложено небольшое укрѣпленіе, названное Албазинномъ. Вскорѣ распространилась по всей Сибири вѣсть, что рѣка Амуръ течетъ по богатому золотому песку и сюда начали стекаться поселенцы, какъ ради этихъ сокровищъ, такъ и для того, чтобы пользоваться плодами плодородной почвы и умѣреннаго климата. Но китайцы въ 1680 г. раззорили острогъ и отвели въ Пекинъ плѣнный гарнизонъ. Хотя Албазинъ былъ вскорѣ вновь выстроенъ, тѣмъ не менѣе начались постоянныя враждебныя столкновенія съ китайцами, и Россія, имѣвшая основаніе предпочесть хорошія отношенія съ Китаемъ обладанію такой отдаленной рѣки, важность которой тогда еще не яспо сознавалась, въ 1689 г. по Нерчинскому трактату отказалась отъ всѣхъ видовъ на Амурскую область. Извѣстно, что такой взглядъ впослѣдствіи измѣнился, и русскіе снова овладѣли Амуромъ. При устьѣ рѣки устроена сильная крѣпость Николаевскъ; рядъ крѣпостей тянется вдоль берега до 44°; пароходы плаваютъ по Амуру и Шилкѣ; положены основы прочнаго владѣнія. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы оцѣнить важность этого пріобрѣтенія, которое не только открыло для морской торговли самое сердце Сибири, но позволило русской предпріимчивости овладѣть всѣмъ Тихимъ океаномъ. Прекрасная рѣка, протекавшая лишь по пустынямъ, уже въ слѣдующее десятилѣтіе, украспла свои дикіе берега цвѣтущими деревнями и городами, а богатыя, плодородныя земли, лежавшія въ смертномъ покоѣ, пробудились для новой жизни.

Нѣсколько лѣтъ, по открытіи Амура случилась замѣчательная экспедиція Семена Дежнева, который, выѣхавъ изъ Колыма, обогнулъ восточную оконечность Азіи; ему же принадлежитъ слава открытія пролива, впослѣдствіи названнаго Беринговымъ. Извѣстія объ этомъ смѣломъ мореплавателѣ доходятъ до 1654 г., и послѣ этого времени, неизвѣстно, палъ-ли онъ въ битвѣ съ чукчами, или сдѣлался жертвою суровости климата. Нѣкоторые изъ его спутниковъ были загнаны вѣтрами къ берегамъ Камчатки и убиты коренными жителями этого полуострова, который въ концѣ XVII столѣтія былъ покоренъ якутскимъ казакомъ и промышленникомъ Владиміромъ Атласовымъ.

Если прослѣдить исторію завоеваній русскихъ отъ Урала до Восточнаго Океана, то невольно является вопросъ: какъ измѣнился жребій туземцевъ и должны-ли они благословлять пришествіе новыхъ владѣтелей, или же проклинать тотъ день, когда казакъ впервые произнесъ здѣсь слова *ясакъ?* Къ сожалѣнію, исторія представ-

ляетъ печальное доказательство, что первые завоеватели Сибири, не уступая въ смѣлости и твердости спутникамъ Кортеца Пизарро, не уступали имъ въ ненасытномъ корыстолюбіи и въ жестокости.

Исторія порабощенія ительменовъ, переданная Стеллеромъ въ описаніи Камчатки, даетъ намъ нѣкоторое понятіе, какъ обыкновенно поступаютъ завоеватели съ туземцами и этотъ примѣръ можетъ служить общимъ правиломъ въ подобномъ случаѣ.

Когда 17 казаковъ пришли въ Верхнюю, тогда тамошній ительменскій старшина спросилъ ихъ черезъ корякскую переводчицу: что имъ нужно и откуда они пришли? На это казаки отвѣчали: Великій Государь, обладатель всей вашей земли, прислалъ насъ, чтобы соболями взять дань, которую вы, какъ подданные, обязаны платить. Конечно, старшина изумился, узнавъ, что живетъ въ странѣ, принадлежащей государю, о которомъ никогда и не слыхивалъ, однако же, велѣлъ дать смѣлымъ чужестранцамъ богатые мѣха и просилъ казаковъ не повторять своихъ посѣщеній. Но смѣльчаки остались здѣсь и построили небольшую деревянную крѣпостцу, и отсюда стали производить набѣги на сосѣднія деревни и грабили все, что легко попадалось въ руки. Ительменамъ надоѣли такія грабежи и они рѣшились напасть на острогъ и избить тамъ всѣхъ притѣснителей, но казаки всегда во время узнавали намѣренія своихъ враговъ и продолжали свои притѣсненія. Наконецъ, дикари въ такомъ числѣ напали на крѣпость, что даже казаками овладѣлъ страхъ; однако-жъ и на этотъ разъ послѣдніе одержали полнѣйшую побѣду и кто не избѣжалъ ихъ пули или утонулъ въ водѣ, того брали въ плѣнъ. Печальный жребій достался въ удѣлъ этихъ несчастныхъ; иныхъ раздѣли до нага, обмазали вонючей рыбой и живьемъ затравили голодными собаками; другихъ немилосердно засѣкли плетьми и палками. Вообще, цивилизаторская миссія казаковъ оказалась гибельной для мѣстнаго населенія, которое въ теченіи какихъ-нибудь 40 лѣтъ уменьшилось до десятой доли прежняго числа жителей.

Въ прежнее время, сѣверные кочевники свободно кочевали по всей тундрѣ со стадами одомашненныхъ сѣверныхъ оленей, а послѣ покоренія Сибири на кочевниковъ наложена подать и для ихъ кочевья были отведены опредѣленные, не слишкомъ обширные округи. Слѣдствіемъ этого было то, что сѣверные олени мало-по-малу начали вымирать, такъ какъ повальныя болѣзни легче могли распространяться между ними, а прежніе обладатели многочисленныхъ стадъ принуждены были перемѣнить свою кочевую жизнь на менѣе

выгодную жизнь рыбака, что значительно способствовало общей смертности населенія.

Было бы несправедливо упрекать русское правительство въ томъ, что оно не обращало вниманія на вымираніе туземныхъ народцевъ. Напротивъ, правительство постоянно старалось защитить ихъ отъ притѣснителей, а для лучшаго обезпеченія существованія туземцевъ, сдѣлало ихъ исключительными собственниками заселенной ими земли. Такъ остяки и самоѣды, лапландцы и якуты имѣютъ свою собственную землю, свои рѣки для рыбной ловли, свои лѣса для ловли соболей, свои тундры и луга для пастбищъ оленей и лошадей.

Но если въ Европейской Россіи въ тѣ отдаленныя времена было «до Бога высоко, а до Царя далеко», вслѣдствіе чего было не мало злоупотребленій властью, то по ту сторону Урала дѣла шли еще хуже и въ этихъ отдаленныхъ странахъ слабый туземецъ былъ предоставленъ полнѣйшему произволу—грабежу казаковъ и звѣропромышленниковъ.

Не могло помѣшать правительство также и тому, чтобы подъ разными предлогами ясакъ не былъ болѣе опредѣленнаго размѣра, чтобы, кромѣ того, туземцы не привозили въ острогъ рыбу, ягоды, кедровые орѣхи, сало и множество другихъ предметовъ, доставляемыхъ этой страной, и все это въ пользу сборщика податей.

Также ничего не могло правительство сдѣлать для облегченія долговъ туземцевъ и тяжелыхъ способовъ расплаты за эти долги. Туземцамъ навязывали товары за невѣроятно высокую цѣну; такъ напримѣръ, за картузъ табаку — лисья шкурка, за ножъ — 2 соболя. Если долгъ въ срокъ не былъ уплоченъ, то онъ удваивался. Ежегодно производилось такое удвоеніе долга, такъ что пара соболей возростала иногда до 10, 12 и несчастный должникъ нерѣдко въ теченіе всей жизни уплачивалъ за какой-нибудь ножикъ.

Ловкіе промышленники умѣли пользоваться стѣсненнымъ денежнымъ положеніемъ кочевниковъ и брать у нихъ въ наймы за ничтожную плату лучшія пастбища и рыбныя ловли, отчего туземцы часто лишались средствъ прокормить свои стада и впадали въ нищету.

Болѣе двухсотъ лѣтъ вновь завоеванное сибирское побережье оставалось неизслѣдованнымъ для науки, когда, наконецъ, въ 1734 году въ первый разъ были снаряжены ученыя экспедиціи для описанія этого края.

Мы напрасно утомили-бы читателей приведеніемъ выдержекъ изъ дневниковъ тѣхъ лицъ, кто занимался описаніемъ и нанесе-

ніемъ на карту этихъ пустынныхъ береговъ, замѣтимъ только, что относительно мужества и терпѣнія въ борьбѣ съ враждебной природой имена Прончищева и братьевъ Лаптевыхъ достойны стать на ряду съ знаменитыми мореплавателями.

За Прончищевымъ, который отправился на западъ отъ Лены, чтобы обогнуть Таймурскую землю, послѣдовала его молодая жена. Она вмѣстѣ съ нимъ перезимовала въ Оленскѣ подъ 72° 54′ с. ш. и на слѣдующее лѣто принимала участіе въ его тщетныхъ стараніяхъ объѣхать окованную льдомъ сѣверную оконечность Азіи. Прончищевъ умеръ отъ понесенныхъ безпокойствъ, а его вѣрная супруга, нѣсколько дней спустя, послѣдовала за нимъ въ могилу. Въ лѣтописяхъ арктическихъ путешественниковъ мы не встрѣчаемъ подобнаго примѣра женскаго самоотверженія и любви.

Послѣ Прончищева, Харитонъ Лаптевъ старался довершить то, чего не удалось первому. Отброшенный назадъ ловучими льдинами, Лаптевъ принужденъ былъ перезимовать на берегахъ Хатанги (1740), но лѣтомъ онъ возобновилъ свою попытку, и здѣсь пришлось ему испить еще горшую чашу всякаго горя и страданій. Выброшенный на берегъ и потерявъ свое судно, онъ провелъ мѣсяцъ въ дикой пустынѣ, пока замерзшія рѣки не позволили ему возвратиться на прошлогоднюю зимнюю стоянку. Большая часть экипажа погибла отъ голода и холода. Оставшіеся въ живыхъ нагрузили часть сохраненныхъ запасовъ на сани, которыя везли голодныя собаки, а остальное несли на себѣ. Въ теченіе 25 дней они тащились по льду и снѣгу, такъ что еще 12 человѣкъ умерло отъ холода и истощенія. Наконецъ они достигли своей зимней стоянки на Хотангѣ и она показалась имъ раемъ, такъ какъ они въ первый разъ могли погрѣться въ натопленной хижинѣ и сварить горячую пищу послѣ трехмѣсячнаго странствованія. На слѣдующую весну неутомимый Лаптевъ отправился, чтобы объѣхать на саняхъ Таймурскій мысъ, котораго не могъ обогнуть на суднѣ. 6-го мая онъ достигъ устья Таймура и 29 августа счастливо воротился въ Енисейскъ, совершивъ одно изъ самыхъ трудныхъ путешествій, когда-либо совершенныхъ человѣкомъ.

Въ то время, когда Лаптевъ совершалъ свои путешествія на берегу ледовитаго моря къ западу отъ Лены, его братъ Дмитрій съ немепьшею славою старался проникнуть на востокъ. Но какъ первый встрѣтилъ препятствіе на Таймурскомъ мысѣ, такъ Дмитрій Лаптевъ встрѣтилъ препятствіе въ утесѣ Баранова, гдѣ онъ провелъ два лѣта въ тщетныхъ усиліяхъ. Проведя 7 лѣтъ на бере-

гахъ Полярнаго моря, онъ воротился, наконецъ, въ 1734 году въ Якутскъ.

Семнадцать лѣтъ послѣ этого якутскому купцу Шалаурову, выѣхавшему изъ Яны на построенномъ на собственный счетъ суднѣ, удалось обогнуть мысъ Баранова, но дальнѣйшему плаванію положилъ предѣлъ Шелагскій мысъ. Шалауровъ съ удивительною настойчивостью, уже два раза перезимовавъ на Колымѣ, хотѣлъ продолжать свои попытки, но экипажъ судна вышелъ изъ повиновенія. Изъ второго морскаго путешествія, предпринятаго имъ къ тому же мысу въ 1864 году, Шалауровъ уже не возвращался, оставивъ своимъ соотечественникамъ результаты своихъ трудовъ.

«На его картѣ»,—говоритъ Врангель, — «берегъ отъ Яны до Шелагинскаго мыса нанесенъ съ точностью, которая приноситъ честь Шалаурову. Онъ первый описалъ Чаунскую губу.

Если охота за соболями довела русскихъ предпринимателей до Камчатки, то еще болѣе дорогой звѣрь, камчатскій бобръ (морская выдра) заставилъ ихъ двинуться еще далѣе черезъ весь рядъ Алеутскихъ острововъ до противоположнаго берега Америки. Въ концѣ XVII столѣтія Русскіе, пришедшіе въ Камчатку, нашли этого звѣря у самыхъ береговъ и стали преслѣдовать его такъ сильно, что въ половинѣ XVIII столѣтія морская выдра уже не встрѣчалась близъ Камчатки. Этотъ дорогой звѣрь ушелъ далѣе отъ своихъ преслѣдователей до Берингова острова, гдѣ за одну охоту, шутя убили 700 морскихъ выдръ, которыя, по тогдашнимъ, цѣнамъ, стоили около 100,000 руб. сер.

Все это естественно побудило якутскихъ и иркутскихъ купцовъ, уже давно занимавшихся промысломъ камчатскаго бобра, преслѣдовать все далѣе и далѣе этого драгоцѣннаго пушнаго звѣря. Обыкновенно, соединившись въ компанію, купцы строили въ Охотскѣ крѣпкое, годное судно, снаряженіе котораго обходилось отъ 20 до 30 тысячъ рублей, такъ какъ муку нужно привозить изъ Якутска въ Охотскъ на вьюкахъ; все же путешествіе продолжалось 4—5 лѣтъ.

Проѣхавъ черезъ одинъ изъ Курильскихъ проливовъ, или вдоль восточнаго берега Камчатки, они здѣсь вымѣнивали соболей и морскихъ выдръ на платье изъ оленьихъ шкуръ.

Такимъ образомъ, проникая все далѣе и далѣе въ Восточный океанъ, Михаилъ Новодзиковъ открылъ Западные Алеуты въ 1745 году; Дмитрій Пайковъ—Лисьи острова въ 1759 г.; охотскій матросъ Адріанъ Толстыхъ—почти всѣ острова, по его имени назван-

БОБРЫ.

Дозвол. цензур. Спб. 20 Авг. 1896 г. *Тип. Д. призр. мал. бѣдн. Лит., 26.*

пой, средней группы въ 1760 году; Степанъ Глотовъ — островъ Кадьякъ въ 1763 г. и наконецъ Крашенинниковъ въ 1768 г. полуостровъ Аляску. Если мы примемъ во вниманіе тѣ малыя средства, какими пользовались русскіе добровольные моряки, плохое состояніе ихъ судовъ, недостаточность ихъ научныхъ свѣдѣній, и, наконецъ, негостепріимную природу бурнаго и туманнаго моря, то нельзя не подивиться этимъ людямъ въ ихъ настойчивости и энергіи.

Въ арктическомъ морѣ нѣтъ ни соболя, ни бобра, и потому острова, лежащіе около сѣвернаго берега Сибири, долго остались бы неизвѣстными, если бы найденная тамъ мамонтовая кость не оказала такой же услуги для расширенія нашихъ географическихъ знаній. Въ 1770 году купецъ Леховъ, занимавшійся собираніемъ этой слоновой кости на Святомъ Носѣ, случайно увидалъ большое стадо дикихъ сѣверныхъ оленей, которое по льду пришло сюда съ сѣвера. Предпріимчивый Леховъ на саняхъ отправился по слѣдамъ оленей прямо на сѣверъ, и достигъ острововъ, впослѣдствіе названныхъ его именемъ. Умный Леховъ немедленно выпросилъ себѣ у правительства исключительное право рыть на этихъ новыхъ островахъ Ледовитаго океана мамонтовую кость и нажилъ здѣсь громадное состояніе.

Мы остановимъ вниманіе читателей на замѣчательномъ продуктѣ, которому Леховъ былъ обязанъ своимъ богатствомъ, такъ какъ Сибирь, доставляя золото, мѣдь пушной товаръ, не имѣетъ продукта, который по диковинности могъ бы сравниться съ допотопною мамонтовою костью.

Въ сѣверной Сибири близъ рѣкъ Оби, Енисея, Лены и др. отъ 58° до 70° или вдоль береговъ Ледовитаго океана по песчанымъ мѣстностямъ, въ пещерахъ и по берегамъ перѣдконаходятъ, когда растаетъ ледъ, громадные зубы, часто цѣлые скелеты, иногда покрытые мясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бивни лежатъ цѣлыми дюжинами, точно руки человѣка сложили ихъ въ кучу. Туземцы называютъ это животное мамонтомъ и увѣряютъ, что онъ живетъ подъ землей, которую роетъ рогами или головой. Если мамонтъ выйдетъ на воздухъ, то онъ умираетъ и потому кости этого звѣря часто встрѣчаются по берегамъ, гдѣ онъ, ролясь, случайно вышелъ изъ земли. Въ 1806 г. Адамсъ узналъ въ Якутскѣ, что при устьѣ Лены замѣтили мамонта съ мясомъ, кожей и шерстью. Онъ немед-

ленно поѣхалъ туда, чтобы спасти драгоцѣнные остатки, но нашелъ уже не цѣлаго мамонта, ибо Якуты и дикіе звѣри воспользовались его мясомъ. Скелетъ былъ цѣлъ, за исключеніемъ одной передней ноги, голова покрыта сухой кожей, ухо хорошо сохранилось и на немъ былъ пучекъ щетинистыхъ волосъ. Глаза были на мѣстѣ и мозгъ сохранился въ черепѣ. Покрытыя кожей ноги также сохранили подошвы. Это былъ самецъ, съ длинной гривой на шеѣ, но безъ хвоста и хобота. Темно-сѣрая кожа была покрыта красноватыми волосами и черными щетинками (толще конскаго волоса). Животное имѣло въ вышину 9 футовъ, а въ длину около 7 футовъ. Бивни были въ 9 футовъ длиною и каждый вѣсилъ 175 фунтовъ. Адамсъ снялъ кожу, работа, которую съ трудомъ исполнили 10 человѣкъ, послѣ чего все было отправлено въ Петербургъ.

Бивни мамонта гораздо болѣе изогнуты нежели бивни слона, иные изгибаются на $^3/_4$ круга. Палласъ видѣлъ въ Якутскѣ бивенъ въ 21 футъ длиной и въ 180 фунтовъ вѣсомъ. Видѣнное Адамсомъ животное по всему тѣлу было покрыто густою шерстью; такая защита отъ холода указываетъ, что мамонтъ жилъ въ тѣхъ же странахъ, гдѣ находятся его кости.

Кромѣ мамонта въ Сибири находятъ еще кости другихъ исчезнувшихъ исполинскихъ животныхъ. Были найдены коренные зубы огіо-звѣря, или плотояднаго слона; толстыя многочисленныя острія этихъ зубовъ указываютъ на животную пищу. Какъ же богаты дичью были тогдашніе лѣса, если могли прокормить такого колосса.

Кости носорога, очень близкаго къ индійскому виду, встрѣчаются такъ-же часто какъ и остатки мамонта, когда обвалятся отъ таянія снѣговъ крутые бока песчаныхъ береговъ. Въ иныхъ мѣстахъ эти кости скучены въ такомъ множествѣ, точно цѣлыя стада погибли разомъ. Когда Палласъ, въ мартѣ 1772 года, пріѣхалъ въ Якутскъ, губернаторъ показалъ ему голову, переднюю и заднюю ноги носорога, покрытыя кожей, найденныя въ песчаномъ берегу Вилюя; покрытый кожею черепъ имѣлъ 15 футовъ длины, 10 футовъ вышины. Его отправили въ музей Петербургской академіи наукъ, а туловище осталось на мѣстѣ.

Въ 1785 г. Биллингсъ и Сарычевъ съ лучшими средствами предприняли то, что не удалось ни Дмитрію Лаптеву, ни Шалаурову, т. е. обогнуть и описать сѣверо-восточный берегъ Азіи. 22-го

іюня экспедиція вышла изъ Нижне-Колымска и вскорѣ достигла восточнаго устья Колымы, недалеко отъ того мѣста, гдѣ находилась когда-то зимняя стоянка Шалаурова и сигнальная башня Лаптева—почтенныя развалины, которыя на берегахъ полярнаго моря служатъ доказательствомъ славной борьбы человѣка съ ужасами арктической природы. Сарычевъ говоритъ: «Построенное Лаптевымъ на правомъ берегу зимнее жилище, гдѣ и судно было вытащено на берегъ, заставляетъ думать, что прежде фарватеръ шелъ съ той стороны. Теперь большое судно не можетъ идти здѣсь, и даже лодка не можетъ подойти къ берегу, такъ какъ отмель тянется отсюда на 3 версты». Итакъ, на сѣверномъ берегу Сибири мы замѣчаемъ тоже явленіе, какое имѣетъ мѣсто на берегахъ Ботническаго залива. Берегъ отъ подземныхъ силъ медленно поднимается и напоминаетъ намъ, что даже граница земли и моря такъ-же непостоянна и измѣнчива, какъ судьба человѣка.

Пловучіе льды, какъ мы уже говорили, помѣшали попыткамъ Лаптева и Шалаурова, тѣ же препятствія заставили возвратиться Биллингса и Сарычева, которые, убѣдившись въ невозможности разрѣшить задачу въ этомъ направленіи, рѣшились достигнуть той же цѣли съ юга и востока, напримѣръ, изъ Охотска достигнуть черезъ Беринговъ проливъ устья Колымы. Въ 1791 году Биллингъ вышелъ изъ Авачинской губы и направился къ восточному мысу, но здѣсь чукчи увѣрили его, что проливъ наполненъ пловучими льдами, вслѣдствіе чего Биллингсъ отказался отъ своего намѣренія и возвратился сухимъ путемъ въ Нижне-Колымскъ, перерѣзавъ страну чукчей.

Въ верхнемъ теченіи Югнея, впадающаго въ Колючинскую губу, встрѣчаются также горячіе источники. Они находятся на утесистомъ возвышеніи: это четыре овальныхъ бассейна отъ 6 до 8 сажень въ окружности, край ихъ на полтора фута поднимается надъ поверхностью земли и загибается наружу. Эти края такъ тонки и правильны, что можно подумать, что здѣсь врыты котлы, сдѣланные рукою человѣка. Бассейны до края наполнены теплой бѣловатой мутной водой, и такъ глубоки, что нельзя достать шестомъ дна. Въ срединѣ бассейна бьютъ ключи, какъ будто здѣсь кипитъ вода. Такимъ образомъ, слѣды подземнаго огня мы находимъ всюду, какъ въ пустынной землѣ чукчей, такъ и въ исландскомъ Гейзерѣ.

Въ 1806 г. Сироватскій открылъ Ново-Сибирскій архипелагъ, Научно-изслѣдованный Геденштремомъ въ 1808 г. На почвѣ этихъ пустынныхъ острововъ, гдѣ не растетъ ни деревца, ни травки, было найдено много череповъ и костей лошадей, буйволовъ, быковъ и овецъ, которые вѣроятно здѣсь когда-то жили цѣлыми стадами.

Настолько же загадочны деревянныя горы на южной оконечности Новой-Сибири. Онѣ состоятъ изъ поднимающихся саженей на 30 горизонтальныхъ слоевъ песчаника, между которыми помѣщаются такіе же слои смолистыхъ древесныхъ стволовъ. По скатамъ горы всюду встрѣчается окаменѣлый древесный уголь, повидимому, покрытый пепломъ; при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что этотъ пепелъ есть также камень, который трудно даже отскоблить ножемъ. На вершинѣ горъ новая неожиданность: здѣсь видимъ мы длинный рядъ, вертикально въ песчанникѣ стоящихъ стволовъ, такого же свойства, какъ и выше описанные, большею частью обломанный верхній конецъ этихъ стволовъ на полъ-фута поднимается изъ песчаника. Древесина распадается на пластинки чернаго цвѣта, не очень тверда и издаетъ смолистый запахъ.

Вообще есть много основаній думать, что нѣкогда климатъ Сибири былъ умѣренный. Каждую осень изъ маленькаго озера Хоздого выбрасывается много смолистыхъ кусковъ дерева, которыми въ иныхъ мѣстахъ берегъ покрытъ фута на 2 вышиною. Между этими кусками дерева встрѣчаются кусочки смолистаго вещества, которое горитъ какъ янтарь и сильно пахнетъ смолой. Озеро находится въ 80 верстахъ отъ ближайшаго лѣса.

На такомъ разстояніи отъ нынѣшней границы лѣсовъ въ тундрѣ, въ крытыхъ песчаныхъ берегахъ озеръ и рѣкъ, находятъ большіе, совершенно сгнившіе березовые стволы; они тлѣютъ, но не даютъ пламени и называются окрестными жителями *адамовщиной*. Первая зелепѣющая береза встрѣчается теперь отсюда не ближе 3° на югъ, да и то она растетъ кустарникомъ.

Всѣ эти органическіе остатки свидѣтельствуютъ о значительныхъ геологическихъ измѣненіяхъ, которымъ подвергся этотъ край. Тамъ, гдѣ нѣкогда паслись буйволы и допотопные слоны, находя себѣ обширную пищу, въ настоящее время сѣверный олень съ трудомъ отыскиваетъ лишаи подъ снѣгомъ, а песецъ роетъ свою нору въ промерзлой почвѣ.

ГЛАВА XII.

С и б и р ь.

Обширная страна земнаго шара.—Рѣдкое населеніе.—Въ произведеніяхъ нѣтъ недостатка.—Сильные.—Мещиковъ.—Долгорукій.—Мишихъ.—Преступники.—Вольный сибирскій хлѣбопашецъ.—Сибирскіе холода.—Какъ ихъ выноситъ человѣкъ?—Байкалъ.

Сибирь занимаетъ громадное пространство на земномъ шарѣ, настолько громадное, что другія страны какъ Китай, Европейская Россія, Бразилія, Соединенные Штаты С. Америки могутъ каждая въ отдѣльности совершенно покойно помѣститься въ Сибири и еще останется достаточно мѣста для полудюжины другихъ государствъ.

Какъ велика Сибирь, этого не знаетъ никто, такъ какъ мы не имѣемъ совершенно точныхъ статистическихъ данныхъ.

Азіятская Россія занимаетъ пространство не менѣе 200,000 квад. миль, слѣдовательно она почти въ 45 разъ болѣе Пруссіи, и въ 22 раза болѣе Франціи. Но населеніе здѣсь распространено такъ непропорціонально къ этому огромному пространству, что даже маленькая Бельгія (въ 550 квад. миль), относительно народонаселенія, значительно превосходитъ Сибирь, не говоря уже о томъ, что населеніе Сибири распредѣлено весьма неравномѣрно. Жители большею частію Русскіе и Татары преимущественно поселились на югѣ и западѣ по рѣкамъ и вдоль главныхъ путей сообщенія, ведущихъ изъ одной рѣчной области въ другую. На сѣверѣ большинство жителей живетъ вдоль рѣкъ, а большая часть лѣсной области и необозримой тундры или вовсе необитаема, или же по ней разгуливаютъ небольшія орды кочевыхъ народовъ.

Сибирь не бѣдна продуктами, а только страдаетъ недостаткомъ рабочихъ рукъ. На югѣ Сибири тысячи квад. миль способны къ воздѣлыванію хлѣбовъ, такъ какъ рожь, ячмень и картофель очень хорошо родятся до 61° с. ш., не говоря о возможности разведенія этихъ растеній еще далѣе къ сѣверу. Скотоводство во многихъ мѣстностяхъ могло бы сдѣлаться, конечно, во сто разъ значительнѣе, чѣмъ теперь, даже самый климатъ сталъ бы умѣреннѣе, если бы трудъ земледѣльца обуздалъ дикую природу. Заслуженно или нѣтъ, но Сибирь не пользовалась хорошей славой, еще такъ недавно русскому правительству, желающему заселить эту страну, ничего не оставалось, какъ ежегодно высылать сюда на востокъ черезъ Уральскій хребетъ—ссыльныхъ.

Много знаменитостей прошло по этому печальному пути въ прошломъ столѣтіи, когда нерѣдко сильный временщикъ ссылался въ Сибирь при первомъ дворцовомъ переворотѣ. Такой жребій выпалъ и на долю князя Меншикова. Въ закрытой повозкѣ, въ крестьянскомъ платьѣ, со всѣмъ семействомъ былъ отправленъ въ ссылку любимецъ Петра Великаго, человѣкъ нѣсколько лѣтъ управлявшій государствомъ. Въ Сибири Меншиковъ жилъ въ простой хижинѣ и занимался сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь ему пришлось испить полную чашу семейнаго горя. Жена его не вынесла трудности пути, одна изъ дочерей вскорѣ послѣ нея умерла отъ оспы, тою же болѣзнею захворали и остальныя двое дѣтей, но выздоровѣли. Меншиковъ умеръ въ 1729 г. и похороненъ въ Березовѣ, рядомъ съ своей дочерью. Послѣ своего паденія Меншиковъ вспомнилъ о Богѣ, Котораго забывалъ въ счастливые дни. Въ ссылкѣ онъ проводилъ время въ молитвѣ и покаяніи. Онъ построилъ церковь, и при постройкѣ работалъ собственными руками; послѣ освященія храма взялъ на себя должность дьячка и каждый день первымъ входилъ въ храмъ Божій и послѣднимъ выходилъ изъ него, не упуская случая поучать народъ истинамъ вѣры и добру. Жители Березова до сихъ поръ чтутъ память Меншикова и считаютъ его за праведника. Это вѣрованіе укрѣпилось еще въ народѣ, когда останки его въ 1821 г. были вынуты изъ земли, и оказались нетлѣнными по прошествіи 92 лѣтъ.

Однажды дочь Меншикова шла по деревнѣ, и изъ окна избы съ ней заговорилъ крестьянинъ. Это былъ князь Долгорукій, который свергнулъ ея отца, теперь же самъ поплатился за это ссылкой. Вскорѣ императрица Анна помиловала дочь и сына Меншикова, а Долгорукій перешелъ въ оставленную ими избу. Впослѣдствіи моло-

дой Меншиковъ получилъ все состояніе и унаслѣдовалъ титулъ своего отца. Отъ него происходитъ по прямой линіи мужественный защитникъ Севастополя.

Шестидесятилѣтній маршалъ Минихъ, любимецъ императрицы Анны, при восшествіи Елизаветы на престолъ, также былъ сосланъ въ Сибирь. Темница Миниха состояла изъ трехъ отдѣленій, въ первомъ находилась стража, во второмъ кухня, въ третьемъ жилъ ссыльный. Стѣна въ 20 футовъ вышины не давала солнцу проникать въ темницу.

Нѣкогда могущественный временщикъ здѣсь получалъ на пропитаніе полтину въ день. Но мрачная ссылка смягчалась любовью жены Миниха. Не смотря на то, что ей было 55 лѣтъ, она все же нашла въ себѣ достаточно мужества и самоотверженія, чтобы послѣдовать за мужемъ и служить ему вѣрной подругой.

Двадцать одинъ годъ провелъ онъ здѣсь съ женой, и, возвратившись въ Москву, ихъ встрѣтили дѣти, внуки и правнуки въ числѣ 52 человѣкъ.

При восшествіи на престолъ Екатерины, 80-лѣтній старецъ, чуть было опять не попалъ въ ссылку, но мудрость императрицы спасла его ладью во время бури, и онъ умеръ губернаторомъ Петербурга.

Въ текущемъ столѣтіи много было сослано въ Сибирь государственныхъ преступниковъ, прощенныхъ милосердіемъ Александра II.

Впрочемъ, большинство ссыльныхъ въ Сибирь состоитъ изъ обыкновенныхъ преступниковъ, которыхъ заграницею наказываютъ смертью или тюрьмой. Убійца, разбойникъ, воръ, пограничный контрабандистъ, ведущій торгъ запрещеннымъ товаромъ, даже бродяга, который не можетъ дать отвѣта о своемъ поведеніи и удостовѣрить свое званіе, всѣ эти преступники поселяются въ Сибири и несутъ болѣе или менѣе тяжелое наказаніе.

Такимъ образомъ, ежегодно приходитъ въ Тобольскъ партія ссыльныхъ или *несчастныхъ*, какъ называетъ ихъ народъ. Здѣсь около $^1/_3$ части ихъ получаетъ прощеніе, остальныхъ сортируютъ. Убійцы, поджигатели и грабители отправляются въ рудники, прежде, при ихъ отсылкѣ изъ Россіи, они еще наказывались кнутомъ и имъ рвали ноздри; цивилизація однако уничтожила этотъ способъ тѣлеснаго наказанія.

Англичанинъ Симпсонъ (Narrative of a journey round the world 1847) считаетъ Сибирь за лучшее ссыльное мѣсто въ мірѣ. Каждый ссыльный получаетъ участокъ земли, избу, лошадь, двѣ

коровы, земледѣльческія орудія и провіантъ на цѣлый годъ. Въ первые три года, онъ не платитъ никакихъ податей, и такимъ образомъ, ссыльный имѣетъ полную возможность улучшить трудомъ свой жребій; не мало содѣйствуетъ и страхъ тому, чтобы удержать его на пути къ добру, онъ хорошо знаетъ, что за первый проступокъ его отправятъ въ рудники—перспектива очень непріятная. Не удивительно поэтому, что при такихъ сильныхъ побудительныхъ причинахъ, ссыльные достигаютъ благосостоянія, о которомъ имъ и не снилось въ Европейской Россіи. Симпсонъ посѣтилъ, не далеко отъ Канска, одного такого *несчастнаго*, у котораго былъ прекрасный домъ и обширныя земли. Сынъ этого ссыльнаго, пріѣхавшій изъ Петербурга, съ радостью увидѣлъ отца, который былъ занятъ сборомъ обильнаго урожая отъ посѣва.

Эрманъ посѣтилъ въ пятидесяти верстахъ отъ Нолинска крестьянскій дворъ, принадлежавшій старому ссыльному изъ Новгородской губерніи. Этотъ человѣкъ съумѣлъ своей неутомимой дѣятельностью восполнить то, чего, казалось, не давалъ климатъ. Какъ рогатый скотъ, такъ и лошади помѣщались въ крытыхъ сараяхъ, и ѣли сѣно, которое привозилось за 20 верстъ, съ низменныхъ, обильныхъ травою острововъ Лены. Онъ получалъ превосходный урожай ржи и ячменя, капусты и рѣпы. Образцовый птичникъ находился въ людской. Одиннадцать работниковъ и работницъ исполняли дѣло автократа—ссыльнаго.

Гоффманъ (Reise nach den Goldwaschereien Ost sibiriens) напротивъ представляетъ намъ положеніе сибирскихъ ссыльныхъ далеко не въ такомъ розовомъ свѣтѣ. По мнѣнію этого путешественника, цивилизація и процвѣтаніе Сибири находятъ въ поселеніяхъ ссыльныхъ злѣйшаго врага. Въ Томской губерніи, особенно богатой самыми неблагонадежными ссыльными, всѣ ямщики принадлежатъ къ этой категоріи людей. Лестью старались они возбудить къ себѣ состраданіе. «Богу такъ было угодно», обыкновенно говорили они, благочестиво поднимая взоръ къ небу, и при такой покорности Высшей Волѣ, страшное пьянство, безграничная ложь, дерзкій обманъ, воровство и даже убійство, если представится благопріятный случай, вотъ списокъ пороковъ, въ которыхъ упрекаетъ ихъ Гоффманъ.

Общій выводъ изъ этихъ разсказовъ очевидно тотъ, что большинство преступниковъ остается почти тѣмъ же, чѣмъ были они дома, но если бы запереть въ тюрьму всѣхъ подвергнувшихся строгости законовъ, всѣхъ работающихъ и пользующихся плодами своихъ трудовъ въ обширной и плодоносной Сибири, то весьма вѣро-

ятно, что малое число преступниковъ, здѣсь нравственно улучшившихся, не сомнѣнно еще глубже впали бы въ бездну порока.

Что же касается до свободнаго сибирскаго поселянина, который происходитъ большею частію отъ *несчастныхъ*, то онъ заслужилъ отъ путешественниковъ всеобщую похвалу.

«Лишь только перевалились мы за Уралъ», говоритъ Врангель, «какъ были встрѣчены особеннымъ дружелюбіемъ и добродушіемъ жителей, на столько же поразительны роскошная растительность, хорошо обработанныя поля, превосходныя дороги и большія хорошо выстроенныя деревни, которыя встрѣчаемъ въ южной части Тобольской губерніи. Вещи можно было оставлять на ночь просто посреди дороги. «У насъ воровъ нѣтъ», такъ говорили намъ. «Это можетъ казаться удивительнымъ, но припомнимъ, что каждому ссыльному назначенъ округъ, за границы котораго онъ не смѣетъ перейдти, не отправившись за это прямо въ Нерчинскъ, гдѣ уже болѣе не видать ему дневного свѣта.

«Сибиряки», замѣчаетъ Гаистепъ (Reisen in Sibirien 1828—1830), «извѣстны въ Россіи за народъ, пользующійся желѣзнымъ здоровьемъ. Въ тулупѣ сверхъ рубашки и тонкихъ холщевыхъ портахъ, они легко переносятъ холодъ въ 30 и 35 градусовъ. Они вовсе не такъ жадны къ деньгамъ, какъ крестьяне Европейской Россіи. Земли сибирякъ обработываетъ сколько хочетъ и почва доставляетъ все нужное для пищи и одежды. Сибиряки необыкновенно чистоплотны».

Золотые промыслы хотя въ послѣднее время измѣнили такое состояніе невинности, однако-же, Гоффманъ по пути въ Омскъ, черезъ Ишимъ, нашелъ у одного крестьянина Западной Сибири остатки вѣрности, честности и гостепріимства, которыми славились его предки.

Личной свободой сибиряки пользовались ранѣе своего европейскаго брата. Въ Сибири не было дворянства, не было дворянскихъ помѣстій, слѣдовательно не было крѣпостныхъ, принадлежавшимъ частнымъ лицамъ. Казенные же крестьяне управлялись общими законами, которые защищаютъ обладаніе имуществомъ и гарантируютъ отъ произвола.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, сибиряки занимаются также и перевозкой товаровъ, и въ этомъ отношеніи, не существуетъ страны, гдѣ бы относительно народонаселенія было такъ много людей, занимающихся извозомъ.

Продукты богатыхъ рудниками Алтая и Нерчинскихъ горъ,

мѣдь, желѣзо, свинецъ и серебро должны совершить долгій путь, чтобы достигнуть русскихъ рынковъ. Конечно, легче перевозится золото съ промысловъ восточной Сибири, но нужно нерѣдко привозить сюда изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ припасы для многихъ тысячъ рабочихъ, занимающихся въ теченіи цѣлаго лѣта промывкою драгоцѣнныхъ золотыхъ зеренъ изъ песка. Милліоны мѣховъ отъ маленькой сѣрой бѣлки до огромнаго медвѣдя требуютъ также значительныхъ силъ для перевозки.

Ко всему этому еще должно прибавить значительную караванную торговлю съ Китаемъ, которая ежегодно доставляетъ многія тысячи тюковъ чая изъ Кяхты въ Ирбитъ. Если принять въ соображеніе громадность разстояній, то станетъ ясно значеніе занимающагося извозомъ сибиряка.

Хотя Сибирь богата судоходными рѣками, но достаточно взглянуть на карту, чтобы увидѣть, что, не смотря на обиліе воды, рѣки мало приносятъ пользы для внутреннихъ сообщеній, такъ какъ онѣ текутъ съ юга на сѣверъ въ негостепріимное море, вѣчно закрытое для мореплаванія, да и эти рѣки закованы льдомъ въ теченіи большей части года. Огромныя пространства отдѣляютъ бассейнъ одной рѣки отъ другого, что требуетъ частой перегрузки товаровъ. Каналовъ вовсе нѣтъ. Плаваніе на пароходахъ возможно только 5 мѣсяцевъ въ году и въ странѣ, гдѣ города такъ незначительны и расположены далеко другъ отъ друга, что едва ли можно ожидать успѣха отъ такого предпріятія.

Холода играютъ въ Сибири большую роль, и потому необходимо поговорить о нихъ. Не удивительно, что въ Устьянскѣ (70° 55′ с. ш.) средняя зимняя температура—38°, а средняя температура самаго холоднаго мѣсяца (января) доходитъ до—40°; но удивительно, что въ Якутскѣ (62° с. ш.) зима еще суровѣе, чѣмъ въ этомъ мѣстечкѣ, лежащемъ при полярномъ морѣ, такъ какъ здѣсь средняя зимняя температура равняется—38°,9, а средняя температура самаго холоднаго мѣсяца (февраля)—49°, 5. Здѣсь ртуть замерзаетъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Подъ 75° на Американскомъ полярномъ океанѣ Парри нашелъ, что самый холодный мѣсяцъ на нѣсколько градусовъ теплѣе, чѣмъ въ Якутскѣ. Не менѣе поразителенъ зимній холодъ Иркутска (51° 16′ с. ш.), который хотя стоитъ на высотѣ 1,200 футовъ надъ уровнемъ моря, но все же южнѣе Берлина (52° 31′ с. ш.). Что сказали бы на берегахъ Шпре о зимѣ, средняя температура которой была бы въ январѣ—19°, 5. Но стоитъ жителю Берлина подвинуться къ востоку на 90° долготы, ни-

сколько не приближаясь къ полюсу, чтобы познакомиться съ холодомъ въ—35° и—40°, какъ извѣстно такого холода въ Пруссіи не бываетъ.

Низкая зимняя температура въ сердцѣ Сибири происходитъ отъ многоразличныхъ причинъ. Во-первыхъ, эта страна представляетъ большую равнину, косвенно спускающуюся къ Ледовитому морю; во-вторыхъ, Сибирь лежитъ такъ далеко отъ умѣряющаго холодъ океана, что по ту сторону Уральскихъ горъ теплый западный вѣтеръ уже дѣлается холоднымъ континентальнымъ вѣтромъ, и въ третьихъ, огромная въ 4.000 футовъ высокая монгольская горная возвышенность не пропускаетъ въ Сибирь много тепла съ юга, такъ что зимой откуда ни дуй вѣтеръ, онъ приноситъ только холодъ.

Совершенно иное происходитъ лѣтомъ. Подъ вліяніемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ около сѣвернаго полюса палящихъ лучей солнца, волны тепла разливаются по внутренности Сибири и быстро поднимаютъ ртуть термометра. Нѣтъ близкаго моря, освѣжающаго воздухъ прохладнымъ вѣтромъ, подуетъ-ли онъ съ раскаленной монгольской пустыни, или же пройдетъ по обширной равнинѣ на всемъ своемъ пути, онъ будетъ насыщаться тепломъ. Вотъ почему за суровой якутской зимой слѣдуетъ знойное лѣто. Средняя лѣтняя температура Якутска равняется + 17°,2, а средняя температура іюля мѣсяца + 20°,3. Такого жаркаго лѣтняго мѣсяца нѣтъ даже въ Мексикѣ (2271 метръ надъ уровнемъ моря. Іюнь+19°7), и якутскій іюль теплѣе іюля въ Прагѣ, Мангеймѣ и Ла-Рошели (во всѣхъ трехъ мѣстахъ+20,°2). На почвѣ, вѣчно замерзшей на нѣсколько сотъ футъ въ глубину, могутъ вызрѣвать рожь и ячмень. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ въ Якутскѣ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, всѣ крайности континентальнаго климата. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ передъ нами лежащихъ метеорологическихъ таблицахъ мы не находимъ другого пункта, гдѣ бы разность лѣта и зимы достигала бы 65°. Хотя въ Иркутскѣ средняя температура самаго теплаго мѣсяца равняется только+17°,5, все же эта теплота чрезмѣрна въ сравненіи съ значительными зимними холодами.

Вырубка лѣсовъ и осушка болотъ естественно сдѣлали бы еще болѣе знойнымъ сибирское лѣто, такъ-же точно, какъ подобныя же измѣненія въ теченіе времени значительно умѣряли климатъ Германіи.

Чѣмъ болѣе увеличивается земледѣльческое населеніе, тѣмъ болѣе оно приготовитъ себѣ благопріятной почвы для своего дѣла.

Изъ всего сказаннаго о Сибири невольно рождается вопросъ:

какъ человѣкъ выноситъ такіе страшные холода? Обыкновенно дни, въ которые термометръ наиболѣе понижается, отличаются безвѣтріемъ, отчего холодъ бываетъ не такъ рѣзокъ; кромѣ того, небольшія низенькія жилища, окруженныя земляянымъ валомъ, такъ устроены, чтобы противустоять леденящему вѣтру.

Эрманъ говоритъ, что въ остятскомъ зимнемъ платьѣ изъ двойной шкуры сѣвернаго оленя можно въ открытыхъ саняхъ спокойно спать ночью, когда мерзнетъ ртуть, и въ такой одеждѣ можно даже спокойно спать на снѣгу, въ тонкой палаткѣ при—28°. Но и въ одномъ внѣшнемъ мірѣ человѣкъ находитъ средство противодѣйствовать холоду. Удивительная акклиматизаціонная способность его даетъ также ему возможность побѣдоносно выйти изъ борьбы. Необыкновенно быстро, въ нѣсколько дней уже развивается въ тѣлѣ тѣмъ болѣе теплоты, чѣмъ болѣе усиливается холодъ; человѣкъ вдыхаетъ болѣе кислорода, внутренній процессъ горѣнія идетъ быстрѣе, усиливающійся аппетитъ доставляетъ больше матеріала и поддерживаетъ внутреннее тепло. Поэтому не только коренные сибиряки, но и путешественники скоро привыкаютъ къ сибирскому холоду. Миддендорфъ находилъ удовольствіе снявъ куртку, съ часокъ порубить дровъ на чистомъ воздухѣ, когда замерзла ртуть, и потомъ въ нижнемъ платьѣ и рубашкѣ грѣться въ палаткѣ передъ огонькомъ, жаръ котораго едва выносила рука, термометръ показывалъ только+15 , а за спиной спокойно грѣвшагося Миддендорфа спускался до—10° и болѣе градусовъ.

Большіе холода дѣйствуютъ на здоровье не только не вредно, а скорѣе благопріятно. Само собою разумѣется, что мы говоримъ о здоровомъ человѣкѣ, который легче привыкаетъ къ внѣшнимъ условіямъ, чѣмъ человѣкъ одаренный меньшею жизненною энергіею.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ нѣсколько словъ о Байкальскомъ озерѣ, во многихъ отношеніяхъ заслуживающемъ нашего вниманія. Это самое большое прѣсноводное озеро Стараго Свѣта (100 миль въ длину, 18 миль въ ширину и 500 квад. миль поверхности), и за исключеніемъ большаго Невольничьяго озера (750 квад. миль) самое большое озеро всего полярнаго склона. Черезъ Байкалъ протекаетъ Селенга, главный рукавъ Енисея, слѣдовательно, изъ нѣдра этого озера вытекаетъ самая большая по протяженію рѣка Стараго Свѣта. Окрестности Байкала очень романтичны, повсюду изъ воды отвѣсно поднимаются высокія скалы и въ недалекомъ разстояніи снова опускаются въ непзмѣримую глубь. Плаваніе по Балкалу довольно опасно, такъ какъ бѣдное гаванями

озеро подвержено внезапнымъ бурямъ и страшнымъ вихрямъ. Иногда воды его приходятъ въ сильное волненіе, повидимому, безъ всякой причины, какъ будто подземныя вулканическія силы приводятъ ихъ въ движеніе. Суда, на которыхъ плаваютъ по прекрасному озеру, очень легкой постройки, и потому нельзя не удивляться смѣлости рыбаковъ, предающихся своимъ занятіямъ въ такихъ непрочныхъ лодкахъ. Рыбная ловля здѣсь очень добычлива; ежегодно на Байкалѣ и въ него впадающихъ рѣкахъ ловятъ не менѣе 13 милліоновъ однихъ лососей. На Байкалѣ водятся также тюлени, которые во всемъ мірѣ нигдѣ не заходятъ такъ далеко отъ своей естественной стихіи, океана.

Для перевозки товаровъ Байкалъ менѣе полезенъ, чѣмъ для рыбной ловли. Перевозка товаровъ между Иркутскимъ и Забайкальскимъ краемъ обыкновенно совершается на саняхъ по замерзшему озеру, или же объѣзжаютъ его южную оконечность по неровной дорогѣ.

ГЛАВА XIII.

Сибирскій торгъ мѣхами.

Соболь.—Горностай.—Кулонокъ.—Морской боберъ.—Чернобурая лисица.—Рысь.—Бѣлка.—Бурундукъ.—Заяцъ.—Сусликъ.—Значеніе торговли пушнымъ товаромъ для сѣверныхъ странъ.—Какъ ведется эта торговля?—Торговля съ Китаемъ.—Кяхтинская ярмарка.

Сибирь, какъ извѣстно, славится пушными звѣрями, изъ которыхъ самый знаменитый и дорогой звѣрь безспорно соболь (Mustela zibellina), принадлежащій къ роду хорьковъ. Ростомъ соболь нѣсколько меньше куницы и отличается отъ нея сѣрымъ пятномъ на шеѣ, болѣе тонкою шерстью, и короткимъ хвостомъ. Хотя соболь живетъ свободно въ лѣсу и трусливъ какъ бѣлка, но онъ легко приручается и тогда какъ бѣлку держатъ его на цѣпи. Ночью онъ выходитъ на добычу, для ловли мышей, но ѣстъ также ягоды и кедровые орѣхи. Соболь живетъ въ подземныхъ порахъ, преимущественно между древесными корнями.

Постоянныя преслѣдованія охотниковъ мало-по-малу вытѣснили этого звѣрька въ непроницаемые лѣса. Было время, когда тунгузы за мѣдный котелъ давали столько соболиныхъ шкуръ, сколько въ него уложится. Теперь-же цѣны на нихъ значительно возросли. Лучшій соболь водится на Лепѣ, именно на Олекмѣ, наибольшее же количество этого звѣрька доставляетъ Камчатка. Пара шкурокъ стоитъ на мѣстѣ не менѣе 80 руб. сер., а въ Петербургѣ и въ Москвѣ охотно дадутъ за нихъ 170 руб. сер., особенно если шерсть длинна, густа и черна, а подпушь бурая. Очень красиво, когда длинная шерсть оканчивается бѣлымъ, но еще лучше, если вся шерсть черная. Вообще въ Россіи особенно цѣнятся черные мѣха, а рыжій цвѣтъ считаютъ некрасивымъ. Китайцы, напротивъ, цѣнятъ коли-

чество волоса и величину шкурки. Разница во вкусахъ относительно пушнаго товара происходитъ отъ того, что всѣ мѣха звѣрей, подверженныхъ перемѣнѣ цвѣта, тѣмъ темнѣе, чѣмъ далѣе къ востоку. Поэтому соболь съ береговъ Оби, гдѣ онъ больше и шерсть свѣтлѣе, идетъ въ Кяхту, а съ Алданскихъ и Удскихъ горъ отправляется въ Петербургъ, Турцію и Лейпцигъ. Цивилизаціонныя попытки султана Махмута сильно повредили бѣдному тунгузу и якуту, такъ какъ съ тѣхъ поръ знатные турки одѣваются по-европейски, и цѣна лучшаго соболя понизилась на половину.

Шкурка нѣкогда столь дорогого горностая стоитъ теперь въ Якутскѣ всего нѣсколько копѣекъ, такъ что вся охота за этимъ звѣрькомъ приноситъ мало пользы. Въ Китаѣ горностай еще въ большемъ уваженіи, и ни одинъ подданный не смѣетъ носить хвостиковъ,—это привилегія Императорской фамиліи. Горностай (около 10 дюймовъ въ длину) живетъ во всей Сибири по полямъ и лѣсамъ, чаще всего по берегамъ рѣкъ и гнѣздится, какъ въ древесныхъ дуплахъ, такъ и въ подземныхъ порахъ, которыхъ не роетъ самъ, а отнимаетъ у мышей. Кровожадный и прожорливый горностай бросается даже на медвѣдя, вгрызается послѣднему въ ухо, и замучиваетъ звѣря до смерти. Путешественники разсказываютъ, что горностай садится даже на спящаго орла или глухого тетерева, поднимается съ ними на воздухъ, и кусаетъ до тѣхъ поръ, пока птица, истекая кровью, не упадетъ на землю. Несмотря на кровожадность къ врагамъ, сердце горностая согрѣто любовью къ дѣтямъ, и если отнимутъ дѣтей отъ самки, то она, не думая о своей безопасности, слѣдуетъ за похитителями. Осенью падаетъ тонкая красноватобурая лѣтняя шерсть и горностай получаетъ всѣмъ извѣстную бѣлую шерсть съ характеристичнымъ чернымъ пучкомъ на концѣ хвоста. За горностаемъ охотятся только изъ-за шкурки, даже якуты и калмыки не ѣдятъ мяса, такъ какъ изъ желѣзокъ выдѣляется вонючая жидкость.

Самые большіе горностаи водятся по берегамъ Колымы, или же привозятся чукчами изъ холодныхъ странъ Америки.

Кулонокъ (Viverra sibirica) меньше горностая и достигаетъ только 7 дюймовой длины. Звѣрекъ этотъ особенно прожорливъ, такъ что за одинъ разъ съѣдаетъ болѣе своего собственнаго вѣса, всегда золъ и принадлежитъ къ числу животныхъ, которыхъ пока не удалось приручить. Онъ устраиваетъ свое жилище въ дуплахъ, или же кучахъ камней и находится въ вѣчной враждѣ съ мелкими птицами, хотя преимущественно питается полевыми мышами. Бы-

строта движеній кулонка вошла въ пословицу; онъ лазѣетъ вверхъ по стѣнамъ съ такою легкостью, что отъ него трудно что-нибудь уберечь. Тѣло этого звѣрька такъ тонко, что трудно найти отверстіе, въ которое онъ не могъ бы пролѣзть. Бѣлая зимняя шкурка кулонка идетъ на шубы, которыя прочнѣе и бѣлѣе горностаевыхъ и отличаются отъ послѣднихъ отсутствіемъ черныхъ волосъ на концѣ хвоста.

Соболь, горностай и кулонокъ—главные представители рода хорьковъ, живущихъ въ Сибири. Всѣ эти звѣри имѣютъ въ каждой челюсти по 6 острыхъ рѣзцовъ. Характерное отличіе ихъ отъ другихъ звѣрьковъ—длинное, тонкое тѣло, и почти у всѣхъ животныхъ этого рода близъ поропицы находится желѣзистый мѣшокъ, выдѣляющій вонючую жидкость, которою они защищаются отъ преслѣдованія враговъ. Вообще на этихъ животныхъ ясно необыкновенное соотвѣтствіе организаціи съ свойственнымъ имъ образомъ жизни. Они питаются крысами, мышами, птичками, которыхъ преслѣдуютъ въ норахъ или же по деревьямъ и стѣнамъ. Какъ для этого пригодны легкость, длина и тонина ихъ тѣла.

Морская выдра или боберъ (Lutra marina) весьма близкая къ роду хорьковъ имѣетъ изъ всѣхъ сибирскихъ пушныхъ звѣрей самый дорогой мѣхъ. Высокая цѣна этого глянцовито-чернаго, длиннаго, необыкновенно мягкаго и густого мѣха объясняетъ, почему промышленники мало-по-малу послѣдовали за морской выдрой изъ Камчатки въ Америку, и почти совершенно истребили этого звѣря около многихъ острововъ и береговъ Берингова моря и сѣверной части Тихаго океана—настоящей родины морской выдры. Выдра очень похожа на хорька, но имѣетъ плоскую голову и плавательную перепонку между пальцами ногъ. У морской выдры подошвы ногъ покрыты волосами и хвостъ коротокъ; у обыкновенной выдры подошвы голыя и хвостъ равенъ половинѣ тѣла.

Не менѣе цѣнна, чѣмъ морской боберъ, чернобурая лисица, за шкурку которой охотники платятъ по 300 руб. и даже дороже.

Но если количество соболей и морскихъ бобровъ уменьшилось, за то количество чернобурыхъ лисъ увеличилось. Ермакъ послалъ царю всего 20 шкурокъ чернобурой лисицы, а россійско-американская компанія съ 1821 по 1840 годъ вывезла ихъ 16.513. Въ Якутскъ ежегодно привозится до 200 шкурокъ. Причина этого состоитъ въ томъ, что чернобурая лисица случайная разновидность, являющаяся только одиночными особями и потому нигдѣ не можетъ концентрировать корыстолюбіе промышленниковъ. Въ то время, какъ

за чернобурую лисицу платятъ громадныя суммы денегъ, лисица огняпка стоитъ только 20 руб., голубой песецъ 10—12, а простой песецъ даже 6—8. Между тѣмъ, нѣтъ мѣха теплѣе и гуще песцоваго, и при этомъ онъ такъ электриченъ, что стоитъ по немъ повести рукой, чтобы извлечь искры. Мездра, напротивъ, очень тонка и нѣжна.

Близкій родичъ лисицы волкъ также долженъ доставлять свою шкуру сибирскому промышленнику, который продаетъ ее за нѣсколько рублей.

Въ Сибири охота на медвѣдей также въ большомъ ходу, его преслѣдуютъ изъ за мѣха. Черный мѣхъ молодаго цѣнится для оторочекъ, напротивъ, мѣхъ стараго звѣря дешевъ. Мѣхъ бѣлаго медвѣдя идетъ на прекрасныя санныя полости и стоитъ 3—5 рублей.

Шкура росомахи (Gulo borealis), обсаженная длинной щетинистой бурой и черной остью, на сибирскихъ рынкахъ стоитъ 2—4 руб. Росомаха достигаетъ 3-хъ футъ длины и отъ приподнятой шерсти кажется больше барсука. Объ этомъ звѣрѣ разсказываютъ много нелѣпостей. Олай великій говоритъ, что на сѣверѣ для гостей стелютъ постели изъ шкуръ росомахи, чтобы гости увидѣли во снѣ, что они ѣли и пили. Платье, сдѣланное изъ мѣха росомахи также должно возбуждать хорошій аппетитъ. Нигдѣ росомахи не встрѣчаются такъ часто, какъ въ лѣсистыхъ областяхъ сѣверо-восточной Сибири. Этотъ звѣрь удаляется отъ человѣческихъ жилищъ, спитъ въ снѣгу и только ночью выходитъ на добычу. Въ Сибири обыкновенно ловятъ росомахъ въ капканы.

Рысь даетъ прекрасный дорогой мѣхъ, особенно живущая на Колымѣ. Зимній мѣхъ буроватый съ темно-бурыми крапинками. Рысь, достигающая роста волка, отличается отъ прочихъ членовъ семейства кошекъ черными пучками волосъ на концахъ ушей. Она хорошо лазаетъ по деревьямъ и, спрятавшись между вѣтками, подкарауливаетъ добычу.

Изъ всѣхъ сибирскихъ пушныхъ звѣрей сибирская бѣлка доставляетъ въ общей массѣ въ семь разъ болѣе шкурокъ, чѣмъ соболь. Ежегодно отправляется въ Китай около 4 милліоновъ бѣличьихъ шкурокъ; въ Европу вывозится 2—3 милліона: очень много шкурокъ идетъ для мѣстнаго употребленія и вывоза въ Европейскую Россію. Беръ полагаетъ, что ежегодно добывается 15 милліоновъ бѣлокъ, большинство которыхъ доставляется Сибирью. Линія, идущая отъ восточнаго берега Онежскаго озера до впаденія

Камы въ Волгу, приблизительно означаетъ юго-западную границу низшаго сорта бѣлки, составляющей предметъ оптовой торговли и носящей техническое названіе *зырянки*. Здѣсь еще примѣшивается красница къ сѣрому цвѣту. По уже въ Печерскомъ краю сѣрый цвѣтъ рѣшительно преобладаетъ. Иркутская бѣлка стоитъ болѣе чѣмъ вдвое, а забайкальская болѣе чѣмъ втрое противъ европейской. За тысячу лучшихъ бѣлокъ платятся 110 р. сер. Бѣлокъ ловятъ силками, западнями и рѣже бьютъ изъ ружья.

Бурундукъ (Sciurus striatus) не прыгаетъ съ дерева на дерево, какъ веселая бѣлка, а роетъ въ землѣ ходы, какъ сурокъ, но не засыпаетъ спячкой. Бурундукъ живетъ въ лѣсахъ во всей Сибири до сѣверовосточнаго берега Охотскаго моря и рѣки Анадыри; питается кедровыми орѣхами, нерѣдко запасая ихъ до 10—15 фунтовъ. Якуты и остяки ловятъ бурундуковъ въ западни, бьютъ ихъ тупыми стрѣлами и приманиваютъ дудочкой изъ бересты. Бурундуковъ жарятъ и ѣдятъ какъ лакомство. Изъ не очень густого мѣха бураго съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами шьютъ пестрыя одежды.

Заяцъ также играетъ немаловажную роль въ русской пушной торговлѣ. Шкурку его вывозятъ въ огромномъ количествѣ на сумму болѣе полумилліона рублей. Большинство заячьихъ мѣховъ получается изъ среднихъ и южныхъ областей Россіи, такъ какъ сѣверный бѣлякъ менѣе цѣненъ въ торговлѣ.

Бѣлякъ больше русака. Мѣхъ его зимою бѣлый съ черною рѣдкою шерстью; лѣтомъ сѣровато-бурый съ желтоватою шерстью. Самые большіе бѣляки живутъ по Хатангѣ и Енисею, здѣсь же и лучшіе заячьи мѣха, мало уступающіе песцовымъ. У трусливаго зайца много враговъ: лисица, соболь, хорекъ и горностай и даже ворона, которая садится ему на спину и выклевываетъ ему глаза. Сибиряки ловятъ бѣляка капканами и силками.

Байкальскій заяцъ (Lepus tolai) имѣетъ цвѣтъ обыкновеннаго и не мѣняетъ шерсти; онъ меньше ростомъ, голова тоньше, хвостъ длиннѣе. Этотъ заяцъ встрѣчается въ большомъ количествѣ по ту сторону Байкальскаго озера, живетъ на открытомъ воздухѣ и, только заслышавъ опасность, прячется въ разсѣлины скалъ.

Изъ грызуновъ, доставляющихъ промышленникамъ свой мѣхъ, упомянемъ еще объ обыкновенномъ суслике (Arctomis citillus), родъ сурка, по наружному виду похожій на хомяка. Бурый мѣхъ съ бѣлыми крапинками и полосками сбывается по дорогой цѣнѣ въ Китай.

Суслікъ, называющійся въ Сибири евражкой, доходитъ на югъ до 53° и распространяется до Камчатки. Онъ живетъ на лугахъ и поляхъ. Норы часто имѣютъ до $1^1/_2$ сажень глубины. Самое гнѣздо, выложенное сѣномъ, имѣетъ около фута въ поперечникѣ. отсюда тянутся различные ходы, изъ которыхъ только одинъ, спрятанный въ травѣ, остается открытымъ, но и этотъ ходъ передъ спячкой также закрывается. Весною суслика ловятъ въ западни или же вырываютъ изъ земли.

Весь доходъ отъ охоты за пушными звѣрями весьма значителенъ и, по статистическимъ даннымъ, простирается до 5 милліоновъ рублей. По мѣрѣ того, какъ къ сѣверу уменьшается земледѣліе, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается значеніе охоты, которая очень важна въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи: Вятской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской.

Хотя нѣкоторые дорогіе пушные звѣри, именно соболь и морская выдра, не такъ многочисленны, какъ прежде, тѣмъ не менѣе кажется, что вообще торговля пушнымъ товаромъ скорѣе усиливается, чѣмъ слабѣетъ. Нечего бояться, что эта торговля исчезнетъ отъ недостатка въ звѣряхъ, такъ какъ дешевые мѣха (заяцъ, бѣлка), которые въ торговлѣ имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ мѣха дорогіе, доставляются грызунами, а эти животныя, какъ извѣстно, сильно размножаются и въ Сибири для нихъ не будетъ недостатка въ кормѣ. Ловля пушныхъ звѣрей единственное средство, которымъ добываютъ деньги кочевники сѣверной Сибири— остяки, юкагары, якуты, тунгузцы, самоѣды. Вся изобрѣтательность и дѣятельность этихъ народовъ обращены на пушной промыселъ. Берега рѣкъ и лѣса усѣяны множествомъ самострѣловъ, силковъ и капкановъ всякаго рода на соболя, бѣлку, росомаху, лису и пр. Заботливый юкагаръ, по первому снѣгу, ставитъ до 500 различныхъ капкановъ, которые обходитъ пять или шесть разъ въ зиму, и въ хорошіе года каждый разъ на 8 или 10 капкановъ одинъ приходится съ добычей. По устройству эти капканы чрезвычайно разнообразны и приспособлены къ особенностямъ, походкѣ и силѣ животныхъ, для которыхъ они разставлены, что едва-ли можно придумать какое-либо улучшеніе.

Добычу своей охоты сибирякъ несетъ на ближайшую ярмарку, чтобы изъ вырученныхъ денегъ уплатить ясакъ. Что остается отъ уплаты ясака, то мѣняетъ сибирякъ на свои малыя потребности— желѣзные котлы, красное сукно для оторочки платья, порохъ и свинецъ, ржаную муку, бусы, табакъ и водку. Послѣ этого до-

карь уходитъ въ свою пустыню и черезъ годъ возвращается съ новымъ товаромъ для мѣны. Изъ маленькихъ мѣстечекъ русскіе купцы свозятъ пушной товаръ въ болѣе значительные торговые пункты, гдѣ мѣха выигрываютъ въ цѣнности отъ сортировки. Ново-Архангельскъ (на Ситхѣ), Якутскъ, Нерчинскъ, Тобольскъ, Кяхта, Ирбитъ—вотъ мѣста такихъ складокъ, откуда товаръ отправляется на нижегородскую ярмарку и также Москву и Петербургъ.

Въ Россіи потребленіе мѣха на шубы и воротники весьма значительно, и для этой цѣли идетъ не только отечественный товаръ, но также выписывается не мало изъ-за границы.

Мы уже говорили, что Китаецъ лучшій потребитель русскаго пушнаго товара, такъ какъ покупаетъ то, что не цѣнится въ Россіи, не пренебрегаетъ рыжими мѣхами, а цѣнитъ количество и длину волоса. При томъ онъ все еще хорошій покупатель для нѣкогда столь дорогого, а теперь почти брошеннаго горностая, и купцы рады что-либо выручить за огромное количество горностачьихъ шкурокъ.

Такъ какъ торговля между Россіей и Китаемъ преимущественно основывается на мѣнѣ пушнаго товара на чай, то мы полагаемъ не безъинтереснымъ коснуться этой торговли. Извѣстно, что по всей длинной границѣ Китая съ Сибирью, торговля можетъ производиться только въ одномъ пунктѣ, именно, между русскимъ городомъ Кяхтой и китайскимъ мѣстечкомъ Маймачиномъ. Кяхта находится въ тысячи англійскихъ миль отъ Пекина и въ 4 тысячахъ отъ Москвы, но путь по Китаю несравненно затруднительнѣе. Несмотря на замкнутость такого громаднаго государства, какъ Небесная Имперія, торговыя сношенія съ Россіею, годъ отъ году, увеличиваются и въ будущемъ обѣщаютъ возрасти до колоссальныхъ цифръ общаго торговаго обмѣна. Кромѣ мѣховъ въ Китай сбываютъ много мануфактурныхъ товаровъ и главнымъ образомъ такихъ, которые не имѣютъ сбыта въ Россіи и выдѣлываются исключительно для жителей поднебесной имперіи.

Изъ различныхъ сортовъ чая, извѣстныхъ въ Европѣ, упомянемъ о кирпичномъ чаѣ, который приготовляется изъ листьевъ чайнаго дерева и другихъ дико-растущихъ растеній, смѣшанныхъ съ сверпувшеюся бычачьею кровью. Этотъ чай получилъ свое названіе отъ формы, какую даютъ его кускамъ. Для монгольскаго кочевника въ Китаѣ, для бурята и калмыка, для русскаго крестьянина къ югу отъ Байкала и для большей части сибирскихъ татаръ, кирпичный

чай настолько же необходимъ, какъ хлѣбъ въ Европѣ. Изъ кирпичнаго чая приготовляютъ для тамошняго вкуса весьма лакомую похлебку съ ржаной мукой, бараньимъ саломъ и солью.

Какъ ни значительна упомянутая нами мѣновая торговля, все же она касается оптовой торговли, результаты которой еще въ будущемъ. Но кромѣ ея производится весьма значительная мѣстная, или розничная торговля, преимущественно удовлетворяющая потребностямъ сосѣднихъ странъ. Сельско-хозяйственныя произведенія плодороднаго Забайкалья находятъ здѣсь значительный сбытъ и даютъ китайцу то, чего не можетъ онъ получить на своихъ безплодныхъ высотахъ. Китаецъ покупаетъ пшеницу, рожь, яйца, верблюдовъ, лошадей, пеньку и ленъ. Прежде эта торговля была значительнѣе, но теперь китайскіе монголы по Орхону и другимъ притокамъ Селенги принялись также за земледѣліе и конкурируютъ съ русскими и бурятами, живущими по нижнему теченію той же рѣки.

Китайская розничная торговля состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ, бумажныхъ тканей, панки, и болѣе всего кирпичнаго чая, котораго, по крайней мѣрѣ, 30 тысячъ пудовъ потребляется пограничною Сибирью.

Кяхтинская ярмарка происходитъ весной: при этой торговлѣ китаецъ имѣетъ то преимущество, что чай, привозимый на рынокъ, никогда не остается у него на рукахъ, тогда какъ русскіе товары, частію по недостатку спроса, частію по хитрости китайцевъ, нерѣдко должны дожидаться второй и третьей ярмарки. Въ послѣднее время, вслѣдствіе увеличенія потребленія чая, цѣны на него значительно повысились. Черный чай изъ Маймачина, впрочемъ, много лучше того чая, который пьютъ въ Западной Европѣ. Этого чая нѣтъ на нашихъ рынкахъ, такъ какъ онъ растетъ въ сѣверномъ Китаѣ и легче доставляется на русскую границу, чѣмъ къ приморскимъ гаванямъ.

Почти всѣ товары, получаемые оптомъ отъ китайцевъ, привозятся въ Нижній-Новгородъ, и везутся преимущественно водою по Енисею, Оби и ихъ притокамъ вверхъ и внизъ, пока, наконецъ, достигнутъ Тюмени на Тоболѣ. Съ большихъ рынковъ европейской Россіи этимъ товарамъ приходится иногда совершать продолжительное странствованіе, пока они найдутъ себѣ потребителей. Такъ, напримѣръ, большое количество кирпичнаго чая изъ Нижняго-Новгорода отвозится въ Астраханскую губернію, чтобы услаждать вкусъ тамошнихъ калмыковъ.

ГЛАВА XIV.

Таймурская земля.—Миддендорфъ.

Зачѣмъ Миддендорфъ поѣхалъ въ Таймурскую землю?—Затрудненія и препятствія.—Достигли Ледовитаго моря.—Буря на Таймурскомъ озерѣ.—Лодка погибла.—Миддендорфъ одинъ подъ 75° с. ш.—Благодарные самоѣды спасли его.—Путешествіе къ Охотскому морю и обратный путь вдоль Китайской границы.—Климатъ и растительность Таймурской земли.

Немногіе изъ нашихъ читателей знаютъ, вѣроятно, что такое Таймурская земля? На картѣ Сибирскаго берега мы видимъ, что Новая Земля находится прямо противъ большой, выдающейся части материка, обращенной къ полюсу двумя длинными, мощными мысами. Это и будетъ Таймуръ, самая сѣверная и самая пустынная часть Сибири. Послѣднія хижины русскихъ рыбаковъ находятся при устьѣ Енисея, но весь рѣчной бассейнъ Таймура и нижняго теченія Хатанги и Пезины почти необитаемъ, если не считать нѣсколько десятковъ людей, которыхъ видѣлъ Бэръ, посѣтившій эту негостепріимную страну. Такъ на Хатангѣ жило всего 61, а по верхнему теченію Пезины 35 человѣкъ Русскихъ. Проводятъ-ли здѣсь эти несчастные круглый годъ, или-же заходятъ сюда на лѣто для рыбной ловли, къ сожалѣнію неизвѣстно, но кочевые самоѣды, являющіеся на берегахъ Таймура со стадами сѣверныхъ оленей, въ теплое время года, оставляютъ съ приближеніемъ зимы тундры крайняго сѣвера, гдѣ буря и метель не даютъ возможности жить человѣку.

Промышленнику дѣлать здѣсь рѣшительно нечего. Но для естествоиспытателя, желающаго изслѣдовать вліяніе климата на развитіе растительной и животной жизни, всѣ точки земнаго шара даютъ

научный матеріалъ; и потому не безъинтересна и Таймурія. Мы видѣли, что Беръ съ одной научной цѣлію, ѣздилъ на Новую Землю, чтобы по ту сторону 70° с. ш. изслѣдовать жизнь, развивающуюся подъ вліяніемъ *холоднаго берегового лѣта*. Интересные научные результаты этого путешествія возбудили желаніе сравнить ихъ съ результатами путешествія по возможно сѣверно-*континентальному климату;* а для этой цѣли Таймурская земля являлась наиболѣе удобной для изслѣдованія. Нелегко было найти дѣятеля, способнаго собрать здѣсь плоды для науки; для этого былъ нуженъ человѣкъ, одаренный рѣдкими способностями. Вотъ почему Петербургская Академія съ радостью приняла предложеніе Миддендорфа, который, какъ истинный рыцарь, вызвался на борьбу съ ужасами Таймурской земли. Онъ цѣлыя ночи проводилъ въ Лапландскихъ болотахъ, подкарауливая водяныхъ птицъ, а какъ пѣшеходъ былъ въ состояніи утомить самаго крѣпкаго моржебойца. Собственными руками, безъ посторонней помощи, онъ построилъ лодку, умѣлъ и управлять ею, и, будучи отличнымъ стрѣлкомъ, зналъ, что отъ его пули не уйдетъ дичь. Кто рѣшился бы проникнуть въ сѣверную пустыню безъ спутниковъ, запасовъ и перевозочныхъ средствъ, какъ это сдѣлалъ Миддендорфъ, который, увѣренный въ своихъ силахъ, взялъ съ собою только одного слугу; позднѣе къ нему присоединился датчанинъ Брандтъ.

4-го апрѣля 1843 г. это общество изъ трехъ человѣкъ отправилось по Енисейскому льду изъ Туруханска въ Дудино. Здѣсь спутники Миддендорфа заболѣли корью, которая не пощадила самыхъ отдаленныхъ самоѣдскихъ юртъ въ тундрѣ. Само собой понятно, что здѣсь нечего было и думать о серьезномъ леченіи, тѣмъ болѣе, что нельзя было терять времени, чтобы успѣть по зимнему пути достигнуть Хатанги. Больныхъ уложили въ обитые шкурами ящики, и общество, къ которому присоединились одинъ топографъ и три туруханскихъ казака, оставило 13 апрѣля, при 30 мороза, границу лѣсной области. Путешественники съ Тунгузами и Долганами ѣхали въ сѣверо-восточномъ направленіи по тундрѣ до Пезпны, а отсюда, переходя отъ одной самоѣдской стоянки до другой, достигли Коропнаго Филипповскаго (71°5′) на Богапидѣ, притокѣ Хеты, впадающей въ Хатангу. Здѣсь пришлось остановиться, такъ какъ всѣ спутники даже Миддендорфъ и Брандтъ заболѣли, и кромѣ того, необходимо было выждать лѣтней перекочевки самоѣдовъ къ сѣверу. Такъ какъ корь свирѣпствовала между жителями Хатанги, то выбрали путь по Таймуру, для плаванія по которому

построили остовъ лодки, которую взяли съ собою, уложивъ ее на сани запряженными сѣверными оленями, и только нѣсколько человѣкъ, подъ начальствомъ Брандта, осталось на Богаиидѣ для метеорологическихъ наблюденій.

Трудности путешествія по Таймуру, когда снѣгъ становился мягкимъ, на этотъ разъ еще усилились отъ эпидемической болѣзни. Изъ цѣлаго племени, высланныхъ впередъ самоѣдовъ, которые должны были ожидать экспедицію на рѣчкѣ Новой, изъ 35 человѣкъ только одинъ не заболѣлъ, 7 умерло, всѣ остальные были больны. Поэтому самоѣды не достигли вышеозначеннаго мѣста и не могли приготовить палаточныхъ стѣнокъ, заказанныхъ для дальнѣйшаго путешествія. Хорошо еще, что Миддендорфъ нашелъ ихъ стоянку, но вмѣсто помощи отъ нихъ, долженъ былъ самъ помогать имъ въ качествѣ врача. Въ путь отправились только 31-го мая; наканунѣ этого дня еще было—18° Р. при вѣтрѣ. Таймура достигли 14 іюня. Здѣсь остовъ лодки обшили досками изъ саней, но только 30 іюня вскрылась рѣка, а можно было отправиться по ней не ранѣе 7-го іюля.

Главною цѣлію этого лѣтняго путешествія было изслѣдованіе неизвѣстнаго теченія Таймура, но еще не достигли моря, какъ въ началѣ августа начались морозы, повторявшіеся затѣмъ каждую ночь. Между тѣмъ, недостаточная пища и нерѣдко до совершеннаго истощенія силъ доводящіе труды ослабили путешественниковъ, и появились болѣзни, послѣдствіе необходимости часто входить въ холодную воду при вѣтреной погодѣ, когда лодка, шедшая подъ парусами, врѣзывалась въ отмели, или-же когда нужно было пройти берегомъ по тянущимся плистымъ косамъ.

Два мѣсяца путешественники не знали палатки и проводили ночи, развѣшивая защиту отъ вѣтра на веслахъ и шестахъ. Къ тому же и рыбная ловля была плоха, такъ что вмѣсто заготовки запасовъ, должны были употреблять находящійся подъ руками провіантъ. Тѣмъ не менѣе, у путешественниковъ хватило мужества плыть далѣе, внизъ по рѣкѣ и 24 августа они достигли моря, по которому плыли до 76° с. ш. Но тутъ нужно было торопиться въ обратный путь, такъ какъ зима быстро приближалась. Такимъ образомъ, съ значительнымъ грузомъ плавучаго дерева они поплыли въ обратный путь 26-го августа. По счастью, дулъ попутный вѣтеръ, такъ какъ только съ его помощью, при распущенныхъ парусахъ удалось *Тундрѣ* (этимъ именемъ назвали лодку), пробраться черезъ двѣ стремнины въ мѣстахъ, гдѣ рѣка съуживалась крутыми

береговыми скалами, и гдѣ нѣсколько разъ обрывалась лямочная бичева, а лодку относило назадъ. 31 августа сильный порывъ вѣтра изъ разсѣлины скалъ бросилъ *Тундру* на утесъ, отчего сломался руль. Люди испытывали холодъ, сырость и голодъ; ежедневно шелъ снѣгъ.

Второго сентября доплыли до пещеры и здѣсь привели въ порядокъ лодку, которая теперь сидѣла глубже обыкновеннаго, такъ какъ края ея покрылись ледяной корой.

4-го сентября, когда путешественники во время бури хотѣли обогнуть, съ распущенными парусами, скалистый островъ на Таймурскомъ озерѣ, то волны были такъ сильно, что лодка врѣзалась въ песчаную мель, и тѣмъ удалось людямъ спастись отъ гибели. Буря при —2° и—3° Р., въ полдень, превратило ихъ совершенно промокшее платье въ обледенѣлую кору. Такія затрудненія принудили путешественниковъ остановиться на нѣсколько дней, пока не затихла буря. Рыболовная сѣть и двухствольное ружье доставляли все менѣе и менѣе припасовъ.

8-го сентября Миддендорфъ, охотившійся, по высотамъ, за куропатками, увидѣлъ въ трубу серебристую полосу льда, такъ какъ озеро уже покрывалось льдомъ. На слѣдующій день должно было сняться съ якоря, не смотря на вѣтеръ и дурную погоду. На веслахъ шли къ западному берегу, пока ледъ не преградилъ пути. Старались вдоль края ледянаго поля приблизиться къ рѣкѣ, которая еще не замерзла. Тутъ наступило совершенное безвѣтріе, Миддендорфъ съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ только-что пройденное пространство воды покрывалось тонкимъ сплошнымъ слоемъ льда. Опасность замерзнуть среди озера заставила путешественниковъ вернуться назадъ, чтобы найдти мѣсто, гдѣ узкая полоса льда отдѣляла фарватеръ отъ непокрытаго льдомъ пространства. Пробиваясь черезъ свѣжій тонкій слой льда, они достигли такого мѣста и начали прорубать далѣе старый ледъ. Оставалось прорубить нѣсколько сажень, какъ ледъ пришелъ въ движеніе и раздробилъ лодку. Вмѣстѣ съ лодкою погибли и сѣти; эта потеря была тѣмъ тяжела, что она лишала возможности получать припасы, зарытые въ различныхъ мѣстахъ, пока рѣка Таймуръ не замерзнетъ окончательно. Единственною надеждою на спасеніе оставалось еще встрѣтиться съ самоѣдами на рѣкѣ, и чтобы успѣть настичь кочевниковъ, наскоро сдѣлали салазки и 10 сентября отправились въ путь.

Погода была отвратительная, острыя окраины льда рѣзали сани, и не болѣе какъ черезъ 3 версты они сломались.

Усиленная работа въ лодкѣ, фуражировка съ ружьемъ, голодъ и тревога уже двѣ недѣли подрывали здоровье Миддендорфа, совершенная безсонница истощила послѣднія силы, такъ что 11-го сентября онъ почувствовалъ совершенную невозможность продолжать путь. Рыболовныя сѣти погибли, потеря силъ Миддендорфа лишила путешественниковъ послѣдняго источника добывать пищу. Въ перспективѣ предвидѣлась только смерть отъ голода.

Остатки крѣпкаго бульона, отложенные на крайній случай, раздѣленные на 5 равныхъ частей, вѣрная собака Миддендорфа, дрессированная для зоологическихъ цѣлей, и составлявшая ходячій запасъ мяса, была прирѣзана. Кровь и костяной наваръ были съѣдены сообща, а мясо раздѣлили на равныя части, и съ узелками платья на спинѣ экипажъ 12 сентября отправился въ путь, оставивъ своего больного предводителя близъ 75° с. ш. совершенно одного въ снѣжной пустынѣ. Собственное спасеніе ученаго зависило отъ встрѣчи экипажа съ самоѣдами, которые могли бы выслать къ нему навстрѣчу сани.

Миддендорфу оставалось только, какъ можно лучше устроиться въ пустынѣ, и найдти мѣстечко, защищенное отъ вѣтра.

15-го сентября все озеро покрылось льдомъ. Силы больного совершенно исчезли, въ теченіи 3 дней онъ не могъ подняться съ мѣста, чтобы достать себѣ воды. Въ эти дни постоянно продолжалась метель, и она занесла Миддендорфа снѣгомъ. Въ безсонныя ночи онъ думалъ, что сойдетъ съ ума. Тягостное чувство сдѣлалось невыносимымъ, пока ему не пришла въ голову спасительная мысль. Онъ зажегъ остатки дровъ, разстаялъ на огнѣ нѣсколько снѣгу и влилъ сюда спиртъ изъ естественно историческихъ препаратовъ. Напитокъ подкрѣпилъ силы и успокоилъ Миддендорфа. Онъ впалъ въ глубокій сонъ и проснулся безъ лихорадки съ возобновленными силами.

Восьмнадцать дней провелъ онъ среди опасности умереть съ голоду или замерзнуть. Съ возстановленіемъ здоровья возобновился и аппетитъ, но ѣсть рѣшительно было нечего. Миддендорфъ уложилъ въ маленькія салазки платье, ружье, порохъ, дробь и записную книжку и отправился, медленно и часто отдыхая, въ путь. Къ полудню на хорошо знакомомъ склонѣ горъ онъ замѣтилъ три движущіяся точки, которыхъ прежде не видалъ. Это былъ Тойчунъ, самоѣдскій старшина, которому Миддендорфъ помогалъ въ корп. Тойчунъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ спутниковъ путешественника, велъ къ нему на помощь трое саней. За недостаткомъ исландскаго моха

олени дикаря безъ корма прошли 150 верстъ. Экипажъ уже на четвертый день встрѣтился съ самоѣдами, но метель задержала ихъ въ пути. 1-го октября Миддендорфъ достигъ юрты, а 10-го все общество простилось на всегда съ негостепріимнымъ Таймуромъ.

Черезъ десять дней 20 октября путешественники достигли опушки лѣса, и 21 октября, проведя 5 мѣсяцевъ въ палаткѣ, или подъ открытымъ небомъ, они взошли въ дымныя юрты на Боганидѣ, гдѣ самоѣды угостили ихъ только что испеченымъ хлѣбомъ. 22 ноября вся экспедиція сошлась въ Туруханскѣ. Физическія страданія въ продолженіи Таймурскаго путешествія прошли не такъ скоро, кромѣ поноса и ревматизма всѣхъ возможныхъ видовъ, всѣ путешественники во время и послѣ зимняго путешествія страдали странною болѣзнью: послѣдніе суставы всѣхъ пальцевъ рукъ и ногъ совершенно онѣмѣли, такъ что потеряли всякое осязаніе. Только у топографа болѣзнь пошла далѣе, у него пальцы на ногахъ покрылись пузырями, какъ отъ обжоги.

Миддендорфъ пробылъ въ Туруханскѣ столько времени, сколько необходимо было, чтобы запастись свѣжими силами для новаго путешествія, и уже 1-го января 1844 года онъ пуститься въ Якутскъ, чтобы снова отправиться въ путешествіе къ Удскому острогу и на Шантарскіе острова. Путь по гористой пустынѣ къ Удскому острогу не былъ опасенъ, но почти такъ-же труденъ, какъ по арктической тундрѣ. Переѣхавъ черезъ Алданъ и черезъ покрытыя снѣгами горы, экспедиція счастливо достигла Учурской долины 27 мая. 30 мая при восхожденіи на Становой хребетъ путь сдѣлался труднымъ.

Поваленныя деревья, крутые склоны, кучи камней утомляли вьючныхъ животныхъ, какъ утомляли ихъ болота, въ которыхъ они вязли, и откуда приходилось ихъ вытаскивать. Затрудненія достигли крайней степени, когда вздувшаяся Солурная преградила имъ путь, и они вынуждены были оставить издавна пробитую тропу. Съ топоромъ въ рукахъ приходилось работать для разчистки пути и лошадямъ съ вьюками въ 250 фунтовъ пришлось лазать со скалы на скалу, какъ козамъ. Въ Удскомъ построили кожаную лодку, для которой матеріалъ (за исключеніемъ дерева) былъ привезенъ изъ Якутска, и экспедиція, увеличивавшаяся казаками, Якутами и Тунгузами до 12 человѣкъ поплыла внизъ по Удѣ до моря. Уже съ высоты видно было, что даже подъ 55° морской горизонтъ ограничивался льдомъ, и путешественники должны были прождать на берегу 13 дождливыхъ дней, пока не перемѣнился вѣтеръ, и явилась возможность поднять паруса. Морской берегъ 31 іюля былъ покрытъ

на 400 саженей въ вышину выброшенными моремъ льдинами, а по морю плавали глыбы льда. Туманъ мѣшалъ дальнѣйшему плаванію, экспедиція едва не погибла. Океанъ былъ такъ непривѣтливъ. Большая часть береговъ материка поднимается изъ моря вертикальными утесами въ нѣсколько сотъ футовъ высоты. Каждый мысъ, какъ рифъ тянулся въ море, частью подъ водой, а частью далеко отъ берега, и какъ маякъ поднимался высокимъ утесомъ. Вся страна богата живописными видами. Небольшіе островки, не смотря на незначительную глубину моря, круто поднимаются изъ него. Въ узкихъ проливахъ быстрое теченіе, соединяясь, съ ними съ силою поднимается на высоту 3 саженъ и дѣлаетъ до 12 верстъ въ часъ. Около мысовъ шумятъ настоящіе водопады. Море было гораздо холоднѣе лапландскаго Ледовитаго моря (въ быстринахъ $+2^{\circ}$,$+2^{\circ}$, Р., по окраинамъ на градусъ больше). Лѣтомъ идутъ частые дожди, перемежающіеся густыми туманами. Съ 10 іюля по 30 августа было всего 8 дней безъ дождя, и если въ эти дни въ защищенной бухтѣ, за мощными стѣнами скалъ, термометръ поднимался до $+18^{\circ}$,то эти свѣтлыя минуты печезаютъ въ ежедневномъ результатѣ $+3^{\circ}$ до $+5^{\circ}$ въ іюлѣ! Не удивительно послѣ этого, что хлѣбъ никогда не родится въ Удскомъ. Въ этомъ непривѣтливомъ для человѣка морѣ находится множество тюленей и бѣлухъ. 25 іюля мимо стоянки Миддендорфа послѣднихъ прошло болѣе тысячи; въ теченіи цѣлаго дня они со стономъ преслѣдовали лососей, шедшихъ въ Удскую бухту. Въ тотъ-же день киты также двинулись въ ходъ, для преслѣдованія появившихся вдали косатокъ. Послѣднія держались на высотѣ, а киты такъ тѣснились къ берегу, что нѣкоторые изъ нихъ засѣли на рифахъ. Болѣе $4^{1}/_{2}$ часовъ длился непрерывный ходъ китовъ, всего прошло ихъ до 800.

Медвѣдь, царь звѣрей, этихъ странъ; безъ него невозможно было бы проникнуть во внутренность ихъ, такъ какъ пробитыя имъ тропы служатъ здѣсь почтовыми дорогами. Склоны покрыты такимъ непроходимымъ кустарникомъ, что, несмотря на обиліе дичи, вся береговая полоса почти никѣмъ не посѣщается, и даже лѣтомъ совершенно необитаема.

Понятно, что здѣсь нечего было дѣлать съ большой лодкой. Брандтъ возвратился въ Якутскъ, а Миддендорфъ съ топографомъ на маленькой байдарѣ поплылъ къ югу, и черезъ 3 дня достигъ рѣки, и открылъ хорошую гавань на китайской границѣ. На рѣкѣ Тугурѣ онъ встрѣтилъ живущихъ тамъ гиляковъ и купилъ у нихъ пару морскихъ орловъ. Гиляки убиваютъ выросшихъ орловъ, вы-

щипываютъ у нихъ правильныя и маховыя перья, которыя должны быть совершенно цѣлы, нанизываютъ ихъ на нить и отвозятъ для продажи японскимъ морякамъ, которые скупаютъ ихъ по дорогой цѣнѣ.

Гиляки считаютъ себя большими мастерами въ пѣніи, которое состоитъ изъ послѣдовательныхъ посовыхъ и гортанныхъ трелей, съ прибавкой всхрапываній и удушливыхъ тоновъ, которые преимущественно производятся небной занавѣской. Гиляки не любятъ признавать себя китайскими подданными, и только кулачное право имѣетъ у нихъ значеніе. Желудокъ ихъ очень неприхотливъ, если нѣтъ ничего лучшаго, они питаются мохомъ съ деревьевъ.

Миддендорфъ, возвратившись послѣ такого интереснаго плаванія въ Удскій острогъ, предпринялъ новое большое путешествіе, какого никто до него не дѣлалъ, и, вѣроятно не легко найдетъ себѣ подражателей въ будущемъ. Онъ рѣшился проѣхать нѣсколько тысячъ верстъ по южной границѣ Русскаго царства черезъ безлюдную, лишенную дорогъ, пустыню и притомъ зимой.

Мы не будемъ утомлять читателя перечнемъ названій малоизвѣстныхъ рѣкъ, пройденныхъ неутомимымъ путешественникомъ, и горъ, встрѣтившихся на его пути; достаточно замѣтить, что Миддендорфъ, достигнувъ 26 января самыхъ дальныхъ казачьихъ постовъ при сліяніи Шилки съ Аргуномъ, въ первый разъ послѣ 6-тимѣсячнаго путешествія отдохнулъ подъ крышей. Въ сопровожденіи якутскихъ и тунгузскихъ оленьихъ и лошадиныхъ погонщиковъ, онъ рѣдко встрѣчалъ на пути своемъ человѣка, за то часто видалъ медвѣдей и хищныхъ птицъ.

Дальнѣйшее путешествіе Миддендорфа не выходитъ изъ уровня обыкновенныхъ путешественниковъ. 13 апрѣля 1845 г. Онъ возвратился въ Петербургъ, сдѣлавъ въ теченіи 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ 28.000 верстъ, и болѣе тысячи верстъ по безплоднымъ и бездорожнымъ пустынямъ.

Но мы отклонились отъ Таймурской земли. Наше описаніе было бы не полно, если бы мы пропустили интересное сравненіе этой страны крайняго сѣвера по климату и продуктамъ съ Новой Землей.

На рѣкѣ Таймурѣ особенно поразительно различіе между свѣтомъ и тѣнью. При 30° Р. въ тѣни, уже таетъ на горныхъ склонахъ, обращенныхъ къ солнцу. Сильными бурями почти лишенныя снѣга вершины холмовъ и крутые утесы сильно нагрѣваются полуденнымъ солнцемъ въ половинѣ іюня, когда средняя температура все еще не болѣе 0°. На солнечной сторонѣ Таймура подъ 74° с. ш.

вовсе нѣтъ снѣга, нога тонетъ въ глинѣ, кругомъ шумятъ ручьи; вода въ рѣкѣ поднимается на 3—6 саженей надъ зимнимъ уровнемъ, и тяжелый ледяной покровъ долженъ взломаться. Съ 18 іюня термометръ не спускался ниже 0°, и только черезъ 2 мѣсяца, 20 августа наступилъ первый ночной морозъ, за которымъ черезъ полторы недѣли послѣдовалъ первый дневный морозъ. Послѣднія двѣ недѣли іюля, и первые дни августа составляютъ такъ сказать ядро лѣта. Высшая температура въ тѣни была+9°,2 Р. 22 іюня Миддендорфъ боспкомъ и въ нижнемъ платьѣ ловилъ бабочекъ (74° 5′ с. ш.), термометръ показывалъ на солнцѣ + 16°, а около самой земли + 24°. Въ половинѣ сентября температура спустилась до—15°.

Замѣчательна сырость воздуха. Въ маѣ ежедневно снѣжные туманы наполняли мутную атмосферу. Солнце вечеромъ и къ ночи имѣло видъ и форму пламени огромной свѣчи, выходящей изъ земли, и свѣтящей въ паровой банѣ. Солнечныя *уши* (holo) по той же причинѣ были ежедневнымъ явленіемъ. Они поднимались вертикально вверхъ, играли радужными цвѣтами, а въ серединѣ расширялись въ побочныя солнца. Въ іюнѣ эти снѣговые туманы переходили въ паровые туманы, изъ которыхъ падалъ на землю въ формѣ дождевой пыли. Въ маѣ, іюнѣ и первыя три недѣли іюля, было только три дня, въ которые можно было измѣрить высоту солнца.

Движеніе воздуха здѣсь также довольно сильное. Лишь только солнце скроется за облако, какъ дѣлается порывистый вѣтеръ.

Къ концу августа началась борьба сѣвернаго и южнаго теченія воздуха, пока наконецъ бури достигли такой силы, какой Миддендорфъ никогда не испытывалъ ранѣе. Здѣсь нѣтъ лѣсовъ, а скалы мужественно выдерживаютъ напоръ вѣтра, сдувающаго снѣгъ на сотняхъ квадр. верстъ, который образуетъ такую плотную массу, что выдерживаетъ человѣка и животныхъ.

Даже подъ 74° ледъ, ни на озерахъ, ни на рѣкахъ не бываетъ толще 8 футовъ, подъ большимъ снѣгомъ онъ еще тоньше: фактъ очень хорошо знакомый самоѣдамъ, которые именно въ такихъ мѣстахъ рубятъ проруби, когда нужно доставать воды. Всѣ озера, не имѣющія 8 футовъ глубины, могутъ вымерзать, прочія озера никогда не замерзаютъ до дна. Между тѣмъ, сибирская тундра представляетъ безконечную поверхность зыбкихъ моховыхъ болотъ. Таймурская страна представляетъ, большею частью, сухую возвышенность, покрытую травой и лишаями. Грязные, желтовато-бурые лишаи мало отличаются отъ желтыхъ, уже завявшихъ травъ. Только

въ незамѣтныхъ углубленіяхъ почвы, куда стекаетъ весенняя вода, свѣжая зелень беретъ перевѣсъ. Травяныя былинки гуще и травяной покровъ въ 3 и уже 4 дюйма вышиной вытѣсняетъ мхи. Обветшалый коверъ тундры изрѣдка покрытъ маленькими пятнами цвѣтущихъ Dryas ostopetala или Cassiope tetragona; рѣже встрѣчается исландскій мохъ, и только какъ исключеніе, такъ что трудно, являются растительныя карикатуры въ видѣ Ranunculus pygmaeus и тому подобныя. Тундра убійственно скучна и похожа на бумагу, испачканную грязными сѣро-желтыми пробами кисти живописца.

Совершенно иной видъ имѣютъ склоны и обвалы, которые отражаются въ водѣ рѣки и озера Таймура (73°, и 76°) и защищены отъ раннихъ и позднихъ морозовъ. Здѣсь ярко-зеленая поверхность испещрена всѣми возможными цвѣтами; подъ роскошной листвой красуются ярко-желтыя сиверсіи, красивые виды Oxytropis и Pedicularis, желтыя и голубыя кампеломки, красныя пуговки Armeria alpina, прелестныя формы Pyrethra ambigua, Erigeron uniflorum и др. сложноцвѣтныхъ; здѣсь голостебельный макъ и самый красивый Delphinium Middendorfii, нерастущіе, какъ карлики, а достигающіе высоты одного фута, украшаютъ склоны. Островокъ на Таймурскомъ озерѣ (74°5′) казался густо засѣяннымъ Sinecia. Мы сорвали нѣсколько растеній, которыя возвышались надъ другими, они имѣли болѣе полутора фута высоты. До 40 цвѣтковъ (1 дюймъ въ поперечникѣ) красовалось на одномъ стеблѣ толщиною въ дюймъ.

Песцовыя норы узнаются издали по роскошному росту Alopecuris, Aira, Festuca, что обусловливается разрыхленіемъ почвы, животной теплотой, отвратительными амміакальными испареніями и удобреніемъ отъ остатковъ добычи.

Вообще растительность здѣсь развивается особенно быстро; только что раскрывшійся цвѣтокъ, какъ будто предчувствуя близость осени, уже отцвѣтаетъ на другой день. 30 іюня на Таймурѣ зелень была едва замѣтна, а уже 3 іюля цвѣли различные виды: Draba, Sieversia и Rumex, за которыми ежедневно слѣдовали другіе. 27 іюля масса сиверсій отцвѣла, а различные драбы и кардамины завязались. 21 августа на известковыхъ горахъ уже все приняло ярко-красный цвѣтъ. На роскошную растительность, здѣсь, повидимому, не имѣютъ вліянія страны свѣта, куда обращены склоны. Источникъ свѣта и теплоты дѣйствуетъ безъ перерыва, что составляетъ главную особенность Таймура.

ГЛАВА XV.

Якуты.

Живучесть якутской національности.—Происхожденіе.—Лѣтнія и зимнія жилища.—Якутская лошадь.—Невѣроятная привычка якутовъ къ холоду.—Ловкость въ ремеслахъ.—Кинжалы, ножи и ковры.—Якутскія обжоры.—Суевѣрный страхъ.—Якутская рѣчь.—Береговой якутъ.

Изъ всѣхъ полудикихъ племенъ, обитающихъ на крайнемъ сѣверѣ, якуты представляютъ намъ замѣчательный примѣръ покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ народа—мало подвергшагося вліянію завоевателей, но напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу. Такъ въ Якутскѣ или городѣ *якутовъ* болѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски; почти всѣ тамошніе ремесленники—якуты, всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ Якутскую область, онъ встрѣчалъ русскихъ только по происхожденію; трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинское, найти проводника, говорящаго по-русски. Въ пустынѣ, между Якутскомъ и Охотскомъ, не только тунгузы и ихъ жены говорили по-якутски, но и въ самой прислугѣ путешественника находился тунгузъ, непонимавшій другого языка, кромѣ якутскаго.

Ни одинъ русскій не задумается вступить въ бракъ съ якуткою. Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро перенимаютъ у русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, немногаго требующіе, якуты производятъ такого рода мирныя завоеванія. Своими склонностями, хитростью,

ловкостью и даже безстыдствомъ, якуты, особенно городскіе, напоминали Миддендорфу жидовъ.

Народъ, который не только сохранилъ свою національность, но даже умѣетъ господствовать надъ побѣдителями, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе бы ни были недостатки этого народа, нельзя отнестись къ нему безъ уваженія.

Откуда происходятъ якуты? Физіономія и языкъ ихъ подтверждаютъ преданія, что они принадлежатъ къ тюркскому или татарскому племени. Разсказываютъ, что какой-то татаринъ, по имени Сахаларъ, поселился на Ленѣ, женился на тунгузкѣ и сдѣлался родоначальникомъ якутовъ, которые доселѣ называютъ себя *Сахаларами*.

Первоначально они жили на Байкалѣ и Ангарѣ, затѣмъ, вытѣсненные болѣе сильными ордами, поднялись къ Ленѣ, вытѣсняя, въ свою очередь, омоковъ, юкагировъ и чувашей.

Главные пункты средоточія якутовъ, въ настоящее время, находятся по Вилюю, Алдану, Ленѣ и Индигиркѣ. На крайнемъ сѣверѣ послѣднія якутскія хижины разсѣяны отъ Хатанги до Колымы. Ихъ насчитываютъ до 180.000 душъ, и они составляютъ преобладающую часть народонаселенія огромной Якутской области.

Якуты пастушескій народъ, ихъ богатства заключаются преимущественно въ лошадяхъ и рогатомъ скотѣ. Необщительные и скрытные якуты живутъ какъ-то спорадически; но, однако, гостепріимны и стараются угодить заѣхавшему къ нимъ путешественнику. Большія поселенія встрѣчаются довольно рѣдко; только между Якутскомъ и Алданомъ, гдѣ населеніе гуще, мѣстами попадаются роды по нѣсколько юртъ вмѣстѣ. По ту сторону Верхоянскаго хребта, отдѣльныя юрты иногда находятся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ другъ отъ друга, такъ что нерѣдко ближайшіе сосѣди не видятся между собою.

Лѣтомъ якуты-пастухи живутъ въ уросахъ, легкихъ, конусообразныхъ палаткахъ на шестахъ, покрытыхъ березовой корой. Съ такими палатками якуты кочуютъ по травяной степи, запасая сѣно на зиму. Скотоводство подъ 62° с. ш. достается имъ съ несравненно большимъ трудомъ, нежели другимъ пастушескимъ народамъ. Сѣна едва хватаетъ на зиму, а съ марта до мая скотъ питается ивовыми и березовыми побѣгами.

Съ наступленіемъ холодовъ якуты переходятъ въ теплую *юрту*, построенную изъ тонкихъ бревенъ, имѣющую форму усѣченной пирамиды; сверху она обложена толстымъ слоемъ дерна, глины и

травы. Вмѣсто оконъ вставляется пара льдинъ, которыя, при наступленіи оттепели, замѣняются рыбьими пузырями или промасленной бумагой. Полъ обыкновенно углубленъ на два или на три фута въ землю, у зажиточныхъ, напротивъ, онъ возвышенъ и выстланъ изъ досокъ.

Вдоль стѣнъ устроены скамьи и постели. Въ центрѣ юрты помѣщается очагъ, труба котораго проходитъ въ крышу. По стѣнамъ висятъ одежды и оружіе. Все валяется въ совершенномъ безпорядкѣ и нечистотѣ. Снаружи, около юрты находятся навѣсы для коровъ, которыя въ сильные холода загоняются въ юрту. Лошади остаются на холодѣ, даже когда замерзаетъ ртуть, онѣ ходятъ подъ открытымъ небомъ, и сами, разрывая снѣгъ, ищутъ, побитую морозомъ, осеннюю траву. Эти животныя, пріученныя къ лишеніямъ всякаго рода, мѣняютъ шерсть, какъ и всѣ другіе звѣри крайняго сѣвера. Лошади здѣсь всегда сыты и сильны, хотя во время трудныхъ, нерѣдко мѣсяца три длящихся, путешествій питаются исключительно сухой полусгнившей травой. Онѣ до старости сохраняютъ зубы и остаются бодрыми. Круглымъ числомъ здѣсь лошадь служитъ 30 лѣтъ.

Вообще якутскія лошади представляютъ намъ замѣчательный примѣръ выносливости. Несмотря на затруднительные пути, здѣсь лошадь ѣстъ вмѣсто овса хвощи, кору лиственницы, новыя вѣтви и старую траву. Эти лошади, безъ отдыха проскакавшія 40 верстъ, ѣдятъ одну траву, и покрытые пѣной стоятъ безъ покрышки при 40° мороза.

Здѣсь, впрочемъ, можно перевернуть пословицу, каковъ слуга, таковъ и господинъ, такъ какъ якутъ не менѣе пріученъ къ лишеніямъ всякаго рода, какъ и его лошадь.

«9 декабря», говоритъ Врангель, «при—33° мы провели ночь на открытомъ, не защищенномъ отъ сѣвернаго вѣтра, плоскомъ пастбищѣ, вокругъ костра. Я имѣлъ случай наблюдать на сопровождавшихъ насъ якутахъ, насколько человѣкъ можетъ пріучиться къ холоду и лишеніямъ. Якуты не берутъ съ собой въ самыя далекія зимнія поѣздки ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Во время своего путешествія онъ носитъ свое обыкновенное домашнее платье и почти всегда проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попона служитъ ему постелью, деревянное сѣдло подушкой. Мѣховой курткой, которая днемъ служила ему платьемъ и которую снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ себѣ спину и плечи, а переднею частью тѣла, почти совершенно

раскрытою, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и, согрѣвшись почти до поту, якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лицо, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія; вотъ все, что якуту нужно, чтобы не замерзнуть во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ. Даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. Много разъ я видалъ, какъ они спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ, при—20°, короткая куртка свалилась съ плечъ, костеръ потухъ и почти обнаженное тѣло спящаго покрылось толстымъ слоемъ инея».

«Къ физическимъ преимуществамъ якутовъ должно отнести и необычайно острое зрѣніе. На столько же удивительна ихъ память, особенно память мѣстности: лужа, камень, одинокій кустъ глубоко врѣзываются въ памяти этого дикаря, и спустя годы, вѣрно направляютъ его путь по неизмѣримой степи».

Способностью къ ремесламъ якуты превосходятъ всѣ другіе сибирскіе народы, а нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить награды на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Задолго до покоренія Сибири русскими, якуты умѣли ковать ножи, топоры и другія орудія изъ вилюйской желѣзной руды. Эти желѣзныя издѣлія, отъ качества-ли матеріала, или отъ превосходной обработки, не ломаются даже въ самые сильные холода; качество, котораго не имѣютъ даже лучшіе англійскіе топоры. Рукоять якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черной кожей, для прочности ихъ стягиваютъ жестяными полосами.

Якуты большіе мастера приготовлять совершенно непромокаемыя кожи. Для своихъ *сымыра* или ведеръ, они берутъ только что содранную конскую шкуру и опускаютъ ее на нѣсколько дней въ воду, послѣ чего волосъ легко отстаетъ. Затѣмъ шкура вывѣшивается для просушки на воздухъ, потомъ вымачиваютъ ее въ крови такъ, чтобы послѣдняя совершенно пропитала шкуру и наконецъ, долгое время ее коптятъ въ дыму. Въ ведрѣ, сдѣланномъ изъ такой кожи, можно держать даже масло. Изъ той же кожи приготовляютъ превосходныя подошвы. Голенища дѣлаются изъ шкуръ жеребятъ, которыя точно также вымачиваются въ крови и коптятся въ дыму, послѣ чего ихъ нѣсколько разъ натираютъ смѣсью древеснаго угля и жира, а наконецъ, коптятъ еще разъ. Изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ кожъ якутскія женщины дѣлаютъ ковры, вывозимые даже въ Европу.

Едва-ли нужно говорить, что въ странѣ столь обильной пуш-

ными звѣрями, привычный къ непогодамъ, зоркій и смышленый якутъ, со страстью, неутомимостью и необыкновеннымъ искусствомъ предается охотѣ.

Напротивъ, разведеніе сѣверныхъ оленей нигдѣ не удавалось якуту; для него лошадь составляетъ то-же самое, что моржъ для берегового чукча, верблюдъ для бедуина и тюлень для гренландца. На лошади якутъ возитъ вьюки и ѣздитъ верхомъ, изъ кожи шьетъ себѣ одежду, изъ волосъ плететъ рыболовныя сѣти, вареная копина составляетъ его любимую пищу, а кобылье молоко (кумысъ) любимый напитокъ. Изъ кумыса варенаго съ мукой и съ лубомъ пихты и лиственницы приготовляется похлебка или *саламата*, въ которую иногда прибавляютъ сушеной рыбы и ягодъ. Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается масса прогорклаго жира, и неумѣренное употребленіе его якутъ считаетъ за высшее блаженство, которое вообще онъ находитъ только въ ѣдѣ. Симпсонъ призвалъ къ себѣ въ Якутскъ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла, каждому дали ровно по пуду мяса, а масло должны были пить, или ѣсть большими ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ. Послѣдній сначала имѣлъ преимущество. «У него зубы хороши», сказалъ старикъ, «но съ помощью святыхъ (здѣсь онъ перекрестился, я его скоро догоню». Когда половина была съѣдена Симпсонъ оставилъ благодарныхъ гостей надзору своего секретаря; вернувшись часа черезъ два, онъ увидѣлъ, къ немалому удивленію, что все было съѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за сытный обѣдъ

Послѣ такого турнира, бойцы три дня пробыли въ какомъ-то полусознательномъ состояніи безъ пищи и питья и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе. Это не единичный случай обжорства якутовъ. При каждой богатой свадьбѣ, двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ должны увеселять гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ женихъ, другого невѣста, и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе.

Кромѣ путешествія, якуты занимаются также перевозкою людей и товаровъ къ востоку отъ Лены. Въ Якутскѣ оканчивается ѣзда на телѣгахъ и саняхъ, отсюда нѣтъ болѣе проложенныхъ дорогъ, а только пѣшеходныя тропы черезъ болота, лѣса и густой кустарникъ, такъ что болѣе ровной мѣстности можно достичь только верхомъ; затѣмъ дальнѣйшій путь совершается на саняхъ запряженныхъ оленями и собаками.

Только съ помощью якута и его лошади, русскіе достигли Охотскаго моря, а отсюда проникли на Алеутскіе острова и въ Америку. Безъ якута русскимъ-бы не видать ни Индигирки, ни Колымы, и не узнать бы чукчей и западныхъ эскимосовъ. Ежегодно тысячи навьюченныхъ лошадей проходятъ черезъ Становой хребетъ въ Охотскъ, при неслыханныхъ трудностяхъ этого пути.

Не боится якутъ ни леденящаго мороза ночи, ни голода, который переноситъ съ большимъ стоицизмомъ, не страшится онъ также бури на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, безкопечной лѣсной чащи и глубины болотъ. Мужественно идетъ якутъ противъ естественныхъ препятствій, затрудняющихъ его путь въ пустынѣ, но онъ дрожитъ передъ невидимымъ міромъ лѣшихъ и горныхъ духовъ.

На высотахъ, поросшихъ лиственницами и елями, видишь дерево, увѣшенное длинными конскими волосами. Чтобы это значило? Якутъ, ведущій караванъ, разрѣшитъ намъ эту загадку. Онъ останавливается, слѣзаетъ съ лошади, вырываетъ нѣсколько волосъ изъ гривы и благочестиво вѣшаетъ ихъ на вѣтвь—это жертва, принесенная горному духу, молитва о благополучномъ окончаніи путины. Пѣшеходы-якуты, идущіе съ караваномъ, съ тою же цѣлью втыкаютъ въ землю палочки. Эти церемоніи замѣняютъ длинныя молитвы монголовъ на молитвенныхъ холмахъ. Якутскія молитвы лучше, потому что короче.

Даже якуты-христіане приносятъ тѣ же знаки почтенія, уже вышедшему въ отставку, горному духу, какъ и вообще старой вѣрѣ въ шамановъ, а у якутовъ-христіанъ глубоко гнѣздится въ сердцѣ безпредѣльный страхъ передъ всякаго рода злыми духами.

Во всю дорогу якуты поютъ, почти не переставая. Въ монотонномъ печальномъ напѣвѣ ихъ пѣсенъ выражается сбрытный суевѣрный народный характеръ. Слова пѣсенъ болѣе разнообразны и поэтичны; ими обыкновенно воспѣваются красоты природы, высокій роскошный ростъ деревьевъ, журчанье рѣки, высоты горъ. Пѣвцы, по большей, части импровизаторы, чтобы ублажить горнаго духа, восхваляютъ пустыню, по которой проходятъ, называя прекраснѣйшей страною въ мірѣ, а лужи—кристальными озерами.

Якуты расточаютъ не мало похвалъ и медвѣдю. Никогда не забудутъ они низко поклониться, проходя мимо его берлоги, и прозой и стихами воспѣть храбрость и благородство «любимаго дядюшки».

Въ путешествіи Миддендорфа мы находимъ прекрасный обра-

зецъ таланта якутовъ произноситъ рѣчи. Сценой служитъ дикая нагорная сибирская мѣстность, гдѣ отдыхаетъ караванъ послѣ дневнаго пути.

Передъ ужиномъ якутскій Демосфенъ приноситъ жертву лѣснымъ и горнымъ духамъ.

«Вообразите»,—говоритъ знаменитый путешественникъ,—«надъ нами обнаженныя вершины Гинкана; дикіе пропасти и утесы вокругъ; на переднемъ планѣ щиплютъ траву сѣверные олени (это было на китайской границѣ оленьихъ тунгузовъ) и дерево богато убрано, приносимыми въ жертву гривами. Якутъ, одѣтый въ кожу, стоитъ передъ костромъ, онъ держитъ рѣчь, въ то время, какъ передъ нимъ другой якутъ поднимаетъ къ небу горячую саламату. Вообразите, въ то же время, клокочущее жертвенное масло въ видѣ отвѣта умоляемыхъ духовъ. Наконецъ, представьте себѣ, что послѣ рѣчи бросается вверхъ ложка, и если она упадетъ выдолбленною стороною вверхъ, то это хорошее предзнаменованіе, которое встрѣтятъ присутствующіе долгимъ *уруи!!* и радостнымъ крикомъ оратора, ставящаго ложку стойкомъ на затылокъ. За этимъ послѣдуетъ животное поглощеніе саламаты и облизываніе, и выскребаніе ложекъ, тарелокъ, котла».

Вотъ рѣчь оратора:

«Бабушка Кербе, отъ вѣка древняя. И ты дѣдушка Бурея (обѣ рѣки), равный первой годами. Пошлите милость намъ путешествующимъ по вашимъ скрытымъ оврагамъ, защитите, одарите счастьемъ и благословите насъ! Мы идемъ во имя великаго духа! Вы стекающіе съ пѣніемъ съ высокихъ горъ! во имя ваше, мы идемъ, пусть 9 разъ счастливо будетъ наше шествіе.

«И ты, живущая на нашемъ пути, ты вдругъ и повсюду являющаяся, и подобно снѣгу исчезающая, необходимо быстрая волшебная дѣва Сырпнай; ты быстро бѣгущій Курхачи, и вы гномы, живущіе справа на 9, а слѣва на 8 горахъ, будьте милостивы къ намъ!

«Я васъ всѣхъ угощаю заразъ (въ это время изъ торжественно поднятаго котла бросается на огонь три ложки масла и саламаты). Кушайте!—лакомьтесь! — но не пробуйте разборчивымъ языкомъ, будьте довольны.

«Будьте милостивы къ намъ, чтобы мы радостно достигли цѣли!

«Молясь, взываю къ вамъ: ведите насъ счастливо, чтобы мы шли рядомъ съ лучшими и обогнали посредственныхъ.

«Ты управляющій горный старецъ, ты страшно богатый Барилахъ! доставъ намъ въ утреннемъ сумракѣ темныхъ звѣрей, а на ранней утренней зарѣ ярко-блестящихъ звѣрей, дорогіе мѣха! наполни наши широкіе вьюки, нанижи соболей на наши длинные ремни, наведи на насъ краснаго звѣря!

«Ты же древній Чандай Кобольдъ (злое начало) не порази хромотой наши члены, не нападай на нашихъ 16-лѣтковъ, не моргай, не смотри сюда твоими метающими искры очами и не говори твоимъ злымъ языкомъ!

«Счастіе и благословеніе намъ на путь!!!

Обнищалый и бѣдный якутъ, подобно самоѣду и лапландцу, лишившись лошади и скота, селится у рѣки и занимается рыболовствомъ. Тогда собака служитъ ему единственнымъ домашнимъ животнымъ, такъ какъ содержаніе ея ему ничего не стоитъ, она питается отбросами и костями рыбъ.

Береговой якутъ питается исключительно рыбою. Занимаясь въ то же время охотой, онъ уплачиваетъ пушнымъ товаромъ ясакъ, а если что-нибудь остается послѣ уплаты подати, то покупаетъ табакъ и съ наслажденіемъ куритъ трубку.

ГЛАВА XVI.

Врангель.

Путешествіе Врангеля.—Отъ Петербурга до Якутска.—Красота Лены.—Плаваніе черезъ пороги.—Сто разъ повторяющееся эхо.—Якутскъ.—Крайности холодовъ и жаровъ.—Путешествія съ торговою цѣлью якутскихъ купцовъ.—Зашиверскъ.—Бадараны.—Нижне-Колымскъ.—Описаніе страшнаго климата.—Люди и собаки.—Голодъ.—Юкагирскія охоты на сѣверныхъ оленей.—Любовь у проруби.—Первая поѣздка къ Шелагскому мысу по замерзшему морю (1821).—Страшное положеніе.—Экспедиція Матюшкина въ Ледовитое море (1822).—Послѣднее приключеніе на полярномъ морѣ (1823).—Возвращеніе въ Петербургъ.

Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны, экспедиціи, посланныя для описанія восточно-сибирскихъ береговъ Ледовитаго моря, такъ несовершенно выполнили свою задачу, что эти страны долго еще оставались terra incognita.

Необходимо было пополнить этотъ и многіе другіе пробѣлы землевѣденія, и потому въ 1820 году русское правительство снарядило двѣ новыя экспедиціи къ этому отдаленному концу русскаго государства.

Одна изъ этихъ экспедицій, подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, которому поручено было изслѣдовать береговыя страны отъ устья Яны, оказалась неудачной и потерянной для науки, такъ какъ бумаги Анжу погибли во время пожара. За то другая экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта Врангеля, получила большую извѣстность, и это заставляетъ насъ обратить на нее особенное вниманіе.

Экспедиція эта должна была начать свои изслѣдованія съ мѣстности, расположенной еще далѣе къ Востоку, именно, съ устья Колымы. Врангель описалъ не только берега Сибири на западѣ, отъ

Индигирки до острова Колючина на востокѣ, и нанесъ ихъ на карту; онъ нѣсколько разъ пытался проѣхать на саняхъ въ Ледовитое море, надѣясь открыть тамъ еще неизвѣстную полярную землю. Четыре года провелъ Врангель въ этой пустынной мѣстности земнаго шара, испытывая лишенія и препятствія, однако, принесшія плоды для науки и доставившія самому изслѣдователю славу и почести.

Экспедиція Врангеля отправилась изъ Петербурга по кратчайшему разстоянію до Якутска. Во время слѣдованія по этому пути путешественники не мало терпѣли неудобствъ отъ бездорожья и рѣзкихъ перемѣнъ климата. Въ то время, какъ въ Казани зеленѣли луга и лѣса красовались листвой, долины Урала лежали подъ глубокими снѣгами. Въ Тобольскѣ, по склонамъ, холмовъ показалась первая блѣдная зелень, а въ Красноярскѣ благоухала весна.

Экспедиція провела въ Иркутскѣ мѣсяцъ и затѣмъ отправилась въ Якутскъ. 27 іюня она достигла мѣстечка Кочуги (236 верстъ отъ Иркутска), на лѣвомъ берегу Лены, которая здѣсь становится судоходною. Кочуга—складочное мѣсто, откуда всѣ, какъ купеческіе, такъ и казенные грузы, отправляются во всѣ города, расположенные по Ленѣ. Для перевозки служатъ или большія барки (павозки), которыя ломаются въ Якутскѣ, или меньшія суда (ангарки), которыя идутъ на веслахъ, или тянутся лямкой обратно въ Кочугу. Путешественниковъ чаще всего возятъ на маленькихъ судахъ, и на почтовыхъ станціяхъ имѣютъ право требовать столько гребцовъ, сколько лошадей назначено по подорожной.

Итакъ Врангель плыветъ по величественной Ленѣ и дивится красотамъ ея береговъ. По сторонамъ высокія горы представляютъ вѣчное разнообразіе живописныхъ видовъ. Мѣстами за непроходимыми лѣсами слѣдуютъ воздѣланные поля, луга и сады, изъ-за которыхъ выглядываютъ маленькія деревеньки или отдѣльныя хижины. Изъ прозрачныхъ водъ, какъ изумруды, выступаютъ покрытые деревьями плоскіе острова. Горы мало-по-малу поднимаются все выше и круче и близъ Риги (400 верстъ отъ Кочуги), кажется, что крутые берега стѣсняютъ теченіе рѣки. Но вскорѣ, какъ занавѣсъ, берега снова расходятся, и отсюда рѣка течетъ во всемъ величіи и красѣ, между плоскими берегами.

Во время этого плаванія, тамъ, гдѣ теченіе рѣки стѣснено утесами, искусство гребцовъ, неуступающее многовосхваляемому искусству канадскихъ вояжеровъ, не разъ изумляло Врангеля. Приблизившись къ порогу, такъ, что слышенъ его шумъ, начальникъ барки командуетъ: «садись», что означаетъ, чтобы люди выпули

весла изъ воды; «молите Бога!» и весь экипажъ, стоящій близъ передняго штевня, оборачивается къ образу и крестится, пока начальникъ громко и внятно произноситъ краткую молитву. По окончаніи ея, экипажъ берется за весла и раздается команда: «гребите сильно». Съ каждымъ мгновеніемъ усиливается общее напряженіе.

Такъ какъ за шумомъ волнъ не слышно команды, то лоцманъ становится на передній штевень, и свернутымъ бѣлымъ платкомъ подаетъ знаки, стоящему на кормѣ судна, рулевому, держать-ли прямо, или поворачивать вправо или влѣво. На заднемъ штевнѣ четыре человѣка управляютъ длиннымъ рулевымъ весломъ. Если паденіе очень сильно, то человѣка два, съ такими же длинными веслами, становятся и на передній штевень для того, чтобы рѣшительно и быстро повернуть судно въ нужный моментъ. Все искусство состоитъ въ томъ, чтобы киль судна шелъ по струѣ рѣки. Вступивъ въ пороги, люди находятся въ напряженномъ ожиданіи; барка начинаетъ качаться; быстрота и шумъ бушующихъ волнъ усиливаются; всѣ смотрятъ на лоцмана, и по его знаку правятъ вправо или влѣво, крикъ: «сильно, сильно!» раздается въ случаѣ, если судно поворачивается не довольно быстро. Наконецъ, опасное мѣсто пройдено благополучно, лоцманъ сходитъ къ Врангелю и поздравляетъ его словами: «дай Богъ вамъ счастья, ваше высокоблагородіе!» затѣмъ поздравляетъ опъ рулевого и со всѣхъ сторонъ слышны восклицанія: «слава Богу!»

Киренскъ, именующійся городомъ, собственно довольно жалкая деревня. Жители преимущественно занимаются огородничествомъ, выращаютъ капусту, картофель, рѣпу и даже огурцы, которые искусно защищаютъ отъ всеуничтожающаго сѣверо-восточнаго вѣтра, и снабжаютъ всѣми этими продуктами отдаленный Якутскъ.

Недалеко отъ станціи Частые Острова, почти 250 верстъ ниже Киренска, между высокими утесистыми берегами, рѣка съуживается и имѣетъ 78 футовъ глубины. Это мѣсто замѣчательно своимъ удивительнымъ эхо, которое 100 разъ повторяетъ выстрѣлъ ружья, причемъ звукъ съ каждымъ разомъ усиливается такъ, что кажется, будто слышишь пальбу пушекъ цѣлаго артиллерійскаго парка.

Подивившись такому чуду природы, путешественники доплыли до устья Витимы, лѣсистой области, которая, кажется, болѣе населена соболями, чѣмъ людьми. Отъ праваго берега Лены тянется непроходимый первобытный лѣсъ до Яблонаго-Столбоваго хребта, который слѣдуетъ теченію рѣки съ запада на востокъ; въ его гус-

тыхъ лѣсахъ много дорогихъ пушныхъ звѣрей. Лѣвый, болѣе плоскій берегъ рѣки, менѣе лѣсистъ и гуще населенъ.

Несмотря на почти постоянные дожди, Врангель часто видѣлъ большія полосы горящихъ лѣсовъ, освѣщавшихъ мракъ ночи. Неосторожность охотниковъ и путешественниковъ, которые, чтобы приготовить пищу или отогнать мухъ, раскладываютъ огонь, и, уходя, не тушатъ его, не заботясь о послѣдствіяхъ; нерѣдко въ одинъ день огонь уничтожаетъ то, что природа произвела въ теченіе столѣтій, и гонитъ дичь и пушныхъ звѣрей все далѣе въ пустыню. Замѣчательно, что послѣ такихъ пожаровъ, въ лѣсахъ, гдѣ прежде росъ хвойный лѣсъ, выростаетъ не сосна или ель, а свѣтлозеленая береза.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ пустыннѣе становятся берега Лены. При Олекмѣ находятся послѣдніе слѣды огородничества и земледѣлія. Далѣе туземцы занимаются только скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей. Кромѣ почтовыхъ станцій, небольшія поселенія встрѣчаются довольно рѣдко. Кромѣ якутовъ, какъ природныхъ жителей, здѣсь не мало русскихъ поселенцевъ, влачащихъ жалкое существованіе.

Якутскъ, куда Врангель прибылъ 25 іюля, проплывъ по рѣкѣ отъ Кочуги 2500 верстъ въ 27 дней, носитъ на себѣ печать холоднаго сѣвера. Между обыкновенными постройками виднѣются зимнія юрты арктическихъ кочевниковъ, со стѣнами изъ навоза, земляными крышами и дверями изъ шкуръ. Единственная достопримѣчательность города состоитъ въ построенной казаками, завоевателями страны въ 1647 г., деревянной крѣпости съ ея угловатыми башенками.

Это мѣстечко, имѣющее до 4000 жителей, большею частью находящихся въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, какъ извѣстно, служитъ центромъ внутренней сибирской торговли и распространяетъ свою торговую дѣятельность на огромное пространство. Отъ Анабора до Берингова пролива, отъ Ледовитаго моря до Олекминскихъ горъ, изъ Алдана, изъ Удска, даже изъ Охотска и Камчатки, изъ-за многихъ тысячъ верстъ свозятъ сюда пушный товаръ, моржевые бивни и мамонтовую кость. Все это продается и вымѣнивается въ теченіи лѣта, которое продолжается какихъ-нибудь 10 недѣль. Годовой оборотъ пушнаго товара доходитъ до $2^1/_2$ милліоновъ руб. и болѣе. Якутскіе купцы совершаютъ дальнія путешествія съ торговою цѣлію. При 20 и 30 градусномъ морозѣ, они отправляются на Леховскіе острова, на ярмарку въ Островное, въ Охотскъ, въ Кяхту. Они первые начали плавать на своихъ плохихъ судахъ по Берин-

гову морю, и проникла до острова Кадьяка, отстоящаго на 80° долготы отъ ихъ родины. Если-бъ на сѣверномъ полюсѣ было что-нибудь выгодное, то конечно, купцы давно бы открыли его.

12 сентября экспедиція оставила Якутскъ и направилась къ отдаленнымъ берегамъ Ледовитаго моря; мѣсяцъ спустя, послѣ чрезвычайно затруднительнаго перехода черезъ Верхоянскій хребетъ, при 16° мороза, путешественники достигли города Зашиверска, въ которомъ въ то время насчитывали жителей только 17 душъ.

На озерѣ Орпикино, 315 верстъ далѣе Зашиверска, прекращаются послѣднія якутскія поселенія, и къ рѣкѣ Алазсѣ, еще далѣе, на разстояніи 250 верстъ, путь идетъ по совершенно необитаемой болотистой пустынѣ. Эти болота, называющіяся здѣсь *бадаранами*, никогда не просыхаютъ совершенно. При засухѣ образуется твердая кора, черезъ которую лошади часто проваливаются, и не тонутъ только оттого, что на нѣкоторой глубинѣ находится замерзнувшее дно. Нельзя представить себѣ ничего печальнѣе и пустыннѣе этихъ бадаранъ. Куда не окинешь взоромъ, всюду видишь покровъ полусгнившаго мха, изъ подъ котораго, и то на пригоркахъ, поднимаются скудные кустарники лиственницы. Только зимою можно проходить по этимъ болотамъ, но горе путникамъ, если ихъ захватитъ вьюга и метель. Отъ ярости стихій нѣтъ другой защиты, кромѣ развалившихся *поваренъ*, гдѣ можно задохнуться отъ дыма, который крутится отъ вѣтра, проникающаго сюда со всѣхъ сторонъ.

Бадараны оканчиваются Алазейскимъ хребтомъ, отдѣляющимъ бассейнъ Индигирки отъ бассейна Алазеи. Здѣсь снова встрѣчаются юрты и якутскія поселенія, которыя съ приближеніемъ къ Колымѣ становятся гуще.

21 октября Врангель былъ удивленъ и обрадованъ. Въ Сардахъ, 250 верстъ отъ Нижне-Колымска, онъ нашелъ хорошую почтовую станцію, гдѣ его глаза могли отдохнуть отъ постояннаго вида снѣжной поверхности. 25 октября Врангель достигъ берега Колымы, и 2 ноября, черезъ 52 дня послѣ выѣзда изъ Якутска, прибылъ при 32° мороза въ Нижне-Колымскъ, свою будущую главную квартиру.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателей дальнѣйшимъ описаніемъ бассейна Колымы, но намъ, кажется, любопытно познакомиться съ природой и жителями тѣхъ мѣстъ, гдѣ Врангель прожилъ цѣлыхъ три года, не считая времени, проведеннаго имъ въ путешествіяхъ вдоль береговъ Ледовитаго моря, или на замерзшемъ океанѣ.

Даже въ Сибири Колыма извѣстна суровостью своего климата. Къ западу тянется необозримая тундра, къ сѣверу море, такъ что здѣсь почти постоянные сѣверо-восточные вѣтры могутъ дуть безпрепятственно, и даже лѣтомъ бываютъ иногда метели. Средняя годичная температура—8° Р. Около Нижне-Колымска рѣка уже замерзаетъ въ первыхъ числахъ сентября и лошади съ вьюками благополучно переходятъ по льду.

Хотя солнце съ 15 мая по 6 іюня не заходитъ, но оно здѣсь только свѣтитъ, а не грѣетъ, и на него свободно можно смотрѣть. Не смотря на постоянный свѣтъ, день все-таки отличается отъ ночи. Какъ только солнце склоняется къ горизонту, природа засыпаетъ, какъ бы для того, чтобы черезъ нѣсколько часовъ снова пробудиться; птичка громкимъ щепетаніемъ привѣтствуютъ новый день, сжавшійся желтый цвѣтокъ раскрываетъ свои лепестки, все спѣшитъ, хотя немного воспользоваться благодѣтельнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Хотя здѣсь бываютъ только два времени года—зима и лѣто, но жители называютъ весной то время, когда въ полдень появляется солнечный свѣтъ, что обыкновенно случается въ половинѣ марта: въ такую весну случаются моровы въ 30°. Осенью считается время замерзанія рѣкъ, что бываетъ въ первыхъ числахъ сентября, когда холода достигаютъ 35°. Здѣшнее карикатурное лѣто не болѣе, какъ борьба между появленіемъ и уничтоженіемъ жалкой растительности. Въ послѣднихъ числахъ мая пробиваются отдѣльные листочки на кустахъ тальника; въ іюнѣ термометръ въ полдень подымается до 18°, но вдругъ вся зелень уничтожается отъ порыва холоднаго морскаго вѣтра. Въ іюнѣ воздухъ чистъ, и, кажется, что онъ вознаградитъ человѣка за его долгія лишенія, но тутъ новая бѣда. Изъ неизмѣримыхъ тундровыхъ болотъ поднимаются милліоны кровожадныхъ мошекъ, отъ которыхъ можно защититься только постояннымъ дымомъ. *Дымокуры*, большія кучи свалившагося листа, мха и сырого лѣса зажигаются на пастбищахъ и около человѣческихъ жилищъ, и дымъ отгоняетъ докучныхъ мошекъ, которыя, впрочемъ, приносятъ и свою долю пользы бѣднымъ колымцамъ. Дикіе сѣверные олени бѣгутъ отъ мошекъ изъ лѣса на обнаженный морской берегъ, и стада этихъ животныхъ попадаются подъ выстрѣлы охотниковъ. Точно также стаи мошекъ принуждаютъ табуны лошадей не удаляться отъ дымокуровъ, и пастись въ облакахъ густого дыма. Когда по близости вытопчется вся трава, тогда

раскладываютъ дымокуры на новомъ мѣстѣ, куда перегоняютъ скотъ за которымъ, такимъ образомъ, легко наблюдать.

Но лишь только исчезнутъ мошки, какъ поднимаются осенніе туманы, предвѣщающіе наступленіе 9-мѣсячной зимы. По наблюденіямъ Врангеля извѣстно, что зима начинается со 2 ноября; холода все болѣе и болѣе усиливаются, пока въ январѣ не достигнутъ 43°. Въ это время трудно дышать, и даже сѣверный олень уходитъ въ лѣсную чащу.

Съ 22 ноября начинается 38 суточная ночь, мракъ которой умѣряется отраженіемъ отъ ослѣпительно-бѣлаго снѣга и частыми сѣверными сіяніями. 28 декабря на горизонтѣ появляется первая утренняя заря, отъ которой даже въ полдень не блѣднѣютъ звѣзды. Съ возвращеніемъ солнца также наступаютъ большіе холода: въ февралѣ и въ мартѣ морозъ очень рѣзокъ даже при восхожденіи солнца.

Совершенно ясные дни зимою чрезвычайно рѣдки, такъ какъ холодный морской вѣтеръ покрываетъ землю парами и туманами. Замѣчательно, что востоко-юго-восточный вѣтеръ, иногда среди зимы, измѣняетъ холодъ — 35°, въ короткое время, на температуру въ 1°,5, но этотъ вѣтеръ никогда не продолжается болѣе сутокъ.

Печальная растительность окрестностей Нижне-Колымска вполнѣ гармонируетъ съ суровымъ климатомъ. Моховая степь, тощіе луга и небольшія пространства, покрытыя тальникомъ, вотъ всѣ произведенія этой равнины. Растительность нѣсколько лучше въ сосѣднихъ долинахъ Анюя, которыя защищены горами отъ холодныхъ вѣтровъ. Здѣсь растутъ различныя ягоды, береза, осина, верба, богородская трава, полынь и низкіе ползучіе кедры. Перейдя сюда изъ мерзлой, обнаженной моховой тундры, можно подумать, что находишься въ Италіи. Животное царство имѣетъ здѣсь больше представителей: лосей, сѣверныхъ оленей, медвѣдей, лисицъ, соболей и бѣлокъ, а песецъ роетъ свои норы въ обнаженной равнинѣ. Весною появляются тысячи лебедей, гусей и утокъ, которыхъ преслѣдуютъ орелъ и сова.

Многочисленные выводки бѣлыхъ куропатокъ держатся въ кустарникахъ, а мелкіе кулики бѣгаютъ во мхѣ болотистаго берега. Воронъ появляется близъ юртъ, и здѣсь, вмѣстѣ съ восхожденіемъ солнца, раздается щебетаніе воробья и синицы. Не смотря, однако, на эту быстро проходящую жизнь, видъ страны остается мертвеннымъ и пустыннымъ; все свидѣтельствуетъ, что здѣсь мы перешли границу обитаемой земли, и удивляемся тому, какъ могъ человѣкъ поселиться въ этихъ пустыняхъ.

Въ Колымскомъ округѣ, который пространствомъ превосходитъ многія европейскія государства, населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, среди которыхъ встрѣчаются и русскіе. Всѣ они платятъ ясакъ до 8 руб. на душу.

Казаки пользуются преимуществомъ, они свободны отъ всѣхъ податей, но за это обязаны нести гарнизонную службу въ Нижне-Колымскѣ и наблюдать за спокойствіемъ и порядкомъ. Кромѣ того, 25—30 казаковъ отправляются въ Островное (см. главу о чукчахъ), чтобы на тамошней ярмаркѣ держать дикихъ чукчей въ повиновеніи.

Русское населеніе большею частью состоитъ изъ потомковъ ссыльныхъ, а казаки ведутъ свой родъ отъ древнихъ завоевателей Сибири. Отъ смѣси съ юкагирами и якутами они многое заимствовали отъ нихъ, но отличаются болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Черты лица русскихъ женщинъ пріятнѣе чѣмъ у юкагирокъ и якутокъ, встрѣчаются даже хорошенькія. Они любятъ пѣніе, и обыкновенно выхваляютъ въ своихъ пѣсняхъ красоты природы, цвѣтами покрытый лугъ, журчащій потокъ, пѣніе соловья, и вообще предметы, которыхъ не знаютъ и которые существуютъ въ ихъ воображеніи, какъ преданіе, полученное отъ сосланныхъ сюда ихъ предковъ.

Жилища русскихъ мало чѣмъ отличаются отъ юртъ здѣшнихъ коренныхъ жителей. Они тѣсны, низки и строются изъ плавучаго лѣса. Щели заботливо закопопачиваютъ мхомъ и обмазываютъ толстымъ слоемъ изъ глины. Чтобы защитить юрту отъ холоднаго сѣверо-восточнаго вѣтра, вокругъ нея воздвигается земляной валъ, высотою равняющійся съ крышей. Печами и шубами здѣсь защищаются, какъ умѣютъ отъ холодовъ; нерѣдко приходилось Врангелю держать чернильницу въ кипяткѣ, для того чтобы писать, а англичанинъ Кохрани, посѣтившій Врангеля въ Колымскѣ, лежа въ постели, отморозилъ себѣ носъ.

Колымцы занимаются рыбной ловлей и охотой, причемъ собака доставляетъ имъ необыкновенную пользу. Если незавидень жребій самаго хозяина, то можно смѣло сказать, что жизнь извощичьей лошади золото въ сравненіи съ жизнію колымской собаки. Палкой и пинкомъ награждаютъ ее за труды; въ самые сильные холода она спитъ на открытомъ воздухѣ; рыбьи отбросы составляютъ ея единственную пищу, а веспою, когда запасы истощились, ей приходится голодать.

Весна вообще считается самымъ тяжелымъ временемъ года для кочевниковъ въ тундрѣ. Они кучами приходятъ къ русскимъ дерев-

ниямъ на Колымѣ, но и здѣсь терпятъ страшный недостатокъ въ пищѣ. Хотя здѣсь устроены запасные магазины, но провозъ, нерѣдко длящійся нѣсколько лѣтъ, возвышаетъ цѣну муки до такой степени, что большинство не въ состояніи покупать ее. Врангель провелъ въ Колымскѣ три такихъ весны, и, уѣзжая, благодарилъ Творца, что не придется ему болѣе быть свидѣтелемъ такого ужаснаго бѣдствія.

Но именно въ то время, когда нужда достигаетъ крайней степени, является и помощь. Съ юга прилетаютъ сюда стаи птицъ, и даже своимъ видомъ поселяютъ бодрость въ душѣ бѣдствующихъ колымцевъ; ружьями, стрѣлами и дубинами бьютъ пролетающихъ пернатыхъ, и добычею охоты утоляютъ голодъ, причемъ природа, какъ опытный врачъ, сначала дастъ пищу по немногу, а уже потомъ въ изобиліи.

Изобиліе наступаетъ съ тѣхъ поръ, какъ Колыма разорветъ свои ледяныя узы въ іюнѣ, и эта рѣка доставляетъ главнѣйшій запасъ на будущую зиму. Одновременно со своими дарами рѣка приноситъ и бѣдствіе своими разливами. Къ пріятнымъ эпизодамъ своего пребыванія въ Нижне-Колымскѣ Врангель можетъ причесть цѣлую недѣлю, которую онъ долженъ былъ провести лѣтомъ 1882 года на крышѣ своей хижины.

У анюйскихъ юкагировъ главнѣйшую роль играетъ охота на сѣверныхъ оленей. Добыча этой охоты преимущественно рѣшаетъ вопросъ, придется-ли голодать зимой или нѣтъ.

Ходъ сѣверныхъ оленей бываетъ два раза въ годъ: весною, когда мошки гонятъ ихъ изъ лѣсовъ къ прохладнымъ морскимъ берегамъ, гдѣ они находятъ себѣ пищу въ обильной лишаями тундрѣ; другой—осенью, когда усиливающійся холодъ гонитъ оленей отъ суровыхъ береговъ. Оба хода близко слѣдуютъ другъ за другомъ. Весенній ходъ, начинающійся въ половинѣ мая, не очень добычливъ, частію потому, что олени, въ это время, худы и шерсть ихъ плоха, частью-же отъ того, что ихъ трудно бить при переходѣ черезъ замершія рѣки. Настоящая охота на сѣверныхъ оленей бываетъ въ августѣ и сентябрѣ. Въ хорошіе года, число переходящихъ съ сѣвера оленей доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ, они дѣлятся на стада въ 200—300 особей.

Путь оленей неизмѣнно одинъ и тотъ-же, между верхнимъ теченіемъ сухого Анюя и Плотбищемъ. Для перехода черезъ рѣку, олени выбираютъ мѣсто, гдѣ къ одному берегу ведетъ сухой путь, а на противоположной сторонѣ плоскій песчаный берегъ удобенъ

для выхода изъ воды. Здѣсь каждое стадо идетъ тѣсной кучей подъ предводительствомъ самаго сильнаго самца.

Переходъ совершается послѣ нѣкоторой пробы, и черезъ нѣсколько минутъ, вся поверхность покрывается плывущими животными. Охотники, скрывавшіеся подъ вѣтромъ за заливами, камнями и кустами, быстро подплываютъ на своихъ лодкахъ къ стаду, бьютъ и ранятъ оленей, кто сколько можетъ. Во время схватки охотникамъ опасно то, что лодка можетъ быть опрокинута. Самцы защищаются рогами, зубами и задними ногами, самки обыкновенно стараются впрыгнуть передними ногами на край лодки, и тогда плохо охотнику. Хорошо, если при паденіи удастся ему уцѣпиться за сильнаго оленя, онъ вынесетъ его на берегъ. Впрочемъ, эти случаи рѣдки, и охотники удивительно ловко умѣютъ избѣгать опасности. Хорошій охотникъ убьетъ 100 и болѣе оленей менѣе чѣмъ въ полчаса. Другіе челноки ловятъ убитыхъ животныхъ, и связываютъ ихъ ремнями. Раненые, приплывающіе къ берегу олени, принадлежатъ стрѣлкамъ, и нужно имѣть много присутствія духа, чтобы въ такомъ смятеніи, когда напряжены всѣ физическія и нравственныя силы, такъ устраивать дѣло, чтобы большихъ оленей только сильно поранить.

Стукъ роговъ, волны, окрашенныя кровью въ темно-красный цвѣтъ, крикъ охотниковъ, храпъ оленей, суматоха на берегу—всей этой сцены описать нельзя.

Убитыхъ животныхъ опускаютъ въ воду, чтобы они не испортились. Мясо ихъ вялится, коптится и замораживается. Самымъ лакомымъ кускомъ считается языкъ оленя.

Впрочемъ, охота на оленей не всегда бываетъ удачна. Такъ въ Лобазномъ на Анюѣ, свирѣпствовалъ голодъ, когда 12 сентября 1821 года на правомъ берегу рѣки появились давно желанные сѣверные олени. Никогда не видано было такого громаднаго количества животныхъ; всѣ высоты были покрыты ими, и рога издали казались какимъ-то движущимся лѣсомъ.

Засуетились якуты, чуваши, тунгузы и ламуты, надѣясь на обильную добычу.

Но олени, вѣроятно, испуганные толпой людей, неожиданно для охотниковъ, взяли другое направленіе, отошли отъ берега и скрылись за горами. Можно представить себѣ отчаяніе обманувшихся людей, одни вопили, поднимая руки къ верху, старые, со слезами на глазахъ смотрѣли вдаль—страшная картина всеобщаго бѣдствія.

Въ этомъ же году была неудачна и рыбная ловля; охота за

гусями уже прошла, и нѣсколько сотъ жителей, этихъ пасынковъ природы, погибло зимой отъ голода.

Въ то время, когда мущины на берегахъ Колыма, въ теченіи короткаго лѣта безъ устали занимаются рыбной ловлей, охотой и сѣнокосомъ, женщины собираютъ на зиму запасы скудныхъ продуктовъ растительнаго царства.

Женщины идутъ въ горы и собираютъ бруснику, голубику, морошку, богородскую траву и полынь — здѣсь въ это время такой же праздникъ, какъ въ другихъ, болѣе счастливыхъ странахъ, сборъ винограда. Но и эта радость нерѣдко похищается жестокимъ климатомъ. Такъ съ 1821 по 1823 годъ ниже Нижне-Колымска ягодъ вовсе не уродилось.

Собранныя ягоды наливаются холодной водой и замораживаются, это составляетъ пріятную приправу къ ужину, обыкновенно состоящему изъ мучнистыхъ корепьевъ, которые весьма искусно отыскиваются женщинами въ подземныхъ мышиныхъ порахъ.

Не смотря на суровый климатъ, охлаждающій страсти человѣка, все же и на Колымѣ любовь находитъ себѣ мѣсто. Въ полдень дѣвушки идутъ къ проруби за водой, и всегда находятъ здѣсь молодыхъ людей, которые помогаютъ имъ въ работѣ. Не одна Доротея нашла здѣсь своего Германа; не одинъ сибирскій Іаковъ у проруби попался въ цѣпи гиперборейской Рахили!

Въ Нижне-Колымскѣ бываютъ также и вечеринки, на которыхъ пьютъ чай, который здѣсь очень дорогъ, водка также считается необходимымъ угощеніемъ. Разговоры, пѣніе, балалайка, а иногда и пляски сокращаютъ вечеръ.

Самое оживленное время въ Нижне-Колымскѣ начало февраля, когда изъ Якутска приходитъ караванъ, идущій на ярмарку въ Островное. Онъ состоитъ не болѣе какъ изъ 20 купцовъ, изъ которыхъ каждый ведетъ отъ 10 до 40 навьюченныхъ товарами лошадей. Не только возобновляются теперь истощенные запасы, продаются шкуры, собранныя сосѣдними жителями, но и узнаются самыя свѣжія якутскія новости, и разсказывается о томъ, что, по крайней мѣрѣ, за полгода назадъ случилось въ Москвѣ или Петербургѣ. Можно вообразить себѣ, какую сенсацію произвелъ въ этомъ страшно-отдаленномъ мѣстечкѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ пріѣздъ Врангеля, который объявилъ почтеннымъ жителямъ, что пробудетъ здѣсь три года.

Врангель провелъ зиму въ приготовленіяхъ къ весенней экспедиціи, такъ какъ долгая арктическая ночь своимъ мракомъ препят-

ствуетъ путешествію, и снѣгъ отъ чрезмѣрно сильныхъ морозовъ становится такъ жестокъ, что требуется впрягать въ сани вчетверо болѣе собакъ. Позднѣе оттепель также мѣшаетъ путешествію на саняхъ. Врангелю для выполненія его задачи оставалось только какихъ нибудь 10 недѣль въ годъ: отъ марта до конца мая.—Съ какимъ рвеніемъ и пользою онъ старался употребить это короткое время, видно изъ того, что уже 19 февраля 1826 года съ санями, собаками и своими спутниками онъ выѣхалъ изъ Нижне-Колымска. 25-го февраля передъ Врангелемъ Ледовитое море разостлало свой бѣлый саванъ и было похоже на необозримую, безлѣсную, снѣгомъ покрытую, тундру. Какъ тундра ограничена высокими горами, такъ и по замерзшему морю тянутся высокіе ледяные хребты, образующіе глубокія долины, покрытыя волнообразнымъ, твердымъ покровомъ снѣга. Мѣсто озеръ и потоковъ на морскомъ льду занимали широкія полыньи и ледяныя трещины. Сильный вѣтеръ, при морозѣ въ—30°, также не былъ пріятенъ путешественнику, у котораго не было дровъ для разведенія огня.

5-го марта Врангель достигъ Шелагскаго мыса, объѣхать который было не легко. Приходилось переходить черезъ тороссы (горы, состоящія изъ смерзнувшихся льдинъ) въ 90 футовъ высоты—работа и трудная и опасная. Въ иныхъ мѣстахъ, нужно было проходить по рыхлымъ снѣжнымъ сугробамъ; въ другихъ, поверхность льда была покрыта острыми кристаллами, что на столько затрудняло путь, что даже людямъ приходилось впрягаться, чтобы сдвинуть сани съ мѣста. Не смотря на всѣ эти препятствія, Врангель изслѣдовалъ берегъ на 50 верстъ по ту сторону мыса. На возвратномъ пути онъ нашелъ, что оставленные имъ мѣстами склады провіанта съѣдены россомахами и песцами, такъ что послѣдніе два дня путникамъ пришлось голодать. Послѣ трехнедѣльнаго путешествія усталый Врангель возвратился въ Нижне-Колымскъ.

Ученый путешественникъ однако отдыхалъ не долго. 26 марта Врангель снова отправился въ путь для открытій на Ледовитомъ морѣ. Поѣздъ былъ великолѣпный: 240 собакъ везли 22 саней или нарты, нагруженныхъ топливомъ и провіантомъ на 30 дней. Никогда песцы не видали такого каравана, такъ какъ берегъ между устьемъ Колымы и Шелагскимъ мысомъ совершенно необитаемъ. Русскіе останавливаются у утеса Баранова, а Чукчи никогда не переходятъ черезъ рѣку Баранова. Между ними лежащее пространство, въ 80 верстъ шириною, составляетъ нейтральную почву, пустыню, куда никогда не ступала нога человѣка. Перваго апрѣля путники достигли

Ледовитаго моря, и по льду отправились на островъ Столбовой. Подъ 71° 31' с. ш. ледъ былъ только въ одинъ футъ толщины. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ; изъ подо льда слышенъ былъ шумъ подвижной стихіи и ощущалось колебаніе тонкаго льда. Какъ только вѣтеръ затихъ, и погода нѣсколько прояснилась, взяли двое лучшихъ саней и нагрузили ихъ провіантомъ на 24 часа, а также досками и лѣсомъ. Съ этимъ поѣздомъ Врангель отправился далѣе къ сѣверу. Проѣхавъ съ большимъ трудомъ около 7 верстъ, по густому соляному болоту, Врангель достигъ широкой трещины, черезъ которую перешелъ съ помощью привезенныхъ досокъ. Рыхлый ледъ былъ едва въ футъ толщиною, а подъ нимъ море имѣло до 12 саженъ глубины; безчисленными трещинами выбивалась морская вода, такъ что вся мѣстность была похоже на безконечное болото. Проѣхали 2 версты еще далѣе къ сѣверу (71° 43' с. ш.), переходя по доскамъ черезъ узкія трещины и объѣзжая большія.

Наконецъ, трещины стали многочисленны и широки настолько, что трудно было рѣшить, чего было больше—открытаго моря или льда—и Врангель рѣшился возвратиться назадъ. 17 апрѣля онъ выдержалъ на морѣ страшную бурю. Не было возможности раскинуть палатки и разложить огня, и это при морозѣ въ—12° Р. Послѣ трудной дневной работы, горсти двѣ снѣга, ржаной хлѣбъ и полугнилая рыба послужили ужиномъ. Поутру они снова достигли Столбового острова, а 28 апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, послѣ 36 дневнаго отсутствія, и проѣхавъ 1210 верстъ.

Въ слѣдующемъ году, Врангелю трудно было достать нужное количество собакъ, такъ какъ зимой свирѣпствовалъ страшный падежъ на этихъ упряжныхъ животныхъ. Наконецъ, на Индигиркѣ достали собакъ и 14 марта 1822 г. неутомимый Врангель снова поспѣшилъ съ провіантомъ на 40 дней къ берегу Ледовитаго моря. Въ эту поѣздку многочисленные берега, острова, бухты и мысы были точно описаны и нанесены на карту, а мичманъ Матюшкинъ посланъ въ море на ненагруженныхъ саняхъ. Этотъ достойный спутникъ Врангеля проникъ до 72°, на 300 верстъ отъ скалы Баранова, далѣе къ сѣверу. Здѣсь онъ видѣлъ, какъ полярное море ломаетъ свои льды, какъ громадныя льдины высоко поднимались волнами, съ трескомъ перебрасывались другъ черезъ друга. Тонкій слой льда, на которомъ находился Матюшкинъ, принудилъ его возвратиться.

Полуживой отъ голода и истощенія силъ Врангель достигъ 4 мая Паводска, мѣстопребыванія нѣсколькихъ Тунгузовъ, которые

оказавшись въ самомъ несчастномъ положеніи, такъ какъ весь запасъ съѣстныхъ припасовъ былъ давно съѣденъ. Вмѣсто такого неожиданнаго посѣщенія, бѣдняки, надо полагать, съ большею радостью встрѣтили-бы стаи прилетныхъ птицъ съ юга, чѣмъ ученыхъ путешественниковъ.

По счастію Нижне-Колымскъ былъ недалеко, и уже на слѣдующій день Врангель пріѣхалъ сюда, довольный собранными имъ научными плодами. Въ слѣдующемъ году, мужественный путешественникъ еще разъ попытался узнать, не скрывается-ли на Ледовитомъ морѣ неизвѣстная полярная земля. 8 марта объѣхали Шелагскій мысъ, а 13 покинули островъ Шалаурова. Когда Врангель ѣхалъ по замерзшему морю, поднялась буря и взломала ледъ, а путешественники неожиданно очутились на плавучей льдинѣ и спаслись только счастливой для нихъ перемѣной вѣтра.

Экспедиція должна была желѣзными ломами пробивать себѣ путь черезъ нагроможденныя льдины. Слѣдуя дальше къ сѣверу, путешественники достигли молодого льда, который тянулся на 5 верстъ, и по которому переѣхали, только благодаря необыкновенной быстротѣ ногъ собакъ.

Но здѣсь образовалась трещина шириною въ 150 сажень, и должно было отложить всякую надежду проникнуть далѣе къ сѣверу. Врангель взошелъ на самый высокій торосъ, чтобы еще разъ взглянуть на безконечный океанъ. Глазамъ путешественника представилась ужасная и торжественная, но для него печальная картина. Громадныя льдины со страшною силою бились въ окраины леденого поля на противуположной сторонѣ открытаго канала. Удары были такъ сильны, что ежеминутно отрывались огромныя массы льда, очевидно было что недолго продержится ледяная полоса, отдѣлявшая каналъ отъ открытаго моря. И на той сторонѣ, на которой находился Врангель, безпрерывно трескался ледъ, и образовывались новые водяные потоки, которые, казалось, отрѣжутъ отступленіе. Надо было покориться необходимости и совершенно оставить надежду открыть новую полярную страну, въ существованіи которой Врангель все еще не сомнѣвался.

Возвратный путь по морю былъ ужасенъ, и жизнь путешественниковъ нѣсколько разъ висѣла на волоскѣ. Такъ, разъ они находились на ледяномъ островѣ, какъ вдругъ поднялась буря. Съ запада быстро неслись черныя тучи, вся атмосфера была насыщена парами, въ теченіи 3 часовъ путешественники носились по волнамъ. Наконецъ, плавающая ледяная масса вдругъ ударилась съ страш-

нымъ трескомъ о большое поле, и раздробилась подъ ногами путешественниковъ. Инстинктивно впрыгнули они въ сани, погнали собакъ, и такимъ образомъ, пролетѣли по обломкамъ на твердое ледяное поле, къ которому прибило ихъ волнами. Достигнувъ, наконецъ, твердой земли, экспедиція находилась въ 300 верстахъ отъ склада провіанта, а припасовъ оставалось дня на три, но по счастью Врангель встрѣтилъ Матюшкина и явилась возможность сообща продолжать изслѣдованія къ Востоку и зайти за Сѣверный мысъ, открытый знаменитымъ Кукомъ въ его путешествіе на Сѣверъ. У острова Колючина Врангель встрѣтилъ Чукчей, явившихся сюда для торговыхъ оборотовъ съ Берингова пролива.

Этимъ послѣднимъ путешествіемъ Врангель закончилъ свои научные труды, по изслѣдованію дальнаго Сѣвера и на слѣдующую зиму отправился на родину въ Петербургъ, гдѣ царскія милости, всеобщее признаніе его заслугъ были ему достойною наградою. Труды Врангеля къ достиженію научныхъ цѣлей настолько почтенны, что имя этого путешественника даетъ ему полное право стать рядомъ съ Франклиномъ и другими знаменитостями.

ГЛАВА XVII.

Золотые промыслы Восточной Сибири и Урала.—Нижне-Тагильскъ.

Тайга.—Первые нашедшіе здѣсь золото.—Расходы и труды при развѣдкахъ.—Расходы по промывкѣ золота.—Богатая добыча нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ.—100 пудовъ золота Никиты Мясникова.—Общій доходъ съ золотыхъ пріисковъ.—Безсмысленная роскошь нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ.—Страсть къ шампанскому.—Золото на Уралѣ.—Яковлевъ и Демидовъ.—Нижне-Тагильскъ.

Бассейнъ верхняго Енисея и его притоковъ, Верхней и Подкаменной Тунгуски состоитъ большею частью изъ дикаго первобытнаго лѣса, который долгое время былъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Кочевники и звѣроловы только изрѣдка посѣщали этотъ лѣсъ, издавна носящій названіе тайги.

Путешествовать по тайгѣ неудобно и не безопасно. Съ горы на гору вьется маленькая, едва замѣтная тропа по болотамъ, въ которыхъ лошади вязнутъ по колѣна, и которыя на высотахъ также топки, какъ и въ долинахъ. Сѣдокъ утомленъ неменѣе терпѣливаго животнаго, переносящаго его по этой зыбкой почвѣ. Люди проклинаютъ дорогу, лошади стонутъ. Въ этомъ пустынномъ лѣсу не раздается пѣнія птицъ, даже не слышно карканья ворона, только вѣтеръ, шумящій въ вершинахъ деревьевъ, прерываетъ тягостную тишину. Вѣчное одно и то же, надъ головами вершины, а по сторонамъ вокругъ стволы лиственницъ и кедровъ, настолько же утомляетъ душу, насколько трудный путь утомляетъ тѣло.

Но вотъ слышенъ шумъ водяныхъ колесъ; лѣсъ вырубленъ, по берегу потока настроено много хижинъ, и сотни рабочихъ заботливо снуютъ по пустынѣ взадъ и впередъ.

Зачѣмъ же ѣздятъ черезъ тайгу? Отчего въ нѣдрахъ ея развивается такая дѣятельная жизнь? Можетъ быть здѣсь какъ въ Америкѣ вырубаютъ лѣсъ для распашекъ?

Магнитъ, болѣе сильный чѣмъ земледѣліе, притягиваетъ въ тайгу этихъ рабочихъ, управляетъ ударами топора и заставляетъ шумѣть водяное колесо. Не пренебрегай илистой почвой, въ которой вязнетъ лошадь; это вовсе не простое болото, но земля, счастливый обладатель которой не промѣняетъ ее ни на виноградники, ни на роскошные луга, ни на хлѣбородныя поля—здѣсь много золота. Да, золото объясняетъ намъ загадку дѣятельной жизни въ тайгѣ, и прежде всѣми ненавидимый лѣсъ рисуется теперь какимъ-то раемъ въ фантазіи сибиряковъ, которымъ кажется онъ обѣтованной землей, гдѣ случай и счастье дарятъ своимъ любимцамъ колоссальныя богатства.

Первый, нашедшій золото въ Сибири, былъ нѣкто Ѳедотъ Поповъ изъ Томска, и, послѣ того, какъ позволено было частнымъ лицамъ разрабатывать здѣшнія розсыпи, два предпріимчивыхъ человѣка обратили вниманіе на предгоріе Саянскаго хребта. Блестящій успѣхъ вознаградилъ ихъ за труды. Въ 1836 г. партія, посланная купцомъ Іокимомъ Рязановымъ, первая открыла богатыя золотыя розсыпи въ бассейнѣ Бирюссы. Въ 1839 году, было найдено золото на верхней Тунгускѣ, и наконецъ, въ 1840 году екатеринбургскій купецъ, Титъ Зотовъ, нашелъ розсыпи еще сѣвернѣе на Октолыкѣ, рѣкѣ впадающей въ Ипъ, эти розсыпи оказались богаче всѣхъ въ то время открытыхъ золотоносныхъ розсыпей.

Такъ какъ въ Сибири вся земля принадлежала правительству, то прежде всего надо было испросить разрѣшенія на развѣдки и обозначить мѣстность, гдѣ намѣрены ихъ производить.

Снарядить партію для развѣдки золотыхъ пріисковъ обходится круглымъ числомъ около 3.000 руб. сер., и такъ какъ нерѣдко вовсе не находятъ золота, что равносильно потерѣ капитала, то для побѣды на этомъ поприщѣ нужно имѣть или большое счастье, или же обладать большимъ капиталомъ и настойчивостью. Такъ коммерціи совѣтникъ Никита Мясниковъ истратилъ на развѣдки 260.000 р. сер., пока партія его не нашла золотоносныя розсыпи по Пескинѣ, которыя съ лихвой вознаградили его за прежнія потери.

Вообще о трудностяхъ, съ какими связаны развѣдки, можно составить себѣ только слабое понятіе. Представьте себѣ, что мѣстность, въ которой находятся золотоносные пески, пространствомъ

превосходящимъ большую часть европейскихъ государствъ, образуетъ непрерывную тайгу, или на болотахъ растущій первобытный лѣсъ. Только нерѣдка встрѣчаются поляны, гдѣ могутъ пастись лошади; а для ночлега въ тайгѣ ничего не найдешь кромѣ сырого мха.

Шурфованіе въ болотахъ—работа весьма нелегкая; стоя въ грязи, опускаютъ шурфъ до материка, чтобы убѣдиться, что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ золотоноснаго слоя. Застанетъ партію на развѣдкахъ зима съ своими глубокими снѣгами, и трудности работы становятся еще большими, но, однакоже, и зимой партіи отправляются на развѣдки, хотя снаряжаются нѣсколько иначе. Безъ лошадей и везя въ легкихъ салазкахъ все необходимое для себя, отправляется партія въ тайгу для обслѣдованія болотистой мѣстности, осмотрѣнной лѣтомъ. Вынутый изъ шурфа песокъ оттаиваютъ и промываютъ въ подогрѣтой водѣ. Люди проводятъ ночи въ шалашахъ изъ сосновыхъ вѣтвей. Только сибирскія натуры въ состояніи вынести подобныя лишенія и безпокойства зимней экспедиціи, но при этомъ гибнетъ не мало и этихъ желѣзныхъ натуръ. Когда найдена, стоющая разработки, золотоносная розсыпь, счастливцу, нашедшему ее, отмѣривается участокъ въ 100 саженъ ширины и 2.500 саженъ (5 верстъ) длины. Два такихъ участка сряду не могутъ назначаться одному и тому же лицу, или одной и той же компаніи, но могутъ пріобрѣтаться посредствомъ покупки или соглашенія.

Сначала правительство довольствовалось 15% съ добытаго золота, впослѣдствіи пошлина удвоилась. Кромѣ этой пошлины золотопромышленники, смотря по богатству розсыпей, должны платить 4—8 руб. сер. съ каждаго фунта, на покрытіе издержекъ по казенному управленію. Теперь можно пользоваться не болѣе 12 лѣтъ, послѣ чего пріискъ переходитъ въ руки правительства. Такъ какъ суровый климатъ тайги позволяетъ производить работу только съ 1 мая по 1 сентября, то концессія въ сложности продолжается всего четыре года.

Одна изъ первыхъ заботъ золотопромышленника состоитъ въ подвозѣ провіанта для рабочихъ и матеріала, нужнаго для работы. Бойный скотъ гонится сюда изъ Киргизской степи отъ Семипалатинска; желѣзо и желѣзныя орудія идутъ съ Уральскихъ заводовъ; другіе товары привозятся съ Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ; ржаная мука и рыба доставляются изъ ближайшихъ мѣстностей Сибири. Водою и сухимъ путемъ все это привозится лѣтомъ въ резиденцію, такъ называютъ золотопромышленники свои поселенія по окраинамъ тайги. По самой тайгѣ провозъ совершается зимою

на саняхъ и обходится не дешево. Расходы значительно увеличиваются, если во время не успѣютъ сдѣлать запасовъ, тогда недостающее привозится на вьючныхъ лошадяхъ. Во всѣхъ этихъ приготовительныхъ работахъ проходитъ почти все первое лѣто. Почти 90% рабочихъ состоитъ изъ ссыльныхъ поселянъ, остальные 10%— свободные крестьяне. Наемъ рабочихъ вообще дѣло нелегкое. Передъ каждой лѣтней работой агенты золотопромышленника разъѣзжаютъ во всѣ стороны, ищутъ рабочихъ и даютъ задатки, въ обмѣнъ которыхъ берутъ для вѣрности паспорты. Хотя паспортъ необходимъ въ Россіи, но эти паспорты не всегда являются залогомъ вѣрности найма въ такой обширной странѣ, какъ Сибирь, гдѣ можно легко добыть себѣ другой паспортъ на чужое имя, и наняться къ другому хозяину—такимъ образомъ, задатокъ пропадаетъ.

Рабочій, кромѣ содержанія, обыкновенно получаетъ 15 руб. въ мѣсяцъ. Опытные рабочіе получаютъ впрочемъ 50—60 руб. Содержаніе начинаетъ итти съ того дня, какъ рабочій явится въ резиденцію. Употребленіе вина запрещено, но рабочій утѣшаетъ себя мыслію о цѣлыхъ потокахъ водки, текущихъ вокругъ тайги, и которыми усладится по окончаніи рабочаго времени. На пріискахъ рабочіе дѣлятся на артели, и каждая выбираетъ себѣ уполномоченнаго. Каждый рабочій обязанъ, по контракту, за получаемую плату промыть извѣстное число тачекъ песку. Если онъ промоетъ сверхъ положеннаго, то за каждый золотникъ золота получаетъ сверхъ того достаточную прибавку къ жалованью. Такимъ образомъ, рабочіе зарабатываютъ достаточно.

Все добытое золото должно доставляться въ Барнаулъ, и въ теченіи 4-мѣсячнаго рабочаго времени позволено привозить золото въ три раза. Часть стоимости доставленнаго золота по квитанціямъ немедленно выдается изъ Государственнаго банка, остальное получается по доставкѣ золота въ Петербургъ.

По окончаніи рабочаго времени разсчитываютъ рабочихъ, они получаютъ деньги и хлѣбъ на дорогу. Впрочемъ, вообще мало пользы приноситъ выработанное, уже черезъ нѣсколько дней въ первой деревнѣ почти все пропито и проиграно, такъ что рабочему, чтобы воротиться на родину, нужно взять задатокъ на слѣдующій годъ, задатокъ, выдаваемый агентами золотопромышленника.

На зиму на пріискахъ остаются только помощникъ смотрителя и нѣсколько рабочихъ для пріемки и охраны привозимыхъ запасовъ.

До сихъ поръ, мы говорили только о расходахъ и значитель-

ныхъ издержкахъ золотопромышленниковъ, скажемъ нѣсколько словъ о доходахъ.

Такъ Никольскіе золотые пріиски, принадлежавшіе Голубкову и Кузнецову, доставили имъ въ 1845 году 29 пудовъ 20 фунтовъ золота, работало 342 человѣка; въ томъ-же году, тѣмъ-же вотчинникамъ принадлежащій Марьинскій пріискъ, гдѣ было занято 458 рабочихъ, далъ не менѣе 81 пуда $19^{1}/_{3}$ фунтовъ благороднаго металла. Еще богаче былъ доходъ въ 1844 году съ Крестовоздвиженскаго пріиска, принадлежащаго Кузнецову и Щеголеву, здѣсь работало 1014 рабочихъ и промыло 87 пудовъ 14 фунт. золота.

Но и такой доходъ уступаетъ доходу съ Спасскаго пріиска, при источникахъ Нескины, найденнаго послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ коммерціи совѣтникомъ Никитою Мясниковымъ, здѣсь въ 1842 году 1.241 рабочій промыли не менѣе 100 пудовъ золота на сумму $1^{1}/_{2}$ милліона талеровъ.

Во всей Восточной Сибири въ 1844 году добыто 816 пудовъ 12 фунтовъ; въ 1845 году—848 пудовъ 36 фунтовъ; въ 1856 году—около 1100 пудовъ, и все еще до сихъ поръ добыча золота увеличивается. Правительству эти промыслы приносятъ вообще болѣе, чѣмъ получается всѣми другими путями съ цѣлой Сибири.

Ясно, что такой источникъ богатства долженъ былъ произвести большой переворотъ въ жителяхъ Сибири, конечно, не для всѣхъ въ хорошую сторону. Богатства, добытыя отдѣльными счастливцами, довели до крайности роскошь въ самыхъ отдаленныхъ городахъ Сибири, и расточаются такъ, что это служитъ доказательствомъ, что образованіе золотопромышленниковъ вовсе не соотвѣтствуетъ пріобрѣтенному ими состоянію.

Городъ Красноярскъ, живописно расположенный на берегу Енисея, съ давнихъ поръ служитъ мѣстопребываніемъ богатыхъ золотопромышленниковъ, и въ то же время центромъ золотопромышленности. Въ прекрасныхъ петербургскихъ и московскихъ экипажахъ разъѣзжаютъ разряженныя дамы по модными магазинамъ, изъ которыхъ самые значительные дѣлаютъ оборотъ въ $1^{1}/_{2}$ милліона руб. Шампанское подчасъ льется рѣкою, хотя бутылка этого вина стоитъ въ Сибири не дешево.

Вообще золотопромышленники въ Сибири живутъ, какъ маленькіе князьки, получая дохода отъ пріисковъ, много болѣе владѣтельныхъ особъ западной Европы. Среди золотопромышленниковъ мало интеллигентныхъ людей и вотъ почему въ городѣ богатѣйшихъ модныхъ магазиновъ, блестящихъ экипажей и безсмысленной роскоши,

нѣтъ ни одной книжной лавки. Не будемъ поэтому завидовать богатству золотопромышленниковъ, которымъ неизвѣстны творенія великихъ людей, самыя чистыя духовныя радости и благородныя наслажденія.

Хотя золотые пріиски быстро обогащаютъ нѣкоторыхъ счастливцевъ и доставляютъ правительству значительный доходъ, но съ другой стороны, вызвали страшную дороговизну жизни въ Сибири. «Весь Енисейскій сѣверъ,—пишетъ Карстенъ,—нѣкогда считавшійся золотымъ дномъ, по богатымъ золотымъ промысламъ, страшно обѣднѣлъ отъ золотыхъ пріисковъ. Чтобы спасти жителей Туруханскаго округа отъ голода, казна должна была ихъ прокормить въ теченіи цѣлой зимы».

Менѣе богатъ золотомъ, чѣмъ Енисейская губернія, но богаче ея мѣдью и желѣзомъ и особенно платиной—Уралъ, гдѣ горное дѣло, основанное Петромъ Великимъ въ концѣ XVII столѣтія, въ настоящее время, достигло колоссальнаго развитія. На Уралѣ золото впервые открыто было въ 1745 году, въ кварцовыхъ жилахъ на рѣкѣ Пижмѣ, около 20 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Екатеринбурга. Это открытіе повело къ самымъ тщательнымъ развѣдкамъ, но до сихъ поръ, еще только рудники по Пижмѣ и Березовкѣ доставляютъ руду, стоющую разработки.

Несравненно важнѣе было открытіе золотыхъ розсыпей. Часто случается, что ищешь вдали того, что у насъ подъ ногами, тоже случилось здѣсь и съ золотомъ. Въ поискахъ золота ходили по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Уральскаго хребта, не зная, что во время этихъ поисковъ ходили по розсыпямъ, изъ которыхъ можно получать золото съ меньшимъ трудомъ и въ большемъ количествѣ.

Въ 1774 году, при прорытіи галлереи около рѣки Березовки, впервые открытъ былъ золотоносный песокъ, промывка котораго осталась безъ серьезныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, на золотыя розсыпи не обращали вниманія до 1804 года, когда Ильманъ объѣхалъ эту страну, обратилъ вниманіе на золотоносный песокъ и собралъ точныя свѣдѣнія о его положеніи и прежнемъ употребленіи.

Ильманъ велѣлъ добыть песка и промыть часть его, остатокъ былъ незначителенъ, ибо въ пескѣ было мало золота; что обусловило возобновленіе поисковъ золотоноснаго песка, этого съ точностію нельзя опредѣлить. Однако-же, въ 1816 году, на Уралѣ до-

было изъ песка 5 пудовъ 35 фунтовъ золота, и два года спустя, близъ Нижниминскихъ заводовъ расшурфованы богатыя золотыя розсыпи.

Тогда всѣмъ уральскимъ горнымъ управленіямъ отданъ былъ приказъ, раздѣлиться естественными границами на округа, и розыскивать золотоносный песокъ. Успѣхъ увѣнчалъ такое начало. Въ Кушвинскомъ округѣ, въ 1821 году найдены, первыя золотыя розсыпи, а въ 1823 г. Березовскій округъ доставилъ 12 пуд. промытаго изъ песка золота. Вскорѣ золотые пріиски начали открываться и во владѣніяхъ частныхъ лицъ. Въ 1823 году, Пермское горное управленіе получило свѣдѣніе, что въ Нижне-Тагильскомъ горномъ округѣ, принадлежащемъ тайному совѣтнику Демидову, въ руслѣ нѣсколькихъ рѣчекъ найдены золотоносные пески, и тогда же открыто, что въ промывномъ золотѣ находится и платина.

Въ 1834 году, Уралъ доставилъ 405 пудовъ золота, и уже въ 1835 году, на казенныхъ горныхъ заводахъ, добыто 132 пуда золота и 6 фунтовъ платины.

Открытіе золота въ имѣніяхъ Уральскихъ горнозаводчиковъ, которые и прежде этого принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ людей въ русскомъ царствѣ, увеличило ихъ богатство до колоссальности, и доставило всемірную извѣстность именамъ Яковлева и Демидова.

Верхне-Исецкъ и Верхне-Тагильскъ (Пермской губерніи), въ 1834 году, принадлежавшіе гвардіи корнету Яковлеву, состояли изъ 427,000 десятинъ пахатной земли и 360,000 десятинъ лѣса. Число душъ доходило до 11,000. Кромѣ неблагородныхъ металловъ въ 1834 году было добыто золота 58 пудовъ, и такъ какъ уральскіе помѣщики пользовались даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ, то очевидно, здѣсь чистаго барыша оставалось болѣе, чѣмъ въ Восточной Сибири.

О громадности горнаго дѣла въ этихъ имѣніяхъ можно составить себѣ понятіе изъ того, что ежегодная пошлина въ казну доходила до 600,000 руб.

Впрочемъ, Нижне-Тагильскъ уже съ 1825 г. принадлежавшій Демидовымъ, еще богаче. Можно сказать, что нигдѣ, во всемъ мірѣ, нельзя встрѣтить столькихъ минеральныхъ богатствъ въ одномъ пунктѣ; здѣсь менѣе, чѣмъ на пространствѣ одной квад. мили 9 заводовъ ежегодно вырабатываютъ 300,000 пуд. желѣза и 60,000 пудовъ мѣди, и, кромѣ того, въ одинъ годъ было промыто 29 пудовъ золота и 113 пудовъ 3 фунта платины (почти все количество, добываемой на Уралѣ, платины).

Все имѣніе состояло изъ 636,000 десятинъ пахатной земли и 450,000 десятинъ лѣса; въ казну платилось пошлины съ горнаго дѣла свыше милліона рублей.

По словамъ Гельмерсена, путешествовавшаго по Уралу, мѣстечко Нижне-Тагильскъ имѣетъ болѣе 2,000 домовъ и 15,000 жителей. Помѣщики всѣми средствами старались распространить здѣсь образованіе. Въ хорошо устроенной элементарной школѣ обучалось до 150 мальчиковъ. Изъ нихъ отличающихся способностью и прилежаніемъ, отправляли въ высшія учебныя заведенія—Ярославскій Демидовскій лицей или Петербургскій университетъ. По окончаніи ученія, во времена крѣпостнаго права, они обыкновенно получали личную свободу и должность въ Демидовскихъ имѣніяхъ.

Отецъ и дѣдъ нынѣшняго владѣльца этихъ помѣстій жили попеременно въ Парижѣ и Италіи, гдѣ составили значительное собраніе произведеній искусства, украшающія Демидовскіе дворцы. Въ Нижне-Тагильскѣ устроена превосходная больница. Гостепріимство, можно сказать, рѣдкое. Пріѣзжаго прямо подвозять къ красивому дому, управляющій котораго тотчасъ-же отводитъ хорошо убранную комнату. Для развлеченія пріѣзжаго къ обѣду и ужину приглашается кружокъ образованныхъ людей. Экипажи и верховыя лошади всегда готовы къ услугамъ для поучительныхъ экскурсій. При этомъ полнѣйшая любезность, не спросятъ даже имени, и при отъѣздѣ напрасно требуешь счетъ. Родоначальникъ Демидовыхъ въ началѣ прошлаго столѣтія былъ извѣстнымъ тульскимъ оружейникомъ.

ГЛАВА XVIII.

Тунгусы.

Родство Тунгусовъ съ Манджурами. — Оленеводы, собаководы, скотоводы, коневоды, лѣсные и береговые Тунгусы.—Тунгусскій охотникъ.—Кочевники душой и тѣломъ.—Характеръ Тунгусовъ.—Одежда.—Лыжи.—Жилище.—Пища.—Шаманство.—Похороны. — Наказаніе соблазненной.—Бивакъ Тунгусовъ.—Ловкость въ тѣлесныхъ упражненіяхъ.—Шахматная игра.—Охотскъ.

Исторія тунгусовъ представляется довольно странной. Въ то время, когда одна часть этого племени, манджуры, завоевываетъ Китай, другая распространяется почти по всей восточной Сибири, изгоняетъ оттуда якутовъ, юкагировъ и чукчей, и затѣмъ сама подпадаетъ подъ русское владычество. Въ 1640 году казаки въ первый разъ встрѣтили тунгусовъ, а въ 1644 году, на китайскій тронъ вошелъ первый манджурскій императоръ. Тоже самое племя, которое въ Китаѣ покоряетъ $^1/_3$ всего человѣческаго рода, оказывается само побѣжденнымъ въ Сибири нѣсколькими удальцами. Объяснить этотъ, на первый разъ, кажущійся страннымъ, фактъ, однако, вовсе не трудно. Тунгусы были вооружены луками и стрѣлами, казаки же имѣли ружья и пули, а побѣда выпадаетъ всегда на долю того противника, который храбрѣе и лучше вооруженъ.

Относительно духовнаго развитія манджуры отличаются отъ Сибирскихъ Тунгусовъ, насколько различна судьба этихъ одноплеменныхъ народовъ. Манджуры представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи цивилизаціи; менѣе нежели 350 лѣтъ тому назадъ, они были такими же кочевниками, какъ ихъ сѣверные собратья, не умѣли ни читать, ни писать; въ настоящее же время, они уже имѣютъ богатую литературу, а ихъ языкъ сдѣлался придворнымъ язы-

комъ въ Пекинѣ. Въ то же время, покоренные и обнищалые тунгусы остались такъ-же грубы и невѣжественны, какъ во время покоренія ихъ казаками.

По занятіямъ и различнымъ животнымъ, удовлетворяющимъ ихъ нуждамъ, тунгусовъ, дѣлятъ на оленеводовъ, собаководовъ, скотоводовъ, коневодовъ, лѣсныхъ и береговыхъ тунгусовъ. Не смотря на такое дѣленіе и на обширныя пространства, занимаемыя тунгусами отъ бассейновъ Верхней, Средней и Нижней Тунгуски до западнаго берега Охотскаго моря, и отъ Китайской границы и Байкала до Ледовитаго моря, число всѣхъ тунгусовъ не превышаетъ 30.000 душъ. Разведеніемъ лошадей и рогатаго скота они занимаются только въ Нерчинскомъ округѣ и по рѣкѣ Виллю. Сѣвернаго оленя тунгусы приручили съ незапамятныхъ временъ. Обѣднѣвшій тунгусъ, у котораго скотъ палъ, занимается рыбною ловлею, изъ домашнихъ животныхъ у него остается только собака, служащая для перевозки тяжестей; иногда такой тунгусъ становится *промышленникомъ* и переходитъ въ ледяную пустыню. Какъ плохо ему приходится на новомъ мѣстѣ, объ этомъ можно составить себѣ понятіе изъ разсказаннаго Врангелемъ примѣра. Этотъ путешественникъ нашелъ въ маленькой хижинѣ такого, отдѣлившагося отъ своихъ соплеменниковъ, тунгуса съ его дочерью. Нужно побывать въ этой пустынѣ и посѣтить сквозную хижину тунгуса, чтобы понять страшное положеніе этихъ двухъ анахоретовъ. Особенно жалка была бѣдная дѣвушка: въ то время, какъ отецъ ея нерѣдко по нѣсколько дней преслѣдовалъ какого-нибудь сѣвернаго оленя, ей приходилось оставаться въ несчастной хижинѣ одинокою, безпомощною, безъ достаточно теплой одежды, на страшномъ холодѣ, нерѣдко страдающей отъ голода. Разсказываютъ даже, что въ очень отдаленное время такіе тунгусы дѣлались людоѣдами, такъ что ихъ болѣе счастливымъ братьямъ приходилось охранять отъ этихъ дикарей не только сѣверныхъ оленей и собакъ, но даже женъ и дѣтей: Очевидно, что съ такими тунгусами, въ свою очередь, обращались, какъ съ дикими звѣрями и истребляли ихъ безъ всякаго сожалѣнія.

Благодаря заботамъ русскаго правительства, положеніе тунгусовъ значительно улучшено въ настоящее время. Они свободно селятся вдоль береговъ большихъ, обильныхъ рыбою рѣкъ; а въ случаѣ нужды, поселенцевъ снабжаютъ всѣми нужными для рыбной ловли снастями.

Только крайняя нужда можетъ заставить тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ; потому что тунгусъ кочевникъ со всею

ВОЛКЪ.—РЫСЬ.

Тунгусъ верхомъ на оленѣ.

Дозволл цензур. Спб. 20 Авг. 1896 г. *Тип. Д. призр. мал. бѣдн. Лит., 26.*

страстью души; уже черезъ нѣсколько дней онъ переноситъ свою палатку на другое мѣсто и утверждаетъ, что не существуетъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ по-русски или якутски. Своей беззаботностью и веселостью, подвижностью, ловкостью и остротой, пріятнымъ и веселымъ юморомъ, тунгусъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ племенъ, мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка, кислаго, непривѣтливаго якута. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже-хитеръ и пронырливъ. Одежда тунгуса также соотвѣтствуетъ его подвижности, и въ тоже время свидѣтельствуетъ о его легкомысліи. Онъ не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, но изъ тѣхъ-же шкуръ шьетъ себѣ одежду нѣсколько похожую на *фракъ*, который дикарь обыкновенно украшаетъ бусами, полосками сукна и конскими волосами, и на столько узкій, что едва его можно застегнуть, ибо, по тунгусской модѣ, нужно оставлять грудь открытою, чтобы видна была расшитая бусами нижняя одежда, покрывающая грудь. На головѣ тунгусъ носитъ татарскую феску, всю унизанную бусами. Короткія, доходящія до колѣнъ панталоны, изъ тонкой замши, и башмаки, также украшенныя полосками изъ бусъ, на плечахъ виситъ ожерелье изъ бусъ, мѣшечекъ съ огнивомъ, трутомъ и кремнемъ. Наконецъ лента, обвивающая косу, унизана оловяпными пуговицами, бусами и старыми мѣдными пружинами. Всѣ эти украшенія тунгуски очень искусно пашиваютъ сухожильемъ сѣверныхъ оленей. Эти сухожилья раздѣляютъ на волокна требуемой толщины, затѣмъ размачиваютъ во рту, пока не станутъ клейкими, и наконецъ концы волоконъ скручиваютъ ладонью на правомъ колѣнѣ. Характернымъ отличіемъ работящей женщины служитъ лоснящееся, покрытое клеемъ мѣсто на кожанныхъ панталонахъ. Работая, она куритъ крѣпкій черкесскій табакъ, и такъ какъ онъ дорогъ, то къ нему примѣшиваютъ мелкія, постоянно свѣжія сосновыя стружки.

Когда тунгусъ ѣдетъ верхомъ на своемъ сѣверномъ оленѣ по лѣсу или отправляется на охоту за дичью по болотамъ, тогда онъ снимаетъ нѣкоторыя украшенія, ибо бусами унизанные башмаки въ такое время не могутъ выполнять своей цѣли. Тунгусъ надѣваетъ тогда свои длинные непромыкаемые сапоги (сари), которые пропитываются теплымъ рыбьимъ жиромъ. На охоту тунгусъ беретъ съ собою собаку, при чемъ охотничьи снаряды его необыкновенно просты. Топоръ для рубки лѣса, котелокъ, кожанный мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ вяленнаго мяса, короткое ружье, лыжи и очки для снѣга,—вотъ все, что нужно маленькому, некрасивому

съ выдающеюся челюстью, съ желтыми полосами нататуированнымъ лицемъ тунгусу, для того, чтобы идти въ лѣсъ. Лыжи въ 5 футовъ длиной и 4 дюйма шириной имѣютъ видъ ложки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощью лыжъ, онъ быстро носится по ослѣпительно бѣлой поверхности и, подобно якуту, защищаетъ свои глаза отъ отраженія снѣга красиво сплетенною изъ черныхъ конскихъ волосъ частою сѣтью.

Понятно, что вѣчно кочующему оленеводу тунгусу нужно имѣть переносное жилище. Онъ покрываетъ свою палатку замшею или на внутреннимъ слоемъ бересты, которому придаетъ гибкость кожи тѣмъ, что мнетъ его, коптитъ и держитъ на водяныхъ парахъ. Юрта осѣдлаго тунгуса по внутреннему расположенію похожа на якутскую, и состоитъ изъ квадратнаго пространства съ плоскою земляною крышею; внутри юрты устраивается каминъ изъ битой глины.

На вкусъ тунгусы весьма не прихотливы. Одно изъ любимыхъ ихъ кушаній состоитъ изъ непереваренаго содержимаго желудка сѣвернаго оленя, прибавивъ къ нему ягодъ они раскладываютъ его тонкими пластами на древесную кору и сушатъ на солнцѣ или на вѣтру. Тунгусы, поселившіеся по Вилюю и близъ Нерчинска, много употребляютъ кирпичнаго чаю. Изъ него съ жиромъ и ягодами приготовляютъ густую кашицу. Отъ этого нездороваго кушанья тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя они вообще желты по природѣ.

Далеко не всѣ тунгусы обратились въ христіанство; между ними есть немало такихъ, которые по прежнему чтутъ своихъ шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а кладутъ покойниковъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, въ большіе ящики, которые вѣшаются между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ, развѣ шаманъ случится по близости, тогда прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который поѣдается шаманомъ и родственниками. покойника, а духи наслаждаются запахомъ сожженнаго жира.

Какъ у остяковъ и самоѣдовъ, такъ и у тунгусовъ на женщину смотрятъ исключительно, какъ на товаръ. Отецъ отдаетъ свою дочь за 20—100 сѣверныхъ оленей, если-же женихъ бѣденъ, то онъ долженъ, какъ нѣкогда Іаковъ свою Рахиль, выкупить продолжительной кабалой. Многоженство здѣсь допускается, но немногіе въ состояніи позволить себѣ роскошь имѣть двухъ женъ. Тунгусы отличаются чистотою нравовъ. Дѣвица, согрѣшившая противъ цѣломудрія, наказуется тѣмъ, что ее съ завязанными глазами ведутъ,

пока она не натолкнется на дерево, *всѣ* вѣтви котораго употребляются для ея наказанія. Но послѣ этого о проступкѣ нѣтъ и рѣчи; сѣченіе все очистило.

Въ Восточной Сибири тунгусы вмѣстѣ съ якутами занимаются перевозкою тяжестей и путешественниковъ по неизмѣримымъ лѣсамъ, при чемъ путешественники не разъ имѣли случай подивиться тунгуской ловкости и веселости. Прибывъ вечеромъ на ночлегъ, въ одно мгновеніе олени развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ, узды и другія принадлежности собраны и повѣшены на древесныя вѣтви, голодное стадо исчезло въ лѣсной чащѣ, тамъ оно само позаботится о кормѣ. Затѣмъ мущины, ушедшіе съ топорами, тащутъ на бивакъ пару срубленныхъ большихъ лиственницъ. Тонкія вѣтви обрубаютъ и складываютъ на снѣгу вмѣсто тюфяковъ; стволы же кладутъ на расчищенномъ для костра мѣстѣ.

Изъ середины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами и хвоей, и всѣмъ этимъ быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ, наполненный снѣгомъ, уже виситъ на толстой вѣтви, воткнутой въ землю, въ немъ варятъ чай. Такъ какъ тунгусы каждый вечеръ все это дѣлаютъ одинаковымъ способомъ, то, понятно, что они быстро и мастерски это дѣлаютъ.

Сидя спокойно на оленьемъ сѣдлѣ, подъ которое подложены обрубленныя вѣтви, путешественникъ любуется игрою пламени, освѣщающаго исполинскіе стволы деревьевъ и блестящія массы снѣга, или же наслаждается хороводомъ тунгусовъ, которые они водятъ подъ мелодическіе звуки пѣсенъ. Захочетъ путешественникъ подивиться ловкости тунгусовъ въ рыцарскихъ играхъ, стоитъ ему сказать нѣсколько словъ и роздать по нѣскольку глотковъ водки. Двое тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ, чтобы она не касалась земли. Въ это время третій тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ стрѣлу и лукъ, натягиваетъ его и пускаетъ стрѣлу и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Смѣлые тунгусы даже подставляютъ ноги острію меча, которымъ изо всей силы машетъ лежащій на землѣ тунгусъ.

Если-же путешественникъ любитъ шахматную игру, то тунгусы и тутъ къ его услугамъ, они страстью предаются этой лучшей и благороднѣйшей игрѣ, хотя эта игра ведется у нихъ нѣсколько иначе чѣмъ въ Европѣ, такъ ферзь у нихъ не прыгаетъ, какъ

конь, вѣроятно потому, что они считаютъ эксцентрическіе прыжки несовмѣстными съ достоинствомъ королевы.

Подобно другимъ сибирскимъ кочевникамъ, тунгусы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщаютъ ярмарки, которыхъ въ громадной области ихъ кочевья бываетъ нѣсколько—въ Киренскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, чрезвычайно живописной Читѣ и крайне печальномъ Охотскѣ. На этихъ ярмаркахъ идетъ такая же торговля, какъ и на всѣхъ другихъ нами описанныхъ ярмаркахъ крайняго сѣвера, и предметы торговли одни и тѣже, такъ какъ продукты и потребности кочевниковъ вездѣ одинаковы. Тунгусъ страстно любитъ водку, и нерѣдко послѣ перваго глотка онъ отдаетъ за стаканъ водки всѣ свои мѣха, а за второй не пожалѣетъ и верхней одежды. Понятно, что такіе кліенты весьма удобны для ярморочныхъ торгашей. Вообще православные торговцы пушнымъ товаромъ, лучше всѣхъ другихъ купцовъ въ мірѣ умѣющіе пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, охотно отправляются къ тунгусамъ язычникамъ съ большимъ запасомъ водки, которая въ мѣновой торговлѣ съ дикаремъ является самымъ могучимъ средствомъ выгодной сдѣлки.

Мы назвали Охотскъ крайне печальнымъ. И дѣйствительно, ни одинъ путешественникъ, побывавшій въ Охотскѣ, не сказалъ объ немъ добраго слова. На десять миль кругомъ не растетъ ни одного дерева, едва зеленѣетъ листокъ и среди бѣдныхъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ хижинъ, находится гнилое болото, которое, оттаивая, испускаетъ вредныя испаренія. Только въ концѣ мая, вскрывается ото льда, около Охотска, впадающая въ море, рѣка Охота; ледъ идетъ по ней до 15—20 іюня. Непосредственно за этимъ, наступаетъ отвратительное время года, такъ называемый *бусг* сибиряковъ, отличающееся безпрерывнымъ мелкимъ дождемъ и густымъ туманомъ. Наконецъ, въ іюлѣ погода улучшается, но уже въ августѣ почва снова покрывается инеемъ.

Вообще Охотскъ принадлежитъ къ весьма дряннымъ сибирскимъ городамъ. Превосходные лососи, которыхъ въ охотскомъ морѣ насчитываютъ не менѣе 14 видовъ, составляютъ единственную пищу, получаемую изъ окрестностей. Всѣ другіе пищевые продукты привозятся изъ якутска или же доставляются на кораблѣ съ Сандвичевыхъ острововъ, и потому страшно дороги. Мясо подается только за столомъ богатыхъ людей, что-же касается бѣдняковъ, то для нихъ и хлѣбъ считается иногда роскошью. Неудивительно, что при такой плохой пищѣ, въ Охотскѣ почти всякую зиму свирѣпствуетъ цинга. Припасы подвозятъ только лѣтомъ и въ такомъ

ограниченномъ размѣрѣ, что ихъ часто не хватаетъ до новаго привоза. Охотскіе жители идутъ на встрѣчу перваго каравана, перешедшаго черезъ Алданъ и состоящаго изъ многихъ тысячъ вьючныхъ лошадей, съ неменьшей поспѣшностью встрѣчаютъ они и приходъ корабля Американской компаніи.

Но какъ бы ни былъ жалокъ Охотскъ, обитатели его смотрятъ на себя съ нѣкоторою гордостью, присущею жителямъ большихъ городовъ. Но это ни мало не мѣшаетъ Охотску съ каждымъ годомъ терять свое значеніе и уступать мѣсто новымъ поселеніямъ по Амуру.

ГЛАВА XIX.

Георгъ Вильгельмъ Стеллеръ.

Рожденіе и его юность.—Вступаетъ врачемъ въ русскую службу.—Ученое путешествіе въ Камчатку.—Сопровождаетъ Беринга во второе путешествіе.—Страданія во время путешествія.—Островъ Каякъ.—Находки.—Возвратный путь.—Зимовка на пустынномъ Беринговомъ островѣ.—Смерть Беринга.—Опасный переѣздъ въ Камчатку.—Потеря имущества.—Двукратное возвращеніе въ Сибирь съ дороги въ Петербургъ.—Стеллеръ умираетъ въ Тюмени.

Георгъ Вильгельмъ Стеллеръ родился въ 1709 году въ Виндсгеймѣ, въ Франконіи. Съ самаго нѣжнаго возраста онъ отличался выдающимися способностями и прилежаніемъ; съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивались первыя, послѣднее никогда не уменьшалось. Юношею естественныя науки занимали его умъ, и сдѣлали то, что онъ въ университетѣ оставилъ богословіе, къ изученію котораго Стеллеръ былъ предназначенъ. Онъ получилъ потомъ мѣсто преподавателя ботаники, но жажда знанія развила въ немъ стремленіе къ путешествіямъ, и, наконецъ, онъ рѣшился отправиться въ Россію, тогдашнее Эльдорадо всѣхъ любознательныхъ умовъ.

Сначала Стеллеръ опредѣлился врачемъ въ русскія войска, въ то время осаждавшіе Данцигъ. По взятіи этого города его отправили съ больными и ранеными солдатами въ Петербургъ, куда онъ прибылъ уже зимою 1734 года, не разъ подвергая жизнь опасности. Здѣсь Стеллеръ скоро обратилъ на себя вниманіе своими научными знаніями, что слѣдуетъ уже изъ того, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался членомъ академіи наукъ, и въ 1738 году былъ отправленъ правительствомъ въ Камчатку, для изслѣдованій естественныхъ произведеній этой страны. Сочиненія Стеллера и много-

численныя коллекціи, присланныя имъ въ академію, служатъ доказательствомъ добросовѣстности, съ какою онъ исполнилъ данное ему порученіе.

Закончивъ свои работы въ Камчаткѣ, Стеллеръ въ 1740 году просилъ разрѣшенія сопровождать капитана Шпангберга въ Японію, но прежде нежели пришелъ отвѣтъ, Берингъ, намѣревавшійся предпринять свое второе путешествіе, уговорилъ Стеллера сопутствовать ему въ этой несчастной экскурсіи.

Цѣль экспедиціи, снаряженіе которой заняло не менѣе 10 лѣтъ, состояла въ томъ, чтобы розыскать, какъ далеко отстоитъ Америка отъ Камчатки и не соединяются-ли обѣ страны на сѣверѣ. Вопросы, на которые, какъ извѣстно, первое путешествіе Беринга (1730) не дало отвѣтовъ.

Молодому Стеллеру показалось такое путешествіе тѣмъ болѣе привлекательнымъ, что ему была обѣщана помощь во всѣхъ его работахъ. Съ радостною надеждою, сѣлъ онъ на находящійся подъ командою Беринга корабль «Св. Петръ», который вмѣстѣ съ другимъ кораблемъ «Св. Павелъ», находящимся подъ командою Чирикова, 4 іюня 1741 года вышелъ изъ Авачинской губы. Но съ самаго начала несчастіе стало преслѣдовать экспедицію, надъ ней какъ бы тяготѣли проклятія сибиряковъ. Много было потеряно драгоцѣннаго времени, такъ какъ мѣсяцемъ раньше можно было выйти изъ гавани, но больной Берингъ, не имѣвшій силъ для выполненія такого предпріятія, почти не выходилъ изъ каюты.

Нѣсколько дней спустя, туманъ разлучилъ корабли, которые больше уже не свидѣлись; «Св. Петръ», вслѣдствіе юго-западнаго вѣтра, дувшаго въ началѣ путины, взялъ слишкомъ къ югу, такъ что Алеутскіе острова остались неоткрытыми, и только послѣ 4-недѣльнаго плаванія путешественники увидѣли первую землю близъ Берингговой бухты. Во время пути, Стеллеру пришлось вытерпѣть много непріятностей въ борьбѣ съ тупоуміемъ и надменностью его спутниковъ. Напрасно онъ указывалъ на слѣды, по которымъ можно было предполагать, что къ сѣверу находится земля, напрасно просилъ онъ, чтобы хотя только одинъ день плыли въ этомъ направленіи: всѣ его просьбы и указанія были осмѣяны, такъ какъ онъ не былъ морякомъ, какъ будто, какъ замѣчаетъ самъ Стеллеръ, «съ правилами навигаціи научаются всѣмъ наукамъ и логическимъ выводамъ».

Когда-же, наконецъ, 15 іюля изъ морскихъ волнъ выглянули высокія горы Америки и 19 стали на якорь около небольшаго

острова Каяка, былъ собранъ совѣтъ для рѣшенія, какъ лучше употребить время; должно-ли въ такую позднюю пору продолжать плаваніе вдоль береговъ земли, перезимовать здѣсь, или же прямымъ путемъ возвратиться обратно. Но всѣ эти вопросы такъ и остались нерѣшенными на совѣщаніи, каждый дѣлалъ, что хотѣлъ. Единогласно рѣшено было только одно: налиться свѣжей водой; при этомъ Стеллеръ не выдержалъ и сказалъ Берингу: «итакъ мы сюда пришли, чтобы американскую воду перевести въ Азію».

Когда же послѣ этого отправлена была лодка для рекогносцировки, и Стеллеръ желалъ высадиться на землю, ему не позволили сдѣлать береговой экскурсіи. Этотъ поступокъ слишкомъ хорошо характеризуетъ степень образованія тогдашнихъ русскихъ моряковъ. Вотъ, что по этому поводу говоритъ самъ Стеллеръ:

«Меня старались напугать разсказами о страшныхъ убійствахъ, и когда я на это отвѣтилъ, что никогда не боялся опасностей, и не понимаю, почему меня не хотятъ спустить на землю, тогда какъ моя цѣль, призваніе, обязанность и, наконецъ, твердая воля состоитъ въ томъ, чтобы служить, по мѣрѣ силъ, правительству, какъ служилъ доселѣ; тогда меня назвали дикаремъ, котораго нельзя удержать отъ исполненія обязанностей, даже шеколадомъ, который былъ поданъ на столъ. Когда же я увидѣлъ, что меня хотятъ принудить къ неисполненію службы, то я, отбросивъ всякую вѣжливость, *взмолился особой молитвой*, что тотчасъ-же смягчило командира, онъ отпустилъ меня на землю съ водовозами, не оказавъ ни малѣйшей помощи».

Лишь только Стеллеръ въ сопровожденіи казака сошелъ на берегъ, онъ тотчасъ-же направилъ свой путь во внутрь страны чтобы открыть людей и человѣческія жилища. Едва онъ прошелъ версты двѣ, какъ уже нашелъ подъ деревомъ выдолбленный пень, въ которомъ дикари, за неимѣніемъ котла или другой утвари, варили мясо раскаленными каменьями, кромѣ того онъ нашелъ различныя чашки съ солодковымъ корнемъ, и деревянный снарядъ для добыванія огня, совершенно такой-же, какой видалъ въ Камчаткѣ. Изъ этого Стеллеръ заключилъ, что жители американскаго берега вѣроятно одного происхожденія съ камчадалами и слѣдовательно, обѣ страны на сѣверѣ сходятся близко другъ къ другу, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы камчадалы на своихъ жалкихъ судахъ могли переплыть по морю такое далекое разстояніе.

Пройдя около 3 верстъ, Стеллеръ нашелъ тропинку, которая вела въ густой мрачный лѣсъ, находящійся у самаго берега. Здѣсь

Стеллеръ переговорилъ со своимъ казакомъ, вооруженнымъ ружьемъ, ножемъ и топоромъ, какъ поступать при встрѣчѣ съ дикарями и приказалъ казаку ничего не предпринимать безъ приказанія. У Стеллера былъ при себѣ только якутскій кинжалъ, которымъ ученый вырывалъ растенія и каменья.

Черезъ полчаса они пришли на мѣсто, покрытое срѣзанной травой, подъ которой оказалась каменная прикрышка. Сложивъ въ сторону камни, они подъ ними нашли древесную кору, положенную на шестахъ, и покрывавшую прямоугольное пространство въ 3 сажени длиною и въ 2 шириною. Подъ корой и шестами находился погребъ въ 3 сажени глубиной и въ немъ найдены большіе запасы копченой рыбы, солодковаго корня, свертковъ луба лиственницы или пихты, который во всей Сибири идетъ въ пищу въ голодное время, и большихъ связокъ морскихъ водорослей. Тутъ же лежало нѣсколько, выкрашенныхъ черною краскою выстроганныхъ стрѣлъ, которыя были значительно длиннѣе камчатскихъ.

Не смотря на страхъ, что на него могутъ напасть дикари, Стеллеръ подробно осмотрѣлъ все находившееся въ погребѣ, послалъ своего казака съ образцами къ мѣсту, гдѣ наливались водой, и приказалъ отнести все это капитану Берингу, причемъ просилъ двухъ или трехъ человѣкъ себѣ на помощь. Послѣ этого онъ привелъ погребъ въ прежній порядокъ и съ удивительнымъ мужествомъ одинъ отправился на дальнѣйшіе поиски въ дикой странѣ. Пройдя около 6 верстъ, Стеллеръ пришелъ къ горному кряжу и увидѣлъ дымъ, поднимавшійся надъ сосновымъ лѣсомъ, которымъ поросъ отдаленный холмъ; итакъ можно вполнѣ было надѣяться встрѣтить людей и получить отъ нихъ свѣдѣнія необходимыя для описанія новооткрытой страны.

Съ поспѣшностью человѣка, имѣющаго сообщить нѣчто важное, воротился Стеллеръ къ мѣсту высадки и приказалъ матросамъ, отчалившимъ отъ берега, объявить начальнику экспедиціи о своемъ открытіи и попросить у Беринга небольшой лодки и нужныхъ людей на нѣсколько часовъ. Между тѣмъ совершенно утомленный Стеллеръ собралъ и описалъ рѣдкія растенія на берегу и напился превосходной воды.

Часъ спустя, Стеллеръ получилъ отъ Беринга, какъ самъ называетъ, *патріотическій* и *ласковый* отвѣтъ: «немедленно возвратиться на судно, иначе его не будутъ дожидаться и онъ будетъ оставленъ на берегу». Честный Стеллеръ! Въ какую ярость должно

привести тебя приказаніе, которое обмануло всѣ ожиданія твоей ученой любознательности.

Утромъ, 21 іюля, Берингъ противъ обыкновенія вышелъ на палубу и приказалъ поднять якорь, чтобы возвратиться прежнимъ путемъ. Открытый материкъ не удостоился даже посѣщенія, а на изслѣдованіе небольшаго передъ нимъ лежащаго острова употребили всего 10 часовъ. Такъ вотъ для чего хлопотали въ теченіи 10 лѣтъ и пожертвовали жизнію столькихъ людей.

Мы умолчимъ о невзгодахъ возвратнаго пути, которыя должно приписать скорѣе дурному управленію судна, чѣмъ неблагопріятнымъ вѣтрамъ и бурямъ. Не будемъ также говорить о часто видѣнныхъ и только одинъ или два раза посѣщенныхъ островахъ и то только, чтобы запастись водою, о болѣзняхъ, развившихся на кораблѣ, который болѣе трехъ мѣсяцевъ крейсировалъ по морю и бросался въ разныя стороны; не будемъ говорить и о бѣдствіяхъ, усугублявшихся съ каждымъ днемъ!

Какъ всѣ обрадовались, когда, наконецъ, 5-го ноября увидали землю, которую принимали за Камчатку, на самомъ же дѣлѣ это былъ пустынный Беринговъ островъ, отстоящій на 20 миль отъ Камчатки. Даже полуживые выползли на палубу, чтобы посмотрѣть на землю, и каждый отъ души благодарилъ Бога за его милость. Моряки въ своемъ невѣдѣніи громко хвалились: «будь хоть тысячу мореплавателей, никто не пришелъ бы вѣрнѣе къ цѣли! Мы не ошиблись даже на полмили»!

Всѣ полагали, что находятся при входѣ въ Авачинскую губу, и даже называли отдѣльныя горы. Ошибка разъяснилась, когда, огибая небольшой мысъ, не нашли нѣсколькихъ весьма знакомыхъ острововъ.

Однако, никто не сомнѣвался, что страна дѣйствительно Камчатка, и такъ какъ, вслѣдствіе дурной погоды и малаго числа годныхъ къ работѣ людей, считали труднымъ достигнуть Авачинской губы, то рѣшились войти въ бухту и отсюда отправиться въ Нижне-Камчатскъ, чтобы выслать лошадей для перевозки экипажа.

Стеллеръ одинъ изъ первыхъ вышелъ на берегъ, онъ же открылъ ошибку опытныхъ мореплавателей. Морскія выдры встрѣтили Стеллера при выходѣ на землю, а онъ хорошо зналъ, что эти, преслѣдуемыя промышленниками, животныя давно уже исчезли у камчатскихъ береговъ. Не менѣе замѣчательно было множество, почти небоявшихся человѣка нерпъ, и большое количество, игравшихъ въ водѣ, морскихъ коровъ (Manatus)—все это свидѣтельствовало,

что нога человѣка не ступала на этотъ берегъ. Слѣдуя указаніямъ неизбѣжной судьбы, Стеллеръ первый нашелъ мѣсто, годное для зимовки, первый подумалъ постройкѣ хижины, образовалъ съ нѣ сколькими товарищами общество, которое поклялось помогать другъ другу, какъ бы ни сложились обстоятельства.

Въ слѣдующіе дни высадили на берегъ больныхъ, изъ которыхъ многіе умирали, лишь только вышли на свѣжій воздухъ, а другіе во время перевозки. «Вся страна представляла печальный и ужасный видъ, покойниковъ, которыхъ еще не успѣли предать землѣ, обгладывали, песцы, не боясь подходить и по-собачьи обнюхивать безпомощныхъ больныхъ, лежавшихъ на берегу безъ всякой покрышки. Иной больной кричалъ отъ холода, другой жаловался на голодъ и жажду—цинга многимъ такъ страшно изуродовала ротъ, что отъ сильной боли они не могли ѣсть, почти черныя, какъ губка распухшія десна, переросли и покрыли зубы».

Мы будемъ продолжать выписки изъ дневника мужественнаго естествоиспытателя, такъ какъ нельзя изобразить болѣе яркими красками печальнаго положенія экспедиціи. «13 ноября. Сегодня, послѣ обѣда, я въ первый разъ съ Плениспером и Бегде пошелъ на охоту: мы убили четырехъ морскихъ выдръ, и воротились уже почью. Изъ печени, почекъ, сердца и мяса этихъ животныхъ мы приготовили различныя вкусныя блюда, которыя съѣли съ желаніемъ, чтобы Провидѣніе намъ и впередъ давало такую пищу. На шкуры мы смотрѣли, какъ на нѣчто неимѣющее цѣны, ибо теперь дорожили болѣе такими предметами, на которые прежде не обращали вниманія—какъ топорами, ножами, иглами, нитками, веревками и т. п. Мы увидѣли, что умъ, ученость и другія заслуги здѣсь не даютъ никакого преимущества и вовсе не помогаютъ находить средствъ къ жизни, и такъ прежде нежели стыдъ и нужда насъ принудили къ тому, мы рѣшились сами работать изо всѣхъ оставшихся силъ, чтобы впослѣдствіи не смѣялись надъ нами, и чтобъ намъ не дожидаться приказаній. Мы ввели общежительство между нами пятерыми и завели такое хозяйство, чтобы намъ не терпѣть нужды. Трое казаковъ остались съ нами, мы обращались съ ними по-товарищески, называя ихъ по имени и отчеству, и вскорѣ замѣтили, что Петръ Максимовичъ сталъ гораздо услужливѣе прежняго Петрухи.

«14 ноября. Мы продолжали строить жилище и раздѣлились на три партіи; первая пошла работать на корабль, чтобы перевезти на землю больныхъ и провіантъ; другая возила бревна изъ-за че-

тырехъ верстъ, а я и больной канониръ остались дома, я готовилъ кушанье, а онъ устраивалъ сани для перевозки дровъ и другихъ надобностей. Принявъ на себя обязанность повара, я получилъ еще два другихъ побочныхъ назначенія, именно, я долженъ былъ посѣщать время отъ времени командира Беринга и помогать ему въ разныхъ случаяхъ; такъ какъ мы первые устроили хозяйство, то кромѣ того, я былъ еще обязанъ разносить больнымъ и слабымъ теплый супъ, что мы и продолжали дѣлать до тѣхъ поръ, пока они не поправились и уже сами могли помогать себѣ.

«Сегодня-же были устроены казармы, куда послѣ обѣда перенесли многихъ больныхъ, которые, по недостатку мѣста, валялись на землѣ, покрытые тряпками и платьемъ. Никто изъ нихъ не могъ помогать другъ другу и со всѣхъ сторонъ слышались только стоны да жалобы. Зрѣлище было такъ ужасно, что самые сильные падали духомъ.

«15 ноября всѣ больные были перевезены на берегъ. Мы взяли одного, Бориса Зенда, въ свое жилище и съ Божьею помощью, онъ черезъ 3 мѣсяца выздоровѣлъ. Сегодня же получено извѣстіе, отъ котораго каждый еще болѣе упалъ духомъ. Наши развѣдчики не нашли на западѣ никакого признака соединенія этой земли съ Камчаткой, и ни малѣйшаго слѣда человѣческихъ жилищъ. Кромѣ того, мы каждый день боялись, что при безпрерывныхъ бурякъ. судно наше загонитъ въ море и мы потеряемъ весь провіантъ, а съ этимъ вмѣстѣ и всякую надежду на спасеніе. Вслѣдствіе сильнаго морскаго волненія часто по нѣсколько дней мы не могли на лодкѣ подойти къ кораблю. Къ тому же 10—12 человѣкъ, работавшіе сверхъ силъ, тоже заболѣли. Вообще недостатокъ, нагота, холодъ, сырость, потеря силъ, болѣзнь, нетерпѣніе и отчаяніе были нашими ежедневными гостями».

По счастію буря выбросила корабль на берегъ и притомъ сдѣлала это такъ, какъ нельзя сдѣлать руками человѣка. Это обстоятельство не только сохранило оставшіеся жизненные припасы, но и дало средства для будущаго освобожденія.

Многіе больные цингой умерли; а 8 декабря скончался начальникъ экспедиціи—Берингъ, уже пожилой и болѣзненный человѣкъ, нерѣдко самъ жаловавшійся на недостатокъ силъ для такого труднаго командованія; вѣроятно онъ не умеръ бы, если бы достигъ Камчатки, жилъ тамъ въ теплой комнатѣ и ѣлъ свѣжую пищу. Итакъ Берингъ погибъ отъ холода, голода, безпокойства и горя; поучи-

тельный примѣръ для всѣхъ, пускающихся въ предпріятія, на которыя не имѣютъ достаточнаго запаса силъ.

Между тѣмъ, экипажъ въ пяти земляпкахъ защитился отъ зимнихъ холодовъ. Здоровье большинства возстановлялось отъ употребленія превосходной воды и свѣжаго мяса. Всѣ заботились объ одномъ, какъ собрать сколько можно болѣе силъ, чтобы весною приняться за дѣло освобожденія. Въ апрѣлѣ начали передѣлывать изъ пришедшаго въ негодность корабля маленькое судно для переѣзда въ Камчатку. Наконецъ, 13 августа, мы всѣ перешли изъ своихъ жилищъ на судно, которое или довезетъ насъ до отечества, или-же чѣмъ нпымъ разрѣшитъ нашу судьбу.

Но несчастіе покидаетъ человѣка съ трудомъ, разъ оно начало его преслѣдовать. Не обошелся безъ страха и заботъ и этотъ короткій переѣздъ. Въ суднѣ оказалась щель, чрезъ которую вода шла такъ сильно, что грозила утопить маленькое, вполнѣ нагруженное судно. Помпы, подъ которыя забыли поставить чаны, вскорѣ засорились оставшимися стружками и опасность росла съ каждымъ мгновеніемъ, ибо вѣтеръ крѣпчалъ, а судно, какъ можно представить себѣ, было построено очень непрочно и на скорую руку. Послѣ долгихъ хлопотъ, наконецъ, плотнику удалось по облегченіи корабля заткнуть отверстіе—и на этотъ разъ путешественники были спасены. 17 августа мы увидѣли материкъ Камчатки, но только 27 вечеромъ, послѣ 9-дневнаго лавированія вошли въ гавань.

«Какъ ни радовались мы своему спасенію и пріѣзду,—говоритъ Стеллеръ,—но въ большое волненіе насъ привело извѣстіе, которое получили у самаго устья отъ одного камчадала. Насъ всѣхъ сочли за умершихъ и все, что мы здѣсь оставили, перешло въ чужія руки и большею частью было увезено. Отъ этого въ нѣсколько мгновеній радость перешла въ горе, впрочемъ, мы всѣ уже привыкли къ бѣдамъ и несчастьямъ, и вмѣсто новыхъ плановъ, думали только о продолженіи прежняго образа жизни».

Въ 1744 году, Стеллеръ получилъ приказаніе возвратиться въ Петербургъ, но своимъ свободомыслiемъ онъ навлекъ себѣ много враговъ. Уже достигъ Стеллеръ Новгорода, уже видитъ онъ себя въ образованномъ мірѣ, послѣ многолѣтней разлуки, какъ вдругъ настигаетъ его приказаніе немедленно возвратиться въ иркутскую канцелярію по поводу обвиненія въ раздачѣ пороха азіятскимъ народамъ во вредъ Россіи. И снова принужденъ Стеллеръ возвратиться въ глубь Сибири, и только черезъ годъ отпускаютъ его судьи.

Снова спѣшитъ Стеллеръ въ Петербургъ, пріѣхалъ въ Москву—

какъ вдругъ новое приказаніе явиться въ якутскую канцелярію. Путешествіе въ Сибирь, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ, очень затруднительно, каково же оно было для человѣка, такъ много выстрадавшаго и измученнаго дальними путешествіями. Вмѣсто заслуженнаго покоя Стеллеру пришлось въ четвертый разъ совершить далекій и трудный путь. И вотъ въ жестокій, морозный день, когда сопровождавшій Стеллера конвой остановился у какого-то, стоящаго на пути слѣдованія, кабака, чтобы подкрѣпиться водкою, ученый естествоиспытатель остался въ саняхъ, заснулъ, а затѣмъ и замерзъ.

ГЛАВА XX.

Камчатка.

Благословенная страна.—Чудные луга.—Обиліе рыбы.—Рѣдкое населеніе.—28 вулкановъ.—Большое количество водяныхъ источниковъ.—Превосходныя гавани.—Петропавловскъ.—Камчадалы.—Здорова-ли для нихъ рыбная пища?—Туземныя растительныяк ушанья.—Кипрей.—Клубни-сарапы.—Опьяненіе отъ мухомора.—Блюдо изъ морскихъ водорослей.—Особенная ловля китовъ.—Камчатскіе медвѣди.—Странная ловля рыбы.—Камчатская собака. Польза ея.—Душевныя свойства камчадаловъ.

Полуостровъ Камчатка принадлежитъ къ числу, часто встрѣчающихся странъ, для которыхъ природа сдѣлала многое, а человѣкъ весьма мало. Если на восточномъ берегу, вслѣдствіе холода ростъ деревьевъ не великъ, но за то далѣе, во внутренность страны, горные склоны и долины покрыты густыми лѣсами, въ которыхъ въ изобиліи живутъ: драгоцѣнный соболь, сѣверный олень, горностай, медвѣдь и голубой песецъ, котораго считаютъ опаснѣе медвѣдя. Еще выше, на обнаженныхъ горахъ, лазаютъ стада аркаровъ. Къ загадочнымъ фактамъ ботанической географіи Камчатки причисляютъ распространеніе хвойныхъ деревьевъ, а именно лиственницы, такъ какъ область этого дерева имѣетъ здѣсь видъ острова, тогда какъ обѣ береговыя полосы недоступны лиственницамъ.

Зима въ Камчаткѣ не такъ сурова, какъ во внутренности Сибири, такъ-же точно, какъ и лѣто здѣсь не такъ жарко. Ранніе ночные морозы, частые туманы и дожди мѣшаютъ правильному воздѣлыванію хлѣбовъ; здѣсь вызрѣваютъ только овесъ и яровой ячмень. Стеллеръ приводитъ, какъ замѣчательное явленіе то, что на Камчаткѣ колосъ ячменя не имѣетъ ости, очень великъ и совершенно

гладокъ; изъ этого видно, какое вліяніе имѣетъ климатъ на измѣненіе формы растенія. Сырость воздуха способствуетъ росту луговыхъ злаковъ. Какъ около озеръ и рѣкъ, такъ и по лѣсамъ и кустарникамъ трава достигаетъ высоты 12 футовъ, и въ особенности, до колоссальной высоты развиваются нѣкоторыя зонтичныя и сложноцвѣтныя растенія.

Нерѣдко Hetaclium drilce и Senecio canaaBifolius скрываютъ человѣка ѣдущаго верхомъ. Отъ обильной сырости стебли злаковъ остаются сочными до глубокой осени, потомъ отъ холодныхъ осеннихъ вѣтровъ они засыхаютъ, и такимъ образомъ, даже зимою доставляютъ хорошій кормъ. При такомъ изобиліи корма неудивительно, что, приведенные сюда изъ Якутска, лошади и рогатый скотъ откармливаются такъ быстро, что черезъ годъ ихъ нельзя признать за тѣхъ же самыхъ животныхъ. Луга такъ хороши, что можно косить сѣно три раза въ годъ, а вслѣдствіе высокаго роста травъ маленькой лѣсной полянки или луговинки достаточно, чтобы на зиму запастись сѣномъ для скотины цѣлаго мѣстечка.

Въ Камчаткѣ много превосходной вкусной рыбы, составляющей главную пищу камчадаловъ.

Весною лососи, въ громадномъ количествѣ, поднимаются вверхъ по рѣкамъ. Ударивъ палкою по водѣ, рѣдко случается, что не попадешь въ рыбу. Стеллеръ утверждаетъ, что здѣсь медвѣди, собаки и другія животныя по берегамъ ловятъ зубами и лапами рыбу, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ человѣкъ ловитъ ея рыболовными снастями. Какъ различныя перелетныя птицы не разомъ летятъ къ сѣверу, а частями слѣдуютъ другъ за другомъ, такъ точно и лососи одинъ видъ прежде, другой позднѣе идутъ въ ходъ, такъ что изобиліе рыбы продолжается въ теченіи цѣлаго лѣта. Эрманъ дивится безконечному рыбному богатству камчатскихъ рѣкъ, ибо въ рукавахъ рѣки Камчатки встрѣчаются Slagocephalus въ руку длиною, которыя идутъ противъ теченія. На выходящихъ изъ воды кремневыхъ банкахъ, или на отмеляхъ, эти рыбы тѣснились страшными кучами, и иныя прыгали на нѣсколько футовъ въ высоту, какъ-бы желая побѣдить препятствіе.

Видъ этой рыбы, какъ бы умышленно себя убивающей, стремясь на отмели и даже берега, и изо всѣхъ силъ плывущей къ такой незавидной долѣ, такъ страненъ, что хочется повѣрить въ курьезное камчадальское объясненіе этого явленія. Камчадалы разсказываютъ, что лососи, не погибнувшіе во время хода и достигшіе истока рѣкъ, прячутся здѣсь въ разсѣлины скалъ и превра-

щаются въ сурковъ; вотъ почему послѣдніе живутъ спорадически по острымъ горнымъ вершинамъ.

Въ Камчаткѣ на 4.000 квад. миль поверхности, нѣтъ недостатка въ пищѣ для значительнаго населенія, но, къ сожалѣнію, оно вовсе не соотвѣтствуетъ богатствамъ пажитей и водъ. Во всей Камчаткѣ крайне рѣдкое населеніе концентрируется въ немногихъ пунктахъ; по рѣкамъ: Камчаткѣ, Авачѣ, Паратункѣ, Большерѣцкой, Тагилу, по Пенжинской губѣ и пр., такъ что почти весь полуостровъ предоставленъ одной природѣ.

До завоеванія Камчатки русскими, населеніе было въ 20 разъ болѣе, чѣмъ теперь, но казаки и опустошительная оспенная эпидемія быстро умепьшили здѣсь число жителей. Тогда морской выдрой и соболемъ дорожили болѣе, чѣмъ человѣкомъ, и только впослѣдствіи увидѣли, что человѣкъ и его трудъ одни могутъ увеличить естественное богатство страны.

Вообще произведенія Камчатки долго оставались безъ всякой пользы, и только за послѣднее десятилѣтіе замѣчается нѣкоторое улучшеніе съ этой стороны.

Вдоль всего полуострова тянется высокій горный хребетъ, въ которомъ насчитываютъ нѣсколько вулкановъ (сопокъ) и самый большой изъ нихъ, Камчатка, достигаетъ 14.800 футовъ высоты.

Камчатка также богата водяными ключами. По всей равнинѣ они бьютъ въ такомъ большомъ количествѣ, что лѣтомъ приходится дѣлать большіе обходы и объѣзды. Зимою ключи мѣшаютъ замерзанію рѣкъ, такъ что и въ это время года путешествія затруднительны и даже опасны и нерѣдко приходится выбирать дорогу по самымъ высокимъ и дикимъ горамъ. Сколько здѣсь неизслѣдованныхъ минеральныхъ источниковъ—холодныхъ, теплыхъ и горячихъ—воды которыхъ текутъ обратно въ нѣдра океана.

Положеніе Камчатки весьма выгодно для торговли съ Америкой, Китаемъ и по всему Тихому океану, здѣсь-же находятся превосходныя гавани. Въ одной Авачинской губѣ, которая рѣдко вся замерзаетъ, достаточно мѣста для военныхъ флотовъ всего міра. Здѣсь находится Петропавловскъ или Петропавловскій портъ, въ настоящее время, главный городъ Камчатки, описанный Крузенштерномъ (1804), весьма неутѣшительными красками. Этотъ мореплаватель нашелъ берега, усѣянные гнилой рыбой, которую пожирали голодныя собаки и небольшія находящіяся въ упадкѣ, хижины, между которыми паслись коровы. Близъ Петропавловска находятся могилы двухъ знаменитыхъ людей: астронома Делиля-де-

ла-Кроеръ, сопровождавшаго Беринга въ первое его путешествіе, и кругосвѣтнаго путешественника Кларка, принявшаго команду послѣ смерти Кука. Мѣстоположеніе Петропавловска чрезвычайно романично, онъ окруженъ горами, надъ которыми поднимается нѣсколько высокихъ конусообразныхъ вулкановъ.

Камчадалы небольшаго роста, широкоплечи, имѣютъ широкія выдающіяся скулы, толстыя губы и черные волосы. Цвѣтъ лица у мужчинъ желтоватый, у женщинъ бѣлый. Послѣднія не только предохраняютъ свою красоту медвѣжьими кишками, которыми весною посредствомъ рыбьяго клея заклеиваютъ себѣ лицо, чтобы не загорѣть отъ солнца, но и румянятся морскою водорослью, которая стирается съ китовымъ жиромъ и даетъ прекрасный красный цвѣтъ.

Далѣе камчадалы отличаются чрезвычайно маленькими носами, можно почти подумать, что этотъ органъ недоразвился, такъ какъ производитъ отвратительныя впечатлѣнія.

Многіе считаютъ рыбу за нездоровую пищу, но на камчадаловъ, повидимому, она дѣйствуетъ прекрасно. Многіе изъ нихъ достигаютъ 70—80 лѣтняго возраста, ходятъ и работаютъ, до смерти не теряютъ зубовъ, и рѣдкіе сѣдѣютъ ранѣе 60 лѣтъ. Даже старики имѣютъ быструю и легкую походку. Бѣгаютъ камчадалы быстро и никогда не задыхаются при самой сильной усталости. Вѣсъ тѣла у камчадала значительно болѣе нежели у якута, не смотря на то, что послѣдній ѣстъ только молоко и мясо, а первый исключительно питается рыбою. Камчадалы часто страдаютъ воспаленіями глазъ, чему причиной дымныя хижины и отраженіе солнечнаго свѣта отъ снѣга. Между камчадалами часто встрѣчаются хромые и горбатые, такъ какъ еще дѣтьми, они какъ кошки должны лазать по лѣстницѣ, ведущей въ дверь, устроенную на крышѣ. Болѣютъ камчадалы очень рѣдко, у нихъ не бываетъ ни горячекъ, ни лихорадокъ. Движеніе на чистомъ воздухѣ и большое количество выпиваемой воды не мало способствуютъ здоровью. Камчадалы очень любятъ ѣсть морошку. Цѣлыя бочки этихъ ягодъ заготовляются на зиму; изъ морошки приготовляютъ напитокъ, а также ее запекаютъ во всѣ возможныя печенья. Кромѣ того камчадалы ѣдятъ и многія другія ягоды, какъ напр. голубику, бруснику. Маленькіе красновато-черные плоды черемухи также считаются лакомствомъ въ Камчаткѣ.

Не мѣшаетъ упомянуть также о совершенно особенномъ, легко перевозимомъ растительномъ кушаньѣ изъ стеблей кипрея (копорскій чай, Epilobium angustifolium). Эти стебли сжимаютъ и со-

бираютъ полосами въ 2—3 дюйма шириной, отчего образуются твердые темнозеленые ремни въ 4—6 футовъ длиной. Ихъ ѣдятъ сырьемъ, намазавъ масломъ и тюленьимъ жиромъ. Эрманъ считаетъ это кушанье очень вкуснымъ, удобоваримымъ и питательнымъ. Клубни сараны (Fri tiblaria serrana), находимые въ норахъ, мыши-экономa, также считаются любимымъ кушаньемъ, а когда нѣтъ сушеной рыбы, то ѣдятъ лубъ ивы, ольхи и березы, истертый въ порошекъ съ сухою икрой.

Извѣстный всѣмъ грибъ мухоморъ употребляется камчадалами, какъ средство для опьяненія. Этотъ грибъ сушится и его ѣдятъ сырымъ, запивая большимъ количествомъ холодной воды. Свѣжій мухоморъ клѣскъ и рыхлъ, а по его отвратительному вкусу, невозможно съѣсть мухомора столько, сколько нужно для опьяненія. Пріятное возбужденіе начинается нѣсколько времени спустя и ему предшествуетъ нѣсколько мучительное состояніе. Говорятъ, что употребленіе мухомора развиваетъ удивительную силу.

Морскія водоросли также идутъ въ пищу камчадаловъ. Они собираютъ, выброшенныя на берегъ моремъ, куски водорослей, сушатъ ихъ и варятъ въ кипяткѣ, пока не образуется родъ бульона, потомъ прибавляютъ китоваго жиру и степнаго чесноку; Стеллеръ нашелъ это блюдо довольно вкуснымъ.

Земледѣліе и скотоводство въ Камчаткѣ все еще играютъ незначительную роль, такъ какъ охота и рыбная ловля доставляютъ туземцамъ все, что имъ нужно.

Пушнымъ товаромъ уплачиваютъ они подати, и на остатки покупаютъ муку и чай, табакъ и водку.

Камчатское море очень обильно бѣлухами (Delphinus leucas). Изъ пойманныхъ или выброшенныхъ на берегъ бѣлухъ, камчадалы извлекаютъ многоразличную пользу. Шкура идетъ на подошвы, кожи и ремни; изъ костей нижней челюсти дѣлаютъ санныя полозья, рукоятки для ножей, кольца и застежки для собачьей упряжи, изъ кишокъ—пузыри и сосуды, изъ сухожилій—эластическія веревки для лисьихъ капкановъ. Жиръ и мясо идутъ въ пищу и для освѣщенія жилищъ.

Въ Елуторской губѣ, камчадалы ловятъ китовъ сѣтями, сдѣланными изъ моржевыхъ шкуръ, которыя передъ тѣмъ долго коптятся, пока не сдѣлаются твердыми, какъ камень. Шкуры эти рѣжутся на ремни, толщиною въ руку, и изъ нихъ плетутся большія, толстыя сѣти. Такія сѣти растягиваются въ Елуторскомъ заливѣ, противъ его устья и нижній край сѣти грузятъ каменьями. Входя

въ заливъ, или выходя изъ него, киты своими хвостами запутываются въ сѣти, которыя не могутъ разорвать; здѣсь китовъ бьютъ, быстро приплывающіе на лодкахъ, охотники. Тюленей бьютъ точно такъ-же, какъ и китовъ. Кромѣ пушныхъ звѣрей камчадалы охотятся за сѣвернымп оленями, аркарами и медвѣдями. Изъ шкуръ шьютъ платье и наружную сторону окрашиваютъ въ ярко-желтый цвѣтъ, изъ отвара коры черной ольхи. Какъ мущины, такъ и женщины, носятъ панталоны изъ кожи сѣвернаго оленя, но въ дорогу надѣваютъ панталоны изъ собачьей шкуры, или изъ шкуры, снятой съ ногъ сѣвернаго оленя, или же изъ волчьихъ и медвѣжьихъ шкуръ.

Черные медвѣди водятся по всей Камчаткѣ въ огромномъ количествѣ, они такъ смирны и миролюбивы, какъ нигдѣ. Весною медвѣди сходятъ съ горъ къ устьямъ *рѣкъ*, чтобы здѣсь пожирать идущую, вверхъ рыбу. Разсказываютъ о хитрости, употребляемой медвѣдями, для ловли мелкой рыбы. Медвѣдь входитъ въ воду по рыло и остается здѣсь неподвиженъ. Мелкая рыба, принимая густую шерсть за траву, прячется въ ней и тогда медвѣдь, полагая, что уже довольно набралось рыбы, осторожно выходитъ изъ воды, такъ чтобы добыча не ушла слишкомъ рано. На берегу онъ отряхается и поѣдаетъ своихъ гостей.

Медвѣди здѣсь такъ смирны, что даже дѣвочки, собирающія на открытомъ полѣ сарану, не пугаются присутствія медвѣдя; если онъ подходитъ, то это ради клубней, которые отнимаетъ и ѣстъ.

Собака, безспорно, въ Камчаткѣ самое драгоцѣнное животное. Камчатская собака похожа на нашу овчарку и покрыта долгою, густою, красноватою или желтовато-бѣлою шерстью. Короткія, торчащія уши, придаютъ ей веселый видъ. Она исключительно питается рыбою. Съ весны до поздней осени о собакѣ здѣсь вовсе не заботятся, она цѣлый день бѣгаетъ на свободѣ и подкарауливаетъ по рѣкамъ рыбъ, которыхъ мастерски ловитъ. Когда рыбы много, собака ѣстъ однѣ головы. Въ октябрѣ камчадалы собираютъ своихъ собакъ, привязываютъ ихъ къ столбамъ балагана и заставляютъ голодать, чтобы онѣ потеряли жиръ, быстрѣе бѣжали и не задыхались. Зимой кормятъ собакъ или вонючей рыбой или заплѣсневѣлой на вѣтру сушеной рыбой. Послѣднею кормятъ собакъ по утрамъ во время ѣзды, чтобы придать имъ болѣе силы; первую даютъ по вечерамъ въ видѣ лакомства.

Дорогою, хотя бы собаки бѣжали 10 часовъ сряду, имъ не даютъ ничего.

Нельзя достаточно надивиться силѣ этихъ собакъ. Обыкновенно

въ сани запрягаютъ 5 собакъ, которыя во всю прыть везутъ 3-хъ взрослыхъ людей и до двухъ пудовъ поклажи. Съ небольшимъ грузомъ 5 собакъ по дурнымъ дорогамъ дѣлаютъ 30—40 верстъ въ день, по хорошимъ дорогамъ—80—140. Лошадь, какъ упряжное животное, никогда не выгѣснитъ собаки; лошадь вязнетъ по самое брюхо, и кромѣ того здѣсь много горъ, рѣкъ и источниковъ, которые или вовсе не замерзаютъ, или ледъ на нихъ такъ тонокъ, что не выдержитъ тяжести лошади. Сильныя и частыя мятели мѣшаютъ образованію торной дороги. Впрочемъ ѣзда на собакахъ и затруднительна и опасна. Вмѣсто кнута употребляютъ *остолъ*, кривую палку съ желѣзными кольцами. Звономъ колецъ подаютъ знаки передовой собакѣ. Собаки не только хороши, какъ упряжныя животныя, но вслѣдствіе природнаго чутья, служатъ также хорошими проводниками во время метели, когда нельзя открыть глазъ, онѣ не сбиваются съ дороги. Если мятель очень сильна и приходится лечь, что часто бываетъ, то собаки согрѣваютъ хозяина и по цѣлымъ часамъ спокойно лежатъ около него. Собаки точно также даютъ самое вѣрное понятіе о приближающейся бурѣ. Если онѣ, во время отдыха, роютъ въ снѣгу ямы и ложатся въ нихъ, то это служитъ признакомъ скорой метели.

Упряжныхъ собакъ дрессируютъ съ ранняго возраста. Какъ только откроются у щенятъ глаза, ихъ вмѣстѣ съ матерью сажаютъ въ глубокую яму, такъ что они, не видятъ ни человѣка ни животныхъ. Когда они перестанутъ сосать мать, ихъ снова сажаютъ въ другую яму, пока подростутъ. Черезъ полгода ихъ запрягаютъ съ другими, обученными уже собаками, въ сани и ѣдутъ на короткое разстояніе; такъ какъ молодыя боятся и собакъ и людей, то бѣгутъ изо всѣхъ силъ.. Возвратившись домой, ихъ снова сажаютъ въ яму, и это продолжается такъ долго, пока собаки, неимѣющія ни о чемъ другомъ понятія, не привыкнутъ къ ѣздѣ и небудутъ готовы къ далекимъ поѣздкамъ. Только по окончаніи дрессировки ихъ выпускаютъ лѣтомъ на свободу. Такое воспитаніе портитъ характеръ собакъ, онѣ боятся людей и не охраняютъ имущества хозяина, котораго вовсе не любятъ и готовы во всякое время схватить его за горло. Какая противоположность съ вѣрнымъ пуделемъ или хорошенькой комнатной собачкой!

Что касается душевныхъ свойствъ камчадаловъ, то путешественники хвалятъ ихъ гостепріимство, добродушіе, остроуміе и веселость. По сангвиническому темпераменту ихъ жизненная философія состоитъ въ томъ, чтобы весело прожить въ скудости и не забо-

титься о завтрашнемъ днѣ. Съ женами обращаются хорошо, и въ то время, какъ у другихъ дикарей женщина раба мущины, здѣсь наоборотъ, онѣ властвуютъ въ камчадальскомъ обществѣ. Камчадалы не злопамятны, но въ тоже время и неблагодарны. Они лѣнивы, и одна нужда можетъ заставить ихъ работать; они не имѣютъ понятія о стыдѣ, упрямы и наглы, когда съ ними хорошо обходятся, низкопоклонны и преданны, когда къ нимъ обращаешься только съ приказомъ и при этомъ грозишь палкой. Камчадалы охотно перенимаютъ чужіе обычаи и посредствомъ хорошаго воспитанія можно было бы сдѣлать многое изъ такого гибкаго, способнаго, богатаго фантазіей народа. Камчадалы давно приняли православіе, но крещеніе несовершенно уничтожило служенія шаманамъ. Прежде у нихъ было много боговъ, и они признавали Кутку, создателя земли и неба, самымъ сильнымъ изъ нихъ. Но камчадалы не только не почитали Кутки, но напротивъ, они считали его за самое безсмысленное и глупое существо, и постоянно его дѣлали цѣлью своихъ насмѣшекъ. Впрочемъ, по понятіямъ камчадаловъ, у Кутки была умная жена Хахи, которая, по возможности исправляла, ошибки своего мужа и удерживала его отъ глупыхъ поступковъ.

ГЛАВА XXI.

Чукчи.

Характеръ земли чукчей.—Чукчи единственный свободный коренной народъ въ Сибири.—Торговый духъ.—Ярмарка въ Островномъ.—Посѣщеніе юрты.—Жена и дочь.—Хорошее угощеніе. Скачка.—Чукотскія баядерки.—Оленеводы чукчи.—Ихъ образъ жизни.—Число ихъ.

На крайней оконечности Азіи, между Ледовитымъ и Беринговымъ морями, лежитъ земля чукчей, по которой протекаетъ рѣка Анадырь, самая восточная изъ азіатскихъ рѣкъ. Немногіе путешественники, посѣщавшіе эту страну, описываютъ ее мрачными красками. Она состоитъ изъ неплодородныхъ долинъ и обнаженныхъ горъ, лишенныхъ иной растительности, кромѣ скудно въ разсѣлинахъ камней ростущаго мха, служащаго пищею оленямъ, и только въ немногихъ мѣстахъ, по долинамъ, растетъ полусухой недоразвитый тальникъ. Климатъ здѣсь скверный, хуже чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ оконечностяхъ Азіи. До 20 іюля нѣтъ и признака лѣта, а около 20 августа снова наступаетъ зима. На горахъ, въ оврагахъ и долинахъ лежатъ никогда нетающія громадныя массы снѣга.

По пламенностямъ, идущимъ къ сѣверу, протекаетъ нѣсколько рѣкъ, дно русла которыхъ каменисто. Долины большею частью болотисты и усѣяны маленькими озерами. Кое-гдѣ мѣстами здѣсь растетъ голубика, брусника и черная шикша (Empetrum nigrum). У береговъ моря водятся моржи, тюлени и сивучи. Изъ звѣрей, кромѣ сѣверныхъ оленей, здѣсь живутъ аркары, бѣлые волки, медвѣди, лисицы и песцы. Въ теченіи короткаго лѣта эту печальную страну посѣщаютъ орлы, соколы, куропатки и нѣсколько видовъ

водяной птицы. На зиму-же остаются только воропы, которыя стаями слѣдуютъ за кочующими туземцами и питаются отбросами.

Въ этихъ пустыняхъ обитаетъ коренное сѣверо-азіатское племя, которое съумѣло сохранить нѣкоторую свободу и независимость въ отличіе отъ соплеменныхъ коряковъ, безъ сопротивленія подпавшихъ подъ русское владычество. Хотя, въ настоящее время, чукчамъ оставлено тѣсное пространство земли, и они загнаны въ самый крайній и безплодный закоулокъ Азіи, но тѣмъ не менѣе чукчи никому не платятъ ясака и съ многочисленными стадами сѣверныхъ оленей кочуютъ по обнаженной тундрѣ своей суровой родины.

По причинѣ недовѣрчивости, съ какою чукчи смотрятъ на своихъ сосѣдей, и ревнивости, съ какою они охраняютъ свою независимость, трудно было русскимъ завязать съ ними торговыя сношенія и устроить мирный мѣновой торгъ на ярмаркѣ въ Островномъ.

Эта ярмарка вовсе не такъ незначительна, какъ можно было бы ожидать отъ такой пустынной страны. Чукчи не довольствуются, какъ лѣнивые лапландцы, продажею продуктовъ отъ оленеводства, но своею дѣятельностью умѣютъ увеличить свое благосостояніе.

Переплывъ на своихъ кожаныхъ байдарахъ (лодкахъ) черезъ Беринговъ проливъ и, вымѣнявъ у жителей американскаго берега моржовые бивни и пушной товаръ, чукчи со своими палатками и товаромъ на саняхъ, запряженныхъ сѣверными оленями, пріѣзжаютъ въ Островное. За караваномъ слѣдуютъ сани, нагруженныя мохомъ для корма оленей, такъ какъ, не смотря на большіе объѣзды, чукчамъ часто приходится проѣзжать по совершенно обнаженнымъ мѣстностямъ, гдѣ олень не находитъ даже лишая. Чукчи употребляютъ 5 — 6 мѣсяцевъ на путешествіе, которое по прямой линіи немногимъ болѣе 1,000 верстъ, но такъ какъ чукчи берутъ съ собой палатки, то чувствуютъ себя всегда дома. Такой караванъ состоитъ обыкновенно изъ 300 человѣкъ, которые, закончивъ сдѣлки на ярмаркѣ, приготовляются къ другой.

Табакъ наркотическое растеніе, дымомъ котораго услаждаются и германскій философъ, парижскій щеголь и англійскій матросъ, китайскій мандаринъ и дикій индіецъ, словомъ всѣ разновидности рода человѣческаго, люди всѣхъ оттѣнковъ, — табакъ составляетъ главную пружину постоянныхъ торговыхъ разъѣздовъ чукчей. Желаніе пріобрѣсти нѣсколько листьевъ табаку побуждаетъ эскимоса передавать изъ рукъ въ руки свои продукты отъ Леденаго мыса и Бристольской бухты, до острововъ Гвоздева, лежащихъ въ Беринговомъ проливѣ, здѣсь эскимоскіе продукты принимаются чукчами,

которые въ свою очередь ѣдутъ съ ними въ Островное, чтобы выменять у русскихъ купцовъ на табакъ. Обыкновенно чукчи за полпуда листоваго табаку берутъ у американцевъ партію мѣховъ, которую перепродаютъ русскимъ за 2 пуда того-же табаку.

Чукотскіе мѣха состоятъ преимущественно изъ шкуръ черно-бурыхъ и серебристыхъ лисицъ, песцовъ, рысей, россомахъ, рѣчныхъ выдръ, бобровъ и особаго рода куницъ, не встрѣчающихся во всей Сибири и близко подходящихъ къ соболю. Кромѣ того, чукчи привозятъ на рынокъ медвѣжьи шкуры, моржевые ремни и бивни, санные полозья изъ реберъ кита, родъ чемодановъ изъ тюленьихъ шкуръ и одежды изъ оленьихъ шкуръ. Американскій пушной товаръ, обыкновенно, укладывается въ чемоданы изъ тюленьихъ шкуръ, которые искусно приготовляютъ, вынимая кости и мясо черезъ небольшое отверстіе, прорѣзанное въ кожѣ живота.

Съ своей стороны, русскіе купцы, кромѣ табаку, привозятъ на ярмарку желѣзный товаръ: котлы и ножи для чукчей, сахаръ и различныя матеріи для русскихъ, живущихъ по Колымѣ. Впрочемъ, въ Островномъ, на ярмаркѣ, русскіе встрѣчаются не съ одними чукчами, но сюда съѣзжаются и другіе окрестные жители изъ за 1,000—1,500 верстъ. Юкагиры, ламуты, тунгусы, чуваши, коряки пріѣзжаютъ въ Островное, частію верхомъ на лошадяхъ, частію въ партахъ на собакахъ, для обмѣна своихъ сырыхъ произведеній на мѣха, привозимые чукчами.

Представьте себѣ пеструю смѣсь различныхъ полудикихъ племенъ, ежегодно собирающуюся въ Островное, въ началѣ марта, на 68° с. ш. на островѣ Малаго Анюя; вообразите странную вечернюю декорацію: огни съѣхавшихся на ярмарку людей, расположившихся бивуаками подъ открытымъ небомъ; красный дымъ изъ палатокъ чукчей, поднимающійся къ небу, усѣянному блестящими звѣздами; желтое, красное или зеленое сѣверное сіяніе; глухой бой шаманскихъ барабановъ и вой нѣсколькихъ сотъ собакъ; вы невольно убѣдитесь, что нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ болѣе оригинальной ярмарки. Русскій чиновникъ съ небольшимъ конвоемъ наблюдаетъ за порядкомъ и спокойствіемъ, и собираетъ въ казну довольно незначительную пошлину съ чукчей. Передъ открытіемъ ярмарки устанавливается такса для обмѣна одного товара на другой (такъ напр., 2 пуда черкесскаго табаку стоимостью приравниваются 16 лисьихъ и 20 куньихъ шкуръ), и кто отдастъ свой товаръ ниже нормальной оцѣнки, тотъ подвергается денежному штрафу.

Послѣ этихъ предварительныхъ соглашеній, всѣ православные

идутъ въ церковь къ обѣднѣ, и поднимается флагъ на башенкѣ острога. Все приходитъ въ движеніе. Чукчи, вооруженные дротиками, стрѣлами и луками, ставятъ свои сани съ товаромъ полукругомъ передъ крѣпостью, передъ ними устанавливаются русскіе и другіе торговцы. Къ концу обѣдни все успокаивается, всѣ ждутъ колокольнаго звона, которымъ возвѣщается открытіе ярмарки. Лишь только пронесся гулъ отъ перваго удара колокола, какъ русскіе торговцы, самымъ страннымъ образомъ нагруженные табакомъ, котлами, ножами и другими произведеніями нужными для чукчей, спѣшатъ каждый встать первымъ у саней, перескакиваютъ черезъ своего конкурента или же самъ растягивается на снѣгу, что за бѣда, что при 30° мороза дорогой потеряетъ шапку, рукавицы, онъ бѣжитъ сломя голову, желая удвоенною дѣятельностью вознаградить потерянное время.

Добѣжавъ до перваго чукча, онъ на странной смѣси русскаго, чукотскаго и якутскаго языковъ восхвалятъ удивительную доброкачественность табака и необыкновенную прочность котла. Этой болтливости совершенно противуположно спокойствіе чукча; молча онъ выслушиваетъ болтовню и качаетъ головой, если, по его мнѣнію слишкомъ мало даютъ за его товаръ, и при этомъ ни на мгновеніе не теряется, тогда какъ русскій въ поспѣшности нерѣдко отдаетъ 2 пуда табаку за одинъ и хватаетъ красную лисицу за чернобурую.

Хотя у чукча нѣтъ вѣсовъ, но трудно обмануть его вѣсомъ, онъ на рукѣ услышитъ, если въ пудѣ табаку не достаетъ хоть четверти фунта. Вся ярмарка продолжается не долѣе 3 дней, и бѣдное Островное, имѣющее очень мало постоянныхъ жителей, остается на долго въ ультра-сибирскомъ одиночествѣ.

Ярмарка окончилась, но палатки привезенныя чукчами, на столько замѣчательны, что считаемъ нужнымъ загляпуть въ нихъ, пока они не исчезли въ тундрѣ. Вмѣстѣ съ Матюшкинымъ, сотоварищемъ знаменитаго Врангеля, мы сдѣлаемъ визитъ дамамъ одного изъ главныхъ старшинъ въ ихъ переносномъ жилищѣ. Сначала мы вошли въ верхнюю палатку, *памет*ъ, сдѣланный изъ дубленныхъ оленьихъ кожъ, которыя растягиваются и держатся посредствомъ тонкихъ жердей. Дымовое отверстіе вверху и котелъ по срединѣ показываютъ, что здѣсь кухня и передняя составляютъ одно помѣщеніе. Но гдѣ-же хозяева? Вѣроятно, подъ большимъ, сшитымъ изъ тонкихъ шкурокъ олепятъ, двойнымъ мѣшкомъ, занимающимъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ котломъ середину памета. Чтобы войти въ него

нужно нѣсколько подняться къ единственному незашитому краю боковой стѣнки, на четверенкахъ влѣзать въ отверстіе, осторожно пройдти подъ шкуру, закрывающую полъ, и вотъ мы въ собственно жилой и пріемной комнатѣ, *пологъ*. Это помѣщеніе не имѣетъ отверстія для свѣта, оно такъ низко, что можно сидѣть только на полу. Мы протерли глаза отъ чада и при слабомъ полусвѣтѣ лампы, въ которой горитъ китовый жиръ, замѣтили на полу совершенно голыхъ и что-то жующихъ членовъ семейства, къ которому мы пришли засвидѣтельствовать свое почтеніе. Ни мало не сконфузившись, хозяйка и ея дочь приняли насъ въ своемъ невинномъ домашнемъ костюмѣ; но чтобы показать намъ, что и чукчи знаютъ приличіе, онѣ немедленно вплели въ свои всклоченные, жиромъ намазанные, волосы, нити съ бусами. Въ пологѣ также умѣютъ угощать гостей. Намъ подали превосходное блюдо вареной оленины, которую хозяйка полила прогорклымъ китовымъ жиромъ. Къ сожалѣнію, избалованный вкусъ европейца не гармонируетъ съ гастрономіей арктической кухни, и въ то время, какъ хозяинъ, восхваляя искусство жены, уплеталъ большіе куски оленины, мы не были въ состояніи даже отвѣдать этого блюда.

На ярмаркѣ, въ Островномъ, происходило еще другое празднество. Чукотскій старшина Макомоль устроилъ скачку и любезно пригласилъ насъ присутствовать на ней. Призы состояли изъ дорогого голубого песца, превосходнаго бобра и парѣ прекрасныхъ моржовыхъ бивней. Нельзя было не подивиться необыкновенной быстротѣ бѣга оленей и ловкости кучеровъ. Не мало подивились мы во время бѣга чукчей быстротѣ, съ какою они въ своихъ тяжелыхъ зимнихъ одеждахъ пробѣгали дистанцію въ 15 верстъ вокругъ горы, что свидѣтельствуетъ о ихъ физическомъ развитіи и силѣ.

Послѣ бѣга начались пляски. Съ головы до ногъ завернутыя въ неуклюжія шубы, баядерки становятся тѣснымъ кружкомъ, медленно движутся взадъ и впередъ, сильно размахиваютъ ногами и руками по воздуху; при этомъ баядерки корчатъ какія-то глупыя гримасы. Аккомпанирующая музыка, можетъ быть, очень пріятная для уха туземца, напомнила намъ свиное хрюканье. Наконецъ, три лучшія танцовщицы исполнили любимый національный танецъ. На лицѣ чукчей выразилось такое же удивленіе и восхищеніе, какія выражаются на чертахъ европейскаго дилетанта, когда онъ смотритъ на смѣлые прыжки знаменитаго акробата; мы-же видѣли только трехъ, жиромъ покрытыхъ, уродовъ, которые, схватившись руками, и страшно кривляя рожу, то наскакивали другъ на друга,

то отпрыгивали прочь, пока потъ не покатился съ нихъ градомъ. Въ знакъ того удовольствія, которое намъ доставили танцовщицы, мы дали имъ по чаркѣ водки и немного табаку, послѣ чего мы разстались съ чукчами, вполнѣ довольные другъ другомъ.

Хотя большинство оленеводовъ чукчей крещены, но мы не имѣемъ свѣдѣній, бываютъ-ли когда нибудь въ ихъ сторонѣ миссіонеры или священники, и хотя библія переведена на чукотское нарѣчіе, но крещеные чукчи не умѣютъ читать. Чукчи живутъ въ многоженствѣ и по произволу мѣняютъ своихъ женъ, что настолько же-мало подходитъ къ христіанству, какъ и жестокость, съ какою убиваютъ они слабыхъ дѣтей и уродовъ, а также бросаютъ стариковъ, которые не въ силахъ выносить трудностей кочевой жизни.

Кромѣ кочевыхъ оленеводовъ чукчей, называющихъ себя *Тенныгками*, есть еще осѣдлые чукчи, живущіе на морскомъ берегу, по Анадырской губѣ и Берингову проливу; послѣдніе значительно отличаются отъ первыхъ тѣлосложеніемъ, одеждою и языкомъ. Эти *Онкилоны* (морскіе люди) принадлежатъ распространенному эскимосскому племени и живутъ, какъ большинство ихъ соплеменниковъ, китовой, тюленьей и моржовой охотою. Рабская зависимость, въ какой они находятся у чукчей-оленеводовъ, по мнѣнію Врангеля, доказываетъ, что послѣдніе пришли позже.

Тогда какъ Онкилоны, какъ и вообще всѣ народы, живущіе исключительно рыбною ловлей, чрезвычайно бѣдны, у Теныгковъ встрѣчаются старшины, владѣющіе болѣе 1000 оленей и посредствомъ торговли постоянно увеличивающіе свое благосостояніе.

Берговые и оленеводы-чукчи живутъ въ добромъ согласіи между собой. Первые добываютъ китовое мясо, моржовые ремни и ворвань и на эти продукты вымѣниваютъ у своихъ кочевыхъ собратій оленьи шкуры и издѣлія, изготовленныя изъ нихъ.

Осѣдлые чукчи живутъ въ небольшихъ деревенькахъ, построенныхъ вдоль берега. Ихъ хижины сдѣланы изъ шкуръ, натянутыхъ на жерди, а иногда китовыя ребра, и похожи на большіе, неправильные конусы; сторона, обращенная къ сѣверу, сильно выгнута, а южная сторона напротивъ прямая. Съ южной стороны, находится, служащее дверью, отверстіе, завѣшанное шкурой. Дымъ выходитъ черезъ круглую дыру на вершинѣ, отсюда же проникаетъ и свѣтъ въ хижину. Въ выпуклой, обращенной въ сѣверу части конуса, находится вторая четырехугольная низкая палатка, сшитая изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ (*полог*), здѣсь, въ большіе холода; помѣщается и кухня.

Для ловли тюленей чукчи употребляютъ родъ сѣтей, сплетенныхъ изъ ремней, ихъ растягиваютъ подъ льдомъ; звѣри запутываются въ нихъ головой и ластами. Чукчи также очень хитро ловятъ волковъ. Довольно толстый, съ обоихъ концовъ заостренный китовый усъ, свертывается въ кольцо, связывается веревкою и поливается водой, такъ что на усѣ образуется ледяная кора; послѣ чего веревка снимается прочь, а все кольцо густо намазывается жиромъ. Волкъ, нашедшій такое кольцо, съ жадностью проглатываетъ его, но едва успѣетъ онъ облизаться, какъ обтаявшій китовый усъ расправляется и раздираетъ ему внутренность и обманутый звѣрь околѣваетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Если моржъ выйдетъ изъ моря на берегъ, то чукчи быстро нападаютъ на звѣря, предварительно отрѣзавъ ему путь къ водѣ и убиваютъ своими дротиками. Моржъ для осѣдлыхъ чукчей почти на столько-же полезенъ, какъ олень для ихъ кочевыхъ собратьевъ. Изъ кожи они дѣлаютъ прочные ремни для упряжи и подошвы, изъ внутренностей—легкую непромокаемую лѣтнюю одежду. Вообще чукчи охотятся мало, но не упускаютъ случая убить медвѣдя, мясо котораго считаютъ за лакомство. Осѣдлые чукчи ѣздятъ на собакахъ, и здѣсь этотъ другъ человѣка несетъ такую-же службу, какъ и въ Гренландіи, на другомъ концѣ эскимосскаго міра. Чукчи питаются исключительно животной пищей. Кромѣ мяса бѣлаго медвѣдя, они считаютъ за лакомство кожу кита, которую ѣдятъ сырьемъ, и которая, по мнѣнію русскихъ путешественниковъ, нѣсколько похожа вкусомъ на стерлядь. Мясной бульонъ съ примѣсью снѣга—любимый напитокъ Чукча, который всегда имѣетъ при себѣ небольшую трубочку изъ оленьей кости, черезъ которую всасываетъ изъ чашки этотъ бульонъ. Рыба считается только подспорьемъ, ее ѣдятъ отъ нужды и вообще не цѣнятъ. Чукчи, какъ лапландцы, не ѣдятъ ничего съ солью, при чемъ кушанье всегда подаются остывшими. За ужиномъ обыкновенно съѣдается большой комъ снѣга.

Общее число чукчей не такъ мало, какъ можно было бы ожидать по пустынности страны. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ русскими миссіонерами, ихъ насчитывается нѣсколько тысячъ и между ними чукчи-оленеводы составляютъ главную массу населенія.

ГЛАВА XXII.

Берингово море.—Россійско-Американская компанія.—Алеуты.

Характеръ Берингова моря.—Сравненіе Алеутскихъ острововъ съ Ферерскими.—Упалашка.—Аляска.—Прибиловскіе острова.—Островъ Св. Матѳея.—Островъ и бухта Св. Лаврентія. Беринговъ проливъ.—Обиліе жизни въ водахъ.—Россійско-Американская компанія.—Ново-Архангельскъ.—Алеуты. Морскія выдры, морскіе котики, моржи и сивучи.—Камлейка и трубка табаку.

Берингово море, въ климатическомъ отношеніи, составляетъ рѣзкую противоположность съ тою частью океана, которая находится между Гренландіею, Исландіею, Норвегіею и Шпицбергеномъ. По Берингову морю можно себѣ представить, какова была-бы температура въ Нѣмецкомъ морѣ, если-бы согрѣвающее вліяніе гольфстрема, не доходило бы до него и притомъ можемъ видѣть, какое благодѣтельное вліяніе оказываютъ для Нѣмецкаго моря, какъ гольфстремъ, такъ и теплый югозападный вѣтеръ, доносимые съ Атлантическаго океана.

Часть теплоты, возбужденной въ тропическомъ поясѣ, черезъ широкія ворота, находящіяся между Исландіей и Шотландіей, достигаетъ до Шпицбергена и Нордкапа и даже ощутительна на западномъ берегу Новой Земли. Напротивъ, Берингово море лишено этого благодѣтельнаго вліянія тепла. Волны этого моря не смѣшиваются ни съ какимъ теплымъ теченіемъ, а длинная цѣпь высокихъ горныхъ острововъ, отдѣляющая это море съ юга отъ Тихаго Океана, препятствуетъ уравненію температуры воды и воздуха. Замѣтимъ также, что весною изъ большихъ рѣкъ и заливовъ сюда заносятся громадныя массы

льда. Едва только мореплаватель войдетъ въ Берингово море, какъ уже чувствуетъ рѣзкое пониженіе температуры, такъ какъ онъ вошелъ въ область океана, находящуюся исключительно подъ вліяніемъ температуры крайняго сѣвера. Ни на одномъ морѣ не бываетъ такъ много тумановъ, какъ на Беринговомъ морѣ. Здѣсь они такъ часты, какъ ледъ въ водномъ бассейнѣ между Европой и Америкой. Лѣтомъ, туманы бываютъ постоянно, такъ какъ вѣтеръ безпрепятственно приходитъ изъ болѣе нагрѣтыхъ пространствъ, отчего неминуемо долженъ осаждаться туманомъ на поверхность холоднаго Берингова моря.

Хотя, сравнительно, Берингово море не такъ далеко заходитъ къ сѣверу, и Беринговъ проливъ не достигаетъ полярнаго круга, а Андріановскіе острова лежатъ на 10° южнѣе Ферьерскихъ, тѣмъ не менѣе въ этихъ непривѣтныхъ водахъ, въ климатическомъ отношеніи, мы ближе подходимъ къ сѣверу, чѣмъ въ полярной части Атлантическаго океана. Климатъ и растительность Уналашки, Прибиловскихъ острововъ, Св. Лаврентія и Берингова пролива на широтѣ въ 10° имѣютъ такое-же различіе, какое замѣчается въ Атлантическомъ океанѣ на Шотландскихъ островахъ, Исландіи, Медвѣжьемъ островѣ на широтѣ почти 20 градусовъ. Въ Беринговомъ морѣ пониженіе температуры совершается почти вдвое быстрѣе, чѣмъ въ водномъ бассейнѣ между сѣверной Европой и сѣверной Америкой.

Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ вліяніе географическаго положенія мѣстности, оставляя въ сторонѣ широту мѣста, не выказывается такъ рѣзко и ощутительно, какъ на узкомъ полуостровѣ Аляскѣ, клиномъ врѣзывающемся въ океанъ. Сѣверная сторона этого полуострова принадлежитъ арктической природѣ, тогда какъ южная сторона его—умѣренному поясу.

Горнаго хребта, проходящаго вдоль всего полуострова, съ отдѣльными вершинами, достигающими высоты 5.000—6.000 футовъ, совершенно достаточно для того, чтобы сдѣлаться границею двухъ различныхъ міровъ.

Такъ берегъ, находящійся подъ вліяніемъ студеныхъ вѣтровъ Берингова моря, совершенно безлѣсенъ, тогда какъ южный берегъ украшенъ прекраснымъ лѣсомъ. Одна сторона этого полуострова видитъ моржей, а другая сторона любуется колибри.

Аляска служитъ также границею распространенія песца, которыхъ много на западныхъ Алеутахъ, но никогда не встрѣчались песцы на Кадьякѣ.

Если климатъ Ферерскихъ острововъ нельзя назвать пріятнымъ климатомъ, но въ сравненіи съ Уналашкой, одного изъ извѣстнѣйшихъ острововъ Алеутской группы, онъ все-таки сносенъ. На Ферерскихъ островахъ часто бываютъ туманы, на Уналашкѣ они безпрерывно продолжаются отъ апрѣля до половины іюля. Съ этого времени, до конца сентября, бываютъ почти исключительные ясные дни въ цѣломъ году, такъ какъ область тумана отъ южныхъ вѣтровъ поднимается въ это время далѣе къ сѣверу.

Однако, полярное теченіе скоро оснѣжаетъ и снова мрачный покровъ одѣваетъ мрачную землю. Снѣгъ выпадаетъ обыкновенно съ начала октября, хотя нерѣдко идетъ въ концѣ мая.

Бываютъ года, когда въ теченіе цѣлой зимы въ Уналашкѣ идетъ дождь. На Ферерскихъ островахъ растетъ нѣсколько, защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ, рябинъ, которыя достигаютъ высоты 12 футовъ, тогда какъ на Уналашкѣ никогда не выростало ни одного дерева.

Шамиссо разсказываетъ, что сынъ одного русскаго чиновника, посѣтивъ Унименъ, видѣлъ здѣсь деревья и даже влѣзъ на одно изъ нихъ. По своемъ возвращеніи въ Уналашкѣ, онъ тщетно старался объяснить изумленнымъ слушателямъ, что такое дерево.

Противоположности временъ года значительно смягчены на Ферерскихъ островахъ, на Уналашкѣ онѣ много рѣзче, хотя умѣряющее вліяніе моря и здѣсь ощутительно. Лѣтомъ термометръ поднимается выше $+15^{\circ}$, а зимою рѣдко спадаетъ ниже -15° Р. Эта сырая, холодная температура, непозволяющая воздѣлывать хлѣба, оказывается благопріятной для роста травъ.

Если на влажныхъ низменностяхъ кустарникъ тальника едва переростаетъ роскошныя травы, за то, переходя изъ этихъ низменностей на ближайшіе холмы, мы встрѣчаемъ здѣсь совершенно альпійскую флору. Впрочемъ, влажный воздухъ охраняетъ въ свѣжемъ видѣ зеленый покровъ земли до самыхъ обнаженныхъ вершинъ утесовъ и границы вѣчнаго снѣга и растенія украшаютъ этотъ печальный міръ. Живая зелень луговъ напоминаетъ зелень Урзернской долины. Мхи и лишаи на Уналашкѣ отнимаютъ у флоры большія пространства въ арктическомъ поясѣ.

На нѣсколько градусовъ къ сѣверу, находятся знаменитые въ исторіи пушной торговли Прибиловскіе острова, Св. Георга и Св. Павла; послѣдній любимое мѣстопребываніе морскихъ котиковъ, а первый—сивучей (морскихъ львовъ).

Природа здѣсь суровѣе чѣмъ на Уналашкѣ; защищенныя долины

и низменности не производятъ здѣсь такой роскошной растительности. На высокихъ горахъ и обломкахъ скалъ растутъ только черные и желтые лишаи; мѣста же, орошаемыя тающимъ снѣгомъ, покрыты мхами и изрѣдка осокою. По замерзшей почвѣ не текутъ ни ручьи, ни источники. Различныя арктическія растенія, смотря по своимъ свойствамъ, избираютъ каменистую или болотистую почву, но всѣ растенія стелятся по землѣ, а не поднимаются надъ ней.

На обоихъ островахъ, до открытія ихъ русскими, безопасно жили только водяныя птицы и тюлени. Теперь здѣсь живутъ алеуты.

Странное зрѣлище представляютъ многочисленныя стада сивучей, которые, вокругъ острова Св. Георга до самыхъ поселеній, покрываютъ каменистый, обнаженный берегъ широкимъ чернымъ поясомъ. Эти животныя не болѣе какъ уродливыя громады массы жира и мяса, они неловки и неуклюжи на землѣ.

Пыжики (Uчіа) занимаютъ свободныя мѣста на берегу между семействами тюленей, они безъ страха летаютъ среди сивучей, передъ открытою пастью, стоящаго на сторожѣ, самца, не обращая вниманія на его рычаніе. Эти птицы гнѣздятся въ углубленіяхъ, омываемыхъ моремъ, утесовъ и каменьяхъ, образующихъ вдоль берега плотину, вершина которой покрыта бѣлымъ пометомъ птицъ.

Далѣе къ сѣверу лежитъ необитаемый островъ Св. Матѳея, на которомъ погибло не мало поселенцевъ. Даже звѣри, которыми намѣревались питаться зимою, оставили островъ и переселенцы умерли съ голоду, за исключеніемъ трехъ, которые сохранили жизнь, питаясь найденою глиною.

Туманы такъ сильны и часты около Св. Лаврентія, что долгое время мореходы проходили мимо этого острова, не замѣчая его, и много прошло времени, пока онъ былъ нанесенъ на карту съ нѣкоторою точностью. Шамиссо былъ удивленъ видомъ растительности этого сѣвернаго острова. Это была флора Швейцарскихъ Альпъ близъ снѣжной линіи, флора, раскрывшая путешественнику свои богатства и всю прелесть растеній карликовъ, какъ бы прижатыхъ къ землѣ.

Бухта Св. Лаврентія въ землѣ чукчей, напротивъ, представляетъ печальный и пустынный видъ. На низменностяхъ, даже въ іюлѣ, были одни снѣжныя поля и болота. Подъ здѣшнимъ суровымъ небомъ непокрытая и незащищенная растительность быстро разрушается. Скалы трескаются отъ мороза, а умѣренная теплота лѣта производитъ новыя развалины и разрушеніе продолжается до конца. Почва повсюду состоитъ или изъ обломковъ скалъ, или-же изъ торфяныхъ болотъ.

«Подъ болѣе счастливымъ небомъ», говоритъ Шамиссо, «лѣсами покрытыя вершины горъ въ душѣ поэта пробуждаютъ мысль о безконечности, а сѣверный бардъ, воспѣвая свои скалы, указываетъ на разрушительную силу старости».

Во время проѣзда къ Берингову проливу, если не помѣшаетъ туманъ, можно одновременно видѣть и Старый и Новый Свѣтъ. Обѣ вереи водныхъ воротъ состоятъ изъ высокихъ горъ, находящихся въ виду другъ отъ друга. Круто поднимается изъ моря скала, на азіятской сторонѣ море имѣетъ наибольшую глубину, и морское теченіе, входящее съ юга въ проливъ наибольшую быстроту теченія. Здѣсь часто видны киты и стада моржей.

Въ старину только лодки (байдары ескимоса) проходили черезъ ворота, отдѣляющія двѣ части свѣта, да и со временъ Семена Дежнева, впервые обогнувшаго восточную оконечность Азіи; только нѣкоторые европейскіе мореплаватели проникали черезъ Беринговъ проливъ въ Ледовитое море. Въ этомъ удаленномъ уголкѣ океана производится теперь дѣятельная ловля китовъ, такъ какъ вездѣ, гдѣ только путешественникъ съ научною цѣлью откроетъ новую отрасль промышленности, за нимъ послѣдуетъ купецъ и въ свою очередь пролагаетъ новые пути успѣхамъ промышленности.

Безлѣсны и пустынны берега Берингова моря. Много дѣятельныхъ вулкановъ, пирамидами поднимающихся изъ горнаго хребта, который образуетъ цѣпь Алеутскихъ острововъ, проходя дугою между обоими материками, освѣщаетъ выходящимъ пламенемъ неизвѣстныя пустыни, гдѣ земля не производитъ продуктовъ, которые могли-бы интересовать человѣка. За то жизнь моря необыкновенно разнообразна. Вокругъ скалистыхъ береговъ гигантскіе водоросли образуютъ покрытые водой лѣса, какихъ нѣтъ въ жаркомъ поясѣ.

Медузы, зоофиты, моллюски, черви и ракообразныя, безчисленные виды рыбъ въ громадномъ количествѣ, исполинскіе морскіе звѣри, киты, моржи и тюлени наполняютъ море и его прибрежье, а надъ ними вьются громадныя стаи водяныхъ птицъ, которыя въ сумеркахъ могутъ показаться носящимися по воздуху островами.

Обиліе дорогихъ звѣрей въ океанѣ, обиліе, которымъ обусловливается существованіе туземныхъ народовъ, оно же послужило причиною и покоренія послѣднихъ цивилизованною націею. Не будь морской выдры и алеуты, вѣроятно, наслаждались-бы прежнею независимостью. Не будь моржей и сивучей, тюленей и китовъ,

едва-ли русскіе и англійскіе флаги развѣвались-бы на американскомъ материкѣ.

Подобно тому, какъ Англія передала Гудзонбайской компаніи монополію пушной торговли Британской Сѣверной Америки, такъ точно и Россія передала исключительное право торговли своего крайняго востока Россійско-Американской компаніи. Владѣнія Россійско-Американской компаніи занимали громадное пространство, не только всѣ острова Берингова моря, но и американскій берегъ до 55°. Крайнія точки круга дѣятельности этой компаніи дальше отстояли другъ отъ друга, чѣмъ Лондонъ отъ Тобольска; но коммерческія дѣла ея далеко уступали пространству отведенной ей территоріи. Россійско-Американская компанія была основана въ царствованіе Павла I въ 1799 году, въ 1842 году привилегія ея продолжена на 20 лѣтъ. Въ 1839 году она имѣла 36 охотничьихъ постовъ (на Курильскихъ островахъ, Алеутахъ, Аляскѣ, Бристольской бухтѣ, островѣ Кука, Нортонъ-Зундѣ и т. д.), въ сей принадлежащей области, и множество конторъ отъ Охотска до Петербурга. Вся территорія компаніи дѣлилась на 6 округовъ, директора которыхъ были подчинены генералъ-губернатору, находившемуся въ Ново-Архангельскѣ на Ситхѣ. Это маленькое мѣстечко (менѣе 1,000 жителей) основано было въ 1804 году.

Въ Ново-Архангельскѣ собиралась вся добыча отъ охоты и отсюда всѣ округа снабжались нужными запасами и товарами. Небольшая флотилія, хорошо снаряженныхъ кораблей, поддерживала всѣ сообщенія. За свою превосходную гавань, которая круглый годъ свободна ото льда, Ново-Архангельскъ былъ сдѣланъ главнымъ пунктомъ компаніи, въ другихъ же отношеніяхъ это самое бѣдное и грязное мѣсто въ мірѣ. Окруженное болотами, лѣсами и крутыми утесами, ни луга, ни рощи не оживляютъ печальныхъ его окрестностей.

Около 20 англійскихъ миль къ сѣверу отъ Ново-Архангельска находятся нѣсколько горячихъ источниковъ, къ которымъ ежегодно съѣзжается значительное количество гостей. Въ 1842 году скромная лѣчебница состояла изъ 3 хижинъ, находившихся подъ присмотромъ стараго инвалида. Строенія расположены по склону холма, вблизи моря. Спереди видна красивая маленькая бухта, защищенная грудою утесовъ отъ суроваго вѣтра; а ближайшія окрестности покрыты роскошной зеленью, развивающеюся отъ теплоты источниковъ, которые издали уже замѣтны по высокимъ столбамъ пара. Когда Симпсонъ, 26 апрѣля, посѣтилъ это мѣсто, всѣ кустарники

оазиса были въ полномъ цвѣту, тогда какъ окрестная пустыня была еще покрыта толстымъ слоемъ снѣга. Главный источникъ при выходѣ изъ земли имѣетъ температуру + 54° Р. Отсюда вода идетъ въ два бассейна и охлаждается до 43,5° Р. Сѣра, которая узнается и по запаху и по вкусу, составляетъ часть этихъ источниковъ. Общество на этихъ водахъ состояло изъ служителей компаніи, лѣчащихся здѣсь отъ ревматизма и накожныхъ болѣзней и изъ сосѣднихъ колоній, которые дѣлаютъ 200 или 300 англійскихъ миль, чтобы воспользоваться благодѣяніемъ здѣшнихъ водъ.

Изо всѣхъ народовъ, живущихъ въ обширной области Россійско-Американской компаніи, наибольшаго вниманія заслуживаютъ алеуты. Менѣе счастливые, чѣмъ ихъ свободные родичи, сѣверные эскимосы, о которыхъ мы уже говорили;—алеуты терпѣли неслыханныя притѣсненія въ 1817 году, отчего численность ихъ уменьшилась до 1,000 человѣкъ, впрочемъ, съ тѣхъ поръ число ихъ увеличилось, когда, наконецъ, убѣдились, что человѣкъ въ странѣ всего дороже, и что только отъ его труда произведенія страны получаютъ цѣну. Что сталось-бы съ охотой, если-бы погибли охотники?

Каждый алеутъ между 18 и 50 лѣтнимъ возрастомъ былъ обязанъ прослужить компаніи 3 года. На первый взглядъ такое требованіе казалось очень умѣреннымъ. Но если вспомнимъ, что потребности островитянъ вообще увеличились, и что средства къ удовлетворенію ихъ исключительно находились въ рукахъ компаніи, то мы увидимъ, что разъ задолжавшій алеутъ былъ принужденъ охотиться за самую ничтожную рабскую цѣну.

Епископъ Іоаннъ Веньяминовъ, прожившій 10 лѣтъ на Уналашкѣ и считающійся за основательнаго знатока алеутовъ, описалъ намъ этотъ замѣчательный народъ, въ которомъ нельзя не видѣть слѣдовъ продолжительнаго рабства.

Всѣ алеуты, какъ нравственными, такъ и тѣлесными свойствами, словно отлиты изъ одной формы, хотя малое число ихъ разсѣяно по большому пространству.

На первый взглядъ это самый безчувственный народъ въ мірѣ. Алеуты никогда не дерутся между собой, никогда не крадутъ, а убійства у нихъ не слыханное дѣло. Терпѣніе ихъ просто удивительное. Самая сильная боль не вырываетъ у алеута ни одного стона. Если, напримѣръ, алеутъ попадется въ капканъ, поставленный для лисицъ, то совершенно хладнокровно дастъ вынуть изъ ноги зубья капкана; при этомъ должно замѣтить, что зубьевъ нельзя вынуть тѣмъ-же путемъ, какимъ они вонзились въ ногу, а нужно

расколоть дерево, въ которое они вбиты, и протащить ихъ сквозь ногу. Если-же нѣтъ никого, кто-бы могъ помочь алеуту въ этомъ дѣлѣ, онъ самъ производитъ эту мучительную операцію.

Алеутъ никогда не выражаетъ, по крайней мѣрѣ, явно сильной радости; кажется невозможно довести его до восторга. Если дать даже ребенку лакомство, онъ не бросится на него съ жадностью и не выкажетъ естественной радости.

Казалось-бы, что алеутъ не способенъ къ внутреннимъ ощущеніямъ. Напротивъ, алеутъ отличается нѣжною любовью къ дѣтямъ, и страшно обидится, если кто посмотритъ на нихъ съ презрѣніемъ.

Алеутъ доволенъ малымъ. Табакъ, водка, ружье и топоръ, вотъ единственные предметы, которые ему хочется имѣть. Въ его глазахъ самый богатый человѣкъ тотъ, кто можетъ во всякое время пуститься въ море вооруженнымъ. Онъ не льстивъ и не щедръ на обѣщанія, которыхъ не въ состояніи выполнить. Однажды, Веньяминовъ, во время своего путешествія, забылъ двѣ подаренныя ему камбалы, не смотря на то, что это случилось во время голода, онѣ немедленно были ему высланы.

Алеутъ не терпитъ лжи, презираетъ болтовню и важничанье. Любовь его къ родителямъ даже трогательна. Такъ алеутъ, Овсянниковъ, заработавшій много денегъ, катая на своей байдарѣ гуляющихъ по Невѣ, возратился въ Уналашку, чтобы ходить здѣсь за слѣпою матерью.

Въ морѣ, любимой стихіи алеутовъ, они преслѣдуютъ морскихъ животныхъ съ удивительною ловкостью и неустрашимостью. Чтобы убить дорогую морскую выдру, имъ часто приходится совершать далекія путешествія на своихъ непрочныхъ байдарахъ.

Въ апрѣлѣ или маѣ 30 — 100 байдаръ выступаетъ въ море, чтобы сойтись въ заранѣе назначенное мѣсто. Предводителемъ набирается одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ старшинъ. Такія экспедиціи ежегодно снаряжаются въ округахъ Курильскомъ, Ачинскомъ, Уналашинскомъ и Кадьякскомъ и занимаютъ пространство въ одну или двѣ мили.

Самая охота чрезвычайно занимательна. Общество, собравшись тамъ, гдѣ по близости думаютъ найдти морскихъ выдръ, ожидаетъ тихой погоды и спокойнаго моря. Тогда всѣ байдары пускаются въ море и удаляются на 40 и болѣе верстъ отъ береговъ, гдѣ должны водиться эти звѣри. Здѣсь байдары становятся по прямой линіи. Между каждыми двумя байдарами оставляется пространство, около 250 саженъ, т. е. разстояніе, на которомъ видно, гдѣ вынырнетъ

выдра. Такимъ образомъ, партія въ 30 байдаръ занимаетъ пространство въ 10—12 верстъ. Чѣмъ болѣе байдаръ въ партіи, тѣмъ тѣснѣе онѣ становятся. Съ напряженнымъ вниманіемъ каждый смотритъ въ море. По маленькой, едва замѣтной, черной точкѣ, привычный глазъ алеута уже узнаетъ выдру. Байдара, съ которой замѣченъ звѣрь, быстро подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ вынырнулъ. Здѣсь алеутъ, сидящій на байдарѣ, даетъ знакъ весломъ, по которому тотчасъ-же всѣ байдары приходятъ въ движеніе и образуютъ широкій кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ байдара, гдѣ поднято весло. Послѣдняя тихо сколизитъ къ тому мѣсту, гдѣ ожидаютъ слѣдующаго появленія морской выдры, и лишь только звѣрь покажется изъ воды—алеутъ пускаетъ въ него свою стрѣлу.

Съ одного раза рѣдко удается убить животное, часто стрѣла даже не попадетъ въ отдаленную цѣль; выдра исчезаетъ мгновенно. Снова поднимается на байдарѣ, весло снова смыкается кругъ, но тѣснѣе чѣмъ прежде; усталая выдра чаще выходитъ на поверхность воды со всѣхъ сторонъ летятъ въ нее стрѣлы, и, наконецъ, убитый или истощенный ранами звѣрь достается тому, кто первый попалъ ему въ голову. Если нѣсколько выдръ покажется одновременно, то образуется нѣсколько круговъ по числу байдаръ. Всѣ движенія совершаются съ необыкновенною быстротою и точностью; причемъ сохраняется полнѣйшая тишина, прерываемая только свистомъ стрѣлъ.

Самыми смѣлыми охотниками считаются алеуты съ Лисьихъ острововъ, они бьютъ морскую выдру и зимой. Если только что описанная нами охота удивляетъ быстротою и правильностью движеній, остротою глазъ и мѣткостью охотниковъ, то зимняя охота еще болѣе приводитъ въ изумленіе смѣлостью и ловкостью охотниковъ.

Во время сильныхъ вьюгъ и бурь морская выдра ищетъ себѣ защиты на берегу маленькихъ, необитаемыхъ острововъ, или на отдѣльно стоящихъ утесахъ. Убѣдившись, что нѣтъ по близости людей, выдра свертывается въ кружекъ и засыпаетъ. Тогда два алеута, пока еще продолжается буря, приплываютъ на двухъ байдарахъ къ утесу съ подвѣтренной стороны. Охотникъ, находящійся на первой байдарѣ съ ружьемъ или дубиною въ рукѣ, стоя, ожидаетъ волны, которая поднесла-бы его ближе къ утесу, и тогда онъ выпрыгиваетъ на землю, подкрадывается подъ вѣтромъ къ спящей выдрѣ, убиваетъ ее пулей или дубиной и затѣмъ снова садится въ свою байдару.

Морскихъ выдръ ловятъ также сѣтями. Изо всѣхъ охотъ ловля морской выдры требуетъ наибольшаго терпѣнія, ловкости и опытности.

Не менѣе важное значеніе для края имѣетъ также ловля морскихъ котиковъ; мягкая шерсть этихъ молодыхъ звѣрей доставляетъ дорогой мѣхъ. Морскихъ котиковъ преимущественно бьютъ на Коммодорскихъ и Прибиловскихъ островахъ, а также на островѣ Св. Павла, гдѣ съ этою цѣлью живетъ партія алеутовъ съ Лисьихъ острововъ. Морскіе котики питаются въ морѣ рыбою и моллюсками. Голосъ ихъ похожъ на блеяніе овцы. Взрослый самецъ, который втрое или вчетверо больше самки, ростомъ съ двухгодовалаго теленка. Цвѣтъ шерсти темносѣрый, волосъ отъ головы до половины туловища курчавъ и гораздо длиннѣе, чѣмъ на прочихъ частяхъ тѣла. Морскіе котики постоянно подходятъ къ острову Св. Павла, около 20 апрѣля; впереди идутъ самцы, самки слѣдуютъ за ними. Охота начинается въ послѣднихъ числахъ сентября, при чемъ стараются подходить къ звѣрямъ съ подвѣтренной стороны. Впереди идутъ самые смѣлые охотники по одному другъ за другомъ, за ними слѣдуютъ старики и дѣти. Предводитель идетъ послѣдній, чтобы управлять своей охотой. Всѣ вооружены дубинами. Искусство охотниковъ состоитъ въ томъ, чтобы внезапнымъ нападеніемъ на стадо звѣрей отрѣзать его отъ моря. Взрослыхъ самцовъ и самокъ отгоняютъ прочь и даютъ имъ свободу; а молодыхъ котиковъ иногда гонятъ верстъ на 10 отъ моря и убиваютъ дубинами. Очень молодыхъ, не старше 4 мѣсяцевъ, убиваютъ поголовно, отъ одного до трехъ лѣтъ бьютъ только самцовъ, а самокъ заботливо подгоняютъ къ морскому берегу. Нѣсколько дней матери убитыхъ звѣрей плаваютъ вокругъ острова и жалобнымъ крикомъ сзываютъ дѣтей. Съ 5 октября котики мало по малу оставляютъ островъ.

Кромѣ охоты на морскихъ выдръ и котиковъ, алеуты считаются также искусными, безстрашными охотниками на китовъ, моржей и морскихъ львовъ или сивучей. Одинъ одепешенекъ, въ своей одновесельной байдарѣ, и вооруженный только короткимъ копьемъ, алеутъ рѣшается напасть на кита. Алеутъ осторожно и сзади подплываетъ къ киту и идетъ рядомъ съ нимъ до головной части, вонзаетъ ему въ тѣло свое оружіе подъ передній ластъ и быстро удаляется. Если копье проникло въ мясо, то киту нѣтъ спасенія, онъ издохнетъ дня черезъ два, и теченіе или волны выбросятъ его на берегъ. Каждое копье отмѣчено особымъ знакомъ, по которому узнается хозяинъ. Иногда байдара удаляется не такъ быстро, какъ

нужно; а китъ отъ боли мечется во всѣ стороны, бьетъ хвостомъ и байдару подбрасываетъ какъ мячикъ. Китобойцы пользуются у алеутовъ особеннымъ, вполнѣ заслуженнымъ, уваженіемъ за ихъ безстрашіе и ловкость. При такой охотѣ много китовъ пропадаетъ безслѣдно. Такъ лѣтомъ 1831 года, около Кадьяка изъ числа раненыхъ 118 китовъ найдено только 43. Остальные были занесены въ открытое море и сдѣлались добычею акулъ и морскихъ птицъ, или же были выброшены на иные берега и безъ труда достались туземцамъ.

Моржевые бивни составляютъ также немаловажный предметъ охоты жителей Берингова пролива и Бристольской бухты. Большія партіи алеутовъ ежегодно отправляются къ сѣверному берегу полуострова аляски, гдѣ лѣтомъ можно встрѣтить много молодыхъ моржей, тогда какъ старые предпочитаютъ мѣстопребываніе у полярныхъ льдовъ. Моржи живутъ у самаго берега, на нижнемъ его краю, весною заливаемымъ водой. Алеуты, снаряжаясь на бой этихъ звѣрей, прощаются другъ съ другомъ, словно идутъ на вѣрную смерть, боясь какъ мощныхъ бивней, такъ и неосторожности сотоварищей. Вооруженные копьями и тяжелыми топорами, алеуты ползутъ вдоль окраины берега и окружаютъ, такимъ образомъ, становище звѣрей, потомъ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи вскакиваютъ на ноги, съ сильнымъ крикомъ бросаются на моржей, чтобы отогнать ихъ отъ берега, стараясь, чтобы ни одинъ моржъ не ушелъ въ море, иначе всѣ другіе послѣдуютъ за нимъ и своимъ напоромъ задавятъ охотниковъ. Когда моржи отойдутъ далеко отъ берега, алеуты бросаются на нихъ съ крикомъ, стараясь наносить раны въ мѣста, гдѣ кожа не такъ толста; если-же ударъ копья угодитъ въ грудь, то его поворачиваютъ нѣсколько разъ, чтобы, увеличивъ рану, сдѣлать ее смертельною. Убитые звѣри, падая другъ на друга сваливаются въ большія кучи, а охотники буквально купаются въ крови. Убитымъ моржамъ раздробляютъ челюсти и вынимаютъ бивни, ради которыхъ ежегодно бьютъ до 4.000 моржей, такъ какъ мясо и жиръ моржей не идутъ въ дѣло. Симпсонъ разсказываетъ, что въ моржевую кожу укладываютъ тюки мѣховъ, идущихъ въ Кяхту, а тамъ зашиваютъ цибики чая, отправляемые въ Москву.

Послѣ бойни первый высокій приливъ сноситъ оставленные трупы въ море и смываетъ всякій слѣдъ кровавой охоты. На слѣдующій годъ, неистощимый сѣверъ опять вышлетъ на берега новыя жертвы охоты прибрежныхъ жителей.

Шкура морскаго льва (сивучъ) по короткости и жесткости во-

лоса не имѣетъ никакой цѣны въ торговлѣ, но за то этотъ звѣрь приноситъ алеуту не мало хозяйственной пользы. Выдѣланными шкурами алеутъ обтягиваетъ байдары, изъ кишокъ и пищевода онъ шьетъ себѣ непромокаемую *камлейку*, широкую, длинную рубашку, которую надѣваетъ поверхъ платья, и которая сохраняетъ алеута отъ частныхъ дождей его туманной родины и морскихъ волнъ. Изъ плавательной перепонки алеутъ дѣлаетъ подошвы, усами украшаетъ свою шапку, а свѣжее, сушоное и соленое мясо употребляетъ въ пищу. Морской левъ встрѣчается около береговъ и острововъ Тихаго океана отъ 61° с. ш. до 63° 5′ с. ш. Чаще всего онъ встрѣчается на островѣ Св. Георга. Этотъ звѣрь сильнѣе и злѣе морскаго котика. Ежегодно до 1.500 шкуръ идетъ на обтяжку байдаръ, а 12.000 сажень кишекъ употребляется на камлейки. Все это потребляется на мѣстѣ.

Жители береговъ Берингова моря съ удивительною ловкостью шьютъ камлейки; для этого полосы кишекъ сшиваются жилами морскихъ звѣрей непромокаемымъ швомъ, который красиво и со вкусомъ украшается перьями морскихъ птицъ. Самая искусная швея должна употребить нѣсколько дней на шитье грубой камлейки, а мѣжду тѣмъ, ихъ съ радостью обмѣниваютъ за нѣсколько листьевъ табаку, которыхъ едва хватитъ алеуту-курильщику на одно утро. Алеутъ набиваетъ свою маленькую трубку дорогимъ для него табакомъ, при чемъ для экономіи смѣшиваетъ его съ древесными стружками. Закуривъ трубку и, закрывъ отъ удовольствія глаза, дикарь съ наслажденіемъ втягиваетъ дымъ въ легкія и выпускаетъ его къ небу. Окружающіе съ умиленіемъ смотрятъ на счастливца, пока послѣдній не передаетъ свою трубку сосѣду, который, въ свою очередь, также затягивается съ наслажденіемъ.

ГЛАВА XXIII.

Эскимосы.

Распространеніе эскимосовъ.—Естественныя свойства ихъ родины.—Физіономія эскимоса.—Его свойства.—Одежда.—Ледяныя хижины.—Жилище эскимоса въ Зундѣ Кочебу. — или байдара. — Осміякъ или женская лодка.—Оружіе и утварь.—Ненависть краснокожаго индейца къ эскимосу.—Жизнь центральнаго эскимоса.—Бой моржей въ Прудгойской странѣ.—Охота на медвѣдя.

Изъ всѣхъ, обитающихъ на землѣ, дикихъ народовъ нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы такое распространеніе, какъ эскимосы, живущіе, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Эскимосы живутъ на восточной оконечности земли чукчей, въ сѣверной части Ньюфундленда, на островахъ Берингова моря и въ Гренландіи; они встрѣчаются китоловамъ въ Девисовомъ и Гудзоповомъ проливахъ, и если, съ одной стороны, племена эскимосовъ спускаются на югъ до широты Вѣны, то съ другой стороны, на сѣверѣ, они достигаютъ 80° широты, до которой, сколько извѣстно, не живетъ ни одинъ народъ, кромѣ эскимоса.

Обширная область, населенная эскимосами, за весьма малыми исключеніями, лежитъ по ту сторону крайней границы лѣсовъ, въ самыхъ пустынныхъ и непривѣтливыхъ частяхъ земного шара. Суровые вѣтры полярнаго моря дуютъ по ледяной родинѣ эскимоса и не даютъ развиваться растительности. Только лишаи, мхи, каменеломки и тальники въ состояніи противиться вліянію этихъ вѣтровъ и составляютъ скудную пищу немногихъ наземныхъ животныхъ и перелетныхъ птицъ. Плохо пришлось-бы эскимосу, если бы онъ былъ вынужденъ кормиться только тѣмъ, что даетъ ему мачиха-земля; и если бы море, со своими моржами, тюленями,

китами и рыбами не заботилось бы о потребностяхъ эскимоса? Поэтому онъ селится вблизи неистощимаго океана, на огромномъ протяженіи, по берегу полярнаго моря.

Говоря объ эскимосахъ, нельзя не принять во вниманіе, что народъ, который на восточной границѣ своего распространенія, цѣлыя столѣтія находится въ общеніи съ датчанами и англичанами, на крайнемъ западѣ подвластенъ Россіи, а средній членъ почти не сталкивался съ европейцами—ясно, что племена такого народа имѣютъ нѣкоторое различіе въ образѣ жизни, обычаяхъ и степени образованія. Поэтому одно и тоже описаніе недостаточно и для учениковъ Моравскихъ Братій на Лабрадорѣ и Гренландіи, для православныхъ алеутовъ, и для центральнаго эскимоса, вполнѣ преданнаго шаманству. Но тѣмъ не менѣе, всѣ племена эскимосовъ узнаются по нѣкоторымъ основнымъ чертамъ, которыми они отличаются отъ другихъ сосѣднихъ народовъ. По тѣлосложенію, широкому плоскому, лицу, выдающимся скуламъ, маленькимъ глазамъ, эскимосы болѣе похожи на монгольскія татарскія племена, чѣмъ на Сѣверо-Американскихъ индѣйцевъ. Цвѣтъ кожи эскимоса также бѣлѣе, а у мущинъ, съ возрастомъ, на лицѣ растетъ болѣе волосъ, чѣмъ у ихъ краснокожихъ сосѣдей.

Большинство мущинъ ниже средняго роста, но встрѣчаются такіе, къ которымъ вовсе не подходитъ названіе *скрелингеръ* (карлики), какъ ихъ назвали первые норманскіе поселенцы Гренландіи. Симпсонъ въ Кампенской бухтѣ видѣлъ трехъ эскимосовъ, которые имѣли отъ 5 футовъ 10 дюймовъ до 6 футовъ роста. Кенъ въ Прудгойской странѣ также видѣлъ эскимоса, который на цѣлый футъ былъ выше его. Женщины, напротивъ, всѣ малаго роста.

Но чего недостаетъ эскимосу въ ростѣ, то замѣняется шириной плечъ и торса; и хотя мускулы его мягки и вялы, тѣмъ не менѣе, эскимосъ сильнѣе другихъ коренныхъ жителей Америки. Кенъ видѣлъ на сѣверѣ эскимосовъ, которые смѣло могли бороться съ бѣлымъ медвѣдемъ или моржемъ.

Руки и ноги у эскимоса замѣчательно малы и красивы, и даже лордъ Байронъ, какъ извѣстно, въ дѣтствѣ гордившійся этими внѣшними признаками аристократическаго происхожденія, могъ-бы позавидовать эскимосамъ. Что ноги малы, это легко объясняется тѣмъ, что эскимосы мало ходятъ, проводя большую часть времени въ саняхъ или лодкѣ, но руками имъ приходится исполнять самыя грубыя работы. Эскимосъ не мало не заботится о своихъ рукахъ и ногахъ и, конечно, не носитъ красивой формы сапоговъ и узкихъ

перчатокъ, а, напротивъ, надѣваетъ широкіе сапоги и рукавицы, и, не смотря на то, красоту рукъ и ногъ, какъ даръ природы, передаетъ своему потомству.

Выраженіе лица молодыхъ эскимосовъ обыкновенно веселое, довольное и довѣрчивое, а женщины часто смѣются, выказывая при этомъ два ряда бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, какихъ нѣтъ у многихъ европейскихъ красавицъ. Еслибъ эскимосскія женщины чаще мыли свое лицо, то многія изъ нихъ могли-бы гордиться своимъ цвѣтомъ лица.

Эскимосскія женщины весьма не равнодушны къ нарядамъ, въ противоположность своихъ несчастныхъ сосѣдокъ заячьихъ и собакореберныхъ индіянокъ, тиранское обращеніе съ которыми убило, сродное женскому сердцу, желаніе нравиться до такой степени, что бѣдныя созданія не могутъ думать о нарядахъ. Эскимоски, напротивъ, считаются самыми счастливыми женщинами въ мірѣ, такъ какъ мужья не только хорошо съ ними обращаются, не ревнивы и относительно супружескихъ правъ даже трогательно либеральны.

Весьма естественно, что эскимоски стараются красотой своей быть достойными гуманнаго обращенія съ ними своихъ мужей. Въ то время, какъ, подъ тиранiей живущая, собакореберная индіанка не чешетъ и не плететъ своихъ длинныхъ косматыхъ волосъ, которые падаютъ на лицо и плечи, эскимоска причесывается со вкусомъ, и по вискамъ ея вьются красивые локоны, не разъ прельщавшіе сердца молодыхъ эскимосовъ.

Эскимосы имѣютъ варварскій обычай татуировать подбородокъ, лобъ и скулы—но не такъ, какъ островитяне южнаго моря, которые выцарапываютъ хитрые рисунки на кожѣ, а только проводятъ довольно красивы полоски.

Къ западу отъ Берингова пролива, до рѣки Мекензи, мущины имѣютъ отвратительный обычай прокалывать нижнюю губу у угловъ рта, и въ эти отверстія продѣвать осколокъ моржовой кости, въ концамъ которой прикрѣплены голубыя или зеленыя бусы или куски кварца. Иные прокалываютъ себѣ посовую перегородку и въ отверстіе вставляютъ костяную иглу или раковину. Эскимосы Калифорнійскаго берега полагаютъ, что такое украшеніе придаетъ имъ необыкновенно воинственный видъ.

Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе удачныя стремленія эскимосовъ украшать себя, посмотримъ, какъ они умѣютъ защищаться отъ страшныхъ зимнихъ холодовъ на берегахъ, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни каменнаго угля и какими средствами они добываютъ себѣ пищу

изъ Ледовитаго моря. Здѣсь мы видимъ человѣка въ неблагопріятныхъ условіяхъ и потому съ участіемъ спросимъ: какъ удается ему выдти побѣдоносно изъ борьбы съ враждебными климатомъ и природой?

Одежда эскимоса отлично приноравлена къ его потребностямъ. Въ двойныхъ панталонахъ изъ оленьихъ и тюленьихъ шкуръ (шкура нижнихъ панталонъ обращена шерстью внутрь), въ двухъ платьяхъ или накидкахъ (верхняя, *парка*, снабжена колпакомъ, капюшономъ), въ сапогахъ, подбитыхъ птичьими шкурками и волосомъ сѣверныхъ оленей, въ огромныхъ рукавицахъ эскимосы защищаютъ себя отъ арктическихъ холодовъ и работаютъ на воздухѣ зимой, какъ только мѣсяцъ начинаетъ двигаться по небосклону, сѣверное сіяніе сверкать на небѣ и полуденные сумерки распространять свой сомнительный свѣтъ. Изъ тюленьихъ и моржевыхъ кишокъ женщины приготовляютъ непромыкаемыя рубашки или камлейки. Обувь шьютъ женщины изъ тюленьихъ кожъ, сквозь которую не проникаетъ сырость, и притомъ эта обувь такъ красива, что сдѣлала бы честь искусству хорошаго европейскаго сапожника. Одежда женщинъ мало чѣмъ отличается отъ одежды мущинъ, только у первыхъ сзади къ платью пришивается хвостъ, висящій до пятокъ.

Въ постройкѣ хижинъ эскимосы выказываютъ большое искусство. Какъ только удлиняющіеся дни призываютъ племена, живущіе на мысѣ Бардгурстѣ и около устья Мекензи, къ морскому берегу для боя тюленей, эскимосы строятъ себѣ полушаровидныя жилища изъ снѣга, который въ это время отъ сильныхъ морозовъ и вѣтровъ становится такъ твердъ, что можетъ служить, какъ строительный матеріалъ. Постройку начинаютъ такъ: на ровной поверхности снѣга очерчиваютъ кругъ, внутри котораго снѣгъ вырѣзывается плитами, онѣ впослѣдствіи послужатъ для стѣнъ. Вырѣзываніе продолжается до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до замерзшей земли—пола будущей хижины. Каждая снѣжная плита прикрѣпляется искусно къ находящейся подъ ней плитѣ тѣмъ, что по спайкамъ проводятъ горячимъ ножемъ, вслѣдствіе чего плиты, подъ вліяніемъ холода, быстро примерзаютъ одна къ другой. Обыкновенно, два человѣка работаютъ вмѣстѣ, одинъ снаружи, другой внутри. Послѣдній, по завершеніи свода, вылѣзаетъ изъ прорѣзанной въ основаніи узкой двери.

Такъ какъ стѣны дѣлаются всего въ 3—4 дюйма толщиной, то сквозь нихъ проходитъ пріятный, мягкій полусвѣтъ, вполнѣ достаточный для обыкновенныхъ занятій обитателей хижины; если-же

такого свѣта оказывается мало, то на самой вершинѣ помѣщается вмѣсто окна кусокъ прозрачнаго льда. Толщина стѣны разсчитана такъ, что вѣтеръ не проникаетъ въ хижину, а холода достаточно, чтобы внутренняя поверхность не обтаяла.

Посредствомъ сѣней и коридоровъ, отверстія которыхъ обращены къ югу, рѣзкій вѣтеръ не пропускается внутрь. По нѣскольку жилищъ смыкаются вмѣстѣ, и между ними устраиваются соединительныя двери и крытые ходы. Цѣлые мѣсяца выстаиваютъ эти ледяныя постройки. Круглая форма ихъ легко выдерживаетъ напоры вѣтра, а снѣжныя стѣны не таятъ до тѣхъ поръ, пока средь лѣта солнце не разогрѣетъ атмосферы. Вся обстановка хижины—скамьи, столъ, постель сдѣланы также изъ снѣга, на мебель стелятся звѣриныя шкуры. Понятно, что подъ такимъ снѣжнымъ колпакомъ нельзя развести сильнаго огня, но въ томъ-то и состоитъ торжество эскимосской архитектуры, что сильный огонь здѣсь вовсе не нуженъ.

Постоянно зажженная лампа, освѣтительнымъ матеріаломъ которой служитъ ворвань, даетъ совершенно достаточно тепла, чтобы просушить мокрыя одежды и обувь, возвращающихся домой, эскимосовъ; таже лампа, съ помощію животной теплоты самихъ обитателей, достаточно поднимаетъ температуру въ тѣсномъ пространствѣ хижины; а такъ какъ эскимосъ привыкъ ѣсть сырое мясо, то ему не нужно и очага для варки пищи. Самая хижина тѣмъ болѣе тепла, что ея гораздо болѣе подъ уровнемъ снѣжнаго покрова, чѣмъ надъ нимъ.

Вообще надо сказать, что хижина эскимоса, сдѣланная изъ снѣга, или построенная изъ камней, земли или плавучаго лѣса въ другихъ странахъ и для иного времени года, повсюду, отъ Берингова пролива до Гренландіи, чрезвычайно цѣлесообразно приспособлена къ климату и обстоятельствамъ.

Въ Зундѣ Коцебу, Шамиссо нашелъ эскимосское жилище, которое описываетъ слѣдующимъ образомъ: «комната квадратная, футовъ по 10 по сторонѣ, стѣны въ 6 футовъ высоты, потолокъ сводомъ, въ маковкѣ четырехугольное окно, затянутое пузыремъ. Постройка сдѣлана изъ бревенъ, обтесанныхъ съ внутренней стороны. Противъ двери помостъ на $1^1/_2$ фута отъ земли, онъ служитъ спальней и занимаетъ треть всего пространства. По стѣнамъ лѣстницею расположены полки для помѣщенія утвари. Дверью служитъ круглое отверстіе, продѣланное въ серединѣ стѣны, оно имѣетъ около $1^1/_2$ фута въ поперечникѣ. Похожія на ходы кротовъ,

деревомъ обложенныя, галлереи, въ которыхъ только мѣстами, можно стоять не согнувшись, ведутъ отъ двери внутренней камеры къ наружному входу, послѣдній имѣетъ четырехугольную форму въ 3 фута вышиной и открывается на юго-востокъ между двумя земляными валами. Отъ главнаго входа ведетъ побочная вѣтвь въ яму, гдѣ хранятся запасы провизіи на зиму, по большей части, состоящіе изъ кусковъ сала въ футъ величиной, тутъ-же стоятъ рѣшета на длинныхъ палкахъ для вынманія сала. Какъ главное строеніе, такъ и входы покрыты землей».

Шесть лѣтъ послѣ кругосвѣтнаго плаванія Шамиссо, въ 1822 году, Скорзби присталъ къ восточному берегу Гренландіи, и здѣсь, на противуположномъ концѣ эскимосскаго міра, видѣлъ туже обыкновенную архитектуру. Горизонтальный, почти въ 15 футовъ длиною туннель однимъ концемъ обращенъ къ югу, а другимъ открывается во внутренность хижины. Галлерея такъ низка, что нужно ползти по ней на четверенькахъ. Самая хижина почти не возвышается надъ поверхностью земли, а такъ какъ крыша обыкновенно обкладывается дерномъ, который лѣтомъ обрастаетъ мхомъ или травой, то строеніе мало замѣтно на окружающемъ его пространствѣ.

Полъ галлереи иногда находится на одномъ уровнѣ съ поломъ хижины; но встрѣчается и такое устройство, что потолокъ туннеля дѣлается въ уровень съ поломъ хижины. Такимъ образомъ, внѣшній холодный воздухъ еще лучше отдѣленъ отъ внутренней теплой атмосферы. Такъ эскимосъ, никогда не учившійся физикѣ, умѣетъ разумно и практично прилагать къ дѣлу ея правила.

Кромѣ большого искуства строить подземныя жилища, эскимосы не менѣе хорошо умѣютъ дѣлать лодки, которыя у нихъ носятъ названіе *каякъ* или *байдара*—для помѣщенія одного человѣка.

Легкій, длинный и узкій деревянный остовъ обтянутъ снаружи тюленьими кожами, такая лодка не промокаетъ. Въ серединѣ имѣется отверстіе, въ которомъ человѣкъ, протянувъ ноги, сидитъ въ байдарѣ и только туловище его выходитъ изъ средняго отверстія. Это отверстіе обшито мѣшкомъ, сдѣланнымъ изъ матеріала, изъ котораго шьютъ камлейки, мѣшокъ затягивается вокругъ тѣла подъ самыми руками, такъ что, какъ бы ни было сильно волненіе, во внутрь лодки не попадаетъ ни одной капли воды. Съ легкимъ весломъ въ рукѣ, съ оружіемъ передъ собою, поддерживая равновѣсіе, какъ хорошій эквилибристъ, пляшущій на лошади, эскимосъ стрѣлою летитъ по подвижной стихіи, а опрокинетъ байдару волна, то съ умѣетъ онъ справиться весломъ и снова принять нужное положеніе.

Если одноместная байдара похожа на быстроногаго коня, который, какъ бы сросшись со своимъ сѣдокомъ, догоняетъ бѣгущую дичь, то большая байдара или женская лодка напоминаетъ тяжелую фуру, которая слѣдуетъ за кочевниками. Это судно также состоитъ изъ остова, обтянутаго тюленьими шкурами, но оно такъ велико, что въ немъ можетъ помѣститься до 50 человѣкъ. На мачтѣ находится трехугольный парусъ, сшитый изъ кишекъ тюленей и легко надувающійся отъ вѣтра.

Мужчина уронилъ-бы свое достоинство, если-бы сталъ грести веслами на такой тяжелой семейной лодкѣ. Онъ исключительно предоставляетъ эту работу женщинамъ, которыя, подъ звуки однообразной пѣсни, правятъ судномъ.

Это обстоятельство, по разсказу Ричардсона, ввело эскимосовъ, живущихъ между рѣками Мекензи и Коппермиюмъ, въ ошибку, они приняли за женщинъ англійскихъ матросовъ только потому, что послѣдніе гребли веслами по нѣсколько человѣкъ разомъ. Одинъ эскимосъ даже спросилъ—у всѣхъ ли бѣлыхъ женщинъ растутъ бороды?

Эскимосы большіе мастера въ изготовленіи оружія, охотничьихъ и рыболовныхъ снарядовъ. Весло съ большимъ вкусомъ выложено моржовою костью, копье красиво вырѣзано, упругій лукъ, обвитый струнами, далеко и вѣрно пускаетъ 6 футовую стрѣлу. Стрѣлы, предназначенныя для боя большихъ звѣрей, имѣютъ на концѣ острый кремень или заостренную кость; стрѣлы для птицъ тупы и короче первыхъ. Какъ въ постройкѣ жилища и байдары, такъ и въ приготовленіи охотничьихъ и рыболовныхъ снарядовъ, эскимосъ на столько-же превосходитъ краснокожаго индійца, на сколько онъ сильнѣе и храбрѣе послѣдняго. Индѣецъ враждебно смотритъ на эскимоса, считая послѣдняго скорѣе за животное, чѣмъ за человѣка, къ которому можно подойти развѣ только для того, чтобы убить его. Примѣръ такой кровожадной ненависти видѣлъ извѣстный Геарне во время своего путешествія къ рѣкѣ Коппермине.

Когда, сопровождавшіе его, индійцы услыхали, что нѣсколько эскимосовъ расположили свои жилища у устьевъ этой рѣки, то немедленно лютость тигра пробудилась въ душахъ дикарей.

Геарне, единственный европеецъ между ними, не имѣлъ силы удержать ихъ отъ злого намѣренія; скорѣе можно мольбами укротить бѣлаго медвѣдя, чѣмъ возбудить человѣческое чувство въ шайкѣ дикарей. Безъ шума подползли они къ жилищамъ эскимосовъ, и въ то время, когда незаходящее солнце близко подошло

къ горизонту, съ страшнымъ ревомъ бросились въ палатки своихъ спящихъ враговъ. Они безчеловѣчно убивали каждаго, кого только могли настичь, съ злорадствомъ стараясь увеличить ихъ мученія, нанося новыя раны. Одной старухѣ передъ смертельнымъ ударомъ вырвали оба глаза, молодая дѣвушка съ визгомъ бросилась къ ногамъ Геарне, который сдѣлалъ все, что могъ для ея спасенія, но напрасно. Два индійца копьями пригвоздили бѣдняжку къ землѣ, и въ то время, какъ она, корчась отъ боли, испускала духъ, убійцы обратились къ англичанину съ дьявольской насмѣшкой: не хочетъ ли онъ жениться на эскимоскѣ?

Не удивительно, что такіе набѣги пробудили ненависть и въ душѣ эскимоса, который, съ своей стороны, гдѣ представится случай, копьемъ и стрѣлой преслѣдуетъ индійца, какъ хищнаго звѣря. Такимъ образомъ, на пустынномъ сѣверѣ кровавая месть переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, такъ что къ ужасамъ арктической природы прибавляетъ человѣкъ, самимъ имъ приготовленную муку.

Мы посѣтили эскимоса въ его хижинѣ и знаемъ, какъ онъ защищается отъ холода и вьюги, которая почти безпрерывно бушуетъ по безлѣсной равнинѣ; мы знакомы съ байдарой, въ которой эскимосъ стрѣлою летаетъ по волнамъ, знакомы отчасти съ оружіемъ, которое эскимоса научила дѣлать нужда; теперь-же послѣдуемъ за нимъ на охоту и рыбную ловлю и разскажемъ, какъ онъ употребляетъ въ дѣло байдару и оружіе.

По словамъ Ричардсона, у центральныхъ эскимосовъ ежегодно повторяется тотъ-же кругъ дѣятельности. Въ маѣ или іюнѣ, какъ только рѣки освободятся отъ ледянаго покрова, эскимосы спѣшатъ къ порогамъ и водопадамъ; здѣсь они раскидываютъ свои лѣтнія палатки и бьютъ копьями, идущіе противъ воды легіоны рыбъ. Въ то же, время эскимосы преслѣдуютъ сѣверныхъ оленей, которые идутъ къ берегамъ и на острова, чтобы произвести на свѣтъ дѣтенышей, пока не сошелъ снѣгъ. Гдѣ открытая мѣстность не позволяетъ подкрасться къ оленямъ, тамъ роются глубокія ямы, въ наполненныхъ снѣгомъ оврагахъ, эти ямы снаружи прикрываются снѣговыми плитами. Первый вѣтеръ замететъ слѣды человѣческой работы. Беззаботный сѣверный олень, не чуя засады, разгуливаетъ по снѣжной поверхности, какъ вдругъ обманчивая почва проваливается подъ его ногами и ему не выйдти живому изъ узкой темницы, куда завела его злая судьбина.

Громадныя стаи лебедей, утокъ и гусей спѣшатъ къ растаяв-

шимъ болотамъ сѣвера, чтобы здѣсь класть яйца и выводить дѣтей—этими животными должны питаться эскимосы въ теченіи короткаго лѣта. Для ловли птицъ эскимосъ придумалъ весьма остроумный снарядъ: 6 или 8 маленькихъ, по срединѣ пробуравленныхъ шариковъ изъ моржовой кости надѣты по одиночкѣ на снурки изъ звѣриныхъ сухожилій въ 3 фута длиной. Свободные концы снурковъ связаны вмѣстѣ. При взбрасываніи шарики со снурками разлетаются врозь, какъ спицы колеса, и птица, попавшая въ этотъ кругъ, будетъ убита.

Въ началѣ сентября, сѣверные олени собираются въ большія стада, направляясь къ югу, но тамъ, гдѣ они обыкновенно вбродъ переходятъ рѣки, или гдѣ съуживающіяся озера даютъ возможность звѣрю переплыть, тамъ съ копьемъ и стрѣлами ожидаетъ оленей эскимосъ и производитъ страшное опустошеніе въ ихъ рядахъ.

Тамъ, гдѣ берега моря посѣщаются китами, послѣднихъ преслѣдуютъ въ августѣ мѣсяцѣ, при чемъ счастливая охота дастъ возможность цѣлой общинѣ, безъ недостатка, прожить зиму. Бой китовъ производится цѣлымъ обществомъ; для этой охоты эскимосы вдоль береговъ полярнаго моря строютъ изъ плавучаго лѣса зимнія хижины и располагаютъ ихъ цѣлыми деревнями; къ востоку отъ мыса Парри, гдѣ Ричардсонъ не встрѣчалъ болѣе китовъ, онъ не видалъ и деревень, а только отдѣльныя хижины. Такая деревня, обыкновенно, строится на крутомъ берегу, такъ какъ здѣсь вслѣдствіе глубокой воды можно подтащить убитаго кита къ берегу. Въ темное время года обыкновенно зажигаютъ китовый жиръ въ такомъ изобиліи, что вокругъ почва, какъ бы пропитана этою вонючею ворванью.

Въ мартѣ тюлени мечутъ дѣтенышей, и вскорѣ послѣ этого они дѣлаются предметомъ охоты для эскимоса. Тюленю необходима продушина во льду, которую онъ даже въ самые сильные морозы постоянно поддерживаетъ, обгрызая ледъ зубами. Какъ осторожный звѣрь, къ тому-же одаренный острымъ зрѣніемъ и слухомъ, тюлень очень боязливъ, но эскимосъ, который съ дѣтства изучилъ привычки тюленя и считаетъ за лакомство его черное, невкусное мясо, всегда умѣетъ во время подкараулить его и убить. Успѣхъ охоты на тюленей много зависитъ отъ свойства льда, а между тѣмъ, недостатокъ и голодъ бываютъ иногда послѣдствіями неудачной охоты.

Весна и вообще время года, совпадающее съ нашей весной, для центральнаго эскимоса часто составляетъ эпоху голода; май не напоминаетъ ему пѣнія соловья и зелени луговъ, а истощенные при-

пасы и продолжительный постъ. Но лѣтомъ, когда въ долинахъ стаетъ снѣгъ, рѣки освободятся ото льда, сѣверный олень и птица возвращаются къ морскому берегу, изобиліе пищи снова окружаетъ эскимоса и у него, какъ у забывчиваго дитяти природы, совершенно исчезаетъ воспоминаніе о перенесеной нуждѣ.

Правда, эскимосъ въ продолженіи года много убьетъ жирныхъ и сытыхъ животныхъ, количество которыхъ было-бы достаточно для двойнаго числа ѣдоковъ нашего умѣреннаго климата; но морской воздухъ и холодъ сильно возбуждаютъ обмѣнъ матеріи и истощаютъ человѣческое тѣло, которое поэтому и требуетъ больше пищи. Эскимосъ преспокойно съѣстъ заразъ 4—5 фунтовъ мяса и запьетъ его большимъ количествомъ китоваго или тюленьяго жира. Не удивительно, что зимніе запасы скоро истощаются, и наступаетъ голодъ. Этому помогаетъ часто животная прожорливость дикаря, которая далеко заходитъ за границы необходимаго, а непредусмотрительный дикарь среди изобилія забываетъ о будущемъ, не смотря на грустные примѣры прошлаго.

Само, собой разумѣется, что описанный нами охотничій циклъ эскимоса въ частностяхъ, не одинаковъ, для различныхъ мѣстностей, населенныхъ этимъ, народомъ—нѣтъ того или другого животнаго, или же оно является въ большомъ количествѣ въ другую эпоху, и соотвѣтственно этому, измѣняется и образъ жизни охотниковъ. Такъ моржъ играетъ главную роль, какъ у эскимоса Берингова моря, такъ и у самыхъ сѣверныхъ его соплеменниковъ, живущихъ въ Прудгойской странѣ.

Далѣе къ югу, по временамъ года смѣняются тюлени, рогозубы, и бѣлухи; а въ зундѣ Смита, эти животныя бываютъ скорѣе предметомъ случайнаго преслѣдованія, чѣмъ правильной охоты.

Способъ, какимъ бьютъ моржей жители Прудгойскихъ странъ, также не одинаковъ. Въ концѣ короткаго лѣта, когда еще ледъ не совершенно образовался, моржи держатся въ большомъ количествѣ въ нейтральныхъ областяхъ, гдѣ ледъ перемѣшанъ съ водой; чѣмъ болѣе наростаетъ съ теченіемъ зимы твердаго льда, тѣмъ болѣе моржи уходятъ къ югу. Въ это время охотники, по молодому льду подходятъ къ моржамъ и въ трещинахъ и полыньяхъ бьютъ этихъ животныхъ гарпуной. Въ одну изъ такихъ экспедицій, Мортопъ, спутникъ Кена сопровождалъ своего пріятеля, опытнаго моржебойца, эскимоса Мыука; они неслись на саняхъ по ледяной поверхности, пока Мыукъ; по признакамъ и звукамъ, не убѣдился, что моржи находятся на мѣстѣ, только въ послѣдніе дни покрывшемся тонкимъ

слоемъ льда. Черезъ нѣсколько минутъ показалось 5 чудовищъ; они то ныряли, то разомъ выскакивали на тонкій ледъ, который тотчасъ-же проламывался съ трескомъ, далеко раздававшимся по пустыни. Два большихъ самца казались предводителями небольшой стаи. Какъ только поднимется моржъ, охотникъ уже неподвижно лежитъ, протянувшись во всю длину, опустится моржъ и охотникъ готовится къ прыжку; но лишь только животное скроетъ голову подъ водой, какъ охотникъ быстро бѣжитъ впередъ, но снова выглянетъ изъ воды моржъ, и снова охотникъ бросается на ледъ или прячется за льдину. Наконецъ, Мыукъ достигъ до тонкаго льда, который едва держитъ эскимоса, флегматическое лицо котораго оживляется охотничьей страстью. Длинная бичева изъ моржевой кожи лежитъ съ боку; гарпуну крѣпко держитъ онъ правой рукой. Поверхность воды зашумѣла и мощное ластоногое, тяжело выдыхая задержанный воздухъ, поднимается передъ Мыукомъ. Медленно поднимается и Мыукъ, отбросивъ назадъ правую руку и, прижавъ лѣвую къ боку, моржъ оглядывается кругомъ, стряхая воду съ головы. Тогда Мыукъ быстро поднимаетъ лѣвую руку, вверхъ, а животное, вышедшее до груди изъ воды, прежде чѣмъ нырнуть снова, смотритъ на своего врага эскимоса. За этотъ единственный взглядъ моржъ поплатился жизнью, такъ какъ глубоко вонзилась гарпуна подъ лѣвый передній ластъ животнаго.

Раненый звѣрь высоко выпрыгнулъ изъ воды и старался подняться на ледъ, который проламывался подъ его тяжестью. Напрасное усиліе придало чертамъ моржа какое-то мстительное выраженіе; ревъ перешолъ въ вой и красная пѣна потекла изъ пасти.

Охота на моржей очень опасна, когда наступитъ зима со своими холодами, мракомъ и бурями. Въ это время года, чтобы спасти отъ голода всю общину, два эскимоса—Аваклокъ и нашъ пріятель Мыукъ—согласились отыскивать моржей на открытомъ льду. Они рѣшились лучше подвергнуться опасности, чѣмъ пожертвовать собаками. Оба эскимоса обладали въ высшей степени стоическимъ фатализмомъ дикарей.

Эскимосамъ удалось вполнѣ благополучно убить большого звѣря; но на ихъ несчастіе сѣверный вѣтеръ погналъ ледъ. Первымъ порывомъ европейцевъ было-бы броситься къ твердой землѣ—но эскимосы знали, что плавучіе льды всего опаснѣе около береговъ, и потому они бросились со своими собаками на ближайшую ледяную гору. Это было въ декабрѣ, когда окружающая мѣстность была покрыта глубокимъ мракомъ. Эскимосы привязали своихъ собакъ къ

ледянымъ остріямъ, а сами легли на ледъ, чтобы не смело ихъ вѣтромъ. Морской прибой обливалъ ихъ, но они всползли выше и построили себѣ родъ загородокъ изо льда. На пятую ночь, по ихъ счету, Мыукъ отморозилъ ногу, а Аваклокъ потерялъ большой палецъ на ногѣ. Но они не потеряли бодрости и питались моржемъ, а льдина тѣмъ временемъ плыла къ югу. Пробывъ на льдинѣ цѣлый мѣсяцъ и, проживъ такъ, какъ только желѣзные люди могутъ прожить, пока ледяную гору, наконецъ, выбросило на берегъ.

Охотники возвратились въ свою деревню, гдѣ ихъ встрѣтили словно вставшихъ изъ гроба, но гдѣ имъ пришлось испытать нужду и голодъ.

У жителей крайняго сѣвера январь и февраль всегда бываютъ эпохою лишеній, но съ началомъ весны, или лучше нѣсколько послѣ того, какъ солнце снова появляется на горизонтѣ, опять начинается охота на моржей, и тогда въ этихъ странахъ проявляется жизнь и движеніе.

Моржа бьютъ двумя способами: иногда моржъ выходитъ изъ воды и слишкомъ долго наслаждается солнечной теплотой на льдинѣ или окраинѣ трещины, и, возвращаясь назадъ, находитъ отверстіе замерзшимъ; тутъ моржу уже дѣлать нечего, ибо онъ, какъ тюлень можетъ прогрызать отдушину только снизу вверхъ. Попавшагося, такимъ образомъ, моржа, эскимосы отыскиваютъ по ледяному полю съ собаками и бьютъ копьями.

Моржи весною мечутъ дѣтенышей, и тогда эти животныя наслаждаются полною жизнію. Самка, моржонокъ и сопровождающій ихъ самецъ играютъ въ полыньяхъ ледяныхъ горъ, грѣются на солнцѣ, или же, ныряя, втроемъ плывутъ изъ одной трещины въ другую. Во время такихъ прогулокъ моржей, эскимосы нападаютъ на нихъ съ копьями и гарпуной, при чемъ между охотниками и моржами не обходится безъ борьбы; самецъ храбро встрѣчаетъ нападающаго и самъ съ яростью бросается на охотника. Въ это время въ эскимосскихъ хижинахъ идетъ пиръ и веселье. Куски моржоваго мяса лежатъ на льду; женщины кроятъ подошвы, мужчины рѣжутъ ремни для гарпуны, про запасъ на зиму. Моржовыя головы лежатъ на снѣжномъ валу, куда ихъ положили для того, чтобы впослѣдствіи вытащить бивни, кость которыхъ идетъ на разныя подѣлки, а дѣти, вооружившись ребрами громадныхъ звѣрей, играютъ въ лапту и веселятся.

Жители Прудгойскихъ странъ охотятся также на бѣлаго медвѣдя. Здѣсь дрессируютъ собакъ не для боя на льду съ сильнымъ

звѣремъ, но для того, чтобы задержать его бѣгъ. Въ то время, какъ одна собака занимаетъ медвѣдя спереди, другая рветъ его сзади; и такъ какъ движеніе собаки быстрѣе медвѣдя, то рѣдко приходится звѣрю серьезно поранить или загрызть собакъ; послѣднимъ всегда удается задержать звѣря, пока не подойдетъ охотникъ.

Эскимосъ на саняхъ ѣздитъ по снѣгу, отыскивая слѣды бѣлаго медвѣдя; внимательно разсматриваетъ ихъ дикарь, чтобы опредѣлить возрастъ звѣря и принятое имъ направленіе. Собаки бѣгутъ по слѣдамъ, а охотникъ молча бѣжитъ съ ними рядомъ.

Вдругъ на загибѣ окрайны ледяной горы показывается медленно идущій медвѣдь; время отъ времени онъ недовѣрчиво обнюхиваетъ воздухъ и черезъ наброшенныя льдины направляется къ своей берлогѣ. Эскимосъ впрыгиваетъ въ сани, изо всей мочи кричитъ: «нанноокъ! нанноокъ!»; и собаки съ волчьимъ воемъ (эта порода не умѣетъ лаять) стрѣлою бросаются въ ту сторону. Медвѣдь поднимается на заднія лапы, взглядываетъ на своего преслѣдователя и самъ бросается въ бѣгство, направляясь къ ледяному морю. Тогда охотникъ, на бѣгу, нагибается съ саней, отстегиваетъ постромки одной пары собакъ и пускаетъ ихъ на волю. Отъ этого скорость ѣзды не уменьшается, такъ какъ прочіе собаки, въ охотничьемъ задорѣ не чувствуютъ тяжести саней. Пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, медвѣдь останавливается и переднія собаки спокойно поджидаютъ охотника. Послѣ этого спускается вся стая, а охотникъ, схвативъ копье, бѣжитъ по снѣгу и льду, готовясь къ рѣшительному нападенію.

Два эскимоса легко могутъ сладить съ бѣлымъ медвѣдемъ. Одинъ дѣлаетъ видъ, будто хочетъ нанести ударъ въ правый бокъ звѣря, но лишь только тотъ, вытянувъ переднія лапы, оборотится въ эту сторону, какъ уже другой товарищъ наноситъ смертельный ударъ въ незащищенный лѣвый бокъ медвѣдя.

Даже одинъ охотникъ не боится вступить въ опасный бой съ медвѣдемъ. Держа копье въ рукахъ и дразня звѣря, охотникъ вызываетъ его на преслѣдованіе. Но лишь только медвѣдь вытянетъ свое длинное, неуклюжее тѣло, чтобы броситься на эскимоса, какъ послѣдній отпрыгиваетъ въ сторону, медвѣдь оборачивается, и въ то же мгновеніе копье вонзается подъ лѣвую лопатку. Такой ударъ требуетъ большой ловкости и неопытный охотникъ нерѣдко принужденъ бросить копье и въ бѣгствѣ, подъ защитою собакъ, искать спасенія.

Въ заключеніе настоящей главы, скажемъ нѣсколько словъ о характерномъ для крайняго сѣвера дѣленіи временъ года.

Эскимосъ, обитающій на зундѣ Смита, не знакомъ съ временами года нашихъ астрономовъ и метеорологовъ: онъ отмѣряетъ свою жизнь зимами и называетъ этотъ наибольшій періодъ года *окипокъ*, т. е. временемъ твердаго льда.

Когда день снова появляется, и на солнцѣ начинаетъ таять, тогда начинается *упернаякъ* — время капели. Въ это время возвращается куропатка, и подъ снѣгомъ зеленѣетъ Andomeda tetragona.

Съ конца мая начинается *упернакъ* — время таянья снѣговъ. Это настоящее лѣто Прудгойскихъ странъ. Животная и растительная жизнь возвратились, ледяныя поля взломались на морѣ и тянутся плавучими льдинами вдоль береговъ. Снѣгъ на склонахъ исчезаетъ, и водяные потоки текутъ по оврагамъ и долинамъ.

Около середины августа упернакъ переходитъ въ *аозакъ*, короткій промежутокъ между таяніемъ снѣговъ (по крайней мѣрѣ подъ 78° с. ш.), и новыхъ заморозковъ. Море никогда вполнѣ не освобождается ото льда, но ледяныя поля и плавучія льдины отплыли къ югу, и потому около береговъ море открыто болѣе, чѣмъ когда либо. Во второй половинѣ сентября оканчивается аозакъ, и тогда всѣ животныя, перемѣняющія мѣсто жительства, уходятъ на зимовье.

Пятое время года *окіакутъ* — составляетъ переходъ къ зимѣ. Ручьи начинаютъ замерзать, но въ полдень еще таетъ. Вскорѣ фіорды покрываются твердымъ льдомъ и *окипокъ* снова возвратился со своимъ холодомъ и мракомъ.

ГЛАВА XXIV.

Пушная торговля и пушные звѣри въ Гудзонбайскихъ странахъ.

Жизнь лѣсныхъ бѣгуновъ. — Берестовыя лодки. — Вояжоръ. — Канадская пушная торговля въ прошломъ столѣтіи.—Кровавая борьба сѣверо-западной компаніи съ Гудзонбайскою компаніею.—Образованіе новой компаніи.—Характеръ Гудзонбайскихъ странъ. — Черный медвѣдь. — Енотъ.—Куница.—Канадская вонючка.—Лисы.—Американскій бобръ.—Онтандра.—Вапити.

Подобно тому, какъ Европа впервые познакомилась съ сѣверо-восточнымъ берегомъ Америки, желая отыскать кратчайшій путь въ Индію, также точно торговля пушнымъ товаромъ была главною и даже единственною побудительною причиною того, что европейцы, отъ Канадскихъ озеръ и береговъ Гудзоновой бухты, все глубже и глубже проникали въ пустыню и дошли до устья Мекензи и береговъ Тихаго океана.

Первыми пушными торговцами въ Сѣверной Америкѣ были французскіе канадцы—coureurs des bois. Самое названіе ихъ (лѣсные бѣгуны) показываетъ, что они болѣе привыкли къ лѣсной жизни индійцевъ, чѣмъ къ обычаямъ образованнаго міра. Обыкновенно два-три человѣка сговаривались вмѣстѣ отправиться въ экспедицію, брали у купцовъ въ кредитъ товаръ, строили себѣ лодку изъ бересты и отправлялись въ пустыню на неопредѣленное время, иногда даже на нѣсколько лѣтъ. Такое путешествіе, конечно, было соединено со многими затрудненіями и опасностями, тѣмъ не менѣе, оно было заманчиво для искателей приключеній, которымъ представлялась возможность пользоваться полнѣйшей свободой. Прошло много лѣтъ, лѣсные бѣгуны давно вымерли, но ихъ средство перевозки,

ихъ берестовая лодка не забыты, и современный канадскій вояжеръ разъѣзжаетъ на ней вверхъ и внизъ по рѣкамъ обширной области Гудзонбайской компаніи. Даже сами вояжеры, какъ образомъ жизни, такъ и развитіемъ, много напоминаютъ прежнихъ лѣсныхъ бѣгуновъ, и потому, ознакомившись съ первыми, мы получимъ ясное представленіе объ ихъ совершенно свободныхъ предшественникахъ.

Однимъ словомъ, вояжеръ ничто иное, какъ за жалованье служащій стрѣлокъ-промышленникъ; a coureurs des bois былъ тотъ же вояжеръ, но торговавшій пушнымъ товаромъ за свой счетъ.

Если верблюда называютъ кораблемъ пустыни, то съ такимъ-же правомъ можно назвать берестовую лодку верблюдомъ сѣверо-американскихъ степей. Представимъ себѣ рѣки, какъ-бы сѣтью покрывающія эту страну; пороги и водопады, часто прерывающіе судоходство и мелководье нѣкоторыхъ рѣкъ, къ тому же часто усѣянныхъ по дну острыми камнями, которые раздробили-бы всякую лодку, сдѣланную изъ дерева; наконецъ, пустыню, гдѣ въ случаѣ несчастья, нѣтъ спасенія и помощи. Все это вмѣстѣ взятое убѣждаетъ насъ, что разъѣзжать по этой странѣ можно только въ лодкѣ, сдѣланной изъ такого легкаго, упорнаго и въ же время крѣпкаго матеріала, какъ береста, лодкѣ, для исправленія которой не нужно ни молотка, ни гвоздей, ни пилы, ни рубанка.

Природа надѣлила Гудзонбайскія страны драгоцѣннымъ даромъ—бумажной березой (Betula papyracea), которая здѣсь приноситъ такую-же пользу, какую пальма въ тропическомъ поясѣ. Большими кусками гибкой коры этого дерева обтягиваютъ палатки; изъ нея-же шьютъ, и украшаютъ иглами дикообраза корзины, мѣшки, блюда, тарелки, стаканы, словомъ вся, легко переносная, утварь индійца, племени Кри. У менѣе образованнаго и болѣе грубаго племени Тинне, береста также употребляется для различныхъ цѣлей, хотя не такъ разнообразно, какъ у его южнаго сосѣда. Изъ дерева дѣлаютъ весла, лыжи и сани. Сладкій весенній сокъ этого дерева пьютъ, какъ освѣжающій напитокъ, изъ него-же выварпвается жидкій сиропъ. По ту сторону арктическаго круга, бумажная береза попадается рѣдко и растетъ кривымъ кустарникомъ подъ 69° с. ш. Самаго роскошнаго роста это дерево достигаетъ на сѣверномъ берегу Верхняго озера, близъ форта Вилліама, гдѣ Гудзонбайская компанія имѣетъ главную лодочную фабрику.

Такая лодка бываетъ отъ 30—40 футовъ длиной. Береста, изъ которой она сдѣлана, сшивается корневыми волокнами канадской

ели и обмазывается смолою той-же ели. Если во время путины у такой лодки пробивается бокъ, то тутъ кладутъ заплатку, какъ на старомъ платьѣ, и лодка служитъ какъ новая. Берестовая лодка дѣлается плоскодонной и потому она не глубоко сидитъ въ водѣ, такъ что самая мелкая рѣченка можетъ нести такую лодку. Грузъ дѣлится на тюки въ 90—100 фунтовъ и вмѣстѣ съ лодкою легко переносится на плечахъ экипажа. Послѣдній состоитъ изъ 8 или 10 человѣкъ, изъ которыхъ двое должны быть испытанными знатоками дѣла, они получаютъ двойную плату; одинъ изъ нихъ стоитъ на носу, а другой на кормѣ. При попутномъ вѣтрѣ поднимаютъ парусъ, что облегчаетъ передвиженіе лодки.

Канадскій вояжеръ былъ веселъ, какъ французъ, и стоикъ, какъ индіецъ, самая одежда его что-то среднее между одеждой, краснокожаго и одеждой европейскаго колониста.

Нерѣдко и самъ вояжеръ происходилъ отъ смѣси французской и индійской крови—такъ называемой bois-brulé (обожженое дерево). Въ шерстяномъ одѣялѣ, вмѣсто верхняго платья, въ рубашкѣ изъ полосатой бумажной матеріи, въ суконныхъ панталонахъ, въ кожаныхъ индійскихъ чулкахъ и молассинахъ изъ оленьей шкуры, въ пестромъ шерстяномъ поясѣ, за который затыкался ножъ, кисетъ съ табакомъ и проч., въ этомъ нарядѣ вояжеръ считалъ себя за жемчужину созданія. Говорилъ онъ французскимъ языкомъ съ примѣсью индійскихъ и англійскихъ словъ. Такая смѣсь различныхъ языковъ могла бы довести филолога до сумашествія, но она нравится вояжеру, который всегда болтаетъ безъ умолку. Запасъ анекдотовъ, пѣсенъ рѣшительно не истощимъ, а подвижныя ноги всегда готовы плясать. Вояжеръ примѣрно вѣжливъ и не называлъ товарища иначе какъ «mon frére» «mon cousin». Онъ превосходный пловецъ и управляетъ лодкой, какъ искусный наѣздникъ лошадью. Во время плаванія, кормчій поетъ французскій водевильный куплетъ, въ тактъ котораго гребцы гребутъ веслами; припѣвъ повторяется всѣмъ хоромъ.

Симпсонъ, въ своемъ путешествіи, далъ намъ интересное описаніе живости вояжеровъ и ихъ неистощимой веселости, съ которою они выносятъ немалыя затрудненія своей скитальческой жизни. Послѣ дневной работы, въ ближнемъ лѣсу стучитъ топоръ и менѣе чѣмъ въ 10 минутъ, палатки путешественниковъ собраны, а на яркомъ огнѣ костра шипитъ котелъ. Въ то время, какъ пассажиры грѣются и обсушиваются, вояжеры вытаскиваютъ разгруженную лодку на берегъ, переворачиваютъ ее вверхъ дномъ и старательно

осматриваютъ, не нужно-ли гдѣ-нибудь наложить заплату или подновить смолу. Подъ защитою, противъ вѣтра поставленной лодки и пылающаго костра спереди, вояжоры не боятся ни вѣтра, ни дождя, ни холода. Въ 1 часъ утра раздается крикъ lève! lève! lève! и въ какихъ-нибудь полъ-часа лагерь снятъ, и подъ звуки веселой пѣсни, лодка плыветъ далѣе. Въ 8 часовъ, снова отдыхъ для завтрака. Около 2 часовъ пополудни, получасовой отдыхъ для холоднаго обѣда. Въ общемъ, итого на 6 часовъ отдыха, приходится 18 часовъ работы. Трудъ невѣроятный, вояжоръ не только выноситъ его, но со свойственной ему живостью характера, веселится такъ, какъ другому не удается въ дни наибольшаго счастья. Такая работа требуетъ желѣзной натуры. Въ тихую погоду у гребцовъ сильно работаютъ руки и грудь. На отмеляхъ, стоя въ водѣ по колѣна, вояжеры на себѣ перетаскиваютъ лодку. Придется опять грести веслами, вояжеръ только отряхиваетъ съ ногъ воду, а обсушить платье предоставляетъ вѣтру. Если нужно подняться черезъ порогъ, тамъ бичевой тащутъ лодку и идутъ по утесамъ, нямъ, болотамъ и лѣсной чащѣ; наконецъ, чтобы перейти изъ одной рѣки въ другую, вояжерамъ приходится по самымъ отвратительнымъ дорогамъ перетаскивать на себѣ, какъ грузъ, такъ и лодку. Въ такомъ случаѣ, вояжеръ кладетъ себѣ на спину пару тюковъ, связанныхъ ремнемъ, который надѣвается на лобъ, руками нужно расчищать дорогу.

Такихъ переходовъ иногда дѣлали 10 — 11 въ день. Каждый разъ, пристаютъ къ берегу, вояжеры переносятъ пассажировъ на спинѣ, причемъ нерѣдко бывало, что вояжеръ небольшого роста несетъ изрядно толстаго пассажира.

Возвратимся къ нашимъ лѣснымъ бѣгунамъ, этимъ смѣлымъ и неутомимымъ перелетнымъ птицамъ неизслѣдованной пустыни. Сколько различныхъ приключеній въ ихъ жизни? Какое напряженіе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ? Имъ знакомо все, что можетъ потрясти душу путешественника, торговца, воина и браконьера. Кто не завидовалъ ихъ независимости и свободѣ странствованій? Многіе охотно промѣняли-бы свою городскую, мирную, строго-опредѣленную жизнь на то, чтобы дышать ароматнымъ воздухомъ неизмѣримыхъ хвойныхъ лѣсовъ и плыть по серебристой рѣкѣ къ еще неизвѣстнымъ странамъ.

Coureurs des bois пускались въ своихъ берестовыхъ лодкахъ изъ французской деревни la Chive по рѣкѣ Св. Лаврентія, одной изъ самыхъ древнихъ и знаменитыхъ канадскихъ колоній, имя ко-

торой напоминаетъ времена, когда полагали, что рѣка Св. Лаврентія ближайшій путь въ Китай. Пустыня, однако, поглотила веселыхъ бѣгуновъ, которые только черезъ 12—15 мѣсяцевъ снова выходили изъ чащи съ богатымъ грузомъ бобровыхъ и куньихъ мѣховъ, вымѣненныхъ у индійцевъ. Купецъ, снарядившій бѣгуновъ, бралъ свою львиную часть—остальное скоро проматывалось послѣдними. Но что до этого легкомысленному бѣгуну; пустыня съ ея пушнымъ богатствомъ всегда для него открыта; и, отдохнувъ нѣсколько недѣль, онъ снова возвращается туда, какъ матросъ, послѣ короткаго отдыха на твердой землѣ, вступаетъ на бортъ корабля. Бѣгунъ не думалъ о старости, когда не хватитъ силъ провезти лодку черезъ порогъ или протащить ее черезъ чащу, такая забота о томъ, что ждало его впереди, вовсе не подошла-бы къ его сангвинической, веселой натурѣ! Нельзя ожидать отъ быстроногой лани и бодраго коня такой-же запасливости, къ какой способны хомякъ и крыса.

Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ далеко иные coureurs des bois заходили во внутренность страны, извѣстно только, что они совершали правильныя поѣздки къ берегамъ Саскачевана, 2,500 англійскихъ миль по ту сторону послѣднихъ европейскихъ поселеній въ Канадѣ. Они основали по этой рѣкѣ нѣсколько факторій, или такъ называемыхъ фортовъ, изъ которыхъ, вѣроятно, они еще далѣе расширили-бы кругъ своихъ дѣйствій, если-бы завоеваніе Канады англичанами (1761) не дало новаго направленія пушной торговлѣ этого края.

Въ первые годы эта торговля почти совершенно прекратилась, но пять лѣтъ спустя (1766), британцы возобновили торговлю съ дикими индійскими племенами запада. Легкомысленный coureurs des bois вынужденъ былъ уже служить за жалованье разсчетливому купцу, и, *сдѣлавшись* вояжеромъ, углубляться далѣе въ пустыню, пока не дошли, по Атабаскѣ и Чурчелю до краснокожихъ, которые уже доставляли свои мѣха въ конторы Гудзонбайской компаніи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что враждебные интересы англійскихъ торговцевъ враждебно встрѣтились съ различныхъ сторонъ; но прежде, чѣмъ мы поговоримъ объ ихъ раздорахъ, познакомимся съ началомъ сильной компаніи, которой серьезно угрожала торговля канадцевъ.

Гудзонбайская компанія была основана въ 1670 году принцемъ Рупертомъ и другими вліятельными лицами; она получила отъ короля не только исключительную монополію торговли въ Гудзонской

бухтѣ и прилежащихъ странахъ, но и признано было за ней право собственности на вѣчныя времена всѣхъ бассейновъ рѣкъ, впадающихъ въ это большое Средиземное море. Компанія построила нѣсколько фортовъ по берегамъ Гудзонской бухты и завязала торговыя сношенія съ индійцами, что до конца прошлаго столѣтія давало акціонерамъ большіе дивиденды, пока канадскіе торговцы пушнымъ товаромъ энергической конкуренціей не нанесли ей чувствительныя раны.

Тѣмъ не менѣе, однако, пока Канада была въ рукахъ французовъ, компанія находилась въ какомъ-то сонномъ состояніи, точно ждали, пока индійцы принесутъ добычу охоты къ Гудзонской бухтѣ, а не розыскивали индійцевъ во внутренности страны, и улучшеніемъ торговыхъ путей не усиливали мѣнового торга. 80 лѣтъ спустя, послѣ основанія компаніи, она имѣла всего только 4 небольшихъ форта по берегамъ Гудзонова залива, и только когда британскіе конкуренты изъ Канады стали наносить серьезный вредъ торговлѣ, компанія, въ свою очередь, рѣшилась идти во внутренность страны и основать фортъ на восточномъ берегу озера Стуржона подъ 52° 56′ с. ш. (1774). Компанія также мало сдѣлала для успѣховъ географическихъ свѣдѣній относительно ей предоставленной страны, за исключеніемъ экспедиціи (1770) храбраго Геарне къ устью Мѣдной рѣки.

Въ это время, между канадскими торговцами шли постоянные раздоры, они вредили другъ другу и сдѣлались такъ ненавистны индійцамъ, что послѣдніе рѣшились ихъ совершенно истребить. На счастье бѣлыхъ, именно въ это время, свирѣпствовала у краснокожихъ оспенная эпидемія, которая пожирала ихъ такъ, какъ огонь пожираетъ сухую траву прерій. Повсюду валялись трупы индійцевъ на съѣденіе волкамъ и дикимъ собакамъ; оставшіеся въ живыхъ были такъ слабы и такъ упали духомъ, что ничего не могли предпринять противъ чуждыхъ пришельцевъ.

Въ свою очередь, и канадскіе торговцы замѣтили необходимость соединиться вмѣстѣ для общаго дѣла. Поэтому въ 1783 году они составили Сѣверо-западную компанію, состоящую сначала изъ 16, а потомъ изъ 20 пайщиковъ, нѣкоторые изъ нихъ были въ Канадѣ, другіе поселились по различнымъ станціямъ, расположеннымъ во внутренности страны.

Съ этого времени торговля канадцевъ значительно расширилась, и какъ прежде они мѣшали другъ другу, такъ теперь соединенными силами стараясь опередить ненавистную гудзонбайскую ком-

панію. Пока послѣдняя, проснувшись, протирала себѣ глаза, агенты сѣверо-западной компаніи неутомимо ѣздили по лѣсамъ, озерамъ и горамъ, и во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ основывали факторіи. Самый дѣятельный изъ этихъ агентовъ, Александръ Мекензи, въ 1789 году достигъ устья большой, по его имени названной, рѣки и видѣлъ бѣлугъ (Delhinus Beluga), игравшихъ въ арктическомъ морѣ. Во второмъ путешествіи онъ перешелъ черезъ Скалистыя горы и по теченію, до того времени неизвѣстной рѣки, Фразера, дошелъ до ея устья при впаденіи въ заливъ Св. Георгія. Здѣсь на скалѣ, обращенной къ морю, онъ написалъ киноварью:

A. Мекензи,

пришедшій изъ Канады сухимъ путемъ 22 іюля 1792.

Буря и дождь давно уничтожили эту надпись, но имя и слава путешественника остались безсмертными.

Сѣверо-западная компанія завладѣла всѣмъ материкомъ отъ канадскихъ озеръ до Скалистыхъ горъ, а въ 1806 г. она даже перешла за эту преграду и основала форты на сѣверныхъ притокахъ Колумбіи. Къ сѣверу, она распространялась вширь и вглубь по привилегированной области Гудзонбайской компаніи, которая, одумавшись, въ свою очередь, стала дѣйствовать энергичнѣе, устраивала посты, углубляясь далѣе во внутренность страны, и въ 1812 году основала колонію на Красной рѣкѣ, впадающей въ озеро Виннипегъ. Но такой силѣ, какъ сѣверо-западная компанія, которая во время своего процвѣтанія содержала 50 агентовъ, 70 переводчиковъ и 1,120 вояжеровъ, а директора которой, со всей пышностью и роскошью феодальныхъ барономъ, ежегодно съѣзжались въ фортъ Вилльямъ, такой силѣ не могло поправиться непріятное сосѣдство, и послѣ нѣсколькихъ столкновеній между обѣими компаніями, возгорѣлась открытая война, вслѣдствіе которой, черезъ два года послѣ ея начала, колонисты Красной рѣки были изгнаны, причемъ управляющій колоніею Симпль былъ убитъ.

Это происходило въ 1816 году, и составляетъ одинъ изъ ужасныхъ случаевъ кровавой распри двухъ торговыхъ компаній, распри, которая продолжалась до 1821 года.

Общія несогласія и распри европейцевъ оказались гибельными для краснокожихъ индійцевъ, такъ какъ обѣ компаніи для увеличенія числа своихъ приверженцевъ и возможности повредить другъ другу, немилосердно расточали *огненную воду* (водку), соблазну которой не могъ устоять ни одинъ индіецъ, отчего послѣдніе были

доведены до физической и нравственной гибели. Весь округъ Саскачева на Атабаскѣ былъ ареною безпорядковъ и кровопролитныхъ столкновеній. Къ тому же, прежде бывшая эпидемія значительно уменьшила коренное народонаселеніе, и можно было опасаться, что если война, между двумя конкурирующими между собою торговыми компаніями, долго продлится, то большая часть самыхъ значительныхъ индійскихъ племенъ совершенно истребится отъ всеобщей деморализаціи.

Финансовыя дѣла обѣихъ враждующихъ партій также шли дурно; добыча отъ охоты уменьшалась съ каждымъ годомъ; враждующая конкурренція увеличила расходы, и Гудзонбайская компанія, прежде выдававшая своимъ акціонерамъ 50 и 20 процентовъ девиденда, даже не могла выдать имъ ни одного шиллинга съ 1808 по 1814 годъ.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ рѣшились, наконецъ, на то, что слѣдовало сдѣлать спачала, для того, чтобы обѣ партіи не понесли столькихъ утратъ. Враги протянули другъ другу руки, соединили свои интересы и въ 1821 году образовали нынѣшнюю Гудзонбайскую компанію, которой англійскій парламентъ предоставилъ исключительное право пушной торговли по всѣмъ Гудзонбайскимъ странамъ отъ Лабрадора до Тихаго океана и отъ Красной рѣки до Ледовитаго моря.

Благодаря такому союзу, черезъ нѣсколько лѣтъ новая компанія получила возможность выдаваться акціонерамъ по 5% полугодичнаго девиденда. Возстановленное согласіе не менѣе благодѣтельно подѣйствовало и на индійцевъ, такъ какъ водку перестали раздавать, и возбужденныя страсти дикарей затихли и успокоились.

Любопытно познакомиться съ механизмомъ и способомъ управленія торговаго общества, которое неограниченно владѣло областями, по крайней мѣрѣ въ 15 разъ пространствомъ превосходящими Германію.

По отчету въ 1847 году Гудзонбайская компанія состояла изъ 239 владѣльцевъ акцій съ капиталомъ 400 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Управляющій, вице-управляющій и комитетъ изъ 7 членовъ составляли Лондонскую дирекцію; эти лица избирались акціонерами, владѣвшими акціями на сумму 900 фунтовъ стерлинговъ. Каждый членъ дирекціи долженъ имѣть акціи компаніи, по крайней мѣрѣ, на сумму 1,800 фунтовъ стерлинговъ.

Ежегодный доходъ компаніи дѣлится на 100 частей, изъ нихъ

60 частей поступаетъ въ девидендъ акціонерамъ, а 40 частей выдается взамѣнъ постояннаго жалованья Chief-factors и Chief-traders, такъ называются главные агенты компаніи. Такое устройство поощряло каждаго агента работать изо всѣхъ силъ для общей пользы. Компанія содержала 25 Chief-factors и 28 Chief-traders, которые первоначально были избраны изъ служащихъ обѣихъ прежнихъ компаній. 40% изъ дохода дѣлятся на 85 паевъ, каждый Chief-factor получаетъ 2 пая, а каждый Chief-trader—одинъ пай; остающіеся 7 паевъ поступали въ пенсію. Chief-factors управляли различными главными станціями или фортами, а Chief-traders ведутъ дѣла съ индійцами. Подъ начальствомъ тѣхъ и другихъ находилось множество помощниковъ, получавшихъ опредѣленное жалованье отъ 20—100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и такъ какъ изъ среды этихъ помощниковъ избирались Chief traders и Chief-factors, а изъ послѣднихъ, въ свою очередь, избирался генералъ-губернаторъ Гудзонбайскихъ странъ, то очевидно, что и здѣзь каждый старался отличиться трудолюбіемъ и дѣятельностью.

Въ каждомъ торговомъ посту 4 Chief-factors составляли судъ, которому было предоставлено право приговорить виновнаго служителя компаніи къ денежному штрафу, выговору или на извѣстное время отставить отъ должности.

Ежегодно одинъ изъ трехъ Chief-factors и изъ двухъ chief-traders, прозимовавшій на службѣ компаніи три года во внутренности страны, получалъ, по выходѣ въ отставку, полный пай въ теченіи одного года и половинный пай въ слѣдующіе 4 года. Если онъ прозимовалъ 5 лѣтъ, то получалъ половинный пай въ теченіи 6 лѣтъ. Если онъ умиралъ въ это время, то семейство пользовалось всѣми преимуществами покойнаго.

1837 году компанія имѣла 136 торговыхъ станцій, или, такъ называемыхъ, фортовъ, т. е. укрѣпленныхъ магазиновъ, которые могли защищаться отъ нападеній индійцевъ. Въ фортахъ, построенныхъ въ области племени, съ которымъ находились въ мирныхъ сношеніяхъ и на вѣрность котораго можно было положиться, вовсе не содержали карауловъ, только въ новоустроенныхъ и отдаленныхъ фортахъ принимались нѣкоторыя предосторожности. Форты разсѣяны по всей странѣ и для болѣе удобной перевозки товаровъ всегда стояли на берегу озера или рѣки. Рыбная ловля въ нѣкоторыхъ станціяхъ почти исключительно доставляла пищу небольшому гарнизону.

Компанія, кромѣ factors, traders и ихъ помощниковъ постоянно

доставляла работу 1200 служителямъ—вояжерамъ—кромѣ многихъ индійцевъ гребцовъ, которыхъ нанимали на одну поѣздку. Не слѣдуетъ забывать, что все индійское населеніе обширной области, доходившее до 140.000—160.000 душъ, охотилось за пушными звѣрями для компаніи, и потому, хотя не непосредственно, но также служило ей.

Компанія имѣла на сыновъ пустыни вполнѣ благодѣтельное вліяніе. Съ Индійцами поступали такъ, какъ нужно поступать съ дѣтьми, т. е. съ добротою, но съ твердостью и рѣшительностью. Компанія старалась просвѣтить индійцевъ, часто помогала имъ въ нуждѣ, въ которую они впадали отъ недостатка предусмотрительности. Такое нравственное превосходство, а также удивляющія индійцевъ обширныя свѣдѣнія и искусства европейцевъ составляли главнѣйшія причины покорности и уваженія, съ какими входилъ дикарь въ фортъ Гудзонбайской компаніи и относился къ ея агентамъ; этимъ-же объясняется, отчего горсть бѣлыхъ, разсѣянная по громадной области и окруженная варварскими народами, не только пользовалась полною безопасностью, но управляла и укрощала въ сто разъ сильнѣйшее индійское населеніе.

Однако, постоянныя сношенія съ европейцами развили у индійцевъ много такихъ потребностей, удовлетворить, которыя они не могли безъ посторонней помощи. Это поставило ихъ въ зависимость отъ компаніи, которая, конечно, не безъ выгоды сбывала имъ свои товары.

Пушной товаръ, собираемый въ теченіи года въ различныхъ фортахъ, во время короткаго лѣта, когда рѣки и озера освобождаются отъ ледянаго покрова, свозился въ Іоркскую или Музскую факторіи на Гудзоновомъ заливѣ, или въ Монреаль или же въ фортъ Ванкувера на Орегонѣ, а отсюда на корабляхъ, принадлежащихъ самой Компаніи, пересылался въ Лондонъ.

Перевозка товара изъ отдаленныхъ постовъ, находящихся во внутренности страны, иногда длится по нѣсколько годовъ, такъ какъ медленно можно ѣхать по водяному пути, ежеминутно прерываемому порогами и переходами изъ одной рѣки въ другую; при этомъ понятно, что всѣ сообщенія прекращаются во время продолжительной зимы. Еще медленнѣе идутъ во внутренность страны, назначенные для мѣновой торговли съ индійцами, европейскіе мануфактурные товары, такъ какъ плыть приходится вверхъ по рѣкѣ. Компаніи нерѣдко приходится ждать 5, 6 и даже 7 лѣтъ уплаты, за высланные изъ Лондона товары.

Дѣла Гудзонбайской компаніи идутъ вообще удовлетворительно, тѣмъ не менѣе, иногда приходится терпѣть ей значительные убытки, вслѣдствіе колебанія цѣнъ на мѣха. Ничто, однакоже, не причинило ей такихъ потерь, какъ фабрикація шелковыхъ мужскихъ шляпъ, которая вытѣснила касторовыя шляпы. Такъ въ 1839 году, до начала этой фабрикаціи было продано 55.486 бобровыхъ шкурокъ по 27 шиллинговъ и 6 пенсовъ за штуку, всего на сумму 76.312 фунтовъ стерлинговъ, а въ 1846 году 45,389 шкурокъ принесли всего 7856 фунтовъ, такъ-что вслѣдствіе конкуренціи шелковаго червя, цѣна упала до 3 шиллинговъ 5 пенсовъ за штуку. Конечно, компанія должна почувствовать пониженіе цѣнности въ 450.000 талеровъ. Надежда на будущее также оказалась не совсѣмъ успокоительного, такъ какъ со многихъ сторонъ на горизонтѣ скопились тучи. Въ маленькой колоніи, основанной на Красной рѣкѣ, сама компанія воспитала змѣю, которая грозила гибелью всей торговлѣ. Населеніе этой колоніи состояло большею частью изъ креоловъ, дѣтей индіянокъ и вышедшихъ въ отставку вояжеровъ, которымъ вмѣсто пенсіи дали по участку земли. Круглыми числами $^{3}/_{5}$ населенія происходитъ отъ канадскихъ вояжеровъ римско-католическаго вѣроисповѣданія $^{2}/_{5}$ происходятъ отъ аркадскихъ вояжеровъ протестантовъ. Послѣдніе наслѣдовали сельскохозяйственный характеръ своихъ отцовъ и потому завладѣли почти всѣмъ цѣннымъ имуществомъ колоніи, тогда какъ въ кровь первыхъ перешло все легкомысліе ихъ отцовъ и они образовали предпріимчивый пролетаріатъ.

Такъ какъ колонія находила мало сбыта земледѣльческихъ продуктовъ на сѣверѣ, то большинство креоловъ явились конкурентами пушной торговли съ Гудзонбайской компаніей. Близость Соединенныхъ Штатовъ и родственныя связи креоловъ съ бѣлыми племенами до Portage la Loche давало имъ возможность захватить часть торговли компаніи, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ, водка, не смотря на запрещеніе, дѣлала свое дѣло. Ричардсонъ разсказываетъ, что въ 1848 году, судья колоніи пригласилъ къ суду одного креола, уличеннаго въ преступленіи противъ торговой привилегіи компаніи, а креолъ тотчасъ-же собралъ 500 вооруженныхъ молодыхъ людей и судья принужденъ былъ спрятаться.

Гудзонбайская компанія даже въ Англіи имѣла много враговъ. Ее упрекали въ томъ, что она мѣшала колонизаціи плодородныхъ прерій Саскачевана и лѣсной области Атабаски, пригодныхъ для скотоводства.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы видѣть, что громадная область, управляемая Гудзонбайской компаніей, состояла изъ глубокой долины, спускающейся къ Полярному морю и Гудзоновой бухтѣ. Пространство ограниченно съ запада Скалистыми горами, съ юга небольшимъ горнымъ кряжемъ, который идетъ отъ Лабрадорскаго берега до скалистыхъ горъ, служащихъ водораздѣломъ бассейна Соскачевана, воды котораго текутъ къ сѣверу-востоку, отъ бассейновъ Мисури и Миссисипи текущихъ къ югу. Все это пространство занимаетъ не менѣе 100.000 кв. миль. Отличительный характеръ этой области: однообразная, ровная или холмистая поверхность, по которой мѣстами тянутся горные кряжи. По всей странѣ идетъ сѣть многихъ рѣкъ и озеръ, уровень которыхъ имѣетъ такое свойство, что часто трудно сказать, текутъ-ли они въ Гудзонову бухту или въ полярное море, такъ какъ многія озера имѣютъ различные стоки, а также и рѣки принимаютъ иное направленіе, смотря потому, высока-ли вода или нѣтъ. Такъ, напр., если рѣка Мира полна, то она впадаетъ въ Атабаску; напротивъ, при низкой водѣ та-же рѣка принимаетъ воды этого озера, и подъ именемъ Невольничьей рѣки, впадаетъ въ Большое Невольничье озеро. При такомъ богатствѣ водъ и маломъ наклонѣ почвы, въ цѣломъ мірѣ не было, бы страны болѣе удобной для судоходства. Но съ одной стороны, многочисленные пороги причиняли много труда вояжеру, а съ другой, суровая и продолжительная зима заковывала льдами рѣки и озера на большую часть года. Такъ какъ арктическая Америка къ востоку отъ Скалистыхъ горъ, подобно Сибири, постепенно склоняется къ сѣверу и сѣверовостоку, то очевидно, что и климатъ этихъ двухъ странъ сходенъ между собою. Въ Гудзонбайскихъ странахъ зимніе холода еще суровѣе, чѣмъ на азіятскомъ сѣверѣ; такъ какъ нигдѣ тундра не заходитъ такъ далеко на югъ, какъ въ Лабладорѣ и по берегамъ Гудзонова залива. Даже въ бассейнѣ Соскачевана, подъ одинаковою широтою съ Англіею, полярные вѣтры, дующіе по голымъ преріямъ, производятъ долго держащіеся холода въ —35°, и хотя тамъ лѣто нерѣдко производитъ тропическія жары, тѣмъ не менѣе, даже среди этого времени года часто случаются почные морозы.

Послѣ того, что мы говорили въ первой главѣ о полярныхъ странахъ вообще, мы только утомили-бы читателя, если бы стали описывать подробнѣе пустыни крайняго американскаго сѣвера. Обнаженныя тундры и мрачные хвойные лѣса, необозримыя болота и крутыя скалы характеризуютъ Лабрадоръ и Новый Валисъ; ихъ скудный, однообразный коверъ покрываетъ всю страну. За исклю-

ченіемъ небольшого округа по Красной рѣкѣ, впадающей въ озеро Виннипегъ, и весьма незначительныхъ попытокъ около различныхъ торговыхъ постовъ Гудзонбайской компаніи, занятіе земледѣліемъ было запрещено самой компаніею и не позволено селиться колонистамъ въ ея владѣніяхъ. Компанія исключительно занималась пушной торговлей; единственный продуктъ страны, имѣвшій цѣну въ глазахъ компаніи и доставляемый ею на рынки, состоялъ только въ пушномъ товарѣ, и только съ цѣлью собиранія звѣриныхъ шкуръ, агенты ея разъѣзжали по рѣкамъ и озерамъ и устраивали торговые посты отъ Гудзоновой бухты до Тихаго океана и отъ Юкона до Ассинобоина.

Говоря о Гудзонбайской компаніи, мы заглянемъ въ лѣсъ и тундру по слѣдамъ самыхъ замѣчательныхъ пушныхъ звѣрей, и потомъ поспѣшимъ оставить страну, гдѣ человѣкъ является только звѣроловомъ или странникомъ, и кромѣ немногихъ бѣдныхъ хижинъ не основалъ здѣсь никакихъ прочныхъ памятниковъ своего существованія.

Къ самымъ драгоцѣннымъ Гудзонбайскимъ звѣрямъ принадлежитъ черный американскій медвѣдь (Ursus americanus), который не встрѣчается ни въ Азіи, ни въ Европѣ. Хотя онъ принадлежитъ къ числу самыхъ мелкихъ медвѣдей, но нѣжный, блестящій, долговолосый мѣхъ его цѣнится дорого въ пушной торговлѣ. Кромѣ желтобураго пятна съ каждой стороны длинной морды, онъ весь чернаго цвѣта. Американскій медвѣдь живетъ въ лѣсной области и питается преимущественно растительною пищею: плодами, ягодами, кореньями, птицами, яицами и медомъ. Онъ нападаетъ на другихъ четвероногихъ, только когда очень голоденъ и наноситъ вредъ человѣку, только ради собственной защиты. Онъ быстро лазаетъ по деревьямъ и скаламъ, и такъ какъ вообще остороженъ, то лѣтомъ трудно подойти къ нему. Но эта излишняя осторожность иногда вовлекаетъ его въ бѣду. При малѣйшемъ шорохѣ медвѣдь поднимается на заднія лапы, чтобы посмотрѣть сквозь кусты и въ это время падаетъ отъ пули, которой старался избѣжать. Зимою, когда на снѣгу остаются слѣды, чаще стрѣляютъ американскаго медвѣдя, тѣмъ болѣе, что въ это время года мѣхъ его лучше и жиръ вкуснѣе. При отысканіи его слѣдовъ индійцы выказываютъ необыкновенную ловкость, какой только можно ожидать отъ острыхъ чувствъ этихъ испытанныхъ охотниковъ. Индійцы, убившіе медвѣдя, прежде чѣмъ содрать съ него шкуру, извиняются передъ нимъ, называя его *бабушкой*.

Въ то время, какъ богачъ носитъ шубу американскаго медвѣдя, мѣхъ бураго (Ursus arctos) идетъ только на санныя полости. Тождественъ-ли американскій бурый медвѣдь съ европейскимъ, мы не знаемъ, во всякомъ случаѣ, они очень близки. Лѣтомъ онъ доходитъ до береговъ полярнаго моря и не нападаетъ на другихъ животныхъ чаще своего чернаго собрата. Говорятъ, когда онъ очень голоденъ, то нападаетъ даже на человѣка; но всѣ медвѣди, которыхъ видѣлъ Ричардсонъ, при появленіи его, немедленно обращались въ бѣгство. Сѣрый медвѣдь, Миссурскій (Ursus ferox Grisly bear), поднимается въ Скалистыхъ горахъ до 61° с. ш. Въ пушной торговлѣ этотъ звѣрь имѣетъ малое значеніе, но заслуживаетъ упоминанія, потому что онъ больше, хищнѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ породъ медвѣдей. Онъ иногда достигаетъ громадной длины 9 футовъ и относительно высокъ и широкъ. Вообще, хищные звѣри Америки меньше и слабѣе, соотвѣтствующихъ видовъ Стараго Свѣта; ягуаръ уступаетъ тигру и кугуаръ льву, но такого медвѣдя мы напрасно будемъ искать въ Африкѣ, Азіи или Европѣ и американцы съ гордостью указываютъ на сѣраго медвѣдя, когда говорятъ имъ, что въ ихъ отечествѣ менѣе проявляется силы и хищности, чѣмъ въ восточномъ полушаріи.

Объ бѣломъ медвѣдѣ мы уже говорили во второй главѣ, и потому переходимъ къ описанію енота (Procyon lotor), который, собственно, не принадлежитъ къ роду медвѣдей. Хотя на ходу енотъ становится, какъ медвѣди, всею ступнею, точно также питается животною и растительною пищею, но гораздо меньше медвѣдей и имѣетъ довольно длинный хвостъ. Шерсть енота, обыкновенно, бываетъ сѣро-бѣлаго цвѣта, морда бѣлая, бурая полоса идетъ отъ оконечности носа по лбу; хвостъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ поперечныхъ полосъ. Енотъ красивъ, легокъ въ движеніяхъ и легко приручается; веселые глаза и морда придаютъ его лицу хитрое выраженіе. Онъ имѣетъ замѣчательную особенность, которая состоитъ въ томъ, что онъ полощетъ въ водѣ свою пищу, отсюда и нѣмецкое названіе енота (Waschbär, медвѣдь полоскунъ). Енотъ встрѣчается во всей умѣренной Сѣверной Америкѣ до 56° с. ш., его много въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Замѣчательно, что мѣхъ енота преимущественно носятъ въ Россіи, хотя мѣхъ его вообще не дешевъ.

Россомаха (Gulo luscus), о которой мы упомянули въ главѣ о сибирской пушной торговлѣ, также встрѣчается въ Америкѣ. Можно сомнѣваться въ тождественности американской россомахи съ рассо-

махой Стараго Свѣта; это замѣчаніе впрочемъ относится ко всѣмъ одноименнымъ животнымъ обоихъ полушарій. Ископаемые остатки рассомахи находятся даже на островахъ Парри, почти подъ 75° с. ш. хотя мѣхъ рассомахи появляется на рынкахъ, но американскій звѣроловъ ненавидитъ это животное, которое ловко умѣетъ выхватывать изъ капкана приманку, и труды охотника пропадаютъ даромъ.

Сибирь славится соболями, а Сѣверная Америка, въ свою очередь, куницей (Mustela martes, Pine Martin), которой нѣтъ въ Сѣверной Азіи. Куница въ огромномъ количествѣ встрѣчается въ лѣсной области, гдѣ живетъ въ дуплахъ деревьевъ и въ гнѣздахъ хищныхъ птицъ и вороновъ, питается преимущественно зайцами, мышами и птицами. Ради прекраснаго дорогого мѣха, охотники неутомимо стрѣляютъ куницъ или ловятъ ихъ въ капканы.

Пеканъ или сѣверная куница (Mustela canadensis), самая большая изъ куницъ, также не встрѣчается въ Азіи. Въ Америкѣ пеканъ живетъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана и отъ Пенсильваніи до Большаго Невольничьяго Озера. Пеканъ живетъ въ лѣсахъ и питается преимущественно мышами, но болѣе всего любитъ канадскаго дикобраза (Histrix dorsata). Волосъ пекана тонокъ, у корня сѣроватъ или буроватъ, въ срединѣ желтовато-бѣлый, а къ концу черновато-бураго цвѣта. Мѣхъ пекана не дорогъ. Между всѣми пальцами заднихъ ногъ находится небольшая плавательная перепонка.

Многіе виды горностая (Mustula longicaudata, Rikhardsonii, Cigognanii) живутъ также въ Гудзонбайскихъ странахъ, но компанія мало заботилась объ шкуркахъ этихъ звѣрковъ, такъ какъ горностай идетъ въ Англію изъ Россіи. Горностай, какъ извѣстно, относится къ семейству хорьковъ, которые всѣ издаютъ непріятный запахъ, но ни одно созданіе не распространяетъ такой страшной вони, какъ родственный съ хорьками скунксъ или вонючка (Mephitis americana), за это свойство французы назвали скункса чертовымъ ребенкомъ, enfantdu diable.

Преслѣдуемая человѣкомъ или собаками вонючка сначала бѣжитъ изо всѣхъ силъ и быстро влѣзаетъ на деревья, чтобы уйти отъ враговъ, но если нѣтъ другого исхода, то на нѣсколько футовъ она выбрасываетъ изъ себя жидкость, убійственный запахъ которой превосходитъ все, что можно вообразить. Изъ платья никогда и ничемъ не выведешь этой вони, руки и лицо нужно тереть по крайней мѣрѣ часъ землей. «Я однажды спалъ», говоритъ Кальмъ, «на дворѣ, гдѣ лежалъ убитый ягнепокъ: вонючка закралась сюда, со-

баки бросились на нее, и она пустила въ нихъ свою жидкость. Хотя я спалъ довольно далеко отъ этого мѣста, но я думалъ, что задохнусь; даже коровы стали мычать во все горло. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, кухарка замѣтила, что изъ погреба пропадаетъ мясо, и чтобы поймать вора она закрыла всѣ выходы. Ночью она услыхала шумъ и вооруженная толстой палкой вошла въ погребъ; въ темнотѣ она увидѣла звѣря по свѣтящимся глазамъ и тотчасъ-же убила его. Тутъ внезапно распространилась такая вонь, что кухарка чуть не упала въ обморокъ. Нѣсколько дней она пролежала въ постели; все-же находившееся въ погребѣ пришлось выбросить. Вонючку иногда приручаютъ, но при этомъ вырѣзываютъ железки, выдѣляющія отвратительную жидкость. Дикари ѣдятъ мясо скункса, которое, говорятъ, вкусомъ похоже на мясо поросенка. Шерсть груба, долговолоса, чернаго цвѣта съ бѣлою полосою по бокамъ. Индійцы дѣлаютъ изъ мѣха вонючки кисеты для табаку, которые носятъ спереди.

Мѣхъ канадской выдры (Lutra canadensis) лучше мѣха своего европейскаго собрата; за шкурку платится 7—14 талеровъ. Канадская выдра доходитъ къ сѣверу до 66° и 67°.

Американская лисица (Vulpes fulvus) также даетъ мѣхъ, который много дороже мѣха обыкновенной лисицы. Она глянцовито краснаго цвѣта; горло и грудь бѣлыя, брюшко блѣдно красное, ноги и уши черныя. Еще дороже лисица крестовикъ (Vulpes fulvus decussatus), но все-таки шкурка его дешевле шкурокъ чернобурой и серебристой лисицы. Черный волосъ серебристой лисицы имѣетъ бѣлый кончикъ. Она очень рѣдко попадается охотникамъ, поэтому за шкурку платятъ дорого. Лисица живетъ только въ лѣсной области, охотно держится по берегамъ озеръ, гдѣ ловитъ птицъ, мышей и медвѣдокъ.

Менѣе цѣнится степная лисица (Vulpus cinereo—argentatus), которая все таки дороже песца (Vulpes lagopus).

Канадская рысь (Felis canadensis) имѣетъ прекрасную густую шерсть и питается преимущественно зайцами (Zepus americanus, которые въ свою очередь ѣдятъ ивовую кору, и по Мекензи достигаютъ 68° с. ш. Еще далѣе къ сѣверу идетъ полярный заяцъ (Zepus glacialis), который доходитъ до острововъ Парри подъ 75°. Этотъ заяцъ питается арктической вербой, лабладорскимъ чаемъ и другими растеніями крайняго сѣвера, любитъ каменистыя мѣстности, гдѣ повсюду находитъ себѣ убѣжище, а зимой роетъ въ снѣгу норы. Лѣтомъ спинка полярнаго зайца свѣтло-сѣраго цвѣта, зимою онъ

бѣлый, исключая окопечности ушей, которыя постоянно остаются черными.

Прежде самымъ важнымъ звѣремъ Гудзонбайскихъ странъ былъ американскій бобръ (Castor fiber), такъ что въ мѣновой торговлѣ съ индійцами бобровая шкурка составляла единицу цѣнности. Кромѣ того, бобръ своими удивительными постройками весьма интересенъ, и въ высокой степени заслуживаетъ вниманія любителя природы. Лѣтомъ бобръ живетъ одиноко въ земляныхъ норахъ, которыя роетъ по берегамъ озеръ и рѣкъ, но съ приближеніемъ суроваго времени года, онъ оставляетъ свое убѣжище и соединяется нерѣдко съ нѣсколькими сотнями собратій для общаго зимняго жилища. Мѣстомъ для него бобры избираютъ озеро или рѣку, на столько глубокія, что не вымерзаютъ до дна, и обыкновенно предпочитаютъ текучую воду, которою пользуются для переноски матеріаловъ. Чтобы вода постоянно находилась на одинаковомъ уровнѣ, бобры прежде всего строятъ плотину въ 10—12 футовъ толщиной внизу и только въ 2 фута вверху, плотина всегда имѣетъ кривую форму, выгнутостью обращенную къ теченію; длина плотинъ бываетъ до 80 и 100 футовъ. Плотина состоитъ изъ древесныхъ стволовъ, которые плотно вбиваются въ землю и потомъ переплетаются вѣтвями. Промежутки заполняются камнемъ и глиной и потомъ все обкладывается прочнымъ и толстымъ слоемъ глины. По окончаніи этой работы, бобры дѣлятся на семейства и строятъ свои хижины или къ самой плотинѣ, или по краямъ водяного русла. Хижины имѣютъ форму колокола, внутренній поперечникъ которыхъ имѣетъ 6—7 футовъ, а стѣнки точно также состоятъ изъ вѣтвей, обложенныхъ глиной. Хижины на $^2/_3$ выходятъ изъ воды и состоятъ изъ двухъ этажей. Верхній сухой служитъ жилищемъ бобрамъ, въ нижнемъ, находящемся подъ водой, хранятся припасы. Входъ въ хижину находится точно также подъ водой, такъ что никто, кромѣ человѣка, не можетъ обезпокоить бобровъ въ ихъ жилищѣ. Прежде думали, что хвостъ бобра, похожій на рыбій, служитъ главнымъ орудіемъ въ работахъ, но кажется, что бобръ употребляетъ для нихъ зубы и передніе лапы. Сильными рѣзцами онъ грызетъ дерево и тащитъ его ртомъ или передними лапами. Также мастерски умѣетъ бобръ пользоваться теченіемъ воды и потому постоянно беретъ лѣсъ выше мѣста будущей постройки, куда сплавляетъ его водой. Лапами мнетъ и лѣпитъ глину, а хвостомъ смазываетъ ее и снимаетъ излишекъ. Эти удивительныя работы производятся необыкновенно быстро, по ночамъ, на озерахъ и рѣкахъ, сколь возможно болѣе уда-

ленныхъ отъ преслѣдованій человѣка. Только въ лѣсахъ крайняго сѣвера бобровъ еще довольно много, чтобы предпринимать такія общественныя постройки; но и тамъ бобръ сталъ рѣже встрѣчаться. Такъ какъ бобръ, преимущественно, питается корою ивы, березы и тополя, то онъ и не выходитъ за лѣсную область, но тѣмъ не менѣе, достигаетъ высокой широты по берегамъ Мекензи. Извѣстно, что бобръ живетъ въ Европѣ и Азіи, по Дунаю, Ронѣ, въ Польшѣ, Россіи и Сибири; но нигдѣ не дѣлаетъ такихъ построекъ, какъ въ сѣверной Америкѣ.

Кромѣ прекраснаго мѣха бобръ даетъ еще, такъ называемую, бобровую струю, выдѣляющуюся изъ двухъ мѣшечковъ въ брюшкѣ, прежде употреблявшуюся, какъ врачебное средство, въ первыхъ болѣзняхъ. Индійцы ѣдятъ мясо бобра. Замѣчательна огромная величина слюнныхъ железокъ бобра; питаясь большею частью сухою пищею, ему необходимо, чтобы переварить ее, большое количество слюны. Для каждой потребности природа умѣетъ создавать соотвѣтствующіе органы—какъ здѣсь, такъ и во всемъ животномъ мірѣ подтверждается это положеніе.

Ондатру (Ondatra zibetica, musquash; watsuss или wachusk) сѣверо-американскіе индійцы называютъ младшимъ братомъ бобра, съ которымъ дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ она имѣетъ сходство. Зимою ондатры живутъ обществомъ и строятъ себѣ хижины различной величины. Смышленность этихъ животныхъ выказывается при выборѣ мѣста для построекъ. Ондатра не только заботится устроить себѣ защиту на зиму, но и быть вблизи кореньевъ и воды, не подвергаясь наводненію. Поэтому они строятъ свои жилища въ болотахъ или по берегамъ рѣкъ и озеръ значительной величины, гдѣ дно русла, по возможности, ровно и имѣется тамъ много питательныхъ кореньевъ. Если мѣсто, гдѣ строится хижина, довольно низко, то его поднимаютъ; хижина имѣетъ форму купола въ 2 фута шириной, здѣсь живетъ 7—8 ондатръ, а для нѣкоторыхъ семействъ хижина дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній. Матеріаломъ для постройки служатъ камыши, которые вбиваются, какъ сваи въ землю, потомъ правильно переплетаются и смазываются глиной. Такая въ 3—4 дюйма толщиной стѣна прикрывается слоемъ камыша, дюймовъ въ 8 безъ глины. Иногда хижины построены въ такомъ числѣ, что ихъ можно сравнить съ деревнею. Зимою хижины находятся подъ слоемъ снѣга въ 3—4 фута, но ондатры не засыпаютъ спячкой и въ землѣ роютъ ходы, ведущіе къ водѣ, и такимъ образомъ могутъ находить коренья,

хотя все еще покрыто снѣгомъ и льдомъ. Такъ ондатры проживаютъ суровое время года въ полномъ спокойствіи, такъ какъ куница и миксъ слишкомъ боятся воды, чтобы ловить ихъ, а рѣчная выдра слишкомъ толста, чтобы проникнуть въ ходы ондатръ. Но лишь только растаетъ снѣгъ и изъ подъ него покажутся верхушки построекъ, какъ являются охотники, разрушаютъ жилища и бьютъ ихъ обитателей. Бурый, похожій на бобровый и издающій запахъ мускуса, мѣхъ ондатры продается не дорого, эти мѣха не менѣе полумилліона шкурокъ вывозятся въ Англію, гдѣ идутъ для фабрикаціи шляпъ. Нельзя опасаться, что ондатры, несмотря на множество враговъ, когда-нибудь истребятся, потому что они встрѣчаются на каждомъ озерѣ, берега котораго покрыты травой, или болотъ до береговъ Арктическаго моря, и при томъ самка мечетъ по 6 дѣтенышей въ годъ. Ондатра больше обыкновенной черной крысы, и болѣе похожа на водяную крысу, хотя имѣетъ другіе хвостъ и лапы.

ГЛАВА XXV.

Индійцы-Кучины.

Мѣстопребываніе ихъ.—Одежда.—Любовь къ бусамъ.—Коса.—Безсмысленный обычай стягивать ноги у дѣтей.—Болтливость кучинъ.—Битва эскимосовъ съ кучинами.

Къ западу отъ Медвѣжьяго озера, по нижнему теченію Мекензи, по рѣкѣ Пилю и по верхнему Юкону живетъ индійское племя кучины.

По словамъ Симпсона, ихъ языкъ во многомъ отличается отъ нарѣчій другихъ народовъ Сѣверной Америки, также точно кучины разнятся обычаями отъ прочихъ индійцевъ, живущихъ къ западу отъ Скалистыхъ горъ, такъ что не смотря на малое ихъ число и сравнительно малому пространству ихъ поселеній, этотъ народъ заслуживаетъ описанія.

Мужчины имѣютъ правильныя черты лица, кожа ихъ свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ краснокожихъ индійцевъ, женщины татуируютъ себѣ подбородокъ и употребляютъ темныя краски для раскрашиванія лица. Мужчины при всѣхъ празднествахъ намазываютъ себѣ лицо красными и черными полосами. Такимъ-же способомъ раскрашиваютъ себѣ лица хапевайцы и кри, но которому изъ этихъ дикихъ народовъ принадлежитъ честь такого изобрѣтенія, неизвѣстно.

Верхнее платье кучиновъ дѣлается изъ шкуръ телятъ сѣверныхъ оленей, которыя дубятся вмѣстѣ съ волосами. По покрою это платье похоже на верхнюю одежду эскимосовъ, только у женщинъ сзади идетъ длинный шлейфъ. Зимою подъ верхнюю одежду надѣваютъ рубашки изъ заячьихъ шкурокъ и панталоны изъ двойныхъ шкуръ сѣверныхъ оленей, какъ у эскимосовъ; такое платье носятъ,

какъ мужчины, такъ и женщины. Лѣтніе и зимніе панталоны шьются вмѣстѣ съ башмаками. Вообще кучины, болѣе другихъ сосѣднихъ народовъ, заботятся о внѣшнихъ украшеніяхъ. Широкій, бусами унизанный поясъ, отъ котораго висятъ кисти, разукрашенныя серебряными плодами Fleagnus argentea и крашеными иглами дикобраза, охватываетъ станъ. На голову надѣвается діадема изъ бусъ; бусовыя попизки скрываютъ швы панталонъ, на рукахъ и на ногахъ носятъ браслеты изъ бусъ; словомъ богатый кучинъ сажаетъ бусы, гдѣ только можно. Менѣе богатый и менѣе счастливый его собратъ, не имѣющій средствъ купить дорогихъ украшеній, все-таки старается хоть гдѣ-нибудь привѣсить на виду шнурокъ съ нанизанными бусами и хвастается этимъ украшеніемъ передъ бѣднякомъ, который съ тою-же цѣлью употребляетъ одни иглы дикобраза. Человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ-же.

Вслѣдствіе такой страсти, кучинъ цѣнитъ всѣ другіе предметы по количеству на нихъ вымѣниваемыхъ бусъ.

Гудзонбайская компанія въ мѣновой торговлѣ принимала за единицу бобровую шкурку, и потому чтобы кучину сдѣлаться старшиной нужно было имѣть бусъ по крайней мѣрѣ на 200 бобровыхъ шкурокъ.

Всего болѣе нравятся кучинамъ большія бѣлыя эмалевыя бусы, которыя дѣлаются только въ Италіи и привозятся оттуда въ ограниченномъ количествѣ. Какъ странно, что бусы, приготовляемыя въ странѣ, гдѣ цвѣтутъ лимоны, находятъ своихъ лучшихъ потребителей въ Америкѣ, подъ арктическимъ кругомъ.

Другой любимый предметъ составляютъ большія денталіи, моллюски, которыя во множествѣ ловятся у острововъ королевы Шарлоты въ Тихомъ океанѣ и которыя посредствомъ мѣновой торговли, переходя отъ однихъ дикарей къ другимъ, достигаютъ береговъ Мекензи. Эти раковины также служатъ украшеніемъ и ими даже обвѣшиваютъ огнестрѣльное оружіе.

Можно-ли было думать, что давно уже повсемѣстно въ Европѣ изгнанная, коса для мужчинъ—все еще процвѣтаетъ у кучиновъ.

Длинные волосы связываются сзади и съ самаго дѣтства намазываются смѣсью жира съ гусинымъ и утинымъ пухомъ, отчего коса достигаетъ огромной толщины и въ поперечникѣ почти равняется шеи. Вѣсъ этой массы волосъ, грязи и украшеній такъ значителенъ, что обладатель косы долженъ ходить согнувшись. Впрочемъ, дни такой почтенной косы уже сочтены; мы живемъ въ вѣкѣ нововведеній и даже на берегахъ Мекензи не остаются при старыхъ

порядкахъ. Одному путешественнику удалось пріобрѣсти такое вліяніе надъ однимъ молодымъ, но сильнымъ кучинскимъ старшиной, что онъ, не смотря на сопротивленіе своего семейства, рѣшился отрѣзать грязную косу. Его примѣру тотчасъ же послѣдовали и его приверженцы, и вѣроятно послѣдуетъ вся нація.

Именитые кучины живутъ во многоженствѣ, но плохой охотникъ, не имѣющій ни бусъ, ни средствъ ихъ пріобрѣсти, остается холостякомъ. Впрочемъ, хорошій борецъ, какъ-бы ни былъ бѣденъ, всегда можетъ добыть себѣ жену. Зимою женщины исполняютъ всѣ работы, онѣ колятъ дрова и носятъ воду, но приготовленіемъ кушанья занимаются мужчины, и потому женщина можетъ ѣсть только тогда, когда насытится мужчина. Лѣтомъ женщины работаютъ мало и почти исключительно заняты сушеніемъ мяса и рыбы. На лодкахъ гребутъ веслами только мужчины, а женщины спокойно сидятъ пассажирами; первые даже на столько вѣжливы съ дамами, что приставъ къ берегу, они на рукахъ переносятъ ихъ, чтобы послѣднія не промочили своихъ маленькихъ ножекъ.

Матери не носятъ своихъ дѣтей, какъ эскимоски въ капишонахъ на спинѣ, не сажаютъ ихъ какъ хеневайки въ мѣшки, наполненные мхомъ, а носятъ ихъ въ сдѣланныхъ изъ березы кресельцахъ, которыя привѣшиваютъ на спину. Ноги дѣтей обкручиваются, чтобы помѣшать ихъ росту, такъ какъ маленькая нога считается особенной красотой, и вслѣдствіе такого безумнаго насилія природѣ кучины всѣ имѣютъ маленькія, короткія, уродливыя ноги. Китайцы стягиваютъ ноги только знатнымъ дѣвицамъ, но здѣсь-же тоже дѣлаютъ и мальчикамъ. Европейцы могли бы посмѣяться надъ этимъ глупѣйшимъ обычаемъ охотничьяго народа, если-бы у нихъ не было въ ходу корсетовъ.

Кучины, по своему характеру, веселый народецъ, любящій пляску и пѣніе, и доведшій эти искусства до большаго совершенства, чѣмъ прочіе индійцы. Кромѣ того, главное удовольствіе ихъ состоитъ въ атлетическихъ играхъ, бѣганьѣ и борьбѣ. Во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ болтуновъ, какъ кучины, они при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ держатъ длинную рѣчь, не выслушать которую посѣтителю или гостю считается верхомъ невѣжливости и необразованія.

Вѣра въ шаманство существуетъ и у кучиновъ, и обманщики, которые будто бы управляютъ духами, умѣютъ превосходно пользоваться легковѣріемъ обманутыхъ.

Кучины славятся тѣмъ, что они, изо всѣхъ американскихъ на-

родовъ, одни никогда не запятнали себя европейскою кровью, хотя между собою живутъ въ постоянной враждѣ. Вслѣдствіе этихъ распрь, въ послѣднія 20 лѣтъ, населеніе по Юкону уменьшилось на половину. Деазе, Белль и другіе, жившіе въ фортѣ Гудъ-Гопе и по рѣкѣ Пилю, постоянно старались уговорами и подарками возстановлять миръ, но не надолго, такъ какъ шаманы умѣли разжигать снова пламя вражды. Постоянно опасаясь враждебныхъ набѣговъ, кучины охотятся и ѣздятъ только большими шайками, а недовѣрчивость ухудшаетъ жизнь, и такъ уже трудную на крайнемъ сѣверѣ.

Кучины также точно постоянно враждуютъ и съ эскимосами, постоянно упрекая послѣднихъ въ измѣнничествѣ, въ которомъ, вѣроятно и сами одинаково виновны. Объ одной битвѣ ихъ стоитъ упомянуть; она напоминаетъ борьбу Іоава и Авенира, разсказанную во второй книгѣ Царствъ и подтверждаетъ слова Бэкона, что нѣтъ новаго подъ луною. Однажды на охотѣ, партія кучиновъ встрѣтилась съ партіею эскимосовъ, и такъ какъ обѣ партіи были одинаково сильны, то они и остановились отдохнуть въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, на берегу рѣки. Размѣнялись вѣжливостями и затѣмъ молодежь пустилась въ общую пляску. Спокойно катится рѣка, низкое солнце золотитъ вечернимъ свѣтомъ темный еловый лѣсъ или искрится въ текущихъ водахъ; вся природа дышетъ согласіемъ и тишиной. Весело пляшетъ молодежь; какъ вдругъ эскимосы выхватываютъ длинные ножи, которые обыкновенно носятъ въ рукавѣ, и измѣннически вонзаютъ въ грудь пляшущихъ съ ними кучиновъ. Тутъ началась общая битва, и благодаря огнестрѣльному оружію, побѣда достается кучинамъ. Солнце освѣщаетъ окровавленное мѣсто, рѣка течетъ по прежнему, но ликованіе и пляски умолкли.

Лѣтомъ, юконскіе кучины сушатъ на зиму бѣлую рыбу (Coregonus albus), которую ловятъ, устроивая плотины поперекъ маленькихъ рѣчекъ и въ суживающихся мѣстахъ озеръ, въ оставленныя отверстія которыхъ ставятъ верши. Лося ловятъ въ ямы, а весною идутъ индійцы въ горы, чтобы охотиться за сѣвернымъ оленемъ и запастись сушенымъ мясомъ. Въ открытыхъ холмистыхъ мѣстностяхъ, посѣщаемыхъ этимъ животнымъ, кучины устраиваютъ громадныя загороди для ихъ ловли. Два ряда свай вбиваются въ землю и связываются толстыми поперечинами, что образуетъ непроходимую изгородь, вѣтви которой въ видѣ римскихъ пяти (V) тянутся почти на протяженіи мили. Въ замкнутомъ концѣ вбиваются

заострепныя сваи по направленію ко входу; на эти-то сваи натыкаются сѣверные олени, загнанные индійцами въ изгородь. Иныя изгороди стоятъ болѣе столѣтія и составляютъ наслѣдственную собственность семействъ и племенъ ихъ построившихъ.

Въ старину лукъ, стрѣлы и копье были оружіемъ кучиновъ, но съ тѣхъ поръ, какъ гудзонбайская компанія устроила въ ихъ странѣ нѣсколько факторій, кучины выучились употребленію огнестрѣльнаго оружія, тѣмъ не менѣе ружье составляетъ здѣсь не всѣмъ доступную роскошь, и тѣ, которые его не имѣютъ, носятъ порохъ и свинцовыя пули, за что получаютъ пай въ охотничьей добычѣ. Собакореберные индійцы такъ-же употребляютъ огнестрѣльное оружіе.

Несмотря, однако, на изгороди и ружья, кучинамъ, какъ и всѣмъ народамъ, живущимъ охотою и рыбной ловлей, часто приходится терпѣть голодъ; годъ дологъ, аппетитъ великъ, а въ изобиліи слишкомъ легко забывается забота о завтрашнемъ днѣ. Поэтому, какъ только дичь становится рѣдка, стариковъ безжалостно выгоняютъ и имъ часто приходится умирать съ голоду.

Напрасно пытались для улучшенія быта сѣверныхъ индійскихъ племенъ завести у нихъ одомашенныхъ сѣверныхъ оленей. Суевѣріе индійцевъ мѣшаетъ этому полезному нововведенію; они опасаются, что если приручить нѣсколько такихъ животныхъ и держать ихъ въ неволѣ, то остальные олени немедленно уйдутъ изъ страны.

Къ чему-же намъ слѣдовать за стадами домашнихъ животныхъ, говорятъ они, когда въ нашихъ лѣсахъ и степи въ изобиліи водится лось, сѣверный олень и пахучій быкъ, а наши рѣки и озера наполнены рыбою. Всѣ эти животныя не требуютъ большаго труда, какъ только труда ловить ихъ.

Итакъ, всегда на всякой ступени человѣческаго развитія, предубѣжденіе мѣшаетъ прогрессу, и если трудно дикаря-охотника довести до пастушескаго образа жизни, также точно приверженность къ старому и любимыя теоріи часто мѣшаютъ ученымъ итти впередъ, хотя успѣхи науки вполнѣ уже доказали ничтожность этихъ теорій. Въ основаніи такія явленія одинаковы.

Каждое семейство кучиновъ владѣетъ палаткой или хижиной изъ звѣриныхъ шкуръ. Лѣтомъ, во время охоты, рѣдко раскидывается палатка, но зимою лагерь разбивается въ сосновомъ лѣсу. Расчистивъ первоначально снѣгъ съ земли, шкуры натягиваютъ на гибкіе ивовые шесты, которые вбиваются въ землю, въ видѣ круга

и связываются вверху. Снаружи хижина заваливается до половины снѣгомъ, внутри она выкладывается сосновыми вѣтвями, чтобы сидя или лежа не прикасаться къ холодной стѣнѣ. Входъ завѣшивается двойными звѣриными шкурами, подъ которыя приходится подползать, и хотя хижина не имѣетъ никакой претензіи на элегантность, но тѣмъ не менѣе, она тепла и удобна для жизни дикарей. Небольшаго огня въ серединѣ палатки достаточно для нагрѣванія хижины.

Запасы зарываются снаружи въ снѣгъ и сверху прикрываются сосновыми вѣтвями, а чтобы обезопасить припасы отъ собакъ сверху ямы наваливаютъ сани или, вообще, что-нибудь тяжелое.

ГЛАВА XXVI.

Типпе.

Различныя племена, принадлежащія семейству тинне. — Собакореберные индійцы.—Нечистоплотность.—Несчастное положеніе женщинъ.—Одежды и наряды.—Пляска.—Лѣнь.—Мастерство лгать.—Суевѣрный страхъ.—Понятіе о будущей жизни.—Прогрессъ.—Легкомысліе.

Въ настоящей главѣ мы познакомимъ читателей съ другимъ индійскимъ племенемъ, извѣстнымъ подъ именемъ типпе. Это племя имѣетъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ кучины и занимаетъ большее пространство земли, чѣмъ послѣдніе. Остановимся на перечнѣ главнѣйшихъ племенъ, относящихся къ семейству тинне.

Индійцы *зайцы* (Kancho tinné) живутъ по берегу Мекензи отъ Невольничьяго озера, а индійцы *собачье ребро* (Tleingohah tinné) во внутренности страны отъ озера Св. Мартина до Мѣдной рѣки. Наружностью эти племена мало отличаются другъ отъ друга, они встрѣчаются въ томъ-же охотничьемъ округѣ и говорятъ почти одинаковымъ языкомъ.

Первые, т. е. *зайцы*, живутъ въ лѣсистой области, гдѣ въ огромномъ количествѣ встрѣчается американскій заяцъ, изъ шкуръ котораго они шьютъ себѣ зимнія платья; вторые, т. е. *собачье ребро*, на пищу и одежду бьютъ сѣвернаго оленя. Къ востоку отъ *собачьихъ реберъ* въ полосѣ земли, между рѣками Мѣдной и Большой Рыбной, живутъ *красные ножи* (Tantessawhot). Названіе это они получили отъ ножей, приготовляемыхъ изъ отечественной мѣдной руды. Всѣ эти три племени, охотясь, заходятъ далеко къ сѣверу до границы эскимосовъ, но взаимная боязнь оставила между индійцами и эскимосами большую нейтральную область, рѣдко посѣщаемую охотниками.

Другіе народы семейства тинне живутъ по устьямъ Миссисипи и мѣняютъ добытыя шкуры въ фортѣ Чурчилль, гдѣ дружелюбно встрѣчаютъ приходящихъ съ сѣвера эскимосовъ. Широкая полоса пустынной земли лежитъ между чурчиллскими тинне, красными пожами, и племенами, живущими по Невольничьей и Лосиной рѣкѣ; въ этой пустынной странѣ живутъ только отдѣльныя семейства индійцевъ, которыя не имѣютъ особыхъ названій. *Хепейвацы* (Atha basca tinné) живутъ въ области Лосиной и Невольничьей рѣки, такъ-же, какъ и въ странѣ, находящейся къ западу отъ рѣки Акулъ, впадающей въ Большое Невольничье озеро.

Къ югу отъ хепейвацевъ, по верхнему теченію Миссисипи, обитаетъ еще нѣсколько племенъ семейства тинне, смѣшивающіяся съ племенемъ кри (Cree).

Племя сарси, живущее по верхнему теченію сѣвернаго рукава Саскачевана, точно также принадлежатъ къ семейству тинне.

Между рѣкой Мира и западнымъ рукавомъ Мекензи живутъ *бобровые* индійцы, которые обязаны бобру и своимъ именемъ и главнѣйшими статьями доходовъ.

Другія племена, живущіе по нагорному рукаву Мекензи, болѣе или менѣе отличаются отъ восточныхъ тинне языкомъ, обычаями и своими названіями. По сосѣдству съ бобровыми индійцами, въ углу, образованнымъ нагорнымъ рукавомъ Мекензи и главной рѣкой, живутъ Noh'hanne. Далѣе, вверхъ, находятся *натянутыя луки* (Idchahtawaht), которые держатся въ Скалистыхъ горахъ вмѣстѣ съ индійцами племени Brushwood.

Между Мекензи (65° с. ш.) и Скалистыми горами живетъ племя Daha—tinne; языкъ этого племени плохо понимается собачьими ребрами. Далѣе, ниже по Мекензи, другое маленькое племя, живущее въ нагорной мѣстности и занимающееся охотою за дикими овцами и получившее отъ этого названіе *овечьяго народа*. (Sheep people).

Наконецъ, къ семейству Тинне принадлежатъ индійцы племенъ Tahkeli или Carrier, живущіе къ западу отъ Скалистыхъ горъ, въ большей части Новой Каледоніи.

Мы опишемъ, преимущественно, индійцевъ племенъ *собачьи ребра и заячьихъ*, которыя, во время пребыванія Ричардсона на Медвѣжьемъ островѣ, посѣщали фортъ Франклинъ и фортъ Confidance; другихъ, болѣе новыхъ извѣстій, объ этихъ, мало еще изслѣдованныхъ, странахъ не существуетъ. У этихъ племенъ болѣе правильныя черты лица, чѣмъ у эскимосовъ и они имѣютъ общіе характери-

стическіе признаки съ другими, далѣе къ югу, живущими краснокожими—но стоятъ ниже послѣднихъ по развитію, такъ какъ отличаются ужасающею нечистоплотностью и льстивымъ, какимъ-то подлымъ обращеніемъ.

Уже Мекензи, познакомившійся съ *собачьими ребрами*, описываетъ намъ этотъ народъ грязнымъ, уродливымъ. Ихъ уродливыя ноги были покрыты, какъ-бы корой, что, по мнѣнію Мекензи, зависитъ отъ частаго сидѣнія передъ огнемъ. Индійцы эти казались ему вообще нездоровыми, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ нечистоплотности, такъ какъ они съ головы до пятъ вѣчно покрыты грязью и жиромъ.

Болѣе ста лѣтъ прошло со времени путешествія (1789), обезсмертившаго имя Мекензи; а *собачьи ребра* все еще остаются вѣрными праотческой грязи.

Женщины этого племени самыя несчастнѣйшія существа изо всѣхъ ордъ, кочующихъ по американской пустынѣ; онѣ стоятъ еще ниже мужчинъ, какъ по тѣлеснымъ свойствамъ, такъ и по заботамъ о внѣшности. Мужчины, по крайней мѣрѣ, раскрашиваютъ свои неумытыя лица и надѣваютъ кое-какія украшенія въ праздничное время, а женщины и этого никогда не дѣлаютъ. Скотское обращеніе, которому подвержены эти бѣдныя существа, уничтожило даже отличительное свойство ихъ пола. Однакоже, большинство татуируетъ себѣ подбородокъ и углы рта, тогда какъ мужчины проводятъ двѣ черныя или голубыя линіи отъ уха къ носу. Носовой хрящъ у мужчинъ проколотъ и въ отверстіе вставляется или перо или кусокъ дерева.

Лѣтнюю одежду они приготовляютъ изъ кожъ сѣвернаго оленя, которыя выдѣлываются, какъ кожи серны, вымазываются ворванью, и пока новы очень бѣлы и мягки. Изъ этого матеріала сшитая рубашка доходитъ до пояса, спереди и сзади котораго висятъ по куску сукна; попталоны или индійскіе чулки доходятъ до ладыжекъ и наконецъ, пара башмаковъ изъ мягкой кожи также стягиваются у ладыжекъ.

Мужчины, идя на охоту, вокругъ головы повязываютъ полосу бѣлой заячьей шкурки, при чемъ длинные, черные, нечесаные волосы свѣшиваются назадъ; мѣшокъ съ охотничьими принадлежностями виситъ на вышитой перевязи; другой мѣшокъ съ табакомъ и огнивомъ затыкается за поясъ, а длинное охотничье ружье небрежно забрасывается за плечи. Различные предметы, упомянутые нами въ этомъ перечнѣ, обыкновенно разукрашены кожанными спурками, иглами дикобраза и бусами.

Такимъ образомъ, снарядившійся юноша, хотя-бы принадлежалъ къ некрасивому племени *собачьихъ реберъ*, все-же производитъ пріятное впечатлѣніе, когда идетъ по степи своимъ, какимъ-то эластическимъ шагомъ. Одежда, однажды надѣтая, уже не снимается и не моется, пока держится на тѣлѣ и скоро пріобрѣтаетъ характерный запахъ, по которому можно угадать индійца. На стоянкѣ индіецъ днемъ накидываетъ на плечи закопченое, жиромъ испачканное одѣяло, изготовляемое на англійскихъ фабрикахъ. Эта дневная одежда ночью служитъ вмѣсто постели. Зимняя одежда шьется изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, съ которыхъ шерсть не снимается. Изъ того-же матеріала дѣлается длинная накидка, висящая на плечахъ и доходящая до пятъ, она замѣняетъ лѣтнее одѣяло. Въ новѣйшее время индійцы стали употреблять англійское сукно.

Одежда женщинъ очень похожа на мужскую, только рубашка нѣсколько длиннѣе и подъ ней носятъ онѣ нижнее платье, доходящее до колѣнъ. Только что описанный нами покрой платья одинаковъ у всѣхъ племенъ семейства тинне, но матеріалъ различенъ, смотря по мѣстностямъ. Такъ на югѣ и западѣ употребляются кожи лося, красныхъ звѣрей и бизона, тогда какъ заячьи индійцы шьютъ свои рубашки изъ заячьихъ шкурокъ. Но заячья шкурка слишкомъ нѣжна, чтобы употреблять ее обыкновеннымъ образомъ; поэтому ее рѣжутъ на узкія полоски, скручиваютъ ихъ и потомъ переплетаютъ. У сѣверныхъ индійцевъ нѣтъ работы, которая-бы ближе этой подходила къ тканью. Заячій мѣхъ такъ густъ и нѣженъ, что несмотря на рѣдкое плетеніе, такая одежда чрезвычайно тепла.

Мужчины и женщины племени *собачьихъ реберъ* отращиваютъ волосы, не расчесываютъ и вообще не заботятся о нихъ, развѣ только обтираютъ свои грязныя руки объ всклокоченные волосы, когда придетъ имъ въ голову натереть тѣло костнымъ мозгомъ. Мы уже говорили, что женщины *собачьихъ Реберъ* и заячьихъ индійцевъ составляютъ нижнюю ступень лѣстницы рода человѣческаго въ Сѣверной Америкѣ. Съ ними не поступаютъ жестоко, но мужчины смотрятъ на нихъ, какъ на низшія существа, и кажется, онѣ добровольно подчинились такому суду. Мальчикъ скоро замѣчаетъ, что можетъ грубо обходиться со своими сестрами, которыхъ запрягаютъ въ сани, лишь только онѣ станутъ на ноги, а маленькій охотникъ на своихъ лыжахъ бѣгаетъ за отцомъ и учится у него презирать женщинъ. Всѣ работы и даже приготовленіе пищи исполняются женщинами. Имъ дозволяется ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, но при недостаткѣ провіанта мужчинамъ даютъ больше; такъ

какъ у всѣхъ народовъ семейства тинне существуетъ убѣжденіе, что женщина, готовя кушанье, можетъ насытиться паромъ.

Но и этимъ несчастнымъ существамъ въ будущемъ мерещутся лучшіе дни, такъ какъ вліяніе европейцевъ начинаетъ отражаться на обычаяхъ этого народа съ лучшей стороны.

Часто описанный и прославляемый стоицизмъ индійцевъ не существуетъ у *собачьихъ реберъ*, они пугаются тѣлесной боли, плачутъ, какъ дѣти и боятся какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ враговъ. Всякая острота легко возбуждаетъ въ нихъ смѣхъ; они также любятъ танцы, хотя исполняютъ ихъ совсѣмъ неграціозно. Сгорбившись и согнувъ колѣна, медленно поворачиваются они, причемъ сильно стучатъ ногами, какъ будто хотятъ пробить землю. Такой танецъ сопровождается хоромъ вздоховъ, какими мостовщикъ сопровождаетъ удары своей трамбовки или дровосѣкъ удары топора.

По своей трусливой и коварной природѣ они измѣнически мстятъ своимъ врагамъ. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они напали и избили большое число, довѣрчиво охотившихся въ ихъ области, *красныхъ ножей*, которые ранѣе того тирански поступили съ *собачьими ребрами*.

Собачьи ребра на практикѣ давно уже ввели въ жизнь теоріи нашихъ новѣйшихъ философовъ, желающихъ осчастливить лѣнивыхъ на счетъ трудолюбивыхъ людей. Такъ напр., всѣ имѣютъ одинаковое право на дичь, убитую искуснымъ охотникомъ, который даже не пользуется добычею. Лишь только орда Индійцевъ узнаетъ, что сѣверный олень или лось убиты въ ихъ области, какъ старый и молодой съѣзжаются сюда; убитое животное рѣжется на куски, и счастливому стрѣлку, убившему звѣря, предоставляются только ребра да языкъ, вотъ на что по понятіямъ индійцевъ и по старому обычаю онъ имѣетъ неотъемлемое право. Такъ во дни изобилія лѣнивый питается на счетъ трудящагося, а о недостаткѣ, который необходимо наступитъ впослѣдствіи, никто и не думаетъ. Сушоное мясо на ребрахъ относится охотникамъ въ ближайшій фортъ и тамъ вымѣнивается на порохъ, свинецъ и табакъ.

Горькій опытъ научилъ многихъ тому, что хорошіе охотники со своими семействами удаляются отъ лѣнивыхъ трутней и поселяются вблизи рыболовной станціи, гдѣ, при нѣкоторомъ трудолюбіи, живутъ въ довольствѣ. Рыбная пища, впрочемъ, не слишкомъ нравится этимъ выходцамъ; и лишь только, по большей части, весьма преувеличенные слухи, о добычливой охотѣ дойдутъ до ихъ ушей, какъ при одной мысли о мясной пищѣ загорится въ нихъ желаніе, и всѣ ра-

зомъ отправляются на охоту. Если во-время похода голодная толпа гдѣ-либо найдетъ спрятанныя кучи мяса, то она немедленно ихъ пожираетъ. Нужда принуждаетъ охотниковъ снова вернуться къ рыбной ловлѣ, при этомъ часто, по пути слѣдованія, они оставляютъ много труповъ умершихъ отъ голода людей.

Собачьи ребра, вообще, не отличаются гостепріимствомъ. Съ чужестранцемъ, при входѣ въ хижину, не здороваются и не предложатъ ему пищи, но онъ имѣетъ право отрѣзать себѣ кусокъ, отъ висящаго на стѣнѣ, мяса, или принять участіе въ трапезѣ.

Лгать и притворяться они умѣютъ мастерски. Счастливый охотникъ возвращается съ вытянутымъ лицомъ—дичи нигдѣ не видалъ—наконецъ, когда другіе печально насмотрятся на него, онъ вытащитъ два или три языка сѣверныхъ оленей изъ-подъ платья; «остальное привезите сами».

Но несмотря на всѣ ихъ недостатки, ихъ нельзя не похвалить за строгую честность; они не раскрадутъ, какъ эскимосы имущества бѣлаго, и смѣло можно оставить индійца одного въ комнатѣ, не боясь пропажи.

Большинство этихъ индійцевъ признаетъ *великаго духа*, но иные, ссылаясь на свою нищету, сомнѣваются въ его существованіи. За то всѣ, безъ исключенія, боятся злыхъ духовъ, находятъ ихъ подъ видомъ медвѣдей, волковъ или разсомахъ, встрѣчаютъ ихъ въ лѣсахъ, водахъ и на моховой степи и слышатъ ихъ вой въ вѣтрѣ и вздохъ—на могилѣ покойника. Они до такой степени боятся невидимыхъ духовъ, что рѣдкій охотникъ осмѣлится спать на чистомъ воздухѣ. Великому духу никогда не приносятся жертвы и никогда не молятся, онъ слишкомъ далеко отъ нихъ, чтобы страшиться отъ него идущаго добра и зла. Но за то злыхъ духовъ они стараются постоянно умилостивлять жертвами и молитвами, и въ честь ихъ всегда бросаютъ на вѣтеръ горсть шерсти съ убитаго звѣря. Индійцы при этомъ вѣрятъ въ будущія мученія и блаженство въ иномъ мірѣ. Душа садится на каменную лодку и плыветъ по широкой рѣкѣ къ противоположному берегу, гдѣ ждетъ ее райское блаженство. Если душа отягчена грѣхами, то лодка тонетъ подъ тяжестью, а бѣдная душа, по горло въ водѣ, тщетно старается доплыть до райскаго берега, но никогда не достигнетъ его.

Тинне не чуждо Пиѳагорово ученіе о переселеніи душъ, и если случайно родится ребенокъ съ зубами, то непремѣнно отыщутъ въ немъ сходство съ кѣмъ-нибудь изъ умершихъ, и видятъ въ ребенкѣ возродившійся его образъ.

Прежде бывало, что когда кто нибудь изъ индійцевъ тинне умретъ, то все его наслѣдство—хижина, одежда, охотничьи снаряды, оружіе—сожигалось и уничтожалось опечаленнымъ семействомъ, которое потомъ, совершенно раззорившись, присоединялось къ сосѣдней ордѣ, или шло въ ближайшую факторію. Этотъ обычай, однако, теперь давно оставленъ.

Впрочемъ, вліяніе европейцевъ замѣтно и въ другихъ отношеніяхъ. Миссіонеры съ 1846 года поселились у хепевайцевъ и обучили чтенію и письму многихъ прозелитовъ. Атабески прежде имѣли только маленькихъ слабыхъ собакъ; теперь водворена болѣе сильная порода, что нѣсколько улучшило положеніе женщинъ, которыхъ запрягали въ сани. Еще большого успѣха можно ожидать отъ недавняго водворенія лошади.

Уже нѣсколько лѣтъ Гудзонбайская компанія лѣтомъ давала работу многимъ молодымъ индійцамъ; они на лодкахъ перевозили мѣха и товары въ склады, а отсюда на станціи.

Такія поѣздки уничтожили прежнюю лѣнь и замѣнились трудолюбіемъ и покорностью, а такъ какъ индійцамъ платили хорошо, то они имѣли возможность пріобрѣсти лучшую одежду и стали чистоплотнѣе. И такъ можно ожидать, что участь тинне, а въ особенности, ихъ бѣдныхъ женщинъ улучшится въ будущемъ, хотя прогрессъ въ пастушескомъ народѣ, такъ рѣдко населенномъ въ громадной области, пока очень медленъ и мало замѣтенъ. Тинне легкомысленны и недовѣрчивы, какъ дѣти. Подъ надзоромъ европейца они точно и вѣрно совершаютъ длинную путину, но одному нельзя довѣрить письма, какъ бы ни была велика награда за доставку, такъ какъ малѣйшее развлеченіе или минутный капризъ можетъ отклонить индійца отъ пути.

Каждый тинне обыкновенно довольствуется одной женой. Желающій вступить въ бракъ, не находя свободной дѣвицы, вызываетъ болѣе слабаго на борьбу и въ награду за побѣду беретъ къ себѣ жену побѣжденнаго. Послѣдній утѣшается тѣмъ, что, въ свою очередь, отыскиваетъ другого женатаго земляка и надѣется отплатить ему тою-же монетою.

Тинне любитъ и ласкаетъ дѣтей, но совершенно равнодушенъ къ страданіямъ безпомощной старости и безсильной слабости. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что когда онъ жилъ въ фортѣ Reliance на Большомъ Невольничьемъ озерѣ, то въ день Пасхи туда пришла старая женщина, одѣтая въ оленьи шкуры, полу-слѣпая, съ грязными и всклокоченными волосами, сморщившаяся, старуха они-

ралась обѣими руками на палку и тѣмъ поддерживала свое истощенное, почти къ землѣ согнувшееся тѣло. Въ своемъ отвратительномъ образѣ она представляла человѣчество, сдѣлавшееся животнымъ.

Бѣдное созданіе! Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ ея грустную исторію. Дряхлая, слабая старуха сдѣлалась тягостью для ея семейства. Прежнія услуги ея и труды были забыты и ей объявили, что если она не желаетъ умереть съ голода, то пускай идетъ въ фортъ. «Бѣлые великіе медики (колдуны) можетъ быть тебѣ помогутъ». Это случилось за мѣсяцъ до ея прихода въ фортъ, и все это время она медленно тащилась по горамъ, утоляя голодъ ягодами, попадавшимися на дорогѣ. Хорошій уходъ въ фортѣ не помогъ бѣдной старушкѣ, она умерла черезъ нѣсколько дней.

ГЛАВА XXVII.

Индійцы кри или книстиносы.

Перемѣна въ судьбѣ кри.—Легенда о *розсомахѣ*.—Ужасъ индійской войны.—Татупрованіе.—Одежда.—Дурное обращеніе съ женщинами.—Игры.—Постройки.—Кепухиканъ.—Сказаніе о всемірномъ потопѣ и объ образованіи новой суши.—Элизіумъ и Тартаръ.

Индійское племя кри или книстиносы, какъ назвали ихъ канадцы, кочуютъ отъ равнинъ Соскачевана до болотъ Гудзонова залива. Къ западу они соприкасаются съ племенами семейства тинне, къ востоку и югу съ соплеменными оиббевайцами или прыгунами (Sauteurs), живущіе въ странахъ между озерами Виннипегомъ и Верхнимъ. Въ то время, когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія Наполеонъ войною опустошалъ Европу, кри тоже выступили завоевателями и покорили обширнѣйшія, хотя и менѣе цѣнныя области, чѣмъ государства, попавшія подъ власть честолюбиваго корсиканца. Вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ то время неизвѣстнымъ ихъ сѣвернымъ и западнымъ сосѣдямъ, кри проникли побѣдителями до полярнаго круга и по ту сторону скалистыхъ горъ заставили племена тинне платить себѣ дань и заклеймили ихъ именемъ рабовъ. Но недолго длился тріумфъ побѣдителей, оспа страшно разрѣдила ряды кри, которые умирали тысячами. Между тѣмъ, болѣе сѣверныя племена избѣгли эпидеміи и, въ свою очередь, познакомились съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ фортахъ сѣверо-американской компаніи. Эти племена напали на кри и загнали ихъ въ извѣстныя границы. Тогда часть кри перекочевала далѣе, на югъ, оставила лѣсную область, гдѣ прежде охотились кри за сѣверными оленями и лосями и распространились по преріямъ Соскачевана, гдѣ верхами

стали преслѣдовать стада бизоновъ. На своей новой родинѣ воинственные кри не обрѣли мира и продолжаютъ жить въ постоянной враждѣ со своими ассинибоинцами и черноногими. Много мѣстностей ознаменовано кровавыми преданіями. Такъ при рѣкѣ Ассинибоинѣ однажды ассинибоинцы напали на небольшую кучку кри и почти совершенно истребили ее. Между побѣдителями находилась убѣжавшая жена одного изъ кри; во время битвы она умоляла всѣхъ, чтобы убили ея прежняго мужа, но онъ бѣгствомъ спасся отъ смерти и удалился въ пустыню, однако, жена изъ ненависти не отставала отъ него; какъ гончая собака гонялась она за нимъ по горамъ и долинамъ и, наконецъ, когда онъ, не чуя опасности, заснулъ отъ усталости подъ деревомъ, она стрѣлою пробила ему голову содрала съ его черепа кожу и принесла ее въ даръ новому любовнику. Индійцы увѣряютъ, что когда вѣтеръ шумитъ въ еляхъ, ясно слышится предсмертный стонъ измѣннически убитаго мужа.

Въ печати не мало говорилось о великодушіи индійцевъ, но теперь его нѣтъ и, по всей вѣроятности, нигдѣ и не было. Поступки минутнаго каприза казались результатомъ болѣе тонкаго чувства, и хитрость дикаря черезъ очки предвзятаго мнѣнія получала видъ зоркой политики. Войны индійцевъ, какъ междоусобныя, такъ и съ европейцами, представляютъ мало примѣровъ геройства; но за то богаты примѣрами жестокости побѣдителей и ужасовъ вѣчнаго раздора этихъ несчастныхъ народовъ. Такъ однажды, большая шайка черноногихъ индійцевъ совершила счастливый набѣгъ на область кри, но послѣдніе въ то-же время напали на незащищенный лагерь черноногихъ, гдѣ оставались женщины и дѣти, и возвратившіеся побѣдители нашли лишь обломки и трупы тамъ, гдѣ ожидали найти пиръ и веселіе. Въ отчаяніи бросили черноногіе добычу и оружіе и ушли въ горы, гдѣ трое сутокъ выли и терзали себя своими руками.

Въ 1840 г. возгорѣлась кровавая война между племенемъ кри и черноногими индійцами, какъ всегда бываетъ изъ-за самой ничтожной причины. Уже въ сотый разъ индійцы праздновали скачкою заключеніе мира, тутъ-же кучею лежали призы. Какъ вдругъ одинъ кри утащилъ какое-то изорванное одѣяло, тогда начинается общая битва между воинами, только что праздновавшими заключеніе мира. На возвратномъ пути, черноногіе встрѣтили одного изъ начальниковъ кри съ двумя товарищами и послѣ короткаго разговора убили всѣхъ троихъ.

Въ свою очередь и племени кри удалось напасть и убить девять черноногихъ; кровавая месть загорѣлась сильнѣе, чѣмъ когда

нибудь. Въ то время губернаторъ Гудзонбайскихъ странъ Симпсонъ, проѣздомъ по области, посѣтилъ хижину одного раненаго кри. Послѣдній былъ раненъ во время битвы на скачкѣ, пуля попала ему подъ правое плечо и остановилась вблизи лѣваго плечевого сочлененія. Болѣе мѣсяца лежалъ раненый, лѣвая рука его страшно распухла, все тѣло исхудало и имѣло видъ скелета.

Подлѣ умирающаго воина лежалъ его 3-хъ лѣтній ребенокъ, отъ него остались только кости да кожа, онъ стоналъ и жаловался на болѣзнь и голодъ. Не менѣе грустный и безпомощный видъ имѣли жена и мать раненаго, которыхъ угнетала двойная тяжесть—забота и усталость. Ночью шаманъ барабаннымъ боемъ изгонялъ злыхъ духовъ. Вотъ плоды невѣжества и суевѣрія.

Кри выносятъ голодъ и другія невзгоды охотничьей жизни съ стоической твердостью, но при каждомъ необыкновенномъ случаѣ они падаютъ духомъ и боятся въ открытомъ полѣ сражаться съ врагами и даже напасть на нихъ врасплохъ, если враги значительно превышаютъ ихъ численностью.

Кри красивѣе эскимосовъ и тинне, любятъ нарядиться лучше послѣднихъ. Киноварь играетъ важную роль въ ихъ туалетѣ, они умѣютъ красиво испещрять себя этою краскою и туземными голубою, бѣлою и бурою землями, а также древеснымъ углемъ.

Обычай татуировать себя также распространенъ и у кри, при чемъ женщины довольствуются двумя линіями, идущими въ стороны отъ угловъ рта, но мужчины испещряютъ все тѣло линіями и фигурами. Большинство, повидимому, смотритъ на татуировку скорѣе, какъ на доказательство мужества, чѣмъ на украшеніе, такъ какъ операція очень трудная и длится нѣсколько дней. Линіи на лицѣ производятся слѣдующимъ образомъ: подъ кожу искусно подпускаютъ шило и, такимъ образомъ, въ образовавшійся каналъ продергиваютъ спурокъ, смоченный водою и вываленный въ угольномъ порошкѣ. Тѣло накалывается по узору иглами различной величины: стоны страждущаго заглушаются пѣніемъ присутствующихъ или звономъ колокольчиковъ, прикрѣпленныхъ къ скамьѣ, на которой сидитъ татуирующійся. Наколотыя мѣста натираются небольшимъ количествомъ, въ порошекъ истертаго, ивоваго угля, который никогда не смывается. Вообще, татуировка — операція болѣзненная и иногда раны на тѣлѣ заживаютъ не скоро.

Одежда кри проста и удобна. Узкія панталоны или индійскіе чулки идутъ отъ бедра до ладыжки. Суконная или кожанная полоса (ассіанъ), въ одинъ футъ шириной и въ 5 футъ длиной, по-

вязывается въ видѣ пояса, концы котораго нѣсколько спущены. Узкая рубашка покрываетъ грудь и спину. Шапочка изъ шкуры какого-нибудь маленькаго звѣря служитъ головнымъ уборомъ и защитою отъ холода. На все набрасывается родъ мантіи или одѣяла, которое употребляется и днемъ и ночью. Матеріаломъ служатъ выдѣланныя звѣриныя шкуры и европейскія шерстяныя ткани. Кожи превосходно красятся и въ иныхъ округахъ оторачиваются иглами дикобраза или волосами лося. Рубашка и панталоны, моккасины и перчатки разукрашены бахромами и кистями. Орлиныя и лебединыя перья, зубы, рога и когти различныхъ звѣрей также идутъ на украшеніе головы и шеи.

Изъ многихъ дикорастущихъ растеній кри умѣютъ извлекать прекрасныя красящія вещества. Корнями марены они окрашиваютъ въ превосходный пунцовый цвѣтъ иглы дикообраза. Для этого корни марены тщательно моются и затѣмъ съ небольшимъ количествомъ сока клюквы (Oxycoccos palustres) и нѣсколькими красными черешками лиственницы медленно варятся въ чистомъ, мѣдномъ котлѣ. Въ эту жидкость до совершеннаго ея охлажденія опускаются иглы дикобраза, которыя окрашиваются въ прекрасный пунцовый цвѣтъ. Черная краска приготовляется изъ ольховой коры, прибавленіемъ къ ней небольшаго количества сушеной и толченой болотной желѣзной руды. Въ желтыхъ красильныхъ веществахъ также нѣтъ недостатка. Самое яркое изъ нихъ приготовляется изъ сушонаго корня какого-то растенія, судя по описанію, вѣроятно, омега (Cicuta virosa); менѣе яркая желтая краска добывается изъ давленныхъ почекъ восковаго вереска (Myrica Gale).

Если кри не обращаются варварски со своими женами, то они сваливаютъ на нихъ всѣ работы. Женщина должна строить зимнюю хижину и разбивать лѣтнюю палатку, дубить кожи, колоть дрова, а во время путешествія тащить на себѣ наибольшую тяжесть.

Бывали примѣры, что индіанки, племени кри, убивали своихъ дѣтей женскаго пола, чтобы избавить ихъ отъ тяжелаго жребія, который сами безропотно выносили. Впрочемъ, индіанки далеко не терпятъ такого притѣсненія, какъ женщины племени типпе, что видно изъ того, что первыя нѣсколько заботятся о своей красотѣ и чистоплотнѣе послѣднихъ.

Въ нравственномъ отношеніи кри гораздо ниже эскимосовъ и типпе. Войны ведутъ они измѣннническимъ образомъ, во время набѣговъ не щадятъ ни женщинъ, ни дѣтей, и примѣры личной храбрости, столь частые у мужественныхъ эскимосовъ, у нихъ рѣдки.

Отвратительные пороки составляютъ достояніе кри, живущихъ въ равнинѣ, гдѣ вся нація также страстно предана игрѣ. Обыкновеннѣйшая игра называется *пукезанъ*, ее играютъ косточками одного изъ видовъ сливъ. Дѣло въ томъ, чтобы разомъ угадать число косточекъ, выбрасываемыхъ изъ небольшой деревянной посуды, и охотники цѣлыя ночи проводятъ за этой игрой и часто проигрываютъ самые необходимые предметы, какъ порохъ, дробь и пр.

Впрочемъ, у нихъ есть и болѣе мужественная забава, называющаяся *крестомъ*, хотя и въ эту игру никогда не играютъ даромъ. Для такой игры кри собираются на большой лугъ, выигрышъ привязываютъ къ столбу или отдаютъ на руки двумъ старикамъ. Игроки раздѣваются, раскрашиваются и, вооружившись орудіемъ, имѣющимъ видъ буквы *P* (рукоять имѣетъ около 2 футъ длины, на верхнюю часть слабо натягивается сѣть, которая образуетъ неглубокій мѣшокъ), становятся рядами по обѣ стороны. Тогда въ серединѣ бросаютъ мячикъ вверхъ, и каждая партія старается загнать его на свою сторону. Быстрый бѣгунъ, поймавшій мячикъ въ свой мѣшокъ, изо всѣхъ силъ бѣжитъ къ своей цѣли, но противникъ преслѣдуетъ его, останавливаетъ и старается выбить изъ мѣшечка мячъ. Не имѣя возможности защититься, нагнанный кри бросаетъ мячъ вверхъ, а другой игрокъ изъ той-же партіи гонитъ его далѣе, или-же кто-нибудь изъ соперниковъ отбиваетъ мячъ назадъ. Игра кончается и побѣда остается за тѣмъ, который загонитъ мячъ за свой конъ.

Палатки и хижины кри удобнѣе и лучше выстланы внутри свѣжими вѣтвями бальзамической ели, чѣмъ жилище тинне.

Бани также очень употребительны у кри и составляютъ главное врачебное средство шамановъ.

Шаманъ запирается со своимъ паціентомъ въ небольшую баню, въ которой страшно жарко отъ поддаванія воды на раскаленные каменья, выламываетъ все тѣло больного и при этомъ поетъ родъ гимна для скорѣйшаго отогнанія злыхъ духовъ. Пока выноситъ шаманъ и паціентъ долженъ терпѣть невыносимую атмосферу, послѣ чего оба и врачъ и больной, если послѣдній можетъ еще двигаться, бросаются въ ближайшую рѣку. Само-собою понятно, что такое лошадиное средство и способъ лѣченія болѣзней далеко не всегда помогаютъ, но во всякомъ случаѣ, больной скоро избавляется отъ болѣзни—смертью.

Ни эскимосы, ни тинне не имѣютъ идоловъ, или видимыхъ предметовъ религіознаго почитанія: кри, напротивъ, носятъ съ собою

деревянныя, грубо вырѣзанныя фигурки, очень капризнаго *Кепукихана*, которому кри приносятъ жертвы вмѣстѣ съ другими духами и демонами.

Другому богу и великому духу или владыкѣ жизни, *Киче-Манито*, который, какъ полагаютъ кри, мало заботится о своихъ созданіяхъ, рѣдко молятся, что служитъ доказательствомъ, насколько страхъ и надежды болѣе дѣйствуютъ на сердце человѣка, чѣмъ благодарность.

Но и съ Кепухпкапомъ кри тоже мало церемонятся и если божокъ, несмотря на молитву, не поможетъ кри въ игрѣ, то кри къ молитвамъ примѣшиваетъ угрозы, упреки и ругательства.

О происхожденіи міра у кри не существуетъ никакихъ легендъ, хотя по ихъ понятіямъ, всемірный потопъ произвелъ рыбы, которыя хотѣли утопить полубога Вазакоочахтъ. Этотъ богъ построилъ себѣ плотъ, посадилъ на него свое семейство, различныхъ птицъ и звѣрей. Когда потопъ продержался еще нѣсколько времени Вазакоочахтъ послалъ нѣсколько водяныхъ птицъ нырнуть до земли, но всѣ птицы потонули; только ондатра принесла во рту нѣсколько ила, изъ котораго полубогъ построилъ новую сушу, подобно тому, какъ ондатры строятъ свои жилища. Сначала надъ водой показался небольшой конусообразный холмикъ ила. Мало-по-малу расширилась подошва холма и образовался морской берегъ, который подъ вліяніемъ солнца твердѣлъ и создалась твердая земля. Несмотря на силу, проявленную, въ этомъ случаѣ, полубогомъ, индійцы мало почитаютъ его; съ своей стороны и онъ не упускаетъ случая мучить индійцевъ. Поведеніе полубога совершенно безнравственно, а въ любовныхъ похожденіяхъ и различныхъ образахъ, которые онъ принимаетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ гораздо замысловатѣе греческаго Юпитера.

Кри также вѣрятъ въ элизіумъ и тартаръ (адъ и рай). Въ страну блаженныхъ, гдѣ кишитъ дичь всякаго рода, гдѣ постоянно ходятъ въ новыхъ одеждахъ, гдѣ царитъ вѣчное довольство; въ эту страну ведетъ трудный путь по тонкому гнилому бревну, переброшенному черезъ широкую рѣку, наполненную волючей и мутной водой. Кто жилъ хорошо, тотъ смѣло переходитъ по бревну, его ободряютъ знаки райскихъ жителей, которые, напротивъ, пугаютъ злого, и онъ отъ тяжести грѣховъ падаетъ въ грязную рѣку, откуда нѣтъ спасенія.

Одхипевы—племя родственное съ кри, нѣкогда исповѣдывало религію, напоминавшую ученіе Зороастра. На южномъ берегу Верхняго

озера, четыре жреца, подъ начальствомъ Мучекевы (знаменитый старшина), поддерживали вѣчный огонь. Каждые восемь лѣтъ всѣ одхипевы собирались въ главную деревню, закуривали у священнаго огня *трубку мира* и передавали ее изъ рукъ въ руки. Нѣсколько дней длилось куренье, пляски и пиршество.

Поклоненіе огню по прибытіи французовъ къ большимъ Канадскимъ озерамъ, прекратилось. Одхипевы вѣроятно переняли эту религію отъ своихъ соплеменниковъ шавніевъ, тогда обитавшихъ въ нынѣшнемъ штатѣ Кентукки.

Этотъ культъ напоминаетъ финикіанъ, о которыхъ сохранилось преданіе, что они открыли Америку и ранѣе европейцевъ водворили въ Новомъ Свѣтѣ древнія религіозныя понятія халдейцевъ.

ГЛАВА XXVIII.

Старѣйшіе мореплаватели на крайнемъ сѣверѣ.

Открытіе Америки Норманнами.—Путешествіе Кибота. Вераццани (1523) и Жакъ Кортье (1534).—Неудачное путешествіе Виллуби и Чонслора (1853).—Фробистеръ.—Мета Инкогнита.—Дэвисъ.—Гудзонъ.—Его несчастный конецъ.—Баффинъ.

Еще за нѣсколько столѣтій до того времени, какъ смѣлый Колумбъ пустился въ открытый океанъ для открытія, новой, еще невѣдомой Европѣ, земли, скандинавцы предупредили его и открыли на сѣверѣ Новый Свѣтъ. Эти отважные мореходцы, морскіе цари среднихъ вѣковъ, предупредили знаменитаго мореплавателя; они отличались такою смѣлостью и отвагою, что цѣлая Европа дрожала передъ ними, опасаясь ихъ, какъ морскихъ разбойниковъ, самыхъ смѣлыхъ, самыхъ отважныхъ; эти люди на своихъ жалкихъ, ветхихъ судахъ пускались въ отдаленныя путешествія безъ компаса, не страшась ни бурь, ни обширности невѣдомаго океана, отъ котораго они часто силою исторгали его завѣтныя тайны. Отъ Гренландіи, которую они открыли еще въ концѣ девятаго столѣтія, эти смѣльчаки проникали еще далѣе на западъ; они достигли не только до острова Новой-Шотландіи и до скучнаго Нью-Фаундленда, но и слѣдовали далѣе, къ югу, вдоль береговъ сѣверной Америки. И здѣсь они основывали поселенія, обитатели которыхъ, однако, послѣ недолгаго существованія, погибали, вслѣдствіе болѣзней или въ борьбѣ съ туземцами; хотя въ своемъ отечествѣ эти люди были совершенно забыты, потому что тамъ, съ одиннадцатаго по тринадцатое столѣтіе, постоянно происходили внутреннія раздоры и споры

относительно престолонаслѣдія что, конечно, сильно потрясло скандинавское государство.

Въ то время, народы средней и южной Европы мало имѣли сношеній съ Скандинавіею и потому открытіе новыхъ земель, по ту сторону Атлантическаго океана, оставалось совершенно неизвѣстно для первыхъ, до временъ Колумба.

Однимъ изъ первыхъ результатовъ открытія Вестъ-Индскихъ острововъ великимъ генуэзскимъ мореплавателемъ былъ тотъ, что вскорѣ Франція и Англія, не менѣе алчныя, чѣмъ Испанія, также жаждали найти новый западный путь къ сокровищамъ Индіи; эти державы снарядили экспедицію, думая найти вышеупомянутый путь черезъ сѣверныя широты новооткрытаго материка въ страну, славящуюся своими сокровищами.

Съ этою цѣлью, король Англіи Генрихъ VII приказалъ Іоганну и Себастьяну Каботъ снарядить экспедицію въ 1497 году. Эти мореплаватели переѣхали Атлантическій океанъ и открыли земли въ Сѣверной Америкѣ, начиная отъ Лабрадора вдоль берега до Виргиніи; этимъ какъ-бы положили начало величію англійскихъ колоній, хотя и не нашли желаемаго прямого пути въ Индію, потому, что онъ былъ прегражденъ со всѣхъ сторонъ.

Французы появились въ Америкѣ нѣсколько позднѣе англичанъ, но и первые также имѣли нѣкоторый успѣхъ въ открытіяхъ новыхъ земель. Такъ Верацціани (1523) и Жакъ Кортье (1534) пріобрѣли для французскаго короля, Франциска I, большія выгоды своимъ открытіемъ или лучше сказать своимъ ближайшимъ изслѣдованіемъ Новой Шотландіи, залива Св. Лаврентія и сосѣднихъ острововъ и береговъ; кромѣ того, эти мореплаватели пріобрѣли во владѣніе королю обширныя земли и еще право рыбной ловли у береговъ Нью-Фаундлэнда, которая сначала находилась всецѣло въ рукахъ англичанъ.

Поѣздки на западный материкъ, хотя и представляли извѣстную выгоду, но все-же не достигали намѣченной цѣли; европейцы не сводили глазъ съ сѣверной части Азіи, о пространствѣ которой у нихъ были самыя сбивчивыя понятія, имъ казалось, что проникнуть въ богатую, плодородную Индію не можетъ представить большихъ затрудненій черезъ сѣверную часть Азіи. Такимъ образомъ, въ 1553 году, при Эдуардѣ VI сэръ Гугъ Виллоугби и Ричардъ Чонселлоръ съ тремя кораблями вышли изъ устья Темзы и направились на сѣверо-востокъ. Во время одной бурной ночи, спутники были отдѣлены другъ отъ друга, чтобы болѣе никогда не встрѣчаться.

О Виллоугби долгое время ничего не было слышно, пока, наконецъ, на одномъ пустынномъ берегу нѣсколько русскихъ матросовъ не натолкнулись на два корабля буквально занятые трупами.

Чонселлоръ былъ много счастливѣе; онъ, послѣ долгихъ странствованій, открылъ Бѣлое море и, причаливъ къ берегу, въ первый разъ услышалъ о Россіи и о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ; но неутомимый мореплаватель порѣшилъ отправиться къ этому, неизвѣстному для него, властителю, въ его столицу и испросить у него позволенія, какъ для себя, такъ и для своихъ соотечественниковъ, посѣтить гавань Архангельскъ. По своемъ возвращеніи на родину, Чонселлоръ былъ опять посланъ въ Россію королевою Маріею для заключенія съ этимъ государствомъ форменнаго торговаго трактата; по исполненіи возложеннаго на него порученія, оконченнаго съ большимъ успѣхомъ, онъ возвращался на родину въ сопровожденіи московскаго посланника; но обратный путь оказался вполнѣ неудачнымъ и сопряженнымъ съ большою опасностью, два корабля, нагруженные товарами, были разбиты бурею у береговъ Норвегіи, а третій, которымъ командовалъ самъ Чонселлоръ также былъ разбитъ бурею у береговъ Шотландіи. Чонселлоръ тогда хотѣлъ спастись въ лодкѣ вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ, но небольшой челнокъ опрокинулся и въ то время, какъ русскій счастливо доплылъ до берега, англійскій мореплаватель, претерпѣвъ столько опасностей, утонулъ въ виду береговъ своей родины.

Несмотря на всѣ эти неудачи англичане, непремѣнно хотѣли открыть новый путь въ Индію; въ 1576 году, на трехъ небольшихъ судахъ (въ 35, 30 и 10 тонъ) Мартинъ Фробишеръ отправился въ путь, чтобы, какъ онъ надѣялся, обогнуть сѣверную Америку. Читатель, вѣроятно, улыбнется тогдашнему невѣжеству людей, но все-же нельзя не удивляться ихъ желѣзной волѣ и настойчивости; они рѣшились съ такими жалкими судами бороться противъ силы стихій и противъ всякихъ ужасовъ Ледовитаго океана. Небольшая экспедиція счастливо достигла береговъ Гренландіи и Лабрадора и привезла оттуда нѣсколько блестящихъ камешковъ, которые, по ошибкѣ, сочли за золото; но такая ошибка принесла много вреда; это возбудило страсть къ новымъ снаряженіямъ къ Meta Incognita (такъ Фробишеръ назвалъ открытые имъ берега). Въ слѣдующемъ году Фробишеръ снова поѣхалъ на сѣверъ съ тремя большими кораблями, въ поиски за драгоцѣнностями. Однако, этой экспедиціи помѣшали плавучіе льды: поднялась страшная буря и пока нечего было и думать о дальнѣйшемъ путешествіи въ Индію. По

грузъ въ 200 тонъ, принимаемаго за золото, лабрадорскаго камня (нѣчто въ родѣ полевого шпата), казалось, могъ вознаградить за всѣ траты и перенесенныя опасности, что въ 1578 году отпустили цѣлый флотъ, состоящій изъ 15 кораблей со всѣмъ нужнымъ для основанія колоніи; этотъ флотъ былъ подъ начальствомъ Фробишера и отправился къ Meta Incognita. Но это путешествіе было очень неудачно; одинъ изъ самыхъ большихъ кораблей, Деннисъ, при входѣ въ Фробишеровъ проливъ, потонулъ такъ быстро и такъ неожиданно, что его экипажъ едва успѣлъ спастись на другихъ судахъ. Остальныя суда также потерпѣли поврежденіе во время сильной бури. Но лѣто приходило къ концу; часто густые туманы мѣшали дальнѣйшему ходу кораблей, такъ что эта экспедиція, не сдѣлавъ ничего, принуждена была вернуться въ Англію.

Фробишеру пришлось проститься на вѣкъ съ крайнимъ сѣверомъ. Но онъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи; такова уже была натура этого человѣка; онъ сталъ искать новыхъ лавровъ, послѣдовавъ за знаменитымъ Драке въ Западную Индію; онъ командовалъ однимъ изъ самыхъ большихъ кораблей, которые были высланы Англіею противъ испанской армады; этотъ корабль погибъ при нападеніи на небольшой французскій фортъ, во время войны Генриха IV противъ *лиги*.

Такимъ образомъ, исчезли всѣ золотыя мечты этого самолюбиваго Фробишера. Въ 1585 году, нѣсколько лондонскихъ купцовъ обратились къ Джону Девису съ просьбою отыскать сѣверо-западный проходъ въ Индію. Среди бурь и тумановъ Девисъ достигъ юго-западной части Гренландіи и видѣлъ гору, которая въ формѣ сахарной головы, поднималась за облака. Эта гора вся была покрыта снѣгомъ, а плавучія льдины такъ печально стонали у берега, что Девисъ назвалъ эту мѣстность «страною запустѣнія». Тутъ даже море казалось какимъ-то чернымъ и густымъ, какъ стоячее болото и путешественники очень были довольны скорѣе уѣхать отъ этихъ береговъ; они направились къ сѣверо-западу. Нѣсколько дней спустя, вдали показался берегъ Гренландіи, хотя это было и нѣсколько сѣвернѣе предъидущей стоянки, но тутъ берега представляли болѣе привѣтливый видъ. Здѣсь путешественники познакомились съ эскимосами и завязали съ ними оживленный мѣновой торгъ; но имъ скоро пришлось разстаться съ туземцами, такъ какъ началъ дуть уже слишкомъ холодный вѣтеръ. Остальную часть лѣта Девисъ провелъ въ плаваніи по проливу, свободному отъ льдовъ; ширина этого про-

лива равнялась 20—30 милямъ; онъ тянулся къ сѣверо-западу и, казалось, подавалъ мореплавателямъ надежду, что слѣдуя по этому направленію, они, наконецъ, могутъ достигнуть давно желанной цѣли. Но приближалась зима; Девисъ проѣхалъ всего 60 миль по этому проливу и долженъ былъ вернуться обратно въ Англію. Теперь этотъ проливъ извѣстенъ всему миру подъ именемъ *Девисова пролива*. На слѣдующій годъ, предпріимчивый Девисъ снова отправился на сѣверъ. На гренландскомъ берегу, подъ 64° с. ш., онъ встрѣтился со своими старыми знакомыми—эскимосами и затѣмъ снова отправился на западъ. Громадныя ледяныя поля, которыя даже и лѣтомъ наполняютъ середину Баффинова залива, часто плыли на встрѣчу путешественникамъ. Нѣсколько дней кряду, Девисъ шелъ по окраинѣ этихъ пловучихъ острововъ, какъ вдругъ холодный туманъ окуталъ корабли, а паруса и снасти покрылъ ледяной корой. Экипажъ началъ роптать на своего начальника и Девисъ отпустилъ обратно на родину два судна, а самъ съ горстью самыхъ смѣлыхъ людей пустился на одномъ кораблѣ въ дальнѣйшій путь черезъ ледъ и туманъ. Въ началѣ августа, мореплаватель достигъ западнаго берега Баффинова залива, лежащаго подъ 66° с. ш.; тутъ онъ свернулъ къ югу, но замѣчательно то, что Девисъ не вошелъ ни въ Фробишеровъ, ни въ Гудзоновъ проливы. На Лабрадорскомъ берегу эскимосы убили двухъ матросовъ Девиса; въ сентябрѣ начались сильныя бури и отважный мореплаватель принужденъ былъ вернуться въ Англію, гдѣ, снарядившіе его купцы, встрѣтили Девиса съ печальными лицами, потому что какъ ни были интересны его записки, но изъ нихъ нельзя было начеканить золота. Девисъ былъ краснорѣчивъ и умѣлъ убѣждать людей и вотъ, въ силу такого таланта, въ 1587 году, его снова отправили къ гренландскимъ берегамъ. Но на этотъ разъ, съ него взяли торжественное обѣщаніе не упускать удобнаго случая для китовой ловли; поэтому главною цѣлью экспедиціи было добываніе ворвани и тюленьихъ шкуръ, а открытіе сѣверо-западнаго прохода стало уже второстепеннымъ дѣломъ. Въ виду этого, Девисъ оставилъ два большихъ судна на прежней стоянкѣ и поручилъ экипажу употребить время наивыгоднѣйшимъ образомъ, а самъ, на плохомъ, небольшомъ суднѣ отправился далѣе. Онъ проплылъ вдоль гренландскаго берега до 72° с. ш. гдѣ, достигнутую имъ точку, онъ назвалъ по имени своего патрона «Сандерсоповою надеждою». Затѣмъ Девисъ направился къ западу, но тутъ льды помѣшали его плаванію; но его терпѣніе преодолѣло всѣ трудности и 19 іюня онъ достигъ противоположнаго берега Девисова

пролива. Два дня плылъ Девисъ вверхъ по каналу Кумберлэнда, но принявъ его за замкнутую бухту и, проплывъ мимо входа въ Гудзоновъ проливъ, онъ возвратился къ тому мѣсту, гдѣ должны были ожидать его другіе корабли. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что его недостойные товарищи уже отплыли въ Атлантическій океанъ. Спутники Девиса, вѣроятно, добивались того, чтобы волны бурнаго океана поглотили-бы и тайну ихъ эгоистичнаго поступка и ихъ славнаго начальника; но судьба сжалилась надъ славнымъ мореплавателемъ; Девисъ, при недостаткѣ провіанта и прѣсной воды, хотя и страшно бѣдствовалъ, но счастливо довелъ до гавани свою маленькую скорлупку.

Этимъ и окончились арктическія путешествія Девиса; напрасно онъ умолялъ своихъ патроновъ дать средства и на четвертую попытку, за успѣхъ которой вполнѣ ручался; но три кряду неудавшихся предпріятія охладили во всей націи стремленіе къ открытіямъ.

Послѣ этого Девисъ сдѣлалъ еще пять путешествій въ Индію и 27-го декабря 1605 г. былъ убитъ на берегахъ Малакки въ битвѣ съ малайцами. Такимъ образомъ и этотъ арктическій мореплаватель похороненъ въ тропической странѣ.

Семь лѣтъ спустя, послѣ послѣдняго путешествія Девиса, появились на сценѣ и голландцы. Этотъ даровитый народъ игралъ въ слѣдующемъ столѣтіи важную роль на морѣ, добился полной независимости и старался добиться обширною торговлею той славы, въ которой ему отказывалъ слишкомъ малый объемъ его государства; голландцамъ, дѣйствительно, удалось занять видное положеніе между тогдашними державами. Извѣстные уже пути къ сокровищамъ юга ревниво оберегались сильными флотами Испаніи и Португаліи, такъ что съ этой стороны голландцамъ уже не на что было надѣяться; поэтому, если-бы имъ удалось открыть новый путь въ Индію съ сѣвера, то тогда они могли-бы захватить и себѣ львиную часть. Одушевленные такимъ великимъ духомъ къ предпріимчивости, который всегда составляетъ характерную черту народа, добившагося независимости и самостоятельности, голландцы организовали у себя особое общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ богатыхъ коммерсантовъ, которое и снарядило экспедицію подъ начальствомъ опытнаго Вильгельма Баренца, который и отправился въ путь, 6-го іюня 1594 года; онъ достигъ сѣверной оконечности Новой Земли и затѣмъ обратно вернулся въ Голландію. Между тѣмъ, его спутникъ прошелъ по извѣстному пути близъ Вайгача,

пробрался черезъ льдины Карскаго залива, пока не открылось передъ нимъ синяго обширнаго моря и къ своему великому удовольствію онъ увидѣлъ, простирающійся къ юго-востоку, русскій берегъ; тутъ онъ уже болѣе не сомнѣвался, что обогнулъ предгоріе Тависа, которое, по мнѣнію Плинія, уважаемаго въ то время всѣми географами, ограничивалъ Азію съ сѣвера и откуда, послѣ небольшаго переѣзда, можно было достигнуть восточнаго и южнаго берега этой части свѣта. Въ то время, еще не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что материкъ Азіи отъ западнаго морскаго залива простирается еще далеко на востокъ, а именно на 120° долготы. Онъ былъ въ восторгѣ, какъ онъ думалъ, отъ такого важнаго открытія и отправился обратно въ свой любимый Амстердамъ, чтобы воспалить еще болѣе фантазію своихъ соотечественниковъ самыми несбыточными химерами и золотыми грезами. Тогда снарядили шесть большихъ кораблей, нагрузили ихъ всевозможными товарами, которые вполнѣ соотвѣтствовали вкусу индійцевъ. Небольшая, быстрая на ходу, яхта сопровождала эту эскадру, чтобы скорѣе возвѣстить нетерпѣливымъ соотечественникамъ о томъ, что корабли обогнули прибрежное предгоріе Тависа и, такимъ образомъ, совершили самую трудную часть пути.

Но на этотъ разъ голландцы ошиблись въ своихъ разсчетахъ; они теперь уже не могли проникнуть черезъ хорошо имъ знакомый путь на Вайгачъ; ихъ не пропускали громадныя плавучія льдины, наполнявшіе проливъ; обманутые въ своихъ надеждахъ, они вернулись обратно домой.

Несмотря на всѣ эти препятствія, голландцы все еще не оставляли надежды достичь, посредствомъ открытія сѣвернаго пути, желанной цѣли. Опять 16-го мая 1596 года, были посланы на сѣверъ, для этой цѣли, Баренцъ, Гэемскеркъ и Корнелисъ Рипъ. Въ эту поѣздку были открыты острова: Медвѣжій и Шпицбергенъ, послѣ чего Корнелисъ и Гэемскеркъ вернулись обратно въ Голландію, тогда какъ мужественный и рѣшительный Баренцъ во второй разъ достигъ крайней оконечности Новой Земли, но его затерло льдомъ и ему пришлось провести зиму въ этой пустынной мѣстности. Къ счастью, на берегу оказалось много бревенъ, которые послужили несчастнымъ мореплавателямъ, какъ для постройки небольшой хижины, такъ и для разведенія огня, столь необходимаго въ такое суровое время года. Такая находка придала имъ много мужества, такъ какъ они стали надѣяться, что Богъ не оставитъ ихъ и на будущее время.

А между тѣмъ, зима вступала все болѣе и болѣе въ свои права; уже въ септябрѣ мѣсяцѣ, земля замерзла до такой степени, что мореплаватели никакъ не могли зарыть въ могилу одного изъ своихъ умершихъ товарищей, а постройка хижины тихо подвигалась впередъ. Не мало страдали голландцы и отъ нападенія бѣлыхъ медвѣдей.

Около половины октября, хижина уже была готова, но тутъ-же пришлось значительно уменьшить ежедневныя порціи. Но вотъ затѣмъ наступила длинная трехмѣсячная ночь, какая обыкновенно бываетъ на 77° широты, а вслѣдствіе сильной стужи, голландцы не могли выходить изъ своей хижины. «Мы мрачно смотрѣли другъ на друга,—пишетъ Герритъ, которому мы обязаны нѣкоторыми свѣдѣніями относительно всѣхъ, перенесенныхъ голландцами, страданій,—«мы опасались погибнуть отъ холода, такъ какъ не смотря на поддерживаемый нами постоянно огонь, не могли согрѣться». Ледъ, на два дюйма толщины, покрывалъ внутреннія стѣны хижины, а верхнее платье, висѣвшее на гвоздяхъ, до такой степени покрывалось бѣлымъ инеемъ, что это напоминало голландцамъ плащи поселянъ ихъ родины, когда эти люди, послѣ ночной поѣздки на саняхъ, рано утромъ проѣзжали черезъ городскія ворота. Но при всѣхъ этихъ страданіяхъ мужественные голландцы съ истиннымъ стоицизмомъ покорялись своей судьбѣ и даже торжественно отпраздновали канунъ Крещенья. Они сберегли къ этому дню остатки вина, напекли пирожковъ на растительномъ маслѣ и за этою скромною трапезою, накануне великаго праздника, вспомнили и о своемъ дорогомъ и далекомъ отечествѣ.

Нѣсколько недѣль спустя, солнце опять показалось на горизонтѣ; можно себѣ представить съ какою радостью его привѣтствовали. Съ появленіемъ дневного свѣтила прекратились и снѣжныя бури и леденящіе вѣтры и хотя еще холода не уменьшались, но все-же можно было дѣлать движенія на воздухѣ.

Когда наступило лѣто, то никакъ нельзя было пользоваться примерзшимъ зимою къ льдинамъ кораблемъ, для обратнаго путешествія на родину; бѣднымъ мореплавателямъ оставалась единственная надежда вырваться изъ этого пустыннаго заключенія, возлагавшаяся на два бота; но довѣриться, въ такихъ судахъ, прихотямъ Полярнаго моря было слишкомъ рисковано. На четвертый день путешествія, эти жалкія, хрупкія суда попали между плавучими льдинами, которыя сильно повредили ботамъ и уже несчастные мореплаватели взаимно прощались на-вѣки другъ съ другомъ. Они были обязаны

своимъ спасеніемъ только ловкости и мужеству де-Фера, который сталъ перескакивать съ одной льдины на другую, пока не достигъ сплошного ледянаго поля, на которое счастливо перенесли больныхъ, всѣ припасы, затѣмъ переправился и экипажъ. Мореплаватели могли теперь пуститься въ дальнѣйшее путешествіе только послѣ исправленія своихъ обоихъ ботовъ, сильно пострадавшихъ за послѣдній переѣздъ. На этомъ-же сплошномъ ледяномъ полѣ окончилъ свое земное странствованіе и знаменитый Баренцъ. Онъ умеръ такъ-же, какъ и жилъ, заботясь до самой своей кончины о своихъ подчиненныхъ, а не о самомъ себѣ. У его смертнаго одра лежала на столикѣ развернутая морская карта и онъ, почти до послѣдняго издыханія, давалъ совѣты своимъ подчиненнымъ, относительно дальнѣйшаго продолженія пути. Несмотря на то, что мореплавателямъ предстояла надежда увидѣть скоро ихъ отечество, но и это не могло утѣшить ихъ относительно потери ихъ начальника, котораго они любили и уважали, какъ роднаго отца. Въ концѣ августа, послѣ опаснаго и труднаго путешествія, наши мореплаватели добрались до Колы, прибрежнаго города въ русской Лапландіи, гдѣ они встрѣтили своего бывшаго сотоварища, Якова Корнелиса, который и привелъ ихъ счастливо обратно въ Амстердамъ.

Между тѣмъ, англичане опять стали подумывать объ открытіяхъ съ немалымъ соревнованіемъ; у нихъ опять зародилась мысль, пришедшая въ голову знаменитому Гудзону, открыть морской путь черезъ сѣверный полюсъ, не отклоняясь ни на одинъ градусъ ниже, а направлялсь черезъ жилище ледянаго царя, а оттуда прямымъ путемъ, моремъ, въ Индію. Этимъ путемъ, по которому еще никому не удавалось проѣзжать, Гудзонъ достигъ сѣвернаго берега Шпицбергена, который былъ уже открытъ Баренцомъ за двѣнадцать лѣтъ до этого; но необозримыя пространства, покрытыя сплошнымъ льдомъ, помѣшали Гудзону въ его дальнѣйшемъ пути и онъ вернулся обратно въ Англію. Ему не посчастливилось на этотъ разъ открыть желаннаго пути, но киты и другія морскія животныя, встрѣчавшіяся ему у береговъ Шпицбергена, представляли для англичанъ богатую добычу, которою они могли утѣшить себя взамѣнъ открытія ближайшаго пути въ Индію.

Нѣсколько лѣтъ спустя, неутомимый Гудзонъ опять предпринялъ новое путешествіе для того, чтобы добиться своей цѣли—открыть морской путь черезъ сѣверный полюсъ въ богатую Индію, которая въ то время, такъ прельщала всѣхъ мореплавателей своими сокровищами и своею плодородною почвою.

И вотъ, на жалкомъ суднѣ въ 55 тонъ, нашъ герой, въ концѣ іюля 1610, является у входа, названнаго потомъ, по его имени, залива.

Хотя экипажъ упалъ духомъ, но Гудзонъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и пошелъ далѣе, пока передъ нимъ не открылось необозримое море.

Гудзоновъ заливъ открытъ нашимъ путешественникомъ; но послѣдній полагалъ, что открытъ сѣверо-западный проходъ и что его судно уже перерѣзаетъ волны Тихаго океана. Было начало августа; экипажъ настоятельно требовалъ возвратиться обратно на родину, но Гудзонъ порѣшилъ довести это предпріятіе до конца и даже перезимовать на азіатскомъ берегу.

Три мѣсяца плылъ Гудзонъ вдоль южнаго берега громаднаго залива, пока не наступилъ ноябрь и ледъ не сковалъ синія волны залива.

Мореплавателямъ пришлось перезимовать въ этой пустынной мѣстности безъ достаточнаго количества припасовъ; кромѣ того, матросы постоянно затѣвали ссоры и нерѣдко даже возмущались и противъ своего начальника.

Наконецъ, наступила давно желанная весна; 21-го іюля 1611 года, рано утромъ, Гудзонъ вышелъ изъ своей каюты, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія; но тутъ матросы окружили его, связали ему руки и не хотѣли повиноваться его приказаніямъ. Гудзонъ долженъ былъ покориться судьбѣ и сталъ совершенно равнодушно смотрѣть на идущія приготовленія. Спустили небольшую лодку, въ которую посадили Гудзона, его единственнаго приверженца, корабельнаго плотника, затѣмъ, больныхъ и слабыхъ, которые не могли уже болѣе приносить какой-либо пользы на кораблѣ и дали имъ небольшое количество пороха и свинца. Раздается сигналъ, лодка отталкивается и корабль уходитъ въ обратный путь. Такимъ образомъ, Гудзону приходилось погибнуть тамъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ славу.

Но и бунтовщики были строго наказаны за свой безчестный поступокъ: иные пали въ битвѣ съ эскимосами, другіе умерли отъ голода, во время возвратнаго пути. Во всякомъ случаѣ, Гудзонъ страдалъ менѣе ихъ, уже потому, что его совѣсть была совершенно чиста.

Открытіе громаднаго Гудзонова залива снова оживило надежды людей; различные мореплаватели послѣдовали за Гудзономъ, чтобы по ту сторону залива, найти проливъ, который велъ-бы къ Индіи.

Но всѣ эти попытки, конечно, не имѣли никакого успѣха. Наконецъ, въ 1616 году Баффинъ получилъ приказаніе попытать счастье по ту сторону Девисова пролива.

Это путешествіе принесло громадную пользу землевѣдѣнію, хотя и распространило нѣкоторыя ошибки, долго мѣшавшія дальнѣйшимъ успѣхамъ географіи.

Баффинъ обогнулъ весь огромный заливъ, названный по его имени, но не попробовалъ проѣхать черезъ широкіе проливы, открывающіеся на западѣ Баффинова моря. Мореплаватель полагалъ, что море замкнуто съ этой стороны и всѣ ему повѣрили, такъ что два столѣтія прошло до тѣхъ поръ, пока опять не попробовали поискать западнаго прохода по ту сторону Девисова пролива.

ГЛАВА XXIX.

Новые арктическіе мореплаватели.

Путешествіе Мульгрэва къ сѣверному полюсу (1773).—Кукъ (1778). — Скоресби.—Бекэнъ и Франклинъ.—Россъ.—Парри.—Открытіе металлическаго острова.—Великія достоинства Парри, какъ начальника.—Зимовка.—Парри, какъ драматическій писатель.—Первое сухопутное путешествіе Франклина.—Второе путешествіе Парри (1821). — Иглооликъ. — Лайонъ (1824).—Третье путешествіе Парри. — Второе сухопутное путешествіе Франклина къ Ледовитому океану. — Бичей.—Четвертое путешествіе Парри.—Второе путешествіе Росса. — Четырехъ-кратная зимовка. — Путешествіе Бака къ Большой Рыбьей рѣкѣ.—Его морское путешествіе на „Террорѣ“. — Сухопутное путешествіе Деазе и Симпсона къ Полярному морю.—Умерщвленіе Симпсона.—Послѣднее путешествіе сэра Джона Франклина. — Сухопутное путешествіе Ричардсона въ поискахъ за Франклиномъ. — Сэръ Джемсъ Россъ.—Аустинъ Перри. — Де-Гивенъ.—Оммани отыскиваетъ первую зимнюю стоянку Франклина.—Кеннеди и Белло.—Пинглефильдъ. -Сэръ Эдвардъ Бельхеръ. — Келлетъ. — Открытіе сѣверо-западнаго проѣзда Макъ Клуромъ.—Путешествіе Коллинзона.—Смерть Белло.—Д-ръ Роэ находитъ слѣды Франклина. — Исчезновеніе послѣдняго сомнѣнія относительно судьбы Франклина.

Человѣкъ уже такъ созданъ по своей природѣ, что всякая, зародившаяся въ его головѣ мысль, которую онъ считаетъ осуществимою, не покидаетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдится, что приведеніе въ исполненіе такой мысли совершенно невозможно. Тоже самое можно сказать и о мореходцахъ, желавшихъ во чтобы-то ни стало, проникнуть черезъ сѣверный полюсъ и открыть, по этому направленію, морской путь въ Индію; несмотря ни на какія препятствія, извѣстные мореплаватели, какъ Баренцъ, Гудзонъ, Девисъ, Баффинъ и другіе отыскивали этотъ путь по различнымъ направленіямъ, но все было напрасно, и имъ не удавалось достигнуть намѣченной цѣли; но проходили десятки лѣтъ и казалось, что уже

эти люди совершенно забыли о своихъ предположеніяхъ, но вдругъ, какое-либо незначительное событіе наталкивало ихъ опять на туже предвзятую, неотвязчивую мысль и они опять отправлялись въ дальній путь, въ невѣдомыя моря, претерпѣвали всѣ опасности и снова возвращались обратно не добившись никакихъ результатовъ.

Такъ, полвѣка спустя, послѣ тщетныхъ попытокъ Гудзона, проѣхать прямо черезъ сѣверный полюсъ въ Индію, британскому адмиралтету пришла въ голову опять эта смѣлая мысль и онъ поручилъ Мульгрэву проѣхать по Ледовитому океану; но и этотъ мореплаватель натолкнулся, къ сѣверу отъ Шпицбергена, на тѣ-же преграды, которыя воспрепятствовали проникнуть далѣе и его знаменитымъ предшественникамъ; только благопріятной перемѣнѣ вѣтра, съ помощью котораго его кораблямъ удалось выбраться изъ затертаго ихъ льда и выйти въ открытое море, обязанъ онъ своимъ спасеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Кукъ, знаменитый мореплаватель своего вѣка, во время своего третьяго и послѣдняго кругосвѣтнаго путешествія, возъимѣлъ намѣреніе проникнуть по ту сторону Берингова пролива (1778) и обогнуть, гдѣ только можно, берега Азіи и Америки. Но тутъ ему заслопили путь громадныя массы льду, такъ что всѣ старанія знаменитаго мореплавателя ограничились только открытіемъ сѣвернаго берега Америки до Ледовитаго мыса, а по ту сторону азіатскаго Восточнаго мыса, проѣхалъ онъ небольшую часть берега Сибири. Когда Кукъ былъ умерщвленъ на Сандвичевыхъ островахъ, то въ слѣдующемъ году, его преемникъ, капитанъ Клеркъ, опять предпринялъ путешествіе на сѣверъ, но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и вернуться обратно черезъ Беринговъ проливъ; послѣ этого снова наступилъ періодъ затишья и ни одинъ корабль долгое время не показывался въ водахъ Ледовитаго моря.

Сѣверный Ледовитый океанъ представляетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, крайне странное явленіе. Мореплаватели, преслѣдующіе съ большимъ рвеніемъ намѣченную цѣль и желающіе вырвать отъ океана его завѣтныя тайны, никогда не имѣютъ успѣха; океанъ отталкиваетъ ихъ со всею своею силою; напротивъ-же того, для тѣхъ, которые являются въ его царство съ цѣлью ловли китовъ, на тѣхъ онъ взираетъ благосклонно и сглаживаетъ для нихъ путь. Такимъ образомъ, въ 1806 году 24 мая, Скорезби, ученый китоловъ, достигъ самаго сѣвернаго, извѣстнаго въ то время, пункта на Ледовитомъ океанѣ (81° с. ш. и 19° вост. долг.), между Грен-

ландіею и Шпицбергеномъ. Конецъ сплошной массы льда отодвинулся тогда на сѣверъ и, на сколько можно было разсмотрѣть въ подзорную трубу, далеко виднѣлось полное отсутствіе льдинъ; даже за цѣлыя мили, по ту сторону, видимаго горизонта не было замѣтно твердой земли, покрытой снѣгомъ, которая могла-бы воспрепятствовать ходу корабля. Гудзонъ и Мульгрэвъ, вѣроятно, отдали-бы все на свѣтѣ, лишь-бы только видѣть передъ собою такое открытое, свободное отъ льдинъ, море; но на Скорезби лежали другія обязанности, которыя онъ долженъ былъ привести въ исполненіе; онъ обязанъ былъ преслѣдовать меркантильную цѣль и не могъ забывать ее, ради научной любознательности или ради славы изслѣдователя; такимъ образомъ, онъ и рѣшился устоять противъ заманчивости открытаго моря и занялся своею спеціальностью. Но и его положеніе было таково, что надъ нимъ приходилось призадуматься: кругомъ необозримый океанъ, вода и небо; не было ни одной удобной гавани, не виднѣлось ни одного корабля, который, въ случаѣ нужды, могъ-бы оказать ему посильную помощь. Море начинало замерзать. Кто могъ знать, не превратитъ-ли, усиливающійся, день ото дня, холодъ всю эту водную поверхность въ твердую и сплошную кристаллическую массу, изъ которой нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія.

Это путешествіе Скорезби, хотя и не принесло никакихъ плодовъ на алтарь науки, но все-же обратило на себя вниманіе опытныхъ мореплавателей, стремившихся къ таинственному сѣверному полюсу; по окончаніи большой европейской войны, когда Англія снова могла предаваться своимъ любимымъ мечтамъ о новыхъ открытіяхъ, опять были посланы въ Ледовитое море двѣ различныя экспедиціи. Въ данномъ случаѣ, льстили себя надеждою достичь недостижимаго; въ предъидущіе годы посылалось много экспедицій на югъ въ Атлантическій океанъ, гдѣ надѣялись найти открытое море подъ болѣе высокими широтами, чѣмъ въ сѣверномъ полушаріи.

Такимъ образомъ, въ 1818 году Бучэнъ и Франклинъ, исполненные самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, отправились въ Полярное море и уже мысленно представляли себѣ, какъ они очутятся въ Беринговомъ проливѣ. Но и имъ, подобно Мульгрэву и Гудзону, пришлось натолкнуться, къ сѣверо-западу отъ Шпицбергена, на такія-же преграды, которыя воспрепятствовали дальнѣйшему путешествію Мульгрэва и Гудзона. Нѣсколько разъ, пытались они пробиться между плавучихъ льдинъ и, всякій разъ, имъ навстрѣчу неслись новыя массы плавучихъ ледяныхъ скалъ, облегавшихъ ихъ корабль и грозившихъ имъ неминуемою гибелью.

Но ихъ положеніе стало еще ужаснѣе, когда сильный, порывистый вѣтеръ сталъ ихъ гнать къ главнымъ ледянымъ массамъ.

«Нѣтъ словъ»,—говоритъ капитанъ Бичей, которому мы обязаны образцовымъ описаніемъ этого замѣчательнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, путешествія, — «изобразить ужасную борьбу, происходившую между льдомъ и бурнымъ океаномъ. Повсюду, гдѣ только разъяренное море поднимаетъ свои, вышиною съ гору, волны противъ какого-нибудь неподвижнаго предмета—берега или утеса, представляется удивительное грандіозное зрѣлище; но если это-же море поднимаетъ свои волны противъ такихъ массъ, которыя сами находятся въ движеніи, то эффектъ возвышается еще болѣе. Въ одно мгновеніе эти волны точно поглощаютъ ледяныя громады, втягивая ихъ въ свою глубину; но еще мгновеніе и эти самыя массы льда опять всплываютъ на поверхность, теченіе волнъ съ пѣнистымъ гребнемъ отбрасывается отъ вершинъ этихъ громадъ и каждая отдѣльная масса этихъ льдинъ колышется, туда и сюда, въ своемъ ложѣ, толкаетъ своихъ сосѣдей, вертится, крутится, пока не распадется на болѣе мелкія части. И такая исполинская борьба не ограничивается однимъ какимъ-либо пунктомъ, нѣтъ, такая-же грандіозная сцена повторяется въ безчисленномъ разнообразіи на всемъ протяженіи вашего кругозора.

Если когда-либо испытывалось мужество и стойкость мореплавателей, то это именно и было въ данномъ случаѣ. Далѣе разсказчикъ продолжаетъ: «Я никогда не забуду какимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ голосомъ отдавалъ приказанія командиръ (лейтенантъ Франклинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи такимъ знаменитымъ и всѣми уважаемымъ человѣкомъ) и съ какою поспѣшностью и ловкостью экипажъ исполнялъ эти приказанія».

Корабль летѣлъ по вѣтру; рѣшительная минута приближалась все болѣе и болѣе. Притаивъ дыханіе, всѣ готовятся къ ужасному столкновенію. Судно затрещало, точно должно было распасться на части; паруса надувались, а мачты гнулись, и судно стало нести назадъ. Правда въ этой ледяной стѣнѣ образовалась уже большая трещина, но сильныя волны откинули судно къ сторонѣ, непокрытаго льдомъ, моря. Отдѣльныя льдины ударялись о бока корабля, точно ихъ бросала исполинская рука; но какъ судно вынесетъ подобные толчки. Кажется, что и самыя мачты должны сломаться подъ тяжестью надувшихся парусовъ, но все-же необходимо увеличить ихъ число и тѣмъ придать болѣе силы судну, чтобы оно могло глубже врѣзаться въ льдину и разломать ее. Это очень

трудный маневръ, но для такихъ моряковъ, какіе были на этомъ суднѣ, казалось, ничто не представляло затрудненій. Судно повинуется своему командиру, какъ конь слушается своего всадника; медленно поворачивается оно и принимаетъ такое положеніе, какое необходимо для того, чтобы носъ корабля врѣзался въ льдину, разломалъ-бы эту массу, толщиною въ 14 футовъ и, такимъ образомъ, устранилъ-бы это ужасное препятствіе, удалясь въ безопасный брустверъ, который охранялъ-бы судно отъ толчковъ, всплывающихъ на поверхность, льдовъ и, такимъ образомъ, оно спокойно выждало-бы, въ созданной льдинами бухтѣ, окончанія этой яростной бури.

Но о дальнѣйшемъ путешествіи нечего было и думать; нужно было только добраться до Шпицбергена, гдѣ надлежало починить испортившееся судно и потомъ обратно отправиться домой.

Почти одновременно съ Бучэномъ и Франклиномъ, старый капитанъ, Джонъ Россъ, бывшій на королевской службѣ съ 1790 г., также отправился въ путь для изслѣдованія Баффинова залива, куда никто не заѣзжалъ со времени его открытія. Но выборъ начальника былъ неудаченъ; хотя Россъ и былъ старымъ моряком, но онъ не обладалъ ни свѣдѣніями, ни опытностью, ни терпѣніемъ—качествами, необходимыми для такого предпріятія. Россъ хотя и объѣхалъ Баффиновъ заливъ, но вмѣсто того, чтобы изслѣдовать широкіе зунды Смита, Іона и Ланкастера, онъ подошелъ къ первому, едва на разстояніи 60 англ. миль, посмотрѣлъ на второй почти на такомъ-же разстояніи, а въ третьемъ проѣхалъ только небольшое пространство. Обманутый миражемъ, онъ увидѣлъ передъ собою цѣпь высокихъ горъ, которыя онъ назвалъ Croker Mountains и полагая, что тутъ не можетъ быть прохода, поспѣшилъ, къ большому неудовольствію офицеровъ, оставить каналъ и возвратиться въ Англію, гдѣ его ожидали неудовольствія и насмѣшки.

Въ слѣдующемъ году, спутникъ и помощникъ Росса, Эдвардъ Парри долженъ былъ довершить несдѣланное и прежде всего изслѣдовать Зундъ Ланкастера. Путешествіемъ Парри начинается рядъ новѣйшихъ открытій въ сѣверномъ Полярномъ морѣ. Парри именно былъ созданъ для такого предпріятія; и никто не умѣлъ лучше его завладѣть сердцами и пріобрѣсти полное довѣріе своихъ подчиненныхъ. Послѣдніе были убѣждены, что должны слѣпо повиноваться ему, и что подъ его начальствомъ хорошее судно и дѣльные матросы могутъ совершить великіе подвиги.

31-го Іюля 1819 года, Парри достигъ входа въ зундъ Ланка-

стера и вскорѣ исчезли фантастическія горы, открытыя Россомъ, потому-что 4-го августа «Гекла» и «Гриперъ» уже на 3° перешли за пространство, назначенное этимъ горамъ. Проливъ Баррова, такъ былъ названъ новооткрытый каналъ, былъ почти свободенъ отъ льдовъ, но отъ острова Леопольда потянулись къ сѣверу кристальныя массы льда. Парри, путь котораго здѣсь былъ прегражденъ, а энергическій характеръ не позволялъ дожидаться, пока лѣтнее тепло не взломаетъ льдинъ, и потому онъ направился южнѣе и вошелъ къ проливъ Регента. Но и здѣсь 8 августа толстая ледяная банка, которая тянулась отъ одного берега до другого, помѣшала дальнѣйшему плаванію. Оставалось выбрать одно изъ двухъ: или дожидаться, пока солнце, вѣтеръ и теченіе удалятъ препятствіе, или-же немедленно еще разъ попытаться на сѣверѣ. Парри предпочелъ послѣднее. Плывя къ сѣверной сторонѣ пролива Баррова (счастіе всегда бываетъ на сторонѣ смѣлаго), 20 августа онъ нашолъ узкій фарватеръ между льдомъ и землей. Слѣдуя ему къ западу, онъ прошелъ мимо Велингтонова пролива и достигъ 1 сентября острова Мильвиля, гдѣ нашолъ изобиліе животной жизни. Здѣсь видѣли сѣверныхъ оленей и пахучихъ быковъ; стаи гусей и утокъ летѣли къ сѣверу. 4 сентября подъ 74° с. ш. перерѣзали меридіанъ 110 зап. долг. отъ Гринвича, за что отъ парламента уже была назначена премія въ 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Этотъ успѣхъ еще болѣе побудилъ Парри постараться достигнуть 130° зап. долг., за что была обѣщана вторая награда. Но уже на слѣдующій день, непроницаемыя массы льда замкнули проходъ, и здѣсь подъ 110 западной долготы, Парри, въ первый разъ, какъ вышелъ изъ Англіи, спустилъ якорь. Утромъ 7 сентября, Георгъ Фифъ, главный лоцманъ Гринера, отправился съ шестью людьми во внутренность острова. Прошло двое сутокъ, и такъ какъ Фифъ взялъ провіанта всего на одинъ день, то полагали, что съ нимъ случилось какое-либо несчастіе. Тутъ трое товарищей вызвались отыскать заблудившихся, но сами сбились съ дороги и возвратились только къ 10 часамъ вечера, истощенные холодомъ и усталостью, не принеся никакихъ свѣдѣній. Поэтому 13 сентября, отправлены были четыре новыя партіи на поиски, которымъ удалось повстрѣчать путешественниковъ. Послѣдніе, хотя вытерпѣли многое, но не страдали отъ голода; они могли настрѣлять столько куропатокъ, сколько имъ было нужно.

Фифъ и его товарищи нашли на островѣ зеленые луга, мхомъ покрытыя равнины и прѣсноводное озеро, въ которомъ было множество форелей. Видѣли они также сѣверныхъ оленей и лосей и

спугнули много трусливыхъ полярныхъ зайцевъ. Но зима приближалась очень быстро и Парри счелъ за лучшее изъ открытаго моря войти въ гавань, мимо которой они проплыли нѣсколько дней передъ этимъ. 23 сентября бросили якорь у гавани, а термометръ упалъ до—13° Р. Нужно было во льду 8—9 вершковъ толщиной пробить каналъ въ 15000 футовъ длиной, черезъ который слѣдовало провести корабль въ самую гавань. Во время этой работы, экипажу выдавалась двойная порція солонины и рома, но экипажъ и заслужилъ такую прибавку; вся работа была окончена въ теченіи трехъ дней.

Теперь Британцамъ пришлось провести 10 мѣсяцевъ среди льдовъ; но Парри умѣлъ и здѣсь сдѣлать такъ, что ни прежде, ни послѣ него не было лучшей зимовки на крайнемъ сѣверѣ. Парри обращался съ матросами, какъ отецъ съ дѣтьми, не упуская изъ виду ничего, что могло принести имъ пользу.

Ежедневно, въ хорошую погоду, люди должны были выходить на чистый воздухъ на охоту, или заниматься устройствомъ высокой снѣжной плотины вокругъ корабля. Если-же полярный вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ, то на палубѣ, подъ крышею, сдѣланною изъ ваточныхъ одѣялъ, подъ звуки органа или пѣсни, которую запѣвалъ самъ Парри, весь экипажъ долженъ былъ маршировать. Что бы отогнать скуку, которая такъ часто отворяетъ двери неудовольствіямъ и болѣзнямъ, Парри устроилъ школу, гдѣ преподаваніе полезнаго занимало нѣсколько часовъ, а для отдыха основалъ газету «The Winter Chonicle or New Georgia Gazett» и устроилъ театральныя представленія, которыя съ 5 ноября повторялись черезъ каждыя двѣ недѣли. Первое представленіе прошло превосходно, и конечно ни въ одномъ театрѣ въ мірѣ не смѣялись такъ отъ души, какъ здѣсь, на прохладной палубѣ Геклы, когда играли «Miss in her teens». Для представленія 23 декабря самъ Парри сочинилъ пьесу, предназначенную для того, что бы оживить надежды мореплавателей. Пьеса была въ трехъ актахъ, дѣйствіе происходило въ будущемъ. Въ первомъ актѣ корабли, пройдя черезъ Беринговъ проливъ, пристаютъ къ Камчаткѣ; во второмъ, счастливые мореплаватели возвращаются въ Лондонъ, получаютъ премію въ 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ и дѣлятъ ее между собой. Въ третьемъ актѣ, чрезвычайно живо представлено, какъ храбрые моряки легкомысленно проматываютъ на лондонскихъ улицахъ деньги, заработанныя такимъ трудомъ въ арктическомъ поясѣ. Можетъ быть, многія пьесы, написанныя на разныя случаи, лучше этой,

но, конечно, ни одна не сравнится съ ней по оригинальности обстановки.

Не менѣе заботливо наблюдалъ Парри за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ; онъ зналъ, какая сила почерпается въ молитвѣ. Какъ удались эти мѣры можно видѣть изъ дневника, бывшаго при экспедиціи, медика Фишера.

«Первый день Рождества», говоритъ онъ, «хотя замурованные въ полярныхъ льдахъ, мы провели такъ весело и пріятно, какъ на родинѣ, жалѣя только, что съ нами не было нашихъ семей. Пили и ѣли столько, сколько могли при нашемъ веселомъ настроеніи. У насъ былъ превосходный ростбифъ и прекрасный портвейнъ; мы были здоровы и такая пища доставляла намъ удовольствіе.

Въ мартѣ, когда холода стали нѣсколько ослабѣвать, показалась цинга, но энергичныя мѣры побѣдили ее. Парри изо всѣхъ силъ старался выращать въ своей каютѣ горчицу и кроссъ для экипажа.

Наконецъ, наступилъ май со своимъ длиннымъ непрерывнымъ днемъ крайняго сѣвера; но еще цѣлые мѣсяцы ледъ оставался неподвиженъ въ гавани; у Парри было достаточно времени для изслѣдованія внутренности острова. Только 1 августа корабли на буксирѣ были выведены изъ гавани; передъ ними открылся широкій фарватеръ, Въ теченіи 26 дней Парри старался проникнуть въ одинъ изъ западныхъ проходовъ, но даже и для такого человѣка это оказалось невозможнымъ; нельзя было пробиться сквозь громадныя массы льда, которыя, ударяясь о корабли, грозили имъ гибелью. Такимъ образомъ, всѣ дальнѣйшія попытки плыть въ этомъ направленіи были оставлены и воспользовались свѣжимъ западнымъ вѣтромъ, который быстро погналъ корабли къ востоку. Скоро Мельвилевъ островъ скрылся изъ глазъ; но прежде чѣмъ возвратиться въ Англію, Парри захотѣлъ еще разъ изслѣдовать проливъ Регента, который, однако, нашелъ совершенно затертымъ льдомъ. Можно себѣ представить съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили Парри, когда онъ 3 ноября вошелъ въ лондонскую гавань. Онъ разомъ сталъ полубогомъ у народа и его имя ставили выше всѣхъ другихъ адмираловъ. Одновременно съ Парри, не менѣе знаменитый мореплаватель, Джонъ Франклинъ, отправился въ Сѣверную Америку, чтобы здѣсь сухимъ путемъ разрѣшить вопросъ о сѣверозападномъ проходѣ. Франклину сдѣлали предложеніе плыть внизъ по Мѣдной рѣкѣ, которую никто не посѣтилъ со временъ Геарна, а отсюда, къ востоку, изслѣдовать берега полярнаго моря. О бѣдствіяхъ Франклина, перенесенныхъ въ это путешествіе, можно было-бы написать цѣлую книгу. Экспедиція не-

дѣлями страдала отъ голода на пути отъ мыса Турнганна, крайней точки, открытой Франклипомъ, на полярномъ берегу, къ форту Энтерпризу. Обыкновенно, питались лишаемъ—tripe de roche; но нерѣдко должны были довольствоваться сапогами и жареными костями. Однажды нашли остовъ сѣвернаго оленя, волки и хищныя птицы обглодали мясо, но оставалось небольшое количество спиннаго мозга, и хотя онъ испортился и былъ такъ ѣдокъ, что губы покрылись язвами, но все-таки онъ показался превосходнымъ кушаньемъ. Проведя въ упомянутомъ фортѣ Энтерпризѣ 18 голодныхъ дней, и, потерявъ почти всѣхъ своихъ спутниковъ, умершихъ отъ истощенія, Франклинъ только 7 ноября 1821 г. вмѣстѣ съ д-ромъ Ричардсономъ и матросами Гепбурномъ и Адамомъ были спасены индійцами, которыхъ выслалъ съ припасами другъ и товарищъ Франклина, Георгъ Бакъ. Съ жадностью ѣли путешественники хорошее сушеное оленье мясо и превосходные языки, но за свою неосторожность поплатились страшною болью въ желудкѣ (о предшествовавшемъ голодѣ врачъ Ричардсонъ совершенно забылъ). Стоитъ упомянуть, что путешественники, во время сильнаго голоданія, часто видятъ во снѣ, что ѣдятъ и пьютъ: сонъ уменьшалъ ихъ страданіе и природа даже въ отчаянномъ положеніи можетъ давать радости.

Второе путешествіе, предпринятое Парри въ 1821, году имѣло цѣлью изслѣдовать, не существуетъ-ли между Rowe—Welcome или Repulse Bai на сѣверѣ Гудзонова моря и открытаго самимъ Парри пролива Регента, водпаго сообщенія, которое, находясь южнѣе пролива Баррова, должно было-бы открыть болѣе удобный путь на западъ. Лѣтомъ 1821 года, обслѣдованъ островъ Судгамптопъ, бухта Репульзи и проливъ Фроценъ, и потомъ путешественники на зиму ввели корабли въ открытую бухту небольшаго зимняго острова, къ югу отъ полуострова Мельвиля. Здѣсь частыя посѣщенія эскимосовъ нѣсколько нарушили однообразіе зимы. Между этими дикарями особенно отличалась свѣтлымъ умомъ дѣвушка, по имени, Иглооликъ. Ея смѣтливость была такъ велика, что она сдѣлалась переводчицей между англичанами и своими соплеменниками; такъ хорошо поняла она значеніе географическихъ картъ, что къ удовольствію и удивленію Парри, сама начертила большой Мельвилевъ полуостровъ, и отдѣляющій его отъ острова Кокбурна, каналъ. Эти данныя, полученныя отъ дикарки, не мало укрѣпили надежды моряковъ, которые, лишь только корабль освободился ото льда, что впрочемъ не случилось ранѣе 8 іюля, поспѣшили на дѣлѣ узнать насколько эти свѣдѣнія вѣрны. Испытавъ страшныя опасности, достигли, наконецъ,

небольшаго острова, положеніе котораго эскимоска совершенно вѣрно обозначила на картѣ: Парри изъ благодарности назвалъ этотъ островъ Иглооликъ. Далѣе, проливъ былъ совершенно загроможденъ громодными льдинами, такъ что нельзя было ожидать, чтобы онѣ растаяли въ этомъ году; Парри тотчасъ-же отправился сухимъ путемъ, для изслѣдованія канала между полуостровомъ Мельвилемъ и островомъ Кокбурномъ. Многое обѣщалъ этотъ каналъ на будущее лѣто и Парри отъ радостнаго предчувствія назвалъ его «проливомъ Геклы и Фьюри»; онъ возвратился потомъ къ своимъ судамъ, которыя у острова Иглооликъ стали уже на зимовку. Холодъ былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году; ледъ образовался даже въ печныхъ трубахъ, хотя печи топились день и ночь. Съ наступленіемъ лѣта оказалось, что нужно отказаться отъ намѣренія проникнуть далѣе къ западу; здоровье экипажа слишкомъ было ненадежно, чтобы рѣшиться на третью перезимовку. Только 9 августа, послѣ 319 дневнаго заключенія, освободились корабли ото льда; такъ какъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ, для плаванія оставалось всего не болѣе 6 недѣль, то Парри немедленно рѣшился возвратиться въ Англію, гдѣ его продолжительное отсутствіе уже возбудило сильное безпокойство.

Въ 1824 году снова снарядилось нѣсколько экспедицій, чтобы съ различныхъ пунктовъ продолжать арктическія открытія.

Капитанъ Лайонъ, бывшій спутникомъ Парри въ только что описанномъ путешествіи, получилъ приглашеніе изслѣдовать Мельвилевъ полуостровъ и окружающіе его проливы, и если возможно достигнуть Мыса Турнагаина, открытаго Франклиномъ. Задача была далеко не легкая, тѣмъ болѣе, что для ея выполненія корабль былъ слишкомъ старъ. Изъ Англіи вышли только 20 іюня, слѣдовательно, опоздали на цѣлый мѣсяцъ; уже наступилъ конецъ августа, прежде нежели «Гриперъ» обогнулъ южную оконечность острова Судгамитона и вошелъ въ проливъ Rowe-Welcome.

Но здѣсь встрѣтили мореплавателей страшныя бури, порвавшія всѣ якорные канаты у корабля, такъ что думать о дальнѣйшихъ открытіяхъ было-бы нелѣпостью и нужно было радоваться, что могли еще возвратиться въ Англію.

Въ томъ же году, Парри попытался въ третій разъ разрѣшить великій вопросъ, доставившій великую славу путешественнику. Парри пріобрѣлъ такую любовь и уваженіе къ себѣ своихъ спутниковъ, что лишь только онъ принялъ начальство надъ экспедиціей, какъ немедленно собрались всѣ его спутники. На этотъ разъ должны были испытать счастье черезъ проливы Баррова и Принца Регента.

Съ половины іюля мѣсяца до половины сентября судамъ пришлось долго бороться съ страшными массами льда въ Баффиновомъ заливѣ; корабли съ менѣе прочными боками навѣрно сто разъ были-бы разбиты льдами. Весь августъ стояли туманы, шли дожди и снѣгъ и только 10 сентября, Парри могъ только достичь до зунда Ланкастера, который былъ болѣе свободенъ ото льда. Но скоро образовался новый ледъ, утолщающійся ежедневно, онъ окружилъ корабли и ихъ снова снесло западно-восточнымъ теченіемъ въ Баффиновъ заливъ. Неутомимая настойчивость и сильный восточный вѣтеръ дали возможность Парри вознаградить потерянное пространство и 27 сентября, онъ достигъ входа въ портъ Боуэнъ на восточномъ берегу пролива Регента, гдѣ Парри рѣшился провести зиму. 131 день термометръ не поднимался выше—14° Р; 121 день длилась зимняя ночь.

Только 19 іюля, корабли отошли ото льдовъ и Парри направился вдоль берега Нортъ-Сомерсета, чтобы посмотрѣть не найдется-ли здѣсь открытаго пути.

Въ началѣ, узкій протокъ воды между берегомъ и льдами позволялъ плыть дальше, но 28 іюля массы льда поплыли къ землѣ и стало невозможно управлять кораблями. «Фьюри» отъ сильныхъ толчковъ такъ повредился, что послѣ 25 дневныхъ безплодныхъ усилій принуждены были вырубить во льду небольшую гавань для починки этого судна; но это не помогло, нужно было бросить корабль.

Въ такихъ неудачахъ прошла большая часть лѣта и Парри возвратился въ Англію, совершивъ самое безплодное изъ своихъ путешествій.

Читатель помнитъ бѣдствія, претерпѣнныя Франклиномъ, Ричардсономъ и Бакомъ, во время предпринятаго ими, въ 1819 году, сухопутнаго путешествія, когда имъ пришлось почти два мѣсяца бороться съ голодомъ; но тѣмъ не менѣе, въ 1825 году, мы снова видимъ тѣхъ-же трехъ героевъ на пути къ тѣмъ-же сѣверо-американскимъ берегамъ.

Наученные горькимъ опытомъ, путешественники, на этотъ разъ, приняли лучшія мѣры, передъ тѣмъ какъ пустились въ неизвѣстную пустыню; экспедиція, прежде чѣмъ остановиться на зимовку въ фортѣ «Франклинъ» (такъ названа была хижина, построенная на берегу большаго Медвѣжьяго озера), уже изслѣдовали рѣку Мекензи до моря. Лишь только, на слѣдующее утро, рѣка взломала льды, какъ англичане отправились въ путь на четырехъ лодкахъ,

а тамъ, гдѣ Мекензи, дѣлится на различные рукава, раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Франклина и Бака должна была обогнуть берега къ западу, другая подъ начальствомъ Ричардсона, изслѣдовать берега къ востоку.

У западнаго устья Мекензи, Франклинъ 7 іюня встрѣтилъ толпу эскимосовъ, которые разграбили его лодки; только рѣшимостью и осторожностью удалось ему, наконецъ, отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ гостей. Послѣ этого Франклинъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ скучномъ и затруднительномъ плаваніи на лодкѣ и не могъ итти далѣе мыса Бака, такъ какъ осторожность требовала возвратиться назадъ.

21 Сентября, Франклинъ, въ фортѣ своего имени, снова встрѣтился съ Ричардсономъ; послѣдній съ своей стороны обогнулъ берега до противуположной стороны канала, который, по именамъ своихъ лодокъ, назвалъ проливомъ «Dolphin et Union». Въ фортѣ Франклинѣ зима была такъ сурова, что термометръ одинъ разъ опустился до—44°Р; но такъ какъ не было недостатка въ хорошей пищѣ, то все общество пользовалось здоровьемъ, а зиму провели пріятнымъ образомъ.

Д-ръ. Ричардсонъ читалъ своимъ спутникамъ лекціи практической геологіи, а Друммондъ преподавалъ естественную исторію. Рѣдко на такой сѣверной и пустынной точкѣ земного шара удастся послужить наукѣ словомъ.

Нельзя не упомянуть, что Франклинъ, уѣзжая изъ Англіи, оставилъ свою первую жену на смертномъ одрѣ; она скончалась на другой день послѣ отъѣзда знаменитаго мореплавателя. Съ геройскою настойчивостію она требовала, чтобы не откладывать отъѣзда и умоляла мужа, ради ея собственнаго спокойствія, и ради его славы, не мѣшкать ни минуты. Можно вообразить себѣ, съ какимъ чувствомъ Франклинъ водрузилъ на мысѣ Св. Георга шелковое знамя, подаренное ему женой на прощаньѣ, съ просьбою развернуть знамя не иначе, какъ на берегу полярнаго моря.

Въ то время, какъ Парри и Франклинъ, такимъ образомъ, стремились къ западу, капитанъ Бичей получилъ предложеніе итти къ нимъ на встрѣчу отъ Берингова моря, чтобы доставить имъ жизненные припасы, а самому моремъ возвратиться въ свое отечество; но такое дѣло легче предпринять, чѣмъ исполнить. Поэтому неудивительно, что «Блосомъ», прійдя на мѣсто свиданія въ бухту Эшольца на островѣ Шамиссо, не нашелъ тамъ Франклина. Однако-же, немногаго недоставало, чтобы Бичей встрѣтилъ впослѣдствіи

Франклина на берегу Ледовитаго моря, такъ какъ высланный на вывозъ ботъ достигъ мыса Барровa, около 126 англійскихъ миль къ сѣверо-западу отъ Ледянаго мыса и только въ 150 миляхъ отъ самой крайней западной точки, до которой въ то-же время дошелъ Франклинъ отъ устья Мекензи.

Въ 1826 году, Парри предпринялъ, исполненное приключеній путешествіе, которое когда-либо приходило на умъ человѣку, или которое, когда-либо, могло привести въ исполненіе самое отмѣнное мужество человѣка. Его корабль «Гекла» долженъ былъ довести его только до полярныхъ льдовъ, а оттуда онъ долженъ былъ пуститься въ путь на устроенныхъ особаго рода экипажахъ, которые-бы одновременно служили-бы и лодками и санями и, такимъ образомъ, достигнуть полюса. Эти сани-лодки были длиною въ 20 ф. и шириною въ 7 футовъ и съ плоскимъ днемъ; но такъ какъ ожидались сильные толчки, то доски дна были еще скрѣплены войлокомъ, обтянутымъ непромокаемой парусиной. По обѣимъ сторонамъ киля были устроены полозья. Воображали, что на этихъ саняхъ можно будетъ проѣхать по сплошному льду къ сѣверному полюсу, и съ этою цѣлью взяли въ Гаммерфестѣ восемь сѣверныхъ оленей и большой запасъ любимой пищи этихъ животныхъ; но какъ мореходы были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ! Вмѣсто ровной хорошей дороги они увидѣли бугроватую поверхность, которая была хуже самой скверной сухопутной дороги; тогда олени оказались совершенно непужными и ихъ убили, а экипажу пришлось исполнять то роль упряжныхъ животныхъ и тащить за собою сани, то роль гребцовъ, гдѣ были полыньи. Тридцать три дня экипажъ работалъ безъ устали и быть можетъ и достигли-бы берега, но они вздумали добраться до цѣли своего путешествія на льдинѣ, которую все относило къ югу. Но Парри все-же достигъ такой широты — 82°, которой еще не достигалъ никто.

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что Джемсъ Россъ, который впослѣдствіи достигъ болѣе высшей широты въ южномъ полушаріи, также сопровождалъ Парри во время этого путешествія.

На ихъ обратномъ пути къ кораблю, который дожидалъ ихъ въ одной изъ самыхъ безопасныхъ бухтъ Шпицбергена, этимъ смѣлымъ мореплавателямъ пришлось выдержать сильную бурю на открытомъ морѣ. Въ теченіи пятидесяти шести часовъ, носились они по яростнымъ волнамъ полярнаго моря въ своихъ жалкихъ скорлупкахъ, обсыпаемые снѣгомъ и обмываемые солеными волнами, но смѣло боролись за свою жизнь. Послѣ такого продолжительнаго утомленія

имъ удалось достигнуть одного острова, къ сѣверу, отъ Шпицбергена, гдѣ по счастью, они запаслись провіантомъ; но въ это время они были измучены до такой степени, что едва вытащили на берегъ свои лодки. Но теплый, сытный ужинъ, яркій огонь и прохладный воздухъ нѣсколько возстановили ихъ силы.

Намъ болѣе не придется встрѣтиться съ Парри между сѣверными мореплавателями, но прежде чѣмъ мы, совершенно простимся съ нимъ, представимъ читателямъ краткій обзоръ его дѣятельной жизни. Парри родился въ 1790 г.; отецъ его былъ морякъ и подготовилъ также и сына къ этой службѣ. Молодой Парри уже на 28 году своей жизни пріобрѣлъ извѣстность, открытіемъ острова Мельвиля. Съ 1829 по 1834 г. Парри жилъ въ Австраліи, занимая должность уполномоченнаго австралійской земледѣльческой компаніи. Въ 1837 году, онъ былъ занятъ устройствомъ морской почты, что составляло, въ то время, главную заботу адмиралтейства; затѣмъ Парри получилъ мѣсто главнаго смотрителя за машинами королевскихъ пароходовъ. Въ 1846 году Парри былъ назначенъ суперъ-интендатомъ большаго морскаго госпиталя въ Газларѣ, а потомъ начальникомъ знаменитаго Гринвичскаго госпиталя.

Адмиралъ сэръ Уильямъ Эдвардъ Парри скончался лѣтомъ 1855 года на минеральныхъ водахъ въ Эмсѣ; послѣдніе взоры этого человѣка, отворившаго ворота сѣвера, были устремлены на воды небольшаго мѣстнаго источника.

Старѣющійся Россъ (ему уже было 52 года) жилъ въ полномъ бездѣйствіи послѣ своего перваго неудачнаго путешествія. Слава Франклина и Парри не давали покоя Россу; ему непремѣнно нужно было исправить ошибки 1818 года; въ виду этого, онъ докучалъ адмиралтейству съ просьбами снарядить экспедицію въ Сѣверный океанъ; но адмиралтейство не соглашалось на это; но одно частное лицо, богачъ сэръ Феликсъ Бутъ, дало 17,000 фунтовъ стерлинговъ на снаряженіе корабля для экспедиціи на сѣверъ.

На эти деньги былъ купленъ небольшой пароходъ въ Ливерпулѣ; это судно назвали «Викторіею» и снабдили его провіантомъ на три года.

Выборъ судна былъ весьма неудаченъ, такъ какъ колеса парохода крайне неудобны для плаванія среди полярныхъ льдовъ; но за то былъ удаченъ выборъ помощника. Россъ взялъ къ себѣ въ помощники своего племянника Джемса Росса.

Джемсъ Россъ, открывшій впослѣдствіи землю Викторію въ южномъ полярномъ морѣ, сопровождалъ Парри въ его послѣднихъ

четырехъ путешествіяхъ, и уже провелъ въ арктическомъ поясѣ 14 лѣтнихъ и 8 зимнихъ компаній. Кромѣ всѣхъ качествъ, необходимыхъ для моряка, онъ обладалъ еще свѣдѣніями естествоиспытателя; ему одному наука обязана тѣмъ, что было для нея сдѣлано во время этого путешествія. Оно много болѣе извѣстно открытіемъ полуострова Boothia Felix, точнымъ изслѣдованіемъ западнаго берега пролива принца Регента, открытіемъ неизвѣстныхъ дотолѣ береговъ на протяженіи 700 англійскихъ миль и открытіемъ магнитнаго полюса, чѣмъ неслыханною продолжительностью (путешествіе длилось пять лѣтъ) и удивительными приключеніями, происшедшими въ это время.

10 августа 1829 года, «Викторія» вошла въ проливъ принца Регента, а 13 числа того-же мѣсяца, достигла, гдѣ Парри, во время своего третьяго путешествія бросилъ «Фьюри»; правда, отъ судна не осталось и слѣдовъ, но всѣ запасы найдены въ цѣлости. Герметически закупоренныя, жестяныя коробки спасли эти припасы отъ прожорливыхъ медвѣдей; мука, ромъ, хлѣбъ и сахаръ, несмотря на то, что пролежали четыре года, были также хороши, какъ и въ тотъ день, когда ихъ закупорили въ эти жестяныя коробки.

Экспедиція обязана своимъ спасеніемъ этой находкѣ; безъ нея они не могли бы перезимовать четыре раза въ этой арктической пустынѣ.

15 августа, экспедиція достигла мыса Гарри, самый южный пунктъ видѣнный Парри во время его третьяго путешествія.

Но плаванію много мѣшали туманы и массы плывучаго льда; Россъ, хотя медленно, но все-же подвигался къ югу такъ, что около половины сентября было нанесено на карту около 500 миль новооткрытыхъ береговъ. Но зима скоро наступила и кораблю пришлось дожидаться слѣдующаго лѣта, въ бухтѣ, которую назвали Феликсъ Горбуръ. Здѣсь выбросили за бортъ совершенно безполезную машину, чтобы избавить судно отъ излишней тяжести; моряки, между тѣмъ, старались провести суровое время года, на сколько возможно пріятнѣе. На слѣдующую весну, отъ 17 мая до 13 іюня, Джемсъ Россъ совершилъ путешествіе на саняхъ, во время котораго онъ открылъ зундъ короля Вильгельма и земли того-же имени. Отважный путешественникъ такъ далеко зашелъ къ западу, что на возвратный путь, въ 200 англійскихъ миль, по обнаженной пустынѣ, оставалось всего на десять дней провизіи, которую пришлось развѣшивать по самымъ небольшимъ порціямъ.

Послѣ двѣнадцатимѣсячнаго заключенія «Викторія» снова по-

плыла по водамъ; но свобода этого судна длилась очень недолго. «Викторіи» постоянно приходилось бороться и со льдинами и съ теченіемъ; она прошла всего только три англійскихъ мили и ее снова заковало льдомъ; это было 23 сентября.

Весь октябрь мѣсяцъ употребили на то, чтобы укрыть судно гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ, а мореплавателямъ снова пришлось провести здѣсь суровую зиму.

На слѣдующую весну Джемсъ Россъ снова занялся экскурсіями и въ одну изъ такихъ экскурсій удалось водрузить британскій флагъ въ сѣверномъ магнитномъ полюсѣ. Впрочемъ, изъ послѣдующихъ открытій оказалось, что это подвижная точка внутри полярнаго круга. 23 августа, послѣ 11-мѣсячнаго заключенія, наконецъ, выбуксировали «Викторію» изъ зимней стоянки въ открытое море; но ей пришлось проплыть всего четыре англійскихъ мили въ теченіе цѣлаго мѣсяца, такъ какъ ее снова заковало льдомъ и тутъ пришлось провести *третью* арктическую зиму, которая была ужаснѣе двухъ предъидущихъ, тѣмъ болѣе, что провіантъ уже замѣтно уменьшился.

Такимъ образомъ, мореплавателямъ удалось сдѣлать всего семь миль, и потому надежда на «Викторію» была очень плохая, на ней нельзя даже было вернуться и въ Англію; рѣшено было бросить это судно, не ожидая въ проливѣ, пока наступитъ лѣто, а раннею весною пуститься въ путь, воспользовавшись припасами и лодками, находившимися въ бухтѣ Фьюри, затѣмъ съ помощью этихъ лодокъ и припасовъ достигнуть Девисова пролива, гдѣ наши мореходы надѣялись встрѣтить китолововъ.

23 апрѣля 1832 года, по обычаю моряковъ, прибили гвоздями къ мачтамъ флаги «Викторіи» и простились на вѣкъ съ этимъ судномъ. Это сильно огорчило старика Росса, который, прослуживъ 42 года на 35 различныхъ судахъ, еще никогда не бросалъ своего судна на произволъ судьбы.

Теперь морякамъ пришлось перетаскивать провіантъ и лодки на громадное разстояніе и еще по неровному льду. Страшныя мятели задерживали путниковъ; кромѣ того, имъ приходилось дѣлать обходы тѣхъ мѣстъ, которыя оказывались непроходимыми.

Въ первый мѣсяцъ этого пѣшеходнаго путешествія, хотя разными обходами и прошли 329 миль, но по прямому направленію они сдѣлали не болѣе 30 миль.

Затѣмъ, Джемсъ Россъ отправился 9 іюня, захвативъ съ собою провіантъ и 14 людей изъ экипажа, осмотрѣть лодки и припасы

въ бухтѣ Фьюри; 25 іюня Джемсъ Россъ снова сошелся съ слѣдовавшей за нимъ экспедиціей, хотя въ бухтѣ и унесло приливомъ три лодки, но все-же тамъ оставалось достаточное количество лодокъ, а провіантъ весь былъ въ хорошемъ состояніи.

Далѣе, всѣ сошлись въ бухтѣ Фьюри 1 іюля; къ 1 августа были вычинены всѣ лодки и моряки отчалили отъ берега. Путешественникамъ пришлось выдержать продолжительную борьбу съ ловучими льдинами и только къ концу августа они достигли входа въ проливъ Баррова.

Къ несчастью, проливъ былъ запертъ ловучими льдами и, подождавъ до половины сентября открытія фарватера, экспедиція принуждена была вернуться въ бухту Фьюри; тамъ оставалось еще нѣсколько запасовъ и можно было рѣшиться перезимовать и въ четвертый разъ. На возвратномъ пути морякамъ пришлось вытащить лодки на берегъ въ заливѣ Беттн и все остальное пространство пройти пѣшкомъ. И только 7 октября, они достигли, сдѣланныхъ изъ парусовъ хижинъ, которыхъ, однако, не надѣялись найти въ цѣлости.

Вокругъ хижинъ устроили водяной валъ; въ такой хижинѣ, съ устроенною въ ней печкою, можно было прожить довольно удобно; но вслѣдствіе холодовъ и постоянныхъ бурь путешественники не могли выходить изъ жилищъ и сидѣли въ нихъ, какъ въ тюрьмѣ.

Появилась цинга и трое изъ моряковъ умерли въ февралѣ мѣсяцѣ отъ этой болѣзни. Ко всему этому еще прибавилось заботы о будущемъ, потому что если этимъ людямъ не удастся уѣхать на родину на слѣдующее лѣто, то всѣ непремѣнно должны погибнуть, потому что истощатся всѣ припасы.

Съ наступленіемъ весны перетащили всѣ запасы къ бухтѣ Беттн, гдѣ были оставлены лодки; хотя разстояніе не превышало 33 англ. миль, но на переноску припасовъ пришлось употребить почти цѣлый мѣсяцъ, потому что экипажъ ослабѣлъ отъ болѣзни, а переносимая ими тяжесть была очень велика, и приходилось восемь разъ совершать одинъ и тотъ-же путь. 12 іюля Россъ собрался со всѣми товарищами въ бухтѣ Беттн, и здѣсь онъ прождалъ цѣлый мѣсяцъ, пока море совершенно освободится отъ льдовъ.

Только 15-го августа, разчистилась узкая полоса воды и моряки, перенесшіе столько горя, рѣшились отправиться въ обратный путь. На слѣдующее утро, они достигли того мѣста до котораго, съ такимъ трудомъ доходили въ предъидущемъ году: здѣсь они шли между ледяными глыбами и только 17 августа они достигли широкой

поверхности пролива Баррова. Вскорѣ экспедиція обогнула мысъ Іоркъ и, подвигаясь впередъ то на веслахъ, то на парусахъ, она, наконецъ, 25-го августа достигла восточнаго берега острова Novy Bocerd; тутъ они переночевали въ хорошей гавани. Вдругъ рано утромъ раздался крикъ: «Корабль на морѣ»! Никогда еще, лодки не отчаливали съ такою поспѣшностью отъ берега и никогда матросы не гребли такъ сильно, какъ въ это, достопамятное для моряковъ, утро; но штиль и теченіе мѣшали имъ, а надежда смѣнялась отчаяніемъ; корабль можетъ исчезнуть и его уже нельзя будетъ догнать.

По нѣсколько часовъ спустя, на горизонтѣ снова показался парусъ; на этотъ разъ дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Замѣчательно, что судно спасшее экспедицію, было «Изабелла», на которомъ Россъ совершалъ свое первое арктическое путешествіе.

Экипажъ «Изабеллы» считалъ Росса уже давно умершимъ и не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ дѣйствительно стоитъ Россъ.

Но вотъ что разсказываетъ самъ Россъ объ этой сценѣ въ своихъ запискахъ:

«Каждый изъ насъ былъ голоденъ и нужно было накормить его, каждый былъ оборванъ и необходимо было его одѣть. Всѣмъ хотѣлось умыться, у всѣхъ длинная борода совершенно скрывала человѣческій образъ. Всѣ мылись, одѣвались, брились и ѣли—все это дѣлалось за разъ, а тутъ безконечные отвѣты и вопросы. Экипажу «Изабеллы» любопытно было узнать о нашихъ приключеніяхъ, а насъ, бѣдныхъ скитальцевъ, интересовали европейскія новости за послѣдніе четыре года.

«Наконецъ, всѣ нѣсколько успокоились; больнымъ роздали лѣкарство, здоровые разошлись по каютамъ.

«По немногіе изъ насъ могли уснуть на покойной койкѣ; за четыре года мы привыкли къ холодной постели, къ жесткому снѣгу или къ обнаженнымъ камнямъ. Я самъ былъ принужденъ встать съ постели и провести ночь въ креслахъ, другимъ было не лучше.

«Только одно время могло сгладить такую быструю и сильную перемѣну».

«Изабелла» пробыла нѣсколько времени въ Баффиновомъ заливѣ для китовой ловли и только 15-го октября 1833 года, достигла Гуля. Въ Англіи считали Росса и его спутниковъ умершими и ихъ встрѣтили теперь, точно возставшихъ изъ гроба. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Росса встрѣтили довольно холодно, но теперь на него посыпались всѣ почести; ему слали ордена, дипломы, медали.

Лондонъ, Ливерпуль и Бристоль избрали его въ свои почетные граждане, а англійскій парламентъ назначилъ ему пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ награду; народъ бѣжалъ за нимъ повсюду, гдѣ только онъ ни показывался.

Когда Россъ былъ заточенъ на крайнемъ сѣверѣ, въ Англіи не разъ слышались требованія послать къ нему на помощь. Нація сознавала, что она обязана протянуть руку помощи тѣмъ людямъ, которые жертвовали своею жизнью на служеніе наукѣ; нація вполнѣ сознавала еще и то, что британскій офицеръ, который водрузилъ англійскій флагъ въ неизвѣстныхъ дотолѣ странахъ, погибая тамъ отъ враждебной природы и людей, не долженъ умирать съ тою мыслью, что на его далекой родинѣ совершенно забыли его и не думаютъ о его спасеніи. Поэтому, когда капитанъ Бакъ, бывшій спутникъ Франклина, предложилъ свои услуги, быть начальникомъ экспедиціи, которая должна была отправиться для спасенія Росса, публика тотчасъ-же подписалась на четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ, необходимыхъ на издержки для снаряженія экспедиціи, которая должна была итти сухимъ путемъ, чтобы изслѣдовать и разыскивать слѣды погибшихъ, отъ устья еще никогда непосѣщенной европейцами Большой Рыбьей рѣки. Бакъ достигъ форта Resolution на Большомъ Невольничьемъ озерѣ, 8-го августа 1833 года, а 19-го августа того-же года направился по рѣкѣ Гоаръ Фроетъ все теченіе которой состоитъ изъ цѣпи пороговъ и водопадовъ; тащить-же лодку по берегу было рѣшительно невозможно, потому что вся эта прибрежная полоса была покрыта или густыми непроходимыми лѣсами или топкими болотами; но, наконецъ, затрудненія и препятствія возрасли до тихой степени, что спутники Бака рѣшительно потеряли всякое мужество; но самъ онъ не принадлежалъ къ числу такихъ людей, которыхъ пугаютъ опасности или препятствія, онъ старался ободрить своихъ, упавшихъ духомъ, бѣдныхъ спутниковъ, такъ что ему удалось достигнуть Айльмерскаго озера. Было отправлено трое людей съ лодкой для разысканія истока Большой Рыбьей рѣки изъ этого озера; но во время отсутствія посланныхъ, Бакъ случайно открылъ истокъ этой рѣки, вблизи своей стоянки, въ озерѣ Сэндъ Гилль. Съ радостью, съ какою нѣкогда Мунго Паркъ увидѣлъ впервые волны Нигера, опустился Бакъ на колѣни и съ удовольствіемъ напился чистой, какъ кристалъ, воды.

Но въ этомъ году уже было поздно думать о дальнѣйшемъ путешествіи, Бакъ вернулся къ Невольничьему озеру, тутъ спутники знаменитаго путешественника построили необходимыя для себя и для него

жилища (Fort Rèliance). Зима стояла суровая и холодная; кучи голодныхъ индійцевъ приходили сюда просить милостыни у европейцевъ. Конечно, невозможно было помогать всѣмъ этимъ людямъ, но все-же заплеснѣвшій хлѣбъ и копченое мясо, предназначавшееся собакамъ, спасли отъ голодной смерти многихъ изъ этихъ несчастныхъ индійцевъ; часто случалось, что Бакъ отдавалъ часть своего обѣда дѣтямъ, плакавшимъ отъ голода. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ пришло извѣстіе, что Россъ благополучно вернулся въ Англію, такъ что Баку теперь оставалось только изслѣдовать теченіе Большой Рыбьей рѣки и это путешествіе было сопряжено со многими затрудненіями; до того, пока лодка Бака поплыла по рѣкѣ—это было только 28 іюня—ее какъ и весь провіантъ приходилось тащить черезъ льдины и утесы на разстояніи 200 англійскихъ миль. По пустыннымъ-же берегамъ этой рѣки не растетъ ни деревьевъ, ни кустовъ, а въ самомъ ея руслѣ восемьдесятъ три порога слѣдуютъ одинъ за другимъ. Большая Рыбья рѣка течетъ на протяженіи 530 географическихъ миль и затѣмъ изливается въ Ледовитый океанъ, по ту сторону полярнаго круга. Но тутъ въ теченіе десяти дней кряду шелъ сильный проливной дождь, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ; мохъ и лишаи единственный горючій матеріалъ, имѣющійся въ той мѣстности, не загорался вслѣдствіе сырости; такъ что во все это время путешественники всего только одинъ разъ поѣли теплаго кушанья. Весьма понятно, что въ виду всѣхъ этихъ непріятныхъ обстоятельствъ, самые мужественные изъ спутниковъ Бака стали роптать на свою судьбу; имъ приходилось оставаться долгое время безъ воды, дрожать отъ холоду и кромѣ того еще вязнуть по самыя колѣни въ рыхломъ снѣгу.

И вотъ 15-го августа, они принуждены были возвратиться назадъ; но если было трудно плыть по теченію рѣки, то затрудненія удвоилось, когда пришлось плыть противъ теченія. Оставшійся складъ провіанта, на который путешественники возлагали свои надежды, былъ весь съѣденъ волками.

24-го сентября, пришлось бросить лодку, потому что стало невозможно перетаскивать ее черезъ ледяныя горы; теперь путешественникамъ пришлось совершить остальной путь, неся на себѣ по 75 фунт. тяжести. Они возвратились въ Fort Reliance поздно вечеромъ, 27-го сентября, послѣ четырехъ мѣсяцевъ отсутствія, вполнѣ довольные тѣмъ, что благополучно совершили такое трудное и опасное путешествіе. Впослѣдствіи Большую Рыбью рѣку назвали, въ честь открывшаго ее, рѣкою Бака и, безъ сомнѣнія, послѣдній вполнѣ

заслужилъ такую почесть своимъ мужествомъ и неустрашимостью.

Вначалѣ сентября 1835 г. Бакъ сталъ на якорь въ Ливерпульской гавани, но на слѣдующій годъ снова отправился въ полярное море. Баку предложили отправиться въ заливъ Repulse, а оттуда дойти сухимъ путемъ до пролива Регента, тогда какъ другая часть его людей должна была изслѣдовать путь къ сѣверу до проливовъ Фьюри и Геклы, а къ западу до мыса Турнагаина. Но ни одно изъ этихъ путешествій сухимъ путемъ, не имѣло успѣха; «Терроръ» затерло льдами, прежде, нежели онъ успѣлъ зайти въ проливъ Фроценъ. Въ половинѣ зимы, буря разбила ледъ и судно носилось по волнамъ съ декабря по іюль. Когда-же окончилась борьба со льдами, то «Терроръ», вслѣдствіе большихъ пробоинъ, едва былъ въ состояніи довезти экипажъ до его отечества по бурному океану; конечно, о новыхъ путешествіяхъ не могло быть и рѣчи.

Франклинъ и Бакъ во время своихъ путешествій открыли большую часть полярныхъ береговъ Сѣверной Америки; но все еще оставалось много неоткрытыхъ мѣстностей; въ виду этого, Гудзонбайская компанія снарядила, въ 1836 г., экспедицію подъ начальствомъ Деазе и Симпсона; послѣдній былъ героемъ этого путешествія и поэтому мы и поговоримъ о немъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего были изслѣдованы и описаны берега между самой западной точкой, достигнутой Франклиномъ въ 1826 г., до мыса Баррова; это изслѣдованіе было совершено лѣтомъ 1837 г. Сильные плывучіе льды мѣшали плаванію и потому большая часть пути была совершена пѣшкомъ; экипажу пришлось тащить лодку и кромѣ того, на каждаго человѣка приходилось отъ 45—50 фун. клади. Путь былъ крайне затруднителенъ; не смотря на то, что это было позднимъ лѣтомъ, по постоянно стояли продолжительные туманы, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, а между тѣмъ, экипажу приходилось часто итти въ бродъ въ холодной водѣ по болотистымъ отмелямъ. Но не смотря на всѣ эти препятствія, Симпсону удалось благополучно довести предпріятіе до конца; достигнувъ мыса Баррова, онъ вернулся назадъ. Казалось, что Симпсонъ былъ именно созданъ для такихъ путешествій; уже однажды онъ совершалъ подобное путешествіе среди зимы отъ факторіи Іорка до Атабески на протяженіи 2000 англійскихъ миль, изъ которыхъ 50 онъ прошелъ пѣшкомъ въ одинъ день и все время былъ одѣтъ въ суконную шинель.

Перезимовавъ на Большомъ Медвѣжьемъ озерѣ, Симпсонъ въ слѣдующемъ іюнѣ 1838 г. отправился внизъ по Мѣдной рѣкѣ и изслѣдовалъ берега къ западу отъ ея устья, какъ еще прежде него сдѣ-

лалъ это Франклинъ; теперь-же Симпсонъ проникъ на 140 миль за мысъ Турнаганнъ, но позднее время года заставило его снова вернуться къ Большому Медвѣжьему озеру.

На слѣдующее лѣто, Симпсонъ имѣлъ еще больший успѣхъ: онъ спустился къ Мѣдной рѣкѣ и открылъ весь берегъ, по ту сторону мыса Турнганна до устья Большой Рыбьей рѣки, а затѣмъ и еще далѣе, до залива Акколи, изслѣдовавъ часть береговъ Боотіи и Викторіи. Послѣ такого удачнаго плаванія въ лодкѣ на 1600 миль вдоль полярныхъ береговъ Америки, Симпсонъ вошелъ 24-го сентября въ фортъ Confidence; онъ перезимовалъ на Красной рѣкѣ и въ іюнѣ 1840 года, отправился къ Миссисипи, избравъ эту рѣку для своего возвращенія въ Англію, но на дорогѣ былъ убитъ, сопровождавшими его, индійцами.

Такъ погибъ Симпсонъ; ему было всего 36 лѣтъ отъ роду; это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, служившихъ наукѣ на крайнемъ сѣверѣ.

Морской герой, Франклинъ, которому въ то время уже было 59 лѣтъ отъ роду, получилъ порученіе найти проходъ къ Берингову морю, черезъ проливъ Баррова; такое порученіе, даваемое другимъ морякамъ, всякій разъ оказывалось неудачнымъ. Франклинъ отправился въ путь 26-го мая 1845 г. съ кораблями «Эребусъ» и «Терроръ», на которыхъ было 138 человѣкъ экипажа. 12-го іюля путешественники достигли Китоваго острова въ Баффиновомъ заливѣ, оттуда Франклинъ выслалъ въ Европу черезъ океанъ послѣднее о себѣ извѣстіе. Ожидали, что Франклинъ вернется не позже конца 1847 года, но зима прошла, а о немъ не было никакихъ извѣстій. Всеобщее напряженіе возрастало съ каждымъ днемъ; тогда весною 1848 года Джонъ Ричардсонъ отправился къ берегамъ полярнаго моря, чтобы тамъ отыскать своего друга; вмѣстѣ съ нимъ отправился и Рэ, который только что возвратился изъ путешествія къ заливу Боотіи и Комптетской бухтѣ. Тамъ осмотрѣли всѣ закоулки, но никто не видалъ Франклина и ничего не слыхалъ о немъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прибылъ въ полярное море и Джемсъ Россъ, но и тотъ объѣхавъ всѣ берега пролива Баррова, нигдѣ не нашелъ Франклина. Россъ хотѣлъ, доѣхать до острова Мельвиля, но западный вѣтеръ отогналъ его назадъ и ему пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ поисковъ.

Не смотря на то, что уже прошло пять зимъ, со времени исчезновенія Франклина, но въ 1850 году было снаряжено 12 кораблей, которые отправились въ поиски за Франклиномъ; одна часть

партіи отправилась черезъ Беринговъ проливъ, а другая черезъ Баффиновъ заливъ. Въ 1852 и 1853 году также были посланы экспедиціи и если ни одна изъ нихъ не напала на слѣдъ Франклина, то все-же многія изъ нихъ сдѣлали любопытныя открытія; о наиболѣе важныхъ открытіяхъ мы, скажемъ вкратцѣ нѣсколько словъ. *)

Эскадра капитана Аустина, преодолѣвая льды Баффинова залива со своимъ сильнымъ буксирнымъ пароходомъ достигла входа пролива Ланкастера. (Въ то-же время прибылъ сюда и капитанъ Пенни). Здѣсь эскадра раздѣлилась и Аустинъ остался въ Резолюти для обслѣдованія окрестностей Пондской бухты, а капитанъ Омманни въ это время нашелъ первые слѣды Франклина на мысѣ Рилей (сѣверный Девонъ). Аустинъ, Пенни и американцы послѣдовали за Омманни и нашли на мысѣ Спенцерѣ и небольшомъ островѣ Бичеѣ слѣды первой зимней квартиры Франклина.

Здѣсь открыли хижину, на очагѣ которой еще лежала зола отъ послѣдняго огня, большой магазинъ, кузницу, 3 могилы и даже маленькій садикъ, гдѣ мохъ, лишай, макъ и анемоны, тощія произведенія арктической флоры, были расположены клумбами, какимъ-то садоводомъ-любителемъ, (гдѣ онъ теперь?).

Но вокругъ царило могильное молчаніе и не было слѣдовъ, по которымъ можно было-бы узнать направленіе, взятое Франклиномъ.

Между тѣмъ подошла зима и закончила изслѣдованія этого года. Одинъ Пенни поплылъ вверхъ по Веллингтонову каналу, но сплошной ледъ заставилъ его возвратиться. Пенни за ледянымъ валомъ видѣлъ широкое открытое море, что заразъ и обрадовало и огор-

*) 1850 „Entreprise“ капит. Коллинсонъ. Беринговъ проливъ.
„ „Investigator“ „ Мекъ-Клеръ. „ „
„ „Rezolute“ „ Аустинъ. Зундъ Ланкастера.
„ „Assistance“ „ Омманее. „ „
Оба послѣдніе судна имѣли при себѣ букс. пароходы.
„ „Lady Franklin“, капит. Пенни. Зундъ Ланкастера.
Съ транспортомъ „Sophia“.
„ „Prince Albert“ капит. Форсетъ.
Снаряженъ на счетъ вдовы Франклина.
„ „Rescue“ лейтенантъ Гриффинъ.
„ „Advence“ „ де-Гавэнъ, Кэнъ.
Снаряжены на счетъ богатаго нью-іоркскаго купца Гриннеля.
„ „Felix“ капитанъ 73-хъ лѣтній сэръ Джонъ Россъ.
1852 „Isabel“ капитанъ Пинглефильдъ. Зундъ Ланкастера.
„ „Assistance“ (капит. Келлеттъ).
„ „North Star“ (капит. Пулленъ) съ двумя букс. пароходами. подъ начальствомъ Эдварда Бельхера.
1853 „Advance“ капитанъ Кэнъ.
„ „Phoenix“ „ Пинглефильдъ.

чило его. У южнаго берега острова Корнваля остановились на зимовку всѣ корабли за исключеніемъ «Принца Альберта», который прямо возвратился въ Англію, и американцевъ, которые надѣялись до наступленія зимы прибыть въ Нью-Іоркъ. Но судьба иначе распорядилась съ американцами, ибо скоро ихъ заперло льдами и имъ пришлось провести 8 мѣсяцевъ, какъ въ темницѣ. Волны носили ихъ взадъ и впередъ по Веллингтонову каналу, пока въ декабрѣ сильная буря не занесла ихъ плавучую темницу въ проливъ Баррова, а потомъ въ зундъ Ланкастера. Нѣсколько разъ во время этого опаснаго плаванія, расходившіеся и потомъ снова замыкавшіеся льды готовы были раздробить корабли, но постоянно новыя встрѣчающіяся массы льдинъ поднимали на себя небольшія, но крѣпкія суда. И въ Баффиновомъ заливѣ пришлось имъ долго ждать освобожденія, которое наступило 9 іюня 1851 года. Послѣ короткаго отдыха въ бухтѣ Диско, Де Гавенъ хотѣлъ продолжать свои разысканія. Но извѣстіе о непроходимыхъ массахъ льда измѣнили его планъ, и въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ достигъ Нью-Іоркской гавани, пережившъ опасности, какія рѣдко достаются въ удѣлъ морякамъ.

Между тѣмъ остававшіеся англичане не бездѣйствовали. Весною 1851 года, по всѣмъ направленіямъ выслано было 15 саней и 105 человѣкъ—но они всѣ возвратились назадъ, не отыскавъ ни малѣйшихъ слѣдовъ Франклина. Съ наступленіемъ лѣта, Пеши поплылъ въ лодкѣ вверхъ по Веллингтонову каналу, и послѣ цѣлаго ряда приключеній и трудностей, побѣжденныхъ геройскою настойчивостію, онъ проникъ въ каналъ Королевы до мыса Пельхера, но отсюда долженъ былъ возвратиться. Открытое море находилось передъ нимъ, и тянулась къ сѣверу; но лодка была мала и непрочна, провіанта было мало и слѣдовательно, нельзя было пуститься для новыхъ открытій. Пеши, убѣжденный, что Франклинъ именно этимъ путемъ пустился въ неизвѣстный океанъ, напрасно старался убѣдить въ томъ-же Аустина, и принужденъ былъ итти по слѣдамъ адмиралтейской эскадры, которая послѣ двухъ тщетныхъ попытокъ пройти черезъ зунды Смита и Іоны возвратилась въ Англію.

А между тѣмъ извѣстіе, привезенное «Принцемъ Альбертомъ», что удалось найти первую зимнюю стоянку Франклина, возбудило новыя надежды и немедленно было выслано небольшое судно подъ начальствомъ Кеннеди.

Счастливо достигъ онъ гавани Буэна на восточномъ берегу пролива Регента; здѣсь Кеннеди оставилъ корабль и съ 4 человѣками

въ лодкѣ поѣхалъ въ проливъ, наполненный плавучими льдинами, чтобы осмотрѣть гавань Леопольда на западномъ берегу пролива. Когда Кеннеди хотѣлъ возвратиться, то нашелъ свой путь совершенно запертымъ льдами и не было возможности ни на лодкѣ, ни пѣшкомъ добраться до «Принца Альберта»; темнота наступила, трескъ отъ ударяющихся другъ объ друга льдинъ ежеминутно заставлялъ опасаться, что вотъ-вотъ взломается ледяное поле, на которомъ находился Кеннеди и ничего не оставалось болѣе, какъ обойти льдину. 10 Сентября 1851 года, провели страшно холодную ночь безъ всякаго крова, кромѣ лодки, подъ которой поочередно спали по часу, а остальные движеніемъ спасали себя отъ того, чтобы не замерзнуть; на слѣдующее утро уже не видно было корабля. Плавучіе льды занесли его куда-то и Кеннеди думалъ, что при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ не увидать ему «Принца Альберта» до весны.

По счастію, недалеко отъ этого мѣста на Whaler Point находился оставленный Джемсомъ Россомъ складъ провіанта. Припасы оказались неповрежденными, и тутъ же нашли большую лодку, которую превратили въ зимнее жилище. Здѣсь сидѣли 17 сентября у разложеннаго костра, совершенно покорившіеся своей судьбѣ, путники, какъ вдругъ къ невыразимой ихъ радости, они услышали знакомые имъ голоса. Это былъ лейтенантъ Белло, смѣлый французскій волонтеръ, помощникъ Кеннеди. Белло послѣ многихъ попытокъ наконецъ нашелъ своего капитана: пяти-недѣльныя бѣдствія скоро забыты и всѣ возвратились на корабль. На слѣдующую весну предпринято большое путешествіе на саняхъ, обслѣдовали весь Сѣверный Сомерсетъ до южной оконечности земли Принца Валлійскаго, сдѣлавъ въ 97 дней 1100 англійскихъ миль, но не нашли никакихъ слѣдовъ Франклина.

Въ Англіи пришли къ убѣжденію, что можно было еще надѣяться найти что-нибудь въ каналѣ Веллингтона и зундахъ на сѣверѣ Баффинова залива, и въ эти еще неизвѣстныя страны весною 1852 года отправились Эдвардъ Бельхеръ съ цѣлой эскадрой и Инглефильдъ съ небольшимъ винтовымъ пароходомъ «Изабелла». Инглефильду удалось проникнуть въ зундѣ Смита до 77° с. ш., гдѣ, хотя море было совершенно открыто, но сильная буря принудила возвратиться.

Экспедиція Пельхера имѣла двойную цѣль: искать слѣдовъ Франклина въ Веллингтоновомъ каналѣ и въ то же время подать помощь кораблямъ «Entreprise», и «Investigator», которые, какъ

читатель помнитъ, подъ начальствомъ Коллинсона и Мэкъ-Клютра отправились въ 1850 году въ Беринговъ проливъ, чтобы отсюда итти на востокъ. У острова Бичея остался „North Star“ съ припасами, а остальныя суда раздѣлились; Бельхеръ съ „Assistance“ и „Pioneer“ отправился въ Веллингтоновъ каналъ, а Келлетъ съ „Resolute“ и „Interid“ поплылъ къ западу, къ острову Мельвиля. Лишь только Келлетъ 7 сентября 1852 года остановился на свою зимнюю стоянку на южномъ берегу острова Мельвиля, какъ лейтенантъ Мэкъ-Клинтокъ, занялся трудной перевозкой припасовъ къ бухтѣ Геклы и Гриннера для весенней экскурсіи на саняхъ. Такая экспедиція весною, когда глубокіе снѣга представляютъ довольно ровную поверхность, ничего въ сравненіи съ экспедиціей въ сентябрѣ или октябрѣ, когда покрытая неровностями и трещинами почва совершенно обнажена. Затрудненія, преодоленныя Мэкъ-Клинтокомъ, были такъ велики, что онъ совершилъ перевозку только въ 19 дней, хотя разстояніе южнаго берега отъ сѣвернаго по прямой линіи не болѣе 36 англійскихъ миль. Между тѣмъ лейтенантъ Мехамъ устроилъ складъ провіанта въ направленіи къ Зимнему Гарбуру и Лиддонской бухтѣ Мехамъ и привезъ радостное извѣстіе, что въ зимней гавани онъ нашелъ бумаги Мэкъ Клюра, отъ апрѣля 1851 года. Изъ нихъ видно было, что „Investigator“ находился тогда въ бухтѣ Мерси, на противуположномъ берегу пролива Банкса, и слѣдовательно, вопросъ о сѣверо-западномъ проходѣ разрѣшенъ.

9 марта 1353 года начались весеннія санныя экспедиціи. Лейтенантъ Пимъ отправился къ бухтѣ Мерси, чтобы помочь «Инвестигатору» и если не найдетъ его болѣе тамъ, то итти по его слѣдамъ. Спустя мѣсяцъ, три другія санныя экспедиціи пустились въ путь. Мэкъ Клинтокъ по заливу Геклы и Гриннера отправился къ западу и возвратился черезъ 106 дней, проѣхавъ это время 1200 англійскихъ миль—путешествіе, единственное въ лѣтописяхъ арктическихъ путешествій. Мехамъ въ то же время отправился вдоль Зимней Гавани и Лиддонскаго залива, и проѣхалъ болѣе тысячи миль въ 93 дня. Третья партія, подъ начальствомъ Гаммильтона, направилась къ сѣверо-востоку, чтобы сойтись съ Бельхеромъ въ напередъ назначенномъ мѣстѣ. Эта экспедиція возвратилась первою. На «Resolute» появились новые гости, блѣдные, грязные, исхудалые, обезсиленные, медленно тянувшіеся по неровной поверхности льда. Громкое ура уже издали встрѣтило оборванцевъ, отъ души имъ жали руки, а сами они какъ будто недовѣрчиво смотрѣли на дружескія лица, отъ которыхъ отвыкли, это былъ Мэкъ Клюръ со своимъ ге-

ройскимъ экипажемъ, который три года провелъ среди льдовъ и наконецъ встрѣтился съ земляками.

5 августа 1850 года Мэкъ Клюра видѣли въ послѣдній разъ корабли «Герольдъ» и «Плоуэръ»; потомъ онъ былъ на мысѣ Лисбурнѣ, по ту сторону Берингова пролива; 6 сентября онъ достигъ берега земли Банкса, а 9 открылъ землю Альберта, вдоль береговъ котораго онъ плылъ до 8 октября, пока въ проливѣ Принца Валлійскаго, не застала его зима и кораблей не заковало льдомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ совершена была поѣздка на саняхъ къ сѣверной оконечности пролива; вслѣдствіе этой поѣздки узнали, что этимъ путемъ можно дойти до пролива Баррова. Въ слѣдующемъ іюлѣ, лишь только освободился корабль, Мэкъ-Клюръ, желая воспользоваться этимъ открытіемъ и проливомъ Банкса, поѣхалъ къ сѣверовостоку, но льды принудили возвратиться. Оставалось одно: войти въ южный конецъ канала, обогнуть мысъ Ламбтонъ и потомъ плыть къ сѣверу вдоль западнаго берега земли Банкса. До 20 августа фарватеръ былъ довольно чистъ, но съ этого времени, корабль попалъ въ плавучіе льды, которые въ продолженіи цѣлаго мѣсяца грозили гибелью. Часто льды прибивали судно къ берегу и потомъ снова носили его по морю, пока наконецъ путешественники не достигли гавани, извѣстной читателямъ подъ именемъ бухты Мерси. Путешественники должны были провести здѣсь двѣ зимы, пока лейтенантъ Пимъ весною 1853 года не принесъ имъ радостнаго извѣстія, что „Resolute“ находится недалеко отъ того мѣста. Послѣ этого Мэкъ Клюръ со своимъ экипажемъ разстался съ «Инвестигаторомъ, который все еще былъ затертъ льдами. Таковы были приключенія Мэкъ Клюра, до минуты, когда Келлетъ принялъ его на бортъ своего корабля. Между тѣмъ ни одной экспедиціи съ «Resolute» ни экспедиціямъ, высланнымъ по всѣмъ направленіямъ въ Веллингтоновъ каналъ, Эдвардомъ Бельсеромъ не удалось найти слѣдовъ Франклина. Зима (1853—54) прошла и въ слѣдующемъ апрѣлѣ удалось лейтенанту Пиму въ проливѣ Принца Валійскаго, а потомъ на маленькомъ островѣ Рамзаѣ. (71° с. ш. 119 зап. дол. отъ Гринвича) удалось найти бумаги, давшія объясненія о судьбѣ Коллинсона, со времени его разлуки съ Мэкъ Клюромъ до 27 августа. Тогда-какъ Мэкъ Клюръ въ 1850 году открылъ сѣверо-западный проходъ, Коллинсонъ, не имѣя возможности пробиться черезъ льды, поплылъ къ Гонгъ-Конгу, на слѣдующее лѣто, (въ 1851 году) онъ снова является на прежнемъ поприщѣ, гдѣ удается ему войти въ проливъ принца Валійскаго и объѣхать сѣверные и южные берега земли Принца Аль-

берта. Затѣмъ Каллинсонъ перезимовалъ на берегу Уольстона и намѣревался войти въ заливъ Русселя, чтобы тамъ продолжать поиски за Франклиномъ.

Когда Пимъ привезъ эти извѣстія на «Resolute», то онъ нашелъ, что все было готово для отъѣзда въ Англію. Бельзеръ уже провелъ двѣ зимы въ Ледовитомъ морѣ и мало было надежды, что этимъ лѣтомъ корабли вырвутся изъ ледяныхъ оковъ. Поэтому рѣшились бросить «Resolute» и «Assistance» съ двумя буксирными пароходами и возвратиться на родину на «North Star». Отъѣзжая, на островѣ Рамзая оставили письмо Коллинсону, чтобы извѣстить его о томъ, какъ шли дѣла и посовѣтовать возвратиться въ Беринговъ проливъ, котораго онъ счастливо достигъ въ томъ же году (1854).

Такимъ образомъ, къ началу слѣдующей зимы (1854—55) ото всѣхъ экспедицій, высланныхъ изъ Англіи, въ Ледовитомъ морѣ осталось лишь нѣсколько пустыхъ кораблей, а Мэкъ-Клюръ со своими спутниками возвратился въ Англію черезъ проливъ Девиса. Еще за годъ до этого (1853) часть экипажа «Инвестигатора» съ лейтенантомъ Крессуэлемъ и Вейніантомъ возвратились въ Англію; имъ удалось въ одной экскурсіи на островѣ Бичея встрѣтить «Phoenix», и капитана Инглефильда, который приплылъ въ Англію тѣмъ же лѣтомъ. Инглефильдъ съ своимъ другомъ Белло весною снова является въ Ледовитомъ морѣ, чтобы доставить провіантъ эскадрѣ Бельхера. Въ это путешествіе смѣлый французъ погибъ, во время одной санной экскурсіи,—онъ упалъ въ трещину между льдами и утонулъ. Всѣ любили Белло за его превосходныя качества. Каменный памятникъ воздвигнутъ въ Гринвичскомъ госпиталѣ французскому волонтеру, имя котораго тѣсно связано съ именемъ Франклина. Много открыто было новыхъ береговъ, неизвѣстныхъ дотолѣ проливовъ и острововъ, даже найденъ сѣверо-западный проходъ, первоначальная причина столькихъ геройскихъ дѣлъ и несказанныхъ бѣдствій; но не нашли, кромѣ первой зимней стоянки, никакихъ слѣдовъ Франклина, уже 8 лѣтъ пропавшаго безъ вѣсти. Наконецъ, въ 1854 году уже извѣстный своими прежними путешествіями и обслѣдованіемъ земли Іольстона (1851) д-ръ Рэ получилъ предложеніе отъ Гудзонбайской Компаніи обслѣдовать западный берегъ Боотіи, и Рэ здѣсь весною встрѣтилъ эскимосовъ. Послѣдніе разсказали ему, что весною 1850 года эскимосы встрѣтили на землѣ короля Вильгельма около 40 человѣкъ бѣлыхъ, медленно шедшихъ къ югу. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ по эскимосски, но знаками объяснили, что ихъ корабль или корабли разбиты льдами, и теперь они идутъ въ страну, гдѣ на-

дѣются бить оленей. Позднѣе, въ томъ же году, еще до вскрытія рѣкъ на материкѣ, на день пути къ сѣверо-западу отъ Большой Рыбьей рѣки, эскимосы нашли 30 труповъ и еще 5 труповъ на близъ лежащемъ островѣ. Иные трупы были погребены, другіе валялись на землѣ; изъ умершихъ на островѣ одинъ, вѣроятно, былъ офицеромъ, ибо черезъ плечо висѣла у него зрительная труба, а рядомъ лежало превосходное двухствольное ружье. Положеніе нѣкоторыхъ труповъ и находившееся въ котлѣ не оставляли сомнѣнія, что несчастные, мучимые голодомъ, передъ смертью питались человѣческимъ мясомъ. Серебряныя ложки и вилки и серебряная тарелка съ надписью: «Lir john Franklin K. C. B.» звѣзда ордена Гвельфовъ съ девизомъ «nec aspera terrent» и нѣкоторые другіе предметы, которые Рэ купилъ у эскимосовъ, подтверждали печальную вѣсть.

Такимъ образомъ узнали, какъ погибла часть партіи несчастныхъ моряковъ, но многое все еще оставалось въ неизвѣстности.

Что сталось съ кораблями и съ остальнымъ экипажемъ? Какая судьба послѣ столькихъ перезимовокъ довела ихъ до гибели и положила конецъ ихъ путешествіямъ? Можетъ быть, хотя безъ всякой надежды найти кого нибудь въ живыхъ, по крайней мѣрѣ, смертные останки ихъ привезти на родину удастся Мэкъ Клинтокку, еще прошлымъ лѣтомъ отправившемуся въ Боотію (1857). Можетъ быть ему, этому послѣднему изъ путешественниковъ отыскивающихъ Франклина, удастся разоблачить нѣкоторыя тайны. Этотъ небольшой винтовой пароходъ «Фоксъ» въ 174 тонны былъ снаряженъ на остатокъ средствъ вдовы знаменитаго мореплавателя, такъ какъ правительство отказалось производить дальнѣйшія розыски на свой счетъ; убитой горемъ вдовѣ помогли многіе изъ ея друзей, а начальство надъ винтовымъ пароходомъ добровольно принялъ на себя Макъ Клинтокъ.

Сначала казалось что всѣ стихіи возстали противъ этого предпріятія; при первой попыткѣ обойти плавучіе льды въ Баффиновомъ заливѣ, «Фоксъ» былъ затертъ льдомъ въ Мельвильской бухтѣ 31-го августа 1857 г.; только лишь восемь мѣсяцевъ спустя, пароходъ освободился изъ затершихъ его льдовъ, да и то они потянули его за собою и угнали на 1200 морскихъ миль къ югу, вглубь Атлантическаго океана. Только 25-го Апрѣля 1883 г. пароходу удалось совершенно избавиться отъ преслѣдовавшихъ его льдинъ; затѣмъ пароходъ, запасшись въ Гольштейнбергѣ скуднымъ провіантомъ, какой только могло доставить это маленькое мѣстечко, пытался

было проникнуть черезъ проливъ Баррова къ югу и достигъ, наконецъ, 20-го августа прохода Белло, который возстанавливалъ сообщеніе между Боотіей Феликсъ и сѣвернымъ Зоммерсетомъ.

Онъ прошелъ-бы совершенно счастливо по этому проливу, но дальнѣйшему путешествію воспрепятствовали, находящіяся по ту сторону пролива ледяныя глыбы, такъ-что Мэкъ Клинтокъ былъ вынужденъ перезимовать на восточной сторонѣ у входа въ проливъ и отложить свои розыски до слѣдующей весны. Во время своего перваго путешествія на саняхъ, Мэкъ Клинтокъ встрѣтилъ 28-го февраля 1859 г., недалеко отъ мыса Викторіи, на юго-западномъ берегу Боотіи Феликсъ, небольшую группу туземцевъ, отъ которыхъ онъ узналъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ большой корабль былъ положительно разбитъ плавучими льдинами сѣвернаго берега острова короля Уилльяма, но что весь экипажъ спасся и счастливо достигъ твердой земли, и потомъ отправился къ Большой Рыбьей рѣкѣ и тамъ они всѣ умерли. У этого эскимосскаго племени былъ большой запасъ дровъ; по ихъ словамъ, они были этимъ обязаны большой лодкѣ, которую бѣлые оставили у Большой Рыбьей рѣки.

Позднѣе Мэкъ Клинтокъ узналъ отъ двухъ эскимосскихъ семействъ, жившихъ на льду въ снѣжныхъ хижинахъ, что у острова Короля Уилльяма былъ замѣченъ и второй корабль, а въ концѣ года, его пригнало теченіемъ къ землѣ; съ этого корабля они набрали много желѣза и дерева.

За этими первыми извѣстіями относительно экспедиціи Франклина, скоро послѣдовали и вторыя:

24 мая Мэкъ Клинтокъ, при изслѣдованіи южнаго берега острова Короля Уилльяма, нашелъ скелетъ, вблизи котораго лежали обрывки европейской одежды; когда-же тщательнѣе разрыли снѣгъ «то нашли небольшую карманную книжку и въ ней нѣсколько писемъ. Когда разсмотрѣли обрывки одежды, то оказалось, что это платье, вѣроятно, принадлежало слугѣ какого-либо офицера, а положеніе его скелета подтверждало увѣреніе эскимосовъ, что бѣлые, измученные голодомъ и холодомъ, умирали по пути одинъ послѣ другого.

Между тѣмъ, лейтенантъ Гобтонъ, которому было поручено изслѣдовать западный берегъ острова короля Уильяма сдѣлалъ еще болѣе важное открытіе; 6-го мая онъ нашелъ въ большой каменной пирамидѣ на мысѣ Викторіи небольшую оловянную банку, въ которой была найдена записка, краткое содержаніе которой было почти слѣдующее:

«До этой пирамиды достигла экспедиція Франклина. «Кребусъ» и «Терроръ» провели первую зиму на островѣ Бичей, послѣ того, какъ они проникли въ Веллингтонскій каналъ до 77° с. ш. и вернулись обратно на западную сторону Корневаллійскаго полуострова. 12-го сентября 1846 г. они были затерты льдомъ на 70° с. ш. и 98° з. д.

Сэръ Джонъ Франклинъ умеръ 11-го января 1847 г.; 22-го апрѣля 1848 г. оставили суда къ сѣверо-западу отъ мыса Викторіи и оставшіеся въ живыхъ, 105 человѣкъ, высадившись на сушу подъ начальствомъ капит. Крозиръ».

Эта записка, хранящаяся, какъ святыня въ госпиталѣ въ Гриннвичѣ, была помѣчена 25 апрѣлемъ 1848 г. На слѣдующій день, эти 105 человѣкъ намѣревались отправиться къ Боеьшей Рыбьей рѣкѣ, достигнуть которой имъ было не суждено. До того дня изъ всей экспедиціи погибло 9 офицеровъ и 15 нижнихъ чиновъ. Множество обрывковъ одежды и всякой утвари валялось тутъ кругомъ, точно бросили все, безъ чего только можно было обойтись, только-бы не тащить съ собою.

Такимъ образомъ, исчезли всѣ сомнѣнія относительно печальной судьбы сэра Джона Франклина; онъ, по крайней мѣрѣ, умеръ на своемъ кораблѣ, тогда-какъ большая часть его спутниковъ погибли въ снѣжныхъ и въ каменистыхъ пустыняхъ. Надъ ихъ непогребенными костями завываетъ арктическій вѣтеръ и нѣтъ надъ ними ни креста, ни памятника, на которомъ было бы начертано ихъ имя или день ихъ кончины. ..

Точно также погибли безслѣдно и оба судна—нѣсколько строкъ, нѣсколько клочковъ одежды, кое-что изъ домашней утвари, вотъ все, что осталось отъ этихъ нѣкогда гордыхъ кораблей и отъ ихъ геройскаго экипажа.

ГЛАВА XXX.

Докторъ Кептъ Кэпъ.

Прежнія путешествія Кэпа.—Кэпъ сопровождаетъ гриннелевскую экспедицію въ качествѣ корабельнаго врача.—Кэпъ предпринимаетъ второе путешествіе.—Первая зимовка въ Реусселарской бухтѣ.—Эскимосы.—Поѣздки на саняхъ.—Памятникъ Теннисону.—Глетшеръ Гумбольдта.—Опасная болѣзнь Кэпа.—Вторая зимовка.—Часть экипажа оставляетъ Кэпа, но его люди возвратились обратно на корабль въ ужасномъ положеніи.—Страданія зимою.—Корабль оставленъ.—Поѣздка на лодкахъ въ Упернавикъ.—Помощникъ въ нуждѣ.—Смерть Кэпа въ Гаваннѣ 16-го февраля 1857 года.

Между всѣми путешествіями, предпринятыми съ цѣлью розысковъ Франклина въ Полярномъ морѣ, нѣтъ ни одного, которое возбуждало-бы такой интересъ въ цивилизованномъ мірѣ, какъ второе и послѣднее путешествіе американца Кэпа. Правда, многія другія экспедиціи имѣли или одинаковые результаты съ экспедиціею Кэпа или еще большіе—Макъ Клюръ открылъ сѣверо-западный проходъ, цѣль, къ которой напрасно стремились очень многіе; Макъ Клинтокку удалось достать для опечаленной вдовы Франклина достовѣрныя свѣдѣнія о днѣ кончины ея мужа,—но не смотря на несомнѣнное мужество Макъ Клюра и Макъ Клинтока, это все-же прозаическія личности, разсказывающія намъ совершенно прозаично о своихъ дѣйствіяхъ и обо всемъ томъ, что они пережили, тогда-какъ у Кэпа все блещетъ поэзіею и украшаетъ его чело, какъ ореоломъ; онъ такъ поэтично разсказываетъ намъ о тѣхъ двухъ зимовкахъ, которыя онъ провелъ на крайнемъ сѣверѣ и сообщилъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ съ особымъ, свойственнымъ ему одному, краснорѣчіемъ; никто не умѣлъ лучше его изобразить эту дикую, но въ то же время и величественную природу со всѣми ея ужасами и со

всей ея поразительной красотой; никто не изображалъ такъ, какъ Кэнъ, этотъ дикій далекій сѣверъ со всѣми его своеобразными страданіями и радостями, лишеніями и наслажденіями, доставшимися на долю арктическаго мореплавателя. По истинѣ сказать, никто изъ путешественниковъ не заслужилъ такого участія, какъ Кэнъ, своими чудными описаніями дикой природы полуночныхъ странъ, а еще болѣе своею раннею, преждевременною смертью. Вѣроятно, читатели не посѣтуютъ на меня за то, что я остановлюсь нѣсколько долѣе на этой замѣчательной личности и разскажу нѣсколько подробнѣе объ этомъ героѣ изъ плеяды тѣхъ, которые отправлялись въ поиски за несчастнымъ и мужественнымъ Франклиномъ.

Обыкновенно отъ человѣка, который добровольно подвергается всѣмъ опасностямъ и треволненіямъ арктическаго путешествія, ожидаютъ какъ полной физической силы и крѣпости тѣла, такъ и твердости духа; но Кэнъ былъ не только слабаго здоровья, но у него былъ органическій недостатокъ, который причинялъ ему много страданій и кромѣ того, вслѣдствіе этого самаго недостатка, знаменитый путешественникъ могъ опасаться каждую минуту внезапной смерти. Но такой человѣкъ не могъ сидѣть сложа руки, онъ искалъ въ непрерывной дѣятельности забыть о своихъ невыносимыхъ страданіяхъ. Въ 1843 году, мы видимъ этого, еще въ то время, юношу, въ качествѣ врача сопровождающаго американское посольство въ Китай, затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ Индіи, Персіи, Сиріи и Египтѣ; много позднѣе онъ очутился на берегахъ Гвинеи, въ Мексикѣ и въ Средиземномъ морѣ, гдѣ съ нимъ приключались такіе нервные припадки, что по его собственному выраженію, ему казалось, точно его все тѣло состоитъ изъ тонкихъ струнъ, на которыхъ скачутъ и пляшутъ тысячи чертей.

Почти умирающій, возвращается онъ на родину: но послѣ кратковременнаго отдыха онъ, неутомимый труженикъ, снова появляется въ Мексиканскомъ заливѣ, но и тутъ ему не пришлось долго оставаться, потому-что по приказанію правительства, надо было присоединиться къ гриннелевской экспедиціи для розыска пропавшаго Франклина. По пути въ Гренландію, Кэнъ до такой степени страдалъ морскою болѣзнью, что командиръ корабля де-Гавэнъ сжалился надъ его ужаснымъ положеніемъ и предложилъ ему вернуться обратно на родину, но Кэнъ послѣ небольшой борьбы съ самимъ собою, отвѣтилъ рѣшительно.

— Нѣтъ, я останусь!

И скоро де-Гавэнъ убѣдился, сколько было силы воли и энергіи въ этомъ слабомъ и хрупкомъ тѣлѣ молодого доктора.

Намъ уже извѣстно, сколько пришлось выстрадать этой экспедиціи: она въ теченіи девяти мѣсяцевъ почти совершенно была затерта льдомъ и ей достаточно довелось бороться со всѣми ужасами и опасностями, которые одолѣваютъ вообще всѣхъ арктическихъ мореплавателей.

Можно было-бы положительно сказать, что послѣ такихъ испытаній Кэнъ на вѣки распростится съ крайнимъ сѣверомъ, но всѣ приключенія такого рода имѣли особую прелесть для воспаленнаго ума Кэна и онъ уже сталъ подумывать о томъ, чтобы привести въ исполненіе и второе такое предпріятіе, руководить которымъ онъ хотѣлъ самъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы пройти какъ можно далѣе по западному берегу Гренландіи, вверхъ по Баффинову заливу, а затѣмъ на саняхъ или на лодкахъ проникнуть къ полюсу и держаться береговой линіи по слѣдамъ пропавшаго Франклина, которые, по мнѣнію Кэна, должны были находиться именно въ этой мѣстности. Кэну понадобилось употребить всю свою энергію, что бы достать, необходимыя для снаряженія экспедиціи, деньги; но ему скоро удалось преодолѣть всѣ трудности и 31 мая 1853 года онъ отправился къ сѣверному полюсу со всѣмъ воодушевленіемъ мальчика, отправляющагося въ первый разъ домой на каникулы.

При сильной бурѣ и черезъ ледъ проникаетъ Кэнъ въ зундъ Смита, открытый за годъ передъ тѣмъ Инглефильдомъ, оставивъ въ сторонѣ мысъ Гатертопъ, крайнюю точку, которую посѣтилъ, упомянутый выше, мореплаватель и провелъ корабль въ Реусселарскую бухту, гдѣ, вѣроятно, это судно находится и теперь, закованное въ льдахъ. О своей зимовкѣ въ этой гавани подъ 78° с. ш., почти такъ-же далеко на сѣверѣ, какъ самая сѣверная оконечность Шпицбергена, но только въ еще болѣе холодномъ климатѣ, Кэнъ даетъ намъ въ своемъ дневникѣ, потрясающія душу, сообщенія:

«10 сент. 1853 г.—8° Р. Птицы улетѣли. Чаекъ такъ-же много, какъ въ первое время нашего пріѣзда. Намъ предстоитъ много работы. Скоро наступитъ сплошная ночь и мѣсяцъ спустя, мы болѣе не увидимъ солнца. Астрономы дозволяютъ ему вынырнуть только 24-го декабря; цѣлый рядъ горъ лежитъ между нами и западнымъ горизонтомъ и такимъ образомъ, намъ нечего надѣяться увидѣть его послѣ 10-го октября.

11-го сентября. Длинный свѣтлый день сталъ уменьшаться, хотя полуночное небо все еще горитъ яркими красками.

28-го октября. Мѣсяцъ представляетъ чудный видъ. Уже въ теченіе недѣли онъ все еще совершенно одинаково сіяетъ своимъ чуднымъ блескомъ. Эти ночи съ мерцающими звѣздами и лупою напоминаютъ мнѣ родину, бубенчики саней и веселое общество; но мы теперь далеко заброшены отъ нашего милаго отечества.

Нашъ согрѣвательный аппаратъ дѣйствуетъ прекрасно; мы постоянно наслаждаемся хорошею температурою + 15° Р. и, замѣтьте, что мы находимся подъ досчатою кровлею, гдѣ термометръ стоитъ такъ высоко надъ точкою замерзанія, въ то время, какъ на открытомъ воздухѣ 25° ниже нуля.

3-го ноября. Наступилъ ноябрь, а вмѣстѣ съ нимъ и длинная зимняя ночь. Еще въ полдень можно читать безъ огня, а черные холмы съ ихъ бѣлыми снѣговыми пятнами еще виднѣются въ теченіе пяти часовъ, остальное все мракъ. Звѣзды шестой величины постоянно виднѣются на небѣ. За исключеніемъ Шпицбергена, который пользуется преимуществомъ болѣе мягкаго климата, вслѣдствіе южныхъ морскихъ теченій, еще не одинъ христіанинъ не зимовалъ сѣвернѣе насъ. Тутъ живутъ только, привыкшіе къ холоду русскіе охотники на моржей. Мракъ еще будетъ продолжаться 90 дней; всего бываетъ 180 темныхъ дней; всѣ признаки ведутъ къ тому, что настоящая зима будетъ очень суровою.

9-го ноября. Средняя температура сентября и октября ниже температуры, которую наблюдалъ Парри на островѣ Мельвиллѣ.

21-го ноября. Мы составляемъ различные планы, чтобы сократить время зимней скуки. Хотимъ устроить bal costumé: завести газету, бѣга на призы.

15-го декабря. У насъ теперь послѣдніе слѣды полуденныхъ сумерекъ. На разстояніи одного фута отъ глазъ нельзя даже разглядѣть своихъ собственныхъ пальцевъ. Кромѣ неяснаго мерцанія на небѣ, вслѣдствіе которыхъ едва замѣтны очертанія холмовъ на югѣ, такъ что можно даже сомнѣваться свѣтитъ-ли когда нибудь солнце на нашемъ полярномъ поясѣ.

20-го декабря. Холода доходятъ до 48° Р.

5-го января. Холода держатся упорно по-прежнему. Хлороформъ подергивается тонкою пленкою. Древесный спиртъ мерзнетъ при 38° Р. Испаренія тѣла покрываютъ подверженныя вліянію воздуха части легкимъ слоемъ пара. Воздухъ очень рѣзокъ, но я не замѣчалъ никакого непріятнаго чувства при дыханіи на открытомъ воздухѣ, какъ объ этомъ разсказываютъ многіе сибирскіе путешественники. Если дышать долгое время на открытомъ воздухѣ, то это произво-

дитъ чувство сухости въ дыхательныхъ органахъ. Я замѣчалъ, что мы всѣ, совершенно невольно, дышали съ крѣпко стиснутыми губами.

21-го января. Первые признаки возвращающагося свѣтила. Южный горизонтъ окрашивается на короткое время отчетливымъ оранжевымъ свѣтомъ.

Вліяніе продолжительной темноты дѣйствуетъ самымъ удручающимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, наши собаки, большая часть которыхъ родились въ этомъ климатѣ, все-таки не могутъ его переносить. Нѣкоторыя изъ нихъ околѣли отъ какой-то странной болѣзни, причина которой, по моему мнѣнію, заключается въ отсутствіи свѣта и въ сильной стужѣ.

22-го февраля. Уже нѣсколько дней, какъ солнце серебритъ ледъ между берегомъ и холмами, лежащими въ нѣкоторомъ отдаленіи. Сегодня въ полдень я отправился къ этимъ холмамъ. Это была самая длинная прогулка, какую я предпринялъ со времени нашего заключенія: цинга и общая слабость были причиной появившейся у меня одышка. Но все-же мнѣ удалось достигнуть холмовъ и я усѣлся на одномъ изъ выступовъ скалы, гдѣ меня такъ и обдало цѣлыми снопами солнечныхъ лучей и напомнило мнѣ ванну съ благоухающей водой!»

Наконецъ, прошла эта ужасная зима и наступило время, когда можно было предпринимать поѣздки въ саняхъ, что, именно, и составляло главную цѣль настоящей экспедиціи; но, къ сожалѣнію, изъ 9 великолѣпныхъ ньюфаундлендскихъ собакъ и 35 эскимосскихъ у Кэпа осталось всего только 6 штукъ, да и тѣ были слишкомъ слабы для упряжи; только 26-го апрѣля удалось Кэну отправиться въ дорогу на саняхъ. Онъ ѣхалъ по берегу, хотя еще и загроможденному льдомъ но все-же достаточно живописному, въ особенности между мысомъ Русселемъ и Далласкою бухтою; тутъ красноватый камень скалъ составлялъ чудный контрастъ съ ослѣпительною бѣлизною и вносилъ въ холодные тоны суроваго арктическаго ландшафта что-то мягкое, южное. Прибрежные утесы чернѣли тамъ и сямъ, какъ гигантскіе часовые, оберегавшіе входъ во внутренность страны.

Далѣе представляется еще болѣе поразительный видъ; тутъ скалы и утесы казались такъ гладко вытесанными, точно представляли каменную стѣну бывшей крѣпости. На сѣверномъ концѣ этой стѣны, у входа въ глубокое ущелье, возвышается одинокая колонна, вытесанная такъ гладко и такъ хорошо, точно это сдѣлано рукою человѣка. Высота этой колонны достигаетъ 480 футовъ, кромѣ того

она помѣщается на громадномъ пьедесталѣ, вышиною въ 280 футовъ. Этотъ громадный монолитъ, одинъ взглядъ на который уже вызываетъ возгласъ удивленія, былъ названъ по имени англійскаго поэта «памятникомъ Теннисону».

Но всѣ эти полныя фантазіи скалы и утесы съ ихъ смѣлыми и своеобразными очертаніями, далеко уступаютъ величественному «леднику Гернбольдта». Можно подумать, что эта блестящая ледяная стѣна возвышается изъ неизмѣримаго углубленія и вся она залита солнцемъ. Какъ бѣлый кристаллъ, возвышается она на 300 футовъ надъ поверхностью воды и теряющется внизу на неизмѣримой глубинѣ безпредѣльнаго океана.

4-го мая Кэнъ достигъ подошвы громаднаго ледника, но этотъ успѣхъ достался дорогою цѣною, такъ-какъ докторъ потерялъ тутъ послѣдній остатокъ своихъ силъ. Вотъ, что онъ самъ пишетъ объ этомъ злополучномъ для него времени:

«Со мною вдругъ сдѣлались нервные приступы и частые обмороки, но не смотря на это, меня привязывали къ санямъ и путешествіе подвигалось впередъ; но, конечно, при такихъ обстоятельствахъ мы сдѣлали всего только по двѣ англійскихъ мили въ день; мои силы ослабѣвали все болѣе и болѣе, такъ что сносная для меня прежде температура—17°Р сдѣлалась теперь нестерпимою. Я озпобилъ лѣвую ступню вслѣдствіе чего, пришлось пріостановить путешествіе. 5-го мая со мной сдѣлался бредъ; каждый разъ, какъ меня выносили изъ палатки въ сани, я находился въ обморокѣ.

«Мои товарищи стали говорить мнѣ, что даже и при хорошемъ здоровьѣ нельзя продолжать дальнѣйшаго пути, а уже никакъ не при моемъ болѣзненномъ состояніи. Снѣгъ становился все глубже и глубже, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва можно было проѣхать. У нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей также показалась цинга и съ такими-же точно приступами, какъ и у меня; даже Мортонъ, самый крѣпкій изъ всѣхъ насъ, заболѣлъ цингою. Хотя въ это время я часто находился въ безсознательномъ состояніи, но все-же знаю хорошо, что этимъ пятерымъ людямъ я обязанъ своимъ спасеніемъ. Хотя они и сами, едва держались на ногахъ, но все-же поспѣшили увезти меня обратно. 14-го мая мы уже были на кораблѣ, гдѣ я въ теченіе недѣли жилъ между жизнью и смертью. Согласно діагнозу, постановленному врачомъ, у меня была цинга съ тифознымъ теченіемъ».

Кенъ сталъ скоро поправляться, такъ какъ наступало лѣто и живительная теплота атмосферы благотворно дѣйствовала на состояніе

больного; прилетѣли птицы, зазеленѣла трава и растенія; все оживало и воскресало послѣ долгаго оцѣпенѣнія. Теперь уже не чувствовалось и такого недостатка въ пищѣ, какъ зимою.

Хотя Кэнъ и поправлялся, но все еще настолько былъ слабъ, что не могъ думать о дальнѣйшемъ путешествіи и долженъ былъ уже предоставить своимъ спутникамъ привести въ исполненіе задуманный имъ грандіозный планъ.

Такимъ образомъ, Мортону, а не Кэну пришлось бросить первый взглядъ на Полярное море и далеко за его темными волнами увидѣть снѣговую гору, самую сѣверную точку, какую только когда-либо кому удавалось видѣть на землѣ и которой онъ назвалъ Парри, въ честь великаго мореплавателя.

Между тѣмъ, лѣто подвигалось впередъ, а ледъ все еще крѣпко держался въ зундѣ. Очевидно было, что пройдетъ еще много дней, прежде чѣмъ вскроется ледъ Баффинова залива и затѣмъ еще много дней, а можетъ быть и недѣль прежде чѣмъ растаетъ ледъ вокругъ корабля. А тѣмъ временемъ, опять подоспѣетъ зима со своими ледяными оковами—грустное предположеніе для людей, которые уже разъ испытали, что такое значитъ зима въ Реусселарской бухтѣ, а эти люди, скудные здоровьемъ, пищею и топливомъ, обреченныя на борьбу съ такимъ сильнымъ противникомъ, были слишкомъ плохо вооружены. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ, многіе изъ нихъ, съ тоскою на сердцѣ поглядывали на югъ и находили лучшимъ совсѣмъ бросить корабль, чѣмъ оставаться здѣсь долѣе.

Но какою-бы ужасною ни представлялась будущность, они не могли поколебать мужественнаго духа Кэна и онъ порѣшилъ не покидать корабля. 24-го августа, онъ созвалъ всѣхъ своихъ людей, обрисовалъ имъ настоящее положеніе вещей и объяснилъ имъ причины, вслѣдствіе которыхъ онъ намѣренъ остаться здѣсь. Онъ старался имъ внушить, что теперь нѣтъ никакой возможности проникнуть до открытаго моря и напомнилъ имъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ кораблю и серьезно просилъ ихъ не оставлять корабля. Если-же кто-либо изъ нихъ желаетъ сдѣлать попытку и уѣхать отсюда, тому онъ дастъ свое позволеніе и въ случаѣ, если этотъ самый вздумаетъ снова вернуться на корабль, то будетъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями.

Затѣмъ Кэнъ призывалъ отдѣльно каждаго человѣка и спрашивалъ, желаетъ-ли онъ остаться на зимовку или нѣтъ. Оказалось, что изъ 17-ти человѣкъ, восемь порѣшили остаться на кораблѣ.

Тогда непожелавшіе остаться получили свою долю припасовъ, бывшихъ на кораблѣ и 28-го августа твердымъ шагомъ удалились съ судна. Когда они скрывались за льдинами, то оставшимися на кораблѣ овладѣло еще болѣе грустное чувство; перспектива второй перезимовки рисовалась имъ въ крайне мрачныхъ краскахъ. Но Кэнъ не давалъ много задумываться надъ будущемъ своимъ подчиненнымъ; онъ заставилъ ихъ работать, чтобы приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ наступающей зимѣ. Кэнъ зналъ, какъ опытные эскимосы устраиваютъ на зиму свои жилища и порѣшилъ устроить также и свое помѣщеніе, вполнѣ подражая имъ, за исключеніемъ, конечно, ихъ нечистоплотности.

Подъ домомъ было помѣщеніе въ 18 кв. фут.; его обложили по всѣмъ стѣнамъ торфомъ, который хорошо сохраняетъ тепло и этого торфу навезли на саняхъ столько, сколько могли. Къ этому тѣсному помѣщенію былъ устроенъ узкій низкій туннель, обложенный мхомъ; этотъ туннель также былъ сдѣланъ въ подражаніе эскимосскимъ постройкамъ и въ немъ было сдѣлано столько дверей и драпировокъ на нихъ, сколько это было возможно. Такое помѣщеніе предназначалось для девяти человѣкъ и, конечно, его нельзя было назвать очень просторнымъ, но Кэнъ былъ того мнѣнія, что «чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ теплѣе». Кромѣ того, вокругъ корабля были возведены высокіе снѣжные валы для предохраненія отъ вѣтра. Такая работа на чистомъ воздухѣ принесла много пользы нашимъ отшельникамъ и послужила къ укрѣпленію ихъ силъ и здоровья. Съ эскимосами были завязаны дружескія сношенія; эти туземцы жили въ поселеніяхъ Эта и Анатосекъ, находящихся на разстояніи 7 и 20 миль отъ того мѣста, гдѣ корабль былъ затертъ льдомъ. Эти эскимосы за подаренные имъ иголки и ножи приносили свѣжее мясо и указывали мѣста, гдѣ находится дичь. Мореходцы стали устраивать съ эскимосами общія охоты, оказывали другъ другу взаимныя услуги. Короче сказать, врядъ-ли Кэну удалось-бы провимовать такъ благополучно тотъ годъ, если-бы онъ не завелъ сношеній со своими дикими сосѣдями; послѣдніе же смотрѣли на бѣлыхъ, какъ на своихъ благодѣтелей и сожалѣли о предстоящей разлукѣ.

12-го декабря вернулись обратно и тѣ восемь человѣкъ, которые оставили судно въ августѣ мѣсяцѣ и были приняты какъ обѣщано, съ распростертыми объятіями. Эти восемь человѣкъ очень страдали отъ ужасной стужи, отъ недостатка пищи и отъ сильныхъ напряженій во время пути по льдинамъ. Такимъ образомъ, Кэнъ былъ совершенно правъ, оставшись на зимовку во второй разъ.

Вотъ, что пишетъ Кэнъ въ своемъ дневникѣ объ этой второй перезимовкѣ.

«Слава Богу, февраль прошелъ; если мартъ пройдетъ также благополучно, то мы можемъ надѣяться, что эта грустная драма окончится благополучно. 10-го апрѣля покажутся тюлени и если они найдутъ насъ въ живыхъ, то тогда наша партія выиграна; но все же намъ предстоитъ сильная борьба; цинга все болѣе и болѣе ослабляетъ насъ; я дѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, лишь-бы только осилить эту ужасную болѣзнь; но едва я поднимаю на ноги одного, какъ заболѣваетъ другой. Изъ шести людей, способныхъ къ работѣ, которыхъ я еще насчитывалъ мѣсяцъ тому назадъ, уже двое не могутъ совершенно работать на открытомъ воздухѣ, такъ что на четверыхъ навалена вся работа; такъ, одному и тому же человѣку приходится исполнять обязанности повара и сидѣлки у постели больного. Такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось пять ночей кряду просидѣть у постели больного отъ 8 вечера до 4 утра; у меня даже не было времени раздѣться на ночь; днемъ я засыпалъ ненадолго и то каждый часъ мнѣ приходилось записывать состояніе термометра».

Наконецъ, наступилъ апрѣль со своимъ обиліемъ тюленей и со своею живительною атмосферою, которая такъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье человѣка.

Было рѣшено, что корабля уже никакъ нельзя спасти и необходимо вернуться назадъ; но прежде чѣмъ пройти на трехъ лодкахъ черезъ ледъ до открытаго моря, необходимо было приготовиться къ такому опасному пути и дать больнымъ окончательно поправиться; это время неутомимый Кэнъ употребилъ на то, чтобы совершить вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ-эскимосомъ круговое путешествіе по каналу Кеннеди, желая посѣтить еще разъ ледникъ Гернбольдта.

Наконецъ, 20-го мая совершенно распростились съ «Advance»; Кэнъ и его спутники медленно отправились, насколько это дозволяло слабое состояніе здоровья экипажа, въ лодкахъ-саняхъ на югъ. 17-го іюня они достигли открытаго моря. Какъ описать чувства всего экипажа, когда онъ увидѣлъ эти синія волны, разбивающіяся о покрытый льдомъ берегъ и вдыхали ихъ живительную влагу. Но еще должны были пройти длинныхъ пятьдесятъ шесть дней прежде, чѣмъ наши путники войдутъ въ гавань Упернавикъ и послѣ столь долгихъ лишеній очутятся снова среди образованныхъ людей.

Правда, во время этого путешествія ни бури, ни плавучіе льды не мѣшали плаванію американцевъ, но взамѣнъ этого ихъ преслѣ-

довалъ голодъ. Но вотъ голодъ несчастныхъ достигъ крайней степени и какъ разъ въ это время они увидѣли на плавучей льдинѣ спящаго тюленя. Американцы, дрожа отъ страха, какъ-бы не спугнуть его и, затаивъ дыханіе приближаются къ тюленю. Уже путешественники подошли на разстояніи выстрѣла, какъ вдругъ морское животное зашевелилось; на лицахъ всѣхъ путешественниковъ изобразилось отчаяніе, такъ какъ ихъ жизнь висѣла на волоскѣ и зависѣла отъ болѣе или менѣе удачной охоты. Рука дрожитъ у стрѣлка, тюлень поднимается на переднія ласты, съ удивленіемъ смотритъ на путешественниковъ и уже собирается прыгнуть въ воду; но какъ разъ во время раздается удачный выстрѣлъ и убитый тюлень падаетъ на льдину, свѣсивъ голову за ея край. Голодные американцы съ дикимъ крикомъ бросились на ледъ. Двадцать рукъ хватаются за добычу и тащатъ животное далѣе, на болѣе покойную льдину. Путешественники, почти обезумѣвъ отъ радости, смѣясь, плача и махая пожами, бѣгаютъ вокругъ убитаго тюленя; менѣе, чѣмъ въ пять минутъ, каждый глодалъ уже оставшіяся кости. Отъ этого животнаго не осталось ни унціи мяса, ни капли крови—словомъ, все было съѣдено и ничего не пропало даромъ.

Но это было въ послѣдній разъ, что Кэну и его товарищамъ приходилось испытывать такой сильный голодъ; въ слѣдующіе за тѣмъ дни они убили много тюленей, такъ что въ лодкахъ было полное обиліе пищи; путешественники безъ всякихъ особыхъ приключеній, счастливо достигли гавани Упернавикъ.

Можно себѣ представить, какъ радостно встрѣтили Кэна въ Нью-Іоркѣ, 11-го октября 1855 года; онъ былъ въ отсутствіи два съ половиною года. Ему готовились всевозможныя почести по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана; но Провидѣнію угодно было такъ, что знаменитому путешественнику недолго пришлось наслаждаться плодами своихъ трудовъ и лишеній. Его, и безъ того слабое, здоровье совершенно разстроилось вслѣдствіе всѣхъ этихъ трудовъ и лишеній. Онъ скончался 16-го февраля 1857 года, на тридцать седьмомъ году отъ роду, въ Гаваннѣ, куда врачи послали его для поправленія здоровья. Соединенные Штаты потеряли въ немъ одного изъ своихъ благороднѣйшихъ сыновъ, истиннаго героя, имя котораго будетъ постоянно сіять среди именъ знаменитыхъ мореплавателей всѣхъ временъ и всѣхъ націй.

ГЛАВА XXXI.

Гренландія.

Загадочная страна.—Эрихъ Рауда.—Гренландскія колоніи —Введеніе христіанства.—Гибель норвежскихъ поселеній.—Розыски о ихъ судьбѣ.—Магнусъ Гейнсонъ.—Линдековъ.—Гансъ Эгеде.—Его испытанія.—Основаніе Годтгабъ.—Гернгутскіе миссіонеры.—Открытія обоихъ Скорезби.—Клаверингъ.—Граагъ.—Датскія поселенія у западнаго берега.—Сѣверогренландскій климатъ.—Годъ въ заливѣ Диско.

Во многихъ отношеніяхъ Гренландія одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ странъ крайняго сѣвера. Всѣ арктическіе берега Сѣверной Америки, отъ мыса Лигбурна до пролива Belle-Isle уже изслѣдованы; вся сѣверная окраина Сибири изслѣдована частью съ моря, частью съ твердой земли; извѣстно, насколько Шпицбергенъ и Новая Земля приближаются къ полюсу, но какъ далеко заходитъ на сѣверъ Гренландія, это еще покрыто тайной неизвѣстностью. Почти тысячу лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ исландецъ Гюнбіорнъ увидѣлъ впервые высокій нагорный берегъ Гренландіи изъ за тумановъ арктическаго моря. Послѣ Гюнбіорна, многіе мореплаватели пытались и съ востока и съ запада приникнуть къ сѣверу, чтобы обогнуть Гренландію. Безсмертный Кэнъ, вдоль западнаго берега этой страны, подошелъ ближе къ полюсу, чѣмъ приближаются къ нему крайнія точки Шпицбергена—но тѣмъ не менѣе географическій загадочный вопросъ еще не разрѣшенъ. Но пробьетъ-ли кто-нибудь ледяныя преграды, которыя у человѣка, владыки земли, отнимаютъ эту пустынную часть его владѣній? Кто послѣ того, что перенесъ и испыталъ тамъ Кэнъ, еще разъ попробуетъ проникнуть

черезъ каналъ Кеннеди, чтобы искать новыя пустыни, по ту сторону горы Парри и земли Вашингтона?

На сколько неизвѣстны границы Гренландіи, на столько-же мало мы знаемъ внутренность острова, самаго большого въ мірѣ, имѣющаго по крайней мѣрѣ 30000 квадр. миль, острова, который скорѣе можно было-бы назвать, какъ Новую Голландію, страною свѣта. Нигдѣ, на всей сушѣ нашей планеты, нѣтъ такого значительнаго пространства, совершенно непосѣщеннаго человѣкомъ. Доступна и населена, кажется, только западная береговая полоса. Слѣдуя по берегамъ глубокихъ фіордовъ и, углубляясь по нимъ въ самую страну, мы находимъ всѣ долины, наполненными льдами, а восходя на высоты, видимъ, что такая ледяная долина переходитъ въ однообразную ледяную поверхность. Линія, касающаяся начала фіорда, ограничиваетъ его съ востока полосою въ 10—12 миль шириной, въ то же время означаетъ границу неизмѣримыхъ ледяныхъ массъ, покрывающихъ и скрывающихъ внутренность страны. Такимъ образомъ, Гренландія, по своимъ физическимъ свойствамъ, заслуживаетъ названія таинственной, даже какой-то фантастической страны. Въ историческомъ отношеніи Гренландія также загадка, вполнѣ еще неразрѣшенная. Исторія этой страны ведетъ насъ черезъ большой промежутокъ времени къ эпохѣ, когда первые европейскіе колонисты поселились въ Америкѣ.

Въ IX столѣтіи, столь мирная теперь Исландія, гдѣ одни вулканы нарушаютъ всеобщее спокойствіе, была населена безпокойнымъ племенемъ честолюбивыхъ Ярловъ и хищническихъ Викинговъ. Одинъ изъ этихъ нарушителей общественнаго спокойствія, Эрихъ Рауда, два раза запятнавшій свои руки кровью, былъ приговоренъ къ изгнанію изъ отечества. Наказаніе небольшое, но тогда судъ, какъ иногда и теперь, былъ до извѣстной степени снисходителенъ къ сильнымъ. Эрихъ Рауда слышалъ о сѣверной странѣ, открытой Гюнбіорномъ на западѣ, и рѣшился провести тамъ годы своего изгнанія вѣроятно потому, что не было для него другого убѣжища (982). По своемъ возвращеніи, онъ описалъ своимъ соотечественникамъ такими увлекательными красками зеленые луга и богатыя рыбныя ловли Гренландіи (такъ назвалъ онъ страну), что предложеніе основать тамъ колонію нашло отголосокъ, и уже на слѣдующее лѣто небольшой флотъ изъ 25 судовъ сопровождалъ Эриха въ эту страну запустѣнія.

Изъ этихъ судовъ только 14 дошли счастливо до того мѣста: но вскорѣ колонія увеличилась новыми пришельцами изъ Норвегіи

и Исландіи и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалась довольно значительною.

Извѣстно, что къ концу X столѣтія двое англійскихъ миссіонеровъ, Бернгардъ и Гутебальдъ, ввели христіанство въ Норвегію, гдѣ король Олай Триггесонъ распространялъ эту религію со всею ревностью пламеннаго послѣдователя. Когда послѣ этого Лейфъ, сынъ Эриха Рауда, въ 999 году посѣтилъ Норвегію, благочестивый король уговорилъ его тогда принять святое крещеніе, и взять съ собою въ Гренландію христіанскаго проповѣдника. Первое гренландское епископство было основано въ 1121 году, и Крантцъ утверждаетъ, что въ то время Норманскія колоніи простирались отъ мыса Фаревелля на 5—6 градусовъ къ сѣверу, какъ по восточнымъ, такъ и по западнымъ берегамъ. Вдоль восточнаго берега считалось 19 фіордовъ или бухтъ, по берегамъ которыхъ находилось 119 селеній, раздѣленныхъ на 12 приходовъ, а на западномъ берегу 110 деревень составляли 4 прихода и оживляли берега 9 фіордовъ. На восточномъ берегу находился епископскій соборъ и (какъ будто бы въ Гренландіи человѣкъ не слишкомъ удаленъ отъ міра) основаны были 2 монастыря. 17 прелатовъ, подвѣдомственныхъ Дронтгеймскому архіепископу, по очереди высылались въ Гренландію, которая, несмотря на свою бѣдность и отдаленность, все же платила десятину въ пользу папскаго престола. Такъ, между прочимъ читаемъ мы въ лѣтописяхъ,что въ 1326 году папа Іоаннъ XXII послалъ Бертрама Стролійскаго для сбора десятины въ Норвегію, Швецію, Исландію и Гренландію, и изъ счета этого агента видно, что десятина съ Гренландскаго епископства состояла изъ 127 фунтовъ моржовыхъ бивней, которые были проданы фландрскому купцу за 13 ливровъ 14 су tour nois. Но приближались времена, когда, нѣкогда цвѣтущія, Гренландскія колоніи не только не могли платить десятиннаго сбора, но и совершенно должны были погибнуть, такъ какъ въ теченіе XIV столѣтія эти колоніи подверглись страшнымъ бѣдствіямъ. Черная смерть свирѣпствовала на этихъ отдаленныхъ берегахъ, и почти уничтожала все населеніе, какъ впослѣдствіи оспа, истребившая въ сѣвероамериканскихъ пустыняхъ цѣлыя племена индійцевъ. Частыя войны съ эскимосами и увеличеніе плавучихъ льдовъ у берега, причинили окончательное паденіе колоніи, а мятежи и войны, возгорѣвшіеся въ Скандинавіи по смерти великой королевы Маргариты Вальдемарской, заставили совершенно позабыть о Гренландіи. Прежнія общенія съ Европой прекратились; остатки поселенцевъ, если еще были такіе, были брошены на произволъ

судьбы, и прошло много лѣтъ пока лишь вспомнили о нихъ. Наконецъ, Датскій король Фридрихъ II послалъ мореплавателя Магнуса Гейсона къ юго-восточному берегу Гренландіи, чтобы разузнать, живутъ ли еще люди скандинавскаго происхожденія за ледянымъ валомъ, замыкающимъ утесистые фіорды. Гейнсонъ увидѣлъ берега и попутный вѣтеръ надувалъ паруса его судна, но прозрачность воздуха въ полярныхъ странахъ, часто обманывающая глазъ, такъ что разстоянія кажутся меньшими и горы болѣе низкими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ввела Гейнсона въ странную ошибку. Плывя въ одномъ направленіи въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и замѣчая, что, повидимому, берегъ не приближался, Гейнсонъ подумалъ, что его задерживаетъ невидимая сила, и возвратился назадъ съ донесеніемъ, что онъ не могъ достичь береговъ Гренландіи, потому что его корабль не пустила впередъ магнитная скала.

Въ 1605 году по повелѣнію Датскаго короля Христіана IV, адмиралъ Годске Линденовъ и англійскій лоцманъ Джонъ Галль съ тремя кораблями отправились въ Гренландію. На этотъ разъ на пути не встрѣтилось ни одного магнитнаго утеса; Галль присталъ къ западному берегу, столь часто посѣщаемому впослѣдствіи Девисомъ, Гудзономъ, Баффиномъ и другими арктическими путешественниками, а Линденовъ—къ южной оконечности Гренландіи, гдѣ похитилъ двухъ туземцевъ, впослѣдствіи умершихъ въ Даніи съ тоски по родинѣ.

Но ни Линденовъ, въ слѣдующемъ году еще разъ появившійся у западныхъ береговъ Гренландіи, ни позднѣйшія экспедиціи Карстена, Ричардсона и Даннелля, не могли пристать къ какой-нибудь точкѣ восточнаго берега, ибо хотя онъ былъ въ виду, но громадные, плавучіе льды не допускали приблизиться къ нему. Точно также не удалось отыскать слѣдовъ погибшей колоніи, которую, послѣ тщательныхъ поисковъ, привыкли, наконецъ, считать за миѳическое преданіе.

Но, въ то время, когда никто не думалъ о Гренландскихъ посѣщеніяхъ, память о нихъ все еще жила въ пламенной душѣ Ганса Эгеде, пастора въ Вогенѣ, въ сѣверной Норвегіи. Онъ прочелъ о прежнихъ христіанскихъ норманахъ въ Гренландіи и, не могъ помириться съ мыслею, что они исчезли безслѣдно съ лица земли. Въ одинокихъ странствіяхъ и въ тишинѣ семейной жизни все сильнѣе и сильнѣе тревожила Эгеде мысль, что оставленные потомки гренландскихъ поселенцевъ, такъ долго удаленные отъ всего міра, должны были впасть въ мракъ язычества и невѣжества. Наконецъ,

послѣ долгой внутренней борьбы, рѣшился онъ посвятить всю свою жизнь на розыски о нихъ и пожертвовать всѣмъ, чтобы снова озарить ихъ жизнь свѣтомъ Евангелія. Тысячи различныхъ затрудненій мѣшали плану Эгеде, но они лишь укрѣпляли его настойчивость и ревность. Ни публичныя насмѣшки, ни холодность правительства, ни уговоры друзей, не могли отклонить его отъ принятаго рѣшенія, ибо Эгеде принадлежалъ къ числу тѣхъ непреклонныхъ натуръ, которыхъ ничто земное не можетъ отклонить отъ однажды принятой обязанности. Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ стараній, удалось убѣдить правительство и сильныхъ въ истинѣ своего плана, и послѣ того какъ Эгеде, чтобы дѣйствовать энергичнѣе, оставилъ свою должность и пожертвовалъ всѣмъ своимъ небольшимъ состояніемъ, удалось пастору устроить акціонерное общество съ капиталомъ въ 9,000 талеровъ и получить отъ коллегіи миссіонеровъ 300 талеровъ ежегоднаго содержанія, къ чему еще король прибавилъ, въ видѣ подарка, 200 талеровъ.

Съ тремя кораблями (самый большой изъ нихъ «Надежда» помѣщалъ только 40 человѣкъ), въ обществѣ своей жены, вполнѣ сочувствовавшей стремленіямъ мужа, и 4 дѣтей, 12 мая 1721 г., отправился Эгеде въ путь и 3 іюля, послѣ весьма труднаго плаванія, онъ достигъ желанной страны. Вѣтры прибили его къ западному берегу подъ 64° с. ш., и здѣсь-то рѣшился Эгеде начать свое святое дѣло. Изъ досокъ построенъ былъ домъ, который послужилъ ядромъ, еще нынѣ существующаго поселенія Готтаба и уже 31 августа была сказана первая проповѣдь на текстъ 117 псалма: «Хвалите Господа вси языцы, хвалите его всѣ людіе. Яко утвердися милость на насъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ. Аллилуія.»

Здѣсь Эгеде, во время его апостольской жизни, ожидали еще болѣе жестокія испытанія, чѣмъ какія онъ перенесъ до своего прибытія въ Гренландію. Не только пришлось ему бороться съ дикостью и недовѣрчивостью туземцевъ съ враждебными ихъ шаманами и жрецами, съ ужаснымъ климатомъ и нерѣдко даже голодомъ, но здѣсь даже земляки Эгеде, обманувшіеся въ надеждѣ на обычную торговлю, оставили его, и, кромѣ того, черезъ 10 лѣтъ трудовъ, онъ былъ опечаленъ извѣстіемъ, что послѣ смерти Фридриха IV правительство отказалось помогать миссіи и даже приказало уничтожить колонію.

Все сѣло на корабли и отправилось въ Данію, но Эгеде, не смотря на силы, истощенные безпримѣрными усиліями, что заста-

вило его передать сыну управленіе миссіею, нельзя было принудить отказаться отъ цѣли дальнѣйшей жизни, и онъ рѣшился до самой смерти оставаться вѣрнымъ своему посту.

Наконецъ, въ 1733 году, послѣ того, какъ потеря жены сильно повліяла на Эгеде, послѣ того, какъ онъ утратилъ надежду пожать плоды отъ своихъ пожертвованій, вдругъ дни его стали свѣтлѣе. Эгеде получилъ утѣшительное извѣстіе, что король рѣшилъ снова приняться за торговлю въ Гренландіи и устройство миссіи, и для послѣдней назначилъ 2,000 талеровъ въ годъ. Еще большимъ утѣшеніемъ для Эгеде было принятіе 3 миссіонеровъ изъ Гернгута, которые обѣщались всѣми силами помогать и вести далѣе имъ начатое дѣло—этому слову и они и ихъ послѣдователи остались вѣрными до нашего времени.

Итакъ, Эгеде со спокойнымъ сердцемъ могъ возвратиться въ свое отечество, гдѣ всѣми оплакиваемый, онъ скончался въ 1758 году, 72 лѣтъ отъ роду.

Можно представить себѣ, какъ ревностно Эгеде старался разыскивать слѣды своихъ пропавшихъ соотечественниковъ во время своего пребыванія въ Гренландіи; желаніе помочь было первою причиною, завлекшею его въ эти пустыни. Но напрасно высматривалъ онъ въ эскимосахъ древне-скандинавскіе обычаи и нравы, ни въ чертахъ лица эскимосовъ, ни въ ихъ языкѣ, ничто не указывало на ихъ европейское происхожденіе и даже преданія ихъ ни слова не говорили о древнихъ норманахъ, нѣкогда обитавшихъ въ Гренландіи. Только развалины нѣсколькихъ церквей и другихъ зданій, разсѣянныхъ вдоль западнаго берега, служили доказательствомъ ихъ прежняго существованія и связывали прошедшее съ настоящимъ. Итакъ, если еще оставались въ Гренландіи жители скандинавскаго происхожденія, то они могли быть только на восточномъ берегу, но ледяной поясъ окружалъ берегъ какъ съ моря, такъ и съ земли, и Эгеде, точно также, какъ его предшественники, не могъ сюда проникнуть.

И много лѣтъ спустя послѣ смерти Эгеде, нога европейца не вступала на восточный берегъ Гренландіи — и Левенорнъ, посланный въ 1786 г.—1767, чтобы возобновить попытки Гейнсона и Линденова, также не былъ въ состояніи приблизиться къ нему. Можетъ быть, иные китоловы издали дивились вершинамъ, солнцемъ освѣщенныхъ горъ восточнаго берега; можетъ быть, буря прибивала сюда корабли, можетъ быть, какъ утверждаетъ Беръ, Павковъ (русскій) за 25 лѣтъ до обоихъ Скоресби достигъ восточнаго

берега Гренландіи и нашелъ здѣсь человѣческіе слѣды,—но извѣстно только то, что ученые Скорезби впервые нанесли на карту часть восточнаго Гренландскаго берега, и слѣдовательно, они впервые открыли эту страну образованному міру.

Въ 1817 году, капитанъ Скорезби-старшій, удалился отъ обыкновеннаго пути китолововъ, находящагося подъ 78° с. ш. и по сторону 2° в. д. отъ Гринвича, и, плывя между западными льдами, достигъ восточнаго берега Гренландіи по ту сторону параллели 70°. Легко онъ могъ пристать къ берегу, который заманчиво лежалъ передъ нимъ, и котораго напрасно искали столькіе мореплаватели. Но обстоятельства не позволили Скорезби, какъ начальнику китоловнаго судна, принести въ жертву свою обязанность любопытству или славолюбію. Итакъ, на этотъ разъ, не вступивъ на берегъ, онъ отправился опять въ открытое Ледовитое море. Однако-же, при слѣдующемъ посѣщеніи, Скорезби присталъ къ берегу, названнаго по его имени, зунда, и вступилъ на неизвѣстную дотолѣ Гренландскую почву.

Въ 1822 году Скорезби-сыну удалось еще точнѣе обслѣдовать землю, которую отецъ его только видѣлъ. Скорезби-младшій, удалившись отъ обыкновеннаго пути китолововъ, поплылъ къ западу, пока между 70° 33 и 71° 12 с. ш., не поднялся передъ нимъ утесистый берегъ Гренландіи. Не видалъ Скорезби берега, болѣе дикаго и болѣе величественнаго. Горы состояли изъ безчисленныхъ конусовъ и пирамидъ, склоны которыхъ были покрыты цѣлымъ хаосомъ острыхъ скалъ. Въ иныхъ мѣстахъ надъ горами поднималось такое множество тѣсно другъ подлѣ друга стоящихъ острыхъ вершинъ, что они издали были похожи на рядъ солдатъ. На одной горѣ, подъ 71° 13, поднималось 7 отдѣльныхъ вертикальныхъ столбовъ футовъ въ 500 вышины, на другой горѣ подъ 71° 4, поднимающейся на 2,967 футовъ, и по своей формѣ названной «Церковной горой», вздымаются двѣ исполинскія заостренныя башни. Скорезби назвалъ весь хребетъ Roscoe Mountains, по имени, жившаго тогда въ Ливерпулѣ, поэта и историка. Впрочемъ, дикая природа составляла совершенную противоположность тихому таланту этого посредственнаго писателя; при видѣ этихъ горъ складнѣе было-бы мореплавателю вспомнить о гигантѣ Шекспирѣ.

24 іюля Скорезби присталъ къ берегу у утесистаго мыса, который назвалъ мысомъ Листера (70° 30), вошелъ на его высоту, и отправился вдоль высокаго хребта, поднимающагося на 300—400 футовъ надъ уровнемъ моря. Между обнаженными или скудно по-

крытыми лишаями, камнями, мѣстами цвѣли Andomeda tetragona, Saxifraga oppositifoba, Papaver nudicaule и Ranunculus nivalis. У мыса Свайнсона снова вышелъ Скорезби на берегъ, который состоялъ изъ плоскаго побережья въ 600 футовъ шириной. Нѣсколько пустыхъ эскимоскихъ хижинъ обратило на себя вниманіе морехода, ибо люди вездѣ болѣе всего интересуютъ человѣка. Обугленный плавучій лѣсъ и большое количество золы лежали вокругъ бывшихъ нѣкогда костровъ, и доказывали, что еще текущимъ лѣтомъ эти пустынныя мѣста были обитаемы. Куда же дѣлись жители? Что побудило ихъ оставить берега обильнаго моря? На сушѣ почти невидно было птицъ, но на водахъ плавали безчисленныя стаи чистиковъ, нырцовъ и гагъ. Большое количество крылатыхъ насѣкомыхъ: бабочекъ пчелъ и мошекъ жужжало, летало и трещало вокругъ, особенно ихъ много было на холмахъ. Также были найдены рога сѣверныхъ оленей.

25 іюля Скорезби еще разъ присталъ къ мысу Надежды, гдѣ снова нашелъ слѣды обитателей. Кости зайцевъ и обломки роговъ сѣверныхъ оленей были разбросаны по покинутой землѣ. Черепъ собаки лежалъ на небольшомъ холмѣ, вѣроятно, могилѣ дитяти.— Гренландскіе эскимосы полагаютъ, что собака, которая по всюду находитъ дорогу, доведетъ скорѣе невиннаго младенца въ жилище душъ. Удушающая жара скоро положила предѣлъ дальнѣйшимъ странствіямъ, тѣмъ болѣе, что нельзя было ожидать интереспыхъ открытій. Жаръ былъ такъ силенъ, что сѣмена многихъ найденныхъ растеній уже созрѣли, а другія растенія посохли.

Открытый Скорезби и въ слѣдующемъ затѣмъ году посѣщенный Клаверингомъ, берегъ восточной Гренландіи находился гораздо далѣе сѣверной границы, по преданіямъ и лѣтописямъ назначенной для исчезнувшихъ скандинавскихъ поселеній; такъ, судьба ихъ все еще оставалась неизвѣстною.

Наконецъ, въ 1829 году, посланному Датскимъ королемъ Фридрихомъ VI, капитану Граагу удалось объѣхать южный берегъ Гренландіи отъ южной его оконечности до широты 65° 18, за которою никогда не могло существовать колоніи; и такъ какъ на всемъ этомъ пространствѣ Граагъ не нашелъ ни развалинъ поселеній, ни слѣдовъ религіи, языка, обычаевъ и нравовъ у туземцевъ, которые указывали-бы на прежнія христіанскія поселенія, то весьма вѣроятно, что европейцы никогда не жили на восточномъ берегу, а такъ называемыя восточныя колоніи старыхъ историковъ, въ сущности, лежали въ юго-восточной части Гренландіи, тамъ, гдѣ теперь

находится Юліансгобъ; этотъ берегъ, по отношенію къ другимъ, болѣе сѣвернымъ, мѣстностямъ, по справедливости, могъ быть названъ восточнымъ.

Но оставимъ въ сторонѣ прошедшее и займемся нынѣшнею датскою Гренландіею. Всѣ датскія поселенія, какъ уже было сказано, занимаютъ узкую полосу западнаго берега; эти поселенія раздѣляются на два инспектората: сѣверный и южный. Первый занимаетъ всю страну между Никтозоукордомъ, подъ 67° с. ш. и между округомъ Упернавикъ, самою сѣверною европейскою колоніею въ Гренландіи подъ 72° 48 с. ш. Онъ заключаетъ въ себѣ Годгавнъ на островѣ Диско, а также и нѣкоторыя мѣстности и на материкѣ Гренландіи простирается съ юга на сѣверъ, и заключаетъ въ себѣ округа: Эгедесминде, Христіансгабъ, Якобсгавнъ, Оменакъ и Упернавикъ. Южный инспекторатъ, простирающійся съ сѣвера на югъ, раздѣляется на слѣдующіе округа: Гольстенсборгъ, Зукертоппенъ, Годтгаабъ, Фискернессетъ, Фредериксгаабъ и Юліансгаабъ,—всего шесть.

Населеніе сѣвернаго инспектората достигало въ 1855 до 3516 туземцевъ, 128 европейцевъ; южнаго-же инспектората—6128 туземцевъ и 120 европейцевъ—крайне малое число обитателей, если принять во вниманіе, что эти инспектораты разбросаны по полосѣ, занимающей пространство 12-ть градусовъ широты. Въ особенности въ сѣверной части острова населеніе крайне малочисленно; можно ѣхать въ теченіе нѣсколькихъ дней по берегу и не встрѣтить ни одного человѣка, но если, когда и случится наткнуться на какое либо поселеніе, то оно самое бо́льшее, что состоитъ изъ двухъ-трехъ домовъ или палатокъ, а часто случается, что и все поселеніе состоитъ только изъ одного дома, за исключеніемъ, датскихъ колоній, гдѣ часто встрѣчаются поселенія, имѣющія 100 душъ жителей. Слѣдовательно, въ такой мало-населенной странѣ, мѣстечки, какъ Годговнъ, имѣющій 150 человѣкъ жителей и Годгаабъ, самый населенный изъ всѣхъ съ 330 жителями, считаются значительными городами, жители которыхъ, вѣроятно, съ такою-же гордостью смотрятъ на поселенцевъ, какъ житель европейской столицы смотритъ на бѣднаго провинціала.

Но несмотря на такую малочисленность населенія, Гренландія все же представляетъ значительное владѣніе для датской короны, или лучше сказать для датскихъ коммерсантовъ, ибо вся торговля въ Гренландіи находится въ ихъ рукахъ и они прекрасно ведутъ тамъ свои дѣла, такъ что гренландцы едва ли получаютъ шестую

часть цѣны за свои продукты въ сравненіи съ тѣмъ, за сколько купцы продаютъ этотъ товаръ въ Копенгагенѣ.

Туземцы-же почти все, что получаютъ за тюленьи шкуры и его жиръ, тратятъ потомъ на покупку табаку, сахару, кофе и проч. предметовъ.

Въ жизни гренландцевъ тюлени играютъ большую роль, именно такую-же, какую играетъ сѣверный олень въ жизни лапландцевъ и самоѣдовъ. Мясо этого животнаго гренландцы употребляютъ въ пищу, также, какъ и его жиръ; послѣдній кромѣ того служитъ еще и для освѣщенія ихъ жилищъ, его шкура служитъ имъ для одежды, а также и для устройства лѣтнихъ помѣщеній, изъ жилъ они дѣлаютъ нитки, а также и шнуры для удочекъ, а мѣхъ тюленя, неидущій въ дѣло, съ большою выгодою продается Датчанамъ.

Охота на тюленей, составляющая главное занятіе гренландцевъ и требующая много ловкости и проворства, производится самыми разнообразными способами, смотря по времени года и по положенію мѣстности. Въ южныхъ округахъ, гдѣ море не бываетъ долго покрыто такимъ твердымъ льдомъ, какъ въ сѣверныхъ, гренландецъ ограничивается только одною своею лодочкою, потому что ему приходится ловить тюленей въ водѣ—такая лодка называется каякъ, которую мы описывали выше и которую гренландецъ строитъ по такому-же образцу, какъ строили и его предки; въ этой хрупкой лодочкѣ гренландецъ часто выѣзжаетъ очень далеко въ туманное море, подстерегаетъ тюленя и вонзаетъ ему въ тѣло острый гарпунъ.

На сѣверѣ-же, гдѣ море большую часть бываетъ покрыто льдомъ, эта охота за тюленями производится какъ-бы на сушѣ и вмѣсто лодокъ мѣстные жители употребляютъ сани, которыя устроиваются самымъ простымъ способомъ: для этого берутъ только нѣсколько досокъ и нѣсколько деревянныхъ кусочковъ въ формѣ клиньевъ и кружковъ. Такія сани везутъ собаки числомъ отъ 4 до 12 и которыхъ впрягаютъ на разстояніи 4—5 аршинъ отъ самихъ собакъ, а погоняютъ и управляютъ ими длиннымъ хлыстомъ; упряжь также самая простая—самодѣльная. Эти животныя обладаютъ тѣмъ неоцѣненнымъ достоинствомъ, что не требуютъ никакого ухода; зимой, даже во время самыхъ суровыхъ холодовъ, эти собаки спятъ на открытомъ воздухѣ, хотя гренландцы и удѣляютъ этимъ животнымъ небольшой уголокъ въ домѣ, въ особенности, когда у послѣднихъ бываютъ щенята. Кромѣ того, эти собаки обладаютъ особымъ свойствомъ оставаться долгое время безъ пищи, а тамъ за-разъ поглощаютъ ее большое количество и, насытившись, готовы опять оста-

ваться долгое время безъ ѣды: притомъ, эти собаки хорошо приспособляются къ охотѣ: въ особенности, они умѣютъ ловить тюленей въ то время, когда тѣ дремлютъ на льду; въ виду всего этого, такія собаки представляютъ насущную необходимость для гренландца.

Въ Гренландіи въ маѣ мѣсяцѣ еще не показывается зелень на деревьяхъ, но въ полдень воздухъ нагрѣвается такою пріятною теплотою, что тюлени массами вылѣзаютъ на ледъ, чтобы подремать тамъ на солнцѣ; прежде бывало гренландцы подстерегали этихъ тюленей на льду. Здѣсь кстати замѣчу, что было очень интересно наблюдать за своеобразными движеніями этихъ животныхъ,—они то ложатся на бокъ и тогда кладутъ голову на ледъ и спятъ, то поворачиваются на спину и начинаютъ скрести себѣ тѣло передними ластами, то потягиваются, точно человѣкъ, затѣмъ оглядываются вокругъ и растягиваются на льду, наслаждаясь теплыми лучами полуденнаго солнца. Въ былыя времена гренландцы подходили къ этимъ животнымъ съ гарпуномъ и съ палкою въ рукахъ и старались подражать движеніямъ тюленей, ложились на ледъ, потягивались, закрывали глаза—словомъ выдѣлывали такія же штуки, какъ и эти животныя, на что гренландцы были очень способны и затѣмъ неожиданно нападали на свои жертвы съ гарпуномъ въ рукахъ; но теперь болѣе не употребляютъ гарпуновъ—ихъ замѣнили ружьемъ.

Когда наступитъ суровая зима, такъ что море покрывается сплошнымъ твердымъ льдомъ и засыпается снѣгомъ, тогда гренландцамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только сторожить тюленей у прорубей съ ружьемъ въ рукахъ; это приходится дѣлать крайне осторожно, потому что малѣйшее движеніе пугаетъ животное.

Эта охота невсегда удается; иногда гренландецъ простоитъ цѣлый день у проруби и возвращается домой съ пустыми руками, отмороженнымъ носомъ, а что еще всего хуже и съ пустымъ желудкомъ.

Обыкновенно, для ловли тюленей гренландцы собираются цѣлыми партіями, особенно это практикуется у ферда Оменака; тогда гренландцы размѣщаются на извѣстномъ протяженіи у прорубей и подстерегаютъ свою добычу, которая непремѣнно должна попасть къ кому-либо изъ нихъ.

Кромѣ тюленей для гренландцевъ имѣетъ большое значеніе бѣлая рыба и нарвалъ. Около половины ноября, когда солнце, въ это позднее время, около пополудня въ послѣдній разъ бросаетъ свои красноватые лучи на землю и затѣмъ уже наступаетъ длинная зимняя ночь, то первые нарвали попадаются въ фіордѣ Оменакъ и

ловятся еще пока море не затянуто льдомъ. Эти нарвали бываютъ длиною въ двадцать два фута и ихъ кожа считается лакомствомъ у гренландцевъ; подъ кожею находится толстый слой жиру, которымъ можно наполнить, по крайней мѣрѣ, двѣ бочки; затѣмъ идетъ мясо, которымъ вмѣстѣ съ другими съѣдобными частями также можно наполнить около двухъ бочекъ; такъ какъ нарвалъ очень великъ, то ее опасно ловить въ хрупкихъ коякахъ; это дѣлается только въ такомъ случаѣ, когда собирается нѣсколько охотниковъ, вмѣстѣ, которые могутъ помочь другъ другу, когда горпунгъ вонзенъ въ нарвала; тогда всѣ уже дѣлятъ добычу между собою; они отбираютъ тѣ части, которыя имъ могутъ быть пригодны, и все другое оставляютъ на мѣстѣ на пользованіе другимъ; тутъ собираются и взрослые и дѣти вокругъ добычи и происходитъ самая отвратительная сцена; всякій тащитъ себѣ, что попало, выказывая при этомъ такую жадность, которая можетъ вселить одно только отвращеніе въ каждаго человѣка, непривыкшаго къ подобнымъ сценамъ. Не пройдетъ и получаса, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ нарвалъ остается одно только кровяное пятно; собаки, обыкновенно, также сбѣгаются къ этому мѣсту, но жадные туземцы прогоняютъ ихъ ударами палокъ и толчками, а когда уже ничего уже не останется отъ нарвала, то собаки затѣваютъ драку между собою изъ-за кровянаго пятна, оставшагося послѣ нарвала, чтобы только удалось слизнуть запекшуюся кровь.

Бѣлая рыба, которая обыкновенно идетъ цѣлыми партіями и жиръ которой равняется тюленьему, ловится, по большей части, цѣлыми группами, въ особенности, въ такое время, когда ледъ застаетъ ее вблизи берега и ей запертъ ходъ въ море.

Кромѣ того гренландцы питаются еще многими другими морскими животными и рыбами, которыя водятся въ морѣ въ большомъ изобиліи и которыми могло-бы кормиться населеніе гораздо многочисленнѣе того, которое обитаетъ на островѣ Гренландіи; но между тѣмъ, легкомысленные гренландцы часто терпятъ голодъ, потому что во время изобилія они не думаютъ о запасахъ и о томъ, что можетъ наступить такой день, когда имъ придется терпѣть недостатокъ въ пищѣ.

Они, напримѣръ, мало обращаютъ вниманія на птицъ, а между тѣмъ въ горахъ на сѣверѣ такое множество птицъ, что одинъ человѣкъ могъ-бы настрѣлять ихъ цѣлыя сотни въ одинъ день, а у гренландцевъ нѣтъ даже и ружей для птицъ; даже въ Упернавлоскомъ округѣ, гдѣ такое обиліе пернатыхъ пѣвуновъ, можно про-

путешествовать лѣтомъ цѣлый день и нигдѣ не достать кусочка дичи, и уже нужно непремѣнно самому настрѣлять себѣ дичи. Въ южныхъ округахъ еще нѣсколько болѣе занимаются охотою на птицъ въ особенности въ фіордѣ Якобсговна, гдѣ птицы ловятся самымъ остроумнымъ способомъ. Гренландцы отправляются въ своихъ коякахъ и ставятъ плавучія западни, прикрѣпляя къ нимъ что либо блестящее или какую нибудь приманку; затѣмъ они удаляются на нѣсколько минутъ и тогда птица попадаетъ въ ловушку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собираютъ тысячами яица, пухъ и перья. Первый и послѣднія идутъ, какъ для домашняго употребленія, такъ и на продажу.

Въ противоположность морю, почва земли представляетъ крайне скудный источникъ для пропитанія человѣка и то онъ можетъ добывать себѣ только охотою. Гренландцы обыкновенно изъ различныхъ сосѣднихъ мѣстностей заманиваютъ къ себѣ сѣверныхъ оленей, вслѣдствіе чего владѣльцамъ такихъ стадъ приходится лѣтомъ вести кочующую жизнь, чтобы животныя могли кормиться.

Скотоводство въ Гренландіи ограничивается все 30 головами рогатаго скота, 20 головами овецъ и 100 головами козъ которыхъ держатъ въ округѣ Юліансгаабѣ. Если запаса сѣна не оказывается достаточнымъ на зиму, то коровъ кормятъ и козъ кормятъ сушеной рыбой, которую они ѣдятъ съ удовольствіемъ. Куры иногда разводятся европейцами, но только это обходится очень дорого, потому что хотя куры и ѣдятъ охотно сушеную рыбу, но ихъ кормить ею нельзя, такъ какъ отъ нея мясо и яйца получаютъ непріятный запахъ. Гренландцы Юліансгааба иногда держатъ по нѣсколько куръ, которыя помѣщаются въ подвальныхъ проходахъ домовъ и питаются отбросками; но эти несчастныя созданія врядъ-ли можно назвать курами.

Растительность въ Гренландіи, конечно, не можетъ быть названа особенно обильною. Въ южной Гренландіи датскіе чиновники разводятъ въ садахъ картофель и это считается у нихъ большою рѣдкостью, такъ какъ онъ требуетъ усерднаго ухода, чтобы вырости, созрѣть и быть годнымъ къ употребленію въ пищу.

Рѣпа, свекла, морковь, капуста, салатъ и шпинатъ еще достигаютъ полнаго созрѣванія въ южной Гренландіи, гдѣ разводятся также и ячмень, только въ огородахъ, но колосья на немъ очень тонки и недостаточно мучнисты. Вообще, огородныя растенія не могутъ имѣть большого значенія въ Гренландіи; ихъ сѣютъ и садятъ европейцы только ради удовольствія, или, какъ воспоминаніе о да-

лекой родинѣ; изъ туземныхъ растеній этого острова можно упомянуть о нѣкоторыхъ кустарникахъ; нѣкоторые изъ плодовъ этихъ растеній употребляются въ пищу, другіе служатъ, какъ лѣкарственныя средства; накопецъ, стволъ и прутья иныхъ примѣняются, какъ топливо.

Конечно, въ такихъ странахъ, какъ Гренландія, не можетъ быть и рѣчи о большихъ дремучихъ лѣсахъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, защищенныхъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра, растутъ березы, которыя достигаютъ значительной высоты.

Въ Гренландіи, во время жаркаго лѣта, вызрѣваетъ много ягодъ, какъ напримѣръ голубики и брусники; этихъ ягодъ, въ округахъ Христіангобскомъ и Якобсгообскомъ можно было наѣсться до-сыта и кромѣ того еще сдѣлать большой запасъ сушеныхъ на долгую сѣверную зиму.

Спачала на минеральныя богатства Гренландіи не обращали никакого вниманія и только въ послѣднее время они стали привлекать къ себѣ взоры спекулянтовъ.

. Въ 1850 году была послана въ Гренландію первая экспедиція для розысканія тамъ минеральныхъ богатствъ; но различныя попытки разработать свинцовую и мѣдную руду при Нанорзокѣ и Аркзакфіордѣ, оказались неудачными.

Трудность перевоза и недостатокъ въ рабочихъ рукахъ много препятствуютъ этому дѣлу; туземцы такъ заняты своею охотою и рыбною ловлею, что у нихъ рѣшительно не остается времени для другой работы; если-же вывозить изъ Европы рабочихъ для рудъ и каменно-угольныхъ копей, то это обойдется очень дорого, потому что тогда придется вывозить для нихъ изъ Европы и всѣ съѣстные припасы; а врядъ-ли въ Гренландіи найдется столько минеральныхъ богатствъ, ради которыхъ выгодно было-бы рисковать такимъ большимъ капиталомъ.

Относительно нравовъ и обычаевъ эскимосовъ можно сказать то-же самое, что мы уже говорили въ главѣ объ эскимосахъ и къ этому остается прибавить очень немного. У гренландцевъ почти такой-же образъ жизни, какъ и у эскимосовъ, такая-же ловкость въ ловлѣ морскихъ животныхъ и рыбъ, гренландцы приняли христіанство уже болѣе 120 лѣтъ тому назадъ, но ихъ образованіе туго подвигается впередъ, хотя, нельзя ставить этого въ укоръ миссіонерамъ. Можно себѣ представить, какъ трудно распространять образованіе въ странѣ съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, какъ Гренландія, гдѣ жители разбросаны повсюду и притомъ еще большую часть года ведутъ кочевую жизнь.

Но гренландцы, несмотря на свою любовь къ свободѣ, все-же обладаютъ склонностью къ ученію, такъ-что можно было-бы устроить въ колоніяхъ правильное посѣщеніе школъ. Кромѣ этого похвальнаго качества—жажды къ образованію—гренландцы отличаются еще добродушіемъ и миролюбіемъ; въ ихъ странѣ нѣтъ даже и малѣйшаго признака того, что у насъ называется полиція или законъ, а между тѣмъ, тамъ не бываетъ никогда ни безпорядковъ, ни возмущеній. По своимъ отношеніямъ къ датчанамъ, гренландцы ведутъ себя, какъ самые вѣрные подданные и живутъ согласно и мирно съ поселившимися между ними европейцами.

Что-же касается до поселившихся въ Гренландіи европейцевъ, то тамъ кромѣ миссіонеровъ, большая часть переселенцевъ состоитъ на службѣ у торговыхъ обществъ. Всѣ эти переселенцы, живущіе въ Гренландіи, очень довольны своею судьбою и даже неохотно оставляютъ эту страну, а остающіеся тамъ европейцы достигаютъ преклоннаго возраста. Покойная жизнь, безъ всякихъ заботъ о каждомъ днѣ, вдали отъ треволненій большого свѣта объясняютъ это предпочтеніе европейцевъ къ тихой Гренландіи, которая, при всемъ своемъ суровомъ и холодномъ климатѣ, очень полезна для здоровья человѣка; кромѣ того, эта страна даетъ много наслажденій для любителей природы, наслажденій, которыя врядъ-ли найдутъ эти люди даже въ Швейцаріи. Тутъ, какъ и въ Альпахъ, встрѣчаются и ледники и величественныя горы; тутъ есть и чудныя долины, и темныя ущелья, и глубокія пропасти, и великолѣпныя водопады; но кромѣ всего этого, тутъ есть еще и великолѣпное море, котораго нѣтъ въ Швейцаріи.

По берегамъ моря есть такія мѣста, которыя лѣтомъ почти теряются для глазъ, а зимой, когда ледъ покроетъ море, то ихъ очень удобно разсматривать; точно также зимою, нѣкоторые скалы и утесы, покрытые льдомъ и снѣгомъ, принимаютъ какой-то особый фантастическій видъ; есть тутъ и пещеры, которыя далеко превосходятъ, такъ называемыя, сталлактитовыя пещеры; въ Гренландіи такія пещеры мерцаютъ самыми различными оттѣнками цвѣтовъ: синяго, зеленаго и оранжеваго, что представляетъ чудный видъ между блестящей бѣлизной снѣжной массы и темными внутренними стѣнами этихъ пещеръ въ скалахъ.

ГЛАВА XXXII.

Ньюфундлендъ.

Ньюфундлендскій берегъ. — „Spout“ или брызги.—Внутренность страны — лѣса.—Ихъ непроходимость.—Пустыни.—Пруды.—Суровый климатъ.—Малочисленность населенія.—Богатство моря.—Сентъ Джонсъ.—Исторія Ньюфундленда. — Соперничество англичанъ и французовъ.—Большая банка.—„Горлорѣзъ“.—„Головорѣзъ“.—Буря на банкѣ.—Буря у Ньюфундленда.

Ньюфундлендъ представляетъ суровый и мрачный видъ для пассажировъ, подъѣзжающихъ на кораблѣ, къ этому острову; весь его берегъ окутанъ туманомъ, сквозь который виднѣются голыя скалы и далѣе за ними—горы съ самою скудною растительностью. Между прибрежными скалами есть одно ущелье, изъ котораго постоянно бьетъ вода и производитъ крайне своеобразныя явленія. При бурной погодѣ въ эту пещеру проникаютъ разсвирѣпѣвшія волны съ большою силою и затѣмъ пробиваютъ себѣ отверстіе на поверхности скалистаго берега, откуда онѣ бьютъ исполинскими водяными столбами, которые можно видѣть издали за нѣсколько миль. Такіе естественные фонтаны можно видѣть во многихъ странахъ, въ мѣстахъ, гдѣ прибрежныя скалы изрыты ущельями и пещерами; такъ напримѣръ,—въ Ирландіи, на островѣ Гоццо, на мексиканскомъ берегу, на Тихомъ океанѣ, гдѣ знаменитый «Буффадеро», постоянно выбрасываетъ водяные столбы вверхъ, которые разсыпаются въ воздухѣ на милліарды блестящихъ брызгъ.

Внутренность Ньюфундленда такъ же непригляднa, какъ и ея прибрежная скалистая полоса; тамъ встрѣчаются только то озера, то болота, то лѣса, то голыя степи.

Лѣса, если только такъ можно ихъ назвать, находятся почти всегда на скатахъ холмовъ или по краямъ долинъ, гдѣ обыкновенно находится естественный скатъ воды. Эти лѣса состоятъ большею частью изъ елей низкихъ и изогнутыхъ, которыя обыкновенно такъ близко ростутъ одна къ другой, что ихъ суки и вѣтви переплетаются между собою съ верху до низу. Въ этихъ застарѣлыхъ лѣсахъ встрѣчаются и сухія отжившія деревья съ засохшими стволами и суками, перемѣшанныя съ молодыми побѣгами и все вмѣстѣ представляетъ густую непроходимую чащу. Нѣкоторыя деревья покрыты мхомъ, а по землѣ стелется зеленый мохъ, покрывающій самые корни деревьевъ, кочки, ямы, свалившіеся деревья, такъ что ходьба по такому лѣсу представляетъ большую опасность и большое затрудненіе. Даже въ долинахъ и другихъ, повидимому, ровныхъ мѣстностяхъ вся волнистая поверхность покрыта зеленымъ мягкимъ мхомъ и такимъ образомъ, представляетъ обманчивый видъ. Свѣжая зелень мха придаетъ такимъ мѣстностямъ крайне роскошный видъ и на взглядъ человѣка, незнакомаго съ этою почвою, приводитъ къ тому убѣжденію, что это очень удобная почва для пашни; но при болѣе близкомъ ознакомленіи съ этою почвою оказывается, что тутъ вмѣсто хорошихъ питательныхъ травъ растутъ только безполезныя тайнобрачныя.

Степи Ньюфундленда это большія пространства земли, которыя тянутся по вершинамъ холмовъ и по ихъ заднимъ склонамъ и покрыты очень бѣдною растительностью, состоящею изъ ягодныхъ растеній и крошечныхъ кустарниковъ.

Есть и совершенно голыя каменистыя мѣстности, лишенныя всякой растительности.

Но самая поразительная особенность Ньюфундленда это неисчислимое множество озеръ, которыя называются здѣсь «ponds» или прудами. Такія озера встрѣчаются повсемѣстно, не только въ долинахъ, но и на возвышенностяхъ, даже въ углубленіяхъ и на вершинахъ самыхъ высокихъ холмовъ. Почти невозможно пройти, въ какомъ-бы то ни было направленіи, тысячи шаговъ, не наткнувшись на какое-либо изъ этихъ озеръ. На Ньюфундлендѣ очень цѣнятъ такое обиліе прѣсной воды, которая занимаетъ почти треть острова. Но несмотря на такое обиліе озеръ, на Ньюфундлендѣ крайне поражаетъ отсутствіе большихъ судоходныхъ рѣкъ. Такое отсутствіе, конечно, объясняется волнообразною формою почвы острова, а также и высокими холмами съ глубокими пропастями и частыми ущельями и пещерами; хотя въ то же время на Ньюфундлендѣ

встрѣчается масса небольшихъ горныхъ потоковъ, которые мало приносятъ пользы.

Хотя Ньюфундлендъ и лежитъ почти на одной широтѣ съ Франціею и южною Германіею, но климатъ тамъ очень суровъ, вслѣдствіе полярныхъ теченій, прибивающихъ къ острову всякую весну массу льдинъ, охлаждающихъ атмосферу; поэтому и зима на Ньюфундлендѣ бываетъ очень продолжительна и сурова; во время короткаго лѣта часто бываютъ холодные вѣтры и густые туманы, что, конечно, не даетъ развиться на островѣ земледѣлію, а тамъ садятъ только капусту, рѣпу и картофель. Вслѣдствіе такого суроваго климата на Ньюфундлендѣ очень рѣдкое населеніе; тамъ насчитывается всего только 90,000 жителей, тогда какъ пространство острова достигаетъ 1,650 кв. миль; пожалуй, населеніе было-бы еще рѣже, если-бы море не было-бы такъ обильно рыбою и морскими животными. Для этого жители и селятся по побережью, чтобы брать съ моря обильную дань.

Эти рыболовы, поселившіеся у небольшихъ бухтъ, рѣдко имѣютъ сообщеніе съ другими людьми; только изрѣдка эти люди выѣзжаютъ изъ своихъ поселеній для обмѣна продуктовъ въ большихъ городахъ Ньюфундленда—въ Сентъ Джонсѣ или въ Плацепціи.

Сентъ Джонсъ, главный городъ острова, находится близъ одной большой и безымянной гавани. Этотъ городъ состоитъ изъ одной большой улицы, отъ которой идутъ нѣсколько переулковъ. Дома тамъ все деревянные, за исключеніемъ правительственныхъ зданій, выстроенныхъ изъ камня. Въ городѣ очень много гостинницъ, въ которыхъ поглощается большое количество пива, водки и рома моряками и рыболовами, изъ которыхъ, большею частью и состоитъ населеніе города, доходящее до 15,000 жителей; по временамъ, это населеніе нѣсколько увеличивается, а именно, въ періодъ рыбной ловли, а затѣмъ, по отъѣздѣ кораблей въ Европу, снова уменьшается.

Тамъ бываютъ очень частые пожары и это нисколько не удивительно при такихъ низкихъ деревянныхъ постройкахъ, въ которыхъ живутъ люди, любящіе пьянствовать; такіе пожары, конечно, причиняютъ большія опустошенія. По эти деревянныя хижины строятся опять вновь, а море со своими обильными дарами скоро заставляетъ жителей забывать о понесенныхъ ими убыткахъ.

Населеніе города, какъ мы уже сказали, состоитъ большею частью, изъ рыболововъ или ихъ потомковъ и нѣкоторые изъ разбогатѣвшихъ отъ этого промысла людей, ведутъ себя крайне гордо и

смѣшно. Тутъ литература въ полномъ пренебреженіи; англичанинъ, пріѣхавшій сюда изъ Европы, не долженъ удивляться, что тутъ говорятъ по-англійски съ самыми грубыми ошибками, такъ какъ эти люди не получили почти никакого образованія.

Ньюфундлендъ сталъ извѣстенъ съ 1497—1498 гг., когда король англійскій Генрихъ VII послалъ туда эскадру подъ начальствомъ Іоганна Себастіана Кабота; но еще за четыреста лѣтъ до того времени, скандинавскіе моряки уже видѣли этотъ большой островъ. Во время царствованія преемника Генриха VII, короля Генриха VIII съ Ньюфундлендомъ была заведена торговля треской и съ того времени, корабли Англіи, Италіи, Испаніи и Португаліи ежегодно посѣщали берега Ньюфундленда. Прекрасныя гавани, расположенныя по берегамъ этого острова, обыкновенно попадали въ руки тѣхъ, корабли которыхъ весною входили туда первыми; конечно, изъ-за этого происходило не мало споровъ и неурядицъ. Чтобы положить конецъ такимъ безпорядкамъ, сэръ Гумфрей Джальбертъ въ 1583 г. съ небольшою эскадрою выѣхалъ изъ Плимута и послѣ труднаго и опаснаго пути прибылъ въ Сентъ Джонсъ, гдѣ отъ имени королевы Елизаветы торжественно вступилъ во владѣніе страною.

Тогда всѣ, лежащія по сосѣдству, побережья были раздѣлены на округа и собственники этихъ земель добровольно согласились платить ежегодно жалованье губернатору, въ надеждѣ, что имъ будетъ лучше и удобнѣе сбывать свой товаръ. Дѣйствительно, это новое устройство имѣло благотворное вліяніе на торговлю Ньюфундленда, такъ какъ уже въ 1615 году у береговъ стояло 215 англійскихъ торговыхъ кораблей. Но рыболовный промыселъ англичанъ былъ скоро вытѣсненъ другими націями, которыя ежегодно посылали по 400 кораблей за покупкою трески и жира; это-то и понудило англичанъ основать здѣсь колоніи. Сэръ Джоржъ Кальвертъ, секретарь короля Іакова I устроилъ провинцію Авалонъ и оттуда мало-по-малу англійскіе рыболовы овладѣли почти всѣмъ восточнымъ берегомъ острова. Эти рыболовы собирались обыкновенно въ Сентъ-Джонсъ, куда приставали корабли съ ихъ родины и снабжали этихъ переселенцевъ всѣмъ необходимымъ взамѣнъ продуктовъ ихъ рыболовства.

Также и другія націи пользовались нѣкоторыми выгодами, которыя извлекали англичане изъ ихъ колоній. Французы основали колоніи на сѣверномъ и южномъ берегахъ острова и построили городъ Плаценцію, который занимаетъ на островѣ первое мѣсто послѣ Сентъ Джонса и имѣетъ 5,000 жителей. То участіе, которое при-

нимала эта нація въ рыболовствѣ весьма естественно послужило причиною многихъ неудовольствій; въ особенности, не нравилось это англичанамъ, которые не любили, чтобы вмѣшивались въ ихъ дѣла. Поэтому Великобританія потребовала въ силу Уттрехтскаго договора полнаго обладанія островомъ, а Франція, довольная заключить миръ при какихъ-бы то ни было условіяхъ, согласилась на такую жертву и только выговорила для своихъ подданныхъ право сушить на берегу острова рыбу, пойманную ими на сосѣднихъ съ Ньюфундлендомъ отмеляхъ. Согласно послѣднимъ договорамъ французамъ, пришлось ограничиться только небольшими островами Пьерро и Миквелонъ; но такъ какъ французы не имѣли права строить тутъ крѣпостей, то, при возникновеніи войны между обѣими націями, должно было возникнуть и препятствіе къ рыбной ловлѣ. Кромѣ англичанъ и французовъ, имѣли право ловить на отмеляхъ рыбу только одни американцы; но когда Англія, съ стѣсненнымъ сердцемъ, принуждена была признать независимость своихъ бывшихъ колоній, то эти послѣднія весьма благоразумно выговорили себѣ въ одной изъ статей мирнаго трактата, право совмѣстнаго пользованія рыбною ловлею на берегахъ Ньюфундленда.

Англичане въ нѣсколько лѣтъ послали въ Ньюфундлендъ 1,500 кораблей съ 14,500 матросами и было наловлено 46 милліоновъ большихъ рыбъ; американцы послали болѣе 2,000 кораблей съ 24,000 матросами; французы—около 200 кораблей съ 3,000 матросами; изъ этого можно составить себѣ ясное понятіе о важномъ значеніи этой рыбной ловли и кромѣ того, такія морскія путешествія еще очень полезны и для экипажей кораблей, какъ хорошая морская школа.

Такъ называемая «Большая банка» превосходящая своимъ обиліемъ рыбы всѣ бухты и побережья сосѣднихъ странъ, находится къ юго-востоку отъ Ньюфундленда и отдѣляется отъ острова только узкимъ каналомъ. Отъ сѣвера къ югу эта банка тянется на 600 англ. миль, и ширина ея не болѣе 200 миль. По южному направленію банка съуживается все болѣе и болѣе и наконецъ, оканчивается острымъ языкомъ. Эта «Большая банка» въ теплое время года обилуетъ баснословнымъ количествомъ рыбы, между которою треска занимаетъ первое мѣсто. Ей Ньюфундлендъ обязанъ и своимъ значеніемъ,

Зимою эта рыба скрывается въ болѣе глубокихъ мѣстахъ, а въ мартѣ и въ апрѣлѣ она въ изобиліи подплываетъ къ Ньюфундленду; тогда-же поднимаются и ея преслѣдователи и не только изъ Нью-

фундлендскихъ бухтъ, но и изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ Франціи; въ это время море кишитъ судами, преимущественно, шкунами, управляемыми молодыми сильными руками, такъ какъ для такой утомительной работы требуется и извѣстная сила. При ловлѣ рыбъ для того, чтобы одинъ не мѣшалъ другому, рыболовы устраиваются такъ, что у каждаго изъ нихъ есть свое опредѣленное мѣсто. Шнуры удочекъ бываютъ такой длины, чтобы они могли доставать до дна, слѣдовательно, 30—40 саженей; треска не плаваетъ по поверхности, какъ сельди, а держится всегда на извѣстной глубинѣ. Приманкою обыкновенно служатъ кусочки такъ называемой чернильной рыбки или нѣчто въ родѣ кусочковъ небольшихъ лососей, которыхъ, именно, для этой цѣли ловятъ въ большомъ количествѣ у сѣверо-американскихъ береговъ.

Весною треска всегда бываетъ очень жадна на приманку, она всегда быстро бросается на мнимый кусочекъ. Въ ту-же минуту рыболовъ поднимаетъ шнуръ удочки и жертва очутится на поверхности воды. Если рыба слишкомъ тяжела для одного человѣка, то онъ зоветъ на помощь товарища; лишь только рыба покажется изъ воды, какъ въ нее вонзаютъ большой желѣзный крючекъ, прикрѣпленный на длинной палкѣ и такимъ образомъ ее поднимаютъ на палубу. Обыкновенный вѣсъ трески бываетъ 14 фунтовъ, но иногда встрѣчаются рыбы и въ 50 фунтовъ вѣсу.

Мудрая пословица говоритъ: «куй желѣзо, пока оно горячо», и рыбаки ловятъ рыбу цѣлые часы, пока положительно не наполнится ею почти вся палуба, такъ что для очищенія мѣста, необходимо приняться за распластовку и соленіе рыбы.

Эта важная работа производится на доскахъ, концы которыхъ положены на бочки, такъ что это представляетъ нѣчто въ родѣ небольшого стола. Каждый человѣкъ прежде всего вырѣзаетъ языки рыбамъ, которыхъ поймалъ, такъ какъ онъ по числу такихъ языковъ, получаетъ и плату за свои труды; затѣмъ уже весь экипажъ принимается за работу.

Сначала рыба попадаетъ въ руки «*горлорѣзу*», который обоюдоострымъ ножемъ прорѣзаетъ ей горло до самыхъ костей, разрѣзаетъ животъ и подвигаетъ ее къ «*рѣзателю головъ*», который, однимъ взмахомъ ножа, отдѣляетъ голову отъ туловища, вычищаетъ изъ головы внутренности и подвигаетъ рыбу «*пластовщику*». Этотъ быстрымъ движеніемъ руки вынимаетъ почки, дающія извѣстный рыбій жиръ, затѣмъ вкусный пузырь, отдѣляетъ отъ ненужныхъ внутренностей, которыя бросаетъ за бортъ. Послѣ этого пластовщикъ

быстрымъ движеніемъ ножа раздѣляетъ рыбу отъ головы до хвоста на двѣ части, затѣмъ вынимаетъ пожемъ хребтовую кость, соскабливаетъ съ нея мясо и одною рукою бросаетъ эту кость за бортъ, а другою пододвигаетъ рыбу «промывальщикамъ». Послѣ этого рыба переходитъ въ руки «солильщикамъ», а затѣмъ уже къ «упаковщикамъ». Солить рыбу очень трудно и эту работу слѣдуетъ производить съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ отъ этого зависитъ ея цѣна; если соли будетъ слишкомъ много, то она окажется негодною для пищи, а если слишкомъ мало, то она можетъ испортиться во время такого продолжительнаго пути. Обыкновенно берется рыба, посыпается солью и потомъ кладется спиною кверху слоями. Наконецъ, упаковщикъ складываетъ ее въ бочки. Соленіе рыбы и ея упаковка поручается самымъ опытнымъ людямъ изъ всего экипажа.

Обыкновенно, близъ береговъ Ньюфундленда всегда бываютъ густые туманы, такъ что съ одного судна не видно, что дѣлается на другомъ, хотя ясно слышенъ и смѣхъ и разговоры рабочихъ. Во время такихъ густыхъ тумановъ часто разражается на морѣ буря; тогда суда, чтобы не столкнуться другъ съ другомъ зажигаютъ сигнальные фонари или же трубятъ въ трубы во избѣжаніе столкновенія. Но иногда корабли погибаютъ и отъ сильныхъ волнъ, заливающихъ палубу и они идутъ ко дну; другой разъ случается, что сильный штормъ налетаетъ на судно, бросаетъ его на прибрежныя скалы и оно разбивается; тогда погибаетъ и весь экипажъ. На «Большой Банкѣ» изъ года въ годъ погибаетъ нѣсколько судовъ во время ловли трески и многимъ хорошо извѣстно, какой это, хотя и прибыльный, но крайне опасный промыселъ.

Кромѣ безчисленнаго легіона рыбъ, который море посылаетъ въ даръ людямъ, еще крайній сѣверъ каждую весну гонитъ къ берегамъ Ньюфундленда множество тюленей. Громадныя массы плавучаго льда, которыя гонитъ морское теченіе изъ Гудзонова залива и Девисова пролива къ югу, приносятъ Ньюфундленду холодъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ и массу тюленей; на ловлю этихъ животныхъ выѣзжаютъ на судахъ не только изъ всѣхъ гаваней Ньюфундленда, но даже и изъ далекой Шотландіи. Достигнувъ льдинъ, экипажъ судовъ выходитъ изъ лодокъ и, вооружившись палками, нападаетъ неожиданно на тюленей и убиваетъ ихъ; но съ нѣкотораго времени численность пребывающихъ тюленей нѣсколько уменьшилась и хотя плавучій ледъ, по прежнему, большими массами приплываетъ къ берегамъ Ньюфундленда, неся съ собою холодъ и стужу, но

дастъ далеко не столько тюленей съ ихъ дорогимъ жиромъ, саломъ и мѣхомъ, какъ въ прежніе годы; такимъ образомъ, непомѣрное преслѣдованіе тюленей въ былыя времена нанесло убытокъ самимъ охотникамъ, которыя сами наказали себя за свою чрезмѣрную алчность.

ГЛАВА XXXIII.

Исландія.

Исландія зимою и лѣтомъ.—Ледники и потоки лавы.—Бѣдность минеральнаго царства.—Кузнецкія горы.—Большой Гейзеръ.—Строккуръ.—Внутреннія воды.—Вліяніе морскихъ теченій на климатъ.—Буря.—Растительность.—Скотоводство.—Туземныя млекопитающіяся.—Птицы.—Обиліе рыбъ.

Островъ Исландія, къ описанію котораго мы переходимъ въ настоящей главѣ, лежитъ на Сѣверномъ океанѣ, мѣстами круто поднимаясь отъ моря на высоту до 2000 ф., мѣстами образуя плоскую береговую полосу. Почти весь островъ изрѣзанъ заливами и фіордами; тутъ-же тянутся снѣговыя горы и ледники, а рядомъ съ ними отвердѣвшіе потоки лавы, свидѣтельствующіе о страшныхъ землетресеніяхъ и вулканическихъ изверженіяхъ. Эти изверженія настолько сильны и опустошительны, такъ рѣзко даютъ о себѣ знать окружающей мѣстности, какъ нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ. Зимою, когда глубокій снѣгъ покроетъ землю, когда морскія волны, гонимыя бурнымъ вѣтромъ, съ шумомъ ударяются о берега фіордовъ, и наконецъ, когда, среди мрака ночи, пространство освѣщается страшнымъ огнемъ пылающаго кратера, нельзя представить себѣ болѣе живой картины, изображающей хаосъ.

Но зато въ іюнѣ, когда быстро преходящее лѣтнее солнце разогрѣетъ замерзшіе луга, дикая романтическая природа Исландіи бываетъ даже пріятною и взору человѣка представляются зеленыя пажити, маленькія озера, краснымъ верескомъ покрытые холмы и ослѣпительно бѣлыя горныя вершины.

Во всякомъ случаѣ, Исландія достойна вниманія путешественника: она интересна своей исторіей, своей природой, своими жителями. Въ Исландіи найдется очень многое, что можетъ интере-

совать поэта, художника, геолога, историка. Не найдетъ ничего только тотъ, кто цѣнитъ страну по ея производительности и почвѣ, которая не производитъ ни хлѣбовъ, ни лѣса и на $^1/_3$ состоитъ изъ лавы, ледниковъ, болотъ и вересковъ.

Исландскіе глетчеры занимаютъ пространство почти на 200 квадр. миль (около $^1/_7$ части всего острова). Ледники образуются только тамъ, гдѣ обширныя горныя массы заходятъ за снѣжную линію, на высотѣ около 4000 футовъ; отсюда спускаются глетчеры въ болѣе глубокія долины и даже подходятъ къ морю, разрушая, какъ въ Альпійскихъ долинахъ, плодородные луга. Во всей сѣверной половинѣ Исландіи, гдѣ горы большею частію невысоки, почти нѣтъ ледниковъ; самые большіе ледники находятся на юго-востокѣ острова, въ странѣ, гдѣ въ послѣднія столѣтія происходили страшныя вулканическія изверженія. Здѣсь разрушительная сила воды дѣйствуетъ, какъ бы чередуясь съ силою подземнаго огня.

Сарторскій фонъ Вельтерсгаузенъ въ своихъ физико-географическихъ очеркахъ Исландіи увлекательно описалъ Арнарфельсъ—Іокулъ или Орлиный ледникъ, находящійся на высокой плоской возвышенности во внутренности острова. «Среди печальной пустыни чернаго вулканическаго песка покоятся кристальные, сѣрыми туманными слоями окруженные своды этого ледника, и здѣсь въ ужасающемъ одиночествѣ онъ самъ дивится своему величію, только ропотъ скрытыхъ источниковъ и журчанье ледяныхъ рѣкъ, которыя соединяясь, послѣ короткаго пути образуютъ Тіорзу, одни оживляютъ своими однообразными звуками эту безмолвную, нѣмую пустыню, отъ которой бѣжитъ человѣкъ. Зубчатый Арнарфельсъ высоко поднимается надъ ослѣпительнымъ бѣлымъ, лазуревыми трещинами изрѣзаннымъ ледянымъ покровомъ, который двумя большими вѣтвями обнимаетъ гору съ трехъ сторонъ и, только съ востока, при подошвѣ горы, щадитъ луга. Путнику и его измученнымъ лошадямъ это травою покрытое мѣсто издали представляется оазисомъ въ пустынѣ, такъ какъ обѣщаетъ удобный ночлегъ и отдыхъ послѣ дневныхъ трудовъ».

Какъ исландскіе ледники значительно превосходятъ величиной вѣчные Альпійскіе льды, такъ-же точно рѣки лавы Этны покажутся малыми и ничтожными въ сравненіи съ громадными полями сплавленныхъ горныхъ породъ, въ различныя времена выброшенныхъ изъ многочисленныхъ вулкановъ Исландіи. Такъ, удивленный путешественникъ съ горы Скіальдебрейтъ видитъ по обѣ стороны озера Тингвалла до мыса Рейкіана непрерывную массу лавы, имѣющую

болѣе 20 миль въ длину и мѣстами разширяющуюся до 4—5 миль. Еще большія поля лавы встрѣчаются въ иныхъ мѣстностяхъ, но всѣ внутри острова.

Вообще, всѣ эти большіе исландскіе потоки лавы представляютъ печальную пустыню; черныя глыбы фантастически нагромождаются другъ на друга и, прибившись къ утесу или къ подножію горы, напоминаютъ своимъ видомъ весенній ходъ льда на исполинскихъ рѣкахъ; хаосъ камней лежитъ послѣ изверженія въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, не покрываясь растительностію; если-же, наконецъ, послѣдняя одолѣетъ препятствія, то камни одѣнутся ковромъ изъ тощихъ тайнобрачныхъ, или ползучихъ по землѣ тальниковъ и березовыхъ слапоевъ. Хотя вулканъ изверженіями своихъ гигантскихъ отдушенъ Геклы (5290 футовъ высоты), Краблы, Кетлугіи, Скапстаръ-Іокула, Эіафіалы, Снефіалъ-Іокула (почти 5000 футовъ), Эрефы (болѣе 6000 футовъ, самая высокая точка на Исландіи)— часто наноситъ вредъ и причиняетъ несчастіе исландцамъ, хотя вулканъ очень щедръ на опустошительныя рѣки лавы и дожди пепла, но въ то же время онъ очень скупъ на полезные минералы. Въ Исландіи нѣтъ ни благородныхъ, ни неблагородныхъ металловъ, по крайней мѣрѣ, въ количествѣ, стоющемъ разработки; здѣсь нѣтъ и каменнаго угля, который могъ бы вознаградить съ лихвою за недостатокъ всѣхъ прочихъ минеральныхъ богатствъ.

Бурый уголь, хотя и встрѣчается во многихъ мѣстахъ, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что нечего и думать о промышленной разработкѣ этого горючаго матеріала.

Мѣстонахожденія сѣры въ Исландіи также весьма ограничены. Когда въ 1839 и 1840 годахъ богатство сѣры въ Сициліи повело къ важнымъ политическимъ объясненіямъ между Британскимъ и Неаполитанскимъ правительствами и монополія одной французской компаніи устроила средніи цѣны сѣры на европейскихъ рынкахъ, тогда одинъ предпріимчивый датскій купецъ, Кнудзенъ изъ Копенгагена, рѣшился снова приняться за Кризувикскую сольфатару. Но даже и при тогдашнихъ, страшно высокихъ, цѣнахъ на этотъ матеріалъ, эта попытка едва покрыла издержки. Большія издержки за провозъ сѣры отъ Кризувика до берега и очень нечистая, въ землѣ скудно распредѣленная, сѣра скоро положили конецъ разработкѣ этой руды. Сольфатары Исландіи не могутъ существовать рядомъ съ сицилійскими, такъ какъ въ Сициліи бросается и топчется ногами болѣе сѣры, чѣмъ, добывается ее во всей Исландіи. Если сѣверо-исландскіе *намары*, которыя много богаче Кризувикскихъ,

доставляютъ въ годъ не болѣе 200 центнеровъ, сицилiанскiе сольфаторы въ то же время безъ труда даютъ милліонъ центеровъ, а въ случаѣ нужды могли бы давать и вдвое болѣе.

Но если Краснопикскія «горящія горы» (Brennis tainater) доставляютъ мало дешевой сѣры. тѣмъ не менѣе они составляютъ одну изъ главныхъ достопримѣчательностей острова, и каждый путешественникъ, ищущій сильныхъ ощущеній, непремѣнно ихъ посѣтитъ; здѣсь все соединилось такъ, чтобы потрясти человѣка даже съ крѣпкими нервами. Весь склонъ горы и пещеры у ея подошвы покрыты густымъ паромъ, клубами выходящими изъ почвы. Во многихъ мѣстахъ почва такъ мягка, что на каждомъ шагу можно опасаться продавить тонкую сѣрную кору, или завязнуть въ мягкой глинѣ. Судьбу человѣка, подвергшагося такой участи, легко понять изъ того, что если снять кору сѣры, то вдругъ поднимается удушливый паръ, а термометръ, отпущенный въ глину, поднимается почти до точки кипѣнія воды. Въ глубинѣ пещеры находится огромный бассейнъ футовъ въ 15 въ поперечникѣ, наполненный кипящей массой. Не придумаешь лучшаго котла для Макбетовыхъ вѣдьмъ. Черная масса клокочетъ и клубится, иногда выбрасывая всплески, футовъ на 10 — 12 въ вышину. Впечатлѣніе этой ужасной картины еще усиливается шумомъ, производимымъ огромнымъ столбомъ пара, съ силою вырывающагося изъ узкой трещины въ скалѣ. Постоянный шумъ отъ этого пара, слышится уже на разстояніи мили.

Дѣйствіе подземнаго огня не ограничивается одними горящими горами и вулканическими изверженіями, такъ часто подвергавшими бѣдныхъ исландцевъ въ бѣдственное положеніе, но проявляется не менѣе сильно и въ безчисленныхъ теплыхъ и горячихъ источникахъ, которые во многихъ мѣстахъ бьютъ изъ подножья горъ. Нѣкоторые изъ этихъ источниковъ текутъ тихо и равномѣрно, исландцы пользуются ими для ваннъ и мытья бѣлья; другіе-же, напротивъ, клокоча и шипя, бьютъ вверхъ въ видѣ фонтановъ, и хотя приводятъ въ изумленіе зрителя, но недоставляютъ человѣку никакой матеріальной пользы. Въ числѣ послѣднихъ источниковъ находится большой Гейзеръ и Строккуръ, которые принадлежатъ къ достопримѣчательностямъ Исландіи.

У подножья Лаугафіала, на равнинѣ въ двѣ мили шириной, идущей отъ горъ къ морскому берегу, находится водная система большаго Гейзера. Широкая долина одѣта густымъ зеленымъ покровомъ роскошной луговой растительности, по которой, какъ серебряныя

нити вьются небольшіе потоки, а кругомъ сѣроватые горы и холмы, изъ-за которыхъ поднимаются отдѣльныя снѣжныя вершины, образуя грустную меланхолическую декорацію.

Присутствіе теплыхъ ключей узнается еще издали по легкому бѣлому пару, или стелящемуся по землѣ, или мощными столбами клубящемуся вверхъ. Такихъ ключей болѣе 40 на пространствѣ 30 моргеновъ. Во всякой другой мѣстности самый маленькій изъ этихъ ключей уже привлекъ-бы вниманіе путешественника, но здѣсь всю душу его, такъ сказать, наполняетъ большой Гейзеръ. Въ теченіи времени этотъ мощный фонтанъ образовалъ на землѣ изъ отложнаго кремнезема конусъ изверженія въ 30 футовъ высоты и въ этомъ конусѣ находится бассейнъ, формою похожій на блюдо, длинный поперечникъ котораго имѣетъ 65, а короткій—52 фута.

Въ центрѣ этого бассейна находится цилиндрическая колоссальная трубка, ведущая внутрь, отверстіе этой трубки въ бассейнъ имѣетъ отъ 16 до 18 футовъ въ діаметрѣ, но на незначительной глубинѣ она съуживается и въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 10—12 футовъ. Глубина этой трубки около 70 футовъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что на этой глубинѣ трубка развѣтвляется на другія. Стѣнки трубки какъ-бы выполированы и очень тверды. Обыкновенно бассейнъ наполненъ, какъ кристалъ, чистой, нѣсколько зеленоватой водой, имѣющей температуру $+82^{\circ}$ Ц., истекающей на востокъ. Удивляешься его спокойствію и спрашиваешь, возможно-ли, чтобы этотъ мирный источникъ билъ по временамъ съ такою яростію? Но вдругъ раздается подземный громъ, земля дрожитъ, вода закипаетъ въ бассейнѣ, большіе паровые пузыри поднимаются изъ трубки, лопаются на ея поверхности и разбрасываютъ кипятокъ на нѣсколько футовъ. Хотя эти маленькіе взрывы повторяются черезъ правильные промежутки времени, черезъ каждые часъ и двадцать или тридцать минутъ, но часто приходится ждать по цѣлому дню и болѣе, чтобы Гейзеръ проявилъ всю свою силу. Сильный громъ предшествуетъ сильному извержению, вода въ бассейнѣ крутится и приходитъ въ большое волненіе, въ срединѣ поднимаются огромные паровые пузыри и, раздробившись на бѣлую ослѣпительную пыль, выбрасывается струя воды на 80—100 футовъ въ высоту, за первой струей скоро слѣдуетъ вторая, третья, и т. д.

Мелкія и большія струи воды летятъ по всѣмъ направленіямъ, иныя бьютъ въ бокъ, другія вверхъ. Громадные клубы дыма закрываютъ отчасти бьющую воду, еще ударъ и въ глубинѣ раздается глухой громъ, а за нимъ тотчасъ же слѣдуетъ сильная самая

высокая струя воды (отъ 90 до 150 футовъ высоты); иногда эта струя выбрасываетъ и камни. Черезъ нѣсколько минутъ все явленіе исчезаетъ, какъ сонъ, какъ игра фантазіи; наполненный водой бассейнъ совершенно сухъ, а черезъ край его, смотря въ трубку, ведущую въ глубь, съ удивленіемъ видишь, что на глубинѣ какихъ-нибудь 6 футовъ, вода спокойна, какъ въ обыкновенномъ колодцѣ. Черезъ 30—40 минутъ вода снова поднимается въ трубкѣ, а черезъ нѣсколько часовъ бассейнъ снова полонъ до краевъ. Вскорѣ опять слышится подземный ударъ и дивное явленіе повторяется черезъ правильные промежутки времени. Объ исторической древности Гейзера можно судить по имъ созданному бассейну. Вѣроятно, Гейзеръ существовалъ до перваго человѣка, можетъ пережитъ онъ и послѣдняго.

Самый замѣчательный ключъ послѣ Гейзера находится въ 400 футахъ отъ него и извѣстенъ подъ именемъ Большой Строккуръ, послѣдній гораздо менѣе перваго и не построилъ себѣ конуса изверженія изъ кремнеземистыхъ осадковъ воды. Верхній поперечникъ Строккура доходитъ до 7 футовъ, но на глубинѣ 24 футовъ, его трубка такъ съуживается, что въ поперечникѣ имѣетъ не болѣе фута. Эта трубка похожа на цвѣтовую чашечку растенія, посаженную въ землю. На глубинѣ 40 футовъ опущенный лотъ касается дна, или какого-нибудь препятствія, мѣшающаго изслѣдовать дальнѣйшую глубину источника. Вода стоитъ на 9—12 футовъ отъ края и большею частію сильно кипитъ. Но задолго до изверженія (они повторяются чаще, чѣмъ изверженіе Гейзера) изъ трубки поднимаются громадные клубы пара, а за ними слѣдуетъ одна за другою, въ тончайшую пыль превращенныя, водяныя струи. Замѣчательно, что можно во всякое время произвести изверженіе спокойнаго Строккура, закрывая камнями и землей его отверстіе. Черезъ какихъ-нибудь 10 минутъ, задержанные въ глубинѣ, пары пріобрѣтаютъ такую упругость, что выбрасываютъ камни, землю и воду. Подобнымъ давленіемъ паровъ, развивающихся въ подземныхъ пещерахъ, и по временамъ вырывающихся на свободу, выбрасывая воду, объясняется чудное явленіе Гейзера и подобныхъ источниковъ. Вода Гейзера не имѣетъ запаха и непріятнаго вкуса; она содержитъ нѣсколько поваренной соли, глауберовой соли, углекислаго натра и кремнезема, который растворяется щелочами при посредствѣ теплоты.

Съ громадной плоской возвышенности, занимающей средину Исландіи, со всѣхъ сторонъ къ морю стекаютъ по долинамъ мно-

гочисленные рѣки и потоки, питающіеся водою отъ тающаго льда ледниковъ и несущіе свою мутную, молочнаго цвѣта, воду къ морю или превращаютъ въ болота обширныя низменности. При большей ширинѣ, исландскіе рѣки очень коротки, особенно, въ южной части, гдѣ они, выходя изъ ледниковъ бѣгутъ по побережью въ нѣсколько миль шириной. Исландскія рѣки очень быстры, часто онѣ влекутъ за собой оторванныя каменныя глыбы, а во время разлива прекращаютъ всякія сообщенія между жителями и ставятъ непреодолимую преграду путешествіямъ по этой странѣ.

Самыя значительныя рѣки на югѣ суть Тіорза и Гвита, на сѣверѣ Сальфандефліотъ и Іокульза, большія быстрыя рѣки, въ 20—30 миль длиною; на востокѣ—Логарфліотъ, отличающаяся шириной и обиліемъ воды.

Въ такой странѣ, какъ Исландія, морскія теченія, съ различныхъ сторонъ омывающія островъ, имѣютъ значительное вліяніе на климатъ. Южные и западные берега, омываемыя гольфстремомъ, свободны ото льда и пользуются умѣренной температурой, тогда какъ болѣе холодныя теченія, идущія въ юго-западномъ направленіи отъ Шпицбергена къ Янъ-Майенъ и Исландіи, почти ежегодно, въ теченіи большей части года загромождаютъ сѣверные и южные берега острова плавучими льдами, которые исчезаютъ только въ іюлѣ, иногда даже въ августѣ. Изъ наблюденій Торстенсона, производившихся въ теченіи 16 лѣтъ въ Рейкіавикѣ, слѣдуетъ, что средняя годичная температура воздуха равняется $+4^{\circ},3$ Ц.; Тогда какъ за среднюю годичную температуру моря можно принять $5^{\circ},42$ Ц. Средняя годичная температура въ Акурейрѣ на Офіордѣ (сѣверный берегъ) доходитъ всего до $+0^{\circ},58$ Ц.; эта температура все-таки необыкновенно высока по географической широтѣ мѣста.

Если Исландія своему островному положенію и согрѣвающему вліянію гольфстрема обязана тѣмъ, что не подвержена страшнымъ зимнимъ холодамъ арктическихъ континентальныхъ странъ, но зато здѣсь не бываетъ жаркаго лѣта, необходимаго для вызрѣванія хлѣбовъ, лѣта, какое встрѣчается во внутренности Сибири на одинаковой съ Исландіей широтѣ.

Средняя температура лѣта Рейкіавика не доходитъ выше $+9^{\circ}$, 5 Р.; въ теченіи многихъ лѣтъ термометръ ни разу не поднимался здѣсь выше 21°, въ иные годы ртуть доходила всего до $+12^{\circ}$, а на сѣверномъ берегу нерѣдко падаетъ снѣгъ среди лѣта. При такихъ обстоятельствахъ нечего думать объ успѣшномъ воздѣлываніи хлѣбовъ. Ячмень рѣдко вызрѣваетъ, и если плавучіе льды долго

продержатся лѣтомъ у сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ береговъ, то распространяемый льдами холодъ мѣшаетъ даже росту травъ, и наступаетъ холодъ въ странѣ.

Вообще, большая измѣнчивость погоды характеризуетъ исландскій климатъ. Дождь и ясная погода чередуются въ теченіи цѣлаго лѣта, какъ у насъ въ апрѣлѣ и маѣ. Тихая погода бываетъ не часто, а бури, съ необыкновенной силой опрокидывающія все передъ собой, вовсе не рѣдкость. Эти бури иногда ставятъ путешественника въ весьма затруднительное положеніе.

Вѣтеръ бываетъ такъ силенъ, что сбиваетъ съ сѣдла путешественника, ѣдущаго верхомъ, и сбрасываетъ въ пропасть. Въ высшей степени опасно положеніе путника, когда приходится сходить по крутому горному склону къ Ботнсдальру, восточной оконечности Гвалфіорда. Съ поверхности моря поднимается какое-то пыльное облако, въ видѣ дождя на высоту 2.000 футовъ. Въ этомъ дождѣ играетъ радуга, которая въ видѣ моста соединяетъ оба берега темно-зеленаго фіорда. Подобныя бури еще непріятнѣе путешественникамъ, когда вѣтеръ сопровождается дождемъ, градомъ, непроницаемымъ туманомъ, или облаками пыли. Окрестности Геклы, гдѣ тянутся обширныя поля пепла, особенно подвержены такимъ пыльнымъ вьюгамъ, которыя затемняютъ густымъ туманомъ атмосферу, такъ что не только нельзя видѣть предметовъ, но даже открыть глаза.

Зима начинается въ концѣ сентября или въ началѣ октября и ей предшествуютъ бури, которыя разражаются непроницаемою снѣжною метелью. Въ это время особенно опасны путешествія по горнымъ проходамъ, и потому Исландцы, чтобы не сбиваться въ такихъ обстоятельствахъ, съ дороги—на малыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга—становятъ пирамидальныя кучки камней, которыя служатъ для обозначенія мѣста ночью и во время тумана. Мѣстами построены небольшія хижины—это убѣжища для людей и животныхъ.

Въ прежнія времена Исландія была покрыта лѣсами, такъ что дома и даже корабли строились изъ туземнаго лѣса—въ настоящее время эта страна совершенно безлѣсна. Развѣ ростетъ еще рябина, которая въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, достигаетъ 15—20 футовъ высоты. Только изрѣдка виднѣется скудный недоразвитый березнякъ, достигающій не болѣе 10 футовъ. Широта мѣста и климатъ не виноваты въ этомъ недостаткѣ деревьевъ, а скорѣе сами жители, которые, какъ и въ другихъ странахъ, неразумно вырубили старые лѣса. Гибель деревьевъ, по мнѣнію Роберта, не мало

обусловливается увеличеніемъ торфяниковъ, которые, какъ извѣстно, вытѣсняютъ всякую другую растительность.

Непріятное и дождливое исландское лѣто рѣшительно враждебно воздѣлыванію хлѣбовъ, но зато оно чрезвычайно благопріятно росту травъ, и иныя мѣстности покрываются травянымъ ковромъ, который не уступитъ роскошнѣйшимъ пажитямъ Англіи. Около $^1/_3$ всей поверхности покрываются растительностью, а другія двѣ трети покрыты снѣжными горами, лавой, болотами и вересками. Вообще, для исландскаго ландшафта характеристичны мхи и лишаи, которые одѣваютъ смарагдовой зеленью горные склоны, орошаемые горными потоками и ручьями, или же придаютъ серебристо-сѣрый, желтый и бурый цвѣтъ пустыннымъ полямъ, покрытымъ тысячелѣтнею лавою на протяженіи нѣсколькихъ миль. Въ геологическомъ отношеніи почва Исландіи чрезвычайно однообразна, почти одна и та же формація тянется по всему острову, и обиліе воды очень мало представляетъ удобства для роскошной растительности. Тѣмъ не менѣе, однако, при различіи климата сѣвернаго и южнаго береговъ Исландіи однообразіе растительности все-таки поразительно. Хотя на сѣверѣ весна наступаетъ позднѣе, а осень ранѣе, но все таки травы здѣсь настолько же роскошны, какъ и на югѣ, а воздѣлываніе овощей и картофеля можетъ быть болѣе распространено, чѣмъ въ южныхъ и западныхъ частяхъ Исландіи. Мѣстныя причины, вѣроятно, защита отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ и нѣсколько большее умѣнье жителей сѣвера, отчасти объясняютъ этотъ вполнѣ достовѣрный фактъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію исландскаго скотоводства, которое вмѣстѣ съ рыболовствомъ составляютъ главное занятіе островитянъ, остановимся нѣсколько времени на нѣкоторыхъ исландскихъ полезныхъ дико растущихъ растеніяхъ. Въ странахъ земнаго шара, небогатыхъ растительностью, уважаются многія растенія, которыя въ благодатныхъ странахъ оставляются почти безъ вниманія; такъ, исландцы пекутъ родъ хлѣба изъ сѣмянъ колосянки (Elimus arenarius), которая на дюнахъ Нѣмецкаго моря употребляется въ пищу одними перелетными птицами. Съ тою же цѣлію употребляется исландскій мохъ и сердечная трава (Polygonum Bistorta). Ягоды шикши (Empetrum nigrum) и можжевельника часто примѣшиваются къ кислому и свѣжему молоку.

Сушоные листья Dryas octopetala употребляютъ вмѣсто чая. Menyanthes trifoliata имѣетъ очень важное значеніе для путешественниковъ, незнакомыхъ съ дорогами, ведущими черезъ болото,

такъ какъ можно итти спокойно тамъ, гдѣ растетъ это растеніе съ переплетающимися корнями, которые образуютъ крѣпкую настилку на вязкой почвѣ. Исландцы называютъ его *reindinga* и употребляютъ пучки его для предохраненія лошадей отъ натиранія.

Lycopodium alpinum употребляется для окрашенія въ свѣтло-желтую краску шерстяныхъ тканей; исландскій мохъ окрашиваетъ эти ткани въ темно-желтый цвѣтъ, а листья Arbutus Uva usi—въ темно-коричневый.

Вата Salix herbacea и другихъ ивъ служитъ Исландцамъ врачебнымъ средствомъ при рапахъ какъ для людей, такъ и для скота. Настой листьевъ въ водѣ употребляется для дубленія. Дерево, проваренное съ желѣзо-содержащею глиною, даетъ чернила.

Морскія растенія также платятъ дань Исландцамъ Fucus serratus и Zostera marina служатъ кормомъ для скота, послѣднимъ растеніемъ въ сухомъ видѣ набиваютъ также матрасы. Наконецъ, Laminaria saccharina есть одна изъ лучшихъ испанскихъ овощей.

Но изо всѣхъ растеній, производимыхъ Исландіею, ни одно не можетъ сравниться по пользѣ съ злаками. Исландскіе луга и пажити обыкновенно предоставляются самимъ себѣ, ихъ не вспахиваютъ и не засѣваютъ, а довольствуются тѣмъ, что производитъ и даетъ сама природа. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы выровнять эти луга, и осушить, то они давали бы несравненно болѣе—но, что могъ сдѣлать до сихъ поръ, подъ тяжестью монополіи едва дышащій, Исландецъ для улучшенія своихъ земель? Свободная торговля пробудитъ дремлющую промышленность и хотя познакомитъ съ новыми потребностями, но и возбудитъ къ трудамъ, необходимымъ для ихъ удовлетворенія.

Богатство Исландца состоитъ въ рогатомъ скотѣ, лошадяхъ и овцахъ. Двѣ трети жителей занимаются скотоводствомъ и только одна треть рыболовствомъ.

Молоко и сыворотка—почти единственные напитки, знакомые неприхотливымъ островитянамъ. Безъ масла они не могли бы ѣсть рыбы, а свѣжее молоко лѣтомъ и кислое зимою придаютъ пріятное и здоровое разнообразіе въ пищѣ. Поэтому Исландцы ставятъ рогатый скотъ выше всего, и ходятъ за нимъ съ величайшею заботою. Въ Исландіи считаютъ 40.000 головъ рогатаго скота.

Овцеводство здѣсь очень затруднительно, такъ какъ орлы или сицы дѣлаютъ въ стадахъ большія опустошенія во время ягненія. Зимою овецъ ежедневно выпускаютъ и если снѣга глубоки, то расчищаютъ выгонъ. Шерсть не стригутъ, а выщипываютъ и она идетъ въ переработку на различныя ткани. Изъ овечьей шерсти ткутъ грубое

сукно и вяжутъ чулки и перчатки. Ежегодно вывозится сырой шерсти до 320 англійскихъ фунтовъ, шерстяныхъ чулковъ до 200 тысячъ паръ и до 300 тысячъ паръ шерстяныхъ перчатокъ. Изъ этихъ данныхъ можно заключить объ относительной значительности овцеводства. На всемъ островѣ насчитываютъ до 500.000 овецъ.

Лошади здѣсь норманской породы, онѣ малы ростомъ, но крѣпки и сильны. Ихъ употребляютъ какъ для вьючной работы, такъ и для верховой ѣзды, такъ какъ на всемъ островѣ нѣтъ ни хорошихъ дорогъ, ни колесныхъ экипажей. Во всѣхъ населенныхъ частяхъ острова лошади считаются необходимыми въ хозяйствѣ; безъ нихъ исландскій фермеръ не могъ бы ничего сдѣлать. Нѣкоторые исландцы, которымъ приходится совершать далекіе переѣзды, употребляютъ много трудовъ и издержекъ на коневодство; но вообще жители мало заботятся о кормѣ своихъ лошадей и конюшняхъ, такъ что въ суровыя зимы падежъ лошадей—явленіе весьма обыкновенное.

Собаки, встрѣчающіяся въ Исландіи, схожи съ Гренландскими. Шерсть ихъ длинна и вокругъ шеи образуетъ родъ ожерелья. Они имѣютъ острый носъ и мохнатый, загнутый на спину, хвостъ. Большею частію онѣ бѣлыя. Немногія собаки идутъ въ воду, и хотя нѣкоторыя охраняютъ стада и предназначенные для сѣнокосовъ луга, но большинство собакъ не приноситъ большой пользы.

Въ Исландіи водятся два вида лисицъ: песецъ и голубая лисица (Canis fuliginosus); цвѣтъ шерсти послѣдней бываетъ свѣтло-бурый и черный. Жители принимаютъ всѣ мѣры для истребленія лисицъ, какъ для охраны отъ нихъ ягнятъ, такъ и ради награды, назначенной правительствомъ за каждую шкурку. Песцы очень хитры, и о нихъ разсказываютъ много интереснаго. Такъ, для ловли морскихъ чаекъ песецъ подходитъ къ нимъ задомъ, вытянувъ хвостъ. Глупыя птицы по бѣлому цвѣту считаютъ песца за своего собрата, и узнаютъ ошибку только тогда, когда онъ, внезапно оборотившись, бросается на нихъ.

Сѣверный олень только въ прошломъ столѣтіи водворенъ на островѣ и значительно размножился. Изъ 13 головъ, вывезенныхъ въ 1770 году изъ Норвегіи, счастливо дошли до Исландіи только 3 оленя. Ихъ перевезли на Гультбринтскія горы, гдѣ олени такъ размножились, что теперь, путешествуя по различнымъ нагорнымъ частямъ острова, нерѣдко встрѣчаешь стада въ 30, 40 и даже 100 головъ. Сѣверные олени живутъ только въ горахъ и очень робки, хотя зимой они иногда сходятъ въ равнины, чтобы питаться мхомъ, который растетъ тамъ въ большомъ количествѣ.

Бѣлый медвѣдь не живетъ постоянно въ Исландіи и только заходитъ сюда, случайно занесенный плавучими льдами, преимущественно, на сѣверный берегъ. Такимъ образомъ, Шпицбергенъ или Янъ-Майенъ ежегодно доставляетъ 12—13 медвѣдей, которыхъ жители усердно истребляютъ.

Хотя внутренность Исландіи часто очень бѣдна птицами, такъ что можно проѣхать нѣсколько миль, не встрѣтивъ ни одной изъ нихъ, тѣмъ не менѣе вокругъ береговъ кишатъ безчисленныя стаи птицъ.

Высокіе утесистые островки на югѣ покрыты глупышами (Sula bassana); морской воронъ (Pelecanus graculus) и бакланъ (P. carbo) сидятъ постоянно на скалахъ. Безчисленные чайки и буревѣстники гнѣздятся на утесахъ. Утки и нырки плаваютъ по бухтамъ, заносятся въ другіе фіорды теченіемъ рѣкъ или съ выводками разгуливаютъ по болотамъ. По всему морскому берегу раздаются крики этихъ морскихъ птицъ, а во внутренности острова раздаются дикіе, негармоническіе звуки куликовъ и пиголицъ, звуки, очень подходящіе къ печальному виду всей страны.

Самая красивая исландская птица, безспорно, лебедь, который встрѣчается въ самыхъ отдаленныхъ озерахъ между горами, а наиболѣе полезная птица—гага, въ гнѣздахъ которой исландецъ собираетъ пухъ и яйца. Самая быстрая по полету птица есть, безъ всякаго сомнѣнія, соколъ, который въ часъ пролетаетъ слишкомъ 30 нѣмецкихъ миль; что въ сравненіи съ этимъ быстрота нашихъ пароходовъ и паровозовъ!

Рыбы въ Исландіи очень много. Около береговъ кишатъ треска, сельди, пласкуши, кособоки, вахни, которыя не только составляютъ главную пищу жителей, но кромѣ того, въ особенности, треска, вывозятся въ большомъ количествѣ. Лучшее время для ловли трески считается отъ начала февраля до половины мая. Позднѣе поднимаются въ рѣкахъ лососи и даютъ богатую добычу.

Замѣчательно, что на всей Исландіи нѣтъ вовсе гадовъ. Нѣтъ здѣсь ни змѣй, ни черепахъ, ни ящерицъ и въ исландскихъ болотахъ не квакаетъ лягушка.

ГЛАВА XXXIV.

Исторія Исландіи.

Открытіе острова Надоддомъ въ 861 году.—Гардаръ.—Флоки и его три ворона.—Ингольфъ и Лейфъ.—Исландское первоначальное правленіе.—Принятіе христіанства.—Путешественникъ Торвальдъ.—Тангбрандъ.—Золотой вѣкъ литературы.—Снорри Стурлезонъ.—Утрата независимости.—Страшное изверженіе Скаптаръ-Іокула въ 1783 году.—Вредная торговая монополія.

Извѣстно, что въ средніе вѣка жители Скандинавіи были самыми смѣлыми мореплавателями; какъ морскія птицы, разгуливали они по неизвѣстному морю, надѣясь на счастіе и свое удальство. Много такихъ смѣльчаковъ погибло въ морѣ отъ бурь, но другихъ та же буря и случай повели къ славнымъ открытіямъ.

Такъ, въ 861 году, Норвежскій морской разбойникъ Надоддъ отправился изъ своего отечества къ Ферроскимъ островамъ. Противные вѣтры занесли его къ сѣверу; онъ полагалъ, что его окружаетъ водная пустыня, между тѣмъ какъ изъ-за тумана и облаковъ поднялись передъ нимъ покрытыя снѣгомъ исландскія горы. Вскорѣ послѣ этого Надоддъ вошелъ въ Аустрфіордъ и съ частію экипажа сошелъ на землю. Изъ предосторожности, а можетъ быть и желанія пограбить, онъ захватилъ съ собою оружіе; но нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка, такъ какъ въ то время Исландія была необитаема и пуста, хотя ирландцы уже знали этотъ островъ что доказывается найденными на берегу крестами. Надоддъ остался до осени на новооткрытомъ берегу и назвалъ его *Снѣжной землей*.

Три года спустя, шведъ Гардаръ точно также былъ занесенъ бурею въ Исландію. Онъ первый объѣхалъ весь островъ и назвалъ его Гардаръ-Гольмъ. Заливъ, въ которомъ онъ перезимовалъ, еще

и теперь носитъ имя Гузовикъ (заливъ дома). Возвратившись на родину, Гардаръ описалъ своимъ землякамъ Исландію такими привлекательными красками, что другой морякъ, Флоки, рѣшился поселиться на этомъ островѣ. Оставивъ позади Феррорскіе острова, онъ выпустилъ перваго ворона, который вмѣсто того, чтобы дѣлать открытія, спокойно полетѣлъ назадъ къ Норвегіи. Другой воронъ поднялся въ воздухѣ, покружился раза два надъ кораблемъ и, какъ бы испугавшись безграничнаго моря, опять сѣлъ на свою клѣтку. Наконецъ, третій воронъ полетѣлъ прямо къ сѣверу и привелъ, такимъ образомъ, Флоки въ Исландію.

Пришельцы, которыхъ заманила богатая рыбная ловля, построили себѣ хижины на берегу залива; но забыли они запастись на зиму сѣномъ, и потому привезенный въ Исландію скотъ погибъ отъ голода. Черезъ два года, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, Флоки возвратился на родину, описавъ своимъ соотечественникамъ самыми печальными красками островъ, который назвалъ Исландіей.

Вскорѣ послѣ этого произошли политическія смуты Норвегіи, что послужило началомъ колонизаціи Исландіи. Норвежскому князьку Гарольду Прекрасноволосому удалось покорить своихъ сосѣдей и сдѣлаться владыкой всего королевства. Гордые Ярлы не могли добровольно покориться непривычному игу и рѣшились скорѣе выселиться изъ страны, чѣмъ повиноваться ненавистному Гарольду. Вслѣдствіе этого взоры ихъ обратились къ Исландіи, которая хотя была бѣдна и безплодна, но зато тамъ всѣ они могли наслаждаться свободою. Ингольфъ и Лейфъ открыли путь переселенцамъ (869—870). Приблизившись къ Исландскимъ берегамъ, Ингольфъ бросилъ своихъ идоловъ въ море и обѣщался поселиться у того берега, къ которому прибьютъ пенаты. Послѣ долгихъ поисковъ, Ингольфъ нашелъ идоловъ у Рейкіавика, отказался отъ разбойничества и сдѣлался мирнымъ рыбакомъ и земледѣльцемъ. Мало-по-малу послѣдовали за Ингольфомъ другія норвежскія семейства, преимущественно изъ Гельголанда, Дронтгейма, Нордендональда и Поммедала, около 920 года заселилась вся годная для колонизаціи часть Исландіи. Но раздоры и война свирѣпствовали между новыми поселенцами; чтобы такъ или иначе положить имъ конецъ, предложили Ульфліоту отправиться въ Норвегію для изученія тамошнихъ законовъ и по образцу ихъ устроить исландское правленіе. Три года учился Ульфліотъ у мудраго Торлейфа, возвратился потомъ въ 928 году съ законами, которые были приняты народнымъ собраніемъ. Исланд-

дія была раздѣлена на 4 провинціи и 12 округовъ. Каждый округъ имѣлъ у себя свое собраніе и свой собственный судъ, но вся нація ежегодно должна была собираться въ Тингваллъ для составленія общаго парламента (Allthing), президентъ котораго (Laughman, мужъ закона) долженъ былъ знать всѣ законы, толковать и разъяснять ихъ народному собранію. Сначала президентъ собранія выбирался на 3 года, потомъ на всю жизнь. Какъ Римляне считали эпохи по своимъ консуламъ, такъ и исландцы считали лѣтописи по порядку своихъ президентовъ.

Въ теченіи двухъ столѣтій такое устройство передавалось отъ одного поколѣнія къ другому; Исландцы, знавшіе наизусть законы, часто нарушали ихъ по недостатку сильной исполнительной власти, которая могла бы заставить уважать законы. Кровавыя распри часто возгорались даже въ собраніяхъ, и сильные часто презирали рѣшенія *алтинги*.

Христіанство впервые введено было въ Исландію въ 981 году. Саксонскій епископъ Фридрихъ публично проповѣдывалъ христіанскую вѣру, а Исландецъ Торвальдъ, путешественникъ, служилъ ему переводчикомъ. Торвальдъ отъ дурного обращенія своего отца, Кодрана, бѣжалъ въ Данію, гдѣ Фридрихъ окрестилъ его. По возвращеніи Торвальда съ благочестивымъ епископомъ въ отеческій домъ, онъ хотѣлъ обратить въ христіанство своего отца. Хотя христіанское ученіе тронуло сердце Кодрана, но упрямый язычникъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ боговъ. «Я долженъ вѣрить слову моего шамана, который всегда давалъ мнѣ хорошій совѣтъ», сказалъ Кодранъ. «Хорошо», возразилъ Торвальдъ, «благочестивый мужъ, котораго я привелъ къ тебѣ, слабъ и болѣзненъ, а твой шаманъ крѣпокъ и силенъ. Познаешь ли ты силу нашего Бога, если епископъ прогонитъ шамана?» Затѣмъ Фридрихъ покропилъ шамана нѣсколькими каплями св. воды, которыя мгновенно прожгли въ кожѣ глубокія язвы, и шаманъ тотчасъ же съ крикомъ убѣжалъ. Кодранъ крестился, но слово и чудеса, по мнѣнію пылкаго Торвальда, дѣйствовали слабо При малѣйшемъ возраженіи на проповѣдь, Торвальдъ приходилъ въ бѣшенство. Два исландскихъ поэта сочинили эпиграму на него, онъ усомнился въ твердости ихъ вѣры и убилъ ихъ.

Въ другой разъ Торвальдъ услыхалъ, что одинъ изъ его враговъ смѣется надъ нимъ; тогда онъ пришелъ къ врагу и убилъ его, чтобы тотъ не причинялъ ему болѣе досады. Добрый Фридрихъ не могъ наконецъ—выдерживать варварства своего спутника и возвратился въ Саксонію. Между тѣмъ въ Торвальдѣ уже снова

пробудилась страсть къ путешествіямъ. Онъ объѣхалъ Грецію и Сирію, посѣтилъ Константинополь и Іерусалимъ. Наконецъ, Торвальдъ основалъ въ Россіи монастырь, гдѣ и скончался.

Послѣ Торвальда явился Тангбрандъ, посланный норвежскимъ королемъ Олафомъ Тругезономъ въ качествѣ исландскаго миссіонера. Метода Тангбранда обращать въ христіанство была совершенно одинакова съ методой Торвальда; въ одной рукѣ держалъ онъ крестъ, а въ другой мечъ. Онъ не боялся ни крови, ни войны, лишь бы достичь своей святой цѣли. Хотя онъ спорилъ съ языческими жрецами, но чаще мечемъ рубилъ своихъ противниковъ. Не смотря на его ревность, не удалось ему побѣдить упрямства исландцевъ, и, не докончивъ дѣла, онъ возвратился обратно въ Норвегію. Мѣсто Тангбранда заступили два другихъ миссіонера, которые мирнымъ путемъ пріобрѣли сердца исландцевъ и распространили христіанство. Тутъ страна раздѣлилась на двѣ партіи и мечъ долженъ былъ рѣшить, побѣдитъ ли христіанство или язычество. Какой-то благоразумный исландецъ предложилъ, прежде чѣмъ приняться за оружіе, предоставить рѣшеніе вопроса избраннымъ судьямъ. Послѣдовали этому совѣту, и каждая партія избрала своего представителя. Разсказываютъ, что хитрые миссіонеры тремя марками серебра подкупили Торгейра, самаго вліятельнаго изъ противниковъ христіанства.

На слѣдующій день поднялся Торгейръ въ народномъ собраніи, и въ своей рѣчи, выразивъ все зло, которое происходитъ въ республикѣ изъ-за религіозныхъ несогласій, воскликнулъ:—«вы, всѣ, меня слушающіе, готовы ли принять ту вѣру, которую я вамъ предложу». Язычники, все еще считавшіе Торгейра за своего единомышленника, согласились на это предложеніе, разсчитывая, что останутся побѣдителями, за ними точно также согласились и христіане, знавшіе тайну. Тогда Торгейръ провозгласилъ религію Спасителя, и, не смотря на крики нѣкоторыхъ ревностныхъ поклонниковъ Одина, она была принята народнымъ собраніемъ. Такимъ образомъ, вся Исландія приняла христіанство въ 1000 году.

Съ новой религіей начался и новый періодъ нравственнаго развитія народа, которое въ XII столѣтіи достигло самаго цвѣтущаго своего состоянія. Ученые исландцы начали ревностно изучать классиковъ и ѣздили въ Германію и Францію, чтобы въ Кельнѣ и Парижѣ расширить свои познанія. Исландскіе барды или скальды пріобрѣли извѣстность на всемъ сѣверѣ. Они посѣщали дворы Англіи, Ирландіи, Швеціи, Даніи и Норвегіи, и повсюду ихъ при-

нимали съ большимъ почетомъ и награждали богатыми подарками. Исторія процвѣтала въ Исландіи рядомъ съ поэзіей. Здѣсь образовалась школа историковъ, какой въ ту эпоху не было ни въ одной странѣ Европы.

Исландскіе историки сдѣлались лѣтописцами всего Скандинавскаго міра; простота и правдивость ихъ разсказовъ доказываютъ, что они пользовались заслуженной славой; они заботливо записывали всякое событіе своего отечества и передавали его изъ рода въ родъ потомству.

Назовемъ только нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ людей, прославившихъ исландскую литературу: Зэмундъ Фроде, которому приписываютъ древнюю Эдду*), хронику событій отъ начала міра до его времени; Аре-Торгильсонъ написалъ книгу «Ландпамы», которая содержитъ драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія о первоначальной исторіи Исландіи; Гиссуръ описалъ совершенное имъ въ 1180 году путешествіе на востокъ. Но выше всѣхъ сталъ Снорри Стурлезонъ, самая выдающаяся историческая и литературная личность Исландіи.

Онъ родился въ 1178 году въ Грамѣ, въ Далъ-Зпесселѣ. Два раза онъ исправлялъ должность *лаугмана*. Стурлезонъ пріобрѣлъ славу ученаго и образованнаго человѣка. Онъ зналъ греческій и латинскій языки, былъ превосходнымъ поэтомъ и историкомъ, удивительнымъ ораторомъ и имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ искусствахъ своего вѣка. Кромѣ Новой Эдды, сочиненіе которой обыкновенно ему приписываютъ, онъ оставилъ потомству хронику норвежскихъ королей. Это сочиненіе доказываетъ не только ученость и трудолюбіе автора, но и отличается красотою разсказа и слога. Семейные раздоры омрачили послѣдніе годы Снорри. Его двоюродный братъ, Стурле, изгналъ его изъ Рейкольта и принудилъ бѣжать въ Норвегію; здѣсь Снорри соединился съ партіей Ярла Скули противъ короля. Послѣ паденія Скули, онъ долженъ былъ возвратиться въ Исландію, гдѣ его ожидали новыя невзгоды, окончившіяся смертью отъ руки мужа своей дочери. Со смертью Снорре погибла и исландская республика. Уже давно норвежскіе короли искали благопріятнаго случая, чтобы покорить Исландію; имъ казалось, что этотъ островъ, населенный норвежцами, долженъ принадлежать имъ. Но Исландія съ гордостью защищала свою независимость, однако же продолжительные внутренніе раздоры поколе-

*) *Древняя Эдда*, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ остатковъ сѣверныхъ древностей, предназначалась для поученія другихъ въ искусствѣ стихотворства.

бали, наконецъ, ихъ увѣренность въ собственныхъ силахъ. Исландцы, усталые отъ вѣчныхъ раздоровъ и смутъ, принесли, почти всенародно свою самостоятельность въ жертву, и въ 1261 году рѣшеніе народнаго собранія передало большую часть острова норвежскому королю Гако. Восточная провинція, сначала противившаяся такому рѣшенію, 3 года спустя послѣдовала этому примѣру.

Тутъ кончается политическая исторія Исландіи, съ этихъ поръ она связалась съ судьбами Норвегіи и слѣдовала за послѣдней, какъ спутникъ за планетой, а въ 1387 году подпала подъ владычество Даніи. Феодальныя войны, раздоры властолюбивыхъ фамилій уже не тревожили Исландіи, но тѣмъ разрушительнѣе дѣйствовали изверженія вулкановъ, голодъ и чума. Въ Европѣ нѣтъ другой страны, которая вынесла бы столько бѣдствій, какъ Исландія, отъ которыхъ люди гибли, какъ мухи, съ наступленіемъ холодныхъ дней.

Надъ Исландіей тяготѣла, кромѣ гнѣва Божія, и вся тяжесть, монополіи. Датскіе короли смотрѣли на этотъ сѣверный островъ, какъ на имѣніе, которое можно было отдавать въ аренду тому кто дастъ больше. Въ XVI столѣтіи Ганзейскіе города имѣли исключительное право основывать склады въ исландскихъ гаваняхъ. Но корыстолюбіе Ганзы перешло за возможныя границы, и Христіанъ IV въ 1594 году изгналъ ее оттуда и передалъ исключительную привелегію исландской торговли Датской Компаніи за ничтожную сумму: 16 талеровъ съ каждой гавани.

Страшное бѣдствіе Исландіи, причиненное изверженіями Скаптаръ Іокула, имѣло по крайней мѣрѣ хорошія послѣдствія. Узы монополіи были разрушены и всѣмъ датскимъ купцамъ разрѣшено было торговать съ Исландіей. Въ апрѣлѣ 1855 года уничтожилась и послѣдняя преграда,—теперь всѣ иностранные купцы имѣютъ право посѣщать исландскія гавани и вести съ островомъ мѣновую торговлю. Можно надѣяться, что свободная торговля мало-по-малу залечитъ раны, нанесенныя странѣ многими несчастными столѣтіями. Но много нужно для того, чтобы Исландія стала въ положеніе, въ какомъ находилась она въ эпоху Стурлезона, во времена своей политической независимости. Тогда въ Исландіи жили богатыя фамиліи, теперь ихъ тамъ нѣтъ. Тогда въ Исландіи считалось до 100,000 жителей, теперь едвали наберется половина.

ГЛАВА XXXV

Исландцы.

Скальгольтъ. Тингвалла.—Рейкіавикъ.—Жизнь исландскаго рыбака.—Рейкіавикская ярмарка.—Сѣнокосъ. Исландскія хижины.—Исландскія церкви.—Нищета духовенства.—Гонь Торлаксонъ.—Исландское богослуженіе.—Домашнее воспитаніе въ Исландіи.—Любовь исландцевъ къ литературѣ.—Исландскій языкъ.—Публичная библіотека въ Рейкіавикѣ.—Характеръ исландцевъ.

Къ самымъ замѣчательнымъ и постоянно посѣщаемымъ путешественниками мѣстностямъ Исландіи принадлежитъ Скальгольтъ, древняя столица острова, и Тингвалла, знаменитыя своими историческими воспоминаніями.

Скальгольтъ былъ нѣкогда сосредоточіемъ духовнаго развитія, какого не имѣла южная Европа въ средніе вѣка. Здѣсь въ IV столѣтіи была основана первая епископская каѳедра Исландіи, здѣсь была основана первая школа. Въ Скальгольтѣ жили великіе ораторы, историки и поэты. Исленфъ, древнѣйшій историкъ сѣвера; Гиссуръ, посѣтившій въ началѣ XII столѣтія всѣ европейскія земли и объяснявшійся на всѣхъ европейскихъ языкахъ; филологъ Торлакъ и Финнуръ-Іонсонъ, ученый авторъ исландской церковной исторіи. Скальгольтскій соборъ славился своею громадностью. Въ то время епископъ давалъ праздники, на которые приглашалось до 800 человѣкъ, а на прощаніе каждый гость получалъ подарокъ. Въ 1100 г. въ скальгольтской школѣ учили латинскому языку, грамматикѣ, піитикѣ и музыкѣ болѣе, чѣмъ въ то время преподавалось въ другихъ большихъ европейскихъ городахъ.

Теперь ничего не осталось въ Скальгольтѣ отъ прежняго блеска Школа и епископская каѳедра уничтожены, древній соборъ исчезъ и замѣнился маленькимъ деревяннымъ строеніемъ, въ которомъ божественная служба отправляется всего разъ въ мѣсяцъ. Жители бѣднаго мѣстечка помѣщаются въ хижинахъ, и только одно кладбище напоминаетъ, что здѣсь нѣкогда жило болѣе людей. Оно обширнѣе и церкви и хижинъ. Мертвые остались болѣе вѣрными прежней столицѣ, нежели живые. Рядомъ съ кладбищемъ лежатъ развалины древней школы, а поселянинъ построилъ свою бѣдную хижину на мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ епископа.

Мѣстоположеніе Скальгольта очень красиво. На плоской луговой мѣстности течетъ гордая Эльва, а постепенно возвышающаяся почва и отдаленныя горы на востокѣ, гдѣ красуются Эіафіалла и Гекла, образуютъ прекрасный амфитеатръ, и весь ландшафтъ, хотя совершенно лишенъ деревьевъ, тѣмъ не менѣе очень красивъ.

На берегу Оксераа, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ озеро Тингвалла, между крутыми горами, находится мѣсто, гдѣ исландцы въ теченіи 8 столѣтій ежегодно собирались для народнаго собранія. Мѣстность около Тингваллы очень романтична, но обнаженныя горы и дѣйствіе подземнаго огня соединились здѣсь, чтобы произвести на зрителя ужасающее впечатлѣніе. На озерѣ два красивыхъ острова: Зандей и Незей, которые сплошь состоятъ изъ вулканической почвы. Горы на южномъ склонѣ также очень живописны, а паръ, выходящій отъ горячихъ источниковъ, находящихся по склонамъ горъ, придаетъ что-то торжественное всему ландшафту. Только немногіе остатки обозначаютъ эту знаменитую и прославленную въ исторіи Исландіи мѣстность.

Скальгольту и Тингваллѣ наслѣдовалъ Рейкіавикъ, нынѣшняя столица Исландіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія судебныя и правительственныя мѣста были переведены изъ Тингваллы въ Рейкіавикъ, куда въ 1797 году перевели также епископскую каѳедру. Древнее скальгольтское училище сначала перешло въ Бессештадтъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ также было перенесено въ цвѣтущій торговый городокъ. На первый взглядъ Рейкіавикъ не производитъ величественнаго впечатлѣнія. Длинный рядъ осмоленныхъ деревянныхъ домовъ тянется вдоль морского берега. На обоихъ концахъ этого ряда стоитъ по возвышенію, едва заслуживающему названіе холмовъ; здѣсь бѣдные рыбаки и поденьщики живутъ въ дер. номъ покрытыхъ земляпкахъ, едва замѣтныхъ отъ поверхности земли. На западномъ возвышеніи красуется домъ врача и единственная вѣ-

тряпая мельница всего острова; на восточномъ холму стоитъ сторожка, съ которой открывается прекрасный видъ на море и горы. Передъ сторожкой находится широкій Факсифіордъ, усѣянный мелкими зелеными островками, на заднемъ планѣ изъ воды подпимается мощный Шнефельсъ-Іокулъ.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Рейкіавикъ былъ только бѣдной рыбачьей деревней, теперь же онъ имѣетъ до 1,200 жителей, а свободная торговля обѣщаетъ ему еще лучшую будущность. Рейкіавикъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ удобному рейду и сосѣдству съ богатыми рыбными ловлями, что побудило датскихъ купцовъ построить здѣсь свои склады. Большинство купцовъ, однако, не живутъ здѣсь постоянно, но приходятъ только въ маѣ съ грузами иностранныхъ товаровъ и уходятъ въ августѣ съ вымѣненными на нихъ мѣстными произведеніями. Зимою Рейкіавикъ смотритъ очень печально,—по цѣлымъ мѣсяцамъ не видно ни одного корабля и не получается никакихъ вѣстей отъ остальнаго міра, пока, съ наступленіемъ весны, рейдъ оживится снова. Самый дѣятельный періодъ времени для города бываетъ въ іюлѣ, когда приходятъ сюда на ярмарку толпы рыбаковъ и поселянъ, съ которыми необходимо познакомиться ближе, такъ какъ они составляютъ главную массу населенія Исландіи.

Въ Исландіи немного найдется такихъ жителей, которые въ состояніи прожить исключительно доходами съ земли, т. е. хлѣбопашествомъ. Жизнь большей же части населенія обыкновенно дѣлится на занятія рыбака и земледѣльца. Твердая земля слишкомъ бѣдна произведеніями, которыя поэтому не могутъ прокормить въ теченіи цѣлаго года населеніе. Плохо пришлось бы исландцамъ, если бы море своими неистощимыми дарами не пополняло недостатокъ въ хлѣбѣ и картофелѣ. Лѣто коротко, а зима продолжительна, и потому понятно, съ какимъ трудомъ и заботою исландецъ дѣлаетъ свои запасы на суровую зиму; въ этомъ отношеніи море даетъ ему средства, болѣе вѣрныя.

Начиная съ февраля мѣсяца, когда блѣдное солнце только на нѣсколько часовъ разсѣеваетъ мракъ ночи. Исландцы, живущіе во внутренности острова, а также жители самыхъ сѣверныхъ округовъ приходятъ въ движеніе, и большая часть мужского населенія переселяются на западные и юго-западные берега. Богатые фермеры посылаютъ сюда своихъ работниковъ, но часто и сами идутъ съ ними, взявъ съ собой небольшой запасъ масла, копченой баранины и овчинные тулупы. Для себя же фермеры берутъ ржаной хлѣбъ и

водку. Благочестивый исландецъ прежде отправленія въ путь снимаетъ шляпу, закрываетъ ею лицо и шопотомъ творитъ молитву, нарочно написанную на этотъ случай.

По дорогѣ путниковъ очень радушно принимаютъ въ каждой хижинѣ и почти никогда не требуютъ платы за угощеніе; древнее скандинавское гостепріимство нигдѣ такъ не сохранилось, какъ въ Исландіи. Нашимъ исландцамъ приходится пройти по снѣгу и въ темнотѣ до 200 англійскихъ миль, пока они дойдутъ до мѣста, избраннаго ими для рыболовства. Здѣсь нанимаютъ лодки, а самыя условія торга установлены обычаемъ. По этому обычаю исландецъ, пришедшій изъ внутреннихъ частей острова, обязывается по первому востребованію итти на ловлю, и помогать управленію лодкой съ 12-го февраля по 12-е мая (этотъ періодъ времени иногда нѣсколько измѣняется).

За свой трудъ онъ получаетъ 40 фунтовъ муки (если еще есть мука), 5 мѣръ кислаго молока и часть пойманной рыбы. Всѣ рыбаки, работающіе на одной лодкѣ, обыкновенно, живутъ въ одной и той же артели. Послѣ первыхъ приготовленій начинается долгій періодъ трудовъ и лишеній. Въ темнотѣ на сильномъ холодѣ бѣдняки ищутъ въ океанѣ средства для содержанія семейства въ теченіи слѣдующей зимы. Лишь только ладья отчалитъ отъ берега, какъ стоящій на рулѣ рыбакъ снимаетъ шляпу и творитъ молитву о счастливомъ исходѣ предпріятія. Вмѣстѣ съ нимъ молятся всѣ находящіеся на суднѣ. Обыкновенно, держатся въ морѣ отъ 8 до 12 часовъ и въ это время ѣдятъ одно кислое молоко, которое постоянно берутъ съ собой. Женщины помогаютъ пластать и чистить рыбу, выброшенную на берегъ.

Въ началѣ мая рыбаки возвращаются домой, а рыбу, которая къ этому времени еще несовершенно высохла и которой на каждаго рыболова приходится отъ 500 до 600 штукъ, оставляютъ подъ присмотромъ одного изъ живущихъ на берегу рыбаковъ. Въ половинѣ іюня, когда послѣ продолжительнаго зимняго поста, лошади поправились, и уже могутъ нести большія тяжести, рыбаки отправляются за рыбой, которая или привозится домой, или же везется въ ближайшую гавань, для обмѣна на другіе товары. Главный сбытъ рыбы производится въ Рейкіавикѣ; но и въ другихъ мѣстечкахъ, вдоль берега, также идетъ оживленный торгъ съ датскими купцами, которые ждутъ прибытія покупателей изъ внутренней части острова.

Для внѣшняго торга идетъ преимущественно треска, которая въ громадномъ количествѣ заходитъ въ западныя бухты. До открытія

Ньюфундленда англичане ловили треску у исландскихъ береговъ и въ царствованіе короля Іакова I, снарядили для этой цѣли не менѣе 150 кораблей. Исторія не помянетъ англичанъ добрымъ словомъ за это дѣло,—они грабили беззащитныхъ исландцевъ и вообще вели себя не лучше африканскихъ морскихъ разбойниковъ.

Сами исландцы рѣдко ѣдятъ треску, отчасти потому, что предпочитаютъ *вахню*, отчасти принуждены ѣсть ее, такъ какъ купцы не берутъ другой рыбы кромѣ трески. Вахня также ловится въ большемъ изобиліи; повидимому, эта рыба живетъ всегда съ треской, потому что обѣихъ рыбъ ловятъ всегда вмѣстѣ; вахня не уступаетъ ростомъ трескѣ, и нерѣдко встрѣчаются экземпляры въ 3 фута длиной. У сѣверныхъ береговъ также ловятся въ большомъ количествѣ сельди. Онѣ являются громадными стаями въ іюнѣ и іюлѣ, послѣ того, какъ плавучіе льды отойдутъ отъ береговъ. Нерѣдко въ одну тоню ловятъ не менѣе 150 бочекъ сельдей. Также точно исландцы ловятъ акулъ ради ворвани и кожи. Ловля акулъ составляетъ правильныя занятія, преимущественно на сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ берегахъ. Большіе крюки, на которые насаживаютъ моллюсковъ для приманки, прикрѣпляются къ цѣпямъ и забрасываются далеко въ море. Пойманная рыба вытаскивается на берегъ. Изъ кожи дѣлаютъ обувь, а копченое мясо идетъ въ пищу жителямъ.

Когда подставили Мекензи это лакомое блюдо, то такая ужасная вонь поразила его обоняніе, что онъ приказалъ какъ можно скорѣе снять его со стола.

Съ продуктами рыболовства, скотоводства и ремеслъ, исландецъ въ іюнѣ или іюлѣ идетъ въ ближайшую гавань; въ Рейкіавикъ сходятся исландцы съ обозами нерѣдко въ 100 вьючныхъ лошадей.

Треска просто виситъ на спинѣ животнаго, болѣе портящіеся предметы упаковываются въ шерстяные мѣшки. Датскіе купцы ожидаютъ каравановъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ содержатели гостинницъ ждутъ наплыва лѣтнихъ туристовъ.

Торговля преимущественно идетъ мѣновая. Исландецъ отдаетъ свою рыбу, шерсть, шерстяные чулки и перчатки, лисьи шкурки, лебединыя кожи, гагачій пухъ, сало, ворвань и масло; и за это получаетъ отъ датчанина: муку, рожь, желѣзо и сталь, льняныя и бумажныя ткани, сѣти, соль, табакъ, сахаръ, спиртные напитки и даже мебель и хозяйственную утварь—условія цивилизованной жизни проникли и въ Исландію; тотъ же крестьянинъ, который прежде ѣлъ свое кислое молоко изъ грубой деревянной посуды, въ настоящее время желаетъ пить кофе изъ позолоченной фарфоровой чашки.

Иногда исландецъ за часть своихъ товаровъ требуетъ денегъ, но тутъ ему приходится торговаться съ датчаниномъ, которому мѣновая торговля болѣе прибыльна. Впрочемъ, исландцу легко прожить и безъ денегъ, такъ какъ подати уплачиваетъ онъ рыбою и шерстяными издѣліями, и тѣми же товарами платитъ прислугѣ и работникамъ.

Если наберетъ исландецъ нѣсколько талеровъ, то или дѣлаетъ изъ нихъ украшенія, или же они спокойно лежатъ у него въ сундучкѣ, такъ какъ здѣсь нѣтъ акціонерныхъ компаній и расточительности. Но не смотря на такое незнакомство со всѣмъ, что движетъ у насъ людьми, исландецъ вовсе не такъ неопытенъ въ торговыхъ дѣлахъ, какъ можно было бы заключить изъ торговли съ датчанами.

Близъ Рейкіавика находится большая равнина, на ней исландецъ разбиваетъ свою палатку, прежде чѣмъ отправляется въ городъ. Тутъ оставляетъ онъ своихъ лошадей, товары и прислугу, и, помолившись Богу, идетъ онъ къ гавани и обходитъ всѣхъ купцовъ по одиночкѣ. Различныя, сдѣланныя ему предложенія, онъ аккуратно записываетъ, не слишкомъ довѣряя своей памяти, потому что датскіе купцы усердно подчуютъ его спиртными напитками, какъ для того, чтобы ихъ продать побольше, такъ и для того, чтобы склонить на свою сторону бѣдняковъ. Сдѣлавши обходъ, исландецъ возвращается къ своему каравану, чтобы здѣсь, на сколько позволитъ отуманенная выпитой водкой его голова, сдѣлать разсчеты. Если исландецъ взялъ съ собой жену, то, конечно, она рѣшаетъ дѣло, и на слѣдующее утро онъ съ товарами отправляется къ купцу, которому удалось пріобрѣсти его довѣріе. По окончаніи торговли начинается опасность. Въ сердечной радости счастливый исландецъ выпиваетъ стаканъ водки за здоровье купца, потомъ второй, чтобы Богъ привелъ свидѣться въ слѣдующемъ году, третій за здоровье короля, четвертый потому что выпито три и т. д.

Наконецъ, послѣ многихъ объятій и увѣреній въ вѣчной дружбѣ онъ садится на лошадь и отправляется домой, плохо отличая горы отъ домовъ. По счастію, во всей Исландіи нѣтъ разбойниковъ, но нерѣдко забываетъ исландецъ въ пьяномъ состояніи завязать мѣшочекъ, упаковать коробку—и случается, что возвратный путь его усѣянъ сахаромъ, кофе, ржаной мукой и солью, а нерѣдко не найдется и выторгованныхъ денегъ. Впрочемъ, если пьянство довольно сильно во время ярмарки, то все-таки было бы несправедливымъ считать исландцевъ за народъ, преданный этому пороку.

По возвращеніи съ ярмарки начинается самая важная работа исландскаго земледѣльца—сѣнокосъ. Рыбная ловля дала ему средства удовлетворить потребностямъ собственнаго желудка—теперь нужно сдѣлать зимній запасъ корма для скота, отъ котораго зависитъ все его благосостояніе. Онъ не заботится объ уборкѣ хлѣбовъ и овощей; капуста, рѣпа, петрушка и картофель, родящіеся въ маленькомъ огородѣ исландца, мало заслуживаютъ вниманія. Трава главнѣйшій и единственный продуктъ его полей, и въ концѣ іюля исландецъ молится лишь объ томъ, чтобы небо послало ему нѣсколько ясныхъ дней для сѣнокоса. Не смотря на значеніе сѣнокоса, мало дѣлаютъ для улучшенія луговъ т. е. осушенія, окапыванія, засѣва клеверомъ и т. д. Трава ко времени сѣнокоса, ни высока, ни густа; рѣдко встрѣчается лугъ, гдѣ бы сорныя и безполезныя травы не росли въ большемъ количествѣ, нежели полезныя. Травы срѣзаются посредствомъ маленькаго узкаго серпа, которымъ почти совершенно обнажаютъ почву. Заразъ накашивается столько, сколько можетъ быть высушено людьми, остающимися на фермѣ, и снова принимаются за покосъ тогда, когда уже скошенное и высушенное сѣно свезено домой. Тогда косятъ и сушатъ траву, растущую на болотахъ. Здѣсь сѣно сушатъ и складываютъ въ длинные, узкіе стога. Сѣно преимущественно идетъ въ кормъ коровамъ, а овцамъ и лошадямъ даютъ его только въ самые суровые холода.

Какъ только все сѣно свезено, фермеръ задаетъ пиръ, который состоитъ изъ простого ужина, гдѣ самое лакомое блюдо похлебка изъ молока съ мукой. По окончаніи всего сѣнокоса, снова задается пиръ, для котораго прирѣзываютъ жирнаго барана, и хотя серьезный и молчаливый исландецъ менѣе другихъ народовъ любитъ музыку и пляски, однако же эти праздники также отличаются весельемъ, но безъ восторженныхъ криковъ полудикихъ племенъ.

Съ окончаніемъ сѣнокоса прекращается и большинство полевыхъ работъ, такъ какъ скоро снѣгъ покроетъ горы, долины, луга и болота; солнце все менѣе и менѣе посѣщаетъ холодную землю; завываютъ зимнія вьюги въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ. Исландецъ остается въ своей хижинѣ, которая не многимъ лучше лапландской гаммы.

Хижины исландцевъ строются по одному и тому же плану. Внѣшняя стѣна, сдѣланная изъ каменьевъ, дерна и торфа въ $4\frac{1}{2}$ фута вышиной и нерѣдко 6 футовъ толщиной, окружаетъ все строеніе. Съ одной стороны, обыкновенно, съ южной, находятся различныя, по большей части, красной краской выкрашенныя, двери. Эти двери

ведутъ въ жилыя комнаты, въ кузницу, молочный погребъ и коровникъ. Изъ двери, ведущей въ жилыя комнаты, входишь въ длинный, узкій корридоръ, по обѣ стороны котораго расположены различныя комнаты, отдѣленныя другъ отъ друга толстыми торфяными перегородками. Надъ каждой комнатой находится деревянная крыша, покрытая слоемъ дерна. Въ крышѣ оставляется для свѣта отверстіе въ 4, 5 дюймовъ въ поперечникѣ, въ которое вставлено стекло или пузырь. Первыя комнаты лучшихъ домовъ имѣютъ съ передней стороны окна, состоящія изъ одной или четырехъ рамъ со стеклами. Полъ сдѣланъ изъ утрамбованной земли, очагъ—изъ сложенныхъ въ кучу камней. Дурной торфъ, сушоный коровій и овечій навозъ, морскія водоросли и сушоныя рыбьи кости служатъ здѣсь топливомъ. Вонючій дымъ проходитъ черезъ боченокъ съ выбитыми днами, или же просто черезъ отверстіе сдѣланное въ крышѣ.

Толстыя торфяныя стѣны постоянно издаютъ тяжелый, нездоровый земляной запахъ. Вообще, жилище исландцевъ не отличается чистоплотностью и порядкомъ. Мебель, съ того времени, какъ ее поставили впервые, никогда не чистится, постели имѣютъ видъ грязныхъ тряпокъ, а деревянные столы, самопрялки и другіе предметы какъ будто свалены въ кучу въ углу комнаты.

Домъ фермера похожъ болѣе на деревню, чѣмъ на отдѣльное жилище, и различныя семейства живутъ въ одной и той же окружной торфяной стѣнѣ. Хижины бѣдныхъ классовъ народа не болѣе какъ шалаши, на столько бѣдные, что удивляешься, какъ человѣкъ можетъ въ нихъ жить.

Часто дома фермеровъ построены по одиночкѣ на лугахъ; такіе дома очень низки и крыша ихъ поросла травой. Гдѣ 5 или 6 такихъ домовъ находится вмѣстѣ, то такое мѣстечко носитъ особое названіе, и здѣсь живетъ *гребстіоръ* или начальникъ общины. Въ такомъ мѣстечкѣ почти всегда есть церковь, отличающаяся отъ окружающихъ хижинъ только тѣмъ, что на крышѣ стоитъ крестъ

Положеніе духовенства совершенно соотвѣтствуетъ жалкой внѣшности церквей. Учитель германской сельской школы, конечно, весьма скудно пользуется земными благами, но онъ имѣетъ блестящее положеніе въ сравненіи съ положеніемъ исландскаго пастора. Можно составить себѣ понятіе о скудномъ содержаніи здѣшняго духовенства: посредствомъ десятиннаго сбора на всѣ 184 прихода Исландіи составляетъ всего 6400 талеровъ въ годъ и притомъ эта сумма раздѣляется далеко неравномѣрно. Лучшій приходъ находится въ Брейдѣ, Больштадѣ на Рангвальскомъ эпсселѣ, гдѣ народонаселеніе изъ

376 душъ отдѣляетъ десятиннаго сбора на содержаніе священника болѣе 180 талеровъ въ годъ. Въ Аарнесскомъ зисселѣ приходъ Торфастадиръ, гдѣ находятся гейзеры, состоитъ изъ 5 церквей, на содержаніе же священника и его причта едва ли приходится болѣе 30 талеровъ въ годъ. Нерѣдко встрѣчаются еще меньшія степендіи: въ двухъ или трехъ приходахъ въ Исландіи ежегодно собирается десятиннаго сбора для содержанія служителей церкви не болѣе 5 талеровъ въ годъ. Степендіи большею частію выплачиваются различными продуктами. Кромѣ степендіи священникъ получаетъ доходъ съ очень бѣдной церковной земли и отъ весьма скудныхъ приношеній; отъ правительства онъ не получаетъ ни копѣйки. Три раза въ годъ самыя богатыя изъ духовныхъ дѣтей, по древнему обычаю, приносятъ священнику по монетѣ въ 21 крейцеръ; за исполненіе особыхъ требъ: за крещенье, свадьбу, погребенье также платятъ ничтожную сумму. Наконецъ, каждый фермеръ обязанъ въ зиму продержать для священника по ягненку, котораго фермеръ беретъ въ октябрѣ и возвращаетъ весною въ хорошемъ состояніи.

Неудивительно, что при такихъ скудныхъ доходахъ, духовныя лица, чтобы только прокормить свою семью, должны работать, какъ и другіе жители мѣстечка. Кромѣ обработки земли, сѣнокоса, ухода за скотомъ священнику нерѣдко приходится съ обозомъ вьючныхъ лошадей возвращаться въ свою хижину съ отдаленной рыбной ловли. Священнику нужно умѣть ковать лошадей, что по здѣшней вулканической почвѣ приходится дѣлать очень часто. Не менѣе трудную работу составляетъ забота о запасѣ древеснаго угля. Близко ли, далеко ли находится мелкій лѣсокъ березоваго слапца, ему нужно итти туда рубить лѣсъ, жечь уголь и на вьючныхъ лошадяхъ перевести его въ свое жилище, которое нисколько не лучше хижины бѣднѣйшаго крестьянина. Рѣдко въ домѣ священника найдется печь, часто весь домъ состоитъ изъ одной комнаты, стѣны которой свѣтятся насквозь. Вся мебель состоитъ изъ кровати, ломанаго стола, двухъ, трехъ стульевъ и нѣсколькихъ сундуковъ, гдѣ сохраняется одежда всего семейства. Такова жизнь исландскаго священника и нерѣдко въ такой бѣдности, такихъ лишеніяхъ кроется ученость и высокая нравственность. Вѣроятно, большинству читателей неизвѣстно имя поэта Іона Торлаксона, но кто не подивится бѣдному священнику, который, получая въ годъ менѣе 50 талеровъ дохода и работая, какъ простой крестьянинъ, все таки остался до глубокой старости вѣрнымъ служенію музъ, и на 70 году своей жизни окончилъ переводъ поэмы Мильтона «Потерянный Рай». Три

первыя книги были напечатаны исландскимъ литературнымъ обществомъ, но въ 1796 году оно закрылось. Самъ же Торлаксонъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы напечатать книгу на свой счетъ и не имѣлъ надежды видѣть ее когда-нибудь въ печати. Трогательно говоритъ онъ самъ о своей бѣдности.

«Съ тѣхъ поръ, какъ въ міръ вошелъ, я повѣнчался съ нищетой; уже 70 зимъ душитъ она меня въ своихъ объятіяхъ, и разлучусь-ли съ нею на землѣ, лишь знаетъ Тотъ, Кто насъ соединилъ».

Но какъ будто небо захотѣло научить старца, что никогда не долженъ человѣкъ терять надежды и вскорѣ послѣ этого Торлаксона неожиданно посѣтилъ въ Баккѣ Гендерсонъ, агентъ англійскаго Библейскаго Общества, онъ описываетъ свое свиданіе съ сѣдымъ поэтомъ слѣдующимъ образомъ:

«Подобно большинству его сотоварищей, мы нашли его въ это время года съ его духовными дѣтьми на покосѣ. Лишь только онъ услыхалъ о нашемъ пріѣздѣ, какъ поспѣшилъ, насколько позволяли его лѣта, пригласить насъ въ свою бѣдную хижину. Онъ ввелъ насъ въ низкую комнату, въ которой занимался своими переводами. Дверь была ниже 4 футъ; комнатка имѣла въ длину 8, а въ ширину 6 футъ. На одномъ концѣ комнатки стояла кровать старца, а у самой двери, противъ окна, фута въ 2 въ вышину и ширину помѣщался столъ, на которомъ старикъ писалъ. Когда я ему сказалъ, что ни мои соотчичи, ни я самъ не простили бы никогда, если бы, посѣтивъ эту часть острова, я не повидался бы съ нимъ, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что переводъ Мильтона доставилъ ему много пріятныхъ часовъ и часто давалъ случай думать объ Англіи».

Это посѣщеніе имѣло счастливое послѣдствіе для почтеннаго Торлаксона,—англійскій литературный фондъ прислалъ ему въ подарокъ 30 фунтовъ стерлинговъ, сумму очень небольшую, но показавшуюся бѣдному священнику неисчерпаемымъ богатствомъ, усладившимъ остатокъ его жизни. Но недолго пришлось попользоваться имъ бѣдняку, такъ какъ 3-го мая 1821 года Джонъ Торлаксонъ скончался. На латинскомъ языкѣ онъ благодарилъ англійское общество за подарокъ и къ письму приложилъ окончаніе своего перевода, которое было напечатано уже послѣ его смерти въ 1828 году. Собственныя стихотворенія Торлаксона и переводъ «Essay on Mon» Поппе появились только въ 1842 году.

Единственная школа, гдѣ воспитывается большинство бѣднаго, но столь почтеннаго исландскаго духовенства—Рейкіавикская семи-

нарія; только немногіе получаютъ вспомоществованіе для посѣщенія копенгагенскаго университета, гдѣ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ студенты знакомятся съ блескомъ столицы и удовольствіями, которыхъ никогда не встрѣтятъ на своей скудной родинѣ. Можно было бы подумать, что мысль возвратиться въ Исландію имъ будетъ казаться ужасною—напротивъ, они стремятся на родину, гдѣ ожидаютъ ихъ лишенія и нужда.

Ни въ одной христіанской странѣ, исключая Лапландіи, духовенство не живетъ въ такой бѣдности, какъ въ Исландіи; но нигдѣ оно не приноситъ столько пользы, какъ здѣсь, такъ какъ нигдѣ оно не сроднилось на столько съ народомъ и нигдѣ такъ свято не выполняются обязанности врача духовнаго. Если вообще исландцы отличаются честностью, благочестіемъ и жаждою духовнаго просвѣщенія, кому же, какъ не пастырямъ духовнымъ, обязаны они этимъ, какъ и любовью къ поэзіи, которая составляетъ славу ихъ предковъ и до сихъ поръ освящаетъ бѣдную хижину исландца, какъ рѣдко освящаетъ она богатыя палаты? Много выиграетъ въ нашихъ глазахъ и дурно одѣтый священникъ и бѣдная церковь, если проведемъ тамъ воскресное утро. Маленькое зданіе находится между развалинами лавы или окружено исполинскими ледниками, оно стоитъ тамъ, гдѣ духъ подавленъ тишиной окружающей пустынной природы. Съ торжественною важностью ожидаетъ группа крестьянъ и крестьянокъ прихода своего пастыря; всѣ, по обычаю страны, одѣты въ лучшія платья и всѣ привели своихъ дѣтей. Каждый, вновь пришедшій, встрѣчается поцѣлуемъ. Такимъ образомъ, исполненія религіозныхъ обязанностей даютъ случай свидѣться, такъ рѣдко встрѣчающимся людямъ. Священникъ является между ними, какъ другъ, онъ кланяется съ каждымъ членомъ общины и цѣлуетъ дѣтей. Послѣ такихъ проявленій чувства любви, всѣ вмѣстѣ идутъ въ домъ молитвы. Божественная служба, совершающаяся со всевозможнымъ внѣшнимъ приличіемъ, состоитъ изъ молитвъ, пѣнія псалмовъ, проповѣди и чтенія изъ Св. Писанія. Хотя Мекензи не могъ вполнѣ судить о слогѣ и характерѣ этихъ проповѣдей, но всякій разъ, какъ онъ присутствовалъ при богослуженіи, по горячему слову проповѣдника и по выраженію слушателей, ему казалось, что проповѣди имѣли сильное вліяніе на вошедшихъ въ храмъ.

Во всей Исландіи находится всего одна публичная школа въ Рейкіавикѣ, но несмотря на это, можетъ быть нигдѣ такъ не распространено элементарное ученіе. Здѣсь замѣчательная система до-

машняго воспитанія замѣняетъ учрежденія, которыя не могутъ существовать по бѣдности и разрозненности жителей.

Мать не только учитъ своихъ дѣтей чтенію и письму, но и бѣднаго сироту, котораго приняли въ семейство, а отецъ семейства, питая дѣтей трудами своихъ рукъ, не забываетъ при этомъ обогощать ихъ познаніями и поучать добродѣтели. Въ этихъ достойныхъ уваженія трудахъ родителямъ помогаютъ священники, которые считаютъ надзоръ за домашнимъ воспитаніемъ за одну изъ важнѣйшихъ обязанностей своего пастырскаго званія. Если въ длинный зимній вечеръ посѣтить душную низкую комнату, гдѣ собралось семейство исландскихъ крестьянъ, мы увидимъ какъ полезно и нравственно они употребляютъ время! Во всемъ многочисленномъ собраніи не найдется ни одного тупеядца, глазѣющаго по сторонамъ. Женщины и дѣвицы прядутъ или вяжутъ; мужчины и мальчики чинятъ или вновь приготовляютъ рыболовныя снасти и домашнюю утварь, или же вырѣзаютъ удивительно искусно табакерки и украшенія. У лампы, бросающей сомнительный свѣтъ на внимательно слушающія группы, сидитъ одинъ изъ членовъ семейства и громко и съ чувствомъ читаетъ или древнюю сагу или разсказъ изъ исландской исторіи. Нерѣдко говорятся наизусть небольшія стихотворенія и даже цѣлыя саги. Въ Исландіи можно также встрѣтить странствующихъ разсказчиковъ, которые, подобно средневѣковымъ трубадурамъ, ходятъ изъ дому въ домъ и тѣмъ себя содержатъ. Такимъ образомъ, память о великихъ предкахъ хранится ихъ потомками, и Снорри Стурлезонъ, Зэмундъ Фроде и Эрихъ Рауда живутъ въ Исландіи.

Если въ обыкновенномъ исландцѣ воспитаніе и обстоятельства такъ замѣчательно развили вкусъ къ литературнымъ наслажденіямъ, то естественно можно ожидать высокой образованности отъ ученыхъ и даровитыхъ людей острова. Особенно замѣчательно ихъ знаніе языковъ и классической литературы. Это первое, что возбуждаетъ вниманіе и удивленіе путешественника, посѣщающаго островъ. Онъ видитъ людей, жилища которыхъ не далеко ушли отъ жилищъ дикарей, которые лишены всякихъ удобствъ утонченной жизни, и которые въ своихъ маленькихъ лодкахъ, разгуливая по морю, ищутъ средства для прокормленія семейства, и у этихъ-то людей онъ находитъ близкое знакомство съ памятниками классической древности. Ученые исландцы очень часто употребляютъ латинскій языкъ для своихъ трудовъ; и вѣроятно, въ Исландіи много рукописей стиховъ и прозы, которымъ на вѣкъ суждено оставаться тамъ въ мракѣ, въ какомъ они писались.

Мы назвали Іона Торлаксона, но сколько бъ могли назвать лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ въ Исландіи, которыя написали не мало полезныхъ сочиненій, безъ всякой надежды на славу, безъ всякихъ внѣшнихъ поощреній. Невсегда музы награждаютъ своихъ учениковъ лавровымъ вѣнкомъ, но иногда чистая любовь къ литературнымъ занятіямъ увлекаетъ чуждыя всякаго честолюбія души, которыя не требуютъ отъ труда иного счастія, какъ только приносимаго имъ самимъ.

Новѣйшими языками исландцы почти не занимаются, ограничивая эти познанія на столько, сколько требуетъ ихъ ограниченное общеніе съ иностранцами.

Весь высшій классъ жителей острова вполнѣ владѣетъ датскимъ языкомъ; многіе знаютъ нѣмецкій и англійскій языки. Извѣстно, что всѣ скандинавскіе языки произошли отъ одного корня, и сходство исландскаго, датскаго и еще болѣе норвежскаго языка до такой степени велико, что жители этихъ странъ безъ труда могутъ понимать другъ друга. Но изо всѣхъ новѣйшихъ скандинавскихъ языковъ, происшедшихъ отъ одного сѣвернаго языка, за тысячу лѣтъ до нашего времени распространеннаго по всей Даніи, Норвегіи и Швеціи, ни одинъ языкъ не измѣнился такъ мало, какъ исландскій, что обусловливается отдаленностью острова, и теперь говорятъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили во времена Ингольфа, и во всей Исландіи нѣтъ ни одного рыбака, ни одного поденщика, который не понималъ бы вполнѣ древнихъ писателей. Понятно, что въ народѣ, гдѣ такъ много читаютъ, запросъ на книги долженъ быть очень великъ. Исландцы слишкомъ бѣдны, чтобы каждый постоянными пріобрѣтеніями увеличивалъ свое маленькое собраніе старыхъ и новыхъ сочинителей, и потому въ этомъ случаѣ исландцы охотно помогаютъ другъ другу. Посѣщая въ воскресенье церковь, каждый крестьянинъ захватываетъ съ собою нѣсколько книгъ, отдаетъ ихъ сосѣду для прочтенія и отъ него беретъ въ замѣнъ другія.

Можно считать благодѣяніемъ для любознательныхъ островитянъ библіотеку для чтенія, основанную въ Рейкіавикѣ, въ 1821 году, заботами ученаго копенгагенскаго профессора Рафна. Эта библіотека принадлежитъ всей Исландіи, ибо вся Исландія принимала участіе въ ея обогащеніи. Датское правительство позволило собрать подписку, а частныя лица жертвовали деньгами и книгами. Библіотека постоянно увеличивается пожертвованіями крестьянъ, купцовъ и духовенства, а правительство ежегодно присылаетъ сюда

лучшія, въ Копенгагенѣ отпечатанныя, книги. Библіотека бываетъ открыта разъ въ недѣлю, и книги выдаются жителямъ отдаленныхъ округовъ на нѣсколько мѣсяцевъ, даже на годъ. Такимъ образомъ сокровища библіотеки дѣлаются доступными многочисленнымъ семействамъ, неимѣющимъ средства пріобрѣтать книги.

Другое учрежденіе, заслуживающее вниманія, это, основанное въ 1816 году, Исландское Литературное Общество. Члены его собираются въ двухъ мѣстахъ,—въ Копенгагенѣ и Рейкіавикѣ, и цѣль этого общества состоитъ въ изданіи полезныхъ книгъ на народномъ языкѣ. Кромѣ небольшой субсидіи, получаемой обществомъ ежегодно отъ правительства, въ видѣ вспомоществованія, оно существуетъ, исключительно, на суммы, получаемыя отъ членскихъ взносовъ. Съ такими незначительными средствами общество уже издало много полезныхъ сочиненій.

Первая типографія была уже основана въ Исландіи въ 1530 году въ Гоолумѣ, епископомъ Джономъ Арезонъ, человѣкомъ честолюбивымъ, который хотѣлъ употребить новое искусство, какъ средство для увеличенія своего вліянія. Типографія впослѣдствіи была переведена въ Скальгольтъ, потомъ снова перешла въ Гоолумъ и, наконецъ, навсегда оставила это мѣсто вмѣстѣ съ уничтоженіемъ здѣшней епископской кафедры.

Можетъ быть, мы слишкомъ долго говорили о нравственномъ развитіи Исландіи, но образованіе въ такомъ отдаленномъ закоулкѣ земного шара показалось намъ слишкомъ удивительнымъ, и мы не могли обойти молчаніемъ такой отрадный фактъ. На крайнемъ сѣверѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ лишь варварскую пустыню и скотское невѣжество, Исландія производитъ впечатлѣніе оазиса, населеннаго народомъ, столь богатымъ въ нравственномъ отношеніи.

Къ добродѣтелямъ Исландцевъ должно причислить еще умѣренность, добродушіе и гостепріимство. Преступленія чрезвычайно рѣдки на острову, воровство почти неизвѣстно, убійство неслыхано.

Не смотря на большіе физическіе труды и частыя опасности, не смотря на плохія экономическія условія, исландцы нерѣдко достигаютъ глубокой старости.

Недостатокъ тѣлеснаго движенія въ теченіи всей долгой зимы, испорченной воздухъ въ жилищахъ, совершенное отсутствіе растительной пищи и грязная шерстяная одежда, носимая на голомъ тѣлѣ, обусловливаетъ множество накожныхъ болѣзней, изъ нихъ *сѣверная проказа* заслуживаетъ особаго вниманія. Эта ужасная болѣзнь, которая свирѣпствуетъ и между норвежскими рыбаками и

въ Гренландіи, и на Фероерскихъ островахъ и въ Лапландіи, словомъ, повсюду, гдѣ ведутъ подобный образъ жизни, начинается опухолью рукъ и ногъ, а иногда и другихъ частей тѣла. Кожа становится глянцовитою и синеватою. Волосы выпадаютъ, всѣ чувства слабѣютъ или даже совершенно исчезаютъ. На рукахъ и лицѣ появляются шишки, которыя совершенно искажаютъ человѣческій образъ. Во всѣхъ сочлененіяхъ чувствуется сильная боль и по всему тѣлу высыпаетъ сыпь, которая, наконецъ, переходитъ въ язвы и оканчивается смертью. Съ появленіемъ сыпи нѣтъ надежды на спасеніе, тутъ не помогаютъ врачебныя средства. Но, къ счастію, бѣдныя жертвы проказы въ Исландіи скорѣе внушаютъ состраданіе, чѣмъ отвращеніе, и такъ какъ здѣсь проказу не считаютъ прилипчивою болѣзнью, то больныхъ не изгоняютъ изъ семействъ, какъ это дѣлается съ прокаженными на востокѣ. Мармье видѣлъ у священника въ Тингваллѣ прокаженнаго, который мололъ муку. Самые безпомощные изъ этихъ несчастныхъ помѣщаются въ трехъ небольшихъ богадѣльняхъ, содержащихся на общественный счетъ. Каждый рыбакъ обязанъ удѣлить часть лова на эти богадѣльни.

ГЛАВА XXXVI.

Вестмановы острова.

Недоступность романтическихъ острововъ. — Какъ они были заселены.— Опасная ловля птицъ.—Необыкновенная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ.— Англійскіе и алжирскіе морскіе разбойники.

Вестмановы острова, круто поднимающіеся изъ моря на высоту 1,000—2,000 футовъ, на столько недоступны, на сколько же и романтичны.

Многіе путешественники, плывя вдоль южнаго берега Исландіи, любовались живописностью береговъ бурнаго Маркафліота, но, однако, ни одинъ туристъ не вышелъ на берега Вестмановыхъ острововъ. Между берегами Исландіи и группою острововъ бушуетъ бурное море, такъ что даже не очень сильный вѣтеръ производитъ въ узкихъ каналахъ архипелага такое сильное теченіе, что о высадкѣ на берегъ можно подумать лишь въ тихую погоду, когда на морѣ вовсе нѣтъ волненія. Высокій водопадъ на исландскомъ материкѣ близъ городка Гольта даетъ вѣрные признаки, можно ли или нѣтъ пристать къ берегу на лодкѣ. Этотъ водопадъ представляетъ длинную струю воды, падающую съ высоты 800 футовъ. Если же водопадъ непрерывно видѣнъ въ теченіи 2 дней, то вообще берега доступны. У кого же изъ путешественниковъ хватитъ терпѣнья такъ долго наблюдать тонкую серебристую нить, не говоря уже о томъ, что можетъ задуть крѣпкій вѣтеръ во время посѣщенія острова и такимъ образомъ преградить возвратный путь?

Но какъ-же заселились острова, доступъ къ которымъ такъ затруднителенъ?

Можно было бы подумать, что Вестмановы острова предназначены служить убѣжищемъ однихъ морскихъ птицъ; однако же, эти

острова имѣютъ свою исторію, относящуюся къ той эпохѣ, когда сама Исландія была впервые заселена.

Разсказываютъ, что одинъ норвежскій морской разбойникъ, разъѣзжая по Атлантическому океану въ 875 году, увидѣлъ передъ собою Ирландскій берегъ, присталъ къ нему и, по обычаю своихъ соотчичей, напалъ на беззащитное населеніе, захватилъ около 50 человѣкъ—мущинъ, женщинъ и дѣтей—въ плѣнъ, посадилъ ихъ на свое судно и отплылъ съ ними въ Исландію, въ надеждѣ получить большой доходъ отъ таковыхъ даровыхъ работниковъ. Во время переѣзда бѣдные ирландцы много вытерпѣли горя и лишеній; отчаяны овладѣло ими и они рѣшились на дѣло, которое лучше было бы совершить съ перваго разу. Они возстали противъ своихъ притѣснителей, мужественно вступили въ бой съ ними, какъ люди рѣшившіеся побѣдить или умереть, убили всѣхъ норманновъ, находившихся на суднѣ, и пристали къ первому берегу, который имъ попался на пути. Вѣроятно, въ то время кровавая сцена происходила подъ яснымъ небомъ, и солнце, видѣвшее столько ужасовъ, освѣщало спокойное море, такъ какъ Провидѣніе позволило ирландцамъ высадиться у почти совершенно недоступныхъ береговъ на Вестмановыхъ островахъ.

Новые поселенцы нашли утесистые острова совершенно пустынными и необитаемыми, и остались они здѣсь вѣроятно потому, что другого выбора у нихъ не было. Жизнь съ морскими птицами оказалась лучше жизни съ морскими разбойниками.

Такимъ образомъ Вестмановы острова впервые заселились этими западными людьми (отсюда и названіе острововъ Westmann—западный человѣкъ), а потомки ихъ живутъ на островахъ до настоящаго времени. Едва ли кто позавидуетъ наслѣдству, полученному этими потомками первыхъ поселенцевъ.

Вестмановы острова находятся почти въ 20 англійскихъ миляхъ отъ исландскаго берега. Всѣхъ острововъ 14, но только на 4 есть растительность, и изъ послѣднихъ только одинъ, самый большой, Геймэй, населенъ.

Остальные острова не болѣе, какъ голые недоступные утесы, находящіеся въ безспорномъ владѣніи чаекъ и баклановъ. На островѣ Геймэй (островъ родины) находится бухта съ хорошею гаванью, входъ въ которую, однако, почти всегда затрудненъ сильнымъ теченіемъ.

Отъ бухты идетъ крутая тропинка съ одного уступа на другой и доходитъ до верхней платформы, гдѣ, на высотѣ 2000 футовъ

надъ уровнемъ моря, живетъ маленькій народецъ со своими немногочисленными стадами овецъ и рогатаго скота. Отсюда видны окружные островки, исполинскими столбами выходящіе изъ моря, безграничное море, и на исландскомъ берегу, горные колоссы: Гекла, Эйафіолла и много другихъ снѣжныхъ вершинъ. Одинъ видъ величественнѣе и романтичнѣе другого.

Хижины островитянъ очень бѣдны, но, выстроенная послѣ катастрофы 1774 года на счетъ датскаго правительства церковь, считается лучшею во всей Исландіи. Этотъ храмъ, однако, мало способствовалъ къ улучшенію людей, на благо которыхъ онъ былъ построенъ, такъ какъ жители Геймэя, по свидѣтельству исландцевъ, считаются въ высшей степени лѣнивыми и безнравственными.

Итакъ, плохая жизнь выпала на долю бѣднякамъ, и потому нельзя не пожелать, чтобы они по крайней мѣрѣ сами не ухудшали своего жребія.

Понятно, что обнаженная, незащищенная отъ вѣтровъ, платформа Геймэя не производитъ ни хлѣбовъ, ни овощей, такъ что жители обходятся безъ растительной пищи, а питаются исключительно мясомъ и молокомъ немногихъ коровъ и овецъ, которыя въ свою очередь ѣдятъ скудно растущія здѣсь травы. Итакъ, для островитянъ океанъ и утесы замѣняютъ и хлѣбныя поля и огороды; но съ нѣкотораго времени море также измѣнило жителямъ Геймэя, такъ какъ со времени большого извержепія Скаптаръ-Іокула въ 1783 году у Вестмановыхъ острововъ стало меньше появляться трески и вахни, но если вулканъ изгналъ и напугалъ крупную рыбу, то на счастье островитянъ не разогналъ онъ безчисленныхъ стай, живущихъ на Вестмановыхъ утесахъ морскихъ птицъ, которыми питаются мѣстные жители. Такую безвкусную жирную птицу съ трудомъ можетъ переварить желудокъ европейца, но привычка дѣлаетъ чудеса, и можетъ быть Вестманцы не промѣняютъ свѣжаго или соленаго мяса морскихъ птицъ на куропатокъ и фазановъ.

Вестманцы очень искусно умѣютъ ловить птицъ и собирать ихъ яйца въ гнѣздахъ. Для этого они спускаются съ высоты 2000 футовъ на веревкѣ въ пропасть и здѣсь на узкихъ окраинахъ утесовъ собираютъ яица или хватаютъ птицъ живьемъ.

Такая работа въ хорошее время года составляетъ ежедневное занятіе островитянъ, которые такъ привыкли къ нему, что вовсе не боятся его. Иногда случается, что лопнетъ веревка или перерѣжется она острымъ утесомъ и, понятно, что несчастный уже не увидитъ болѣе своего семейства. Паденіе съ высоты 2000 футовъ!

Прежде нежели достигнетъ волнъ морского прибоя уже задохнется несчастный въ воздухѣ. Въ началѣ хорошаго времени года собираются яйца, потомъ ловятъ молодыхъ птицъ. Тутъ случаются страшныя битвы со взрослыми птицами, которыя храбро защищаютъ свой выводокъ и не перестаютъ нападать ударами толстаго клюва и сильныхъ крыльевъ на убійцу, пока не размозжатъ имъ головы дубиной. Тамъ, гдѣ склоны утесовъ недоступны сверху, стараются взойти на нихъ снизу; на лодкѣ подъѣзжаютъ къ крутой стѣнѣ утеса и съ изумительною ловкостью и смѣлостью влѣзаютъ вверхъ. Лѣтомъ ѣдятъ яйца и свѣжее птичье мясо, на зиму солятъ птицъ. Перья и небольшое количество трески и лабардана привозятся въ Исландію и здѣсь вымѣниваются преимущественно на одежду, крючки и лесы для удочекъ, пряжу для сѣтей, соль, табакъ и водку. Остатки морскихъ птицъ употребляютъ здѣсь также и на топливо, такъ какъ на островѣ нѣтъ достаточнаго количества ни торфа, ни сушеныхъ рыбныхъ костей, чтобы этимъ матеріаломъ топить печи. Съ этою цѣлью птицъ пластаютъ, сушатъ и потомъ жгутъ вмѣстѣ съ перьями и внутренностями. Вонь отъ этого топлива ужасная; испареніе отъ верблюжьяго навоза, на которомъ варитъ свое кушанье бедуинъ, покажется благовоніемъ передъ этимъ смрадомъ.

Населеніе Вестмановыхъ острововъ въ настоящее время едва достигаетъ 200 душъ, при этомъ, если принять во вниманіе необыкновенную смертность въ дѣтскомъ возрастѣ, то нужно еще удивляться, что число жителей такъ велико. Въ лѣтописяхъ медицины Геймэй, этотъ утесъ, затерянный въ сѣверныхъ моряхъ имѣетъ печальную извѣстность, тамъ часто встрѣчающимися и почти всегда смертельными конвульсіями. Вскорѣ послѣ рожденія, у ребенка замѣчается особое закатываніе глазъ и отъ судорогъ сокращаются спинныя мышцы. Это явленіе продолжается одинъ или нѣсколько дней, послѣ чего въ большинствѣ случаевъ начинаются судороги челюстей, что не даетъ возможности принимать пищи, припадки становятся сильнѣе и наконецъ прекращается жизнь. Необыкновенная пища островитянъ и рѣзкій нагорный воздухъ должно считать главнѣйшими причинами частаго проявленія этой болѣзни.

Американецъ Плиній Милесъ, во время своего путешествія по Исландіи въ 1852 году, хотѣлъ посѣтить Вестмановы острова, но не могъ выполнить своего намѣренія, такъ какъ въ это время дулъ сильный вѣтеръ и нельзя было пристать къ островамъ. Этому путешественнику разсказывали на исландскомъ берегу, что если бы

Вестманцы не отдавали въ Исландію своихъ дѣтей на воспитаніе то ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ-бы смерти.

Вѣроятно, населеніе Вестманновыхъ острововъ поддерживается именно этимъ предохранительнымъ средствомъ, а не постоянными переселеніями сюда исландцевъ, какъ утверждаютъ Голландъ и другіе. Сомнительно, что въ Исландіи находятся люди, на столько безумные, чтобы переселиться въ мѣстность, гдѣ потомству ихъ предстоитъ такой печальный жребій и гдѣ самимъ придется добывать пищу, лазая по утесамъ.

Казалось-бы, что по крайней мѣрѣ, вестманцы, какъ по своей бѣдности, такъ и по неприступности своего положенія, вполнѣ безопасны отъ враждебныхъ нападеній?—Однако-же мы видимъ противное, такъ какъ два раза на нихъ нападали морскіе разбойники, которые совершенно ограбили островитянъ и почти уничтожили ихъ.

Изъ прошлой главы мы знаемъ, что англійскіе рыбаки часто появлялись у береговъ Исландіи и вмѣстѣ съ рыбной ловлей промышляли морскимъ разбойничествомъ. Одинъ изъ такихъ господъ отличался особенною смѣлостью и счастіемъ и грабилъ такъ деликатно, что былъ прозванъ «джентельменомъ Джономъ». Этотъ разбойникъ-аристократъ присталъ въ 1614 году къ Вестманновымъ островамъ, разграбилъ все, что только можно было и сжегъ церковь. Вѣроятно, слышалъ разбойникъ, что жители острова ирландцы и потому, какъ истый англичанинъ, считалъ себя въ правѣ содрать съ нихъ кожу.

Послѣ этого онъ возвратился въ Англію, но Король Іаковъ I, счелъ поступокъ нашего *джентельмена* за слишкомъ эксцентричный и, потому послѣ короткаго суда велѣлъ его повѣсить, а бѣднымъ Вестманцамъ выстроить церковь. Однако же, не суждено было бѣднякамъ долго пользоваться и этимъ новымъ храмомъ, такъ какъ въ 1627 г. въ исландскихъ водахъ появился алжирскій корсаръ. Порадуемся, что болѣе пѣтъ корсаровъ, но въ то время, къ стыду всего христіанства, дерзость ихъ превосходила всѣ границы. Морскіе разбойники, ограбивъ многія мѣстности по южному и восточному берегу Исландіи, вдругъ напали на несчастный Геймэй. Вестманцы узнали тутъ, что Алжирцы гораздо хуже напавшихъ на нихъ 13 лѣтъ тому назадъ Британцевъ и, что Джонъ въ сравненіи съ первымъ дѣйствительно велъ себя «джентельменомъ». 40—50 человѣкъ, желавшіе воспротивиться нападенію, были изрублены. Церковь и хижины были разграблены и сожжены и почти все остальное населеніе посажено было на суда и увезено въ плѣнъ. На ос-

тровѣ въ это время было два священника, изъ нихъ одинъ—Іонъ Торстейнсонъ убитъ разбойниками. Этотъ достойный, отличавшійся ученостью священникъ перевелъ на исландскій языкъ псалмы и книгу бытія; въ Исландіи считаютъ его мученикомъ. Другой священникъ, Олафъ Эгильсонъ, съ женою, дѣтьми и большею частью своей паствы, былъ привезенъ въ Алжиръ и проданъ въ рабство. Онъ описалъ на исландскомъ языкѣ свою судьбу; впослѣдствіи это сочиненіе было переведено на датскій языкъ. Несчастные испытали столько бѣдствій, что когда черезъ 9 лѣтъ датскій король выкупилъ ихъ, остались въ живыхъ всего 37 человѣкъ и изъ нихъ только 13 возвратились на родину.

ГЛАВА XXXVII.

Фероерскіе острова.

Физіономія Фероерскихъ острововъ. — Торсгавнъ.— Хижина. — Скотоводство. — Суевѣріе.— Гульдефольскъ.— Никары.—Бурное море — Климатъ —Печальныя слѣдствія торговой монополіи.

«28 іюня 1839 года», пишетъ Мармье, увидѣли мы большія массы скалъ, которыя поднимались изъ океана, и мы признали ихъ за одинъ изъ острововъ Фероерской группы. Къ сѣверу изъ рѣдкаго тумана выходили нѣсколько рядовъ стоящихъ другъ за другомъ скалъ и горъ, иныя волнообразно, другія круто поднимали въ воздухѣ свои снѣгомъ покрытыя вершины. На всей поверхности острова не было ни одного дерева, никакого слѣда растительности; это были обнаженные, мѣстами прорѣзанные глубокими фіордами, мѣстами раздѣленные морскими рукавами острова. Сѣрыя полосы паровъ, какъ саванъ окутывающія горы или закрывающія ихъ вершины, бурное море, шумящее у подножія исполинскихъ утесовъ, все это придавало острову суровую, странную физіономію. Издали не было видно ни колокольни, ни человѣческаго жилища; здѣсь находятся только бѣдныя, далеко другъ отъ друга отстоящія хижины, которыя скрываются между скалами, и такъ малы и низки, что можно замѣтить ихъ, только близко подойдя къ нимъ.

«Торсгавнъ—едва ли не единственный городъ островной группы, резиденція губернатора и судьи, центръ торговли и метрополія, о чудесахъ, которой рыбакъ разсказываетъ своимъ дѣтямъ, также какъ во Франціи добродушный провинціалъ разсказываетъ своему семейству про чудеса, видѣнныя имъ въ Парижѣ. Уже восемь столѣтій

тому назадъ имя Торсгавна красовалось въ лѣтописяхъ страны. Здѣсь ежегодно свободные островитяне, по древне скандинавскому обычаю собирались на совѣщанія по общественнымъ дѣламъ; здѣсь же въ 998 году народное собраніе приняло христіанство. Народонаселеніе города очень невелико и состоитъ всего изъ 650 жителей, что составляетъ десятую часть числа жителей всего архипелага.

«Мѣстоположеніе очень живописно. Полукругомъ поднимаются крутыя и дикія горы на заднемъ планѣ фіорда, и изъ средины окружности, какъ стрѣла на натянутомъ лукѣ, длинная банка утесовъ далеко заходитъ въ бухту. На этомъ то выступѣ находится большая часть города; улицы такъ узки, что двѣ лошади не могутъ пройти рядомъ, такъ круты, что мѣстами нужно цѣпляться и руками и ногами чтобы не упасть. За исключеніемъ домовъ, принадлежащихъ правительству видны только жалкія хижины, сколоченныя изъ досокъ—это что-то среднее между юртой кочевника и прочнымъ жилищемъ. Эти бѣдныя хижины, которыя такъ слабы, что ихъ нужно привязывать на зиму веревками, чтобы не сдулъ ихъ вѣтеръ, состоятъ изъ одного этажа и раздѣлены перегородкой на двѣ комнаты. Первая комната служитъ передней и кухней, въ ней нѣтъ ни пола, ни окна, и свѣтъ проходитъ черезъ дверь и дымовое отверстіе. Вся утварь состоитъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ горшковъ, двухъ или трехъ деревянныхъ уполовниковъ и нѣсколькихъ дельфиновыхъ костей, которыя, смотря по величинѣ и формѣ, заступаютъ мѣсто стула, лопаты или ухвата.

«Задняя комната, служащая жилымъ покоемъ и спальней, слабо освѣщена двумя, тремя маленькими оконцами. Здѣсь женщины чешутъ шерсть и ткутъ изъ нея *вадмель*, родъ толстаго сукна; здѣсь на доскахъ, на небольшомъ количествѣ соломы спитъ вся семья. При входѣ въ это тѣсное вонючее пространство, васъ поражаютъ физіономіи жителей, ихъ пріятное выраженіе лица, которыхъ не могли уничтожить ни нужда, ни бѣдность; поражаютъ женщины, которыя вездѣ бы отличались гармоническими чертами и цвѣтущимъ цвѣтомъ лица; поражаютъ граціозно веселыя дѣти.

«Населеніе Фероерской группы необыкновенно красиво. Во все время нашего пребыванія тамъ, мы не встрѣтили ни одного урода и часто, прогуливаясь по городу, мы останавливались, чтобы полюбоваться мужской красотой рыбака, или невиннымъ взоромъ и улыбающимся личикомъ молоденькой дѣвушки.

«Однажды вечеромъ я вошелъ въ одну изъ самыхъ мрачныхъ хижинъ, какая только намъ встрѣчалась. Хозяйка дружелюбно встрѣ-

тила насъ и съ трогательною простотой поблагодарила насъ за посѣщеніе. Это была еще молодая женщина, глаза которой уже нѣсколько потускнѣли отъ заботъ, труда, а можетъ быть и нужды; но ея нѣсколько блѣдное лицо все еще такъ кротко улыбалось. На рукахъ она держала ребенка и по временамъ цѣловала его вьющіеся локоны. Маленькая дѣвочка, испуганная моимъ приходомъ, подбѣжала къ матери, крѣпко схватилась за ея платье и, въ то же время, съ удивленіемъ смотрѣла на насъ своими большими голубыми глазами. Трое дѣтей стояло у окна, они составляли задній планъ квартиры. Бѣдная мать семейства разсказала намъ свою жизнь, свои долгія, безсонныя ночи зимой, свои работы въ полѣ и у очага. Послѣ того, какъ она, такимъ образомъ, безъ всякаго жеманства и аффектаціи, разсказала свою трудную жизнь, она не стала жаловаться и роптать, а напротивъ благодарила небо, заботящееся о ней и ея семействѣ: «мы бѣдные люди, сказала она, но, благодаря Бога, все идетъ хорошо въ нашей укромной хижинѣ. Мой отецъ, умирая, оставилъ намъ лодку, мужъ мой хорошій рыбакъ, зимою я работаю на богатыхъ, а лѣтомъ обрабатываю маленькое поле, за которое плачу небольшую аренду. Такъ проходятъ дни за днями и мы всегда сыты и одѣты. Къ тому же, самое трудное время миновало, когда дѣти у меня были слишкомъ малы и мнѣ нужно было няньчить ихъ вмѣсто того, чтобы работать; а теперь, слава Богу, дѣти подрастаютъ и скоро будутъ помогать мнѣ».

«При этихъ словахъ она весело взглянула на дѣтей, которыя своей улыбкой, какъ будто хотѣли оправдать надежду матери.

«Мужчины въ Торгавнѣ исключительно промышляютъ рыболовствомъ. Женщины вяжутъ шерстяные чулки, которые, къ сожалѣнію, вынуждены продавать за сравнительно дешевую цѣну.

«Въ Торгавнѣ находится библіотека въ 5,000 томовъ. Здѣсь-же живетъ единственный врачъ всего архипелага, а такъ какъ разстоянія очень велики и въ бурную погоду всякія сообщенія между островками прекращаются, то больные большею частью предоставляются на волю Божью.

«Если городъ, вообще, бѣденъ и малъ, зато горы, огибающія заливъ и вдали голубоватые острова представляютъ великолѣпнѣйшій видъ. Я любилъ по вечерамъ всходить на холмъ, на которомъ стоитъ небольшая крѣпость и любоваться скуднымъ городкомъ, который со своими хижинами, покрытыми травою, стлался подъ моими ногами и обширнымъ моремъ, изъ котораго мѣстами поднимались черныя массы утесовъ.

«Здѣсь мы могли любоваться прекрасными сѣверными ночами (самый длинный день не продолжается на Фероерскихъ островахъ 20 часовъ). Солнце поздно закатилось за горизонтъ и послѣ заката небо какъ-будто было проникнуто какимъ-то мягкимъ свѣтомъ. Ночь была тихая и ничего не было слышно, кромѣ меланхолическаго шума волнъ, вкатывавшихся на песчаный берегъ и потомъ снова удалявшихся назадъ, оставляя въ знакъ побѣды кайму морской пѣны или гирлянду изъ водорослей. Въ этихъ одинокихъ часахъ, которые проводишь на берегу моря, въ этомъ однообразномъ ропотѣ волнъ, въ этой необозримой водной поверхности, гдѣ мысль бѣжитъ съ волны на волну, есть особая прелесть, которую не выразишь ни на какомъ языкѣ, не передашь никакой мелодіей. Послѣ такой прогулки чувствуешь себя какъ-то легко, какъ будто морской вѣтеръ, дующій по волнамъ, освѣжаетъ и душу и разумъ.

«На Фероерскомъ архипелагѣ живописецъ найдетъ множество самыхъ романтичныхъ видовъ. Архипелагъ состоитъ изъ 25 острововъ, изъ которыхъ 17 обитаемы. Плывя съ одного острова на другой, проходишь то сквозь каменную массу, образующую естественныя тріумфальныя ворота, то у подножія скалы, величественной, какъ пирамида и заостренной, какъ шпицъ башни. Здѣсь зіяетъ темная исполинская пещера, тамъ поднимается отвѣсная стѣна, еще далѣе вѣчно бьющее море подмыло черную скалу и грозно виситъ обнаженная ея вершина надъ морскими волнами.

«Фероерскіе острова были случайно открыты какимъ-то, занесеннымъ сюда бурею, Викингомъ, и заселены норвежской колоніей при королѣ Гарольдѣ Прекрасноволосомъ. Правленіе сначала было олигархическое, потомъ острова покорились Норвегіи, а въ концѣ XIV столѣтія присоединены были къ Даніи, которой принадлежатъ и теперь.

«На всемъ архипелагѣ находится 39 церквей и всего 7 священниковъ, которые часто, вслѣдствіе бурной погоды, по цѣлымъ недѣлямъ не видятся со своими семьями. Эти духовные отцы всѣ датчане и учились въ Копенгагенѣ.

«Внутренность острововъ, которая пространствомъ имѣетъ около 20 квадр. миль, совершенно пустынна и не болѣе $^1/_{10}$ почвы занята земледѣліемъ.

«Овцеводство составляетъ главнѣйшее богатство страны: многіе собственники имѣютъ стада въ 500—600 головъ. Бѣдныя животныя живутъ въ совершенномъ забросѣ, блуждая зиму и лѣто по горамъ. Въ іюнѣ крестьянинъ отыскиваетъ свои стада посредствомъ

собакъ, выдрессированныхъ для отысканія овецъ по пещерамъ и оврагамъ, узнаетъ своихъ овецъ по особымъ знакамъ и выщипываетъ шерсть руками. Лошади также здѣсь предоставлены самимъ себѣ и употребляются на работу всего два раза въ годъ, весною для вывоза навоза, осенью для доставки запаса торфа. Однѣ коровы пользуются преимуществомъ ѣсть изъ яселъ и спать въ сараѣ.

«Жилища вдоль береговъ, вообще, обширнѣе Торсгавнскихъ домовъ, гдѣ живутъ исключительно бѣдные рыбаки. Первыя состоятъ изъ нѣсколькихъ мелкихъ строеній: собственной хижины, коровника, овина съ печкой изъ битой земли, въ которой, какъ въ сѣверной Финляндіи, заставляютъ искусственно вызрѣвать ячмень, подвергая его сухому жару втеченіе цѣлыхъ сутокъ и, наконецъ, изъ нѣсколькихъ сараевъ, гдѣ вѣшаютъ для сушки цѣлыхъ барановъ. Мясо, такимъ образомъ, сохраняетъ всю свою питательность и чрезвычайно удобно для рыбака, который ѣстъ его сырьемъ и безъ соли.

«Жители Фероерскихъ острововъ очень кротки, честны, гостепріимны, флегматичны, почти лѣнивы и меланхоличны. Преступленія здѣсь очень рѣдки, смертоубійство дѣло неслыханное. Жители Фероерскихъ острововъ очень суевѣрны и вѣрятъ въ невидимыя существа, которыя будто населяютъ острова.

«Гульдефольки—большіе невидимые духи, живущіе стадомъ въ горахъ и поѣдающіе траву луговъ. Случается, что Гульдефолькъ преслѣдуетъ красивыхъ дѣвицъ; въ этихъ случаяхъ не поможетъ молитва священника, но остается только единственное средство—поскорѣе выйдти замужъ за хорошаго человѣка.

«Вальтары—красивые карлики, живущіе вокругъ хижины между камнями. Милыя существа не выносятъ никакого шума; брань пугаетъ ихъ, а кощунство обращаетъ ихъ въ бѣгство. Пока живутъ карлики въ согласіи съ хозяиномъ, до тѣхъ поръ они приносятъ ему счастіе; но если обидитъ ихъ крестьянинъ, то они становятся непримиримыми его врагами.

«Мара или Альпъ—страшное чудовище; его прогоняютъ знаменьемъ креста или призываніемъ имени Іисуса Христа.

«Если души покойниковъ возвращаются къ тому мѣсту, гдѣ они жили, то они имѣютъ силу исполнить желаніе тѣхъ, кого они встрѣтятъ. Ихъ надо ожидать на перекресткѣ въ ночь подъ Рождество, тихо, не промолвивъ слова, не сдѣлавъ движенья, такъ какъ тотчасъ же мертвецъ скроется и отъ него ничего уже не дождешься.

«Никары—водяные духи, которые подзываютъ молодыхъ женщинъ къ себѣ и увлекаютъ въ волны. Здѣсь есть и тюлени-женщины, на берегу они сбрасываютъ съ себя шкуру и тотчасъ же являются въ красивомъ женскомъ образѣ.

«Фероерскіе острова окружены чрезвычайно безпокойнымъ моремъ, которое въ этомъ лабиринтѣ утесовъ производитъ ужасный прибой, теченіе и волненіе; воздухъ точно также рѣдко бываетъ покоенъ. На восточномъ и западныхъ берегахъ приливы и отливы достигаютъ различныхъ высотъ, на западныхъ берегахъ, подверженныхъ атлантической приливной волнѣ, приливъ достигаетъ 42 футовъ высоты, тогда какъ на восточныхъ берегахъ онъ не поднимается выше 18 футовъ.

«Нерѣдко на морѣ свирѣпствуютъ страшные вихри, которые движутъ громадными массами воды и загоняютъ рыбу, попавшуюся въ ихъ область на громадное разстояніе; такъ иногда большія стаи сельдей забрасываются на самыя высокія горы Фероерскихъ острововъ.

«На сушѣ также часто свирѣпствуютъ бурные вѣтры, и чтобы въ это время не быть сбитымъ съ ногъ, нужно лечь на землю ничкомъ. Иногда буря наступаетъ такъ быстро, что мгновенія за два до наступленія ея можно ходить повсюду съ зажженною свѣчей. Понятно, что въ странѣ, обвѣваемой такими холодными морскими вѣтрами, не можетъ расти деревьевъ, и только мѣстами встрѣчаются низкіе кусты можжевельника и тальника.

«Климатъ Фероерскихъ острововъ вполнѣ морской. При средней годичной температурѣ въ + 7°,31 Ц., лѣтомъ температура едва достигаетъ до нужныхъ для вызрѣванія ячменя + 12°,21 Ц., а зимою, не смотря на высокую широту, средняя температура равняется + 3°,61 Ц. Хотя туманы очень часто покрываютъ острова, и торфяныя болота занимаютъ бо́льшую часть почвы, но человѣкъ на этихъ, вѣтромъ обвѣваемыхъ, утесахъ, очень здоровъ, и Фероерскіе острова принадлежатъ къ частямъ земнаго шара, гдѣ человѣкъ доживаетъ до глубочайшей старости.

«Что мѣшало благосостоянію жителей острововъ, такъ это вредная торговая монополія датскаго правительства, которая здѣсь, какъ и въ Исландіи, въ теченіи многихъ столѣтій, какъ проклятіе, тяготѣла на народѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

Отъ Дронтгейма до Нордкапа.

Умѣренный климатъ сѣверо-западной Скандинавіи.—Вліяніе Гольфстрема.—Характеръ Норвегіи.—Правленіе.—Народное воспитаніе.—Романтическая поѣздка моремъ.—Дронтгеймъ.—Aegge-väre, яичные острова.—Морской орелъ.—Ловля сельдей у Альстена.—Семь сестеръ.—Солнце въ полночь.—Сѣверныя устрицы.—Рыболовство у Лофоденъ—Ваагe.—Garn. рыболовная спасть.—Тромзое.—Альтенфіордъ.—Мѣдные рудники.—Гоммерфестъ.—Нордкапъ.

Если вообще при посѣщеніи странъ, лежащихъ по ту сторону полярнаго круга, путешественникъ встрѣчаетъ только печальную, однообразную картину безплодія земли, а на крайнемъ сѣверѣ почти вездѣ видитъ безлѣсныя пустыни, или вовсе необитаемыя, или-же населенныя дикарями, въ которыхъ едва можно узнать человѣка, то съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы проведемъ нѣсколько времени на сѣверо-западномъ берегу Скандинавскаго полуострова.

Не смотря на свое весьма сѣверное положеніе, природа Норвегіи очень ей поблагопріятствовала, обративъ эту страну въ оазисъ въ сравненіи съ пустынями Сибири или обпаженными, мхомъ покрытыми степями, по которымъ несутъ свои обильные водо́ы Мѣдная и Большая Рыбья рѣки.

Въ какой сѣверной землѣ, кромѣ Финнмарка, находимъ подъ 70° с. ш., что ель и береза ростутъ по склонамъ горъ до высоты 700—830 футовъ. Гдѣ, кромѣ внутренности Мелангерова фіорда подъ 66°, можно найти хлѣбныя поля?

Волны арктическаго моря омываютъ берега и острова этихъ странъ; напротивъ ихъ лежитъ берега восточной Гренландіи, вѣчно недосягаемой по своему ледяному поясу. Шпицбергенъ и Новая

Земля ближе къ Тальвигу и Гаммерфесту, нежели Исландія и Оркады;—а тѣмъ не менѣе здѣшніе фіорды не замерзаютъ въ самую суровую зиму, и во всякое время года гавани открыты для приходящихъ и отходящихъ кораблей.

Но какимъ благодѣтельнымъ условіямъ обязаны норвежскіе берега своимъ умѣреннымъ климатомъ, которымъ они отличаются отъ другихъ странъ одинаковой съ ними широты? Отчего зима на Нордкапѣ далеко не такъ сурова, какъ въ Квебекѣ, лежащемъ почти на 25° южнѣе, и, наконецъ, по какой причинѣ именно здѣсь полярные холода теряютъ свою всеуничтожающую силу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ простъ и понятенъ.

Высокія горныя цѣпи отдѣляютъ узкую береговую полосу отъ восточныхъ склоновъ Швеціи и Финляндіи, и защищаютъ ее отъ вѣтровъ сибирскихъ степей, тогда какъ эти горы не мѣшаютъ притоку теплыхъ юго-западныхъ вѣтровъ черезъ обширный Атлантическій океанъ. Высокимъ горнымъ цѣпямъ во всякомъ случаѣ должно отчасти приписать умѣренность климата Норвегіи; но главную причину его мы должны искать въ самомъ лонѣ океана.

Величественно, какъ ни одна рѣка земного шара, изъ Мексиканскаго залива вытекаетъ Гольфстремъ въ Атлантическій океанъ. Теплыя воды Гольфстрема проходятъ по океану съ запада къ востоку, и хотя въ серединѣ своего пути часть этого теченія идетъ къ югу, но большая масса идетъ къ сѣверу, проходитъ черезъ широкія ворота между Исландіею и Британскими островами и, наконецъ, достигаетъ сѣверныхъ береговъ Финнмарка. Хотя во время своего пути волны Гольфстрема теряютъ большую часть своей первоначальной высокой температуры, но вліяніе ихъ все же ощутительно у береговъ Норвегіи, и не только заносятъ опѣ сюда кокосовые орѣхи и калебасы, но и приносятъ умѣренный климатъ и теплоту.

Такимъ образомъ, въ Мексиканскомъ заливѣ находится источникъ теплоты, умѣряющій зимній холодъ сѣверной Скандинавіи, и морское теченіе позволяетъ норманамъ наслаждаться плодами тропическаго солнца.

Гольфстремъ всего быстрѣе течетъ среди лѣта между Кубою и Флоридою, когда вертикальные лучи солнца всею силою, такъ сказать, прожигаютъ Мексиканскій заливъ. Это теченіе менѣе сильно, когда источникъ свѣта и теплоты стоитъ на противоположномъ поворотномъ кругѣ.

Но волны, вытекающія въ изобиліи изъ нѣдръ Антильскаго моря среди лѣта сѣвернаго полушарія, достигаютъ шиперборейскихъ

береговъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно въ то время года, когда нужна сила, умѣряющая холода. И въ этомъ мы видимъ, какъ природа связываетъ свои цѣли со средствами.

Хотя норвежская почва большею частью скалиста и неплодородна, но жители сѣверныхъ провинцій, непользующіеся хлѣбными полями, получаютъ обильную пищу отъ рыболовства, а на продукты своихъ лѣсовъ и рудниковъ покупаютъ произведенія, которыхъ не даетъ ихъ родина.

Норвежцы бѣдны и должны съ трудомъ и опасностью выпрашивать дары природы; но они довольствуются малымъ, а простота ихъ нравовъ дѣлаетъ недостатокъ богатства неощутительнымъ; зато съ какою гордостью смотрятъ норвежцы на свою независимость и на горы своей романтической родины.

Норвежскій крестьянинъ отличается открытымъ, честнымъ характеромъ, дружелюбіемъ и гостепріимствомъ. Религіозное чувство его глубоко и искренно; не боится онъ въ своемъ челнокѣ плыть 8—10 часовъ до церкви, и не найдешь здѣсь жилища, гдѣ-бы не нашлось библіи. Хотя упрекаютъ норвежца за вялый, флегматическій темпераментъ, но онъ умѣетъ сильно и долго трудиться, когда это нужно, и не ляжетъ отдохнуть, пока не кончитъ своей работы. О его мужествѣ, любви къ отечеству и свободѣ свидѣтельствуетъ его тысячелѣтняя исторія.

Нынѣшнимъ своимъ благосостояніемъ Норвегія большею частью обязана своей новой конституціи 1814 года. Книгопечатаніе совершенно свободно. Всѣ привилегіи и наслѣдственные титулы уничтожены, черезъ каждые 3 года собирается парламентъ или *стортингъ*, который состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней *адельтингъ* и законодательной *лоттингъ*. Законы утверждаются королемъ. Но если стортингъ въ три различныя засѣданія принялъ новый законъ, то, не смотря на несогласіе короля, онъ дѣйствуетъ во всей силѣ.

Въ 1814 году на Норвегіи тяготѣли огромные долги, въ настоящее время они давно погашены, прямые налоги значительно уменьшены. Армія ничтожна своею численностью, но если бы что угрожало независимости или свободѣ Норвегіи, то жители, какъ одинъ, поднялись-бы на защиту родины; въ мирной Норвегіи еще живъ древній духъ, который сдѣлалъ морскихъ королей страшными для Франціи и Италіи, и нуженъ только внѣшній толчекъ, чтобы пробудился геройскій духъ древности.

Общественное воспитаніе въ Норвегіи можно назвать образцовымъ. Въ каждой деревнѣ имѣется элементарная школа, а тамъ

гдѣ населеніе слишкомъ рѣдко, учитель переходитъ изъ дома въ домъ, чтобы не лишить воспитанія даже одинокихъ дѣтей.

Въ каждомъ городѣ существуетъ публичная библіотека, и въ прекрасномъ Гульфбрандсдалѣ каждый крестьянинъ ежегодно вноситъ свой талеръ на увеличеніе библіотеки, которая находится подъ надзоромъ священника и книги выдаются всѣмъ членамъ общины. Ни одинъ норвежецъ не можетъ быть конфирмованъ, если не умѣетъ читать, а безъ конфирмаціи нельзя вступить въ бракъ. Если кто до 20-лѣтняго возраста не конфирмованъ, тому угрожаетъ смирительный домъ. Такимъ образомъ, въ бѣдной Норвегіи невѣжество наказывается, какъ порокъ. Назидательный примѣръ для другихъ образованныхъ странъ.

Населеніе Норвегіи невелико и содержитъ въ себѣ не болѣе двухъ милліоновъ душъ; къ тому же оно распространено весьма неравномѣрно, въ особенности въ сѣверныхъ провинціяхъ. Однако, это рѣдкое населеніе все-же, сравнительно, гуще населенія Сибири или Гудзонбайскихъ странъ. Понятно, что все это обстоятельство обусловливается болѣе умѣреннымъ климатомъ и вѣчно открытымъ моремъ норвежскихъ береговъ.

Вниманіе читателя рѣдко бываетъ обращено на отдаленную Норвегію; для многихъ эта страна совершенно неизвѣстна. Но хотя она стоитъ далеко отъ обыкновеннаго пути туристовъ и не играетъ никакой роли въ политикѣ, все-таки она представляетъ много интереснаго, и потому охотно послѣдуемъ за Леопольдомъ фонъ Бухомъ и другими новѣйшими путешественниками по водному пути изъ Дронтгейма въ Гаммерфестъ и Нордкапъ. Переѣзды отъ одного города до другого можно совершить только въ лодкѣ, такъ какъ по всюду врѣзываются глубокіе фіорды, которые доходятъ до самыхъ горъ, а крутые берега которыхъ совершенно непроходимы. Въ прежнее время это путешествіе было сопряжено съ большими трудностями и издержками. Даже въ лучшее время года надо было употребить по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, чтобы проплыть отъ Дронтгейма до Гаммерфеста въ рыбачьемъ челнокѣ, единственномъ суднѣ, употреблявшемся здѣсь для перевозки пассажировъ. Понятно, что въ бурную погоду при такихъ средствахъ сообщенія нечего было и думать о продолженіи пути.

Въ настоящее время еженедѣльно изъ Дронтгеймской гавани отходитъ пароходъ, который въ 5 или 6 дней доставляетъ путешественниковъ до ихъ сѣверной цѣли. Сотни большихъ и малыхъ острововъ почти непрерывнымъ рядомъ тянутся вдоль утесистаго

берега Норвегіи, и по проливамъ между этими островами и твердой землей проходятъ пароходы. Въ иныхъ мѣстахъ эти проливы не шире рѣчного русла; въ другихъ они расширяются въ цѣлыя моря. Постоянно измѣняющіеся виды береговъ, фіордовъ, горъ представляютъ изумительное разнообразіе романтической природы. Одна величественная колоссальная картина смѣняетъ другую, но, къ сожалѣнію, эти картины не оживляются присутствіемъ человѣка, а дикая ненаселенная природа производитъ тягостное впечатлѣніе на душу. Только изрѣдка рыбачья лодка покачивается на волнахъ, или на берегу покажется маленькая деревянная хижина (*гаардъ*). Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ видъ природы грустнѣе. Растительность уменьшается, человѣкъ встрѣчается все рѣже и рѣже, и чувствуется, будто подходишь къ границѣ всего живого, за которой царитъ вѣчная смерть.

За исключеніемъ Архангельска, Дронтгеймъ—самый сѣверный городъ земного шара. Хотя Дронтгеймъ есть колыбель древней сѣверной исторіи и былъ столицею многихъ древнихъ королей, но имѣетъ видъ, какъ будто этотъ городъ выстроенъ только вчера, такъ какъ часто повторяющіеся пожары пожираютъ деревянные дома. Только одинъ древній соборъ, построенный въ XI столѣтіи, куда сходилось населеніе всего скандинавскаго царства на богомолье къ могилѣ Св. Олафа, остался свидѣтелемъ сѣдой старины.

Дронтгеймъ вообще очень красиво построенъ, а пестрая окраска домовъ составляетъ пріятную противоположность съ суровымъ характеромъ сѣвера. Самая внѣшность города доказываетъ благосостояніе жителей, которые ведутъ обширную торговлю преимущественно рыбою. Въ Рорассѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ имѣются богатые содержаніемъ мѣдные рудники. Въ окрестностяхъ Дронтгейма видны высокія трубы мѣдныхъ чугунноплавильныхъ, плющильныхъ и проволочныхъ заводовъ, издѣлія которыхъ имѣютъ не только мѣстный сбытъ, но вывозятся также и за границу.

Передъ городомъ, на небольшомъ островѣ, стоитъ древній укрѣпленный замокъ Мункгольмъ, гдѣ въ старину содержались государственные преступники. Здѣсь былъ заключенъ въ темницѣ въ продолженіи 18 лѣтъ (1680—1698) Грейффенфельдъ, достигшій изъ низкаго состоянія званія министра. Подобно кардиналу Вольсею въ Англіи, несчастіе привело его къ вѣрѣ. Въ часы одиночества онъ занимался переводами псалмовъ и выцарапываніемъ на стѣнѣ нравственныхъ сентенцій. Еще доселѣ существуетъ загороженное желѣз-

ной рѣшеткой окно, изъ котораго такъ часто Грейффенфельдъ смотрѣлъ на фіордъ и окрестныя горы.

Отъ Гильдрингена, гдѣ хорошо родится картофель, и гдѣ иногда вызрѣваетъ ячмень,—начинается провинція Нордландъ, простирающаяся отъ 65° до 69° 30′ с. ш.

Вдоль берега лежатъ множество необитаемыхъ островковъ, гдѣ безчисленныя стаи птицъ кладутъ яйца. Каждый изъ такихъ островковъ считается собственностью какого-либо владѣльца, права котораго передаются по наслѣдству его потомству. Владѣлецъ собираетъ яйца и пользуется лугами, пахатной землею и стадами.

«Если приходитъ владѣлецъ, говоритъ Леопольдъ фонъ Бухъ, то птица остается покойною, ибо изъ опыта она знаетъ, что отнимутъ у нея одинъ излишекъ и въ гнѣздѣ всегда останется хотя одно яйцо. Но иногда заходятъ сюда чужіе и воруютъ всѣ яица. Тогда стая вдругъ поднимается вверхъ и своими крыками наполняютъ воздухъ. Въ отчаяніи, птицы снова падаютъ на гнѣзда и долго не могутъ успокоиться. Если такія похищенія случаются часто, то птицы оставляютъ неблагодарныхъ владѣльцевъ и переселяются на новый островъ. На островахъ преимущественно гнѣздятся чайки (Maasfugl, maage), яйца ихъ крупныя и вкусныя».

Высокіе утесы Ловунъ составляютъ главное сборное мѣсто топориковъ (Alca arctica), которыхъ ловятъ для добыванія дорогихъ перьевъ. Глупая птица ловится весьма оригинальнымъ способомъ. Собака загоняетъ топориковъ въ узкую трещину скалы, гдѣ они притаиваются. Въ хвостъ первой птицы, вытащенной собакой, вцѣпляется клювомъ слѣдующій топорикъ и такъ далѣе, и такимъ образомъ вытаскивается все семейство.

На этихъ скалистыхъ берегахъ обитаетъ и морской орелъ, котораго боятся во всемъ Нордландѣ, ибо не довольствуется онъ ягнятами и другими мелкими животными, но нападаетъ даже на быковъ и нерѣдко остается побѣдителемъ. Способъ нападенія такъ страненъ, что Бухъ усомнился бы въ его вѣрности, если бы ему не передавали его въ различныхъ мѣстностяхъ весьма обстоятельно, подробно и почти тождественнымъ образомъ. Орелъ съ силою бросается въ волны, послѣ чего весь мокрый выходитъ изъ воды и валяется въ береговомъ пескѣ до тѣхъ поръ, пока крылья совершенно не покроются слоемъ гнейса или песка. Затѣмъ снова поднимается въ воздухъ, паритъ надъ несчастною жертвою, стряхаетъ съ крыльевъ песокъ ей въ глаза и окончательно пугаетъ животное сильными ударами крыльевъ. Ослѣпленный быкъ, какъ безумный, бросается

въ разныя стороны и, наконецъ, падаетъ отъ усталости или убивается, свалившись съ утеса. Тогда орелъ совершенно покойно терзаетъ свою добычу.

Морскіе берега отъ Альстена до Родое, подъ самымъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, богаты сельдями, ибо здѣшнія сельди составляютъ почти половину всего количества этой рыбы, вывозимой изъ Бергена. Нѣсколько тысячъ рукъ заняты здѣсь ловлею сельдей съ августа мѣсяца до конца года.

Жители морского берега для болѣе удачной ловли сельдей воспользовались изобрѣтеніемъ электрическаго телеграфа. Въ Англіи изготовлена телеграфная проволока, которая вдоль всего Скандинавскаго берега, отъ одного фіорда до другого, будетъ сообщать свѣдѣнія о ходѣ сельдей всему народонаселенію. Бѣдная селедка, кто бы подумалъ, когда Франклинъ подвергалъ впервые опытамъ таинственную силу электричества, что именно эту силу употребятъ на твою погибель!

Альстенскіе острова славятся также своими *Семью Сестрами*, семью горными вершинами, далеко заходящими за снѣжную линію и черными скалами почти вертикально погружающимися въ море. Эти горы, самыя высокія во всемъ округѣ, выше 4.000 футовъ. Онѣ очень величественны, когда полуночное солнце золотитъ ихъ вершины, а подножіе скрывается въ таинственномъ мракѣ. По крутымъ долинамъ кустарникъ ростетъ до значительной высоты, потомъ идутъ совершенно обнаженныя скалы, а на верху лежитъ твердый, неподвижный, блестящій на солнцѣ снѣгъ.

У мыса Кюннена и въ Бейренфіордскихъ лѣсахъ ель достигаетъ своей крайней сѣверной границы, и тамъ лѣтомъ солнце уже не заходитъ за горизонтъ.

Англійскій путешественникъ Гуртонъ (Voyage from Leith to Lapland in 1850) описываетъ въ своей книгѣ глубокое впечатлѣніе, произведенное на него этимъ явленіемъ, когда онъ увидалъ его впервые. «Уже болѣе недѣли мы находились по ту сторону полярнаго круга и не видѣли дневного свѣтила на сѣверномъ горизонтѣ. Только 29 іюня въ ночь съ субботы на воскресенье исполнились мои желанія. Полуночное солнце показалось во всемъ блескѣ непокрытое тучами, и я, можно даже сказать, съ чувствомъ религіознымъ, встрѣтилъ съ непокрытою головою его лучи. Нельзя видѣть солнца въ болѣе романтической, сильнѣе за душу хватающей, обстановкѣ. Наше небольшое судно одно одинешенько лавировало по водамъ между двумя рядами утесистыхъ, снѣгомъ покрытыхъ,

острововъ, отстоящихъ другъ отъ друга не болѣе какъ въ одной англійской милѣ. Изъ-за весьма низкой части сѣвернаго ряда острововъ, показались лучи полночного солнца, которое даже нѣсколько согрѣло воздухъ, хотя вѣтеръ былъ такъ рѣзокъ и холоденъ, что каждая капля воды, падающая на палубу, мгновенно замерзала, и весь экипажъ былъ одѣтъ въ зимнее платье до самыхъ глазъ. Я укутался въ свою старую шинель и, быстро ходя взадъ и впередъ, прочелъ балладу Колриджа «Ancient Mariner» и нѣкоторыя стихотворенія Борнса. Видъ солнца привелъ меня въ восхищеніе, которое въ сильной степени удивило капитана Геггелюнда и его тупоголовый экипажъ.

«Это была чудная, величественная ночь, и въ это тихое воскресное утро я душой приблизился къ Богу болѣе, нежели молясь въ теченіи цѣлаго года въ самомъ великолѣпномъ храмѣ, когда-либо воздвигнутомъ руками человѣка во славу своего Создателя».

Между 68° и 69° с. ш. на сѣверѣ Нордланда лежатъ Лоффодены, отдѣленные отъ твердой земли Вестфіордомъ. Этотъ широкій морской рукавъ замѣчателенъ, какъ своими сильными теченіями (мальштремъ и сальтеншгремъ), такъ и тѣмъ, что эта самая крайняя сѣверная точка, до которой доходитъ устрица.

«Если счесть всѣ лодки», говоритъ Бухъ, «ежегодно собирающіяся къ Ваагѣ (на Вестфіордѣ), то число ихъ ближе къ 4000 нежели къ 3000. Въ каждой лодкѣ сидитъ отъ 4 до 5 человѣкъ; значитъ, на всѣхъ лодкахъ находится болѣе 18.000 рыбаковъ, конечно, болѣе половины всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, живущихъ по Нордланду на протяженіи 100 географическихъ миль. Къ этому должно прибавить еще болѣе 300 яхтъ изъ Бергена, Христіанзунда и Мольда; на каждой яхтѣ находится 7—8 человѣкъ.

«При этомъ должно замѣтить, что масса рыбы никогда не уменьшала количества рыбаковъ. Это рыболовство притомъ доступно для каждаго приходящаго и все-таки не слышно жалобъ, что богатые уменьшаютъ добычу бѣдныхъ, или, что нордландцы принуждены были бы подѣлиться своею добычею съ приходящими сюда рыбаками съ юга. Тогда какъ всѣ другія мѣстности сѣвера становятся менѣе богатые рыбою, Лоффодены же въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія стоятъ все на той же высотѣ, и не было примѣра, чтобы здѣсь когда-либо ощущался недостатокъ въ рыбѣ. Еще во времена Гарольда Прекрасноволосаго Вааге отличался обиліемъ рыбы и многіе богачи поселялись въ этой странѣ для рыболовства.

«Миролюбивый и добродѣтельный король Эйстейнъ, братъ Си-

гурда Крестоносца, построившій на Доффефильдѣ 4, еще доселѣ существующіе дома для пристанища путешественниковъ, повелѣлъ также въ 1120 году построить здѣсь церковь во имя Олафа, и вокругъ нея множество рыбачьихъ хижинъ, чтобы бѣдные люди собирались сюда и могли добывать себѣ средства къ жизни. Этимъ дѣломъ король Эйстейнъ самъ хвалится передъ своимъ братомъ и самъ ставитъ это дѣло выше всѣхъ блестящихъ подвиговъ Сигурда въ Греціи и во главѣ побѣдоноснаго константинопольскаго войска (Геймскрингла 3.248)».

Рыба приходитъ сюда съ сѣвера черезъ Растаундъ, между Гиндое и Остъ-Ваагe, менѣе черезъ Гримштремъ между Остъ- и Вестъ-Ваагe. Потомъ рыба сходится къ тремъ и четыремъ банкамъ и здѣсь, собравшись милліонами, ожидаетъ рыбаковъ. Рыба держится здѣсь только во время переста, и потомъ тотчасъ же снова удаляется въ море, или по слѣдамъ сельдей, или въ неизвѣстный міръ въ глубь океана. Поэтому все рыболовство продолжается только нѣсколько недѣль. Хотя точно нельзя опредѣлить дня прихода рыбы, но это никогда не бываетъ ранѣе первой половины января и рѣдко случается позднѣе конца февраля.

Въ началѣ апрѣля все кончается. Рыбу ловятъ сѣтями и удочками. Важнѣе всего рыболовство *гарномъ*. Гарнъ представляетъ собою сѣть саженъ въ 25 длиной и не болѣе 7—8 футовъ вышиной; петли не болѣе, какъ въ нѣсколько дюймовъ. Внизу этой сѣти прикрѣплено множество камней посредствомъ бичевокъ; эти грузила опредѣляютъ положеніе сѣти. Вверху горна такими же бичевками прикрѣпляются куски легкаго дерева; вслѣдствіе этихъ поплавковъ и грузилъ, гарнъ принимаетъ вертикальное положеніе и стоитъ въ водѣ, какъ стѣна. Весь успѣхъ ловли разсчитанъ на горячности трески; со всего розмаха рыба вскакиваетъ въ петли сѣти, но толстое тѣло не можетъ слѣдовать за головой, рыба бросается назадъ, но длинные, узкіе грудные плавники расправляются, какъ стальныя пружины, и рыба такимъ образомъ захватывается въ петли.

Если бы гарнъ имѣлъ большую ширину, то онъ бы не выдержалъ тяжести рыбы. Но и при обыкновенной ширинѣ нужна осторожность. Треска въ водѣ теряетъ большую часть своего вѣса, но, вытащенная на воздухъ, она всею своею тяжестью вцепъ на петлѣ и разорвала бы ее, если бы другой рыбакъ, по мѣрѣ того какъ на поверхность выходятъ рыбы, не вонзалъ имъ въ животъ желѣзнаго крюка и посредствомъ него не бросалъ рыбу въ лодку. Днемъ такая ловля невозможна, ибо, хотя сѣти стоятъ на глубинѣ 60—80

саженъ, но все-таки рыба замѣчаетъ сѣть и избѣгаетъ ее. Клаузъ Пильсъ Слиппигенъ, богундскій и сендлирскій купецъ, первый ввелъ гарпъ въ 1685 году и тѣмъ удвоилъ количество пойманной рыбы. Но какъ почти при всѣхъ полезныхъ нововведеніяхъ, такъ и здѣсь консерваторы и протекціонисты подняли въ Норвегіи страшный крикъ противъ употребленія гарпа. Въ 1762 году было запрещено употреблять эти сѣти въ Дронтгеймѣ, ибо отъ нихъ будто-бы страдаютъ бѣдные рыбаки, неимѣщіе средствъ пріобрѣсти дорогой гарпъ.

«Что за особенная и постоянная нѣжность къ бѣдному люду», замѣчаетъ Бухъ всѣмъ друзьямъ китайскаго застоя, «какая трогательная заботливость, совершенно задерживающая и умерщвляющая всякій прогрессъ и промышленность, и сводящая дѣятельнаго человѣка до значенія машины, или ученаго животнаго, которое постоянно одинаковымъ образомъ исполняетъ свои работы и не думаетъ ни объ улучшеніяхъ, ни о прогрессѣ. Бѣднякъ, неимѣющій средствъ пріобрѣсти только богатымъ доступныя снасти, пусть соединится съ другими бѣдняками. Пусть они сообща купятъ гарпъ и потомъ раздѣлятъ добычу. А желаніе, наконецъ, пріобрѣсти гарпъ самому побудитъ бѣдняка къ труду и бережливости, и ясно станетъ, что трудомъ можно достигнуть благосостоянія. Если-же не найдется средствъ работать общими силами, пусть бѣдняки послужатъ богатымъ, пусть походятъ на помочахъ, пока сами ходить не могутъ.»

Только незначительная часть добычи продается на мѣстѣ дронтгеймскимъ купцамъ, главная же масса рыбы свозится на землю, гдѣ на особыхъ подмосткахъ на 2 или 3 мѣсяца вывѣшивается на воздухъ, и потомъ нужно совершить новое путешествіе, чтобы взять высушенную рыбу. Нужно оставить часть своей добычи въ пользу землевладѣльца, потому-что земля не составляетъ общаго достоянія, какъ море.

До 1-го іюня запрещено брать рыбу, ибо если она не совершенно высушена, то не только загниваетъ сама, но и гноитъ всю кучу, въ которой находится, а съ нею вмѣстѣ портится и весь складъ. Поэтому *круглую рыбу* или треску позволено лишь заготовлять до 14-го апрѣля, послѣ-же этого времени можно лишь заготовлять только *пластинную рыбу*—вахню.

Здѣсь не такъ часты дожди, какъ на Бергенскихъ берегахъ, и круглая рыба имѣетъ достаточно времени, чтобы просушиться насквозь, но этого уже не будетъ въ маѣ съ наступленіемъ дождей, а потому для большаго соприкосновенія съ воздухомъ необходимо пластать рыбу. Иногда и послѣ счастливой ловли неблагопріятная

погода уничтожаетъ весь доходъ рыбака. Слѣта закрываютъ подмостки, рыба не можетъ высохнуть, портится и гніетъ.

Дай Богъ, чтобы снова какой-нибудь Эйстейнъ обратилъ свое вниманіе на Лоффодены и подумалъ о здѣшнемъ трудолюбивомъ человѣкѣ. Жизнь такихъ людей требуетъ заботы. Рыбаки не только во время рыболовства подвергаются каждую минуту опасности на вѣчно безпокойномъ морѣ, но и на землѣ едва находятъ они себѣ защиту отъ холода полярной зимы и бурь.

На самомъ берегу строятся легкія зданія (*Bodet*), мало защищающія отъ стужи и вѣтра, и здѣсь живутъ рыбаки въ тѣснотѣ и послѣ опаснаго плаванія по морю, негдѣ имъ ни успокоиться, ни просушиться, ни согрѣться. Ни всякая нордландская натура способна вынести такія постоянныя неудобства. Прошедшей зимой появилась болѣзнь, ее занесли рыбаки на родину, и она распространилась по всему берегу. Эта повальная лихорадка уже часто опустошала Нордкапдъ, и часто рыбныя ловли не посѣщаются одними и тѣми же рыбаками.

Грязь, никогда не просыхающая одежда, дурная пища, производятъ между ними тяжелыя, почти всегда неизлѣчимыя болѣзни—сыпь, чесотку, цынгу. Петръ Дассъ, священникъ въ Альтагуге (1647—1708), патетически описалъ лишенія и нужду бѣдныхъ рыбаковъ. На верху большого бѣлаго паруса нордландской яхты видны двѣ маленькія черныя полоски, говорятъ, что это траурный знакъ, которымъ благодарный рыбакъ чтитъ память сму сочувствовавшаго поэта. Отлично сдѣлалъ-бы норвежскій стортингъ, если-бы вспомнилъ добраго короля Эйстейна и жалобы честнаго пастора, и постарался улучшить участь рыбаковъ.

Подъ 69° 46′ с. ш. лежитъ небольшой островъ Тромзое, гдѣ лѣтъ 50 тому назадъ находилось лишь нѣсколько несчастныхъ рыбачьихъ хижинъ, а теперь стоитъ красивый городокъ въ 2,800 жителей, который ведетъ оживленную торговлю съ Россіей. Главные предметы вывоза: треска, рыбій жиръ, шкуры и рога сѣверныхъ оленей. Въ Тромзое иногда заходятъ и англійскіе корабли, т. е. если имъ удастся найти эту гавань. Одно ливерпульское судно, вмѣсто Тромзое, зашло въ Тромое, и не мало удивило владѣтеля тамошней маленькой рыболовной станціи извѣстіемъ, что его долго искали и, наконецъ, доставили ему грузъ угля въ нѣсколько сотъ тонъ. Трудно было убѣдить капитана въ его ошибкѣ, и наконецъ, послѣ сильной брани противъ всего, что находится по ту сторону арктическаго круга, онъ поднялъ якорь и отправился на новые поиски.

Въ Трамзое есть латинская школа, и тамошніе политики почерпаютъ политическія новости въ «Tromsoe Tidende et Blad for Nordland og Finmarken». Когда-то эта газета была самою сѣверною въ мірѣ, но теперь и въ Гаммерфестѣ также есть своя газета. Тромзойцы проводятъ свои длинные зимніе вечера за музыкальными вечерами и thés dansants, лѣтомъ они наслаждаются красотами природы своей романтической мѣстности. Горы, и море, и самъ островъ лишь только исчезнетъ снѣжный покровъ, украшаются растительностью. На лугахъ красуются цвѣты, а по склонамъ горъ ростутъ различные кустарники, покрытые блестящими ягодами. Въ Тромзое еще воздѣлываютъ ячмень, но онъ не вызрѣваетъ болѣе раза въ 4—5 лѣтъ.

Еще сѣвернѣе лежитъ Альтенфіордъ, оба берега котораго усѣяны жилищами. Здѣшняя растительность приводитъ въ изумленіе естествоиспытателя. Здѣсь еще растетъ обыкновенная береза до 1454 футовъ надъ уровнемъ моря, черника (Vaccinium myrtillus) по горамъ поднимается до высоты 2030 футовъ, Salix mirsenites поднимается еще на 100 футовъ выше, березовый слапецъ (Betula nana) ростетъ до высоты 2740 футовъ и арктическая верба доходитъ до границы вѣчнаго снѣга, т. е. до 3500 футовъ.

Альтенъ также славится мѣдными рудниками. Датское правительство знало о ихъ существованіи 200 лѣтъ тому назадъ, но не приступало къ ихъ разработкѣ. Въ 1825 году одна лапландка нашла на скалѣ кусокъ мѣдной руды, который попалъ въ руки Кроуэ, англійскаго купца въ Гаммерфестѣ. Кроуэ тотчасъ же сталъ хлопотать о привиллегіи на разработку мѣди, и, получивъ привиллегію, отправился въ Англію, гдѣ составилъ акціонерное общество съ капиталомъ въ 75 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; 15 лѣтъ тому назадъ, когда Мармье посѣтилъ Альтенфіордъ, у Кроуэ въ этихъ самыхъ сѣверныхъ рудникахъ земного шара работало 1100 человѣкъ и на Каафіордскомъ рейдѣ нерѣдко стояло по 10 англійскихъ кораблей разомъ, пришедшихъ съ грузомъ каменнаго угля, нужнаго для выплавки мѣди.

Гаммерфестъ, подъ 69° 30′ 15″, есть самый сѣверный городъ въ мірѣ, если не считать нѣсколькихъ сибирскихъ мѣстечекъ, незаслуживающихъ названія городовъ. Въ 1810 году, когда Леопольдъ фонъ-Бухъ посѣтилъ Гаммерфестъ, онъ былъ, впрочемъ, немногимъ лучше сибирскихъ городовъ Шпанска и Зашиверска, имѣющихъ 21 и 17 жителей. Весь Гаммерфестъ состоялъ всего изъ 9 жилыхъ домовъ и имѣлъ не болѣе 44 жителей, въ числѣ которыхъ нахо-

дились 1 священникъ, 4 купца, 1 школьный учитель и 1 башмачникъ. Въ настоящее время всѣ купцы составляютъ кружокъ, который зимой по окончаніи торговыхъ дѣлъ, думаетъ только о концертахъ, балахъ и театрахъ. День, когда солнце снова появляется на горизонтѣ, составляетъ его эпоху. Первый увидавшій солнце, кричитъ во все горло, и всѣ выбѣгаютъ на улицу и поздравляютъ другъ друга.

Нордкапъса мый сѣверный мысъ Европы находится, какъ извѣстно, на островѣ Магерое, гдѣ нѣсколько норвежцевъ живетъ въ земляпкахъ и даже занимаются скотоводствомъ.

По новѣйшимъ даннымъ, длинный низменный утесъ, называемый Книфскіородденъ, заходитъ въ океанъ на четыре англійскихъ мили еще далѣе къ сѣверу, чѣмъ самый Нордкапъ. Но этому утесу не отнять извѣстности у Нордкапа, ибо окопечность перваго имѣетъ только нѣсколько футовъ въ ширину и опасно стоять на ней, потому что волны морского прибоя готовы сбросить любопытпаго въ глубокое прозрачное море.

«Едва обогнули мы Книфскіородденъ», пишетъ Гуртонъ, «какъ нашимъ глазамъ внезапно представился Нордкапъ и намъ казалось, что онъ паходится въ нѣсколькихъ стахъ футахъ отъ насъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ лежалъ на разстояніи 2 англійскихъ миль. Онъ представляетъ собою колоссальную скалу, и хотя хребетъ ея на протяженіи 2 или 3 миль довольно ровенъ, но все же онъ замѣтно склоняется къ внѣшнему концу, который похожъ на башню гигантскихъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что внѣшняя поверхность очень похожа на старую каменную стѣну, впередъ и на западъ она спадаетъ почти совершенно вертикально. Высота ея почти равняется 1000 футамъ.

«Мое впечатлѣніе, когда я всталъ въ тѣни Нордкапа и смотрѣлъ жадпымъ окомъ на его исполинскія формы, было похоже на чувство религіозное. Его прелестныя гордыя очертанія, его колоссальная величина, его положеніе и его неизмѣняемость на сѣверѣ, гдѣ онъ выдерживаетъ въ теченіи безсчетныхъ тысячелѣтій страшныя нападенія Полярнаго моря—все это вмѣстѣ одѣваетъ этотъ мысъ какимъ-то почти подавляющимъ величіемъ.

«Единственное мѣсто, къ которому можно пристать, лежитъ на западной сторонѣ приблизительно въ 1— англійскихъ мили отъ окопечности мыса и отсюда, чтобы достигнуть верхней платформы, дѣлаютъ обходъ въ нѣсколько миль. Но въ виду того, что я считалъ себя за большого мастера лазать по горамъ, то и пошелъ прямо.

«Вся западная сторона мыса была покрыта роскошною растительностію, и въ сочной зелени красовались тысячи необыкновенно красивыхъ бѣлыхъ фіалокъ, неиздававшихъ, впрочемъ, запаха, и золотоголовыхъ лютиковъ. Я сорвалъ нѣсколько цвѣтковъ, съ минуту отдохнулъ на выдающейся скалѣ, чтобы собраться съ силами, робко посмотрѣлъ внизъ на нашу лодку—она казалась величиной съ орѣховую скорлупку. Затѣмъ я полѣзъ выше, по къ моей досадѣ, подвергая себя ежеминутно опасности сломать шею или ногу, и добравшись до большой высоты, замѣтилъ, что крутые, почти отвѣсные утесы загородили мнѣ дорогу, которая къ тому же была очень скользка отъ тающаго снѣга.

«Огромная каменная глыба, вдругъ сорвавшаяся у монхъ ногъ, чуть не увлекла меня за собою въ пропасть—но, въ то время, когда глыба прыгала съ утеса на утесъ, мнѣ удалось удержаться, прислонившись къ скалѣ. Значитъ, мнѣ необходимо было возвратиться; однако же, послѣ осмотра склона, и въ другомъ мѣстѣ снова попытался взобраться на верхъ, и наконецъ, достигъ верхней платформы, хотя съ большими усиліями и трудомъ. Мнѣ говорятъ, что я первый взошелъ на Нордкапъ съ этой стороны. Во всякомъ случаѣ, я былъ очень радъ на этой обнаженной высотѣ поотдохнуть и утолить голодъ и жажду скуднымъ обѣдомъ и талымъ снѣгомъ. Два дня и двѣ ночи я не спалъ, но какъ-же думать объ утомленіи въ такой изумительно романтической мѣстности?

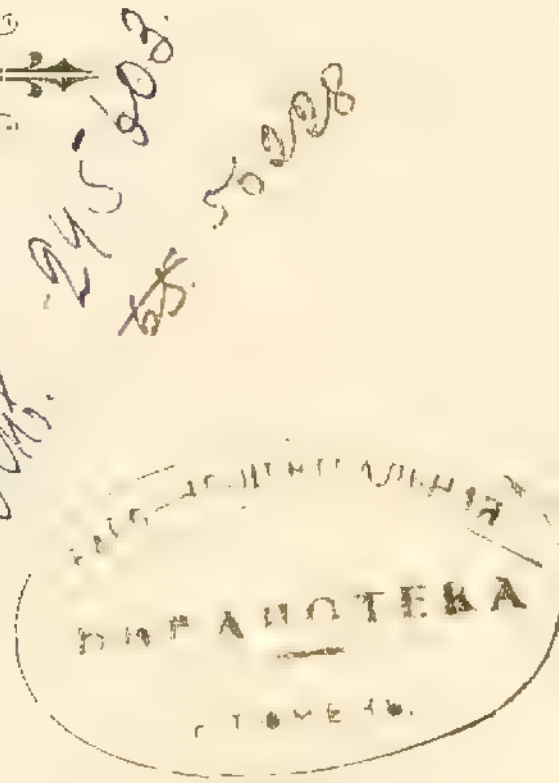
«Я дошелъ до окопечности платформы. Она вся покрыта мелкими каменьями и обломками грубаго, бѣлаго мрамора; между каменьями мѣстами росли большими обществами прекрасные пурпуровые цвѣты (blocop)—это единственное растеніе, встрѣчающееся на такой высотѣ. Я прошелся далѣе и перешелъ черезъ ручей совершенно прозрачной и вкусной воды, которая струилась по небольшому углубленію.

«Такъ я достигъ цѣли своей экскурсіи. Мысъ образуетъ въ своей оконечности полукругъ, но самая сѣверная часть его удлиняется въ примѣтный острый уголъ. Всего нѣсколько локтей отступя отъ крайней точки мыса возвышается какой-то длинный шестъ, укрѣпленный внизу грудою камней. По всей вѣроятности, это ничто иное, какъ вѣха какого-нибудь землемѣра.

«Трудно было бы описать тѣ чувства, которыми я преисполнился, когда подошелъ къ краю этой пропасти. Одно только могу сказать,—что, простоявъ тутъ нѣсколько минутъ съ скрещенными на груди руками, съ сильно бьющимся сердцемъ, я вдругъ опустился

на колѣна и горячо возблагодарилъ Создателя за осуществленіе нѣжно любимой мечты моей далекой юности. И ничуть не страдая отъ холоднаго вѣтра, я сѣлъ у вѣхи, завернувшись въ свой дорожный плащъ, и долго-долго любовался природою въ одной изъ наиболѣе ея величественныхъ картинъ. Ничто живое не окружало меня, и я, по истинѣ, былъ одинокъ; подо мною разстилался безграничный океанъ, на которомъ изрѣдка показывался отдаленный парусъ, а надо мною высился свѣтозарный сводъ неба, обильно усѣянный бѣлыми облачками; изъ широкихъ, кровяно-красныхъ паровъ прорывались эффектные лучи солнца. Лишь свистъ вѣтра, да замирающій жалобный крикъ отдаленной птицы изрѣдка нарушали мертвую тишину моего уединенія; единственное живое существо, мелькнувшее передо мною въ эти минуты была какая-то пчелка, съ громкимъ жужжаніемъ пролетѣвшая невдалекѣ отъ меня. Чего-же искало здѣсь трудолюбивое животное, въ этомъ уголкѣ, гдѣ по всему пространству росла лишь горсть чахлаго полузасохшаго мха на самой окраинѣ огромной зіяющей пропасти? Не безъ опасности для своей жизни я сорвалъ эту горсть мха на память.

КОНЕЦЪ.



ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Ив. Ив. Иванова.

Въ Ново-Александровскомъ рынкѣ, № 101. | Васильевскій Островъ, 5-я линія, д. № 14.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Лихачевъ Н. П. Разрядныя дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1888 г. ц. 5 р.

Лихутинъ М. Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854 и 1855 годахъ. Спб. 1863 г. ц 2 р. 50 к.

Мольеръ. Школа мужей. Ком. Спб. 1880 г. ц. 25 к.

Новицкій К. А. Сборникъ биржевыхъ узаконеній и уставовъ биржъ россійской имперіи съ пояснительными приложеніями и статьями уложенія о наказаніяхъ. Настольная книга для биржевого купечества, биржевыхъ маклеровъ, браковизиковъ, аукціонистовъ, нотаріусовъ и вообще для лицъ, имѣющихъ дѣла на биржѣ. Спб. 1877 г. ц. 2 р.

Соколовскій, П. А. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877 г., ц. 1 р. 25 к.

Терскій, М. Нотаріальный сборникъ для руководства младшихъ нотаріусовъ. Кіевъ 1877 г., ц. 1 р.

Тимошенко, П. Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875 г., ц. 1 р.

Туръ, П. О порядкѣ ликвидаціи долговъ желѣзнодорожныхъ предпріятій по иностраннымъ законамъ. Спб. 1886 г. Ц. 50 к.

— О финансовой прокуратурѣ въ Австріи и Италіи. 1886 г., ц. 40 к.

Челищевъ, П. И. Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году. Спб. 1886 г. ц. 3 р.

Юзвикевичъ, В. Земледѣльческая химія и геогнозія и физіологія растенія, и животныхъ, съ рисунками въ текстѣ. Варшава. 1881 г., ц. 2 р.

Юридическій Вѣстникъ издаваемый Н. Калачовымъ за 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 гг.,—всего 48 выпусковъ, Спб. ц. вмѣсто 14 р., 3 р.

О сушеніи фруктовъ. Сообщеніе К. А. Лишина Ц.—10 к.

Пантюховъ, И. Химическія свѣдѣнія. Неорганическія соединенія, органическія соединенія и почва. Кіевъ. 1873 г. Ц. 40 к.

Пинето. З. Новыя таблицы для быстраго вычисленія размѣра процентовъ (роста) государственныхъ займовъ, оборотовъ разныхъ кредитныхъ, акціонерныхъ и страховыхъ обществъ, и частныхъ оборотовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „срочныхъ уплатъ“ т. е. для рѣшенія такихъ задачъ, въ которыхъ, по даннымъ: капиталу, срочному платежу и числу сроковъ, требуется вычислить размѣръ процентовъ роста. Практическая часть и теоретическая часть. Спб. 1872 г. Ц. 4 р. 50 к.

Писцовыя книги XVI вѣка. Изд. Императорскаго русскаго географическаго общества подъ редакціею дѣйствительнаго члена Н. В. Калачова, отд. 2-е мѣстности губерній: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

— Московской, Владимірской и Костромской. Спб. 1872 г. Ц. 2 р.

Полицейскія постановленія иностранныхъ государствъ Франціи, Пруссіи, Австріи, Саксоніи и Ирландіи. 3 т. Спб. 1866 г. Ц. 1 р.

Польота, Г. Проф. Ветеринарная формакологія съ общей терапіей и рецептурой. 3 в. Харьк. 1880 г. Ц. 2 р.

Практическое рыбоводство (по Гааку), подъ редакціей и съ примѣчаніями О. А. Гримма, съ приложен. статьи „Естественно историческія свѣдѣнія о рыбахъ Европейской Россіи" К. О. Кесслера. Спб. 1874 г. Ц. 75 к.

Программа для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ. Изд. 2-е. Спб. 1879 г. Ц. 40 к.

Пушкинъ, Вас. Льв. и Веневитиновъ, Д. В. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1855 г. Ц. 1 р.

Сафоновъ, А. П Историческій очеркъ жизни и царствованія Императора Александра II. Спб. 1886 г. (съ приложеніемъ портрета, исполненнаго красками Императора Александра II.) Ц. 75 к.

Спорный, І. Асфальтъ и битумы и техническое ихъ примѣненіе. Настольная книга для гг. инженеровъ, архитекторовъ и домовладѣльцевъ. Изд. 2-е. Спб. 1872 г. Ц. вмѣсто 2 р.—1 р.

Стрѣльцовъ, Е. Изъ 25-ти-лѣтней практики сельскаго учителя. Воспоминанія, очерки и замѣтки. Ч. І. Сельская школа 1849—1864. Спб. 1875 г. Ц 75 к.

Субботинъ А. П. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, съ предисловіемъ кн. А. П. Васильчикова. Спб. 1880 г. Ц. 80 к.

Театральные типы. Воспоминанія режиссера (Театралъ). Спб. 1889 г., ц. 1 р. 50 к.

Зео. Три соперницы. Романъ въ 2-хъ частяхъ Одесса. 1890 г., ц. 1 р. 50 к.
— Изъ жизни. Одесса. 1891 г., ц. 1 р.
— Сказки. Одесса. 1891 г., ц. 50 к.

Гольдшмитъ М. Разсказы о любви. Переводъ съ датскаго Г. А. Любомирова. М. 1889 г., ц. 1 р.

Погодинъ А. Какъ живется червонорусамъ. Быль, разсказанная Циневичемъ, Спб. 1890 г., ц. 30 к.

К. А—лъ псевдонимъ. Валяй прямо. Искорки и блестки Желѣзнодорожная сказка. Спб. 1890 г., ц. 1 р.

Безантъ, В. Проницатель. Романъ. Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889 г., ц. 75 к.
— Въ царствѣ разумнаго. Романъ. Спб. 1889 г., ц. 75 к.

Муррей Э. Х. Лондонцы. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1889 г., ц. 50 к.

Костенко Л. Ѳ. Путешествіе въ сѣв. Африку. Съ 22 рисунками исполненными Н. Каразинымъ. Изд. второе. Спб. 1880 г., ц. 2 р.

Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, изданы Археографическою комиссіею подъ редакціею члена комиссіи Н. Калачева. Т. І. Выборы, выписи, грамоты, данныя, доклады, допросы, досмотры, доѣзды, духовныя дѣла, дѣльныя записки, записи, извѣты. Спб. 1857 г., Т. ІІ. Кабалы, книги, купчія, межевыя, мировыя, мѣновыя, наемныя, наказы, оброчныя, отводныя, откупныя, отписи, отписки, отписныя, отпускныя, отерочныя, памяти, писанія, письма, платежныя, подорожныя, подписи, подписки, подрядныя, поручныя. Спб. 1864 г. Т. ІІІ. Поступныя, посыльныя, приговоры, приказы, промытныя, протропъ, проѣзжія, разборъ, разводныя, раздѣльныя, разрубники, разъѣзды, росписки, росписи, распросныя рѣчи, рядныя, сговорныя, сдѣлочныя, сказки, смѣты, списки, срочная, ссудная, ставка очная, ставленныя, статейныя списки, указы, цѣновныя, челобитныя, явки. Спб. 1884 г., ц. 6 р.

Араповъ, П. Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861 г., ц. 3 р.

Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачевымъ, за 1859 г., 1860 и 1861 г. вмѣсто 18 руб. 5 руб.

Барсовъ, Н. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи: 1) Географическій словарь русской земли (IX—XIV ст.) Вильна. 1865 г., ц. 1 р. 50 коп.

Бенебе, Ф. Э. Д-ръ. Руководство къ воспитанію и ученію ч. І. Руководство къ воспитанію. Изд. 2-е. Спб., 1875 г., ц. 2 р. 50 к.

Беренсъ, В. Элементарный курсъ исчисленія безконечно-малыхъ. Ч. І. Введеніе. Изд. 2-е. Спб. 1984 г., ц. 2 р. 50 к.

Блокъ, М. Сравнительное обозрѣніе силъ и богатства Европейскихъ государствъ, съ отдѣльнымъ атласомъ изъ 13 хромолит. картъ и съ 29 табл. въ текстѣ. Спб. 1867 г., ц. 2 руб. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1896 года.